ТЕМНЫЙ ЛЕС

Лю Цысинь

«"Темный лес" предлагает человечеству испытание длиной в 400 лет».

The Denver Post

fanzon

Темный лес
Лю Цысинь

Аннотация
Лю Цысинь. Темный лес
Об авторе
Отзывы о книге
Предисловие переводчика на русский язык
Действующие лица
Пролог
Часть I. Отвернувшиеся
Часть II. Заклинание
Часть III. Темный лес

Аннотация

Трисолярианский кризис продолжается. У землян есть 400 лет, чтобы предотвратить инопланетное вторжение. Но угроза полного уничтожения, вопреки ожиданиям, не объединяет человечество. Сверхдержавы отстаивают свои интересы, космические флоты, становясь независимой политической силой, вовсе теряют связь с Землей. Тотальный контроль над научно-техническими разработками со стороны чужой цивилизации, во много раз превосходящей нашу в развитии, не оставляет людям шанса на победу. Исход войны решат проекты «Отвернувшихся» — лучших мыслителей планеты.

Продолжение трилогии «В память о прошлом Земли» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня удостоилось положительных отзывов критиков и вошло в рейтинги лучших НФ-романов последних лет.

Лю Цысинь. Темный лес

Об авторе

Лю Цысинь — самый популярный из писателей-фантастов Китайской Народной Республики. Лю восемь раз удостаивался премии «Галактика» (китайский «Хьюго»). Роман «Задача трех тел» удостоился премий «Небьюла» и «Хьюго».

Писатель родился 23 июня 1963 года в семье шахтера в Янцюане, провинция Шаньси. Спасаясь от последствий «культурной революции», родители перевезли его в Хэнань. В 1988 году Лю окончил Северо-Китайский университет водного хозяйства и электроэнергетики. Работал инженером на электростанции в Янцюане, где проживает поныне с женой и дочерью.

Отзывы о книге

«Темный лес» предлагает человечеству испытание длиной в 400 лет».

The Dever Post

«Сила Лю как писателя — сплав богатого воображения с поразительным детальным повествованием».

The Washington Post

«Темный лес» во всех смыслах лучше «Задачи трех тел» — а «Задача трех тел» была удивительной.

Booklist

«Книги Лю Цысиня интересны тем, кто хочет вспомнить научную фантастику старой школы, Айзека Азимова и Артура Кларка, или просто быть в курсе современных тенденций иностранной фантатсической литературы».

Geektimes

Предисловие переводчика на русский язык

Как и первая книга трилогии, этот роман переведен на русский с издания на английском. Когда работавшие над книгой сомневались в точности английского перевода, на помощь приходил Альберт Крисской — специалист-китаевед, свободно читающий по-китайски, человек, помогавший нам в работе над всей трилогией. С его помощью удалось восстановить важный фрагмент текста оригинала, опущенный в английском переводе, и исправить несколько других ошибок.

В романе довольно много научно-технической терминологии. Для удобства читателей специальные термины поясняются сносками. В тексте упоминаются и различные события китайской истории, от сотворения мира (миф о Пань-гу) до наших дней. Они также разъясняются в сносках и в ссылках на ресурсы Интернета. Некоторые сноски принадлежат переводчику с китайского на английский, Джоэлу Мартинсену. Они помечены как «прим. Дж. М.». Остальные принадлежат переводчику на русский язык.

Перевод этого романа был бы невозможен без помощи и поддержки со стороны Ольги Глушковой, Андрея Сергеева и Аэлиты Тимошенко. На их долю пришлось больше половины работы. Очень помогли советы хорошо знающего Китай Альберта Крисского.

Всем большое спасибо!

Дмитрий Накамура

Действующие лица

Организации

ОЗТ, Общество «Земля — Трисолярис».
СОП, Совет обороны планеты.
ККФ, Конгресс космических флотов.

Люди

В китайских именах первой идет фамилия.

Ло Цзи, астроном и социолог.
Е Вэньцзе, астрофизик.
Майк Эванс, финансист и фактический руководитель ОЗТ.
У Юэ, капитан ВМФ Китая.
Чжан Бэйхай, политкомиссар ВМФ Китая, офицер космических сил.
Чан Вэйсы, генерал армии Китая, командующий космическими силами.
Джордж Фицрой, генерал армии США, координатор Совета обороны планеты, военный советник проекта «Хаббл II».
Альберт Ринье, астроном, работающий с «Хаббом II».

Чжан Юаньчао, недавно вышедший на пенсию рабочий химического завода в Пекине.

Ян Цзиньвэнь, вышедший на пенсию пекинский школьный учитель.

Мяо Фуцюань, владелец угольных шахт в провинции Шаньси, сосед Чжана и Яна.

Ши Цян, сотрудник отдела безопасности СОП по прозвищу Да Ши.

Ши Сяомин, сын Ши Цяна.

Кент, сотрудник ООН по связи с СОП.

Сэй, Генеральный секретарь ООН.

Фредерик Тайлер, бывший министр обороны США.

Мануэль Рей Диас, бывший президент Венесуэлы.

Билл Хайнс, британский нейрофизиолог, бывший президент Евросоюза.

Кейко Ямасуки, нейрофизиолог, жена Хайнса.

Гаранин, действующий председатель СОП.

Дин И, физик-теоретик.

Чжуан Янь, выпускница Центральной академии изящных искусств.

Бен Джонатан, особый уполномоченный Конгресса космических флотов.

Дунфан Яньсюй, капитан корабля «Естественный отбор».

Майор Сицзы, офицер-исследователь корабля «Квант».

Пролог

Маленький коричневый муравей уже позабыл о своем доме. Для погружающейся в сумрак земли, для звезд, возникающих в небе, прошло совсем немного времени — но для муравья пронеслись тысячелетия. Когда-то очень давно его мир перевернули вверх тормашками. Почва вдруг взмыла в небо, оставив вместо себя широкую и глубокую пропасть, а затем вновь обрушилась, заполняя ее. На краю перекопанной земли возвышалось одинокое черное образование. Такое часто случалось в этом огромном мире: почва исчезала и возвращалась; пропасти возникали и засыпались; вырастали каменные монолиты — как видимые свидетельства катастрофических перемен. Под лучами заходящего солнца муравей и сотни его соплеменников унесли выжившую царицу, чтобы основать новую империю. Сюда, на старое место, он забрел случайно: в поисках пищи.

Муравей подобрался к подножию монолита, ощущая антеннами его давящее присутствие. Поверхность была твердой и скользкой, но все же по ней можно было взобраться. Муравей пополз

вверх, движимый не какой-то определенной целью, а лишь случайными процессами в его несложной нейронной сети. Такие процессы шли везде: в каждой травинке, в каждой капле росы на листе, в каждом облаке в небе и в каждой звезде. У этого беспорядочного движения атомов не было никакой цели; потребовалось целое море случайного шума, чтобы цель зародилась.

Муравей почувствовал дрожание земли; оно усиливалось, и муравей понял, что приближается какое-то гигантское существо. Он продолжил подъем, не обращая на это внимания. Подножие монолита затягивала паутина. Муравей был настороже. Он осторожно обогнул висящие липкие волокна и прошел мимо паука, который замер в ожидании, положив лапы на паутинки, чтобы вовремя почувствовать добычу. Оба знали о присутствии друг друга, но не общались — и так неизменно в течение тысячелетий.

Дрожь дошла до максимума и прекратилась. Гигант остановился возле каменного образования. Намного выше муравья, он закрывал собой б`ольшую часть неба. Муравей был знаком с подобными существами. Он знал, что они живые, часто бывают в этой местности и их действия тесно связаны с пропастями и каменными глыбами.

Муравей продолжал подъем, зная, что за редким исключением существа не представляли опасности. Далеко внизу паук как раз столкнулся с одним таким исключением, когда существо, по-видимому, заметило его паутину, растянутую между каменным образованием и землей. Существо держало в одной руке букет; стеблями цветов оно смахнуло в бурьян и паука, и его паутину. Затем существо аккуратно положило букет перед монолитом.

После этого новая вибрация земли, слабая, но усиливающаяся, поведала муравью, что второе живое существо, подобное первому, приближается к каменному образованию. В этот момент муравей обнаружил длинное углубление в поверхности камня — почти белое, с более грубой поверхностью. Муравей повернул туда, чтобы было легче ползти. Оба конца углубления оканчивались канавками покороче и потоньше; из горизонтального основания шла главная колея, а верхняя канавка отходила под углом. Когда муравей добрался до гладкой черной поверхности, он понял форму этих углублений:

1

Рост существа перед монолитом внезапно вдвое

уменьшился, сравнявшись с высотой каменного объекта. По-видимому, оно встало на колени. Показался клочок темно-синего неба с разгорающимися звездами. Глаза существа обратились к вершине камня; муравей застыл на мгновение, раздумывая, появляться ли в поле его зрения. Решил, что не стоит, и повернул параллельно земле. Быстро достиг следующего углубления и замедлил ход, наслаждаясь путешествием. Цвет этой канавки напомнил ему о цвете яиц, окружавших царицу семьи. Без колебаний муравей пополз по этому углублению вниз. Через некоторое время выяснилось, что путь изгибается более сложным образом, образуя кривую под окружностью. Это напомнило муравью о том, как он искал дорогу домой по запаху. В его мозгу отложилась фигура:

9

Существо, стоящее на коленях перед монолитом, издало набор звуков, которые муравей был неспособен понять:

— Какое счастье быть живым... Если не понимать этого, то как же можно задумываться о чем-то более сложном?

Существо издало еще один звук, подобный шелесту ветра в траве — вздох, и встало с колен.

Муравей продолжал ползти параллельно земле и обнаружил третье углубление. Оно было почти вертикальным, пока не повернуло вот так:

7

Эта фигура муравью не понравилась. Крутой, неожиданный поворот зачастую предвещает опасность или сражение.

Голос первого существа заглушил дрожь земли. Муравей только сейчас понял, что второе существо уже стоит возле каменного объекта. Оно было невысоким и более хрупким, с седыми волосами, которые развевались на ветру и поблескивали серебром на темно-синем фоне неба.

Первое существо обернулось и поприветствовало второе:

— Доктор Е, не так ли?

— А вы... Сяо[1] Ло?

— Ло Цзи. Я учился в школе с Ян Дун. Почему вы... здесь?

— Тут спокойно и легко добраться на автобусе. В последнее время я довольно часто прихожу

[1] Примечания: 1

Сяо — это уменьшительное обращение, означающее *маленький* или *юный.* Используется перед фамилией, когда обращаются к детям или взрослым, которым хотят показать свое расположение. (*Прим. перев.*)

сюда погулять.

— Примите мои соболезнования, доктор Е.

— Прошлого не воротишь...

В самом низу монолита муравей хотел повернуть вверх, но обнаружил впереди другую канавку, точно такую же, как «9», по которой он добрался до «7». Муравей продолжил свой путь горизонтально, через «9», которая ему понравилась больше, чем «7» и «1», хоть он и не мог точно сказать почему. Его чувство прекрасного было весьма примитивно. Проползая через «9», он ощущал невнятное удовольствие — некое одноклеточное счастье. Чувства эстетики и удовольствия у муравьев не развиваются с течением времени — какими они были сто миллионов лет назад, такими же останутся и еще через сто миллионов лет.

— Сяо Ло, Дундун часто упоминала вас. Она говорила, что вы занимаетесь... астрономией?

— Это было давно. Теперь я преподаю социологию в колледже. В вашем, кстати, хоть вы уже отошли от дел, когда я приступил к работе.

— Социология? Это крутая перемена.

— Пожалуй. Ян Дун всегда утверждала, что я не создан для работы над чем-то одним.

— Она не шутила, когда говорила, что вы ум-

ны.

— Я всего лишь способный. До уровня вашей дочери недотягиваю. Просто я почувствовал, что астрономия — наука тяжелая, неподатливая, как слиток металла. Социология же как деревяшка; где-нибудь всегда найдется слабое место, чтобы проковырять для себя дырку. Работать в области социологии легче.

В надежде найти еще одно «9» муравей продолжал ползти горизонтально. Однако следующая канавка, которую он нашел, была простой линией, такой же, как и самая первая, только длиннее, чем «1», лежала на боку и не имела маленьких канавок на концах:

—

— Не говорите так о себе. Это жизнь обычных людей. Не всем дано быть такими, как Дундун.

— Но я и вправду неамбициозен. Плыву себе по течению...

— Тогда я могу кое-что предложить. Почему бы вам не изучать космическую социологию?

— Космическую социологию?

— Это случайно пришедшее в голову название. Предположим, что во Вселенной имеется множество цивилизаций. Столько же, сколько и

звезд. Очень много. Из этих цивилизаций состоит космическое общество. Космическая социология — это наука о природе такого сверхобщества.

Муравей уполз не далеко. Он надеялся, что, выбравшись из «—», найдет приятную взору «9». Но вместо того обнаружил «2» — с приятной кривой, оканчивающейся, однако, столь же пугающим, сулящим неопределенное будущее острым углом, как и «7». Муравей пополз дальше, к следующей канавке, которая оказалась замкнутым кольцом: «0». Эта фигура была частью «9», но представляла собой ловушку. Жизнь нуждается не только в гладком пути, но и в направлении — нельзя постоянно возвращаться к исходной точке. Это муравей понимал. Впереди были еще два углубления, но муравей потерял интерес. Он вновь устремился наверх.

— Но... мы пока знаем только об одной цивилизации — нашей собственной.

— Вот поэтому никто еще такой науки не придумал. Это ваш шанс.

— Очень интересно, доктор Е. Продолжайте, пожалуйста.

— Я полагаю, что эта наука может объединить обе ваши специальности. Математическая структура космической социологии проще, чем

человеческой.

— Почему вы так думаете?

Е Вэньцзе указала на небо. На западе догорали последние лучи заката. Звезд было так немного, что их все можно было пересчитать по пальцам. Нетрудно было вспомнить, как выглядел мир лишь мгновение назад: бескрайний простор, а над ним — голубая пустота, лицо без зрачков, как у мраморной статуи. Зато теперь, хоть звезд светилось всего ничего, в гигантских глазах загорелись зрачки. Пустота заполнилась, и Вселенная стала зрячей. Звезды были маленькими серебристыми точками, которые намекали на какое-то беспокойство их создателя. Космический скульптор чувствовал необходимость разбросать зрачки по Вселенной, но в то же время ужасно боялся дать ей зрение. Маленькие звездочки, рассеянные по огромному пространству, были компромиссом между желанием и страхом — но прежде всего проявлением осторожности.

— Вы видите, что звезды — это точки? Хаос и случай влияют на устройство любого цивилизованного общества во Вселенной. Но дистанция размывает их влияние. Поэтому такие удаленные цивилизации можно рассматривать как точки отсчета, к которым относительно несложно при-

менить математические методы анализа.

— Но ведь в вашей космической социологии нечего изучать, доктор Е. Ни опросы, ни эксперименты невозможны.

— Разумеется, результат ваших исследований будет чисто теоретическим. Начните с нескольких простых аксиом, как в эвклидовой геометрии, а затем выведите из них всю теорию.

— Весьма любопытно. Но какими, по вашему мнению, могли бы быть такие аксиомы?

— Аксиома первая: выживание является основной потребностью цивилизации. Аксиома вторая: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

Муравей прополз немного и заметил, что наверху есть еще много углублений, образующих сложный лабиринт. Муравей мог ощущать форму и был уверен в своей способности разобраться с ними. Но из-за ограниченной памяти он был вынужден забыть те фигуры, через которые прополз раньше. Он не сожалел, что забыл «9»: потеря знаний была частью его жизни. Ему нужно было постоянно хранить лишь несколько воспоминаний; они были закодированы в его генах, в той области памяти, которую мы называем ин-

стинктом.

Очистив память, муравей заполз в лабиринт. Сделав несколько поворотов, он своим нехитрым разумом определил еще одну фигуру: китайский иероглиф «му», означающий «могила» — хотя муравей не знал ни иероглифа, ни его смысла. Выше находился еще один набор углублений, на этот раз попроще. Но, чтобы продолжить исследования, муравей был вынужден забыть «му». Он попал в великолепную канавку, своей формой напомнившую ему брюшко мертвого кузнечика, которого он не так давно нашел. Канавка вскоре приняла форму иероглифа «чжи» — притяжательного местоимения. Выше муравей нашел еще две бороздки. Первая, в форме двух каплевидных углублений и брюшка кузнечика, являлась иероглифом «дун», который означал «зима». Верхняя бороздка состояла из двух частей; вместе они были иероглифом «ян», означавшим «тополь». Это была последняя фигура, которую муравей запомнил, и единственная, которую он удержал в памяти. Все обнаруженные ранее интересные фигуры были забыты.

— Эти две аксиомы хорошо продуманы с точки зрения социолога... Но вы выдали их мне так быстро, как будто давно уже их подготовили,

— удивился Ло Цзи.

— Я раздумывала над этим б`ольшую часть своей жизни, но до сих пор никогда ни с кем не обсуждала. Не знаю почему... И еще: чтобы из этих двух аксиом вывести базовую модель космической социологии, вам потребуются две важные концепции: цепочки подозрений и технологический взрыв.

— Любопытные термины. Вы можете их пояснить?

Е Вэньцзе взглянула на часы.

— У меня мало времени. Но вы достаточно сообразительны, все поймете сами. Сделайте эти две аксиомы отправной точкой вашей науки, и вы сможете стать Эвклидом космической социологии.

— Я не Эвклид. Но я запомню ваши слова и попробую. Однако мне может понадобиться ваш совет.

— Боюсь, такой возможности не представится... Впрочем, вы можете забыть все, что я сказала. В любом случае, я сделала то, что должна была сделать. Мне пора, Сяо Ло.

— До свидания, профессор.

Е Вэньцзе растворилась в сумерках, торопясь на последнее собрание соратников.

Муравей продолжил подъем и достиг круглой выемки на поверхности камня. На ее плоскости располагалось сложное изображение. Муравей знал, что оно не поместится в его маленьком мозгу. Но, определив форму изображения в целом, его примитивное чувство прекрасного возликовало так же сильно, как и при виде фигуры «9». Каким-то образом муравей узнал часть изображения — это была пара глаз. Муравей умел распознавать глаза, поскольку пристальный взгляд означал опасность. Но сейчас он не беспокоился, потому что в этих глазах не было жизни. Он уже забыл, что смотрел в глаза, когда гигант Ло Цзи стоял на коленях перед камнем. Муравей выбрался из выемки на самый верх каменного образования. Он не чувствовал высоты, поскольку не боялся упасть. Его без вреда сдувало и с б`ольших высот. А красоту высоты не ощутить без страха падения.

У основания монолита паук, которого Ло Цзи смахнул букетом, уже начал плести новую паутину. Он прикреплял блестящую ниточку к камню и спускался на ней до земли, раскачиваясь, как маятник. Еще три раза — и основа сети будет готова. Можно было порвать паутину десять тысяч раз — паук восстановит ее, не испытывая ни раздражения, ни счастья... раз за разом в течение

ста миллионов лет.

Ло Цзи постоял в молчании, а затем удалился. Когда земля прекратила трястись, муравей сполз с каменного образования. Ему нужно было торопиться в муравейник и доложить о находке мертвого жука. Звезды заполнили собой все небо. Когда муравей разминулся с пауком у основания камня, оба почувствовали присутствие другого, но не подали виду.

Далекий мир затаил дыхание, прислушиваясь. Ни муравей, ни паук не осознавали того, что лишь они двое из всех живущих на Земле стали свидетелями рождения новой науки.

* * *

Незадолго до описываемых событий, глубокой ночью Майк Эванс стоял на носу «Дня гнева», а Тихий океан расстилался вокруг, словно атласное полотно под небесами. Эванс любил беседовать в это время с далеким миром, поскольку текст, проецируемый софонами на сетчатку его глаз, великолепно выделялся на фоне ночного моря и темного неба.

Это наш двадцать второй разговор в реальном времени. У нас возникли некоторые трудности в общении.

— Да, Господь мой. Я так понимаю, что значительная часть справочных материалов по человечеству, которые мы тебе послали, вызывает у тебя недоумение?

Верно. Вы очень понятно объяснили нам каждую мелочь, но у нас не складывается цельная картина. Мы что-то упускаем.

— Лишь что-то одно?

Да. Иногда нам кажется, что в вашем мире чего-то не хватает; а иногда кажется, что в нем есть что-то лишнее, — и мы не знаем, что это.

— Что именно тебе непонятно?

Мы тщательно изучили ваши документы и обнаружили, что ключ к пониманию проблемы лежит в паре синонимов.

— Синонимов?

В ваших языках много синонимов — полных и неполных. В самом первом языке, который мы получили от вас — китайском, есть слова, которые означают одно и то же: «холод» и «прохлада», «тяжелый» и «увесистый», «длинный» и «долгий».

— Какая именно пара синонимов осложняет твое понимание?

«Думать» и «говорить». Мы только что осознали, к нашему удивлению, что они не синонимы.

— Они вовсе не синонимы!

В нашем понимании, они должны ими быть. «Думать» означает использовать мыслительные органы для размышлений. «Говорить» означает передавать содержимое мыслей другому. Последнее в вашем мире делается посредством вибраций воздуха, производимых голосовыми связками. Наши определения верны?

— Да. Но разве это не демонстрирует, что «думать» и «говорить» не синонимы?

Как мы понимаем, это показывает, что они синонимы.

— Позволь, я немного поразмыслю об этом.

Хорошо. Нам обоим надо подумать над этим.

Две минуты Эванс смотрел на бегущие под звездами волны и размышлял.

— Господь, какие части тела вы используете для общения?

У нас нет частей тела для общения. Наш мозг излучает мысли в окружающую среду, осуществляя передачу информации.

— Излучает мысли? Каким образом?

Мыслительные процессы в нашем мозгу создают электромагнитные волны всех частот, включая видимый для нас свет. Мы можем видеть такие волны на значительном расстоянии.

— Получается, для вас думать и говорить — одно и то же?

Потому эти слова и являются синонимами.

— Вот как... У нас это делается иначе. Но даже это различие не должно мешать тебе понимать наши документы.

Верно. Мы с тобой не так уж отличаемся в области мышления и обмена информацией. И у тебя, и у меня есть мозг, и в этом мозге имеется достаточное количество нервных связей, чтобы быть существом разумным. Разница в том, что мой мозг создает более сильные волны, а мозг моего собеседника их воспринимает. Другие органы общения нам не нужны. Это единственное, что отличает меня от тебя.

— Нет. Я подозреваю, что ты не видишь еще одного существенного различия. Господь мой, позволь мне подумать еще.

Хорошо.

Эванс ушел с носа и стал прогуливаться по палубе. За бортом беззвучно поднимались и опускались волны Тихого океана. Он представил себе океан как мыслящий мозг.

— Господь, позволь мне рассказать одну историю. Чтобы ее понять, нужно знать следующие понятия: волк, ребенок, бабушка и дом в лесу.

Все эти понятия мне известны, за исключением слова «бабушка». Я знаю, что это степень кровного родства у людей и что этот термин обычно означает пожилую женщину. Но чтобы уяснить себе точное значение этого слова, нужны дополнительные сведения.

— Господь, это неважно. Достаточно знать, что она и дети являются близкими родственниками. Дети доверяют только ей.

Понятно.

— Я упрощу рассказ. Бабушке нужно было куда-то пойти, и она оставила детей в доме. Она наказала им держать дверь запертой и никому, кроме нее, не открывать. По дороге бабушка встретилась с волком. Волк ее съел, надел ее одежду и стал похож на бабушку. Затем волк направился к дому, подошел к двери и сказал детям: «Я ваша бабушка, я вернулась. Откройте мне дверь». Дети посмотрели в щелку, увидели кого-то, похожего на бабушку, и открыли дверь. Волк вошел внутрь и съел детей. Господь, тебе понятна эта сказка?

Никоим образом.

— В таком случае я, похоже, угадал.

Прежде всего волк хотел попасть в дом и съесть детей, так?

— Так.

Волк приступил к общению с детьми, верно?

— Верно.

Вот этого я и не понимаю. Ведь чтобы осуществить свое намерение, волк не должен был разговаривать с детьми.

— Почему?

Разве это не очевидно? Если бы они разговаривали, то дети узнали бы, что волк хочет проникнуть в дом и съесть их. Тогда они не открыли бы дверь.

Эванс некоторое время хранил молчание. Наконец он произнес:

— Я понял, Господь. Теперь я понял.

Что именно ты понял? Разве мои рассуждения не очевидны?

— Твои мысли видны всем окружающим. Ты не можешь их скрыть.

Как можно скрыть мысли? Твои идеи сбивают меня с толку.

— Я имею в виду, что твои мысли и воспоминания ясно видны внешнему наблюдателю, словно книга, выставленная на публичное обозрение, или кино, которое показывают на площади, или как рыбки в прозрачном аквариуме. Видны полностью. Их легко прочесть с одного взгляда.

Ну, может быть, кое-какие из тех слов, что я употребил...

Эти слова мне известны. Но разве все это не естественно?

Эванс снова немного помолчал.

— Вот, значит, как... Господь, когда ты разговариваешь с другими, все, что ты произносишь, является правдой. Ты не можешь хитрить или обманывать; ты не пользуешься сложным, стратегическим мышлением.

Мы можем общаться на значительном расстоянии, а не только лицом к лицу. Слова «хитрить» и «обманывать» относятся к тем, которые нам не удается понять.

— Каким же должно быть общество, если мысли видны всем? Какая разовьется культура? Какой будет политика? При том, что нет ни притворства, ни интриг?!

Что такое «притворство» и «интриги»?

Эванс не ответил.

Человеческие органы общения — это дефект эволюции, вынужденная компенсация за то, что ваш мозг неспособен излучать достаточно сильные волны. Это одна из ваших биологических слабостей. Прямая передача мыслей — намного лучший, гораздо более эффективный метод

общения.

— Дефект? Слабость? Нет, Господь, ты ошибаешься. На этот раз ты совершенно не прав.

В самом деле? Дай мне подумать. Как жаль, что ты не можешь видеть мои мысли.

На этот раз пауза была длиннее. Прошло двадцать минут, а новых сообщений все не было. Эванс прошелся от носа до кормы, посматривая на косяк рыб, выпрыгивавших навстречу звездам и оставлявших серебристые дуги на поверхности океана. Несколько лет назад Эванс провел некоторое время на борту рыболовного траулера в Южно-Китайском море, изучая влияние чрезмерного отлова рыбы на прибрежную жизнь. Рыбаки тогда называли прохождение косяка летучих рыб «маршем солдат-драконов». Эвансу оно казалось текстом, проецируемым на глаз океана. Затем перед его собственными глазами появился текст:

Ты прав. Пересматривая документы, я понимаю их немного лучше.

— Господь, понадобится приложить немало усилий, прежде чем ты полностью поймешь человечество. Я опасаюсь, что это тебе никогда не удастся.

Дела человечества и в самом деле сложны. Сейчас я знаю лишь, почему не понимал их ранее.

Ты прав.

— Господь, ты нуждаешься в нас.

Я вас боюсь.

Разговор закончился. Это было последнее сообщение с Трисоляриса, полученное Эвансом. Он стоял на корме и смотрел на снежно-белую надстройку «Дня гнева», исчезающую в ночном тумане, словно уходящее время.

Часть I. Отвернувшиеся

Третий год эры Кризиса. Расстояние между флотом Трисоляриса и Солнечной системой: 4,21 светового года

«Он выглядит таким старым...»

Это была первая мысль У Юэ при взгляде на «Тан». Массивный корабль все еще строили, и он был залит светом электросварки. Конечно, это впечатление было всего лишь результатом бесчисленных мелких пятен TIG-сварки на легированной стали плит обшивки. Он попытался представить себе — впрочем, безуспешно, — каким крепким и новым будет выглядеть «Тан» под слоем свежей шаровой краски.

Только что завершился четвертый цикл учений. На протяжении двух месяцев командиры «Тана» У Юэ и стоявший рядом с ним Чжан Бэйхай играли неуютную роль. Строи эсминцев, подводных лодок и кораблей снабжения управлялись командирами их боевых групп. Но «Тан» все еще строился в доке, так что позиция авианосца была либо занята учебным судном «Чжэн Хэ», либо просто пустовала. Во время учебных занятий У

Юэ часто устремлял взор на пустой рейд. Поверхность моря была пересечена многочисленными кильватерными струями и беспокойно волновалась в такт переменам настроения капитана. «Будет ли когда-нибудь корабль на этой стоянке?» — не раз спрашивал он себя.

Глядя на незавершенный «Тан», он видел не просто судно, но течение самого времени. Корабль походил на гигантскую древнюю крепость: борта — это каменные стены; каскады искр сварки, льющиеся со строительных лесов, — это плющ, пробившийся между камнями... Не строительство, а археологические раскопки какие-то...

Опасаясь даже думать об этом, У Юэ повернулся к Чжан Бэйхаю.

— Твоему отцу лучше? — спросил он.

Чжан Бэйхай слегка покачал головой.

— Нет. Он просто держится.

— Попроси отпуск.

— Я так и поступил, когда его госпитализировали. Если нужно будет, возьму еще.

Они замолчали. Так заканчивался любой неформальный разговор между ними. По работе, конечно, у них было о чем поговорить, но между двумя командирами всегда как бы стоял барьер.

— Бэйхай, работа будет не такой, как прежде.

Раз уж мы сейчас разделяем эту должность, мне кажется, что нам надо бы общаться больше.

— Мы и раньше неплохо общались. Командование назначило нас обоих на «Тан», без сомнения, потому, что мы успешно сотрудничали на «Чанъане».

Чжан Бэйхай засмеялся, но У Юэ не понял причины смеха. Глаза Чжан Бэйхая могли читать в душе любого человека на корабле, от матроса до капитана. Коллега был для него открытой книгой. Но для самого У Юэ Чжан Бэйхай представлял собой загадку. Вот и сейчас У Юэ был уверен, что тот улыбается искренне, но не надеялся его понять. Успешное сотрудничество и успешное понимание — вещи разные. Несомненно, Чжан Бэйхай был самым опытным политическим комиссаром на корабле; к любой проблеме он подходил аккуратно, детально и непредвзято. Но его внутренний мир представлялся У Юэ каким-то бездонно-серым. Ему всегда казалось, будто Чжан Бэйхай говорит: «Делай вот так. Это наилучший, самый правильный способ. Но я предпочел бы другой». Это ощущение, поначалу неясное, постепенно становилось все отчетливее. Разумеется, все, что делал Чжан Бэйхай, он делал наилучшим или самым правильным образом,

но У Юэ не представлял, чего же именно Чжан Бэйхай хотел на самом деле.

У Юэ верил в одну истину: работа командира корабля опасна, и поэтому оба командира должны понимать друг друга без слов. Тут-то и крылась проблема. Поначалу У Юэ думал, что Чжан Бэйхай как бы постоянно настороже, и это его обижало. Будучи командиром эсминца — а эта должность не для слабонервных, — У Юэ вел себя честно и бесхитростно. Да другого столь прямодушного капитана во всем флоте не найти!

«Чего он во мне опасается?»

Когда отец Чжан Бэйхая недолгое время был их командиром, У Юэ обсуждал с ним свои трудности общения с комиссаром.

— Разве мало того, что он хорошо справляется с работой? Почему вам нужно знать, о чем он думает? — спокойно ответил адмирал, а потом, скорее всего, невольно, добавил: — Собственно, я и сам этого не знаю.

— Давайте подойдем поближе, — предложил Чжан Бэйхай, указывая на «Тан». Но вдруг у обоих одновременно запищали телефоны: пришло сообщение, отзывавшее их к автомобилю. Это обычно означало экстренную ситуацию, поскольку в машине стояло оборудование защищенной

связи. У Юэ открыл дверцу и взял трубку. Звонил координатор из штаба боевой группы.

— Капитан У, для вас и комиссара Чжана от командования флота поступил особый приказ. Вы оба немедленно вызываетесь в Генеральный штаб.

— В Генеральный штаб? Но как же учения? Мы же должны провести пятое тактическое занятие! Половина кораблей уже в море, а остальные присоединятся завтра.

— Мне об этом ничего не известно. Приказ короткий, всего одно распоряжение. Разберетесь с остальным, когда вернетесь.

Капитан и комиссар недостроенного авианосца посмотрели друг на друга и в кои-то веки подумали одно и то же: «Кажется, место «Тана» в строю кораблей так и останется незанятым».

* * *

Форт Грили, Аляска. Олени, бегущие по заснеженной тундре, насторожились, почувствовав дрожь почвы. Белая полусфера перед ними раскрылась. Это гигантское яйцо, наполовину закопанное в землю, здесь уже давно. Олени всегда чувствовали, что оно чужое в этом замерзшем мире. Яйцо раскололось, испустило огонь и дым,

а затем из него с ревом вылупился цилиндр и рванулся в небо, все ускоряясь и извергая пламя из нижнего конца. Окружающие яйцо сугробы разметало огнем и подняло в воздух, откуда они выпали каплями дождя. Когда цилиндр набрал достаточную высоту, взрывы, напугавшие оленей, затихли. Цилиндр исчез в вышине, оставив за собой длинный белый хвост, как будто заснеженная равнина была огромным комком пряжи, из которой чья-то гигантская рука вытянула в небо нить.

А в тысячах километров от точки пуска офицер целеуказания Рейдер, буркнув: «Проклятье! Еще несколько секунд, и я успел бы подтвердить отмену пуска!» — оттолкнул от себя мышь компьютера. Рейдер находился в диспетчерской системы защиты от ядерного нападения — одном из подразделений НОРАД, чья штаб-квартира располагалась на глубине триста метров под горой Шайенн.

— Я понял, что это была ложная тревога, как только система выдала предупреждение, — покачал головой Джонс, офицер слежения за орбитой.

— Тогда что же атаковала наша система? — спросил генерал Фицрой. Защита от ядерного

нападения была лишь одной из нескольких обязанностей в его новой должности, и он еще плохо в ней разбирался. Глядя на мониторы, покрывающие всю стену, он пытался найти среди них похожие на те, что стояли в центре управления полетами НАСА, — с интуитивно понятными графическими дисплеями, на которых светящаяся красная линия ползла синусоидой по карте мира в проекции Меркатора. Новичкам было все равно нелегко, но, по крайней мере, такой дисплей показывал, что что-то летит в космос. Здесь не было ничего столь простого. Линии на экранах казались генералу абстрактной, бессмысленной мешаниной. Не говоря уж о тех мониторах, по которым быстро бежали цифры, имеющие смысл только для дежурных офицеров.

— Генерал, вы помните, в прошлом году космонавты заменили отражающую пленку на универсальном модуле МКС? Они упустили старую пленку в космос. Это она и была — сбилась в комок, а потом развернулась под давлением солнечного ветра.

— Но... тогда ее были обязаны внести в базу данных целеуказания.

— Так она уже там. Вот...

Рейдер подвигал мышкой и вызвал страницу

базы данных. Снизу, под сложным массивом текста, формул и графиков находилась неприметная фотография — вероятно, снятая через наземный телескоп, — на которой виднелась белая клякса на черном фоне. Высокий контраст изображения не позволял различить мелкие детали.

— Майор, раз уж вы об этом знали, почему не остановили программу пуска?

— Система должна была автоматически произвести поиск в базе данных. Человек не способен отреагировать достаточно быстро. Но данные из старой системы не были конвертированы для новой и поэтому не были подключены к модулю распознавания, — произнес Рейдер немного раздраженным тоном, будто говоря: «Я показал вам свое мастерство — в два счета вызвал цель на экран в ручном режиме, тогда как суперкомпьютер центра этого сделать не смог. И тем не менее я вынужден отвечать на ваши дурацкие вопросы».

— Генерал, мы получили приказ перейти в режим боевого дежурства, как только система перенесла точки перехвата в космос, но до того, как техники закончили калибровку программного обеспечения, — добавил дежурный офицер.

Фицрой не ответил. Голоса в зале управления раздражали его. Здесь, прямо перед ним, нахо-

дилась первая в истории человечества система обороны планеты, на поверку оказавшаяся все той же старой системой обнаружения запуска ядерных ракет, которую всего лишь перенастроили со слежения за континентами на слежение за космосом.

— А давайте сфотографируемся на память! — предложил Джонс. — Как-никак это был первый удар Земли по общему врагу!

— Здесь запрещено фотографировать, — холодно заметил Рейдер.

— Капитан, о чем вы говорите? — внезапно рассердился Фицрой. — Никакого врага система не обнаружила. Тоже мне «первый удар»!

В неловкой тишине кто-то напомнил:

— На перехватчиках установлены ядерные боеголовки.

— Да, полторы мегатонны. И что?

— Снаружи уже почти ночь. Учитывая координаты цели, мы могли бы увидеть вспышку!

— Вы можете ее увидеть на мониторе.

— Своими глазами интереснее! — принялся спорить Рейдер.

Джонс в волнении вскочил с места.

— Генерал, я... мое дежурство окончилось.

— И мое, генерал, — Рейдер тоже встал. Дань

вежливости. Фицрой был высокопоставленным координатором Совета обороны планеты, но в системе НОРАД у него не было власти.

Фицрой махнул рукой.

— Я вам не начальник. Поступайте как знаете. Но позвольте напомнить, что в будущем нам, может быть, придется долго работать вместе.

Рейдер и Джонс поспешили наверх. Пройдя через многотонную дверь радиационной защиты, они оказались на вершине горы Шайенн. Вечерело, и небо было чистым, но они не увидели вспышки ядерного взрыва в космосе.

— Она должна быть вот здесь, — Джонс указал в небо.

— Наверное, мы ее прозевали. — Рейдер даже не посмотрел вверх. Затем с ироничной улыбкой проговорил: — Они что, на самом деле верят, что софон развернется в нижних измерениях?

— Вряд ли. Он разумен. Он не даст нам такого шанса, — ответил Джонс.

— Глаза нашей системы смотрят в небо. И напрасно. Как будто на Земле не от чего защищаться. Даже если бы все террористы во всех странах превратились в святых, есть еще ОЗТ, не так ли? — Рейдер фыркнул. — И СОП. Эти военные, очевидно, хотят засчитать себе еще одно

достижение. Фицрой — один из них. Теперь они могут объявить первую фазу системы обороны планеты завершенной, хотя практически ничего не сделали с оборудованием. Единственная цель системы — не дать софону развернуться в нижних измерениях в ближнем космосе. Технология для этого даже проще, чем та, что перехватывает управляемые ракеты, поскольку если цель и в самом деле появится, она будет огромной... Капитан, именно поэтому я попросил тебя выйти со мной. Зачем ты вел себя как малое дитя со всем этим первым ударом и фотографией на память? Ты рассердил генерала. Не видишь, что он человек мелочный?

— Но... разве это не было комплиментом?

— Он же один из лучших пиарщиков армии. Он не собирается объявлять на пресс-конференции, что система ошиблась. Как и все остальные, он скажет, что это был успешный маневр. Сам увидишь, так и будет. — Рейдер прилег на землю и с тоской уставился в небо, на котором уже загорались звезды. — Ты знаешь, Джонс, если софон и в самом деле развернется снова, она даст нам шанс ее уничтожить. Это будет уже кое-что!

— Что с того? Факт остается фактом, что они летят к Солнечной системе прямо сейчас. Кто

знает, сколько их... Эй, а почему ты назвал софон «она», а не «он» или «оно»?

Выражение на лице Рейдера сменилось на мечтательное.

— Вчера китайский полковник, только что прибывший к нам, сказал, что в Китае софон называют японским женским именем — Томоко[2].

* * *

Накануне Чжан Юаньчао оформил документы на пенсию и распрощался с химическим заводом, на котором проработал более четырех десятилетий. Послушать соседа, Лао Яна[3], так сегодня началось его второе детство. Лао Ян уверял, что шестьдесят лет, как и шестнадцать, были лучшим временем в его жизни. Обязанности сорока- и пятидесятилетних уже позади, а болезни и медлительность семидесяти- и восьмидесятилетних пока только в перспективе. В этом возрасте можно наслаждаться жизнью. У сына и невестки

[2] Примечания: 2

«Чжицзы» означает «мудрая частица». Иероглиф «частица», который произносят как «ко», часто встречается в женских именах в Японии. (*Прим. Дж. М.*)

[3] Примечания: 3

Лао — «старый» — часто используется перед фамилией людей старше, чем говорящий, чтобы показать уважение или близкое знакомство. (*Прим. Дж. М.*)

Чжан Юаньчао была постоянная работа. Хоть сын и поздно женился, ждать внука осталось уже недолго. Ни Чжан, ни его жена не могли бы позволить себе здесь жить, но их старый дом снесли. Они получили компенсацию и уже год живут в новом доме...

Когда Чжан Юаньчао задумался об этом, он понял, что все в полном порядке. Он вынужден был признать, что по крайней мере в вопросах политики Лао Ян разбирается. И все-таки сейчас, глядя в чистое небо из окна восьмого этажа, он не находил в своей душе даже простой радости, не говоря уже о наступлении второго детства.

Лао Ян — его полное имя было Ян Цзиньвэнь — до ухода на пенсию работал учителем в средней школе. Он часто повторял Чжан Юаньчао, что, если тот хочет наслаждаться закатом жизни, ему нужно учиться новому: «Вот, например, Интернет — любой ребенок может научиться им пользоваться; почему же ты не умеешь?» Он также указал на главнейший недостаток Чжан Юаньчао — отсутствие интереса к мировым проблемам: «Твоя старушка, по крайней мере, может смахнуть слезу, когда сидит и смотрит эти ужасные мыльные оперы. Но ты — ты вообще игнорируешь телевизор. Тебе стоило бы следить за

тем, что происходит в стране и в мире. Это часть полноценной жизни». Чжан Юаньчао, коренной пекинец, был на удивление нелюбопытен, в отличие от большинства жителей столицы. В Пекине каждый таксист может читать лекции о внутренней и внешней политике. А Чжан Юаньчао если и мог правильно назвать имя президента, то определенно не знал, кто сегодня премьер-министр. Он даже этим гордился. Говорил, что живет размеренной жизнью простого человека, что ему незачем интересоваться всякой ерундой, что проблемы мира его не затрагивают, что таким образом он избегает ненужных волнений.

Ян Цзиньвэнь следил за международным положением и каждый день смотрел вечерние новости. На форумах Интернета он до хрипоты спорил о внутренней экономической политике и ядерном разоружении, но какая ему от этих дебатов польза? Правительство не прибавило к его пенсии ни гроша. Лао Ян отвечал: «Не смеши меня. Ты думаешь, что все это не имеет значения? Что это тебя не касается? Послушай, старина Чжан, любое внутреннее или международное осложнение, любое постановление правительства и любая резолюция ООН влияет на твою жизнь — когда напрямую, когда косвенно. Ты

думаешь, что вторжение США в Венесуэлу не имеет к тебе отношения? А ведь оно влияет на твою пенсию больше, чем ты думаешь, и речь тут уже не о каком-то жалком гроше». Тогда Чжан просто рассмеялся в ответ на тираду Лао Яна. Но теперь он понял, что сосед был прав.

Раздался звонок, и Чжан Юаньчао открыл дверь. Там стоял Ян Цзиньвэнь. Похоже, он только что вернулся с прогулки и был полон задора. Чжан Юаньчао впился в него жадным взглядом странника, который встретил в пустыне попутчика и не желает с ним расставаться.

— Я искал тебя, — проговорил Чжан. — Куда ты ходил?

— На рынок. Видел твою старушку, она покупала продукты.

— Почему в нашем доме тихо, как на кладбище?

— Сегодня рабочий день, только и всего! — рассмеялся Ян. — Ты первый день на пенсии. Такое чувство абсолютно естественно. По крайней мере, ты не был руководителем. Им еще хуже, когда они уходят на пенсию. А ты скоро привыкнешь. Пойдем посмотрим, что происходит в районном Доме культуры и чем мы можем развлечься.

— Нет, нет. Это не потому, что я на пенсии. Это

потому, что... как бы это сказать? Меня пугает ситуация в мире.

Ян Цзиньвэнь наставил на него палец и рассмеялся.

— Ситуация в мире? Вот уж не думал, что когда-нибудь услышу от тебя такие слова!

— Ну да, раньше меня не заботили даже крупные проблемы. Но куда им до нынешних! Я и предположить не мог, что положение может стать настолько серьезным.

— Старина Чжан, это может показаться смешным, но я начал перенимать твой образ мышления. Меня все это больше не заботит. Веришь или нет, я уже две недели как не смотрел новости. Я раньше интересовался важными проблемами, потому что люди могли на них повлиять. Но на *это* никто не может повлиять. Так зачем напрягаться?

— Но как же это — не напрягаться? Человечество исчезнет через четыреста лет!

— Хм. И ты, и я исчезнем лет так через сорок.

— Но что будет с нашими потомками? Их ведь уничтожат!

— Меня это беспокоит куда меньше, чем тебя. Мой сын живет в Америке, женат, детей не хочет, так что мне без разницы. А семья Чжан просу-

ществует еще дюжину поколений, так? Разве этого мало?

Чжан Юаньчао несколько секунд не отрывал взгляда от Ян Цзиньвэня, а потом посмотрел на часы и включил телевизор. В выпуске новостей речь шла о главных событиях дня.

> Агентство АП сообщает, что 29 числа, в 6:30 вечера по восточному стандартному времени система национальной противоракетной обороны США успешно провела испытательный пуск и условное уничтожение софона, развернутого в нижних измерениях на околоземной орбите. Это уже третье испытание перехвата системой НПО с момента переноса целей в космос. Целью для испытания послужила отражающая пленка, отделившаяся от международной космической станции в октябре прошлого года. Представитель Совета обороны планеты сообщил, что перехватчик, оснащенный боеголовкой, успешно уничтожил цель площадью три тысячи квадратных метров. Это означает, что система НПО будет способна уничтожить софон прежде, чем он развернется

в трехмерном пространстве и образует поверхность размером, достаточным для создания угрозы людям на Земле.

— До чего же бесполезное дело. Не будет софон разворачиваться, — сказал Ян и потянулся к пульту управления в руке Чжана. — Переключи лучше канал. Там могут показывать повтор полуфиналов Европейского кубка. Я вчера вечером заснул на диване...

— Дома посмотришь! — Чжан Юаньчао крепко держался за пульт. Выпуск новостей продолжался:

Лечащий врач академика Цзя Вэйлиня подтвердил, что смерть Цзя в 301-м военном госпитале наступила вследствие рака крови, иначе называемого лейкемией. Непосредственная причина смерти — отказ органов и кровопотеря на последних стадиях этой болезни. Аномалий не было. Цзя Вэйлинь, известный специалист по сверхпроводникам, внес существенный вклад в исследования высокотемпературной сверхпроводимости. Он умер десятого числа. Высказывания, что Цзя погиб от нападения софона, явля-

ются лишь домыслами. В другом отчете представитель министерства здравоохранения подтвердил, что несколько других смертей, предположительно от атаки софона, на самом деле вызваны обычными болезнями или несчастными случаями. Студия взяла об этом интервью у известного физика Дин И.

Корреспондент: Каково ваше мнение по поводу разрастающейся паники вокруг софонов?

Дин И: Паника вызвана недостаточным знанием физики. Представители правительства и научного сообщества уже неоднократно объясняли: софон — это всего лишь микроскопическая частица, которая, несмотря на свой разум, слишком мала и поэтому может лишь ограниченно влиять на макроскопический мир. Главная угроза человечеству, исходящая от софонов, заключается в том, что они вносят случайные ошибки в физические эксперименты с высокими энергиями, и в том, что они образуют квантово-запутанную наблюдательную сеть вокруг Земли. В своем микроскопическом со-

стоянии софон неспособен убить или причинить вред иным способом. Если софон хочет произвести больший эффект в макроскопическом мире, он может это сделать, только развернувшись в нижних измерениях. Но даже тогда его влияние невелико, поскольку развернувшийся софон чрезвычайно слаб. Сейчас, когда у человечества появилась система обороны, софоны не могут развернуться, не предоставив нам тем самым отличный шанс их уничтожить. Я полагаю, что средства массовой информации должны шире распространять эти научные сведения, чтобы прекратить необоснованную панику.

На лестничной площадке послышались шаги, затем кто-то без стука вошел в гостиную и позвал: «Лао Чжан! Мастер Чжан!» Это был еще один его сосед, Мяо Фуцюань. Он владел немалым количеством угольных шахт в провинции Шаньси и был на несколько лет моложе, чем Чжан Юаньчао. У него был большой дом в другом районе Пекина, а в здешней квартире жила его любовница родом из провинции Сычуань; она была почти такого

же возраста, как дочь Мяо. Когда он въехал в квартиру, семьи Чжан и Ян просто игнорировали его присутствие, лишь однажды поругавшись из-за разбросанных по коридору вещей. Но постепенно они поняли, что он человек приличный и дружелюбный, несмотря на легкий налет вульгарности. После нескольких столкновений, судьей в которых выступил владелец дома, между тремя семьями воцарилась гармония. Хоть Мяо Фуцюань и говорил, что передал весь бизнес сыну, он по-прежнему оставался занятым человеком и появлялся редко. В трехкомнатной квартире обычно жила только женщина из Сычуани.

— Старина Мяо, тебя месяцами не было. Где тебе удалось озолотиться на этот раз? — обратился к вошедшему Ян Цзиньвэнь.

Мяо Фуцюань спокойно взял стакан, налил до половины воды из кулера и жадно выпил. Вытерев рот, он ответил:

— Никому уже не удается озолотиться. На шахте проблемы, и мне предстоит с ними разбираться. Практически нам объявлена война. Государство больше не собирается шутить. Законы, запрещающие нелегальные шахты, никогда не работали, но теперь и самим шахтам осталось недолго.

— Наступили тяжелые времена, — подвел итог

Ян Цзиньвэнь, не отрывая взгляда от телевизора, где шел футбольный матч.

* * *

Человек уже несколько часов лежал на кровати. Окно полуподвальной комнаты служило единственным источником освещения. Через него проглядывала луна, и ее холодные лучи отбрасывали на пол резкие тени.

Никто так и не узнал настоящего имени этого человека. Позже люди назвали его Вторым Разрушителем.

Второй Разрушитель провел несколько часов, вспоминая свою жизнь. Убедившись, что вспомнил все, он размял затекшие мышцы, полез под подушку, достал пистолет и поднес его к виску. В тот же самый момент перед его глазами появилось сообщение от софона.

Остановись. Ты нам нужен.

— Господь? Целый год каждую ночь мне снилось, что ты зовешь меня. Но недавно сны закончились. Я думал, что мне больше ничего не приснится, но, видимо, я ошибся.

Это не сон. Я общаюсь с тобой в режиме реального времени.

Разрушитель холодно рассмеялся:

— Хорошо. Значит, все кончено. На той стороне определенно снов не бывает.

Тебе нужны доказательства?

— Доказательства того, что на той стороне нет снов?

Доказательства того, что это на самом деле я.

— Отлично. Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю.

Твои золотые рыбки мертвы.

— Ха! Это неважно. Я скоро встречусь с ними там, где никогда не бывает темно.

Тебе стоило бы посмотреть. Сегодня утром, когда ты отвлекся, ты отбросил наполовину выкуренную сигарету, и она упала в аквариум. Никотин растворился в воде и убил рыбок.

Второй Разрушитель открыл глаза, отложил пистолет и вылез из постели. Его сон как рукой сняло. Он нащупал выключатель и пошел посмотреть на аквариум, стоявший на маленьком столике. Пять рыбок-телескопов плавали брюхом вверх, а между ними застыла наполовину выкуренная сигарета.

Я предоставлю тебе дополнительное доказательство. Эванс когда-то дал тебе зашифрованное письмо, но ключ к шифру поменялся. Он умер

прежде, чем смог передать тебе новый пароль, и тебе так и не удалось прочитать письмо. Я скажу тебе пароль: это CAMEL, марка сигареты, которой ты отравил рыбок.

Второй Разрушитель поспешил достать свой ноутбук; слезы текли по его щекам, пока он дожидался готовности к работе.

— Господь, неужели это на самом деле ты? Это и в самом деле ты? — рыдая, приговаривал он. Как только компьютер загрузился, он открыл письмо специальной программой, разработанной для ОЗТ, и набрал пароль; но, когда на экране вспыхнул текст, у него уже не оставалось сил внимательно его прочитать. Упав на колени, он вскричал:

— Господь! Это и в самом деле ты!

Успокоившись, он поднял голову и, все еще с заплаканными глазами, спросил:

— Нас никто не поставил в известность ни о собрании, на котором была Командующий, ни о засаде в Панамском канале. Почему ты оставил нас?

Мы вас боялись.

— Потому что вы не видите, о чем мы думаем? Но ведь это неважно. Мы пустим для вас в ход все наши умения, которых у вас нет — обман,

хитрость, маскировку, плутовство.

Мы не знаем, говоришь ли ты правду. Даже если предположить, что это так, мы все равно боимся. Ваша Библия упоминает животное под названием змея. Если бы змея подползла к тебе и предложила свою службу, она перестала бы вызывать у тебя страх и отвращение?

— Если она сказала правду, то тогда я превозмог бы и отвращение, и страх и принял бы ее службу.

Это было бы непросто.

— Разумеется. Я знаю, что змея вас уже кусала. Когда общение в реальном времени стало возможным, вы дали подробные ответы на наши вопросы. Но многое из того, что рассказали, вы рассказали без необходимости. Например, как вы получили первый сигнал от человечества и как были созданы софоны. Нам было трудно понять, почему вы не давали нам информацию более избирательно, раз уж мы не видим ваши мысли.

Мы рассматривали такой вариант, но польза от него была бы меньше, чем тебе кажется. В нашем мире, особенно с развитием технологии, появились методы связи, которые не нуждаются в передаче мыслей. Но читаемые мысли стали культурной и социальной нормой. Тебе это

трудно понять — наверное, как и нам трудно понять вас.

— Мне нелегко себе представить, чтобы обман и коварство полностью отсутствовали в вашем мире.

Они есть, но они намного проще, чем у вас. Например, у нас на войне противники могут маскировать свои мысли, но если одна из сторон что-то заподозрит и задаст прямой вопрос, то обычно получает правдивый ответ.

— Это просто невероятно!

А для нас вы, люди, столь же невероятны. У тебя на полке стоит книга под названием «История трех королевств».

— «Троецарствие»[4]. Ты не поймешь эту книгу.

Мне доступна ее малая часть. Так, обычный человек, не способный постичь монографию по математике, может разобраться с ее отдельными кусочками, приложив огромные усилия и полностью задействовав воображение.

— Да, эта книга раскрывает человеческие заго-

---

[4] Примечания: 4

«Троецарствие» — исторический роман, авторство которого приписывается Ло Гуаньчжуну. В книге описывается соперничество трех центров власти между закатом восточной династии Хань (184-й год) и объединением империи (280-й год) под рукой династии Цзинь. Роман славится превосходно изображенными персонажами, батальными сценами и политическими интригами. (*Прим. Дж. М.*)

воры и интриги на самом высоком уровне.

Но наши софоны видят в вашем мире все.

— Кроме человеческого разума.

Верно. Софон не умеет читать мысли.

— Вы наверняка знаете о проекте «Отвернувшиеся»?

Больше, чем ты. Скоро начнутся работы по этому проекту. Вот почему мы и обратились к тебе.

— Что вы о нем думаете?

То же, что думаешь ты, глядя на змею.

— Но библейская змея дала людям знание. Проект «Отвернувшиеся» создаст лабиринт, один или несколько, которые вы сочтете чрезвычайно сложными и запутанными. Мы поможем вам найти выход.

То обстоятельство, что умы людей непрозрачны, еще сильнее подстегивает наше решение разделаться с человечеством. Помогите нам его уничтожить, и тогда мы уничтожим вас.

— Господь, так говорить нельзя. Я понимаю, что вы привыкли общаться, обмениваясь мыслями. Но в нашем мире, даже говоря о своих истинных намерениях, нужно пользоваться эвфемизмами. Например, то, что ты сейчас сказал, согласуется с идеалами ОЗТ; но такая откровенная формули-

ровка испугает некоторых из наших членов и вызовет нежелательные последствия. Конечно, может статься, вы никогда не научитесь выражаться правильно.

Именно из-за такого искаженного выражения мыслей обмен информацией в человеческом обществе, особенно в литературе, превращается в неразрешимую головоломку. Насколько мне известно, ОЗТ находится на грани коллапса.

— Потому что ты нас покинул. Тот двойной удар был смертельным. Фракция редемпционистов развалилась; только адвентисты продолжают существовать как организация. Наверняка ты и сам знаешь, что наиболее сокрушительным ударом был психологический удар. Твой отказ от нас означает проверку наших членов на верность Господу. ОЗТ отчаянно нуждается в поддержке Господа для сохранения этой верности.

Мы не можем дать вам технологию.

— Этого не потребуется, если вы продолжите передавать нам информацию через софоны.

Естественно. Но первым делом ОЗТ должно выполнить крайне необходимый приказ, который ты только что прочел. Мы отдали его Эвансу прежде, чем он погиб, и он передал его вам, но вы не смогли его расшифровать.

Разрушитель вспомнил про письмо на экране компьютера и внимательно изучил его.

Приказ достаточно прост для исполнения, не так ли?

— Не слишком сложен. А это и правда так важно?

Было просто важно. Сейчас же из-за проекта «Отвернувшиеся» стало жизненно необходимо.

— Почему?

Ответ пришел не сразу.

Эванс знал почему. Но он, по-видимому, никому не сказал. Он поступил правильно. Нам повезло. Теперь нам не нужно тебе ничего объяснять.

Разрушитель обрадовался.

— Господь, ты научился держать язык за зубами! Это прогресс!

Эванс многому нас научил. Но мы по-прежнему лишь в начале пути. Как он выразился, пока мы на уровне вашего пятилетнего ребенка. Приказ, который он вам передал, содержит одну из тех уловок, которые мы неспособны понять.

— Ты имеешь в виду вот это? «Чтобы не привлечь внимания, держите в секрете, что это дело рук ОЗТ». Что ж, если цель важная, то это естественное требование.

Для нас это сложный план.

— Хорошо. Я все исполню именно так, как хотел Эванс. Господь, мы докажем тебе свою преданность.

* * *

В одном дальнем уголке океана информации в Интернете был дальний угол, и в нем был дальний угол... короче, в самой глубине самого удаленного уголка ожил один из виртуальных миров.

В лучах странного, холодного рассвета не появилось ни пирамиды, ни здания ООН, ни маятника — ничего, кроме огромной, суровой пустыни, похожей на гигантскую плиту вымороженного металла.

Царь Вэнь из дома Чжоу возник на горизонте. Он был одет в лохмотья и нес позеленевший от времени бронзовый меч. Его лицо было грязным и таким же морщинистым, как и шкуры, в которые он кутался. Утреннее солнце отражалось в его наполненных решимостью глазах.

— Есть здесь кто-нибудь? — закричал он. — Отзовитесь!

Голос царя Вэня раскатился по равнине и затих. Он покричал еще, а потом устало сел на землю и ускорил движение времени. Он смотрел, как

солнца превращаются в летящие звезды, как летящие звезды вновь становятся солнцами, как светила эр Порядка размеренно, словно маятник часов, движутся в небе и как дни и ночи эр Хаоса превращают мир в подобие театральной сцены с неисправным освещением. Время шло, но ничто не менялось. Вокруг него была по-прежнему бесконечная металлическая пустыня. Три звезды протанцевали в небе, и царь Вэнь от холода превратился в ледяной столп. Затем летящая звезда стала солнцем, и когда ее гигантский огненный диск накрыл небо, лед растаял, и тело царя вспыхнуло огнем. Перед тем как рассыпаться пеплом, царь Вэнь глубоко вздохнул и вышел из игры.

* * *

Тридцать офицеров армии, флота и военно-воздушных сил не отрывали глаз от эмблемы, светящейся на алом экране, — серебряной звезды с четырьмя лучами в виде острых мечей и вписанными в нее китайскими иероглифами — цифрами «восемь» и «один»[5]. Это была эмблема

[5] Примечания: 5

Эмблема Освободительной армии Китая — это пятиконечная звезда, в которую вписаны иероглифы «восемь» и «один». (*Прим. Дж. М.*) Днем рождения Народно-освободительной армии Китая считается 1 августа 1927 г. (*Прим. перев.*)

космических сил Китая.

Генерал Чан Вэйсы жестом предложил всем сесть. Затем, положив свою фуражку на стол, проговорил:

— Официальная церемония создания космических сил будет проведена завтра; тогда же вам выдадут форму и значки. Однако, товарищи, мы уже сейчас принадлежим к этому виду Вооруженных сил.

Присутствующие переглянулись. Из тридцати человек пятнадцать были в форме флота, девять в форме военно-воздушных сил и шесть носили форму армии. Когда офицеры вновь посмотрели на генерала Чана, в их взглядах читалось с трудом скрываемое замешательство.

Чан Вэйсы улыбнулся и сказал:

— Необычный состав, не так ли? Но нельзя мерить космические силы будущего масштабом современных аэрокосмических программ. Космические корабли, когда придет их время, вероятно, будут больше размером и потребуют большей команды, чем сегодняшние авианосцы. Базой для будущих военных операций в космосе станут тяжелые, высокозащищенные боевые станции. Вооруженные столкновения будут больше похожи на морские сражения, чем на авиационные,

лишь в трех измерениях вместо двух. Поэтому космические силы создаются на основе морского флота. Я знаю, мы все предполагали, что такой основой станут военно-воздушные силы, поэтому наши флотские товарищи могут быть к этому не готовы. Но вам придется освоиться как можно скорее.

— Командующий, мы вообще ничего не знали, — сказал Чжан Бэйхай. У Юэ сидел рядом с ним, выпрямившись и не шевелясь, но Чжан Бэйхай заметил, как что-то погасло в его спокойных глазах.

Чан Вэйсы кивнул.

— На самом деле разница между флотом и космосом не так уж велика. Разве мы не говорим «космические корабли» вместо «космические самолеты»? Это потому, что океан и космос уже давно связаны в нашем мышлении.

Напряжение в комнате немного ослабло. Генерал продолжил:

— Товарищи, на данный момент мы числом тридцать один — это весь состав нового вида вооруженных сил. Насчет будущего космического флота: фундаментальные исследования уже ведутся во всех отраслях науки. Особое внимание уделяется космическому лифту и термоядерным

двигателям для больших кораблей... Но это не то, чем будем заниматься мы. Наша задача — разработать теорию боя в космосе. Это сложнейшая задача, учитывая, что мы ничего о боях в космосе не знаем. Но космический флот будущего будет построен именно на этом фундаменте. Таким образом, на начальном этапе космические силы будут больше похожи на военную академию. Перед всеми вами сейчас стоит одна основная задача: организовать такую академию, а затем привлечь к ее работе значительное число ученых и исследователей.

Чан встал и подошел к эмблеме. Стоя у экрана, он произнес речь, которая должна была запомниться всем присутствующим:

— Товарищи, у космических сил впереди много тяжелой работы. По предварительным оценкам, фундаментальные исследования во всех направлениях науки займут как минимум пятьдесят лет. Потребуется еще не менее ста лет, прежде чем мы освоим технологии, которые позволят нам свободно передвигаться в космосе. Затем, после постройки первых кораблей, нам понадобится еще полтора века для того, чтобы изготовить их необходимое количество. Это значит, что флот будет готов к боевому применению через три

века после основания. Товарищи, я уверен, вы все понимаете, что это означает. Никто из нас, находящихся сейчас в этой комнате, не полетит в космос. Никто не увидит нашего космического флота. Мы можем даже не увидеть подробной модели боевого космического корабля. Первые офицеры и рядовые члены экипажа родятся не раньше чем через два века. А еще через два с половиной века земной флот встретится с инопланетными захватчиками. Кораблями флота будет управлять пятнадцатое поколение наших внуков.

Собравшиеся надолго притихли. Их ждала длинная и трудная дорога. Она заканчивалась где-то в тумане будущего, где они видели лишь огонь и кровь. Мысль о краткости человеческой жизни терзала их, как никогда ранее. В этот момент их сердца воспарили над пропастью времени и присоединились к своим далеким наследникам, чтобы вместе погрузиться в море крови и огня посреди ледяного холода космоса — в это место последнего сбора душ всех солдат.

* * *

Вернувшись, Мяо Фуцюань, как всегда, пригласил Чжан Юаньчао и Ян Цзиньвэня в свою

квартиру, к роскошному столу, накрытому женщиной из Сычуани. Они уже перешли к выпивке, когда Чжан Юаньчао упомянул посещение Мяо Фуцюанем Строительного банка этим утром — Мяо ходил туда, чтобы снять кое-какие деньги.

— Разве вы не слышали? — сказал Мяо Фуцюань. — В банках давка, людей затаптывают насмерть! К окошкам прорывались по головам.

— Так тебе удалось снять деньги? — спросил Чжан Юаньчао.

— Только часть. Остальное заморожено. Это преступление!

— Любой волосок с твоей головы стоит больше, чем все наши сбережения, — пошутил Чжан Юаньчао.

Ян Цзиньвэнь оптимистично заявил:

— В новостях сообщали, что счета будут постепенно размораживать, как только паника уляжется. Ситуация постепенно вернется к норме.

— Надеюсь, — сказал Чжан Юаньчао. — Государство совершило ошибку, когда провозгласило войну так рано — это лишь вызвало панику. Теперь люди думают только о себе. Разве сейчас кого-нибудь заботит, как Земля будет защищаться через четыреста лет?

— Это не самая большая беда, — поправил соседа Ян Цзиньвэнь. — Я говорил раньше и скажу опять: высокая норма сбережений[6] в китайских банках — это огромная бомба замедленного действия. Разве я не прав? Большие сбережения ведут к низкой социальной защищенности. Люди держат все свои деньги в банках, а потом паникуют при малейшем дуновении ветра.

— Какой же ты видишь экономику военного времени? — поинтересовался Чжан.

— Все случилось так внезапно. Не думаю, что кто-то уже составил для себя полную картину происходящего. Правительства все еще работают над новой экономической политикой. Но точно известно лишь одно: грядут тяжелые времена.

— Тяжелые времена, говорите? Да не будет ничего такого, чего люди нашего возраста уже не видели, — заверил собеседников Мяо Фуцюань. — Лично я ожидаю повторения шестидесятых годов.

— Мне просто детей жалко, — Чжан Юаньчао допил свой бокал.

В этот момент зазвучала музыкальная заставка

---

[6] Примечания: 6

Норма сбережений — это отношение сберегательной части личного или семейного дохода ко всему доходу. Другими словами, какой процент дохода люди не тратят, а копят в банке. (*Прим. перев.)*

выпуска новостей; она привлекла общее внимание к телевизору. Этот звук уже стал привычным, он заставлял людей бросать все дела и слушать. Сейчас передавали экстренный выпуск — в последнее время такое бывало чаще, чем обычно. Трое друзей помнили, как часто подобные новости передавали по радио и телевидению вплоть до 1980-х годов. Но позже, в спокойное и богатое время, они исчезли.

Началась передача:

> Наш корреспондент в секретариате ООН сообщает: на только что закончившейся пресс-конференции представитель ООН объявил, что в ближайшее время будет созвана специальная сессия Генеральной ассамблеи для обсуждения проблемы эскапизма. Она пройдет с участием постоянных членов Совета обороны планеты. Целью сессии будет подтолкнуть международное сообщество к консенсусу по вопросу эскапизма и разработать соответствующие международные законы.
>
> Вернемся немного назад и рассмотрим возникновение и развитие эскапизма.
>
> Доктрина эскапизма появилась вместе

с Трисолярианским кризисом. Ее ключевой аргумент гласит, что, учитывая заблокированное состояние важнейших отраслей земной науки, нет смысла делать ставку на оборону Земли и Солнечной системы через четыре века. Намного более реалистичной целью является строительство космических кораблей, на которых небольшая часть населения планеты сбежит в открытый космос, тем самым предотвращая полное уничтожение человеческой цивилизации.

У космических кораблей эскапистов есть три варианта действий; они различаются точкой назначения. Первый вариант — это «новый мир», то есть поиск такой планеты среди звезд, где человечество сможет выжить. Вне сомнения, это наилучший вариант. Но он требует крайне высокой скорости полета, и путешествие займет много времени. Учитывая уровень технологии, которого человечество сможет достигнуть за годы кризиса, вряд ли этот вариант осуществим.

Второй вариант — это «цивилизация на

кораблях». Пассажиры будут жить только на борту своих космических кораблей, вечно летящих в пространстве. У этого варианта возникнут те же сложности, что и у первого, хотя более важно будет создать замкнутую экосистему. Корабль поколений, несущий в себе полностью замкнутую биосферу, на данный момент создать технологически невозможно.

Третий вариант — «временное пристанище». После того как Трисолярис закончит свое расселение в Солнечной системе, могут возникнуть контакты между обществом Трисоляриса и остающимися в космосе людьми. Путем переговоров можно будет добиться улучшения политики Трисоляриса по отношению к остаткам человечества. Люди смогут вернуться в Солнечную систему и сосуществовать с трисолярианами. Этот вариант является наиболее реалистичным, хотя в нем много неопределенности.

Вскоре после возникновения идей эскапизма многочисленные агентства новостей сообщили, что США и Россия, два лидера в космической технологии,

тайно начали подготовку к побегу в космос. Хотя правительства обеих стран отрицали существование таких планов, возмущение международного сообщества привело к появлению движения за обобществленную технологию. На третьей специальной сессии многие развивающиеся страны потребовали, чтобы США, Россия, Япония, Китай и Европейский союз раскрыли и бесплатно предоставили свою технологию международному сообществу, чтобы все страны имели равные шансы перед Трисолярианским кризисом.

Сторонники движения за обобществленную технологию нашли прецедент: в начале века несколько европейских фармацевтических фирм требовали огромных сумм от стран Африки за лицензию на производство современных лекарств от СПИДа. Это привело к юридическому конфликту на самом высоком уровне. Под давлением общественного мнения и принимая во внимание быстрое распространение болезни в Африке, фармацевтические фирмы отказались

от своих прав на патент, не доводя дело до суда. Сегодня Земля стоит перед серьезнейшим кризисом, и это значит, что раскрыть свою технологию — это долг развитых стран перед всем человечеством.

Движение за обобществленную технологию было встречено единогласной поддержкой со стороны развивающихся стран; его идеи также встретили сочувствие некоторых стран Евросоюза. Но все связанные с ним инициативы были отклонены на заседаниях ООН — СОП. На пятой специальной сессии ООН Китай и Россия предложили план «ограниченной общедоступности технологий», который предоставлял технологию всем постоянным членам СОП. На этот план наложили вето США и Великобритания. Правительство США заявило, что технология не может быть общедоступной ни в каком виде, что это наивная идея и что при данных обстоятельствах оно ставит безопасность США на второе место, сразу за безопасностью всей планеты. Поражение плана обобществления технологии

вызвало раскол между государствами, владеющими технологией, и привело к срыву проекта создания объединенных космических войск Земли.

Крах движения за общедоступную технологию подтолкнул общественность к далеко идущим выводам. Люди поняли, что единство всего человечества остается недостижимой мечтой даже в условиях опаснейшего Трисолярианского кризиса.

Движение за общедоступную технологию было основано эскапистами. Международное сообщество сможет устранить раскол между развивающимися и развитыми странами, а также между самими развитыми странами, только когда оно достигнет консенсуса по эскапизму. Такова обстановка, в которой предстоит открыться специальной сессии ООН.

— Да, кстати, это мне напомнило кое о чем, — Мяо Фуцюань повернулся к Чжану. — Та информация, которую я дал тебе по телефону несколько дней назад, оказалась надежной.

— О чем это ты?

— О фонде Исхода.

— Лао Мяо, как ты можешь верить такой ерунде? На доверчивого простачка ты не похож, — укорил соседа Ян Цзиньвэнь.

— Нет-нет. — Мяо Фуцюань понизил голос, поглядывая на собеседников. — Этого молодого человека зовут Ши Сяомин. Я проверил его по нескольким каналам. Представьте, его отец, Ши Цян, работает в отделе безопасности СОП! Он раньше руководил группой по борьбе с терроризмом, а сейчас он важный человек в СОП, отвечает за борьбу с ОЗТ. У меня есть телефон его отдела. Можете проверить сами.

Чжан и Ян посмотрели друг на друга. Ян Цзиньвэнь рассмеялся, взял бутылку и налил себе еще.

— Ну и что, если это правда? Кого волнует этот твой фонд Исхода? У меня нет на это денег!

— Вот-вот, в точку. Это для вас, для богатеньких! — У Чжана Юаньчао уже заплетался язык.

Ян Цзиньвэнь внезапно разгорячился:

— И даже если все это правда, тогда какие же глупцы управляют этим государством! Если кто-то и сбежит с Земли, то это должны быть лучшие из лучших среди наших наследников! Какого черта давать место на корабле любому, кто может заплатить? Какой в этом смысл?

Мяо Фуцюань указал на него пальцем и рас-

смеялся.

— Замечательно, Ян! Давай теперь разберемся, что в действительности ты хотел сказать. На самом деле ты хочешь, чтобы именно твое потомство полетело, верно? Посмотри на своих сына и невестку: доктора философии, ученые. Элита. Твои внуки и правнуки, скорее всего, тоже будут элитой. — Он поднял свой стакан и кивнул. — Но если подумать, все должны быть равны, верно? С какой это стати элите полагаются, как говорится, бесплатные обеды?

— Что ты имеешь в виду?

— За все нужно платить. Это закон природы. Я заплачу деньги, чтобы обеспечить будущее семье Мяо. И это тоже закон природы!

— Почему же это можно купить за деньги? Обязанность улетающих — сохранить человеческую цивилизацию. Естественно, они захотят отобрать лучших. Послать кучу богатеев в космос... Пф! — фыркнул Ян. — Что с них проку?

Неловкая улыбка исчезла с лица Мяо Фуцюаня. Он наставил толстый палец на Ян Цзиньвэня.

— Я всегда знал, что ты презираешь меня. Каким бы богатым я ни стал, я всегда буду для тебя всего лишь неотесанным толстосумом. Скажешь, нет?

— Да кто ты, по-твоему, такой?! — вскричал подогретый алкоголем Ян Цзиньвэнь.

Мяо Фуцюань хлопнул по столу и встал.

— Ян Цзиньвэнь, я не собираюсь выслушивать твои оскорбления! Я...

Тогда Чжан Юаньчао хлопнул по столу втрое сильнее. Опрокинулась пара чашек; женщина из Сычуани вскрикнула в испуге. Чжан ткнул по очереди пальцем в разбушевавшихся собеседников.

— Превосходно. Ты — элита, а у тебя есть деньги. А где же я? Что, черт побери, есть у меня? Я всего лишь бедный человек. Значит, мою семью можно и в расход, так? — С видимым усилием он сдержал желание опрокинуть стол. Затем повернулся и стремительно вышел вон. Ян Цзиньвэнь последовал за ним.

* * *

Второй Разрушитель аккуратно выпустил в аквариум новых золотых рыбок. Как и Эвансу, ему нравилось одиночество, но он нуждался в компании живых существ, которые не были бы людьми. Он часто разговаривал со своими рыбками в той же манере, в какой говорил с Трисолярисом. Эти две формы жизни, по его мнению,

были достойны долгого существования на Земле.

В этот момент на сетчатке его глаз появилось сообщение от софона:

Я в последнее время изучал «Троецарствие». Как ты сказал, хитрость и обман — это искусство. Такое же искусство, как узор на коже змеи.

— Господь, ты опять заговорил о змее.

Чем прекраснее узор на ее коже, тем опаснее она выглядит. Раньше возможность побега человечества нас не беспокоила. Лишь бы оно убралось из Солнечной системы. Но теперь мы скорректировали наши планы и решили не допустить Исхода. Было бы неосмотрительно отпустить врагов, мысли которых нам недоступны.

— У тебя есть какой-то конкретный план?

Флот сделал поправки в планах развертывания на месте. Он разделится на четыре части в поясе Койпера[7] *и окружит Солнечную систему.*

— Если человечество на самом деле сбежит, ваш флот прибудет слишком поздно.

Это так, и поэтому мы требуем вашей помощи. Следующее задание для ОЗТ — остановить

---

[7] Примечания: 7

Пояс Койпера — это область Солнечной системы от орбиты Нептуна, около 30 астрономических единиц, до 50 а.е. В нем располагаются Плутон и две другие карликовые планеты, а также прочие объекты. (*Прим. Дж. М.*)

или задержать план отлета человечества.

Разрушитель улыбнулся:

— Господь, тебе не стоит об этом вообще волноваться. Никакого масштабного Исхода человечества никогда не случится.

Даже учитывая сегодняшние ограниченные технологические возможности, человечество может оказаться способным построить корабли поколений.

— Самое существенное препятствие для Исхода кроется не в технологии.

Ты имеешь в виду трения между странами? Специальная сессия ООН может решить эту проблему. А если у нее не получится, то развитые страны вполне способны проигнорировать мнение развивающихся и протолкнуть свой план.

— Самое значительное препятствие для Исхода не в трениях между странами.

Что же это тогда?

— Трения между людьми. Вопрос о том, кто улетит, а кто останется.

Нам это не кажется проблемой.

— Поначалу мы думали так же, но оказывается, что это непреодолимое препятствие.

Ты можешь объяснить?

— Даже если вы знакомы с историей человече-

ства, вам, наверное, будет сложно понять: вопрос кому лететь и кому оставаться, основывается на фундаментальных человеческих ценностях. В прошлом эти ценности ускоряли развитие общества. Но они же являются ловушкой, когда общество стоит перед смертельной угрозой. На данный момент б`ольшая часть человечества еще не осознала, насколько это крепкий капкан. Господь, пожалуйста, поверь моим словам: ни один человек не вырвется из него.

* * *

— Дядя Чжан, вам не обязательно принимать решение прямо сейчас. Вы уже задали все необходимые вопросы, и, в конце концов, речь идет о значительной сумме денег, — с самым невинным выражением лица объяснял Ши Сяомин Чжан Юаньчао.

— Я не о том. Этот план Исхода — он на самом деле существует? По телевизору говорят...

— Не обращайте внимания на то, что говорят по телевизору. Две недели назад правительство уверяло, что замораживание банковских вкладов исключено. И посмотрите, что произошло... Рассуждайте разумно. Вот вы простой человек, и вы беспокоитесь о будущем своей семьи. А что же

насчет президента и премьер-министра? Разве они не будут задумываться о будущем китайского народа? Разве ООН не будет задумываться о будущем всего человеческого рода? Эта специальная сессия ООН является не чем иным, как попыткой международного сотрудничества. ООН официально даст зеленый свет программе Исхода человечества. Это неотложный вопрос.

Лао Чжан медленно кивнул.

— Если подумать, то да, так оно и получается. Но я чувствую, что до Исхода еще очень далеко. Стоит ли мне об этом беспокоиться?

— Дядя Чжан, вы не понимаете. До Исхода остается не так уж много времени. Не думаете же вы, что корабли взлетят только через три или четыре столетия? Если бы это было так, то флот Трисоляриса мог бы их перехватить.

— И когда же они в таком случае взлетят?

— У вас вот-вот появится внук, верно?

— Да.

— Ваш внук увидит отлет кораблей.

— Он будет на борту?

— Нет, это неосуществимо. Но его внук может быть.

— Это... — Чжан посчитал в уме, — около семидесяти или восьмидесяти лет.

— Больше. Правительство военного времени усилит контроль за рождаемостью и будет задерживать выдачу разрешений на ребенка. Одно поколение будет примерно соответствовать сорока годам. Корабли отправятся в полет приблизительно через сто двадцать лет.

— Это довольно скоро. Успеют ли их построить?

— Дядя Чжан, вспомните, как делались дела сто двадцать лет назад! Это было время династии Цин. Чтобы добраться из Ханчжоу до Пекина, требовался целый месяц. Император вынужден был целыми днями сидеть в паланкине, чтобы попасть в свой летний дворец. А сегодня нужно три дня, чтобы долететь до Луны. Технология развивается быстро — следовательно, само развитие тоже ускоряется. А если учесть тот факт, что весь мир сосредоточил усилия на развитии космических технологий, то становится несомненным, что сто двадцать лет — срок вполне реальный.

— Но космический полет — дело опасное, разве не так?

— Так. Но ведь и Земля к тому времени станет довольно опасным местом! Посмотрите, какие перемены происходят уже сегодня. Основные средства народного хозяйства тратятся на строи-

тельство космического флота; этот флот не имеет коммерческого применения и не принесет ни юаня прибыли. Жизнь людей станет ухудшаться. Примите во внимание огромную численность нашего населения — даже накормить всех будет непросто. Вдобавок посмотрите на международное положение. Развивающиеся страны не имеют возможности принять участие в Исходе, а развитые отказались предоставить технологию. Но небольшие и небогатые страны не смирятся. Разве они не грозятся выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия? В будущем от них можно ожидать и более опасных шагов. Может статься, что через сто двадцать лет, еще до прибытия флота инопланетян, весь мир будет охвачен огнем войны! Кто знает, какую жизнь будет вести поколение ваших праправнуков. Более того, корабли Исхода будут не такими, какими вы их представляете. Их сравнение с капсулой «Шэньчжоу»[8] или с МКС просто смехотворно. Корабли будут огромными, размером с небольшой город с замкнутой экосистемой. Совсем как

[8] Примечания: 8

Шэньчжоу — третья программа космических пилотируемых полетов КНР. Первый пилотируемый полет корабля «Шэньчжоу-5» в 2003 году сделал Китай третьей в мире страной, самостоятельно отправившей человека в космос. (*Прим. перев.*)

Земля в миниатюре! Человечество сможет жить в них вечно, не нуждаясь во внешних ресурсах. И самое главное — на кораблях будет гибернация. Она доступна уже сегодня. Пассажиры будут проводить б`ольшую часть времени в «холодном сне», где столетие кажется одним днем — пока корабль не найдет подходящий новый мир или пока не удастся достичь соглашения с трисолярианами о возвращении в Солнечную систему. Тогда они проснутся. Разве такая жизнь не лучше, чем страдать на Земле?

Чжан Юаньчао молчал и размышлял.

Ши Сяомин продолжал:

— Честно говоря, должен признать: космический полет и в самом деле штука опасная. Никто не знает, что может случиться в космосе. Я понимаю, что вы действуете ради выживания своей семьи, но вам не стоит об этом беспокоиться...

Чжан уставился на него так, словно его укололи булавкой:

— Ну как вы, молодежь, можете говорить такое?! Как же мне не беспокоиться...

— Дайте мне договорить, дядя Чжан. Я не это хотел сказать. Я хотел сказать, что даже если вы не собираетесь отправлять своих правнуков в полет, фонд Исхода гарантированно заслуживает

вложения денег. Как только он откроется для всех и каждого, стоимость акций взлетит до небес. Вы же знаете, богатых людей много, вкладывать деньги особо не во что, а копить их теперь противозаконно. Кроме того, чем больше у вас денег, тем чаще вы будете задумываться о спасении своей семьи, разве не так?

— Само собой.

— Клянусь честью, дядя Чжан! Фонд Исхода только что открылся, и ему не хватает специальных агентов по продажам. Мне было сложно пробить квоту. В любом случае позвоните мне, когда все обдумаете, я помогу с оформлением документов.

Ши Сяомин ушел, но Лао Чжан остался стоять на балконе, глядя в небо, тускло отсвечивающее огнями большого города. Он сказал себе: «Дети мои, неужели и правда ваш дед отправит вас туда, где царит вечная ночь?»

* * *

Как раз всходило небольшое солнце, когда царь Вэнь из дома Чжоу снова ступил в заброшенный мир «Трех тел». Хоть солнце грело не особенно сильно, оно довольно ясно освещало пустынную равнину. На равнине не было ни одной живой

души.

— Есть тут кто-нибудь? Отзовитесь!

Его глаза засверкали, когда он увидел всадника, несущегося к нему от самого горизонта. Он узнал Ньютона издалека и побежал навстречу, размахивая рукой. Ньютон вскоре поравнялся с ним, придержал лошадь, слез и торопливо поправил парик.

— Чего кричишь? Кто перезапустил это проклятое место?

Царь Вэнь, не ответив на вопрос, взял Ньютона за руку и настойчиво заговорил:

— Соратник, соратник, послушай меня! Господь не оставил нас! Или, точнее, у него была причина нас оставить, и мы ему скоро будем нужны. Он...

— Да знаю я, — сказал Ньютон, нетерпеливо отводя руку царя Вэня. — Софоны и мне передали послание.

— Это значит, что Господь наш послал сообщение многим из нас одновременно. Замечательно. Контакт организации с Господом больше никогда не будет в руках одного человека.

— Организация все еще существует? — Ньютон утер лицо носовым платком.

— Конечно, существует. Редемпционисты полностью развалились после глобального удара;

выживальщики откололись и образовали независимую группу. Теперь в организации остались только адвентисты.

— Удар очистил организацию. Это хорошо.

— Раз ты здесь, то ты наверняка адвентист. Но ты, похоже, не в курсе событий. Ты здесь сам по себе?

— Мой единственный контакт — другой соратник, но он мне не дал ничего, кроме адреса в Интернете. Я еле-еле сам спасся после того ужасного разгрома.

— Ты отлично продемонстрировал свою способность к выживанию в эпоху Цинь Шихуаньди.

Ньютон огляделся:

— Здесь безопасно?

— Конечно. Мы находимся на самом дне многоуровневого лабиринта; нас практически невозможно обнаружить. Если даже кто-то прорвется сюда, он не сможет отследить наше местонахождение. Из соображений безопасности организация изолировала ячейки и свела контакты к минимуму. Нам нужны место для встреч и буферная зона для новых членов. Здесь безопаснее, чем в реальном мире.

— Ты заметил, что атаки на наше Общество в реальном мире значительно ослабели?

— Наш противник умен. Он знает, что Общество — это единственный способ получить разведывательные данные о Господе, а также единственная возможность добраться до технологии, которую нам передает Господь — даже если такой шанс невелик. Именно поэтому он позволяет нам в какой-то мере продолжать существование. Но я думаю, что он об этом пожалеет.

— Господь не настолько хитер. Он даже не понимает, что такое быть хитрым.

— Следовательно, он нуждается в нас. Очень на руку, что Общество по-прежнему существует. Надо как можно скорее сообщить всем соратникам.

Ньютон забрался на лошадь.

— Хорошо. Мне пора. Как только уверюсь, что здесь на самом деле безопасно, зайду на более долгое время.

— Даю гарантию: здесь абсолютно безопасно!

— Если так, то в следующий раз соберется больше людей. До свидания.

Ньютон рванул с места и умчался. Ко времени, когда топот копыт стих, небольшое солнце превратилось в летящую звезду, и на мир опустился полог ночи.

* * *

Ло Цзи расслабленно лежал на кровати и полусонными глазами следил, как женщина одевается после душа. Солнце стояло уже высоко. Оно просвечивало сквозь оконные занавеси. На их фоне женщина выглядела темным силуэтом, словно в сцене из какого-то черно-белого фильма, название которого он позабыл. Но сейчас было важнее вспомнить ее имя. Как же ее зовут? Так, спокойно. Сначала фамилия. Если бы ее звали Чжан, то она была бы Чжан Шань. Или она Чэнь? Тогда Чэнь Цзинцзин… нет, так звали других его женщин. Ему пришла идея посмотреть в телефоне, но телефон лежал в кармане, а одежда валялась на ковре. Да и в любом случае они были знакомы недолго, и он не успел записать ее номер в телефон. Главное сейчас было не спрашивать напрямую, как он однажды поступил — с катастрофическими последствиями. Он повернулся к телевизору, который она включила и оставила, приглушив звук. Показывали сессию Совета Безопасности ООН; люди заседали за большим круглым столом. Впрочем, это уже был не Совет Безопасности, но Ло Цзи не помнил его нового названия. Он совсем не следил за политикой.

— Сделай погромче, — попросил он. Без нежного обращения его слова прозвучали сухо, но сейчас ему было не до того.

— Можно подумать, тебе и впрямь интересно. — Она сидела и расчесывала волосы. Звук она так и не прибавила.

Ло Цзи протянул руку к прикроватной тумбочке, взял сигареты и зажигалку и закурил. Высунув ноги из-под полотенца, он с удовлетворением пошевелил большими пальцами.

— Вы только посмотрите на него! И он еще называет себя ученым! — Она наблюдала за ним в зеркале.

— Молодым ученым, — поправил он, — у которого не бог весть сколько достижений. Но это потому, что я лентяй. У меня на самом деле много идей. Иногда я за одно мгновение могу понять то, на что у других уходит вся жизнь. Веришь или нет, однажды я чуть было не стал знаменитостью!

— Из-за той «субкультуры», которую ты изучал?

— Нет, не из-за нее. Тогда я работал еще над одним проектом. Я основал космическую социологию.

— Что?

— Это социология инопланетян.

Она хихикнула, отложила расческу и взялась за макияж.

— Разве ты не знаешь, что многие ученые жаждут славы? Вот и я мог бы стать звездой.

— Ученых, изучающих инопланетян, сегодня пруд пруди.

— Это случилось только после того, как вся эта ерунда повылезала, — Ло Цзи указал на телевизор. На экране показывали большой стол и заседающих за ним людей. Что-то уж больно долго они мусолят этот сюжет. Прямая трансляция, что ли? — Раньше ученые не изучали инопланетян. Они стяжали себе славу, копаясь в кучах старых бумаг. Но потом публике надоела эта культурная некрофилия «старой гвардии»; я появился как раз в это время. — Он протянул обнаженные руки к потолку. — Космическая социология, инопланетяне и множество инопланетных рас. Больше, чем людей на Земле — десятки миллиардов! Ведущий той телепрограммы — «Аудитория» — хотел, чтобы я принял участие в нескольких передачах, но потом все это случилось на самом деле, а потом... — Он нарисовал кружок пальцем и вздохнул.

Она не слишком прислушивалась, читая суб-

титры на экране телевизора.

— «Мы не исключаем никаких вариантов в отношении эскапизма...» — что это значит?

— Кто выступает?

— Похоже, что Карнов.

— Он говорит, что нужно бороться с эскапизмом так же жестко, как и с ОЗТ, и что любого, строящего Ноев ковчег, нужно треснуть ракетой по башке.

— Это и в самом деле звучит жестко.

— Нет, — заверил ее Ло Цзи. — Это самая мудрая стратегия. Я уже давно это понял. И даже если дело не дойдет до бомб, все равно никто никуда не полетит. Ты читала книгу Лян Сяошэна «Плавучий город»?

— Нет, не читала. Это ведь старая книга?

— Верно. Я читал ее еще ребенком. Шанхай должен вскоре погрузиться в океан. Группы людей обходят дома, конфискуют и уничтожают спасательные круги, чтобы никто не выжил, раз уж суждено погибать всем. Помню, там была маленькая девочка, которая привела людей к одному из домов и закричала: «Вот у них есть!»

— Такие козлы, как ты, всегда считают общество мусорной свалкой.

— Чушь собачья. Экономика зиждется на ин-

стинктивном стремлении человека к наживе и существовать без него не может. В социологии пока нет подобного основополагающего принципа, но когда такой принцип найдут, он может оказаться даже еще неприятнее, чем в экономике. Правда всегда поднимает тучи пыли. Ну, допустим, небольшое количество людей улетит в космос — и что? С чего бы нам вообще гнать волну по этому поводу?

— По какому поводу?

— Зачем был нужен Ренессанс? Великая хартия вольностей? Французская революция? Если бы человечество было по-прежнему поделено на классы и удерживалось в них железной рукой закона, то те, кому положено, улетели бы, а те, кому полагалось остаться, остались бы. Во время династий Мин или Цин я бы улетел, а ты бы осталась. Но сейчас так не получится.

— Я не возражала бы, если бы ты улетел прямо сейчас.

И это, собственно, было правдой. Они достигли момента добровольного расставания. Ло Цзи всегда мог подгадать время такого окончания отношений со всеми своими любовницами — ни слишком рано, ни слишком поздно. На этот раз он был особенно удовлетворен своим контролем

над процессом. Они были знакомы всего неделю, и расставание шло гладко, элегантно, будто сброс отработавшей ступени у ракеты.

Он вернулся к предыдущей теме.

— А знаешь, это не мне пришло в голову основать космическую социологию. Хочешь знать, кому? Я скажу только тебе одной, так что не бойся.

— Без разницы. Я и так не верю большей части твоей болтовни, кроме одной вещи.

— Э-э... ладно, забудь. Какой еще вещи?

— Поднимайся. Я проголодалась. — Она подобрала его одежду с ковра и бросила на постель.

Они позавтракали в главном ресторане отеля. Народ за столиками вокруг них выглядел озабоченно, и порой они слышали обрывки разговоров. Ло Цзи не прислушивался специально, однако сам себе казался подобием фонарика в летнюю ночь — разрозненные слова слетались к нему, будто мотыльки, кружащие вокруг огня. Эскапизм, общественный доступ к технологии, ОЗТ, переход к военной экономике, база на экваторе, изменения в уставе, СОП, околоземный периметр предупреждения и обороны, независимый объединенный режим...

— Жизнь стала серой, не так ли? — сказал Ло

Цзи. Он закончил нарезать яйцо и положил вилку.

Она кивнула:

— Точно. Вчера я видела по телевизору какую-то игру для идиотов. Руки на звонках. — Она указала вилкой на Ло Цзи и, подражая телевизионной ведущей, протараторила: — «За сто двадцать лет до конца света будет жить ваше тринадцатое поколение — верно или неверно?»

Ло Цзи снова взялся за вилку и покачал головой:

— Никакое мое поколение в те годы жить не будет. — Он сложил руки, как в молитвенном жесте. — Линия моей семьи закончится на мне.

Она пренебрежительно фыркнула:

— Ты интересовался, каким из твоих слов я верю. Вот этим. Я слышала их от тебя и раньше. Такой уж ты человек.

И поэтому она решила его бросить? Он не хотел спрашивать, опасаясь скандала; но она, словно читая мысли, пояснила:

— Я тоже такой человек. Раздражает видеть свои черты в других людях.

— Особенно в других людях противоположного пола, — кивнул Ло Цзи.

— Но если ты нуждаешься в оправдании, то это

вполне ответственное поведение.

— Какое поведение? Не иметь детей? Конечно. — Ло Цзи указал вилкой на людей вокруг, обсуждающих перемены в экономике. — Знаешь ли ты, какая жизнь уготована их потомкам? Они целыми днями будут вкалывать на верфях — космических верфях, — а потом с бурчащими животами выстаивать очередь в столовой с подносами в руках в ожидании своего половника жидкой каши... После чего к ним воззовут: «Ты нужен Дяде Сэму!»... ах нет, это будет «Ты нужен Земле» — и вперед, ищи славы на военной службе.

— Твое описание больше подходит поколению Судного дня.

— Уйти на пенсию и встретить конец света. Как печально. Кроме того, дедушки и бабушки последнего поколения наверняка будут голодать. Но даже такое будущее маловероятно. Посмотри, как упрямы земляне. Спорю, что они будут сопротивляться до конца. Так что вопрос лишь в том, каким именно образом они в конце концов откинут копыта.

Позавтракав, они вышли из гостиницы в теплые объятия утреннего солнца. Воздух опьянял своей сладостью.

— Мне надо научиться жить. Жалко будет, если так и не научусь, — сказал Ло Цзи, рассматривая проносящиеся мимо автомобили.

— Нам не суждено этому научиться, — ответила она, высматривая такси.

— Тогда... — Ло Цзи вопросительно посмотрел на нее. Видимо, ему не понадобится вспоминать ее имя.

— Прощай. — Она кивнула; затем они пожали руки и коротко поцеловались.

— Может быть, еще встретимся. — Он пожалел об этих словах, как только произнес их. До сих пор все шло замечательно, зачем рисковать скандалом? Но волноваться не стоило.

— Вряд ли. — Она быстро повернулась, и сумка на ее плече лихо описала в воздухе круг. Позже эта деталь неоднократно всплывала в его памяти; он пытался понять, было ли действие преднамеренным. Это была приметная сумка LV; он и раньше неоднократно подмечал это движение у своей безымянной подружки: когда та резко поворачивалась, сумка совершала фигуры высшего пилотажа будто бы сама собой. Но на этот раз злосчастный аксессуар полетел прямо ему в лицо. Пытаясь уклониться, Ло Цзи отступил на шаг назад, споткнулся о пожарный гидрант и

упал навзничь.

Падение спасло ему жизнь.

В это время на дороге прямо перед ними две машины столкнулись лоб в лоб; не успел затихнуть звук удара, как еще один автомобиль — «Фольксваген Поло» — резко свернул, чтобы объехать аварию, и понесся туда, где стояла пара. Упав, Ло Цзи успешно избежал столкновения; лишь передний бампер «Фольксвагена» задел его ногу — ту, что была в воздухе. Толчок развернул упавшего Ло на девяносто градусов, лицом к багажнику машины. Он не слышал глухого удара, но увидел, как тело женщины перелетело через крышу автомобиля, рухнуло на дорогу, словно тряпичная кукла, покатилось по земле, оставляя кровавый след... Казалось, будто этот след внезапно наполнился неким глубоким смыслом. Ло Цзи вперился взглядом в ужасный символ и наконец вспомнил ее имя.

* * *

Невестка Чжан Юаньчао должна была вот-вот родить. Ее отвезли в родильную палату. Остальная семья собралась в комнате ожидания. Там был телевизор, показывавший, как правильно ухаживать за роженицей и за новорожденным.

От всей обстановки на Чжан Юаньчао веяло такими теплом и добротой, с какими он до сих пор не встречался. Это были остатки комфорта закончившегося Золотого века, разъедаемые постоянно углубляющимся кризисом.

Вошел Ян Цзиньвэнь. Первой мыслью Чжан Юаньчао было, что он пользуется шансом поправить их отношения. Но выражение на лице Ян Цзиньвэня сказало ему, что дело в другом. Без единого слова приветствия Ян Цзиньвэнь вывел его из комнаты ожидания в коридор и спросил:

— Ты и в самом деле купил акции фонда Исхода?

Чжан Юаньчао проигнорировал его и направился обратно, как бы говоря «Не твое дело».

— Вот взгляни, — Ян Цзиньвэнь сунул ему в руки газету. — Сегодняшняя.

Перед глазами Чжан Юаньчао появился набранный крупным шрифтом заголовок:

СПЕЦИАЛЬНАЯ
СЕССИЯ ООН ОДОБРЯЕТ РЕЗОЛЮЦИЮ 117
И ОБЪЯВЛЯЕТ ЭСКАПИЗМ ВНЕ ЗАКОНА.

Чжан Юаньчао внимательно прочитал начало статьи под заголовком.

Подавляющим большинством голосов специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН приняла резолюцию, объявляющую эскапизм нарушением международных законов. Резолюция в резких выражениях осудила раскол и волнения, которые разжег в обществе эскапизм, и представила его в глазах закона как преступление против человечества. Резолюция призвала государства — члены ООН к скорейшему принятию законодательства для пресечения эскапизма.

Китайский делегат в своем заявлении повторил позицию своего правительства по эскапизму и сообщил, что Китай полностью поддерживает резолюцию ООН номер 117. Он передал обещание китайского правительства немедленно начать работу над законодательством и принять эффективные меры по прекращению распространения эскапизма. Он завершил свое выступление словами: «Нам нужно ценить единство и солидарность международного сообщества в эти кризисные времена и поддержать

предложенный сообществом принцип равных прав на выживание для всего человечества. Земля — наш общий дом, и мы ее не бросим».

— Почему... почему они это сделали? — запинаясь, пролепетал Чжан Юаньчао.

— А разве неясно? Подумай немного, и ты поймешь, что Исход в космос был невозможен с самого начала. Основной вопрос: кто полетит, а кто останется? Это не простое неравенство, это вопрос выживания. Неважно, кто улетит — элита, богатые или простые люди. Если кого-то бросят, это будет означать крушение человеческой системы ценностей, всей суммы человеческой этики. У прав человека и у равноправия глубокие корни. Неравенство в выживании — это наихудший вид неравенства. Ни отдельные люди, ни целые народы, которых собираются оставить за кормой, ни за что не будут сидеть на месте и дожидаться смерти, если другие могут спастись. Начнутся серьезнейшие столкновения между обеими сторонами; мир будет ввергнут в хаос — и тогда никто не улетит. Резолюция ООН вполне разумна. Сколько ты потратил, Лао Чжан?

Чжан Юаньчао схватился за телефон. Он зво-

нил Ши Сяомину, но номер не отвечал. Под ним подкосились ноги; он сполз по стене и сел на пол. Он потратил 400000 юаней[9].

— Звони в полицию! Этот мальчишка Ши кое-чего не знает: у Лао Мяо есть рабочий телефон его отца. Никуда этот мошенник не денется!

Но Чжан Юаньчао лишь застыл на месте, качая головой. А потом со вздохом произнес:

— Ладно, его мы найти можем. Но денег-то уже и след простыл! Что я скажу своей семье?

Послышался детский плач, а потом медсестра выкрикнула:

— Номер девятнадцать, мальчик!

Чжан Юаньчао поспешил в комнату ожидания, забыв обо всем остальном.

За те тридцать минут, что они провели в комнате ожидания, родились десять тысяч младенцев. Их совместный плач был как гигантский хор. Золотой век, добрые времена, которые начались в 1980-х и продолжались вплоть до кризиса, остались в прошлом. Впереди ждали годы испытаний.

---

[9] Примечания: 9

Приблизительно соответствует 65000 долларам США на начало 2015 года. (*Прим. Дж. М.*)

* * *

Ло Цзи знал только то, что его заперли в маленькой комнатке в подвале. Подвал был глубоким; спуск на лифте занял много времени, пока устаревший механизм с ручным управлением не отсчитал десять этажей вниз. Десять этажей! Он снова осмотрел комнату. Постель на одного, простая обстановка и старый деревянный письменный стол создавали впечатление, что это помещение охраны, а не камера для заключенных. Ясно, что здесь давно никто не жил. В комнату принесли свежее постельное белье, но мебель оставалась грязной и пахла пылью.

Дверь открылась, и вошел приземистый человек среднего возраста. Он устало кивнул Ло Цзи.

— Доктор Ло, я пришел составить вам компанию. Вы прибыли недавно, так что вряд ли уже лезете на стенку.

«Прибыли недавно». Фраза резанула слух; «вас сюда засунули» было бы намного точнее. У Ло Цзи сжалось сердце. Его догадка подтверждалась. Доставившие его сюда люди были вежливы, но он, очевидно, находился под арестом.

— Вы полицейский?

Вошедший кивнул:

— Был раньше. Меня зовут Ши Цян.

Он присел на кровать и достал пачку сигарет. «В этой закрытой комнате некуда деваться дыму», — подумал Ло Цзи, но не посмел произнести вслух. Как бы читая его мысли, Ши Цян осмотрелся и сказал:

— Где-то должна быть вытяжка.

Он дернул за шнурок возле двери. Загудел вентилятор. Такие выключатели со шнурком были редкостью. Ло Цзи также обратил внимание на старый, покрытый пылью телефон с диском, валяющийся в углу. Ши Цян предложил сигарету, Ло Цзи неуверенно взял ее.

Когда они закурили, Ши Цян предложил:

— Еще рано. Поболтаем?

— Спрашивайте, — понурившись, ответил Ло Цзи и выдохнул облако дыма.

— О чем спрашивать? — Ши Цян с удивлением посмотрел на Ло Цзи.

Ло Цзи вскочил с постели и отбросил сигарету:

— Да как вы можете меня подозревать? Ведь понятно же, что это был всего лишь несчастный случай! Два автомобиля столкнулись, и она попала под третий, который объезжал место аварии. Это же ясно как день! — Он развел руками, не находя слов.

Ши Цян поднял голову и взглянул на него. Усталые глаза внезапно оживились, и за его обычной улыбкой проглянуло коварство опытного полицейского.

— Это ты сказал, не я. Мое начальство хочет, чтобы я помалкивал; да я ничего и не знаю. Подумать только, а я боялся, что нам не о чем будет поговорить! Присаживайся.

Ло Цзи остался стоять. Он подошел поближе к Ши Цяну и продолжил:

— Я знал ее только неделю. Мы встретились в баре около университета. Я даже не помнил ее имени, когда произошел несчастный случай. Скажите, что такого могло быть между нами, чтобы навести вас на подобные мысли?

— Ты даже не мог вспомнить, как ее зовут? Понятно, почему тебя не волнует ее смерть. Я знаю еще одного гения, такого же, как ты. — Он усмехнулся. — У доктора Ло не жизнь, а сказка! Стоит ему только свистнуть — и прибежит новая женщина. Да еще какая!

— Разве это преступление?

— Нет, конечно. Просто завидую. Я завел для себя одно правило: не читать никому мораль. Парни, с которыми мне приходится общаться, народ серьезный. Если бы я стал допекать их,

типа «Посмотри, что ты наделал! Подумай о родителях, об обществе...» и так далее, то мог бы с тем же успехом просто съездить им по физиономии.

— Я хотел бы поговорить о ней, офицер Ши. Вы на самом деле верите, что я ее убил?

— Посмотри-ка на него, сам вопрос поднимает! Даже говорит, что мог бы убить ее! Да мы просто так болтаем. Куда ты спешишь? Ясно же, что ты в этих делах новичок.

Ло Цзи пристально глядел на Ши Цяна. Несколько мгновений в комнате стояла тишина, не считая гудения вентилятора. Затем Ло Цзи рассмеялся и подобрал свою сигарету.

— Ло, дружище, — заговорил Ши Цян. — Ло, мальчик мой. Нас свела судьба. Знаешь ли, я работал над шестнадцатью делами, которые закончились высшей мерой. Девятерых преступников из их числа я лично отвел на расстрел.

Ло Цзи сунул свою сигарету Ши Цяну:

— Я не позволю вам отвести меня на расстрел. Будьте добры, известите моего адвоката.

— Отлично, мой мальчик, — Ши Цян похлопал Ло Цзи по плечу. — Я люблю решительных людей. — Он подобрался поближе и сквозь облако дыма продолжил: — С тобой всякое может произойти, но этот случай, в самом деле... — Он

умолк. — Вообще-то я здесь, чтобы тебе помочь. Знаешь анекдот? «По пути к эшафоту осужденный жалуется, что скоро пойдет дождь. А палач ему отвечает: “Тебе-то чего волноваться? Ведь это нам придется мокнуть на обратном пути!”» Нам обоим нужно вот такое настроение, чтобы справиться с тем, что нам предстоит. Ну ладно. У нас еще есть немного времени, прежде чем мы отправимся. Почему бы не поспать?

— Отправимся? — Ло Цзи снова уставился на Ши Цяна.

В дверь постучали. Вошел молодой человек с проницательными глазами. Он поставил на пол чемодан.

— Капитан Ши, планы поменялись. Мы отбываем прямо сейчас.

* * *

Чжан Бэйхай тихо открыл дверь в больничную палату, где лежал его отец. Тот полусидел в постели, опираясь на подушку, и выглядел лучше ожиданий. Золотистые лучи заходящего солнца светили через окно и придавали лицу больного немного более здоровый вид; он был не так похож на умирающего. Чжан Бэйхай повесил фуражку на вешалку у двери и присел на стул возле по-

стели. Он не спрашивал о самочувствии: старый солдат не ответил бы честно; да Бэйхай и не хотел честного ответа.

— Папа, я теперь служу в космических силах.

Больной кивнул, но ничего не сказал. Для отца и сына в безмолвном ответе содержалось больше информации, чем в словах. В молодости отец воспитывал сына в основном молчанием, а не разговорами. Слова служили лишь знаками препинания между паузами. Именно его немногословный отец воспитал Чжан Бэйхая тем человеком, каким он сегодня был.

— В точности, как вы полагали, они создают космический флот на основе военно-морского. Они думают, что бои в космосе будут и в теории и на практике похожи на морские сражения.

Отец кивнул:

— Очень хорошо.

— Так что же мне следует делать?

«И вот наконец я спросил об этом, папа. Я провел бессонную ночь, собираясь с мужеством, чтобы задать этот вопрос. Даже сейчас, перед встречей с вами, я колебался, потому что знаю: этот вопрос разочарует вас больше любого другого. Помню, когда я закончил школу и поступил во флот курсантом, вы сказали мне: «Бэйхай, тебе

предстоит долгая дорога. Я это говорю потому, что все еще могу легко понимать тебя, а это значит, что ты еще незрелый человек. Твой разум еще прост и недостаточно тонок. Однажды наступит день, когда я не смогу читать твои намерения или понимать тебя, но ты легко сможешь понять меня. Вот тогда ты наконец станешь взрослым». Прошло время, я вырос, как вы и говорили, и вы больше не можете запросто понимать своего сына. Я знаю, что вам от этого грустно. Но ваш сын и в самом деле становится таким человеком, каким вы хотели его видеть. Не особенно любимым другими, но способным добиться успеха в сложном и опасном мире военно-морского флота. То, что я задаю этот вопрос, означает, что уроки, которые вы мне давали на протяжении трех десятков лет, в переломный момент оказались бесполезны. Но, папа, все равно ответьте мне. Ваш сын не так хорош, как вам казалось. Ответьте мне один-единственный раз».

— Подумай еще, — сказал отец.

«Хорошо, папа. Вы дали мне свой ответ. Этими двумя словами вы сказали очень много — больше, чем можно было уместить в двадцать тысяч слов. Поверьте, я слушаю их всей душой, но мне нужно, чтобы ваш ответ был яснее. Он слишком важен».

— А после того, как я подумаю? — спросил Чжан Бэйхай, обеими руками вцепившись в простыню. Его лоб и ладони вспотели.

«Папа, простите. Если я уже разочаровал вас, то позвольте мне еще разок побыть ребенком».

— Бэйхай, я могу только посоветовать тебе подумать, долго и тщательно, — ответил его собеседник.

«Спасибо, папа. Ваш ответ ясен, и я его понял».

Чжан Бэйхай отпустил простыню и прикоснулся к костлявой руке больного:

— Папа, я больше не выйду в море. Я буду часто приходить к вам.

Отец улыбнулся, но покачал головой:

— У меня нет ничего серьезного. Занимайся своей работой.

Они поговорили еще — сначала о семейных делах, а потом об организации космических сил. Отец высказал множество собственных предложений, в том числе дал совет по будущей работе Чжан Бэйхая. Они представили себе формы и размеры боевых космических кораблей, обсудили оружие для войны в космосе и даже затронули правоту гипотезы, что теория морских сражений

Мэхэна применима к сражениям в космосе[10].

Но в их разговоре было мало существенного. Это была просто словесная прогулка отца и сына. Все самое важное заключалось в трех фразах, которыми обменялись их сердца:

«Подумай еще».

«А после того, как я подумаю?»

«Бэйхай, я могу только посоветовать тебе подумать, долго и тщательно».

Чжан Бэйхай попрощался с отцом. Уже выходя из палаты, обернулся на пороге. Солнечный свет угас, и молодой офицер хотел взглянуть на отца, лежащего в тени. В сумраке его глаза высмотрели одно последнее пятно света на противоположной стене. Хоть оно тоже должно было вскоре погаснуть, в это время заходящее солнце красивее всего. Последние лучи заката падали на волны, прокатывающиеся по сердитому океану. Копья света пробивались через разрозненные облака и расцвечивали воду громадными золотистыми

---

[10] Примечания: 10

Альфред Тэйер Мэхэн (*англ. Alfred Thayer Mahan*; 1840–1914) — американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из основателей геополитики. Среди основных положений его теории «морской силы» как основы военной мощи государства есть такие принципы: оборона своих берегов начинается у берегов противника; война решается генеральным сражением. Теория Мэхэна не потеряла своей актуальности до сих пор, хотя и подвергается критике. (*Прим. перев.*)

пятнами, как лепестками, упавшими с небес. А дальше, за лепестками, над миром, темным как ночь, собирались густые тучи. Грозовые облака висели между небом и землей словно занавес богов. Время от времени вспышки молний освещали снежно-белую морскую пену, срывавшуюся с верхушек волн. Посреди одного такого золотистого пятна виднелся эсминец, с трудом поднимавший нос из впадины между волнами. С оглушающим грохотом он прорвался сквозь волну, и водяная пыль, словно гигантская птица Рок, протянувшая к небу свои огромные, блестящие крылья, жадно впитала свет.

Чжан Бэйхай надел фуражку с эмблемой китайских космических сил и подумал: «Папа, мы мыслим одинаково. В этом мне повезло. Я не принесу вам славы, но я принесу вам покой».

* * *

— Господин Ло, пожалуйста, переоденьтесь вот в это, — попросил молодой человек, опустившись на корточки, чтобы открыть принесенный им чемодан. Хоть мужчина и вел себя исключительно вежливо, Ло Цзи чувствовал какое-то неудобство, как если бы проглотил муху. Но когда он увидел извлеченную из чемодана одежду, то понял, что

ему предлагают не униформу заключенного: на вид это был обычный коричневый пиджак. Ло Цзи взял его и стал рассматривать плотную материю. Ши Цян и его коллега надели похожие пиджаки, только других цветов.

— Надевай, — поторопил его Ши Цян. — Он удобный, и ткань дышит. Не то что старые модели, которые нам приходилось таскать. У тех подкладка прилипала к телу.

— Пуленепробиваемый, — отметил молодой человек.

«Они что, боятся, что меня убьют? Да кому оно нужно?» — подумал Ло Цзи, переодеваясь.

Все трое вышли из комнаты и направились по коридору к лифту. Под потолком змеились прямоугольные короба вентиляции; они прошли мимо нескольких прочных, герметично закрытых дверей. Ло Цзи заметил полустертую надпись на стене. Виднелась только ее часть, но он знал этот лозунг целиком: «Рой глубокие туннели, копи зерно, не стремись к господству над другими»[11].

— Гражданская оборона? — спросил он.

---

[11] Примечания: 11

Под городами Китая с конца 1960-х годов строили огромные подземные лабиринты для защиты от вражеского нападения. Лозунг был придуман на основе совета, данного основателю династии Мин. Он затем был опубликован в новогоднем выпуске газеты «Жэньминь жибао» в январе 1973 года как указание от Мао Цзэдуна. (*Прим. Дж. М.*)

— Не обычная. Это противоатомное убежище, но оно уже устарело. А в те годы нужно было быть птицей высокого полета, чтобы сюда попасть.

— Значит, мы на... Западных холмах? — задал вопрос Ло Цзи, но его спутники не ответили. Ло Цзи слышал об этом секретном центре управления. Они вошли в древний лифт и начали подниматься, сопровождаемые ужасным скрежетом металла. Лифтером был солдат вооруженной полиции. Он, похоже, впервые стоял на этом посту — ему пришлось повозиться с кнопками и рычагами, прежде чем лифт добрался до минус первого этажа.

Выйдя из кабинки, Ло Цзи увидел, что они находятся в большом зале с низким потолком — подземном гараже. Здесь стояло множество автомобилей; у некоторых работали двигатели, отравляя выхлопом атмосферу. Вдоль рядов машин и между ними ходили люди. Единственный фонарь висел в дальнем углу; зал тонул в полумраке, и людей было трудно разглядеть — только когда они проходили мимо фонаря, становилось видно, что это вооруженные до зубов солдаты. Некоторые из них кричали в рации, пытаясь быть услышанными среди рева моторов. Их голоса звучали возбужденно.

Ши Цян повел Ло Цзи между двумя рядами автомобилей; его сотрудник шел позади. Фонарь и красные габаритные огни, чередуясь, подсвечивали Ши Цяна непрерывно меняющимся цветным узором, и это напомнило Ло Цзи о полутемном баре, в котором он встретил свою недавнюю подругу.

Ши Цян подвел Ло Цзи к одному из автомобилей, открыл дверь и помог ему сесть. Салон был просторным, но маленькие окна с тонированными стеклами глубоко утопали в необыкновенно толстых стенках. Этой машине не был страшен даже взрыв бомбы. Дверь осталась распахнутой, и Ло Цзи услышал разговор между Ши Цяном и молодым человеком.

— Капитан Ши, они только что позвонили и сказали, что проверили весь маршрут. Снайперы заняли позиции.

— Маршрут слишком сложный. Нам удалось только пару раз попрактиковаться — прогнать из конца в конец. Маловато для полного спокойствия. И насчет позиций охраны... Я ведь уже говорил: ты должен думать, как *они*. Где бы ты устроил засаду, если бы оказался на их стороне? Еще раз попроси совета у спецназа. Эй, а где план передачи?

— Они не сказали.

Ши Цян повысил голос:

— Идиоты! Они не имеют права пустить такую важную часть задачи на самотек!

— Капитан Ши, похоже, начальство хочет, чтобы мы осуществляли сопровождение до самого конца пути.

— Да я готов осуществлять его хоть до конца жизни, но раз на том конце должна произойти передача, то необходимо однозначное разграничение обязанностей. Нужна черта. Все, что случится до этой черты, — на нас. После — на них.

— Они не сказали... — Молодой человек чувствовал себя некомфортно.

— Чжэн, я понимаю — ты не рад тому, что вынужден делать с тех пор, как Чан Вэйсы пошел на повышение. Проклятье, мы как будто не существуем для его недавних подчиненных! Но должно же у нас быть хоть какое-то самоуважение! Кем, черт побери, они себя считают? Они бывали под огнем противника? Стреляли по кому-нибудь сами? В последней операции эта команда привлекла так много технической поддержки, просто цирк какой-то! Даже самолет дальнего радиолокационного обнаружения за-

действовали. Но кто в результате нашел место, где собирались подонки из ОЗТ? Мы! Этим мы заработали кое-какие очки. Чжэн, понадобилось множество уговоров, чтобы перевести вас всех сюда, но боюсь, как бы вам это не вышло боком.

— Капитан Ши, не говорите так.

— С этим миром не все в порядке. Ты понимаешь? Мораль уже не та, что раньше. Все обвиняют в своих неудачах других, так что держи ушки на макушке! Говорю об этом потому, что не уверен, сколько еще я смогу продержаться. Боюсь, все это может свалиться на твою бедную голову.

— Капитан Ши, вам нужно серьезно задуматься о своем заболевании. Разве начальство не вписало вас в очередь на анабиоз?

— Сначала мне нужно о многом позаботиться. Семья, работа. И ты думаешь, что меня не волнует ваша судьба?

— Не беспокойтесь о нас. В вашем состоянии нельзя надолго откладывать гибернацию. Ваши десны опять кровоточили сегодня утром...

— Пустяки. Мне везет, ты же знаешь. В меня стреляли из трех пистолетов, и все три были неисправны.

Автомобили в конце зала начали выезжать. Ши Цян сел в машину и захлопнул дверь. Они

поехали за машиной, стоявшей по соседству. Ши Цян задвинул занавески на боковых окнах, и непрозрачная перегородка между передним и задним сиденьями полностью закрыла для Ло Цзи вид наружу. Пока они ехали, рация Ши Цяна постоянно трещала, но Ло Цзи не понимал, ни что они говорят, ни что им отвечает Ши Цян.

Они проехали немного, и Ло Цзи признал:

— Все еще сложнее, чем вы говорили.

— Ну да. Теперь все сложно, — машинально ответил Ши Цян. Его внимание было приковано к рации. Больше они не разговаривали.

Поездка шла плавно и без остановок, и примерно через час они приехали.

Ши Цян вылез из машины, велел Ло Цзи ждать внутри и закрыл дверь. Ло Цзи слышал доносящийся сверху рокот. Через несколько минут Ши Цян снова открыл дверь и выпустил Ло Цзи наружу. Тот понял, что они на аэродроме. Рев стал оглушительным. Он посмотрел вверх и увидел два вертолета, висящих в воздухе и развернутых в противоположных направлениях, как если бы они следили за окружающей территорией. Прямо перед ним возвышался большой самолет, похожий на пассажирский; но, насколько он мог видеть, на нем не было никаких эмблем.

Непосредственно от двери автомобиля ко входу в самолет вел трап; Ши Цян и Ло Цзи тут же поднялись по нему. Наверху Ло Цзи обернулся и заметил ряды истребителей на стоянке вдали. Это был военный аэродром. Ближе стояли машины конвоя, доставившего его сюда. Солдаты вышли из машин и оцепили самолет. В лучах заходящего солнца тень самолета на взлетно-посадочной полосе вытянулась, словно гигантский восклицательный знак.

Ло Цзи и Ши Цян вошли внутрь. Три человека в черных костюмах встретили их и провели через пустой салон первого класса. В среднем салоне Ло Цзи обнаружил довольно большой кабинет и еще несколько помещений. В полуоткрытую дверь он увидел, что одно из них — спальня. Мебель была непримечательной, но приличной и добротно сработанной. Если бы не зеленые ремни безопасности на каждом кресле и на диване, было бы трудно поверить, что он в самолете. Ло Цзи знал, что в стране было очень немного чартерных самолетов такого класса.

Двое из троих сопровождающих прошли через дверь в хвостовой салон. Оставшийся, самый молодой, сказал:

— Садитесь, где хотите, но обязательно присте-

гивайтесь — не только при взлете и посадке, но и в течение всего полета. Если ляжете спать, тоже пристегивайтесь. Ничего не оставляйте лежать свободно. Все время оставайтесь в своем кресле или в кровати. Если вам будет необходимо встать, сначала сообщите капитану. Нажмите вот эту кнопку и говорите. Кнопки есть возле каждого кресла и каждой кровати. Если вам что-нибудь понадобится, вызывайте нас в любое время.

Ло Цзи недоуменно посмотрел на Ши Цяна. Тот пояснил:

— Самолет может выполнить кое-какие специальные маневры.

Сопровождающий согласно кивнул:

— Точно. Пожалуйста, дайте мне знать, если у вас возникнут какие-либо вопросы. Меня зовут Сяо Чжан. Когда мы взлетим, я принесу вам обед.

После ухода Сяо Чжана Ло Цзи и Ши Цян сели на диван и пристегнулись. Ло Цзи осмотрелся. За исключением круглых иллюминаторов и слегка изогнутых стен, комната выглядела настолько стандартно и привычно, что было немного странно пристегиваться ремнями в обычном офисе. Но вскоре гул и вибрация двигателей напомнили ему, что он в самолете, маневрирующем по летному полю. А еще через несколько минут звук

моторов изменился, и обоих путешественников вдавило в спинку дивана. Затем дрожь взлета пропала, и пол офиса наклонился. По мере набора высоты солнце, уже скрывшееся за горизонтом, снова осветило иллюминаторы. Это было то же самое солнце, чьи лучи десять минут назад в последний раз на сегодня заглянули в больничную палату отца Чжан Бэйхая.

* * *

К тому времени, когда самолет Ло Цзи достиг побережья, У Юэ и Чжан Бэйхай, десятью тысячами метров ниже, снова рассматривали незаконченный «Тан». Ло Цзи уже не суждено оказаться ближе к этим двум офицерам, чем сейчас.

Как и во время их предыдущего посещения, гигантский корпус «Тана» был скрыт вечерней полутьмой. Каскады искр на обшивке не были столь многочисленны, и освещающие корабль прожекторы горели не так ярко. И на этот раз У Юэ и Чжан Бэйхай уже не служили во флоте.

— Я слышал, что Главный отдел вооружений решил остановить проект «Тан», — произнес Чжан Бэйхай.

— Какое это имеет отношение к нам? — холодно ответил У Юэ. Его глаза метались между «Таном»

и последней полоской заходящего солнца.

— У тебя плохое настроение с тех самых пор, как ты перешел в космические силы.

— Ты знаешь почему. Ты всегда мог читать мои мысли, порой даже лучше, чем я сам; а потом ты растолковываешь мне, о чем именно я думаю.

Чжан Бэйхай повернулся к У Юэ.

— Ты подавлен тем, что присоединился к войне, которая, вне всяких сомнений, уже проиграна. Ты завидуешь тому последнему поколению, которое будет достаточно молодым, чтобы воевать и быть похороненным в космосе, вместе со всем флотом. Тебе трудно смириться с тем, что вся твоя жизнь будет потрачена на безнадежное предприятие.

— Есть что посоветовать?

— Нет. Технофетишизм и технологический триумфализм глубоко укоренились у тебя в уме. Я уже давно понял, что не смогу тебя переделать. Я могу только уменьшить вред от такого образа мышления. Кроме того, я считаю, что человечество способно выиграть эту войну.

У Юэ забыл о своей маске холодности и посмотрел Чжан Бэйхаю в глаза.

— Бэйхай, ты всегда был прагматиком. Ты выступал против строительства «Тана» и неоднократно, под протокол, высказывал сомнения

в необходимости океанского флота. Ты тогда утверждал, что он несовместим с преимуществами нашего положения. Ты полагаешь, что нашему флоту следует оставаться у берега, под защитой береговой артиллерии. Эту идею «панциря черепахи» высмеивала вся молодежь, но ты не сдавался. Так откуда же у тебя теперь такая уверенность в победе в космосе? Ты и впрямь веришь, что деревянные лодки могут потопить авианосец?

— После провозглашения независимости созданный на пустом месте флот воспользовался деревянными лодками, чтобы потопить эсминцы националистов. А ранее бывали случаи, когда наша армия посылала кавалерию против танков.

— Но ты же не можешь всерьез полагать, что подобные чудеса можно считать обычной военной теорией?

— На этом поле боя земной цивилизации не потребуется следовать обычной военной теории, — Чжан Бэйхай поднял палец. — Достаточно одного-единственного исключения.

У Юэ ответил ему насмешливой улыбкой.

— Хотелось бы знать, как ты устроишь это исключение.

— Я ничего не знаю о войне в космосе, конечно.

Но если уж речь зашла об атаке деревянных лодок против авианосца, я полагаю, что достаточно смелости в действиях и уверенности в победе. В лодке может поместиться небольшая группа боевых пловцов. Они будут ждать на курсе авианосца. Когда авианосец приблизится, пловцы спустятся в воду, а лодка отойдет в сторону. Когда авианосец окажется совсем рядом, они прикрепят к корпусу мину и потопят корабль... Конечно, это будет очень трудно, но не невозможно.

У Юэ кивнул:

— Неплохо. Такие попытки известны. Во время Второй мировой войны британцы предложили этот метод как один из вариантов уничтожения «Тирпица»; но в их плане фигурировала небольшая подводная лодка. В 1980-х в войне за Мальвинские острова аргентинский спецназ доставил итальянские магнитные мины в Испанию и попытался взорвать британский корабль, стоящий в гавани Гибралтара. Ты и сам знаешь,

что произошло дальше[12].

— Но у нас не просто маленькая деревянная лодка. Можно изготовить ядерное устройство на одну или две тысячи тонн в тротиловом эквиваленте; оно будет достаточно портативным, чтобы один или два пловца могли с ним работать под водой. Подведи такую мину под авианосец, и он не просто утонет — его разнесет в пыль!

— Порой у тебя проклевывается отличное воображение, — с улыбкой сказал У Юэ.

— Я убежден в нашей победе. — Чжан Бэйхай посмотрел на «Тан». Далекие фонтаны искр электросварки отражались в его зрачках двумя маленькими огоньками.

У Юэ тоже посмотрел на «Тан», и у него в уме возникла новая картина. Корабль теперь пред-

---

[12] Примечания: 12

Поскольку наверняка не все наши читатели знают, о чем речь, а эпизод был воистину замечательный, даже несколько комичный, расскажем. В состав частей особого назначения военно-морского флота Аргентины входит тактическая группа боевых пловцов. Все ее члены являются высококвалифицированными боевыми пловцами, специалистами подводного минирования, парашютистами, отлично подготовленными к диверсионным действиям в самых разных условиях. Эта группа принимала участие в англо-аргентинской войне.

Эпизод, о котором упоминает У Юэ, — это неудачная попытка аргентинских боевых пловцов провести в мае 1982 года диверсии на английской военно-морской базе в Гибралтаре, в которой пополняли запасы военные суда и корабли, следовавшие в район Фолклендских островов. Для проведения операции из Буэнос-Айреса в Испанию обычным рейсовым самолетом в начале мая прибыла разведывательно-диверсионная

группа боевых пловцов из четырех человек во главе с лейтенантом Луисом Альберто Фернандесом. Группе была поставлена задача во что бы то ни стало, даже ценой собственной жизни, взорвать несколько английских военных кораблей и судов в районе Гибралтара в отместку за потопленный англичанами крейсер «Адмирал Бельграно».

К операции были подключены военный и военно-морской атташе аргентинского посольства в Испании, которые снабдили группу четырьмя мощными магнитными диверсионными минами весом по 20 кг каждая, надувной лодкой с мощным навесным мотором и полным комплектом подводного снаряжения боевых пловцов. После прибытия в испанскую провинцию Кадис рядом с Гибралтаром группа разделилась на пары. Были сняты номера в фешенебельном отеле «Рио-Гранде» и несколько квартир в Малаге, взяты в аренду автомобили. В течение двух недель по ночам все четверо совершили несколько скрытных проникновений в Гибралтар с использованием надувной лодки, причем эти вторжения ни разу не были обнаружены береговой охраной. Эти вылазки позволили группе получить всю необходимую информацию для успешного проведения диверсий в Гибралтаре. Объем собранной группой информации и аренда квартир в районе, прилегающем к базе, указывают на то, что предполагалось проведение не одной, а нескольких операций с использованием других диверсионных групп, и не только на рейде и в порту, но и на складах боеприпасов в самой базе. Однако проведение операции 31 мая было совершенно случайно сорвано испанской полицией, которая за восемь часов до ее начала задержала командира, а затем и остальных членов группы, приняв их за обычных уголовников, торговцев наркотиками или террористов, сорвавших деньгами налево и направо. Когда задержали Фернандеса (не оказавшего никакого сопротивления), он спокойно и вежливо заявил полицейским, что является лейтенантом аргентинских ВМС, прибывшим в Испанию с секретной миссией по заданию специальной службы Аргентины. Несмотря на протесты аргентинца, испанская полиция, приняв его заявление за розыгрыш,

провела обыск в его номере в гостинице, где обнаружила в чемоданах четыре магнитные мины и легкие водолазные костюмы, а в стоявшей у отеля автомашине — надувную лодку с мотором, приборы ночного видения, баллоны с кислородом, подводные часы и компасы. В ходе допроса лейтенанта полицейские узнали адрес квартиры в Малаге, где находились еще два боевых пловца. В квартире были обнаружены четыре детонатора, которые хранились отдельно от мин, несколько карт акватории Гибралтара, глубинных течений района, записи наблюдений за движением судов в порту, вырезки из газет и прогноз погоды на 31 мая.

Как раз 31 мая 1982 года Испания официально вступила в НАТО, и инцидент был строго засекречен, а все материалы по делу уничтожены. Аргентина заявила о непричастности к этому инциденту, а члены диверсионной группы были депортированы из Испании.

ставлялся не старинной разрушенной крепостью, а доисторическим утесом с множеством вырытых в нем глубоких пещер. Разрозненные искры сварки были мерцающими огнями костров, горящих в этих пещерах.

* * *

После взлета и во время обеда Ло Цзи воздерживался от вопросов о том, куда они летят и что, собственно, происходит. Он заключил, что если бы Ши Цян хотел что-то ему сказать, то уже бы сказал. Один раз он расстегнул ремень безопасности и встал, чтобы выглянуть в иллюминатор, хоть и был уверен, что в темноте ничего не увидит. Однако Ши Цян пошел вслед за ним и закрыл шторку, пояснив, что смотреть там не на что.

— Почему бы нам еще немного не поболтать перед сном? Что ты на это скажешь? — предложил Ши Цян, выбивая из пачки сигарету. Вспомнив, что они в самолете, он тут же затолкал сигарету обратно.

— Перед сном? Сколько же нам лететь?

— Да какая разница? Кровати здесь есть, почему бы в них не завалиться?

— Насколько я понимаю, вы отвечаете только за доставку меня в точку назначения?

— А тебе-то на что жаловаться? Это ведь мне придется возвращаться! — осклабился Ши Цян. Черный юмор, по-видимому, доставлял ему удовольствие. Но затем он перешел на серьезный тон: — Я знаю о твоем путешествии не больше, чем ты сам. Кроме того, мне еще рано что-либо тебе объяснять. Не волнуйся. В точке передачи тебе скажут все, что надо.

— Я уже несколько часов теряюсь в догадках, и у меня есть только одна теория.

— Ну расскажи — сравним мою теорию и твою.

— Та женщина была самым обычным человеком; из этого следует, что кто-то из ее родственников или знакомых занимал высокое положение. — Ло Цзи ничего не знал о ее семье, как и о семьях других своих любовниц. Это его не интересовало; даже если ему говорили, он тут же забывал.

— Кто? А, та твоя подружка? Забудь о ней; впрочем, она и так тебя не интересует. Или, если хочешь, сопоставь ее имя и лицо с какими-нибудь знаменитостями.

Ло Цзи перебрал несколько комбинаций, но совпадений не обнаружил.

— Ло, кореш, ты умеешь обманывать? — спросил Ши Цян. Ло Цзи заметил одну особенность его речи. Когда он шутил, то называл Ло «мой

мальчик», но когда говорил более серьезно — переходил на «парня» или «кореша».

— Я должен кого-то обмануть?

— Конечно. Как насчет того, что я тебя научу паре приемчиков? Конечно, я и сам не мастак. Работаю-то все больше над разоблачением мошенничества… Я тебе сейчас расскажу пару приемов из комнаты допросов. Позже они могут тебе пригодиться, чтобы понять, что происходит. Разумеется, они из числа наиболее простых. Другие трудно объяснить. Начнем с самого мягкого, который в то же время и самый простой. Это «список». Ты составляешь длинный список вопросов по делу, а потом задаешь эти вопросы один за другим и записываешь ответы допрашиваемого. Ты задаешь эти вопросы неоднократно, если требуется. Потом сравниваешь ответы. Если человек лжет, то ответы будут каждый раз разные. Техника проще некуда, но не смотри на нее с пренебрежением. С ней не справится никто, кроме прошедших специальное обучение по противодействию допросам. Поэтому самый эффективный метод против «списка» — это просто молчать. — Ши Цян покрутил в пальцах сигарету, а потом отложил ее в сторону.

— Поинтересуйтесь у персонала, — посоветовал

Ло Цзи. — Это чартерный рейс, курение, наверное, разрешено.

Ши Цян был увлечен своей речью, и, похоже, его немного уязвило, когда Ло Цзи в нее вклинился. Ло Цзи понял, что собеседник говорит серьезно. А если он все же шутит, то у него странноватое чувство юмора. Ши Цян нажал на красную кнопку интеркома возле дивана. Сяо Чжан ответил, что они могут делать все, что пожелают. Тогда оба закурили.

— Следующий метод уже не такой мягкий... Пепельницу придвинуть нельзя, но она открывается. Да, вот так... Этот метод называется «черное и белое». Он посложнее, и тебе потребуются помощники. Сначала появляются плохие полицейские, обычно не меньше двух, и они ведут себя очень грубо. Кто-то из них груб на словах, а кто-то физически. Главное — все они жутко злые. Их стратегия — не просто запугать, а вызвать у допрашиваемого чувство, будто против него ополчился весь мир. А потом появляется хороший полицейский — только один. У него доброе лицо, он останавливает плохих полицейских, говорит им, что ты тоже человек, что у тебя есть права и как только они могут так обращаться с тобой? Плохие полицейские посылают его на фиг

— пусть, мол, не мешает им работать. Хороший полицейский распинается вовсю: «Так поступать нельзя!» Тогда плохие полицейские принимаются его ругать: «Мы всегда знали, что у тебя кишка тонка для этой работы! Если не можешь работать, пошел вон!» Хороший полицейский загораживает тебя своим телом и заявляет: «Я буду защищать его права, я буду стоять за справедливость!» Тогда плохие полицейские обещают: «Завтра вылетишь отсюда как миленький!» — и в гневе уходят. Остаетесь только вы двое. Хороший полицейский утирает кровь и пот с твоего лица, просит не бояться и заверяет, что у тебя есть право хранить молчание. А дальше, как ты уже догадываешься, он становится твоим единственным другом в этом мире; когда он беседует с тобой, ты уже не молчишь... Этот метод наиболее эффективен против интеллектуалов, но, в отличие от «списка», он не действует, если ты о нем знаешь заранее.

Ши Цян говорил с воодушевлением, даже порывался расстегнуть ремень безопасности и встать. Ло Цзи, охваченный страхом и отчаянием, чувствовал себя так, будто провалился в расщелину во льду. Заметив его состояние, Ши Цян притормозил.

— Хорошо, не будем больше говорить о допро-

сах, хотя эти сведения могут тебе пригодиться. Всего сразу не охватить. В любом случае, я собирался рассказать тебе, как водить людей за нос, поэтому запомни: подлинное хитроумие заключается в том, чтобы не демонстрировать хитроумия. Все не так, как в кино. Самые умные не выделяются. По ним не скажешь, что они умеют шевелить мозгами. Вид у них самый что ни на есть невинный и приблажный. Кое-кто безвкусно одет или сюсюкает при разговоре; иные беспечны и несерьезны. Самое главное — не дать другим понять, что ты важен, что тобой стоит заинтересоваться. Пускай они смотрят на тебя с пренебрежением, пускай не замечают тебя — и тогда они не посчитают тебя препятствием. Ты просто метла в углу. Наивысшее достижение в этом деле — когда тебя вообще не видят, вплоть до того момента, когда умирают от твоей руки.

— Да зачем мне становиться таким?! Разве мне это когда-нибудь понадобится? — перебил Ло Цзи.

— Как я уже говорил, я об этом знаю не больше тебя. Но у меня есть предчувствие, что тебе потребуется стать таким. Парень, у тебя не будет другого выхода! — Ши Цян снова разгорячился и хлопнул его по плечу — так сильно, что тот

поморщился.

Потом они посидели в молчании, наблюдая, как клубы дыма поднимаются к потолку и исчезают за вентиляционной решеткой.

— Ладно, хрен с ним. Ну что, на боковую? — спросил Ши Цян, раздавив окурок в пепельнице. Потом с улыбкой встряхнул головой: — Треплюсь как идиот. Когда будешь об этом вспоминать, не смейся надо мной.

В спальне Ло Цзи снял свой пуленепробиваемый пиджак и залез в специальный спальный мешок. Ши Цян помог ему пристегнуть мешок к кровати, а потом поставил на тумбочку небольшой пузырек.

— Снотворное. Прими, если не сможешь заснуть. Я просил спиртного, но они сказали, что у них нет.

Ши Цян напомнил, что следует предупредить пилотов, если Ло Цзи будет вставать с постели, и развернулся, чтобы уйти.

— Офицер Ши, — позвал его Ло Цзи.

Уже в двери Ши Цян полуобернулся к нему.

— Я не полицейский. Полиция никак не связана с этим делом. Все зовут меня Да Ши.

— Хорошо, Да Ши, когда мы беседовали, я кое-что подметил. Я обратил внимание на первые

ваши слова. Или, точнее, на ваш первый ответ. Я сказал «та женщина», а вы сначала даже не поняли, о ком я говорю. Это значит, что она в этом деле вообще ни при чем.

— Ты один из самых хладнокровных людей, которых я когда-либо встречал.

— Я просто циник. Не так уж много на свете вещей, о которых я стал бы беспокоиться.

— Что бы это ни было, я никогда не встречал человека, который сохранил бы спокойствие в подобной ситуации. Забудь все, что я говорил. Люблю пошутить.

— Вы просто хотите чем-то занять меня, чтобы спокойно выполнить свое задание.

— Уж извини, если заставил тебя поволноваться.

— О чем, по-вашему, мне стоит сейчас думать?

— Исходя из моего опыта, лучше всего вообще ни о чем. Тебе следует просто поспать.

Ши Цян вышел и закрыл дверь. Комната погрузилась в темноту, за исключением небольшой красной лампочки у изголовья постели. Всепроникающий шум двигателей был особенно заметен; казалось, что само бесконечное ночное небо за стенкой издает низкий гул.

А потом Ло Цзи почувствовал, что это не ил-

люзия, что гул и в самом деле идет откуда-то снаружи. Он отцепил ремень, вылез из спального мешка и поднял шторку иллюминатора возле кровати. Над бесконечным серебристым океаном облаков плыла луна. Ло Цзи заметил над облаками еще кое-что, тоже отсвечивающее серебром. Четыре прямые полоски на фоне ночного неба. Они неотрывно следовали за самолетом; их концы постепенно бледнели и растворялись в ночном небе, как четыре сверкающих меча, летящих выше облаков. Ло Цзи присмотрелся к началу полосок и обнаружил, что серебристые линии исходят от четырех объектов, поблескивающих металлом. Истребители! Было нетрудно предположить, что еще четыре летят по другому борту самолета.

Ло Цзи опустил шторку и забрался обратно в спальный мешок. Он закрыл глаза и попробовал ни о чем не думать. Он хотел не спать, а очнуться ото сна.

* * *

Рабочее совещание космических сил продолжалось до глубокой ночи. Чжан Бэйхай отодвинул лежавшие перед ним блокнот и документы и встал, вглядываясь в усталые лица офицеров.

Затем повернулся к Чан Вэйсы.

— Командующий, прежде чем мы доложим о проделанной работе, я хотел бы поделиться некоторыми из своих наблюдений. Я считаю, что военное руководство не уделяет достаточного внимания политической и идеологической работе в войсках. Например, политический отдел — последний из всех шести сформированных отделов, представляющий свой отчет на этом совещании.

Чан Вэйсы кивнул.

— Разделяю твое мнение. Политические комиссары еще не прибыли, поэтому надзор за политработой пал на меня. Теперь, когда мы наконец начали деятельность во всех направлениях, времени ни на что не хватает. Так что нам приходится рассчитывать на тебя и других, кто отвечает за конкретные направления.

— Командующий, я считаю, что сложилась опасная ситуация. — Это замечание привлекло внимание нескольких офицеров. Чжан Бэйхай продолжил: — Прошу прощения за то, что говорю без обиняков. Прежде всего, мы заседаем уже целый день, все устали. Никто не будет слушать, если я не буду прямолинеен.

Несколько человек засмеялись, но остальных

не отпускала усталость.

— Что гораздо существеннее, я серьезно озабочен. Нам предстоит битва при таком неравенстве сил, какого не бывало за всю историю войн человечества. Я полагаю, что самая серьезная опасность, стоящая перед нами как сейчас, так и в отдаленном будущем, это пораженческие настроения. Эту опасность нельзя переоценить. Распространение пораженчества не только приведет к распаду морали, но может даже привести к полному развалу космической военной мощи.

Чан Вэйсы снова кивнул.

— Согласен с тобой. Пораженчество в настоящее время — наш самый страшный враг. Военная комиссия об этом хорошо знает. Именно поэтому политическая и идеологическая работа в войсках будет иметь колоссальное значение. И она станет еще сложнее, как только оформятся основные элементы космических сил.

Чжан Бэйхай раскрыл свой блокнот.

— Докладываю о проведенной работе. С момента основания космических сил наши основные усилия в политической и идеологической работе в войсках были направлены на проведение анализа общего идеологического состояния офицеров и солдат. Поскольку структура этого нового

вида войск в настоящее время проста, с небольшим количеством административных уровней и с небольшим количеством военнослужащих, анализ проводился путем неформальных собраний и с помощью личного общения. В интранете был создан соответствующий форум. Результаты анализа тревожат. Пораженческое мышление встречается повсеместно и быстро распространяется среди состава. Значительная часть наших товарищей ощущает ужас перед лицом врага и потеряла веру в победу.

Основным источником пораженчества является в первую очередь преклонение перед технологией и недооценка или полное отрицание роли человеческой изобретательности и воинского духа. Такое преклонение является развитием и расширением технотриумфализма и теории, что «оружие решает все», которые в последние годы возникли в среде вооруженных сил. Такая тенденция особенно сильна среди высокообразованных офицеров. Пораженчество среди военнослужащих принимает следующие формы:

Первая. Служебные обязанности в космических войсках воспринимаются как обычная работа: люди трудятся с усердием и ответственно, но без

энтузиазма и с сомнением в конечной пользе своей работы.

Вторая. Пассивное ожидание: вера в то, что исход войны зависит от ученых и инженеров; вера в то, что космические силы останутся лишь далекой мечтой вплоть до прорыва в фундаментальных науках и в ключевых технологиях, и вытекающая из нее неопределенность в отношении важности нынешней работы. Военнослужащие удовлетворены простой организационной работой; новаторство отсутствует.

Третья. Необоснованные фантазии: требования воспользоваться технологией гибернации для того, чтобы перескочить через четыре столетия, попасть в будущее и лично принять участие в битве Судного дня. Такие намерения уже выразило значительное количество молодых товарищей. Один даже подал рапорт. С одной стороны, желание броситься в битву — это хорошо. Но с другой стороны, это лишь иная форма пораженчества. У них нет уверенности в победе, и они сомневаются в полезности своей сегодняшней работы. Им остается только воинская доблесть.

Четвертая. Противоположность третьей: отрицание воинской доблести; мнение, что традиционный моральный кодекс солдата больше

не годен для поля боя; что борьба до конца не имеет смысла; что воинская доблесть существует только тогда, когда кто-то ее видит; но если человечество проиграет и исчезнет из Вселенной, то она становится бессмысленной. И хотя такую позицию занимают лишь немногие, отрицание значимости космических сил наносит значительный ущерб делу.

В этот момент Чжан Бэйхай окинул взглядом собравшихся и отметил, что, хоть его речь и привлекла некоторый интерес, не все еще стряхнули усталость. Он был уверен, что его следующие слова изменят ситуацию.

— Я дам вам конкретный пример товарища, у которого наблюдается типичная форма пораженчества. Я говорю о полковнике У Юэ. — Чжан Бэйхай вытянул руку в сторону места У Юэ за конференц-столом.

Усталость в комнате как рукой сняло; присутствующие навострили уши. Все настороженно посмотрели на Чжан Бэйхая, а затем на У Юэ; тот спокойно глядел на них — само воплощение хладнокровия.

— У Юэ и я довольно долго вместе служили во флоте, и мы хорошо знаем друг друга. У него наблюдается сильный комплекс зависимости

от техники; как капитан он технократ — инженер, если хотите. Само по себе это неплохо; но, к сожалению, его военное мышление слишком ограничено технологией. Если спросить, то он так не скажет, но он подсознательно верит, что технологическое преимущество является основным, возможно, единственным фактором, определяющим эффективность боевой единицы. Он совершенно игнорирует роль человека в бою. В частности, он не понимает исключительных преимуществ, выработанных нашей армией в трудных исторических условиях. Он потерял веру в будущее, как только узнал о Трисолярианском кризисе. Когда он вступил в космические войска, его отчаяние стало еще заметнее. Пораженческие настроения товарища У Юэ настолько глубоки и тяжелы, что справиться с ними у нас надежды нет. Мы должны принять серьезные меры, и как можно скорее, чтобы остановить распространение пораженчества в войсках. Я полагаю, что товарищ У Юэ более не годен для службы в космических силах.

Все взгляды были направлены на У Юэ. А тот невозмутимо рассматривал эмблему космических сил на своей фуражке, лежащей на столе.

Во время своего выступления Чжан Бэйхай не

бросил ни одного взгляда в направлении У Юэ. Он продолжил:

— Командующий, товарищ У Юэ и остальные присутствующие! Я прошу вашего понимания. Я говорю все это исключительно из опасения за существующее идеологическое состояние войск. Конечно, я также надеюсь вызвать У Юэ на открытую и откровенную дискуссию лицом к лицу.

У Юэ поднял руку, прося слова. Получив одобрительный кивок от Чан Вэйсы, он встал:

— Оценка товарищем Чжан Бэйхаем состояния моего ума совершенно точна, и я согласен с его заключением. Я более не годен для службы в космических войсках. Я подчинюсь любому решению командования.

Атмосфера в комнате стала напряженной. Несколько офицеров впились глазами в блокнот перед Чжан Бэйхаем, гадая, кого еще может затронуть его содержимое.

Встал старший полковник от военно-воздушных сил:

— Товарищ Чжан Бэйхай, это обычное рабочее совещание. Вам следует действовать через соответствующие организационные структуры, вместо того чтобы докладывать здесь подобные наблюдения. Вы полагаете, такие темы допусти-

мо обсуждать открыто?

Многие офицеры зашумели, поддерживая его замечание.

Чжан Бэйхай ответил:

— Я знаю, что мое выступление нарушает протокол, и готов понести за это ответственность. Однако считаю, что обязан привлечь ваше внимание к этой проблеме любым способом.

Чан Вэйсы поднял руку, предупреждая другие реплики с мест:

— Первым делом необходимо высоко оценить чувство ответственности и стремление к безотлагательному действию, которыми руководствовался товарищ Чжан Бэйхай. Существование пораженческих настроений среди личного состава — это факт, и мы должны действовать рационально. Пораженчество никуда не денется до тех пор, пока между противниками существует разрыв в технологическом уровне. Это не та проблема, которую легко решить; она потребует долгой и тщательной работы, а также больше общения и больше дискуссий. Однако я также согласен с предложением старшего полковника: все, касающееся личных идейных качеств, следует решать в основном путем разговоров и обсуждений. Если необходим доклад, его следует

подавать по инстанции.

Офицеры издали вздох облегчения. Чжан Бэйхай не будет называть их имена — по крайней мере, на этом совещании.

* * *

Ло Цзи пытался собраться с мыслями, представляя себе безграничное ночное небо над облаками. Его размышления незаметно перешли на ту женщину. Ее голос и смеющееся лицо возникли из темноты, и в его сердце родилась грусть, какой он еще в жизни не испытывал. Он тут же переключился на самобичевание. В своей жизни Ло Цзи презирал себя бессчетное количество раз, но так сильно — никогда. Почему он о ней думает? До сих пор его единственной реакцией на ее смерть, за исключением страха и удивления, было желание оправдаться. И только теперь, когда он понял, что ее роль во всем случившемся была ничтожной, он потратил на нее немного своего драгоценного сожаления. Ну и кто же он после этого?

Но что поделаешь? Такой уж он человек.

Самолет потряхивало, и Ло Цзи казалось, будто он в люльке. Он вспомнил, что ребенком спал в колыбели. Однажды в подвале родительского дома он нашел детали нехитрого устройства под

старой детской кроватью, все в пыли. А сейчас, вызвав в памяти образ родителей, он спросил себя: «С того самого дня, как ты покинул колыбель, любил ли ты кого-нибудь, кроме этих двоих людей? Выделял ли ты для кого-то еще хоть когда-нибудь хоть самый маленький, но постоянный уголок в своем сердце?»

Да, однажды такое случилось. Золотистый свет любви жил в его душе пять лет назад. Но это произошло не в реальности.

Все началось с Бай Жун, автора романов для молодежи. Она писала их в свободное время, но они вызвали столько интереса, что доходы от писательства превысили ее зарплату. С Бай Жун Ло Цзи встречался дольше других своих женщин и даже дошел до того, что подумывал на ней жениться. Их отношения были самыми обычными, не особенно страстными или незабываемыми, но они их устраивали; они отдыхали друг с другом и были счастливы вместе. Хотя оба относились к браку с некоторым опасением, они считали, что стоит хотя бы попытаться.

По настоянию Бай Жун он прочел все ее книги. Он не сказал бы, что они ему понравились, но, по крайней мере, они не были так же неприятны, как другие книги этого жанра, которые ему

случалось листать. У нее был хороший стиль — в отличие от других авторов, она писала просто и ясно. Содержание же оставляло желать лучшего. Чтение ее романов можно было сравнить с рассматриванием капель росы на траве. Каждая капля была чистой и прозрачной, но они различались между собой только тем, как они преломляют и отражают свет, катятся по листьям, объединяются в одну при столкновении и распадаются, пока не испарятся бесследно через несколько минут после восхода солнца. Каждый раз, читая очередную ее книгу, Ло Цзи задавался вопросом: «На какие средства живут все эти люди, если они поглощены любовью двадцать четыре часа в сутки?»

— Ты полагаешь, что любовь, о которой ты пишешь, существует в реальном мире? — спросил он однажды.

— Да, я так думаю.

— Ты видела такое или это произошло с тобой?

Бай Жун обняла его за шею:

— Так или иначе, я говорю, что она существует, — загадочно прошептала она ему в ухо.

Порой он предлагал ей сюжеты для романов, над которыми она работала; иногда даже помогал ей в вычитке.

— Похоже, ты талантливее меня, — призналась она однажды. — Ты работаешь не над сюжетом, а над героем, а это самое сложное. Каждая твоя поправка добавляет характерам живости. У тебя выдающийся талант к созданию литературных персонажей.

— Ты, наверное, шутишь. Я же астроном!

— Не забывай, что Ван Сяобо[13] изучал математику.

В прошлом году она попросила его о необычном подарке ко дню рождения:

— Ты не мог бы написать для меня роман?

— Целый роман?

— Ну хотя бы повесть на пятьдесят тысяч знаков.

— С тобой в качестве главной героини?

— Нет. Я как-то была на очень интересной выставке картин. Художники-мужчины рисовали самых прекрасных женщин, каких могли себе вообразить. Вот такой и должна быть главная героиня твоей повести. Забудь о реальности, создай ангела — идеальную женщину, какой ты себе ее представляешь.

---

[13] Примечания: 13

Ван Сяобо (1952–1997) был влиятельным прозаиком, очеркистом и сценаристом. Его работы стали крайне популярны после его ранней смерти. (*Прим. Дж. М.*)

Он до сих пор так и не понял, что стояло за этой просьбой. Может быть, она и сама не понимала этого. Сейчас ему казалось, что ее настроение в те дни было смесью лукавства и безразличия.

Он приступил к созданию персонажа. Сначала представил себе ее лицо, затем одежду, продумал окружающую обстановку и людей. В заключение он оживил ее — поместил в эту обстановку, позволил двигаться и говорить. Но вскоре работа его утомила, и он рассказал Бай Жун о трудностях, с которыми столкнулся.

— Она подобна марионетке. Каждое ее слово, каждое действие запрограммированы; в ней нет ни искры жизни.

— Ты не так подходишь к делу, — отвечала Бай Жун. — Ты пишешь сочинение, а не создаешь литературного героя. То, что герой делает за десять минут, может быть отражением десятка лет его жизненного опыта. Нельзя ограничиваться только сюжетом повести — необходимо представить себе всю жизнь твоей героини. То, что ты потом опишешь словами на бумаге, будет лишь вершиной этого айсберга.

Ло Цзи прислушался к ее совету. Он выбросил все, что собирался написать; вместо этого он представил себе всю жизнь своей героини в малейших

подробностях. Он воображал, как Она сосет грудь матери, энергично работая маленьким ротиком и причмокивая от удовольствия. Он видел, как Она тянется за красным воздушным шариком, летящим вдоль дороги, как ловит его, только чтобы тут же споткнуться и упасть, упустить шарик и расплакаться, не осознавая, что она только что сделала свой первый шаг. В его воображении Она шла под дождем и складывала зонтик, чтобы ощутить капли дождя на лице. Он представил себе ее первый день в школе — растерянная девочка, одиноко сидящая в незнакомой комнате и не видящая родителей в окне или двери. Тогда она почти расплакалась, но сообразила, что ее лучшая подруга по детскому саду рядом, — и заплакала, но уже от радости. Он вообразил себе ее первую ночь в колледже, когда Она лежала в постели и следила за тенями, которые деревья отбрасывали на потолок в свете уличных фонарей... Он придумал все ее любимые блюда, цвет и стиль каждого предмета одежды в ее гардеробе, расцветку мобильного телефона, книги, которые Она читала, музыку, которую слушала, страницы, которые посещала в Интернете, кинофильмы, которые ей нравились. Но не косметику — Она не нуждалась в косметике... Как создатель вне

потока времени, он сшивал воедино различные этапы ее жизни и постепенно открыл для себя безграничную радость творения.

Однажды в библиотеке он представил ее стоящей возле ряда полок и что-то читающей. Он одел ее в свой любимый костюм, чтобы маленькая фигурка была ярко видна в его воображении. Внезапно Она оторвалась от книги, посмотрела на него и улыбнулась.

Он был ошеломлен. Разве он учил ее улыбаться? Эта улыбка навсегда запечатлелась в его памяти.

Следующая ночь была переломной. За окном бушевала метель, царил лютый холод. Из своей теплой комнаты в общежитии он наблюдал за бурей, которая замела весь город. Снежинки стучали в его окно, словно песок. Снаружи все было укрыто огромным белым ковром. Казалось, что города больше нет, что общежитие стоит посреди бесконечной снежной равнины. Ло Цзи лег в постель, но прежде чем он заснул, ему в голову пришла неожиданная мысль. Если Она там, снаружи, в эту ужасную погоду, то ей должно быть очень холодно. Потом он напомнил себе: это не имеет значения, Она не окажется снаружи, разве что ты поместишь ее туда. Но на этот раз его воображение отказало, и Она продолжала идти

сквозь метель — тонкая, как травинка, которую в любой момент может унести ветром. Ее белое пальто и красный шарф — все, что он мог разглядеть сквозь снегопад, — были словно огонек, сопротивляющийся шторму.

Он не смог заснуть. Поднялся с постели, накинул одежду и сел на диван. Он подумывал, не закурить ли ему, но, вспомнив, что Она не переносит запаха табака, приготовил себе вместо этого чашку кофе и медленно выпил. Он должен дождаться ее прихода. Метель и холод этой ночи лежали камнем на его душе. Впервые в жизни он так сильно переживал за кого-то и так сильно по кому-то тосковал.

Когда его разум начал пробуждаться, тихо появилась Она. Ее тонкая фигурка была окутана прохладой, но среди холода ощущалось дуновение весны. Снежинки на ее волосах быстро превратились в блестящие капельки. Она размотала шарф, поднесла ладони ко рту и подышала на них. Он взял ее руки в свои, чтобы согреть их мягкий лед. Она взволнованно посмотрела на него и спросила, опередив его собственный вопрос:

— С вами все в порядке?

Он смог только глупо кивнуть. Приняв ее паль-

то, он предложил:

— Заходите, погрейтесь.

Он взял ее за мягкие плечики и проводил к камину.

— Здесь и в самом деле тепло. Как чудесно... — Она уселась на ковер перед камином, радостно смеясь и глядя на пламя.

«Черт побери! Что со мной?» — спросил он себя, стоя посреди пустой комнаты. Разве не достаточно было бы придумать пятьдесят тысяч слов, распечатать их на хорошей бумаге, нарисовать в фотошопе роскошную обложку, отдать переплетчику, обернуть бумагой для подарков и вручить Бай Жун в день ее рождения? Почему он так глубоко увяз в этой ловушке? Ло Цзи с удивлением обнаружил, что его глаза налились слезами. Затем пришла еще одна мысль: «Камин? Когда это у меня был камин? С чего бы мне придумывать камин?» А потом понял: ему нужен был не сам камин, а лишь его пламя — потому что любая женщина обретает особую красоту в свете огня. Он вспомнил, как прекрасна Она была на фоне камина...

Нет! Не думай о ней. Это плохо кончится. Ложись спать.

Его опасения не подтвердились — Она ни разу

не приснилась ему за всю ночь. Он крепко спал, и во сне его односпальная кровать представлялась ему маленькой лодкой, плывущей по розовому морю.

На следующее утро Ло Цзи проснулся заново родившимся. Он был как свеча, пылившаяся долгие годы и зажегшаяся от крохотного огонька, что разгорелся во вчерашней метели. Он возбужденно зашагал по дороге к учебному корпусу. Хотя воздух оставался туманным после снегопада, ему казалось, что он мог видеть на тысячу миль вокруг. На тополях, растущих вдоль дороги, не было снега. Их голые ветви тянулись в холодное небо; но для него они были живее, чем весной.

Он поднялся на кафедру, и — в точности как он и надеялся — Она опять была там, единственная в последнем ряду амфитеатра, поодаль от других студентов. Ее безупречно белое пальто и красный шарф лежали на сиденье рядом. На ней была бежевая водолазка. В отличие от других студентов, Она не склонялась над учебником, листая страницы. Вместо этого Она посмотрела на Ло Цзи и одарила его еще одной снежно-рассветной улыбкой.

Ло Цзи разволновался. Его пульс участился; пришлось выйти в боковую дверь, постоять на

балконе и успокоиться на прохладном воздухе. Он дважды в жизни приходил в подобное волнение, оба раза при защите своих докторских диссертаций. Во время этой лекции он выдал все, на что был способен, чтобы показать себя с наилучшей стороны; его обширные цитаты и вдохновенная речь вызвали аплодисменты аудитории, а это бывало нечасто. Она не присоединилась к общему восторгу, а лишь улыбнулась ему и кивнула.

После лекции они гуляли, идя бок о бок. Деревья, высаженные вдоль дорожки, не отбрасывали тени. Он слушал скрип снега под ее синими сапожками. Два ряда зимующих тополей молча внимали их искренней беседе.

— Вы хорошо читаете лекции, но я их не понимаю.

— Вы ведь не специализируетесь в этом предмете?

— Нет.

— Вы часто приходите на лекции по другим специальностям?

— Только в последние несколько дней. Захожу в первую попавшуюся аудиторию и слушаю. Я только что закончила учебу и скоро уеду, но внезапно поняла, что мне здесь нравится и я боюсь мира за стенами университета.

Б`ольшую часть следующих трех или четырех дней они провели вместе, хотя для чужих глаз казалось, что он был один, гулял сам по себе. Это было легко объяснить Бай Жун: он размышлял о подарке к ее дню рождения. И это не было ложью.

Накануне Нового года Ло Цзи впервые купил бутылку красного вина — раньше он его не пил. Он вернулся в свою комнату в общежитии, выключил свет, зажег свечи на столике рядом с диваном. Когда все три свечи загорелись, Она без слов присела рядом.

— Гляди, — воскликнула Она с детским восхищением, указывая на бутылку с вином.

— Что?

— Посмотри — огоньки светятся сквозь стекло. Как красиво!

Просвечивая сквозь вино, огоньки приобрели оттенок темно-красного хрусталя, который встречается только во сне.

— Свет мертвого солнца, — сказал он.

— Не думай так, — возразила Она с искренностью, которая растопила его сердце. — Мне кажется, что они похожи на... глаза заката.

— Почему не на глаза рассвета?

— Я больше люблю закат.

— Почему?

— После заката загораются звезды. А после рассвета наступает лишь...

— Лишь жестокая реальность?

— Точно.

Они говорили обо всем, понимая друг друга с полуслова, пока содержимое бутылки с глазами заката не перекочевало в его желудок.

Ло Цзи лежал на кровати в полусне и смотрел, как продолжают гореть свечи на столике. Она исчезла из круга их света, но Ло Цзи не волновался. Она появится в любой момент — было бы на то его желание.

В дверь постучали. Он знал, что стук исходит из реального мира и не связан с ней, поэтому никак не отреагировал. Дверь открылась, и вошла Бай Жун. Она включила свет и тем самым словно вернула в комнату серость бытия. Гостья бросила взгляд на столик со свечами, присела у изголовья кровати и тихонько вздохнула.

— Еще не все потеряно.

— Что потеряно? — Он прикрыл глаза рукой от слепящего света.

— Ты еще не дошел до того, чтобы поставить бокал и для нее.

Он ничего не ответил. Она отвела его руку,

посмотрела прямо в лицо и спросила:

— Она ожила, не так ли?

Он кивнул и сел на кровати.

— Жун, я раньше полагал, что герой романа находится под управлением своего создателя; я ожидал, что она будет тем, чем ее сотворит автор, будет делать то, что автор ей прикажет... как Бог, который управляет нами.

— Неверно! — Бай Жун встала и принялась расхаживать по комнате. — Теперь ты понимаешь, насколько был не прав. В этом и состоит разница между бумагомаракой и писателем. На высшем уровне литературного мастерства герои книги оживают в сознании автора. Автор неспособен управлять ими; порой он даже неспособен предсказать их следующий шаг. Мы можем только следовать за ними в восхищении, наблюдая и записывая каждую деталь их жизни, как вуайеристы. Вот так и создается классика.

— Вот уж не предполагал, что литература — это потуги извращенца.

— Так было и у Шекспира, и у Бальзака, и у Толстого как минимум. Их классические образы были выношены в их умах. Но сегодняшние авторы потеряли эту способность. Их разум выдает лишь разрозненные обрывки и рождает безум-

ных героев, чья жизнь не более чем непонятные, беспричинные метания. Затем автор сметает эти обрывки в пакет и продает под этикеткой «постмодернизм», «символизм» или «иррационализм».

— Ты хочешь сказать, что я стал писателем классического жанра?

— Вряд ли. Твой разум всего лишь вынашивает образ; и этот образ — самый простой из всех. Разум авторов классики произвел на свет сотни и тысячи персонажей. Они сформировали портрет эпохи, а эта задача под силу лишь сверхчеловеку. Но и то, что удалось тебе, вовсе не просто. Я не думала, что ты сумеешь так.

— А у тебя такое получалось?

— Только один раз, — ответила Бай Жун, не вдаваясь в подробности. Она не захотела продолжать эту тему, лишь обняла его за шею: — Не думай больше об этом. Я уже не хочу такого подарка. Вернись к обычной жизни, хорошо?

— А если это не прекратится, что тогда?

Она изучала его несколько секунд, потом опустила глаза, покачала головой и улыбнулась.

— Так и знала, что уже поздно.

Она подхватила свою сумку с постели и вышла.

И тут Ло Цзи услышал голоса снаружи, отсчитывающие «четыре», «три», «два», «один». От здания учебного корпуса раньше доносилась музыка; теперь же слышался смех. На стадионе студенты запускали фейерверки. Он посмотрел на часы и понял, что только что истекли последние секунды года.

— Завтра выходной. Куда бы нам пойти? — спросил он себя. Он лежал на кровати, но знал, что его героиня уже появилась возле воображаемого камина.

— Ты не берешь ее? — невинно спросила Она, указывая на распахнутую дверь.

— Нет. Только мы двое. Куда бы ты хотела пойти?

Она полюбовалась танцующими в камине языками пламени и ответила:

— Неважно куда. Мне нравится просто находиться в пути.

— Тогда поедем просто наугад? И посмотрим, где окажемся?

— Отлично.

На следующее утро Ло Цзи сел в свою «Хонду Аккорд», выехал из университетского городка и поехал на запад. Он выбрал это направление, чтобы не пересекать весь город. Впервые в жизни

он ощутил свободу путешествия без какой-либо определенной цели. Строения понемногу редели, начали появляться поля. Ло Цзи приоткрыл окно, чтобы впустить в салон немного холодного воздуха. Почувствовал, как ветер развевает ее длинные волосы; несколько прядей щекотали его правый висок...

— Смотри, горы! — Она указала вдаль.

— Сегодня хорошая видимость. Это горы Тайхан. Они простираются вдоль дороги, а потом поворачивают, перекрывая путь на запад. Там дорога проложена сквозь горы. Я бы сказал, что мы сейчас примерно...

— Нет, нет! Не говори, где мы! Как только мы узнаем, где находимся, огромный мир сужается до карты. А когда это неизвестно, он кажется бесконечным.

— Ладно. Тогда постараемся потеряться. — Он свернул на пустынную дорогу, потом повернул еще раз. Теперь с обеих сторон простирались поля, снег с которых сошел еще не полностью; свободные от белого покрова участки чередовались с заснеженными. Ярко светило солнце, но нигде не было видно ни травинки.

— Классический северный пейзаж, — заметил Ло Цзи.

— Я впервые почувствовала, что земля без малейшего клочка зелени тоже может быть прекрасной.

— Зелень лежит под снегом и ждет весны. Озимая пшеница взойдет, когда будет еще холодно. Тогда здесь раскинется зеленое море. Представь, все это пространство...

— Ему не нужна зелень. Оно прекрасно прямо сейчас. Посмотри, разве эта земля не похожа на большую корову, дремлющую под солнцем?

— Что? — Он посмотрел в удивлении сначала на нее, а потом сквозь окна на пятна снега с обоих сторон дороги. — Да, действительно похоже! Какое у тебя любимое время года?

— Осень.

— Почему не весна?

— Весна... у нее так много скомканных вместе ощущений. Утомляет. Осень лучше.

Ло Цзи остановил машину, и они подошли к краю поля посмотреть на сорок, клевавших что-то в земле; птицы, испуганные появлением людей, взлетели и расселись на деревьях поодаль. Потом Ло и его спутница прошлись вдоль русла почти пересохшей речки; лишь тонкая струйка воды текла в середине. Они набрали холодных гладких камешков и стали их бросать. Камешки

пробивали дырки в тонком льду, и из дырок выплескивалась мутная, желтая вода.

Они доехали до небольшого городка и прогулялись по рынку. Остановились возле торговца золотыми рыбками; в солнечных лучах рыбы в аквариумах были подобны жидкому пламени. Она загляделась на рыбок и не хотела уходить. Ло Цзи купил ей парочку и положил пакеты с водой и рыбками на заднее сиденье машины.

Потом они добрались до какой-то деревушки, впрочем, не слишком похожей на деревню: новые, современные дома и усадьбы; автомобили, красующиеся у ворот; широкие бетонированные дороги; жители, ничем не отличающиеся от горожан... Некоторые девушки были одеты по последней моде. Даже собаки были такими же лохматыми коротконогими нахлебниками, как и в городах. Интерес путников привлекла большая сцена возле въезда в поселок — они удивились, зачем такому маленькому поселку такая огромная сцена. Она была пуста; Ло Цзи не без труда вскарабкался на нее и спел для своей единственной зрительницы куплет из русской песни «Тонкая рябина».

В полдень они пообедали в другом городке; еда там была такой же, как и в крупном городе, зато

порции — вдвое больше. После обеда они некоторое время сидели в полудреме на скамейке возле городской управы, а затем поехали дальше куда глаза глядят.

Они даже не заметили, как дорога привела их в горы — не особо примечательные, не особо высокие, на которых не росло ничего, кроме чахлой травы и лозы, цепляющейся за расщелины в серых камнях. За последние сотни миллионов лет горы устали стоять и прилегли отдохнуть, придавленные временем и солнцем. На любого их посетителя тоже нападал приступ неодолимой лени.

— Эти горы совсем как пожилые крестьяне, греющиеся на солнце, — заметила она.

Однако они не видели таких пожилых крестьян в деревнях и поселках, через которые проезжали; никто не выглядел столь же расслабленным, как эти горы. Неоднократно они останавливались, пропуская переходящие дорогу отары овец. Наконец возле дороги стали появляться такие деревеньки, каких они ожидали: с домами в пещерах, с растущими рядом хурмой и грецким орехом, с выложенными каменной плиткой невысокими постройками, с крышами, засыпанными обмо-

лоченными кукурузными початками[14]. Даже собаки там были крупнее и злее.

Проезжая через горы, они несколько раз останавливались. День незаметно подошел к концу. Солнце садилось, и дорога уже давно пряталась в тени. По полной рытвин грунтовке Ло Цзи выехал на горный хребет, где еще светило солнце, и они решили, что пора возвращаться. Посмотрят заход солнца и повернут назад. Ее длинные волосы развевались на прохладном вечернем ветерке, словно старались ухватиться за последние золотые лучи.

Как только они вернулись на дорогу, их машина заартачилась. Сломалась подвеска одного из задних колес, и они были вынуждены просить помощи. Вскоре Ло Цзи выяснил у водителя проезжающего мимо легкого грузовика, как называется это место. К счастью, телефон принимал сигнал. Когда он сообщил диспетчеру, где находится, ему сказали, что ремонтнику потребуется не меньше четырех или пяти часов, чтобы добраться туда.

После захода солнца воздух в горах остывает быстро. Когда стало темнеть, Ло Цзи набрал стеб-

---

[14] Примечания: 14
Это делают для теплоизоляции. (*Прим. перев.*)

лей кукурузы на горных террасах неподалеку и развел костер.

— Тепло и хорошо, — сказала его спутница, глядя на пламя. Она была так же счастлива, как и в ту первую ночь перед камином. И снова Ло Цзи был ошеломлен тем, как Она красива в отблесках огня; снова он тонул в эмоциях, которых никогда раньше не чувствовал. Он сам становился костром, и согревать ее было единственной целью его существования.

— А волки здесь водятся? — спросила Она, осматриваясь в наступающей темноте.

— Нет. Северный Китай все же внутренняя область страны. Он только выглядит пустынным; на самом деле это один из наиболее густонаселенных районов. Посмотри на дорогу. По ней практически каждые две минуты проезжает машина.

— Я надеялась, что ты ответишь, что волки здесь бывают, — сказала Она с милой улыбкой и стала следить за искрами, улетающими в ночь, подобно россыпи звезд.

— Хорошо. Здесь есть волки, но я рядом.

Они ни о чем больше не говорили — просто сидели у костра, время от времени подкармливая его сухими кукурузными стеблями.

Позднее — он не знал, когда именно — зазвонил телефон. Это была Бай Жун.

— Ты с ней? — мягко спросила она.

— Нет, я один, — ответил он, подняв глаза к небу. Он не лгал. Он и в самом деле был один возле костра у дороги через горы Тайхан. Пламя освещало камни вокруг; над головой было лишь звездное небо.

— Я знаю, что ты один. Но ты с ней?

Он помедлил и тихо ответил:

— Да.

Когда он опустил взгляд, Она была там — подбрасывала стебли в костер и улыбалась пламени.

— Теперь ты веришь, что любовь, о которой я пишу в своих романах, существует на самом деле?

— Да, верю.

Как только он произнес эти два слова, сразу понял, как широка пропасть, разделяющая его и Бай Жун. Оба надолго замолчали; лишь радиоволны ткали свою невидимую паутину, соединяя их в последний раз.

— У тебя есть друг, не так ли? — спросил он.

— Да. Уже давно.

— Где он сейчас?

Он услышал ее легкий смех.

— Где еще он может быть?

Он тоже рассмеялся.

— Действительно, где еще?

— Ладно. Всего хорошего. Прощай. — Бай Жун отключилась, разрывая связь. Оборвалась нить, протянувшаяся через ночное небо; люди на ее концах немного огорчились, но не более того.

— Уже слишком холодно. Пойдем спать в машину, — предложил он своей спутнице.

Та отказалась движением головы.

— Нет, давай останемся здесь. Тебе нравится смотреть на меня в свете огня, ведь правда?

К полночи из Шицзячжуана приехала машина скорой дорожной помощи. Ремонтники удивились, обнаружив его возле костра.

— А чего вы сушняк-то жжете? Двигатель ведь в порядке. Сидели бы в машине, в тепле...

Когда машину отремонтировали, Ло Цзи помчался домой сквозь ночь. Он выбрался из гор на равнину и к рассвету добрался до Шицзячжуана. К десяти утра он был в Пекине.

Вместо того чтобы идти в университет, он направился прямиком к психологу.

— Возможно, вам и требуется небольшая помощь, но ничего серьезного у вас нет, — заявил

доктор, выслушав его длинный рассказ.

— Ничего серьезного? — Ло Цзи в удивлении широко открыл покрасневшие глаза. — Я безумно влюблен в персонажа своего собственного романа. Я был с ней, я путешествовал с ней, я даже порвал с моей настоящей любовницей ради нее. И вы утверждаете «ничего серьезного»?

Доктор терпеливо улыбнулся.

— Разве вы не понимаете? Я отдал всю мою глубочайшую любовь иллюзии!

— Вы полагаете, что объект любви всех других людей существует на самом деле?

— А разве это не так?!

— Нисколько. Для большинства людей то, что они на самом деле любят, существует лишь в их воображении. Объект их любви — не реальная женщина или реальный мужчина, а их образ в голове. Реальный человек — это всего лишь заготовка, на основе которой они создают своего идеального любовника. Проходит время, и они начинают видеть разницу между идеалом и реальным человеком. Если они могут к этой разнице привыкнуть, то остаются вместе. Если нет, расстаются. Все очень просто. Вы отличаетесь от большинства только тем, что вам не нужна заготовка.

— Так, значит, я не болен?

— Только в том смысле, на который указала ваша подруга: у вас литературный талант от природы. Если хотите называть это душевной болезнью, называйте.

— Но разве это не чересчур — иметь настолько живое воображение?

— Воображение не бывает «чересчур». Особенно если речь идет о любви.

— Так что же мне делать? Как мне забыть о ней?

— Это невозможно. Вы не сможете о ней забыть, даже и не пытайтесь. Это приведет только к осложнениям, может быть, даже к психическому расстройству. Пусть все идет своим чередом. Подчеркну: не пытайтесь забыть ее. Не получится. Но со временем ее влияние на вас ослабнет. Вы, между прочим, счастливчик. Независимо от того, существует она на самом деле или нет, у вас есть любовь.

Вот таким было самое глубокое чувство Ло Цзи; это была любовь, которая приходит лишь один раз за всю жизнь. Потом он зажил бездумной жизнью, плывя по течению, как в тот самый день, когда они выехали на его «Аккорде». Слова психолога подтвердились: ее влияние на его жизнь

ослабло. Она не появлялась, когда он обзаводился настоящей любовницей; а потом перестала появляться и тогда, когда он был один. Но он знал, что Она продолжает жить в самой глубине его души, Она будет там жить всегда. Он отчетливо видел ее мир — замерший, заснеженный пейзаж, где на небе всегда горят серебряные звезды и светит луна, где непрерывно падает снег. Там тихо шуршат снежинки, оседая на землю гладким слоем белого сахара. Посреди снегов стоит причудливо изукрашенный домик. В домике Ева, которую Ло Цзи создал из ребра собственного разума, сидит перед старинным камином и молча смотрит на пляшущий огонь.

Теперь, когда он был один в этом непонятно куда несущем его самолете, он желал, чтобы Она была с ним, чтобы они вместе гадали, что ждет его в конце пути. Но Она не появлялась. В самом далеком уголке своей души он все еще мог видеть ее, молча сидящую перед камином, никогда не чувствующую одиночества — ведь она знала, что ее мир заключен внутри него.

Ло Цзи вспомнил про снотворное и протянул руку. Но как только его пальцы коснулись пузырька, тот взлетел с тумбочки к потолку. То же самое проделала одежда, которую он оставил

на кресле. На несколько секунд они словно прилипли к потолку. Сам он тоже почувствовал, что взлетает с кровати; но спальный мешок был пристегнут, и полет не состоялся. Когда пузырек упал обратно, Ло Цзи тяжело рухнул на кровать. На несколько секунд его тело словно прижало прессом, и он не мог пошевелиться. Из-за внезапной невесомости и перегрузки у него закружилась голова; но через десяток секунд головокружение прошло, и все стало как прежде.

Он услышал мягкий шорох многочисленных шагов по ковру за стеной. Затем дверь открылась, и заглянул Ши Цян.

— Ло Цзи, у тебя все в порядке?

Когда Ло Цзи подтвердил, что все в порядке, Ши закрыл дверь, не входя. За дверью вполголоса продолжалось обсуждение.

— Похоже, что кто-то кого-то не понял во время смены сопровождения. Волноваться не о чем.

— Что сказало начальство, когда звонило раньше? — Это был голос Ши Цяна.

— Они предупредили, что группе сопровождения через полчаса понадобится дозаправка в воздухе и что нам не следует тревожиться.

— В плане этой заминки нет, не так ли?

— Даже близко нет. В этом хаосе семь истреби-

телей сопровождения сбросили дополнительные топливные баки.

— А чего тогда все так дергаются? Ладно, неважно. Иди поспи. Успокойся.

— Как же можно спать в таком состоянии?

— Оставь кого-нибудь на дежурстве. Какой от тебя прок, если ты не выспишься? Они могут попытаться держать нас в повышенной готовности все время, но у меня свое железное правило: если ты подумал обо всем, что надо, если ты сделал все, что надо, то дальше будь что будет. Пойми, ты ничего больше сделать не в состоянии. Не накручивай себя.

Услышав упоминание о «смене сопровождения», Ло Цзи потянулся к иллюминатору, открыл шторку и выглянул наружу. Море облаков попрежнему простиралось в ночном небе. Луна спускалась к горизонту. Он увидел следы истребителей группы сопровождения; теперь их было на шесть больше. Он рассмотрел крохотные самолеты, порождающие эти следы, и отметил, что они другой модели, чем те четыре, которые он видел раньше.

Открылась дверь спальни, и на пороге появился Ши Цян.

— Ло, дружище, это был пустяк. Не о чем беспо-

коиться. Больше ничего не будет. Спи дальше.

— У нас еще остается время на сон? Как долго мы уже летим?

— Нам лететь еще несколько часов. Спи. — Он закрыл дверь и ушел.

Ло Цзи повернулся на кровати и подобрал пузырек. Ши ничего не оставил на волю случая: в пузырьке была только одна таблетка. Он проглотил ее, посмотрел на красный огонек под иллюминатором, представляя его пламенем в камине, и заснул.

* * *

Когда Ши Цян разбудил Ло Цзи, тот проспал больше шести часов без сновидений и чувствовал себя весьма неплохо.

— Мы почти на месте. Вставай и приводи себя в порядок.

Ло Цзи пошел умыться. Вернувшись в офис, где его ждал легкий завтрак, он почувствовал, что самолет снижается. Десятью минутами позже пятнадцатичасовой полет завершился. Чартерный самолет замер на бетоне аэродрома.

Ши Цян оставил Ло Цзи ждать в офисе, а сам вышел наружу. Он вернулся с мужчиной европейской наружности. Тот был высок и одет с

иголочки. По-видимому, какое-то официальное лицо.

— Это доктор Ло? — поинтересовалось лицо, глядя на него. Заметив трудности Ши Цяна с английским, он повторил свой вопрос на китайском.

— Да, это он, — подтвердил Ши Цян, а затем представил мужчину Ло Цзи: — Это господин Кент. Он здесь, чтобы встретить тебя.

— Большая честь, — сказал Кент и поклонился.

Пожимая ему руку, Ло Цзи почувствовал поразительную многоопытность этого человека. Многое было скрыто за этикетом, но блеск его глаз выдавал, что Кенту были известны многие тайны. Ло Цзи был зачарован его взглядом — дьявольским и одновременно ангельским, в котором и сверкали грани драгоценного камня, и дышала мощью атомная бомба... Из всей сложной информации, излучаемой этими глазами, Ло Цзи мог понять только одно: в жизни встречающего сейчас наступил самый важный момент.

Кент обернулся к Ши Цяну:

— Отлично сработано! Свою часть задания вы выполнили безупречно. Другие встретились с небольшими трудностями по пути.

— Мы прислушались к нашему руководству.

Мы придерживались принципа минимального количества этапов, — ответил Ши Цян.

— Совершенно верно. В данном случае минимальное количество этапов означает максимальную безопасность. А сейчас мы воспользуемся этим же принципом и отправимся напрямую в зал заседаний.

— Когда начнется заседание?

— Через час.

— Мы прибыли в последний момент?

— Заседание начнут сразу же после прибытия последнего кандидата.

— А, ну тогда хорошо. Произведем передачу?

— Нет. Вы по-прежнему отвечаете за его безопасность. Как я уже говорил, вы лучший.

Ши Цян пару секунд оставался в молчании, глядя на Ло Цзи. Затем кивнул.

— В последние несколько дней, пока мы осваивались и пытались справиться с ситуацией, наши люди встретились с рядом препятствий...

— Гарантирую, что с этого момента ничего такого больше не случится. У вас будет полная поддержка местной полиции и военных. Ну что ж, поехали.

Ступив наружу, Ло Цзи увидел, что там по-прежнему ночь. Вспомнив время отлета, он прикинул,

где приблизительно они могли находиться. Стоял плотный туман, фонари светили тусклым желтым светом, но прочая обстановка их отлета, казалось, повторяется. В воздухе висели патрульные вертолеты, смутно видимые в тумане как тени с горящими огнями. Самолет был оцеплен военными автомобилями и солдатами, наблюдающими за окрестностями. Несколько офицеров с рациями собрались вместе и что-то обсуждали, изредка бросая взгляды на трап, поданный к самолету. Рев откуда-то сверху оглушил Ло Цзи, и даже невозмутимый Кент прикрыл уши. Взглянув вверх, они увидели неясные светлые силуэты, пролетающие низко над землей. Это были истребители сопровождения, кружащие над ними. Их выхлоп, еле видный сквозь туман, рисовал огромную окружность в небе, как если бы какой-то космический гигант пометил Землю мелом прямо в этом месте.

Все четверо сели в пуленепробиваемый автомобиль, дожидавшийся у трапа, и поехали. Занавески на окнах были задернуты, но, судя по проникающим внутрь отсветам, машина двигалась в самой середине конвоя. Они ехали в полном молчании по дороге в неведомое будущее. Поездка заняла лишь сорок минут, но

показалась Ло Цзи вечностью.

Когда Кент сообщил, что они приехали, Ло Цзи увидел на занавеске тень от скульптуры, подсвеченной ровным светом из здания позади. Он не мог ошибиться: это был гигантский револьвер со стволом, завязанным узлом. Ло Цзи теперь точно знал, где он: возле здания ООН в Нью-Йорке[15].

Он вышел из машины, и его сразу окружили люди, похожие на охранников — рослые, многие в темных очках, несмотря на ночное время. Он не мог рассмотреть окружающее; его сжали с боков с такой силой, что его ноги почти потеряли контакт с асфальтом, и повлекли вперед. Ничего не было слышно, кроме шагов. Когда напряженность этой странной драмы довела его почти до нервного срыва, идущие впереди охранники отошли в сторону. Перед глазами Ло Цзи вспыхнул свет, и все телохранители остановились, предоставив ему, Ши Цяну и Кенту продолжать движение самостоятельно. Они вошли в большой, тихий зал, пустой, за исключением нескольких охранников в черной форме. Те вполголоса докладывали в свои рации, когда трое прибывших проходили мимо. Они пересекли подвесной балкон в направ-

[15] Примечания: 15

Скульптура «Нет насилию» принадлежит шведскому скульптору Карлу Фредерику Рейтерсворду. (*Прим. перев.*)

лении витража, на котором яркими красками и замысловатыми линиями были изображены изломанные фигуры людей и животных.

Все трое повернули налево и вошли в небольшую комнату. Как только за ними закрылась дверь, Кент и Ши Цян обменялись улыбками, и на их лицах нарисовалось облегчение.

Ло Цзи осмотрелся и нашел комнату довольно любопытной. Стена с одной стороны была полностью занята абстрактным рисунком из желтых, белых, синих и черных геометрических фигур. Они случайным образом накладывались друг на друга и, казалось, висели над морем чистого синего цвета. Но самым необычным был большой камень в форме прямоугольной призмы. Он был установлен в середине комнаты и подсвечен несколькими неяркими лампами. Ло Цзи присмотрелся и заметил на камне прожилки окиси железа. Кроме абстрактной картины и камня в комнате больше ничего не было.

— Доктор Ло, вам нужно переодеться? — спросил Кент по-английски.

— Что он говорит? — спросил Ши Цян. Когда Ло Цзи перевел, он резко замотал головой. — Нет, оставайся в этой одежде.

— Но это официальный прием! — Кент с трудом

подбирал китайские слова.

— Нет, — сказал Ши Цян и снова замотал головой.

— В зале будут присутствовать только делегаты от стран, но не репортеры. Там должно быть довольно безопасно.

— Я сказал — нет. Если я правильно понял, теперь я отвечаю за его безопасность! — Ши кивнул в направлении Ло Цзи.

Кент уступил:

— Ладно. Это не так уж и важно.

— Вам следует кое-что объяснить ему, хотя бы в общих чертах. — Ши Цян указал взглядом на Ло Цзи.

— Я не уполномочен что-либо объяснять.

— Ну скажите хоть что-нибудь! — рассмеялся Ши Цян.

Кент повернулся к Ло Цзи. Его полное достоинства лицо напряглось, и он подсознательно поправил свой галстук. Ло Цзи только теперь понял, что все это время Кент старался не смотреть прямо на него. Он также заметил, что Ши Цян выглядит другим человеком. Его постоянная ухмылка исчезла; вместо нее появилось серьезное выражение, и он во все глаза смотрел на Кента. Ло Цзи понял, что Ши Цян до сих пор говорил

ему правду: он и в самом деле не имел понятия о цели визита.

Кент заговорил:

— Доктор Ло, могу сообщить вам лишь следующее. Вы сейчас примете участие в важном заседании, на котором будет сделано судьбоносное заявление. Во время этого заседания от вас ничего не потребуется.

Все замолчали. В комнате стояла тишина. Ло Цзи явственно слышал биение своего сердца. Он осознал, что находится в Комнате медитации. В центре комнаты лежал камень весом в шесть тонн — обтесанный кусок чистейшей железной руды, символизирующий вечность и прочность. Подарок от Швеции. Но сейчас Ло Цзи вовсе не хотелось медитировать; он изо всех сил старался ни о чем не думать. Воистину Ши Цян прав: от любых размышлений только съедешь с катушек. Ло Цзи принялся пересчитывать фигуры в абстрактной картине.

Приоткрылась дверь; кто-то заглянул в комнату и кивнул Кенту. Тот повернулся к своим спутникам:

— Пора в зал. Доктора Ло никто не знает, поэтому никто не обратит внимания, если мы войдем вместе.

Ши Цян кивнул и с улыбкой помахал Ло Цзи рукой:

— Подожду тебя снаружи.

Ло Цзи полегчало. Сейчас Ши Цян был его единственной опорой.

Затем Кент провел его из Комнаты медитации в зал Генеральной ассамблеи ООН.

Зал полнился людьми и гулом голосов. Поначалу, когда Кент и Ло Цзи шли вдоль прохода, они не привлекали внимания. Но когда они приблизились к первым рядам, на них стали поглядывать. Кент посадил его в крайнее кресло в пятом ряду, а сам пошел дальше и занял место во втором.

Ло Цзи оглянулся вокруг. Он находился в помещении, которое видел по телевидению бесчисленное количество раз. Но те кадры не позволяли полностью проникнуться смыслом, который хотели выразить строители здания. Прямо перед ним было огромное желтое углубление в стене зала. В нем располагалась эмблема ООН, служившая фоном для трибуны. Стена с углублением ощутимо наклонялась навстречу залу, словно утес, готовый в любую минуту обвалиться. Купол зала напоминал звездное небо; он был построен отдельно от желтой стены и не добавлял равновесия общей картине. Мало того, он как бы давил

на стену сверху, делая ее еще более неустойчивой и создавая неодолимое впечатление, что стена вот-вот завалится. Сегодня казалось, что одиннадцать архитекторов, спроектировавших здание в середине XX века, предвидели затруднения, с которыми столкнется человечество.

Отвлекшись от рассматривания зала, Ло Цзи прислушался к разговору двух своих соседей по ряду. Он не понял, кто они по национальности, но говорили они на хорошем английском языке.

— Вы на самом деле верите в решающую роль личности в истории?

— Ну, я думаю, что это теория, которую невозможно доказать или опровергнуть, разве что мы откатим время назад, убьем пару или дюжину выдающихся людей и посмотрим, что станет с историей. Разумеется, нельзя исключать варианта, что ход истории был определен теми реками, которые выкопали или запрудили эти личности.

— Но есть и другой вариант: эти ваши великие люди могут оказаться не более чем пловцами в реке истории. Может быть, они оставили свои имена в истории из-за мировых рекордов, которые установили, или из-за почета и известности, которые заслужили, но на течение самой реки не оказали никакого влияния. Впрочем, учитывая

наше положение, какой смысл об этом задумываться?

— Беда в том, что во время процесса принятия решений над подобными вопросами никто не задумывался. Страны-участницы озабочены только такими вещами, как равноправие кандидатов и доступ к ресурсам.

Генеральный секретарь Сэй взошла на трибуну, и в зале установилась тишина. Администрации этого филиппинского политика довелось работать и до, и после кризиса. Если бы голосование проводили чуть позже, то ее не избрали бы, поскольку утонченная азиатка не создавала ощущения мощи, которой жаждал мир, охваченный Трисолярианским кризисом. Теперь ее хрупкая фигура выглядела миниатюрной и беспомощной на фоне наклонного утеса стены. Когда она поднималась на сцену, Кент остановил ее и что-то прошептал на ухо. Сэй посмотрела в зал, кивнула и пошла дальше.

Ло Цзи был уверен, что Генеральный секретарь посмотрела на него.

Взойдя на трибуну, она окинула взглядом собравшихся и начала:

— Девятнадцатое заседание Совета обороны планеты подошло к последнему пункту повестки

дня: оглашение кандидатур Отвернувшихся и объявление о начале проекта «Отвернувшиеся».

Прежде чем мы перейдем к этому пункту, считаю необходимым вкратце рассказать о проекте «Отвернувшиеся».

Проект был разработан постоянными членами бывшего Совета Безопасности во время экстренных переговоров после начала Трисолярианского кризиса.

Стороны отметили следующие обстоятельства. Растет количество свидетельств того, что после появления первых двух софонов в Солнечную систему постоянно прибывают все новые и новые. Этот процесс продолжается и в настоящий момент. Таким образом, для врага Земля — прозрачный мир, открытая книга, которую он может читать в любое время. У человечества нет от него никаких тайн.

Международное сообщество недавно развернуло нашу основную оборонную программу. Она полностью открыта для глаз врага, как в стратегии высшего порядка, так и в малейших технологических и военных деталях. Каждая комната совещаний, каждый сейф с документами, компьютерные диски и память — нет ни одного места, куда бы софоны не могли заглянуть.

Каждый план, каждая программа, каждое передвижение войск, неважно, сколь малое, станут известны вражескому штабу в четырех световых годах отсюда, как только они произойдут на Земле. Обмен информацией между людьми в любой форме приводит к утечке.

Нам следует учитывать один факт: приемы стратегии и тактики не развиваются вместе с техническим прогрессом. Согласно надежным разведывательным данным, трисоляриане общаются путем открытой, направленной передачи мыслей. Это делает их малоспособными к хитрости, маскировке и обману, что дает людям огромное преимущество перед врагом. Мы не можем позволить себе потерять это преимущество. Основатели проекта «Отвернувшиеся» считают, что параллельно с основной программой обороны должно осуществляться множество других стратегических инициатив. Эти инициативы должны быть тайными, недоступными для противника. Было предложено несколько решений, но в результате реально осуществимым оказался только проект «Отвернувшиеся».

Должна сделать оговорку: у человечества все еще остаются тайны — в нашем внутреннем мире. Софоны понимают язык людей; они с огромной

скоростью могут читать печатный текст и любую информацию на машинных носителях. Но они не могут читать наши мысли. Каждый человек может сколь угодно долго хранить секрет от софонов — если он никому его не раскрывает и ни на чем не записывает. На этом и основан проект «Отвернувшиеся».

Суть проекта в том, что отбирается группа людей, которые будут формулировать стратегические инициативы и руководить их осуществлением. Эти люди будут строить такие планы исключительно в своем уме, без сообщения с окружающим миром. Истинные замыслы и необходимые для их осуществления шаги останутся внутри мозга. Мы будем называть этих людей Отвернувшимися, поскольку в древности подобное имя — «Смотрящие в стену» — носили те, кто занимался медитацией. Такое имя отражает специфику их деятельности. Когда они будут руководить осуществлением своих стратегических разработок, они будут демонстрировать для всего мира ложные мысли и ложное поведение; это будет тщательно подготовленная смесь маскировки, отвлекающих маневров и обмана. Отвернувшиеся будут обманывать весь мир — как врагов, так и союзников — до тех пор, пока

не возникнет гигантский, умопомрачительный лабиринт иллюзий, в котором враг не сможет разобраться. Это выиграет нам время, отсрочит момент, когда противник в конце концов разгадает наши истинные стратегические намерения.

Мы предоставим Отвернувшимся широкие полномочия, которые позволят им получить и пользоваться частью существующих военных ресурсов Земли. Осуществляя свои планы, Отвернувшиеся не будут обязаны давать какие-либо объяснения своим действиям и распоряжениям, даже если их поведение непонятно. Наблюдение и контроль за действиями Отвернувшихся возлагаются на Совет обороны планеты при ООН. Это единственная организация, у которой в соответствии с принятым ООН Законом об Отвернувшихся будет право вето на приказы Отвернувшихся.

Для того чтобы гарантировать непрерывность проекта, Отвернувшимся будет предоставлена технология гибернации. Они смогут дожить до битвы Судного дня. Отвернувшиеся сами решат, когда и при каких обстоятельствах их следует разбудить. На протяжении ближайших четырех веков Закон ООН об Отвернувшихся будет существовать под эгидой международных законов на

уровне Устава ООН. С целью гарантированного выполнения стратегических инициатив Отвернувшихся внутреннее законодательство стран должно быть согласовано с этим законом.

Отвернувшимся выпало самое сложное задание во всей истории человечества. Они останутся наедине с собой; их души будут закрыты для мира, для всей Вселенной. Их единственным доверенным лицом и их единственной духовной поддержкой будут они сами. Они будут нести эту великую ответственность в одиночестве на протяжении многих лет. Позвольте мне от имени всего человечества выразить им наше глубочайшее уважение.

А теперь я от лица ООН назову имена четверых Отвернувшихся, отобранных Советом обороны планеты при ООН.

Ло Цзи, как и вся аудитория, с восхищением и вниманием прислушивался к выступлению Генерального секретаря. Он затаил дыхание. Каких же людей избрали для такого невероятного задания? На время он совершенно забыл о своей собственной судьбе, поскольку, что бы с ним ни случилось, это было мелочью на фоне такого исторического момента.

— Первый Отвернувшийся: Фредерик Тайлер.

Как только Генеральный секретарь произнесла имя, Тайлер поднялся со своего кресла в первом ряду и уверенно прошел на сцену, откуда стал без выражения смотреть в зал. Аплодисментов не последовало — собравшиеся сидели и молча смотрели на первого Отвернувшегося. Высокая, худая фигура Тайлера и очки в прямоугольной оправе были хорошо знакомы всему миру. Недавно ушедший в отставку министр обороны США, он сохранял существенное влияние в вопросах национальной стратегии. Он объяснил свою идеологию в книге «Истина и технология». В ней он утверждал, что от плодов технологии наибольшие преимущества получают малые страны, а напряженная работа крупных стран по развитию технологии способствует достижению малыми странами главенства в мире. Тайлер утверждал, что технологический прогресс делает превосходство крупных стран в людских и природных ресурсах маловажным, в то же время предоставляя малым странам рычаг, чтобы перевернуть мир. Страна с населением всего в несколько миллионов человек, обладающая ядерными технологиями, может представлять значительную угрозу для страны с населением в сотню миллионов. Ранее такое было невоз-

можно. Одним из его ключевых утверждений было то, что преимущества большой страны оставались истинными преимуществами только в эру примитивных технологий. В будущем высокие темпы технологического прогресса ослабят такие страны, а малые страны увеличат свое стратегическое влияние. Некоторые из них могут внезапно усилиться и занять господствующее положение в мире, как однажды это случилось с Испанией и Португалией. Несомненно, что философия Тайлера предоставила теоретическую базу для глобальной войны против террора, которую вели США. Но он был не только стратегом. Он был также человеком действия, и его неоднократно хвалили за храбрость и дальновидность перед лицом серьезной угрозы. Все это делало Тайлера добротным Отвернувшимся — и по глубине мышления, и по способности к руководству.

— Второй Отвернувшийся: Мануэль Рей Диас.

Ло Цзи удивился, когда этот коренастый, загорелый южноамериканец с упрямым взглядом взошел на сцену — для него было крайне необычно даже появиться в ООН. Но с другой стороны, на то были причины. Почему это не пришло в голову Ло Цзи сразу? Рей Диас был действующим президентом Венесуэлы, которая под его руковод-

ством отлично демонстрировала теорию Тайлера о росте влияния малых стран. Он продолжил дело боливарианской революции, начатое Уго Чавесом. Современным миром правят капитализм и рыночная экономика. А он строил в Венесуэле социализм XXI века, основанный на опыте международного социалистического движения прошлого столетия. К всеобщему удивлению, он достиг значительных успехов, подняв мощь страны во всех областях и превратив на время для всего мира Венесуэлу в «землю обетованную», символ равенства, справедливости и достатка. Другие южноамериканские страны последовали примеру Венесуэлы, и на континенте ненадолго вспыхнуло пламя социализма.

Рей Диас унаследовал от Чавеса не только социалистическую идеологию, но и его горячий антиамериканизм, который напомнил США, что их латиноамериканский «задний двор» может стать вторым Советским Союзом, если не принять мер. Однажды случайность и взаимное непонимание дали США повод к полномасштабному вторжению. Целью было устранение правительства Рей Диаса по иракскому сценарию. Но в этой войне череда побед сильных стран Запада над слабыми странами третьего мира закончилась.

Когда армия США перешла границу, она не обнаружила регулярных частей противника. Всю армию Венесуэлы поделили на партизанские отряды, растворившиеся среди населения. Им поставили только одну боевую задачу: уничтожать неприятельскую живую силу. Стратегия Рей Диаса строилась на одной простой идее: современное высокотехнологичное оружие может быть полезно против точечных целей, но против площадных целей оно не более эффективно, чем обычное; высокая стоимость и ограниченное количество сложных боеприпасов делают их применение нерациональным.

Он был гением в вопросах недорогого, но современного оружия. В начале века один австралийский инженер построил крылатую ракету за пять тысяч долларов. Он предназначал ее для борьбы с терроризмом. Но тысячи партизанских отрядов Рей Диаса имели на вооружении двести тысяч таких ракет — их массово изготавливали всего по три тысячи долларов за штуку. Хотя ракеты собирали из дешевых и легкодоступных деталей, у них были радиолокационный высотомер и GPS. Такие ракеты поражали цель на расстоянии пять километров с погрешностью в пять метров. Лишь одна ракетная атака из деся-

ти оказывалась успешной, но тем не менее они привели к огромным потерям у противника. Во время войны хорошо зарекомендовали себя и другие массово производимые поделки высоких технологий — такие как снайперские пули с бесконтактным взрывателем. Во время своего недолгого пребывания в Венесуэле армия США понесла потери, приближающиеся к потерям во вьетнамской войне. США были вынуждены отозвать войска. Поражение сильного от руки слабого превратило Рей Диаса в героя XXI века.

— Третий Отвернувшийся: Билл Хайнс.

На сцену взошел добродушный англичанин, сама изысканность по сравнению с холодностью Тайлера и упрямством Рей Диаса. И он пользовался известностью в мировом масштабе, пусть и не обладал аурой первых двоих. Жизнь этого изящно приветствовавшего ассамблею человека разделилась на две совершенно различные части. Он был единственным ученым в истории, кто был выдвинут на соискание Нобелевской премии сразу по двум наукам за одно и то же открытие. Проводя исследования совместно с известным нейрофизиологом Кейко Ямасуки, он обнаружил, что мозг обрабатывает мысли и воспоминания на квантовом уровне, а не на молекулярном, как

считалось раньше. Его открытие уменьшило размер «деталей» мозга до размера элементарных частиц. Все предыдущие исследования оказались лишь скольжением по верхам нейрофизиологии. Открытие также показало, что способность мозга животных обрабатывать информацию оказалась на несколько порядков выше, чем предполагалось. Это согласовывалось с давней гипотезой о голографической структуре мозга. За эту работу Хайнс был номинирован на премии в физике и в физиологии/медицине. Его исследования оказались слишком радикальными для того, чтобы ему присудили Нобелевскую премию, но Кейко Ямасуки, которая к тому времени стала его женой, получила премию за тот год по физиологии/медицине за использование этой теории в разработке методов лечения амнезии и психического расстройства.

На следующем этапе своей жизни Хайнс стал политиком и проработал два года на посту президента Европейского союза. Хайнса знали как мудрого и опытного деятеля, но годы его службы были омрачены многими осложнениями, которые потребовали всех его умений. Работа в Евросоюзе заключалась в основном в поддержке торговли, и поэтому он не набрал такого опыта

действий в кризисной ситуации, как два других Отвернувшихся. Но Хайнса выбрали, по-видимому, как из-за его научной, так и политической деятельности; это было ценным и редким совпадением.

Кейко Ямасуки, ученый-нейробиолог мирового уровня, сидела в последнем ряду зала и с любовью взирала на мужа, стоящего на сцене.

Собравшиеся хранили молчание — все ждали объявления имени последнего Отвернувшегося. Первые три — Тайлер, Рей Диас и Хайнс — были компромиссом между политическими блоками США, Европы и третьего мира; поэтому последний выбор представлял значительный интерес. Когда Ло Цзи увидел, что Сэй снова устремила взгляд на текст своего доклада, в его голове промелькнули имена нескольких мировых знаменитостей. Последний Отвернувшийся, конечно же, должен быть человеком известным. Ло Цзи всмотрелся в спины сидящих в первом ряду — именно там сидели первые три Отвернувшихся до тех пор, пока их не вызвали на сцену. Глядя сзади, он не мог понять, сидит ли там кто-то из тех, чьи имена пришли ему в голову. Но в любом случае четвертый Отвернувшийся должен быть среди них.

Сэй медленно подняла правую руку, и Ло заме-

тил, что она указывает не на первый ряд.

Она указывала на него.

— Четвертый Отвернувшийся: Ло Цзи.

* * *

— Вот он, мой «Хаббл»! — вскричал Альберт Ринье, хлопая в ладоши. В его полных слез глазах блестело отражение далекого огненного шара. Грохот, доносящийся со стартовой площадки, постепенно стихал, пока через несколько секунд не исчез совсем. И Ринье, и радостной толпе астрономов позади него следовало бы наблюдать за пуском с VIP-трибун поближе. Но чертов бюрократ из НАСА сказал, что у них нет надлежащего доступа, потому что, видите ли, отправившийся на орбиту объект принадлежит не им. Затем бюрократ повернулся к группе генералов при всех регалиях, важных как индюки, и, по-собачьи пресмыкаясь, повел их мимо поста охраны к платформе обозрения. Ринье с коллегами пришлось стоять в отдалении. В прошедшем столетии здесь, на противоположном от стартовой площадки берегу озера, были установлены часы с обратным отсчетом. Место было доступно для всех, но в этот поздний час тут не было никого, кроме ученых.

С такого расстояния пуск ракеты был похож

на преждевременный восход солнца. Прожекторы не освещали ракету после подъема; ее внушительный корпус был неразличим рядом с ослепительным факелом. Мир вдруг вырвался из-под покрова ночи и расцвел великолепным световым шоу. Золотистые волны разбежались по чернильно-черной поверхности озера, как если бы пламя зажгло саму воду. Астрономы следили за подъемом ракеты. Пронзая облака, она окрасила половину неба в багрянец. А затем ракета исчезла в небе Флориды, и ночь поглотила недолгий рассвет.

Космический телескоп «Хаббл II» принадлежал ко второму поколению. Его диаметр увеличили до 21 метра; у его предшественника диаметр составлял лишь 4,27 метра. Телескоп стал в пятьдесят раз лучше. В телескопе применялась технология составного зеркала — зеркало нужно было собрать в космосе из множества сегментов. Понадобилось одиннадцать запусков, чтобы доставить на орбиту все детали; этот полет был последним. Сборка «Хаббла II» возле МКС близилась к завершению. Через два месяца он обратит свой взор в глубины Вселенной.

— Вы шайка воров! Вы украли очередную прекрасную вещь, — обратился Ринье к стоящему

неподалеку высокому человеку — единственному, кого запуск ракеты не интересовал. Джордж Фицрой повидал слишком много пусков. Все это время он курил сигарету, прислонившись к часам. Фицрой стал военным представителем уже после того, как программу «Хаббл II» передали военным; но поскольку он почти всегда ходил в гражданском, Ринье не знал его звания и никогда не называл его «сэр». Для него было достаточно называть вора вором.

— Доктор, в военное время армия имеет право истребовать любое гражданское оборудование. Кроме того, вы, например, не отшлифовали ни одного сегмента зеркала, не придумали ни единого винтика для «Хаббла II». Вы здесь только затем, чтобы порадоваться его успеху; так что не вам предъявлять претензии. — Фицрой зевнул, как будто общение с этой группой умников его утомило.

— Но не будь нас, он бы вообще никому не был нужен! Гражданское оборудование? Он может заглянуть за край Вселенной — но вы, близорукие типы, хотите пялиться всего лишь на ближайшую звезду!

— Как я уже сказал, идет война. Война во имя защиты человечества. Даже если вы забыли,

что вы американец, вы хотя бы помните, что вы человек?

Ринье вздохнул и кивнул, но тут же досадливо покачал головой.

— Но что вы рассчитываете увидеть? Вы ведь осознаете, что планету трисоляриан он разглядеть не в состоянии!

Теперь вздохнул Фицрой:

— Что там планета... Публика убеждена, что с его помощью можно будет увидеть трисолярианский флот!

— Замечательно! — отозвался Ринье. В темноте его лицо было плохо видно, но Фицрой почувствовал в этом слове неприкрытое ехидство. Ему стало неуютно — как от этого сарказма, так и от резкого запаха, которым несло со стороны стартовой площадки.

— Доктор, вы должны понимать, что это означает.

— Если люди возлагают такие большие надежды на «Хаббл II», то они, наверное, не поверят в существование врага, пока не увидят трисолярианский флот собственными глазами — вот что это означает!

— И вы находите это приемлемым?

— Но вы же разъяснили народу, что это невоз-

можно, не так ли?

— Само собой, разъяснили! Мы созвали четыре пресс-конференции, и я из кожи вон лез, втолковывая им, что, хотя «Хаббл II» на порядки превосходит любой из имеющихся телескопов, он не сможет разглядеть трисолярианский флот — тот слишком мал! Обнаружить планету в другой звездной системе из нашей Солнечной системы — это как с восточного побережья США увидеть комара, сидящего на фонаре на западном побережье! А флот трисоляриан по размеру будет как бактерия на одной из ножек этого комара! Куда уж понятнее?

— Понятнее некуда, — согласился Ринье.

— Но что еще мы можем сделать? Народ верит, во что хочет. Я не первый год на этом посту и не видел ни одного космического проекта, который публика не поняла бы превратно.

— Я давно уже утверждаю, что военные потеряли доверие в том, что касается космоса.

— Но *вам* люди готовы поверить. Разве они не называют вас вторым Карлом Саганом? Вы неплохо заработали на ваших популярных книжках по космологии. Поддержите нас. Об этом просят военные, и я официально передаю вам их просьбу.

— Мы договариваемся об условиях в частном

порядке?

— Нет никаких условий! Это ваш долг как американца. Как землянина.

— Дайте мне чуть больше времени для наблюдений. Я много не прошу. Поднимите мою долю до двадцати процентов. Договорились?

— Вы и так отлично справляетесь при ваших двенадцати с половиной процентах — и даже их никто не может гарантировать в будущем. — Фицрой ткнул рукой в направлении стартовой площадки. След от ракеты оставил в ночном небе размытую полосу. В свете прожекторов площадки он выглядел как пятно от молока на джинсах. Неприятный запах усилился. Первая ступень ракеты работала на жидком кислороде и жидком водороде и не могла вызвать такого запаха. Что-то загорелось от потока пламени, отводимого стартовой площадкой.

— Я вам точно говорю, будет еще хуже, — заверил астронома Фицрой.

* * *

Ло Цзи показалось, что наклонная стена придавила его всем своим весом, и на мгновение его парализовало. В зале стояла полная тишина, пока чей-то тихий голос позади не позвал: «Док-

тор Ло, будьте добры...» Он с трудом встал и на деревянных ногах пошел на сцену. Во время этого короткого пути ему казалось, что он стал беспомощным ребенком. Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь взял его за руку и повел вперед. Но никто не пришел к нему на помощь. Он поднялся на сцену, встал рядом с Хайнсом и повернулся к залу. Сотни пар глаз смотрели на него — глаз, которые представляли шесть миллиардов человек из более чем двухсот государств Земли.

Ло Цзи не запомнил ничего из оставшейся части сессии. В памяти осталось, что какое-то время он стоял на сцене, а потом его отвели к креслу в середине первого ряда, рядом с тремя другими Отвернувшимися. В забытьи он пропустил исторический момент, когда провозгласили начало проекта «Отвернувшиеся».

А потом сессия, по-видимому, закончилась, и люди, включая трех Отвернувшихся, сидевших слева от Ло Цзи, начали расходиться. Какой-то человек, возможно, Кент, что-то прошептал ему на ухо, прежде чем уйти. Затем зал опустел, за исключением Генерального секретаря, оставшейся на трибуне. Ее легкая фигура на фоне грозного утеса будто противостояла одинокому, потерянному Ло Цзи.

— Доктор Ло, мне кажется, у вас есть вопросы. — Мягкий женственный голос Сэй отражался эхом в пустом зале, словно это говорил дух, сошедший с небес.

— Произошла какая-то ошибка? — спросил Ло Цзи. Его голос тоже звучал как неземной, принадлежащий кому-то другому.

Сэй на трибуне засмеялась. Ее смех означал: «Вы и в самом деле полагаете, что это возможно?»

— Но почему я? — недоумевал Ло Цзи.

— Вам предстоит найти свой собственный ответ на этот вопрос.

— Но я же самый обычный человек!

— Перед лицом этого кризиса мы все обычные люди. Но у каждого из нас свои обязанности.

— Никто не спрашивал моего мнения заранее. Я ничего не знал!

Сэй опять рассмеялась.

— Разве ваше имя не означает по-китайски «логика»?

— Означает.

— Тогда вы сами сообразите, почему нельзя спрашивать мнения кандидатов на такую работу, прежде чем ее поручить.

— Я отказываюсь, — уверенно сказал Ло Цзи, не давая себе труда даже задуматься над отве-

том Сэй.

— Как вам будет угодно.

Быстрота ее ответа ошеломила Ло Цзи. Он выждал несколько секунд и произнес:

— Я отказываюсь от должности Отвернувшегося; я отказываюсь от всех прав, которые она дает, и не принимаю ответственности, которую вы на меня возложили.

— Как вам будет угодно.

Этот простой и немедленный ответ на его заявление, легкий, как стрекоза, касающаяся воды, отключил его способность думать. Все мысли словно напрочь вымело из его разума.

— Так... я могу идти? — Это было единственное, что он смог из себя выдавить.

— Как скажете, доктор Ло. Вы можете делать все, что пожелаете.

Ло Цзи развернулся и пошел между рядами пустых кресел. Он не находил ни комфорта, ни облегчения в легкости, с которой он сбросил с себя должность и обязанности Отвернувшегося. Он исполнился чувства нереальности происходящего, как в лишенной всякой логики постмодернистской пьесе.

У выхода он обернулся и посмотрел на Сэй — та наблюдала за ним с трибуны. Она казалась

такой маленькой и беспомощной на фоне утеса... Увидев, что он оглянулся, она кивнула и улыбнулась.

Он пошел дальше, через холл с маятником Фуко, демонстрирующим вращение Земли. Там его встретили Ши Цян, Кент и группа одетых в черное охранников. Все вопросительно смотрели на Ло Цзи. В их глазах он видел новое уважение и восхищение. Даже на лицах Ши Цяна и Кента, которые до этого вели себя с ним по-свойски, отражались те же чувства, которых они и не пытались скрыть. Ло Цзи молча прошел между ними дальше, в пустой вестибюль — как и тогда, когда он входил в здание ООН, в нем никого не было, кроме охранников. Как и раньше, когда он проходил мимо, они тихо шептали в свои рации. У выхода Ши Цян и Кент остановили Ло Цзи.

— Снаружи может быть опасно. Тебе нужна охрана? — спросил Ши Цян.

— Нет, не нужна. Освободите дорогу. — Ло Цзи неотрывно смотрел прямо перед собой.

— Хорошо. Мы можем лишь следовать твоим указаниям, — согласился Ши Цян и отошел в сторону. Кент сделал то же самое. Ло Цзи вышел через дверь.

Холодный воздух ударил ему в лицо. Все еще

стояла ночь, но территория снаружи здания была ярко освещена уличными фонарями. Делегаты, прибывшие на специальную сессию, уже разъехались; немногие люди, оставшиеся на площади, были либо туристами, либо местными жителями. Об историческом заседании еще не сообщили в новостях, и никто Ло Цзи не узнавал; его присутствие не привлекало ничьего внимания.

Ло Цзи, Отвернувшийся, брел, как лунатик, сквозь абсурдный, нереальный мир. Потерявшись в своем трансе, он утратил способность к рациональному мышлению и не имел понятия, ни откуда идет, ни тем более куда. Ничего не соображая, он ступил на газон и приблизился к стоящей там статуе. Когда его блуждающий взор наткнулся на нее, Ло Цзи заметил, что это был человек, перековывающий меч: «Перекуем мечи на орала»[16] — подарок ООН от бывшего СССР. В уме Ло Цзи мощная композиция, образованная молотом, дюжим молотобойцем и выгнутым мечом, придавала скульптуре оттенок воинственности.

А затем молотобоец жестоко и яростно ударил Ло Цзи прямо в грудь. Удар повалил его на землю; он потерял сознание прежде, чем коснулся тра-

[16] Примечания: 16

Скульптура Е. В. Вучетича, копия которой стоит во дворе Третьяковской галереи на Крымском Валу. (*Прим. перев.*)

вы. Но потрясение быстро прошло, и вскоре он частично очнулся, чувствуя боль и головокружение. Ему пришлось зажмуриться из-за множества направленных на него ярких фонариков. Затем круги света отдалились, и он увидел над собой лица людей. В черном облаке тумана и боли он узнал голос Ши Цяна, говоривший:

— Так как насчет охраны? Мы можем лишь следовать твоим указаниям!

Ло Цзи слабо кивнул. Все остальное промелькнуло как вспышка. Он почувствовал, что его укладывают на что-то, похожее на носилки, потом носилки поднимают. Его окружала тесная группа людей; он как бы находился в яме, стены которой были образованы человеческими телами. Из этой ямы он видел лишь темное ночное небо; только мелькание ног окружающих его людей говорило ему, что они движутся. Вскоре яма исчезла, как и небо над ним; их заменил освещенный потолок кареты «Скорой помощи». Он почувствовал кровь во рту. Его вырвало. Кто-то рядом аккуратно и привычно принял рвоту — кровь и остатки самолетной еды — в пластиковый пакет. Потом кто-то приложил к его лицу кислородную маску. Когда ему стало легче дышать, он почувствовал себя немного лучше,

хотя грудь по-прежнему болела. Он ощутил, что его одежду разрезают на груди, и в ужасе представил себе алую кровь, бьющую из раны. Но он не угадал, поскольку его не стали перевязывать, только накрыли одеялом. Через небольшое время карета остановилась. Его вынесли наружу; над ним промелькнуло ночное небо, за которым последовали светлые потолки больничных коридоров, сменившиеся потолком палаты срочной помощи, а затем красной светящейся дугой компьютерного томографа. Время от времени над ним склонялись лица докторов и медсестер; эти люди причиняли ему боль, ощупывая и исследуя его грудь. Наконец он увидел над собой потолок обычной палаты, и все успокоилось.

— Одно сломанное ребро и небольшое внутреннее кровотечение. Это неопасно. Вы не получили серьезных ранений, но вам необходимо отлежаться. — Доктор в очках смотрел на него сверху вниз.

На этот раз Ло Цзи не стал тянуть со снотворным. Медсестра помогла ему принять таблетки, и он быстро заснул. Во сне у него перед глазами мелькали две картины: трибуна зала заседаний ООН, нависающая над ним, как скала, и молотобоец из «Перекуем мечи на орала», снова и

снова бьющий его молотом. Потом он набрел на тихий сугроб глубоко в своем сердце и вошел в скромный снаружи, изящно обставленный домик. Созданная им Ева, сидевшая возле камина, встала ему навстречу. Ее прекрасные глаза были полны слез... Он проснулся и обнаружил слезы в своих собственных глазах и мокрое пятно на подушке. В палате царил полумрак; поскольку Она не появлялась, когда Ло Цзи бодрствовал, он снова заснул, в надежде вернуться в домик. Но на этот раз он спал без сновидений.

Проснувшись в следующий раз, Ло Цзи понял, что спал долго. Он отлично отдохнул. В груди все еще пульсировала боль, но он верил, что его ранение несерьезно. Когда он попытался присесть в кровати, медсестра-блондинка не остановила его, а просто поправила ему подушку, чтобы было легче на нее опираться. Через некоторое время пришел Ши Цян и сел возле постели.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — В меня три раза стреляли, когда я носил пуленепробиваемый жилет. Неприятно, но не смертельно.

— Да Ши, вы спасли мне жизнь, — слабым голосом признал Ло Цзи.

Ши Цян отмахнулся.

— А, мы сами виноваты — не приняли своевре-

менных и эффективных мер защиты. Мы ведь обязаны слушаться твоих указаний. Ну да теперь все в прошлом.

— А трое других?

Ши Цян сразу понял, о ком говорит Ло Цзи.

— С ними все в порядке. Они не настолько беспечны, чтобы разгуливать в одиночестве.

— ОЗТ хочет нас всех убить?

— Вероятно. Киллера задержали. Хорошо, что мы следовали позади и держали «змеиные глаза» наготове.

— Что держали наготове?

— Это высокоточная радарная система, которая быстро вычисляет позицию снайпера по траектории пули. Имя стрелка уже известно. Профессиональный военный из ополчения ОЗТ. Мы и думать не могли, что он осмелится напасть в центре города. Практически самоубийца.

— Я хотел бы увидеться с ним.

— С кем? Со стрелком?

Ло Цзи кивнул.

— Нет проблем. Но это выходит за рамки моих полномочий. Я только отвечаю за охрану. Я передам твое требование. — Ши Цян повернулся и вышел. Он теперь выглядел более аккуратным и более осторожным, в отличие от бесшабашного

персонажа, которого он играл раньше. Ло еще не привык к его новому образу.

Ши Цян вскоре вернулся и сообщил:

— Ты можешь с ним встретиться здесь или в любом другом месте. Доктор уверяет, что тебе можно ходить.

Ло Цзи хотелось ответить, что он предпочел бы другое место. Он даже слегка привстал, но потом, сообразив, что прикинуться больным будет полезнее, лег обратно.

— Я встречусь с ним прямо здесь.

— Они уже выехали; придется подождать. Почему бы тебе не перекусить? Ты ел последний раз в самолете, сутки назад. Я все устрою. — И он снова вышел.

Молодого человека приятной европейской наружности ввели, когда Ло Цзи закончил с едой. Самой заметной чертой снайпера была улыбка — она никогда не исчезала и казалась приклеенной. На нем не было наручников; но когда он вошел, два человека, по виду профессиональные охранники, сели на стулья, а еще два встали в дверях. Прицепленные к костюмам бейджики сообщали, что они офицеры СОП.

Ло Цзи попытался прикинуться полумертвым, но стрелок сразу раскусил его игру.

— Доктор, вы же не настолько плохо себя чувствуете? — Он улыбнулся, но другой улыбкой, появившейся поверх его постоянной, как тончайшая пленка нефти на воде. — Мне очень жаль.

— Вам жаль, что вы пытались убить меня? — Ло Цзи поднял голову с подушки, чтобы взглянуть на нападавшего.

— Мне жаль, что я вас не убил, сэр. Не думал, что вы пойдете на подобное заседание в пуленепробиваемой одежде. Не представлял, что вы будете так старательно беречь свою жизнь. Иначе я бы воспользовался бронебойными пулями или просто выстрелил бы вам в голову. Мое задание было бы выполнено, а вы освободились бы от своего — от противоестественного, немыслимого поручения, которое обычному человеку не по силам.

— Я уже освободился от него. Я подал заявление Генеральному секретарю, в котором отказался от работы Отвернувшегося, от всех его прав и обязанностей. Генеральный секретарь согласилась от лица ООН. Конечно, вы этого не знали, когда пытались меня убить. Ваша организация попусту израсходовала киллера.

Улыбка на лице стрелка стала ярче — словно на мониторе, которому прибавили яркости.

— Ну и шутник же вы!

— О чем это вы? Я говорю правду. Если вы мне не верите...

— Я вам верю, но тем не менее вы шутник, — ответил стрелок, по-прежнему с широкой улыбкой на лице. Сейчас Ло Цзи заметил эту улыбку лишь мимоходом, но скоро она навсегда отпечатается в его мозгу, будто выжженная каленым железом. Эта улыбка станет сопутствовать ему всю оставшуюся жизнь.

Ло Цзи покачал головой и, ничего не ответив, со вздохом опустился на подушку.

Стрелок заговорил снова:

— Доктор, у нас не так уж много времени. Я полагаю, что вы вызвали меня сюда не ради детских шуточек.

— Я все еще не понимаю, что вы имеете в виду.

— Если так, то вы недостаточно умны, чтобы быть Отвернувшимся, доктор Ло Цзи. Вы не настолько логичны, как предполагает ваше имя. Похоже, я и впрямь отдал свою жизнь впустую. — Стрелок обернулся к двум охранникам, стоявшим наготове позади: — Джентльмены, я полагаю, мы можем идти.

Охранники бросили вопросительный взгляд на Ло Цзи. Тот махнул рукой, и стрелка вывели.

Ло Цзи присел в постели и задумался о словах

убийцы. У него было чувство, что что-то не так, но он не знал, что именно. Он встал с постели и сделал пару шагов; не чувствовалось никаких повреждений, кроме тупой боли в груди. Он подошел к двери и выглянул наружу. Охранники с автоматами, сидевшие у порога, тотчас же встали, и один из них заговорил в рацию на плече. Ло Цзи увидел ярко освещенный, чистый коридор, совершенно пустой, если не считать еще двух вооруженных охранников вдали. Он закрыл дверь, подошел к окну и отодвинул занавеску. С высоты он мог видеть множество вооруженных до зубов солдат, стоящих у дверей больницы. Два зеленых военных грузовика были припаркованы перед входом. Он не видел больше никого, за исключением медицинских работников, порой пробегавших в своих белых халатах. Присмотревшись внимательнее, он заметил двоих людей на крыше здания напротив; они рассматривали окрестности в бинокли, а рядом лежала снайперская винтовка. Он был уверен, что подобные снайперские пары были и на крыше его собственного здания.

Охранники не были полицейскими. Здесь явно задействована армия.

Он позвал Ши Цяна.

— Больница находится под усиленной охраной? — спросил он.

— Да.

— Что произойдет, если я попрошу убрать охрану?

— Мы выполним твою просьбу. Но я советую так не делать. Сейчас это опасно.

— На кого вы работаете? За что вы отвечаете?

— Я работаю на Совет обороны планеты, в отделе безопасности, и отвечаю за твою жизнь.

— Но я больше не Отвернувшийся. Я лишь обычный человек; даже если моя жизнь в опасности, то это дело для обычной полиции. Почему же моей охраной по-прежнему занимается отдел безопасности Совета обороны планеты? И насчет отзыва или, наоборот, вызова охраны... кто дал мне такие полномочия?

Лицо Ши Цяна оставалось невыразительным, как резиновая маска.

— Нам дали такой приказ.

— Тогда... где Кент?

— За дверью.

— Пригласите его!

Ши Цян вышел, и вскоре появился Кент. К нему вернулись его изысканные манеры дипломата ООН.

— Доктор Ло, я не хотел вас беспокоить, пока вы не выздоровеете.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Я отвечаю за вашу повседневную связь с Советом обороны планеты.

— Но я же больше не Отвернувшийся! — вскричал Ло Цзи. Потом, помолчав, спросил: — В новостях сообщили о проекте «Отвернувшиеся»?

— Сообщили на весь мир.

— А о моем отказе стать Отвернувшимся?

— И об этом тоже, конечно.

— Что именно сказали в новостях?

— Всего лишь следующее: «После окончания специальной сессии ООН Ло Цзи заявил о своем отказе от должности и обязанностей Отвернувшегося».

— Тогда что же вы тут делаете?

— Я отвечаю за вашу связь с СОП.

Ло Цзи в непонимании глядел на него. Кент, похоже, носил такую же резиновую маску, как и Ши. Он был нечитаем.

— Если у вас для меня больше ничего нет, то я пойду. Отдыхайте. Вызывайте меня в любое время, — сказал Кент и повернулся к выходу. Когда он уже переступал через порог, Ло Цзи остановил его.

— Я хочу встретиться с Генеральным секретарем.

— Организация и осуществление проекта «Отвернувшиеся» возложены на Совет обороны планеты. Верховным руководителем проекта является сменный председатель СОП. Генеральный секретарь ООН не руководит СОП напрямую.

Ло Цзи поразмыслил над этим.

— Тем не менее я хотел бы встретиться с Генеральным секретарем. У меня должны быть на то полномочия.

— Хорошо. Подождите минутку. — Кент вышел из палаты, но скоро вернулся и доложил: — Генеральный секретарь ждет вас в своем кабинете. В таком случае мы отбываем?

На протяжении всего пути к зданию Секретариата, где на 34-м этаже располагался кабинет Генерального секретаря, Ло Цзи находился под такой плотной охраной, как если бы его везли в передвижном сейфе. Кабинет был меньше, чем он представлял себе, и обставлен весьма незатейливо; б`ольшую часть пространства занимал флаг ООН, стоявший позади рабочего стола. Сэй поднялась и обошла стол, чтобы поприветствовать Ло Цзи.

— Доктор Ло, мне хотелось посетить вас вчера в

больнице, но вы видите... — Она показала на гору бумаг на столе. Единственной личной вещью там был искусно сделанный бамбуковый стаканчик для карандашей.

— Госпожа Сэй, я пришел, чтобы повторить заявление, которое сделал вам по завершении собрания, — начал Ло Цзи.

Она кивнула, но не ответила.

— Я хочу отправиться домой. Если мне угрожает опасность, пожалуйста, сообщите об этом в полицию Нью-Йорка и возложите на них ответственность за мою безопасность. Я всего лишь обычный человек. Мне не нужна охрана от СОП.

Сэй снова кивнула.

— Это определенно выполнимо, но я советую вам продолжать пользоваться услугами уже предоставленной вам охраны, поскольку она лучше обучена и более надежна, чем полиция Нью-Йорка.

— Пожалуйста, ответьте мне честно. Я по-прежнему остаюсь Отвернувшимся?

Сэй вернулась к своему столу. Стоя возле флага ООН, она слегка улыбнулась Ло Цзи.

— А вы как полагаете?

Затем она предложила ему сесть на диван.

Он узнал эту легкую улыбку на лице Сэй. Точно

такую же он видел на лице молодого убийцы; впоследствии он увидит ее в глазах и на лицах всех, с кем бы ни встретился. Эта улыбка получит название «улыбки Отвернувшегося» и станет столь же известной, как улыбка Моны Лизы или ухмылка Чеширского кота. Улыбка Сэй его наконец успокоила; он стал спокоен впервые с того момента, когда она с трибуны ООН объявила всему миру, что он Отвернувшийся. Ло Цзи медленно шагнул к дивану, и не успел он опуститься на него, как ему все стало ясно.

«О боже!»

Ло Цзи потребовалось лишь мгновение, чтобы осознать свое истинное положение как Отвернувшегося. Сэй ведь говорила: нельзя советоваться с кандидатами прежде, чем назначить их на эту должность. А после того как им предоставят должность и полномочия, от них невозможно отказаться. Эта невозможность была вызвана не чьим-то принуждением, а холодной логикой. Сама суть проекта основывалась на том, что, когда кто-то становился Отвернувшимся, между ним и всеми обычными людьми возникал невидимый и непреодолимый барьер — и этот барьер делал любой их поступок исполненным особого значения. Именно это и означали улыбки, обращенные

к Отвернувшимся:

«Как мы можем знать, начали вы уже свою работу или нет?»

Он теперь понимал, что задача Отвернувшихся была намного необычнее, чем любая другая за всю историю человечества. Логика этой задачи была холодной и извращенной, но столь же прочной, как те цепи, что удерживали Прометея. Это было неустранимым проклятием, и ни один Отвернувшийся не мог самостоятельно от него освободиться. Как бы он ни боролся, ответом была бы все та же «улыбка Отвернувшегося»:

«Откуда же нам знать, работаете вы уже или нет?»

Его сердце забилось в таком гневе, какого он еще никогда не испытывал. Ему хотелось истерически заорать; ему хотелось послать по матери и Сэй, и ООН, и всех делегатов той специальной сессии, и СОП, и лично каждого человека на Земле, и даже трисоляриан, хотя у тех, скорее всего, не было матерей. Он хотел разбушеваться и изломать всю мебель, разметать бумаги, глобус и стаканчик для карандашей на столе Сэй, а потом порвать в клочья голубой флаг ООН... Но он все же сообразил, где он и перед кем находится, овладел собой и встал... чтобы тотчас же тяжело упасть

обратно на диван.

— Почему выбрали именно меня? — простонал Ло Цзи, закрывая руками лицо. — У меня нет квалификации по сравнению с другими тремя. У меня нет таланта и нет опыта. Я никогда не видел войны, не говоря уж о руководстве страной. Ученый из меня липовый. Я всего лишь профессор университета, который пробавляется сочинением никудышных статей. Я живу одним днем. Я не хочу иметь детей, и меня не интересует выживание человеческой цивилизации... Почему же выбрали меня? — Под конец этой речи он вскочил с дивана.

Улыбка Сэй погасла.

— По правде говоря, доктор Ло, нас это тоже озадачило. И по этой причине у вас среди всех Отвернувшихся будет самый ограниченный доступ к ресурсам. Выбор вашей кандидатуры — это крупнейшая авантюра в истории.

— Но должна же быть причина, по которой меня выбрали!

— Такая причина есть, но только косвенная. Истинной причины не знает никто. Как я уже сказала, вам придется самому найти ответ.

— Ну хорошо... А косвенная причина какая?

— Мне очень жаль, но у меня нет полномочий

вам ее назвать. Уверена, что в свое время вы ее узнаете.

Ло Цзи почувствовал: больше говорить не о чем. Он повернулся и пошел к двери, но на пороге спохватился, что не попрощался. Он обернулся. Как и тогда в зале, Сэй с улыбкой кивнула ему. На этот раз он знал, что означает эта улыбка.

Сэй проговорила:

— Было очень приятно снова встретиться с вами. Но впредь вы будете работать в рамках СОП, и вашим руководителем будет сам сменный председатель СОП.

— Вы не очень-то верите в меня, так? — спросил Ло Цзи.

— Я уже сказала — ставка на вашу кандидатуру связана с огромным риском.

— Тогда вы правы.

— Я была права в том, что рискнула?

— Нет. Правы в том, что мало на меня надеетесь.

И он вышел из кабинета, так и не попрощавшись. Опять в том же состоянии, в каком был после назначения Отвернувшимся, Ло Цзи в прострации брел по коридору. Дошел до лифта, спустился в вестибюль на первом этаже, вышел из здания Секретариата и еще раз оказался на

площади Объединенных наций. Его окружила охрана; он пару раз нетерпеливо толкался, но они прилипли к нему, как магниты, и следовали за ним, куда бы он ни направлялся. Время было дневное; Ши Цян и Кент подошли к нему посреди залитой солнцем площади и попросили либо войти обратно в здание, либо как можно скорее сесть в машину.

— Я что, до конца дней своих больше не увижу солнца? — спросил он Ши Цяна.

— Не в этом дело. Окрестности проверены, здесь относительно безопасно. Но вокруг много посетителей, и все они вас знают. Работать с толпой сложно, да вам, наверное, это и ни к чему.

Ло Цзи огляделся. Вроде бы пока никто не обращал внимания на их небольшую компанию. Он направился к зданию Генеральной ассамблеи ООН и вступил в него во второй раз. Он знал, чего хочет и куда ему идти. Миновав пустой балкон, он увидел разноцветную панель витража. Повернув налево, он вошел в Комнату медитации и закрыл за собой дверь. Ши Цян, Кент и охранники остались снаружи.

* * *

Когда он снова увидел продолговатый блок железной руды, первым его инстинктом было разбить об него голову и положить всему конец. Но вместо того он лег на гладкую поверхность камня, прохлада которого несколько остудила его раздражение. Он чувствовал жесткость минерала и вдруг вспомнил о задачке, предложенной его школьным учителем физики: как сделать постель из мрамора такой же мягкой, как дорогой матрас? Ответ: вырежьте в мраморе углубление такой же формы, как ваше тело. Когда ляжете в это углубление, давление распределится равномерно, и мрамор покажется мягким. Он закрыл глаза и представил себе, что тепло его тела плавит железную руду под ним и образует такое углубление... Постепенно это его успокоило. Через некоторое время он открыл глаза и посмотрел на голый потолок.

Комнату медитации разработал Даг Хаммаршельд, второй Генеральный секретарь ООН. Он считал, что в здании должно быть место для размышлений, удаленное от зала Генеральной ассамблеи, где творят историю. Ло Цзи не знал, медитировал ли здесь кто-нибудь из руководи-

телей стран или послов в ООН. Но наверняка Хаммаршельд, умерший в 1961 году и сам бывший «Смотрящим в стену», не мог предполагать, что здесь когда-нибудь будет грезить другой Отвернувшийся...

Ло Цзи почувствовал, как его снова затягивает в логическую ловушку. И снова он был убежден, что не сможет освободиться.

Тогда он стал размышлять о мощи, которая теперь находилась в его руках. Сэй назвала его наименьшим среди Отвернувшихся, но он, без сомнения, мог распоряжаться огромными ресурсами. Важнее всего было то, что ему не нужно было никому ничего объяснять. Наоборот, существенным условием его деятельности была необходимость действовать так, чтобы никто не понимал его намерений. Более того, ему следовало стремиться к непониманию. Никогда еще в истории человечества никто не получал таких полномочий! Возможно, абсолютные монархи давно ушедших времен и могли делать все, что пожелают, но даже они в конце концов вынуждены были давать отчет в своих действиях.

«Если все, что у меня есть, — вот такая странная власть, то почему бы ею не воспользоваться?» — подумал Ло Цзи и сел на камне. Потратив еще

немного времени на раздумья, он решил, каким будет его следующий шаг.

Он слез с жесткого каменного ложа, открыл дверь и попросил о встрече с председателем СОП.

Действующий председатель СОП, русский по фамилии Гаранин, был плотным, седобородым пожилым человеком. Его кабинет находился этажом ниже кабинета Генерального секретаря. Ло Цзи вошел, когда председатель прощался с несколькими посетителями, половина которых была в военной форме.

— А, доктор Ло. Я слышал, что у вас были небольшие неприятности, поэтому не спешил поговорить с вами.

— Чем занимаются трое других Отвернувшихся?

— Созданием своих отделов. Я и вам посоветовал бы заняться этим без промедления. Я пришлю советников, они вам помогут.

— Мне не понадобится свой собственный отдел.

— Да? Ну если вы полагаете, что так будет лучше... Если понадобится, то его всегда можно будет организовать.

— У вас найдутся бумага и карандаш?

— Разумеется.

Глядя на бумагу, Ло Цзи спросил:

— Господин председатель, вы когда-нибудь видели сон?

— Какой именно?

— Например, что вы живете в неком идеальном месте?

Гаранин встряхнул головой и криво улыбнулся:

— Я только вчера прилетел из Лондона. Работал все время полета. По прибытии поспал чуть меньше двух часов, а затем должен был торопиться на работу. Когда закончатся сегодняшние заседания СОП, я вылетаю ночным рейсом в Токио... Вся моя жизнь проходит в спешке; я бываю дома не больше трех месяцев в году. Какой толк мне мечтать о таком?

— Я часто вижу такие места в своих снах. Я выбрал самое прекрасное. — Ло Цзи взял карандаш и начал рисовать. — Это простой карандаш, цвета на рисунке нет, поэтому его нужно представить. Видите горы с заснеженными вершинами, вот здесь? Они крутые, как мечи богов, как клыки земли, и отливают матовым серебром на фоне синего неба. Просто невероятно...

— А, — Гаранин внимательно смотрел на рису-

нок. — Там очень холодно.

— А вот и нет! Территория ниже уровня снегов не должна быть холодной. Это важно! Лучше, если это будет субтропический климат. Перед горами разливается широкое озеро, и вода в нем даже голубее, чем небо, — такая же голубая, как глаза вашей жены...

— У моей жены черные глаза.

— Ну хорошо, вода в озере до того темно-синяя, что выглядит черной. Это даже лучше. Вокруг озера есть леса и луга, но запомните, должны быть и те, и другие, не только что-то одно. Вот такая это территория: заснеженные верхушки, озеро, леса, луга. И все это в нетронутом, первозданном состоянии. Увидев это место, вы подумаете, что человек никогда не ступал на Землю. Вот здесь, на траве возле озера, постройте дом. Необязательно большой, но он должен быть полностью оборудован для современной жизни. Стиль может быть или классическим, или модерн, но он должен дополнять собой естественное окружение. Нужны также соответствующие удобства — фонтаны, плавательный бассейн, — чтобы хозяин этой усадьбы мог жить приятной жизнью аристократа.

— И кто же будет этим хозяином?

— Я.

— Что вы собираетесь там делать?

— Прожить жизнь в покое.

Ло Цзи ожидал, что Гаранин ответит какой-нибудь грубостью. Но председатель с серьезным видом кивнул:

— Комиссия проведет аудит, и мы сразу же приступим к работе.

— Ни вы, ни ваша комиссия не потребуете обоснования?

Гаранин пожал плечами:

— Наша комиссия может задавать вопросы Отвернувшимся только в двух случаях: превышение бюджета и вред, причиненный людям. Любые другие вопросы будут нарушением духа проекта «Отвернувшиеся». И, честно говоря, Тайлер, Рей Диас и Хайнс уже разочаровали меня. Глядя на их инициативы за последние два дня, можно сразу сказать, чего они хотят добиться своими начинаниями. Вы отличаетесь от них. Ваше поведение сбивает с толку. Вот таким и должен быть Отвернувшийся.

— Вы вправду полагаете, что такое место, как я описал, существует в действительности?

Гаранин улыбнулся, подмигнул и сделал одобряющий жест.

— Мир большой; в нем найдется и такое место. Кроме того, честно говоря, я видел его раньше.

— Это в самом деле замечательно. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы я смог жить комфортабельной жизнью аристократа. Это необходимо для проекта.

Гаранин снова с серьезным видом кивнул.

— Да, и еще кое-что. Когда вы найдете подходящее место, не говорите мне, где оно находится.

«Нет, не говорите мне, где оно! Стоит мне узнать, где я нахожусь, как мир сужается до размера карты. Если не знаю — мир кажется мне бесконечным».

Гаранин снова кивнул с видимым удовлетворением.

— Доктор Ло, у вас есть еще одна особенность, которая согласуется с моим представлением об Отвернувшемся. Ваш проект требует самых незначительных затрат из всех четырех — по крайней мере, на данный момент.

— Если так, то мне никогда не потребуются большие вложения.

— Тогда вы станете сущим благословением для тех, кто сменит меня на этой должности. Деньги — это такая головная боль... У отделов, которым предстоит выполнять это задание, к вам могут

возникнуть вопросы по отдельным деталям. Например, дом...

— А, дом, — спохватился Ло Цзи. — Я забыл одну очень важную деталь.

— Продолжайте.

Ло Цзи тоже улыбнулся и подмигнул — совсем по-гаранински:

— В доме должен быть камин.

* * *

После похорон отца Чжан Бэйхай с У Юэ еще раз наведались в сухой док. Строительство «Тана» было полностью остановлено. Искры электросварки больше не сияли на обшивке; на всем гигантском корабле, стоящем под полуденным солнцем, не было никаких признаков жизни. И вновь эта картина напомнила о ходе времени.

— Кончено. Корабль мертв, — сказал Чжан Бэйхай.

— Твой отец был одним из мудрейших адмиралов среди высшего командования флота. Если бы он оставался с нами, то, может быть, я не попал бы в такой переплет, — ответил У Юэ.

— Твое пораженчество выстроено на рациональном фундаменте или, по крайней мере, ты так полагаешь. Поэтому я не думаю, что кто-то

может развеять твои страхи. Я здесь не для извинений, У Юэ. Я знаю, что ты не питаешь ко мне ненависти из-за того инцидента.

— Я хотел бы поблагодарить тебя, Бэйхай. Ты вытащил меня оттуда.

— Ты можешь вернуться во флот. Работа будет как раз по тебе.

У Юэ медленно покачал головой.

— Я уже подал документы — увольняюсь с военной службы. Что бы я делал, если бы вернулся? Строительство новых эсминцев и фрегатов остановлено, и для меня больше нет места во флоте. Сидеть в кабинете в штабе? Ни за что. Кроме того, я вообще плохой солдат. Солдат, который согласен воевать только в победоносной войне, не годится в солдаты.

— Нам не доведется увидеть ни победы, ни поражения.

— Но ты веришь в победу, Бэйхай. Я очень завидую тебе вообще-то. В наши дни такая вера, как у тебя, — это верх счастья для военного. Ты и в самом деле сын своего отца.

— Есть ли у тебя какие-нибудь планы на будущее?

— Нет. Я чувствую себя так, будто моя жизнь закончилась. — У Юэ показал на застывший вдали

«Тан». — Вот как этот корабль, закончивший свой путь еще до его начала.

Со стороны верфи донесся низкий гул, и «Тан» медленно пришел в движение. Авианосец решили спустить на воду досрочно, чтобы освободить док. Потом корабль на буксире отведут в другой док для утилизации. Когда острый нос «Тана» разрезал волну, Чжан Бэйхай и У Юэ ощутили отзвук гнева в его массивном корпусе. Корабль энергично входил в воду, поднимая огромные волны. Другие суда в порту раскачивались, как бы приветствуя его. «Тан» понемногу продвигался вперед, тихо радуясь объятиям моря. За свою короткую жизнь гигантский корабль по крайней мере один раз все-таки встретился с океаном.

* * *

В виртуальном мире «Трех тел» стояла глубокая ночь. За исключением нескольких огоньков звезд, все было залито чернильной темнотой. Не было видно даже горизонта.

— Администратор, запустите Эру Стабильности. Разве вы не видите, что у нас идет собрание? — крикнул кто-то.

Голос администратора шел как бы с самого неба:

— Не могу. Эра задается случайно, алгоритмами базовой модели, ее нельзя запустить с консоли.

Другой голос из темноты произнес:

— Тогда ускорьте время и найдите какой-нибудь устойчивый дневной свет. Всего-то!

Мир замелькал, солнца замельтешили по небу. Вскоре течение времени замедлилось до нормального, и над миром загорелось одно стабильное солнце.

— Вот. Не знаю, надолго ли, — объявил администратор.

Солнце освещало группу людей на равнине; лица некоторых было легко узнать: царь Вэнь из дома Чжоу, Ньютон, фон Нейман, Аристотель, Мо-цзы, Конфуций и Эйнштейн. Стоя поодаль, они повернулись к Цинь Шихуанди, который расположился на камне, пристроив свой огромный меч на плече.

— Я говорю не только от себя, — приступил он. — Я выступаю от имени центрального руководства, от имени Семерых.

— Тебе не стоило бы заговаривать о новом руководстве, пока с ним не определились, — сказал кто-то. Остальные начали переговариваться.

— Довольно! — Цинь Шихуанди с усилием поднял меч. — Отложим проблему руководства

и перейдем к более срочным вопросам. Нам всем известно о начале проекта «Отвернувшиеся» — попытке человечества задействовать персональное, закрытое от других стратегическое мышление, чтобы воспрепятствовать наблюдению софонов. Поскольку открытый разум нашего Господа не способен разобраться в этом лабиринте, у человечества появилось преимущество. Четыре Отвернувшихся представляют угрозу для Господа. В соответствии с резолюцией ранее проведенного закрытого совещания мы должны немедленно начать проект «Разрушители».

После этих слов воцарилось молчание — ни у кого не было возражений.

Цинь Шихуанди продолжил:

— Мы назначим одного Разрушителя к каждому Отвернувшемуся. Отвернувшимся доступны все ресурсы планеты; мы дадим Разрушителям все, что есть у нашего общества. Но их основным инструментом будут софоны, которые предоставят информацию обо всех действиях Отвернувшихся. Единственным оставшимся секретом Отвернувшихся будут их мысли. Задача Разрушителей будет состоять в анализе с помощью софонов как открытых, так и тайных действий Отвернувшихся. Предстоит расшифровать их подлинные

намерения и их стратегические планы как можно скорее. А теперь руководство назначит Разрушителей.

Цинь Шихуанди протянул руку с мечом и, как при посвящении в рыцарское звание, коснулся им плеча фон Неймана.

— Вы — первый Разрушитель, — объявил он. — Вы Разрушитель Фредерика Тайлера.

Фон Нейман преклонил колено и прижал в салюте левую ладонь к правому плечу:

— Я принимаю поручение.

Цинь Шихуанди коснулся мечом плеча Мо-цзы:

— Вы — второй Разрушитель. Вы Разрушитель Мануэля Рей Диаса.

Мо-Цзы не встал на колени, а выпрямился и горделиво кивнул:

— Я стану первым, кто пробьет стену Отвернувшегося.

Меч коснулся плеча Аристотеля:

— Вы — третий Разрушитель. Вы разрушитель Билла Хайнса.

Аристотель тоже не преклонил колени. Он оправил свой хитон и с умным видом произнес:

— Да, только я способен сломать его стену.

Цинь Шихуанди вернул меч на плечо и осмот-

рел собравшихся.

— Хорошо. Теперь у нас есть Разрушители. Вы, как и Отвернувшиеся, являетесь элитой элит. Да пребудет с вами Господь! Вам предоставят доступ к гибернации, и вы начнете долгое путешествие вместе с Отвернувшимися к последнему дню человечества.

— Я не думаю, что потребуется гибернация, — заметил Аристотель. — Я смогу завершить поручение до конца моего естественного срока жизни.

Мо-цзы закивал, соглашаясь:

— Когда я начну разваливать стену моего Отвернувшегося, я встречусь с ним лицом к лицу. Я буду наслаждаться, глядя, как его дух погрязает в страхе и безысходности.

Фон Нейман тоже пожелал лично встретиться со своим Отвернувшимся:

— Мы сорвем маски со всех секретов человечества, которое оно скрывает от софонов. Это последнее, что мы можем сделать для Господа; потом нам незачем будет существовать.

— А что насчет Разрушителя для Ло Цзи? — спросил кто-то.

Этот вопрос навел Цинь Шихуанди на какую-то мысль. Он воткнул меч в землю и надолго заду-

мался. Заходящее солнце внезапно ускорилось, и тени удлинились до горизонта. Наполовину зайдя, солнце поменяло направление движения и несколько раз поднялось и опустилось вблизи горизонта, как блестящая спина кита, всплывающего из черного океана. Гигантская равнина и кучка людей — все, что существовало в этом мире, — то освещались, то погружались во мрак.

— Ло Цзи — сам себе Разрушитель. Ему нужно понять, какую именно угрозу он представляет для Господа, — наконец произнес Цинь Шихуанди.

— Что нам известно о Ло Цзи? Он представляет опасность? — спросил кто-то.

— Нам ничего не известно. Господь и Эванс знали. Эванс научил Господа хранить тайну. Эванс мертв. У нас нет ответа на этот вопрос.

Кто-то неуверенно спросил:

— Является ли Ло Цзи самой серьезной угрозой среди четырех Отвернувшихся?

— Этого мы тоже не знаем. Очевидно только одно, — ответил Цинь Шихуанди, глядя на небосвод, меняющий синий цвет на черный. — Из всех четырех Отвернувшихся он единственный, кто напрямую противостоит Господу.

Рабочее совещание, Политический отдел космических сил.

Чан Вэйсы открыл совещание, но долгое время оставался безмолвным, чего раньше с ним никогда не случалось. Он пробежался взглядом по двум рядам политических офицеров за столом совещаний, затем посмотрел куда-то вдаль, слегка постукивая карандашом по столу. Стук карандаша, похоже, действовал как метроном для его мыслей. Наконец он закончил свои раздумья.

— Товарищи, вчера был обнародован приказ Центральной военной комиссии. Я назначен командующим Политическим отделом вооруженных сил. Я принял назначение еще неделю назад, но сейчас, когда мы сидим за одним столом, меня раздирают противоположные чувства. Я только что осознал, насколько трудна работа, которая вам досталась. И теперь я сам принадлежу к вашему числу. Я раньше этого не понимал и прошу меня простить.

Он раскрыл лежащую перед ним папку.

— Эта часть совещания пройдет без протокола. Товарищи, давайте честно обменяемся мнениями. Станем ненадолго трисолярианами и раскроем наши мысли друг другу. Это чрезвычай-

но важно для нашей будущей работы.

Чан Вэйсы обвел взглядом лица офицеров, останавливаясь на каждом на пару секунд. Все хранили молчание. Тогда он поднялся и принялся ходить вдоль стола за спинами сидящих военнослужащих.

— Наш долг — взрастить в наших солдатах уверенность в будущей победе. Но есть ли такая уверенность у нас самих? Поднимите руки те, у кого она есть. Не забывайте, мы делимся тем, что у нас на уме.

Никто не поднял руку. Почти все уперли взгляды в стол. Но Чан Вэйсы заметил, что взор одного человека был направлен прямо перед собой. Это был Чжан Бэйхай.

Генерал продолжил:

— Верите ли вы, что победа возможна? Под возможностью я понимаю не какие-то случайные доли процента, а серьезные, практические шансы.

Чжан Бэйхай поднял руку. Никто не последовал его примеру.

— Прежде всего благодарю всех за честность, — сказал Чан Вэйсы и повернулся к Чжан Бэйхаю. — Замечательно, товарищ Чжан. Сообщи нам, на чем основана твоя уверенность в победе?

Чжан Бэйхай встал, но Чан Вэйсы жестом указал ему сесть:

— Это не официальное совещание, — пояснил он. — Мы просто ведем откровенный разговор.

Чжан Бэйхай продолжал стоять навытяжку:

— Командующий, у меня не получится объяснить все лишь парой слов. Выработка уверенности — это долгий и сложный процесс. Прежде всего я хотел бы отметить одно ошибочное мнение, существующее сегодня в войсках. Все мы знаем, что до Трисолярианского кризиса мы предлагали рассматривать будущее любой войны с научной, рациональной точки зрения. По инерции мы и сейчас так думаем. Это особенно заметно в сегодняшних космических силах, где оно поддерживается большим количеством ученых и исследователей. Нам никогда не уверовать в победу, если мы продолжим рассматривать межзвездную войну через четыре столетия с этой точки зрения.

— Любопытно излагаете, товарищ Чжан Бэйхай, — подключился к разговору один из офицеров, полковник. — Разве твердая вера не основана на науке и логике? Никакие убеждения не могут быть стойкими, если они не основываются на объективных фактах.

— Тогда давайте снова взглянем на науку и логику. На наши собственные, не забудьте. Научные успехи трисоляриан говорят нам, что наша наука — не более чем ребенок, собирающий ракушки на пляже; ребенок, который никогда даже не видел океана истины. Те факты, которые мы видим, объясняемые нашей наукой и логикой, могут оказаться не подлинными, объективными фактами, а фантомами. И поскольку это так, нам нужно научиться выборочно отбрасывать такие наблюдения. Нам нужно держать руку на пульсе, а не смотреть на будущее сквозь призму технологического детерминизма и механистического материализма.

— Очень хорошо, — заметил Чан Вэйсы и подал знак продолжать.

— Мы обязаны создать веру в победу — веру, которая является основой воинского долга и воинской чести! Когда китайская армия однажды столкнулась с сильным врагом в неблагоприятных условиях, она основала твердую веру в победу на чувстве ответственности перед народом и отечеством. Я полагаю, что сегодня можно основать такую же веру на чувстве ответственности перед человеческой расой и земной цивилизацией.

— Но как же тогда нам быть с конкретной

идеологической работой? — спросил один из офицеров. — В космических силах множество специализированных подразделений, и это означает, что идеология тоже сложна. Объем работы окажется неподъемным.

— Я считаю, что нам следует начать с психологической дисциплины в войсках, — предложил Чжан Бэйхай. — Вот вам общая картина. На прошлой неделе я посещал личный состав, переведенный в наше подчинение из ВВС и из морской авиации. Я обнаружил, что повседневная работа с военнослужащими ведется спустя рукава. А вот одна деталь: учащаются случаи нарушения военной дисциплины. Положено было уже полностью перейти на летнюю форму одежды, но многие в штабе по-прежнему носят зимнюю. Такие умонастроения надо срочно перебороть. Смотрите сами, космические силы превращаются в Академию наук. Конечно, нельзя отрицать, что именно быть академией и является в настоящий момент задачей космических сил. Но мы не должны забывать, что мы армия и что мы армия в военное время!

Беседа продолжалась еще какое-то время, а потом Чан Вэйсы вернулся в свое кресло.

— Благодарю вас. Я надеюсь, мы и впредь бу-

дем устраивать такие откровенные разговоры. А теперь перейдем к повестке дня официального заседания. — Он снова заметил уверенный взгляд Чжан Бэйхая; в этом взгляде была решительность, и это радовало.

«Чжан Бэйхай, я знаю, что ты веришь. Иначе и быть не может с таким отцом, как у тебя. Но не все так просто, как ты говоришь. Я не знаю, на чем основаны твои убеждения, и я даже не знаю, во что еще ты веришь. Ты совсем как твой отец. Я восхищался им, но должен признать, что так и не смог понять его».

Чан Вэйсы придвинул к себе один из документов:

— Работа над теорией войны в космосе идет полным ходом, но уже обнаружилось одно осложнение. Теорию сражения в космосе необходимо создавать, вне всякого сомнения, предполагая определенный уровень развития технологии. Но на данный момент фундаментальные изыскания только разворачиваются, и технологический прорыв случится далеко в будущем. Это значит, что наша теория не будет иметь под собой конкретного основания. Командование это учло и пересмотрело план исследований. Общую теорию военных действий в космосе разделили на три

части, чтобы она была применима к трем уровням технологии, которых человечество может достичь в будущем. Эти части: стратегия низких технологий, стратегия средних технологий и стратегия высоких технологий.

Ведутся работы по конкретизации этих трех уровней развития, а также по выявлению большого количества ключевых параметров в каждой научной дисциплине. Основными такими параметрами будут скорость и область действия космического корабля класса десять тысяч тонн.

Уровень низких технологий: корабль способен достичь скорости, в пятьдесят раз превышающей третью космическую[17], или же около 800 километров в секунду. Корабли не имеют системы жизнеобеспечения. При таких условиях зона боевых операций ограничена внутренней частью Солнечной системы, то есть они могут разворачиваться внутри орбиты Нептуна или же в радиусе 30 астрономических единиц от Солнца.

Уровень средних технологий: корабль способен достичь скорости, в триста раз превышающей

---

[17] Примечания: 17

Первая космическая скорость обеспечивает выход на орбиту планеты. Вторая космическая скорость требуется для преодоления притяжения планеты и ухода с орбиты. Третья космическая скорость нужна для преодоления притяжения Солнца и выхода за пределы Солнечной системы. (*Прим. Дж. М.*)

третью космическую, или же 4800 километров в секунду. Корабль оборудован минимальной системой жизнеобеспечения. При таких условиях радиус боевых операций выходит за пояс Койпера и включает в себя все пространство до тысячи астрономических единиц от Солнца.

Уровень высоких технологий: корабль способен достичь скорости, в тысячу раз превышающей третью космическую, или же 16000 километров в секунду, что соответствует пяти процентам от световой. Корабль оборудован полной системой жизнеобеспечения. При таких условиях радиус боевых операций достигает облака Оорта[18] и дает предпосылки для полета к другим звездам.

Пораженчество является самой значительной угрозой для вооруженных сил в космосе. Политические и идеологические работники космических сил будут выполнять крайне важную задачу. Политические отделы армии примут непосредственное участие в изучении теории войны в космосе, чтобы искоренять пораженчество и направлять научные исследования.

---

[18] Примечания: 18

Облако Оорта — область вокруг Солнечной системы между 50 и 100 тысячами астрономических единиц от Солнца. Предполагается, что оно содержит множество объектов, состоящих из водяных, аммиачных и метановых льдов, и является источником долгопериодических комет. (*Прим. Дж. М.*)

Все присутствующие на этом совещании станут членами оперативной группы по теории космических сражений. Три направления работы будут немного пересекаться, но в целом группы исследователей будут независимы. Сегодня их временно называют Институтом стратегии низких технологий, Институтом стратегии средних технологий и Институтом стратегии высоких технологий. Сейчас, на этом совещании, я хотел бы услышать от каждого из вас, какой из них вы бы выбрали. Мы используем эти данные как статистику для следующего цикла раздачи заданий в Политическом отделе. Прошу каждого огласить свой выбор.

Из тридцати двух присутствующих политических офицеров двадцать четыре выбрали низкую технологию и семь — среднюю. Только один выбрал высокую — Чжан Бэйхай.

— Похоже, товарищ Чжан Бэйхай интересуется фантастикой, — сказал кто-то, вызвав разрозненные смешки.

— Мой выбор является единственной надеждой на победу. Этот уровень технологии даст человечеству шанс на создание эффективной защиты Земли и Солнечной системы, — отрезал Чжан Бэйхай.

— Мы даже не освоили еще управляемый термоядерный синтез! Разогнать боевой корабль весом десять тысяч тонн до пяти процентов скорости света? В десять тысяч раз быстрее, чем имеющуюся у нас капсулу размером с автомобиль? Это даже не научная фантастика. Это фэнтези!

— Но разве у нас нет четырех столетий? Не забывайте о возможном прогрессе.

— Прогресс в фундаментальной физике невозможен.

— Да мы не используем и одного процента от возможных приложений уже существующих теорий! — ответил Чжан Бэйхай. — Я чувствую, что основная сложность на данный момент заключается в подходе к исследованиям со стороны технологического сектора. Они попусту тратят слишком много времени и денег на технологию низкого уровня. В двигателестроении, например, нет толку работать над созданием ядерного двигателя, работающего на распаде тяжелых атомов. Но сегодня они не только расходуют на него огромные силы, но даже прилагают такие же усилия к разработке химических двигателей следующего поколения! Нам следует сконцентрироваться на создании термоядерного двигателя и перейти напрямую к разработке двигателей

без рабочего тела, оставляя реактивные двигатели позади. Такие же проблемы наблюдаются и в других направлениях исследований. Межзвездному кораблю, например, нужна замкнутая экосистема, и это направление работ даже не особо зависит от фундаментальной теории, тем не менее в этой области ведутся лишь незначительные исследования.

Тему подхватил Чан Вэйсы:

— Товарищ Чжан Бэйхай поставил как минимум один вопрос, заслуживающий внимания. Военные и ученые заняты своими программами и слишком мало общаются между собой. К счастью, обе стороны это понимают и планируют совместную конференцию. Они уже учредили специальные агентства для улучшения взаимодействия между обеими сторонами; они планируют создать живой диалог между разработчиками стратегии и людьми науки. Следующий шаг — направить военных представителей в различные научные центры и привлечь как можно больше ученых к изучению теории войн в космосе. Опять же, мы не можем сидеть и ждать технологического прорыва. Нам следует как можно скорее сформировать нашу собственную идеологическую стратегию, а затем

осуществлять ее во всех направлениях.

Секунду помолчав, генерал продолжил:

— Следующим пунктом повестки дня я хотел бы поговорить еще об одном уровне взаимодействия: между космическими силами и Отвернувшимися.

— Отвернувшимися? — удивился кто-то. — Разве они собираются вмешиваться в работу космических сил?

— На данный момент этого не ожидается, хотя Тайлер уже предложил посетить военных с инспекционным визитом. Но нам не следует забывать, что такие полномочия у них есть. Их вмешательство в нашу деятельность может дать непредсказуемые результаты. Мы должны быть морально готовы. Когда такая ситуация возникнет, мы будем поддерживать баланс между проектом «Отвернувшиеся» и основной оборонной программой.

Когда совещание закончилось, Чан Вэйсы остался сидеть в пустой комнате. Он прикурил сигарету; дым от нее, попавший в луч солнечного света из окна, казалось, загорелся.

«Чем бы это ни закончилось, лед, по крайней мере, тронулся», — подумал он.

* * *

Ло Цзи впервые в жизни увидел, как его мечта стала реальностью. Он полагал, что Гаранин всего лишь хвастался. Конечно, он мог найти потрясающее, нетронутое место, но оно определенно отличалось бы от придуманного им. Однако, выйдя из вертолета, Ло Цзи будто ступил в мир своих грез. Далекие горные вершины, озеро, расстилающееся перед ним, покрытая травой равнина и лес за озером — все это располагалось точно так, как он обрисовал Гаранину. Он даже представить себе не мог столь идеального места. Каждая деталь словно явилась сюда прямиком из сказки. Воздух был чуть сладким, и даже солнце посылало сюда свои мягчайшие, тончайшие лучи с особой бережностью. Но самым восхитительным была небольшая усадьба у озера с виллой в центре. Кент, прибывший вместе с Ло Цзи, сказал, что дом был построен в середине девятнадцатого столетия, но выглядел он старше. Всемогущее время слило его с окружением.

— Не удивляйтесь. Иногда людям снятся места, которые существуют на самом деле, — заверил Кент.

— Здесь кто-нибудь живет? — спросил Ло Цзи.

— В радиусе пяти километров никого нет. А дальше встречаются небольшие поселки.

Ло Цзи предположил, что он находится в Северной Европе, но уточнять не стал.

Кент провел его в дом. Едва войдя в просторную гостиную в европейском стиле, Ло Цзи сразу же углядел камин. Дрова были аккуратно сложены рядом и приятно пахли.

— Бывший хозяин дома приветствует вас. Он горд, что здесь будет жить Отвернувшийся.

Кент принялся рассказывать, что в усадьбе имеется больше подсобных помещений, чем было заказано. Конюшня на десять лошадей, поскольку добираться до гор лучше всего пешком или на лошади. Теннисный корт и поле для гольфа. Винный погреб. На озере моторная лодка и несколько парусных. Дом только снаружи выглядел старинным; внутри он оказался полностью модернизированным. В каждой комнате был компьютер, Интернет и спутниковое телевидение. Кинозал с цифровым проектором. Вертолетная площадка, как заметил Ло Цзи по прибытии, явно была построена уже давно.

— У него водятся деньги.

— Не только деньги. Он не хочет раскрывать своего имени, но если бы я вам его назвал, то вы,

вероятно, узнали бы его. Он подарил это имение ООН — а оно стоит дороже, чем подарок Рокфеллера. Скажу сразу, что вся земля и постройки принадлежат ООН. Вы здесь только живете. Но и вы кое-что получите. Уезжая, владелец сообщил, что личное имущество он забрал, а все, что осталось, — ваше. Одни только эти картины стоят немалую сумму.

Кент провел Ло Цзи по дому и показал ему все комнаты. Ло Цзи отметил, что у бывшего владельца хороший вкус; он обставил каждую комнату в спокойном, но элегантном стиле. В библиотеке имелось немало старинных изданий на латыни. Картины были в основном модернистского стиля, но они смотрелись уместно в комнатах с богатой классической атмосферой. Он увидел, что среди картин не было пейзажей, что говорило о бывшем хозяине как об опытном ценителе искусства: вешать пейзажи в доме, стоящем посреди рая, было столь же бессмысленно, как доливать ведром воду в океан.

Вернувшись в гостиную, Ло Цзи уселся в восхитительно удобное кресло перед камином. Протянув руку, он нечаянно задел какой-то предмет. Поднял находку, рассмотрел. Это оказалась курительная трубка с длинным тонким чубуком,

которую обеспеченные люди курили в доме. Он посмотрел на стену с пустыми полками и вообразил себе, что там стояло раньше.

Потом пришел Кент и представил нескольких людей: экономку, кухарку, шофера, конюха и шкипера. Все они работали при прежнем хозяине. Когда они ушли, Кент познакомил его с одетым в гражданское подполковником — тот отвечал за охрану. Распрощавшись с офицером, Ло Цзи спросил Кента, где Ши Цян.

— Он сложил с себя обязанности по охране и, наверное, вернулся домой.

— Пускай он займет место этого подполковника. Думаю, он справится лучше.

— Мне тоже так кажется, но он не говорит по-английски. Ему будет сложно на этой должности.

— Тогда пришлите охранников-китайцев и замените ими тех, что уже здесь.

Кент согласился и вышел позвонить. Ло Цзи тоже покинул комнату; через ухоженный газон он прошел на причал, выдающийся далеко в озеро. Ухватившись за перила в конце причала, он долго смотрел на отражавшиеся в зеркале воды заснеженные горные вершины. Окруженный чистым воздухом и солнечным светом, он спросил себя: «И какое же значение имеет мир через

четыре века по сравнению с жизнью сегодня?»

Наплевать на проект «Отвернувшиеся».

* * *

— Как попал сюда этот ублюдок? — тихо спросил ученый за терминалом.

— Отвернувшимся, разумеется, вход разрешен, — так же тихо ответил его сосед.

— Весьма непритязательно, не так ли? Я полагаю, вы разочарованы, господин президент, — обратился доктор Аллен, директор Лос-Аламосской национальной лаборатории, к Рей Диасу, проводя его вдоль рядов компьютерных терминалов.

— Я больше не президент, — резко ответил Рей Диас, рассматривая помещение.

— Это наш центр моделирования ядерного оружия. В Лос-Аламосе размещены четыре таких центра. В Ливерморской лаборатории находятся еще три.

Рей Диас заинтересовался двумя устройствами посложнее. Они были совсем новыми, с большими экранами и пультами управления, на которых располагалось множество мелких кнопок. Он направился к ним, чтобы посмотреть поближе, но Аллен остановил его:

— Это игровая консоль. На наших терминалах играть нельзя; поэтому мы поставили две консоли, чтобы люди могли поиграть в перерывах.

Рей Диас высмотрел еще два примечательных механизма. Оба были сложными, изготовленными из прозрачного материала; внутри кипела жидкость. Он опять попытался приблизиться. На этот раз Аллен улыбнулся и не остановил его.

— Вот это — увлажнитель воздуха. В Нью-Мексико сухой воздух. А это всего лишь кофеварка. Майк, налей кружечку мистеру Рей Диасу... Впрочем, не надо. Зайдем в мой кабинет, и я сварю вам чашку самого лучшего кофе.

Рей Диасу больше ничего не оставалось, как рассматривать большие черно-белые фотографии на стенах. Он узнал худого человека в шляпе, курящего трубку, — это был Оппенгеймер. Затем Аллен привлек его внимание к простым терминалам.

— Эти терминалы устарели, — заметил Рей Диас.

— Но за ними скрывается самый мощный компьютер в мире, выдающий тридцать петафлопсов.

К Аллену подошел инженер:

— Доктор, расчет по AD4453OG завершен.

— Превосходно.

Инженер понизил голос:

— Мы приостановили выдачу данных... — Он бросил взгляд на Рей Диаса.

— Продолжайте, — сказал Аллен и повернулся к Рей Диасу. — Видите, мы ничего не скрываем от Отвернувшихся.

Рей Диас услышал звук рвущейся бумаги и увидел, как люди за терминалами рвут бумагу в клочки. Подумав, что они уничтожают документы, он пробормотал:

— У вас что, даже шредера нет?

Но потом он заметил, что ученые рвут чистую бумагу. Наконец кто-то крикнул: «Готово!» Все радостно заголосили и подбросили клочки в воздух. И без того замусоренный пол стал окончательно похож на помойку.

— Это наша традиция. Когда взрывали первую атомную бомбу, доктор Ферми подбросил в воздух обрывки бумаги и точно рассчитал мощность взрыва по тому, как далеко их унесло взрывной волной. Сегодня мы делаем то же самое при каждом прогоне модели.

Рей Диас смахнул бумагу с головы и плеч:

— Вы моделируете атомные взрывы каждый день, но для вас это так же просто, как ком-

пьютерная игра. Для нас это не так. У нас нет суперкомпьютеров. Мы вынуждены проводить наши испытания в реальном мире. Мы всего лишь делаем то же самое, что и вы, но все шишки вечно валятся на тех, кто беднее.

— Мистер Рей Диас, политика здесь никого не интересует.

Рей Диас наклонился к терминалу, но увидел только бегущие цифры и динамические графики. Когда он нашел какое-то изображение, оно оказалось настолько абстрактным, что он ничего не понял. Он наклонился к другому терминалу; но физик, сидящий за ним, взглянул на Рей Диаса и сообщил:

— Господин президент, если вы ищете облако в форме гриба, то его здесь нет.

— Я не президент, — повторил Рей Диас, принимая кофе от Аллена.

— Тогда нам следует обсудить, чем мы можем быть вам полезны, — предложил Аллен.

— Сконструируйте мне атомную бомбу.

— Разумеется. В Лос-Аламосе занимаются физикой самых разных направлений, но я подозревал, что вы появились здесь именно по этой причине. Можно поподробнее? Какого типа? Какой мощности?

— СОП скоро пришлет вам подробные технические требования. Я лишь ознакомлю вас с основными параметрами. Требуется большая мощность — самая большая, какая только возможна. Нам нужна самая мощная бомба, какую только можно создать. Двести мегатонн — это абсолютный минимум.

Аллен удивленно посмотрел на собеседника, а затем задумался.

— Быстро мы с таким заказом не справимся.

— Разве у вас нет математических моделей?

— Есть, конечно. У нас есть модели для всего, начиная с артиллерийского снаряда мощностью в пятьсот тонн до бомбы в двадцать мегатонн, от нейтронной бомбы до бомбы электромагнитного импульса. Но вы требуете намного большей мощности — она более чем в десять раз превосходит самое крупное термоядерное устройство. Для такой бомбы потребуются новый инициатор и новая внутренняя механика, отличающаяся от известных. Может даже понадобиться совершенно новая схема. У нас нет подходящей модели.

Они обсудили и другие научные проекты. Когда Рей Диас собрался уходить, Аллен спросил:

— Мистер Рей Диас, я знаю, что в вашем отделе при СОП работают лучшие физики. Я полагаю,

они уже рассказывали вам об использовании ядерного оружия в космическом пространстве?

— Это не беда, если вы повторите то, что я уже знаю.

— Очень хорошо. В космосе ядерные бомбы — оружие малоэффективное. Ядерный взрыв в вакууме не создает ударной волны; возникнет лишь ничтожное световое давление. Соизмеримого с атмосферным взрывом механического эффекта не будет. Вся энергия выделяется в виде радиации и электромагнитного импульса. Защита от них — по крайней мере, на наших космических кораблях — является хорошо отработанной технологией.

— А если взрыв происходит непосредственно у цели?

— Это совсем другое дело. В этом случае тепловая энергия взрыва станет решающим фактором — цель расплавится или испарится. Но одна бомба мощностью в сотни мегатонн будет размером с дом; я боюсь, что попасть ею прямо по цели будет невозможно. Факты же таковы, что механический эффект ядерного оружия уступает такому же эффекту кинетического оружия; его радиационный эффект уступает подобному эффекту лучевого оружия; а его тепловой эффект

даже не сравнить с гамма-лазером.

— Но все эти виды оружия к бою не готовы. Ядерная бомба — это самое мощное проверенное оружие человечества. Те недостатки, которые вы перечислили, можно будет исправить. Например, добавив среду, в которой будет распространяться ударная волна — как шарики от подшипников в гранате.

— Любопытная идея. Заметно ваше научное образование.

— Я учился на инженера ядерной энергетики. Поэтому мне нравятся атомные бомбы. Я их понимаю.

Аллен засмеялся:

— Я почти забыл, насколько смешно обсуждать такие вопросы с Отвернувшимся.

Оба рассмеялись, но Рей Диас быстро вернулся к серьезному разговору:

— Доктор Аллен, вы, как и все прочие, рассматриваете стратегию Отвернувшихся как нечто загадочное. На сегодняшний день водородная бомба является самым мощным пригодным к бою оружием, доступным человечеству. Разве не естественно сосредоточиться на этом? Я полагаю, что мой подход к проблеме является правильным.

* * *

Собеседники остановились посреди тихой лесной тропинки, по которой они прогуливались.

— Ферми и Оппенгеймер ходили этой тропинкой бессчетное число раз, — рассказал Аллен. — После Хиросимы и Нагасаки большинство разработчиков первого поколения ядерного оружия провели остаток своей жизни в депрессии. Им было бы легче, если бы они знали, какую задачу человечество теперь ставит перед своим оружием.

— Оружие — вещь хорошая, независимо от того, насколько оно страшное. И еще: когда я приду в следующий раз, надеюсь, что не увижу, как вы разбрасываете повсюду бумагу. Не стоит давать софонам повод думать, что мы свиньи неопрятные.

* * *

Кейко Ямасуки проснулась посреди ночи; она лежала одна, и постель рядом с ней уже остыла. Она встала, оделась, вышла из дома и сразу же увидела тень своего мужа во дворе — как обычно, в бамбуковой роще. Они владели недвижимо-

стью в Англии и Японии, но Хайнс предпочитал жить в Японии. Он говорил, что лунный свет Востока его успокаивает. Сегодня луны не было. И бамбук, и его фигура в кимоно потеряли глубину; они выглядели развешанными под звездами изящными бумажными вырезками.

Хайнс услышал шаги Кейко Ямасуки, но не обернулся. Как ни удивительно, Кейко носила одни и те же туфли как в Англии, так и в Японии. Даже в своем родном городе она никогда не ходила в гэта[19]. Но слышал он ее шаги только здесь.

— Любовь моя, ты уже несколько ночей не спишь нормально, — негромко сказала она. Летние насекомые смолкли, и тишина заполнила все пространство, как вода.

— Кейко, у меня не получается, — вздохнул Хайнс. — Ничего не приходит в голову. Не могу ничего придумать.

— И никто не может. Я утверждаю, что окончательного плана победоносной войны не существует. — Она сделала пару шагов навстречу Хайнсу, но их по-прежнему разделяли несколько

[19] Примечания: 19

Гэта — японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног. Придерживаются на ногах ремешками, проходящими между большим и вторым пальцами. В настоящее время их носят во время отдыха или в ненастную погоду. (*Прим. перев.*)

ростков бамбука. Роща была их местом для раздумий; здесь возникло вдохновение для большей части их научных изысканий. Они редко ласкали друг друга в этом священном месте; наоборот, здесь они всегда сохраняли формальную вежливость, как и полагается поступать в атмосфере, пропитанной философией Востока. — Билл, отдохни. Достаточно того, что ты стараешься.

Хайнс повернулся; лицо его смутно выделялось в полутьме рощи.

— Невозможно. Любой мой шаг пожирает огромное количество ресурсов.

— Тогда почему бы не попробовать вот что... — быстро ответила Кейко. Очевидно, она долго размышляла над этой проблемой. — Работай над тем, что все равно будет полезно людям, даже если тебе не удастся решить задачу полностью.

— Вот-вот, Кейко, об этом я и раздумываю. Я решил, что если сам ничего не изобрету, то хотя бы помогу другим найти нужное решение.

— Каким другим? Другим Отвернувшимся?

— Нет, они не в лучшем положении, чем я сам. Я говорю о наших потомках. Естественный эволюционный процесс требует не менее двадцати тысяч лет, чтобы проявить себя. Человеческой цивилизации всего лишь пять тысяч лет, а совре-

менной технологической цивилизации только двести. Кейко, задумывалась ли ты когда-нибудь, что современные научные исследования ведутся мозгом примитивного человека?

— Ты хочешь искусственно ускорить эволюцию мозга?

— Мы уже давно исследуем мозг. Следует расширить эти работы до такого масштаба, когда они смогут помочь обороне планеты. Если заниматься этим вопросом век или два, то не исключено, что нам удастся развить интеллект человека. Тогда наука будущего сможет вырваться из тюрьмы, в которую ее заперли софоны.

— В нашей отрасли науки «интеллект» — расплывчатый термин. Что именно...

— Я подразумеваю интеллект в самом широком смысле слова. Не просто традиционное определение способностей к логике, но и способность к обучению, воображению и изобретательству. Добавь также способность накапливать опыт и здравый смысл без потери остроты ума. И способность к долгому умственному труду, чтобы мозг мог думать непрерывно и не уставая. Мы можем даже подумать, как сделать сон ненужным. И так далее.

— Что для этого потребуется? Можешь сказать

хотя бы приблизительно?

— Нет, пока не могу. Возможно, получится соединить мозг с компьютером и таким образом усилить человеческий разум. Или, может быть, удастся напрямую объединить мысли различных людей. Или наследовать память. Но по какому бы пути мы ни пошли, искусственное развитие интеллекта должно начинаться с глубокого понимания, как работает человеческий мозг.

— Это как раз то, чем мы занимаемся.

— Мы можем продолжать наши исследования. Разница в том, что теперь нам доступны огромные ресурсы.

— Дорогой, я счастлива. Я в восторге! Вот только как Отвернувшийся не полагаешь ли ты, что этот план немного...

— Не ведет напрямую к цели? Может быть. Но, Кейко, подумай. Человеческая цивилизация состоит из людей. Если мы научимся улучшать людей, то наша работа перевернет мир. И в любом случае, что еще я могу сделать?

— Билл, ты молодец!

— Так что подумай вот о чем. Если мы превратим нейрофизиологию и исследование мышления во всемирный исследовательский проект и если мы вложим в него невероятно большие сред-

ства, как долго нам придется ждать результатов?

— Где-то около столетия.

— Давай добавим пессимизма и скажем, что два столетия. Тогда у высокоразумных людей останется две сотни лет в запасе. Если они потратят один век на фундаментальные науки и один век на их воплощение в технологии...

— Даже если это им не удастся, мы все равно сделаем то, что всегда хотели.

— Кейко, иди со мной до последнего дня, — прошептал Хайнс.

— Да, Билл. У нас еще много времени.

Цикады в роще привыкли к их присутствию и продолжили свои песни. Легкий ветер пошевелил бамбук, и звезды замерцали между листьев. Казалось, что хор насекомых исходит от звезд.

* * *

Шел третий день первых слушаний проекта «Отвернувшиеся» в Совете обороны планеты. Рей Диас и Хайнс доложили о первых фазах своих проектов, и началось их обсуждение представителями стран — постоянных членов СОП.

И Рей Диас, и Хайнс еще вчера сообщили о своих намерениях, но Тайлер решил обнародовать свои инициативы только сегодня, подогревая

интерес к подробностям.

Тайлер начал с краткого вступления:

— Мне потребуются вооруженные подразделения, которые, взаимодействуя с остальным космическим флотом, будут при этом находиться под моим командованием.

Достаточно было одного предложения, чтобы руки двух других Отвернувшихся взлетели вверх.

— Мистера Хайнса и меня обвинили в злоупотреблении ресурсами, необходимыми для наших инициатив, — прервал докладчика Рей Диас, — но здесь уже полный абсурд. Мистер Тайлер хочет создать свой собственный флот!

— Я не говорю, что это будет большой флот, — спокойно ответил Тайлер. — Я намереваюсь строить не крупные корабли, а флот космических истребителей. Каждый из них размером с обычный самолет-истребитель, с одним пилотом. Все вместе — как крошечные москиты в космосе; поэтому я дал своей идее название «рой москитов». Численность флота должна как минимум не уступать трисолярианскому флоту вторжения. Тысяча истребителей.

— Вы собираетесь таким комариком нападать на трисолярианский боевой корабль? Тот даже

не почувствует укуса, — пренебрежительно прокомментировал один из присутствующих.

Тайлер воздел к небу палец:

— Да, но не в том случае, когда каждый из этих комариков несет термоядерную боеголовку в сто мегатонн. Мне понадобится новейшая технология сверхмощных бомб... Не отказывайте мне прямо сейчас, мистер Рей Диас. Собственно, вы не можете мне отказать. В соответствии с принципами проекта «Отвернувшиеся» эта технология не принадлежит лично вам. Как только она будет готова, у меня есть право ее потребовать.

Рей Диас взглянул на оппонента:

— Вы что, собираетесь скопировать мой план?

Тайлер сардонически улыбнулся:

— Если план Отвернувшегося можно скопировать, то какой же он тогда Отвернувшийся?

— Москиты не смогут улететь далеко, — внес свою лепту Гаранин, сменный председатель СОП. — Я считаю, что эти игрушечные истребители способны к бою только в пределах орбиты Марса.

— Берегитесь, следующим пунктом он потребует космический авианосец, — усмехнулся Хайнс.

Тайлер ответил с апломбом:

— Этого не потребуется. Истребители будут

сцеплены в один объект, в москитную группу, которая действует как авианосец и приводится в движение либо отдельным двигателем, либо двигателями нескольких истребителей. На крейсерской скорости такая группа в передвижении в космосе не уступит большим кораблям. Когда она прибудет в назначенный район, группа расцепится и войдет в бой как множество одиночных истребителей.

Кто-то задал вопрос:

— Вашей москитной группе понадобятся годы, чтобы добраться до оборонного района на периферии Солнечной системы. Пилот не может провести столько времени в кабине, в которой даже нельзя встать с кресла. Найдется ли в таком небольшом истребителе достаточно места для запасов еды?

— Гибернация, — ответил Тайлер. — Им потребуется лечь в анабиоз. Мой план нуждается в двух технологиях: миниатюрные супербомбы и миниатюрные гибернационные капсулы.

— Лежать несколько лет в гибернации в металлическом гробу, затем проснуться только для того, чтобы отдать свою жизнь в атаке. Пилоту такого москита не позавидуешь, — заметил Хайнс.

Энтузиазм Тайлера угас, и он какое-то время

оставался безмолвным. Затем кивнул:

— Вы правы. Самая трудная часть моего плана — это найти пилотов.

Участникам слушаний раздали подробности плана Тайлера, но к его обсуждению никто интереса не проявил. Председательствующий объявил заседание закрытым.

— Ло Цзи так и не появился? — раздраженно спросил представитель США.

— Он не приедет, — ответил Гаранин. — Он заявил, что изоляция и неучастие в слушаниях в СОП являются частью его плана.

Услышав ответ, присутствующие зашептались между собой. Некоторые выражали недовольство; иные таинственно улыбались.

— Он ни на что не годный лентяй! — высказал свое мнение Рей Диас.

— А вы тогда кто? — грубо спросил Тайлер, хотя его план «роя москитов» зависел от технологии супербомбы, над которой работал Рей Диас.

Хайнс влез в перепалку:

— Я бы выразил уважение доктору Ло Цзи. Он знает себя и свои способности, поэтому не желает бесцельной траты ресурсов. — Повернувшись к Рей Диасу, он любезно добавил: — Мне кажется, мистеру Рей Диасу не мешало бы кое-чему у него

поучиться.

Всем было понятно, что Тайлер и Хайнс не защищали Ло Цзи, просто их неприязнь к Рей Диасу была намного сильнее.

Гаранин постучал по столу председательским молотком:

— Прежде всего, Отвернувшийся Рей Диас заговорил без разрешения председательствующего. Я напоминаю вам о необходимости уважать других Отвернувшихся. Аналогично я напоминаю Отвернувшимся Хайнсу и Тайлеру, что ваши слова также недостойны этого собрания.

Хайнс поднялся с кресла:

— Господин Председатель, Отвернувшийся Рей Диас всего лишь продемонстрировал солдатскую грубость. Вслед за Ираном и Северной Кореей его страна попала под санкции США из-за ядерной программы. Это вызвало у него психологические осложнения. По сути, между планом «роя москитов» мистера Тайлера и планом Рей Диаса по сооружению гигантской ядерной бомбы особой разницы нет. Я разочарован обоими. Это два прямолинейных плана, стратегия которых видна всем с самого начала. Ни в одном из них нет хитроумной загадки, в каковой и заключается стратегическое преимущество нашего проекта.

Тайлер не остался в долгу:

— Мистер Хайнс, а ваш план — какие-то наивные фантазии!

Когда заседание закончилось, Отвернувшиеся направились в Комнату медитации, их любимое место в здании штаб-квартиры ООН. Им казалось, что комната, сооруженная именно для молчания, была самой судьбой предназначена для Отвернувшихся. Они стояли в тишине, зная, что не смогут поговорить откровенно вплоть до начала войны. Между ними, как безмолвный свидетель, лежал куб железной руды, словно бы впитывающий и запоминающий их мысли.

— Вы слышали о Разрушителях? — вполголоса спросил Хайнс.

Тайлер кивнул:

— ОЗТ только что объявило об этом в Интернете. ЦРУ проверяет.

Отвернувшиеся вновь замолчали. Каждый из них представлял себе своего Разрушителя. Эти образы бессчетное количество раз будут являться им в кошмарах. Ибо в тот день, когда явится Разрушитель, Отвернувшемуся, скорее всего, настанет конец.

* * *

Увидев входящего отца, Ши Сяомин попытался забиться в угол. Но Ши Цян просто сел рядом.

— Не бойся. Я не ударю тебя и не буду ругать — на этот раз. У меня нет сил. — Он достал пачку сигарет, выбил две и предложил одну сыну. Ши Сяомин неуверенно взял ее. Они закурили и немного посидели в молчании. Затем Ши Цян сообщил:

— Мне дали важное задание. Я скоро уеду за границу.

— А как же твоя болезнь? — Ши Сяомин с беспокойством воззрился на отца сквозь облако табачного дыма.

— Давай сначала поговорим о тебе.

Тон Ши Сяомина перешел на просительный:

— Папа, мне за это такой срок выпишут...

— Если бы ты совершил какой-нибудь мелкий проступок, я бы, пожалуй, отмазал тебя. Но это серьезное преступление. Мин, мы оба взрослые. Мы должны отвечать за свои действия.

Ши Сяомин в отчаянии склонил голову и молча затянулся сигаретой.

Ши Цян продолжил:

— Отчасти это моя вина. Я не особо занимался

твоим воспитанием, пока ты рос. Приходил домой поздно, такой уставший, что выпивал рюмку и заваливался в постель. Никогда не ходил на родительские собрания в школе, никогда ни о чем с тобой серьезно не беседовал. Вот уж верно, так верно: мы должны отвечать за свои действия.

Со слезами на глазах Ши Сяомин растирал сигарету о край койки, как будто пытаясь стереть недавнюю часть своей жизни.

— Тюрьма — это университет для преступников. Забудь об исправлении; просто держись подальше от других заключенных. И научись защищаться, ну хоть немного. Вот, возьми... — Ши Цян положил на койку пластиковый пакет. Внутри были два блока обычных сигарет «Юнь Янь». — Если понадобится что-то еще, мать вышлет.

Ши Цян направился к двери, затем обернулся:

— Мин, может быть, ты снова увидишь своего отца. К тому времени ты будешь старше меня; тогда ты поймешь, какая тяжесть сейчас лежит на моем сердце.

Через маленькое окошко в двери Ши Сяомин следил, как уходит его отец. Со спины он выглядел совсем старым...

* * *

В эпоху всеобщего волнения Ло Цзи был самым спокойным человеком в мире. Он прогуливался по берегу озера, плавал на лодке, собирал грибы и ловил рыбу, а затем повар готовил из них вкуснейшие блюда. Он просматривал множество книг на полках библиотеки; а когда становилось скучно, выходил наружу и играл в гольф с охраной. Он ездил на лошади по полям и лесам в сторону заснеженных вершин, но никогда не добирался до их подножия. Он часто сидел на скамейке возле озера и глядел на горы, отражающиеся в воде, ничего более не делая и ни о чем не думая. День за днем проходили как во сне.

Все это время он оставался в одиночестве и не общался с окружающим миром. Кент тоже жил в имении, но у него был свой небольшой кабинет, и он редко попадался на глаза. Ло Цзи лишь однажды разговаривал с офицером, отвечающим за безопасность, — попросил, чтобы охранники не ходили за ним следом; а если это необходимо, то пусть держатся вне поля его зрения.

Он чувствовал себя как лодка на воде, тихо плывущая со спущенным парусом — не знающая, где ее причал, и не желающая знать, куда ее несет те-

чение. Порой, вспоминая свою прежнюю жизнь, он с удивлением отмечал, что всего-то несколько дней прошло, а она изменилась до неузнаваемости. Ну что ж, такой расклад его удовлетворял.

Особый интерес у него вызывал винный погреб. Ло Цзи знал, что пыльные бутылки, лежащие на стеллажах, содержат в себе лучшее в мире вино. Он пил в гостиной, он пил в библиотеке, иногда он пил в лодке — но никогда не напивался; он пил лишь столько, чтобы оставаться в идеальном, полупьяном-полутрезвом состоянии. А затем тянулся к забытой прежним хозяином длинной трубке и курил.

Ло Цзи не разжигал огня в камине, даже когда шли дожди и в гостиной становилось прохладно. Он знал, что время для этого еще не настало.

Он никогда не пользовался Интернетом, но время от времени смотрел телевизор. Он пропускал новости и смотрел лишь те программы, что не были связаны с текущими событиями, а еще лучше с современностью вообще. Такие программы еще можно было отыскать, хотя их показывали реже и реже в эти последние дни Золотого века.

Однажды поздней ночью он засиделся за бутылкой коньяка, которой, если верить этикетке, было тридцать пять лет. Нажимая кнопки на пульте

управления, он проскочил мимо нескольких программ новостей. Но одна передача на английском языке привлекла его внимание. В ней рассказывалось о находке затонувшего корабля середины XVII века. Он ходил между Роттердамом и Фаридабадом и затонул у мыса Горн. Среди поднятых водолазами предметов был маленький запечатанный бочонок превосходного вина. Эксперты предполагали, что вино все еще можно пить. Более того, вкус его после трех веков хранения на дне океана должен быть просто несравненным. Ло Цзи записал б`ольшую часть этой программы, а потом вызвал Кента.

— Я хочу этот бочонок. Купите его для меня, — потребовал он.

Кент пошел звонить. Через два часа он сообщил Ло Цзи, что бочонок ст`оит невероятно дорого. Начальную цену установили в триста тысяч евро.

— Эта сумма — мелочь для проекта «Отвернувшиеся». Покупайте. Это часть плана.

После этого случая у проекта «Отвернувшиеся» появился второй мем, следовавший за «улыбкой Отвернувшегося». Все, что являлось очевидно абсурдным, но тем не менее требовалось выполнить, стали называть «частью плана Отвернувшегося», или же просто «частью плана».

Через два дня бочонок, старый и покрытый ракушками, стоял в его гостиной. Ло Цзи взял в руки найденный в погребе специальный кран для деревянных бочек, со спиральным сверлом. Он аккуратно ввинтил кран в бочонок и налил первую рюмку. Жидкость была необычного изумрудно-зеленого цвета. Он понюхал ее и поднес рюмку к губам.

— Доктор, это тоже является частью плана? — негромко спросил Кент.

— Именно так. Это часть плана. — Ло Цзи уже собирался пить, но заметил собравшихся в гостиной людей и приказал: — Всем выйти!

Кент и остальные не сдвинулись с места.

— Я сказал выйти из комнаты! Это тоже часть плана. Пошли вон! — Он свирепо посмотрел на окружающих. Кент сокрушенно покачал головой и направился к двери; за ним последовали остальные.

Ло Цзи сделал глоток. Он изо всех сил старался убедить себя, что у вина восхитительный вкус; но на второй глоток так и не решился. Однако даже та малость, что он выпил, дорого ему обошлась. В ту же ночь его обильно вырвало; рвота была окрашена в цвет вина. Организм был ослаблен настолько, что Ло Цзи не мог встать с постели.

Позже доктора и эксперты открыли крышку бочонка и обнаружили довольно большую латунную табличку на внутренней стенке — так было принято в те годы. Со временем возникла химическая реакция между обычно инертными друг к другу вином и медью. Один из продуктов реакции растворился в вине... Когда бочонок уносили, Ло Цзи увидел злорадство на лице Кента.

Обессиленный, он лежал в постели и смотрел на капельницу. Его охватило острое чувство покинутости. Ло Цзи знал, что безделье недавних дней было просто невесомостью при падении в пропасть одиночества. Теперь он достиг дна. Но он предвосхищал этот момент и был готов. Он дожидался кое-кого; тогда начнется следующий этап его плана. Он ждал Да Ши.

* * *

Тайлер укрывался под зонтом от мелкого дождя Кагосимы. В двух метрах позади него стоял министр обороны Коити Иноуэ; он не побеспокоился раскрыть свой зонт. В последние два дня он держал все ту же дистанцию от Тайлера — и физически, и духовно. Они были в Тиране, в музее пилотов-камикадзе. Перед ними возвышалась статуя летчика рядом с белым самолетом,

бортовой номер 502. Слабый дождь окрасил поверхность статуи и самолета, делая их похожими на настоящие.

— Обсуждать мое предложение не имеет смысла? — спросил Тайлер.

— Я настоятельно рекомендую вам не поднимать этот вопрос с репортерами. Будут неприятности. — Слова Коити Иноуэ были такими же ледяными, как дождь.

— Все еще больное место, даже по сей день?

— Не от истории боль, а от вашего предложения воссоздать отряды камикадзе. Почему вы не предлагаете такое в США или в каком-нибудь другом месте? Что, японцы — единственные в мире, кто умрет с готовностью, исполняя свой долг?

Тайлер сложил зонт и приблизился к Коити Иноуэ. Тот не отшатнулся; однако, похоже, вокруг него существовало некое силовое поле, не позволившее Тайлеру подойти ближе.

— Я никогда не утверждал, что будущие отряды камикадзе будут состоять только из японцев. Это международные силы. Но идея камикадзе возникла в вашей великой стране; так разве не естественно возродить их именно здесь?

— Какой смысл в такой атаке против инопланетян? Поймите, эти отряды достигли лишь

ограниченного успеха; они не повлияли на ход войны.

— Господин министр, я строю флот космических истребителей, вооруженный, в частности, шаровыми молниями. Для создания молний мы воспользуемся термоядерным оружием повышенной мощности, а потом разгоним получившиеся шары плазмы в электромагнитном поле. Но высокой скорости полета, как у ракеты, мы не добьемся — для того потребуется катапульта длиной в десятки, если не сотни километров. Разумеется, это нереально. Кроме того, шаровая молния после выстрела не может управляться электроникой, как самонаводящаяся ракета, не может маневрировать в случае противодействия со стороны неприятеля. Стрелять шаровой молнией можно только с близкого расстояния, выполняя прицеливание вручную. В этом и состоит идея ведения войны с помощью неокамикадзе, а вовсе не в том, чтобы пилотируемые людьми истребители таранили цели врага. Конечно, как и при таране, смертность будет высокой.

— Но зачем вам нужны люди? Разве истребитель, управляемый компьютером, не способен приблизиться к вражескому кораблю?

Этот вопрос дал Тайлеру шанс, которого он

ждал, и он возбужденно заговорил:

— В этом и заключается проблема! Сегодняшние компьютеры не способны заменить человеческий мозг. Для создания квантового и других компьютеров нового поколения требуются открытия в фундаментальных науках. Но это невозможно из-за софонов. Через четыре столетия компьютерный разум будет все так же ограничен; оружие, управляемое людьми, будет по-прежнему вне конкуренции. По правде сказать, создание отрядов камикадзе сегодня имеет лишь символическое значение. Сменится десять поколений, прежде чем кто-то из них пойдет в бой, к своей смерти. Но заложить основание духа и веры нужно сегодня!

Коити Иноуэ впервые повернулся к Тайлеру. Его мокрые волосы прилипли ко лбу, и капли дождя на лице были похожи на слезы.

— Такой подход подрывает моральные устои современного общества. Человеческая жизнь превыше всего. Государство и правительство не имеют права потребовать от человека пойти на смерть. Я припоминаю слова, которые сказал Ян

Вэньли в «Легенде о героях галактики»[20]: «От этой войны зависит судьба страны; но что она значит в сравнении с личными правами и свободами? Просто делайте все, на что способны».

Тайлер вздохнул:

— Знаете что? Вы выкинули на помойку свой самый ценный ресурс!

Он раскрыл зонт, повернулся и в гневе ушел. У ворот музея он оглянулся. Коити Иноуэ так и стоял под дождем рядом с памятником.

Тайлер шел, и ветер с моря дул ему в лицо. Его мысли вернулись к одной фразе из предсмертного письма пилота-камикадзе к своей матери. Он видел эту записку в музее.

«Мама, я стану светлячком».

* * *

— Дело обстоит хуже, чем я предполагал, — сообщил Аллен Рей Диасу. Они стояли возле черного обелиска, высеченного из куска лавы. Он возвышался на месте взрыва первой в истории атомной бомбы.

---

[20] Примечания: 20

Ян Вэньли — один из персонажей научно-фантастических романов Йошики Танаки «Легенда о героях галактики», впервые опубликованных в 1982 году и позднее адаптированных в формат манги и аниме. (*Прим. Дж. М.*)

— То есть она устроена совсем по-другому? — спросил Рей Диас.

— Абсолютно по-другому, если сравнить с современными атомными бомбами. Создание ее математической модели будет в сто раз сложнее. Это гигантский проект.

— Что от меня требуется?

— Козмо работает на вас, верно? Отправьте его в мою лабораторию.

— Вильям Козмо?

— Да.

— Но он... он...

— Он астрофизик. Специалист по звездам.

— Чем ему предстоит заниматься?

— Сейчас расскажу. Вы думаете, что атомную бомбу инициируют и она взрывается. Но на самом деле это не столько взрыв, сколько горение. Чем больше мощность бомбы, тем дольше она горит. Огненный шар бомбы в двадцать мегатонн, например, будет гореть около двадцати секунд. Мы проектируем бомбу в двести мегатонн; пламя реакции будет гореть несколько минут. Задумайтесь об этом. На что это будет похоже?

— На маленькое солнце.

— Правильно! Структура реакции синтеза в бомбе очень похожа на такую же реакцию в

звезде. Поэтому она за короткое время проходит через все этапы жизни звезды. Таким образом, нам нужно создать, по сути, математическую модель звезды.

Вокруг них расстилались белые пески. Предрассветная пустыня была еле видна. Они вглядывались в окружающее и невольно вспоминали о сценах игры «Три тела».

— Я очень рад, мистер Рей Диас. Прошу прощения, что в самом начале не проявил энтузиазма. Но глядя на проект сегодня, вижу, что он намного важнее, чем изготовление супербомбы. Вы знаете, что мы делаем? Мы создаем виртуальную звезду!

Рей Диас недовольно покачал головой:

— И как это поможет в защите Земли?

— Не ограничивайтесь защитой планеты. Я и мои коллеги по лаборатории все же ученые. Кроме того, от такой модели есть и практическая польза. Если вы введете необходимые параметры, то получите модель нашего Солнца. Представляете?! Всегда полезно иметь модель Солнца в компьютере. Это самый крупный объект в ближнем космосе, и мы можем понять, как его лучше использовать. Эта модель может привести ко многим открытиям.

Рей Диас не скрывал скептицизма:

— Однажды мы уже воспользовались Солнцем. Это привело человечество на грань катастрофы, а вас и меня — сюда.

— А новые открытия могут его спасти. Сегодня я пригласил вас понаблюдать за восходом солнца.

Поднимающееся светило только сейчас начало выглядывать из-за горизонта. Равнина перед ними внезапно обрела резкость и четкость, как на проявляющейся фотокарточке. Рей Диас увидел, что пустыня, некогда видевшая адское пламя, теперь покрыта редким кустарником.

— Я стал Смертью, Разрушителем миров, — продекламировал Аллен.

— Что? — Рей Диас резко обернулся, как будто ему выстрелили в спину.

— Эти слова произнес Оппенгеймер, когда увидел первый атомный взрыв. Думаю, это цитата из «Бхагавадгиты».

Диск на востоке быстро рос, окутывая землю лучами, будто золотой паутиной. То же самое солнце светило и в то утро, когда Е Вэньцзе настроила антенну «Красного Берега»; и задолго до этого то же самое солнце освещало облако пыли, оседающей после первого взрыва бомбы. Австралопитеки миллион лет назад и динозавры сто

миллионов лет назад смотрели на это же солнце своими непонимающими глазами. И еще раньше блеклые лучи того же самого солнца проникли в глубь первобытного океана и осветили первую живую клетку.

Аллен продолжил:

— А потом некто по имени Бэйнбридж завершил фразу Оппенгеймера совершенно не поэтически: «Теперь все мы сукины сыны».

— О чем это вы? — не понял Рей Диас. Он смотрел на поднимающееся в небе солнце и прерывисто дышал.

— Я благодарю вас, мистер Рей Диас, потому что с этого момента мы не сукины сыны.

На востоке монументально и торжественно поднималось солнце, как бы объявляя всему миру: «Передо мной все столь же преходяще, как тень».

— Что с вами, мистер Рей Диас? — Аллен увидел, что его собеседник присел на корточки, опершись одной рукой о землю, и зашелся сухим кашлем. На его побледневшем лице выступил холодный пот. Рей Диасу недоставало сил, даже чтобы убрать руку с колючек, которые попали под его ладонь.

— Идите, идите к машине, — слабо произнес он,

отворачиваясь от солнца и прикрываясь от света свободной рукой. Он не мог встать. Аллен попытался помочь, но не смог сдвинуть его грузное тело. — Подгоните машину... — прокашлял Рей Диас, прикрывая рукой глаза. Когда Аллен вернулся на машине, Отвернувшийся уже повалился на землю. С трудом Аллен помог ему забраться на заднее сиденье.

— Темные очки! Мне нужны темные очки... — Рей Диас полулежал на сиденье; его руки шарили в воздухе. Аллен передал ему темные очки, которые нашел на приборном щитке. Рей Диас надел очки, и его дыхание выровнялось.

— Я в порядке. Давайте уедем отсюда. Поскорее, — слабо произнес он.

— Что, ради всех святых, произошло? Что с вами?

— Наверное, это солнце.

— Хм... и когда у вас появилась такая реакция на солнце?

— Только сейчас.

Эта странная фобия, поразившая Рей Диаса, вызывала у него сильнейшую психическую и физическую реакцию, когда бы он ни увидел солнце. С тех пор он оставался в закрытых помещениях.

* * *

— Долго летели? Вид у вас неважнецкий. — Такими словами Ло Цзи встретил Ши Цяна.

— Ага. Другого такого комфортабельного самолета, как тот, на котором мы тогда летели, не найти, — ответил Ши Цян, рассматривая окрестности.

— Что скажете — неплохо, а?

— Хреновее некуда, — покачал головой Ши Цян. — С трех сторон лес, легко спрятаться возле самого особняка. А озеро? Прямо рядом с домом, трудно защититься от боевых пловцов, если они выйдут из леса на дальнем берегу. Но луга вокруг довольно хороши, обеспечивают обзор.

— Неужели нельзя быть хоть немного романтичнее?

— Мой мальчик, я сюда работать приехал.

— Как раз романтическая работа вам и предстоит.

Ло Цзи провел Ши Цяна в гостиную. Тот осмотрел комнату, но роскошь и изящество не произвели на него впечатления. Ло Цзи налил ему выпить в хрустальный бокал, но Ши Цян замахал рукой, отказываясь.

— Это же бренди тридцатилетней выдержки!

— Не могу я сейчас пить... Расскажи-ка мне об этой твоей романтической работе.

Ло Цзи сел рядом, потягивая свой бренди.

— Да Ши, я прошу вас оказать мне услугу. В вашей прежней деятельности приходилось ли вам искать определенного человека по всей стране или, может, даже по всему миру?

— Да.

— У вас хорошо получалось?

— Находить людей? Конечно.

— Отлично. Помогите мне найти человека. Это женщина, ей чуть больше двадцати лет. Это часть плана.

— Национальность? Имя? Адрес?

— Не знаю. Даже не очень вероятно, что она вообще существует в этом мире.

Ши Цян взглянул на него и через несколько секунд догадался:

— Она тебе приснилась?

Ло Цзи кивнул:

— Я видел ее в снах... и в мечтах тоже.

Ши Цян тоже кивнул, а потом сказал то, чего Ло Цзи от него никак не ожидал:

— Ладно.

— Что?

— Я сказал, ладно, поищу, если ты знаешь, как

она выглядит.

— Она... ну... она азиатка, скажем, китаянка. — Ло Цзи взялся за бумагу и карандаш. — Лицо у нее вот такое... а нос такой... а рот... Вот проклятье, ну не умею я рисовать! А глаза... черт, как я нарисую ее глаза? У вас есть программа, с помощью которой можно взять лицо и подобрать к нему глаза, и нос, и все прочее по рассказу свидетеля?

— Конечно. У меня есть такая на ноутбуке.

— Тогда доставайте и начнем рисовать!

Ши Цян растянулся на диване и устроился поудобнее.

— Ни к чему. Не нужно ее рисовать. Давай словами. Оставь ее внешний вид на потом; сначала расскажи, что она за человек.

В душе Ло Цзи загорелся огонь. Он встал и принялся беспокойно расхаживать перед камином.

— Она... как бы это сказать? Она пришла в этот мир как лилия, выросшая на мусорной куче. Она чиста и нежна, и ничто окружающее не может ее запятнать. Но оно может ей навредить. Да, все окружающее может причинить ей вред! Вашей первой мыслью, когда вы ее увидите, будет желание ее защитить. Нет, не так — заботиться о ней, дать ей понять, что готовы заплатить любую цену, чтобы защитить ее от грубой, жестокой

реальности. Она... она настолько... Эх, у меня язык заплетается... Не могу ничего толком объяснить!

— Это уж как водится, — сказал, посмеиваясь, Ши Цян. Его смех, казавшийся грубым и глупым, когда Ло Цзи услышал его впервые, теперь казался полным мудрости; он успокоил его. — Но все сказано достаточно ясно.

— Ладно. Тогда я продолжу. Она... Но что я говорю? Что бы я ни сказал, я не могу объяснить, какой она видится моему сердцу! — Ло Цзи разозлился и, похоже, собрался вырвать свое сердце и предъявить Ши Цяну для осмотра.

Ши Цян жестом остановил его.

— Неважно. Просто расскажи, что происходит, когда вы вместе. Чем подробнее, тем лучше.

Глаза Ло Цзи раскрылись в изумлении.

— Откуда вы знаете про... ну, про то, что мы вместе?

Ши Цян снова рассмеялся. Затем он посмотрел по сторонам:

— Здесь случайно не найдется каких-нибудь сигар?

— Найдется! — Ло Цзи схватил с каминной полки изящный деревянный ящичек, вынул толстую сигару «Давидофф» и обрезал ее кончик еще более изящной гильотинкой. Затем передал

сигару Ши Цяну и разжег ее специальной кедровой щепочкой.

Ши Цян пыхнул дымом и удовлетворенно кивнул:

— Вали дальше.

Ло Цзи преодолел свое недавнее косноязычие и разговорился. Он рассказал, как она впервые встретилась ему в библиотеке; как появилась в аудитории во время лекции; как они сидели перед воображаемым камином в его общежитии, как глядели на огонь сквозь бутылку с вином... Он с удовольствием рассказал об их поездке, упоминая каждую мелочь: поля после снегопада, город и поселок под синим небом, горы, греющиеся на солнце, будто пожилые сельчане, и вечер у костра возле подножия горы...

Когда он закончил, Ши Цян погасил сигару:

— Ну, пожалуй, хватит. Попробую угадать недостающее, а ты скажешь, прав ли я.

— Отлично!

— Образование: она как минимум бакалавр, но еще не доктор наук.

Ло Цзи кивнул:

— Да, да! Она многое знает, но ученым сухарем ее назвать нельзя. Знания лишь обостряют ее чувствительность к жизни и к миру.

— Она, вероятно, родилась в высокообразованной семье и жила жизнью не слишком богатой, но более обустроенной, чем большинство. Ребенком она пользовалась любовью родителей, но не общалась с окружающими — в частности, с людьми более низкого социального положения.

— Верно, совершенно верно! Она никогда не рассказывала мне о семье, даже о себе, но я думаю, что так оно и было.

— Теперь поправь меня, если какие-то из моих предположений окажутся неверными. Ей нравится носить... как бы это выразиться... простую, элегантную одежду — немного проще, чем другие девушки ее возраста. (Ло Цзи раз за разом глупо кивал.) — Но всегда у нее есть что-то белое, например, блузка или воротник, резко выделяющиеся среди темных цветов остальной одежды.

— Да Ши, вы... — начал Ло Цзи, слушая Ши Цяна с восхищением в глазах.

Не обращая внимания, Ши Цян продолжал:

— Наконец, она невысокая, ростом где-то сто шестьдесят сантиметров. Телосложение у нее... Ну, словом, она тоненькая — ветер дунет и унесет. Пропорциональная, так что впечатления коротышки не производит... Я могу и продолжить. Ну что, не сильно ошибаюсь?

Ло Цзи был готов упасть перед Ши Цяном на колени:

— Да Ши, я преклоняюсь перед вами. Вы — воплощение Шерлока Холмса!

Ши Цян встал:

— Теперь пойду подготовлю фоторобот на компьютере.

Позже тем же вечером он пришел с компьютером к Ло Цзи. Когда портрет женщины появился на экране, Ло Цзи уставился на него и застыл, как зачарованный. Ши Цян, по-видимому, этого ожидал. Он извлек очередную сигару из ящичка на каминной полке, обрезал гильотинкой и раскурил. После нескольких затяжек вернулся к столу и обнаружил, что Ло Цзи по-прежнему пялится в экран.

— Если что не так, скажи — я поправлю.

С усилием Ло Цзи оторвал глаза от экрана, встал, подошел к окну и стал наблюдать за далекой заснеженной горной вершиной, освещенной лунным светом. Как во сне, он прошептал:

— Она совершенна...

— Так я и думал, — подвел итог Ши Цян и закрыл компьютер.

Продолжая смотреть вдаль, Ло Цзи произнес фразу, которую другие люди уже не раз адресо-

вали Ши Цяну:

— Да Ши, вы сам дьявол!

Усталый Да Ши плюхнулся на диван:

— И ничего такого сверхъестественного. Мы оба мужчины.

Ло Цзи повернулся к нему:

— Но у каждого мужчины своя воображаемая подруга!

— Воображаемые любовницы практически одинаковы у определенного типа мужчин.

— Даже если так, настолько точно угадать невозможно!

— Не забывай, что ты мне многое рассказал.

Ло Цзи подошел к компьютеру и снова раскрыл его.

— Пришлите мне копию.

А потом, когда Ши Цян принялся сохранять изображение, спросил:

— Вы сможете ее найти?

— Сейчас могу лишь сказать, что это весьма вероятно. Но могу и не найти.

— Что? — Ло Цзи потрясенно уставился на Ши Цяна.

— А разве в таком деле можно гарантировать стопроцентный успех?

— Нет, я не это хотел сказать. Вообще-то как

раз наоборот. Я думал, вы объясните, что это практически невозможно, но вы не исключаете случайного шанса на успех, какой-нибудь десятитысячной процента. Я был бы удовлетворен таким ответом. — Он повернулся к лицу на экране и прошептал: — Неужели такой человек может реально существовать?

Ши Цян снисходительно улыбнулся:

— Доктор Ло, скольких людей ты повидал в своей жизни?

— Не так много, как вы, конечно, но знаю, что в мире нет идеального человека, а уж тем более идеальной женщины.

— Как ты упоминал раньше, я зачастую могу найти нужного человека среди десятков тысяч, и опыт всей моей жизни говорит, что люди бывают самые разные. Самые разные, мой мальчик. Идеальные люди, идеальные женщины. Ты просто их не встречал.

— Впервые такое слышу!

— Это потому, что человек, идеальный с твоей точки зрения, необязательно будет идеальным для других. Эта девушка твоей мечты... Как по мне, так она вовсе не без недостатков. Так что у меня есть хорошие шансы ее найти.

— Но режиссеры могут искать идеального ак-

тера среди десятков тысяч и так и не находят!

— У режиссеров нет ничего похожего на наши профессиональные средства поиска. Мы ведь не просто ищем среди десятков или даже сотен тысяч человек, или среди миллионов. В нашем распоряжении техника и методы, которые режиссерам и не снились. Компьютеры в полицейском центре анализа фотографий могут подобрать совпадения из сотни миллионов лиц за полдня... Единственная загвоздка в том, что это задание выходит за пределы моих прямых обязанностей. Мне придется доложить руководству. Если оно даст добро, то, разумеется, я приложу все силы.

— Скажите им, что это важная часть проекта «Отвернувшиеся», и потому она требует серьезного подхода!

Ши Цян многозначительно ухмыльнулся и ушел.

* * *

— Что? СОП должен найти для него... — Кент пытался подобрать подходящее китайское слово, — любовницу его мечты? Мы его слишком избаловали. Мне очень жаль, но я не могу передать руководству вашу заявку.

— В таком случае вы нарушаете основной прин-

цип проекта «Отвернувшиеся»: приказ Отвернувшегося необходимо доложить по инстанции и выполнить, даже если вы не понимаете цели приказа. Право вето есть только у СОП.

— Но мы не можем расходовать ресурсы общества на то, чтобы подобный человек жил как император! Господин Ши, мы недолго работаем вместе, но я вас весьма уважаю. Вы опытный и умный человек, поэтому ответьте мне прямо. Вы и в самом деле полагаете, что Ло Цзи хоть что-то делает по проекту «Отвернувшиеся»?

Ши Цян качнул головой:

— Не знаю. — Он поднял руку, предупреждая возражения. — Однако это просто из-за моего неведения; это не мнение нашего руководства. В этом самая большая разница между вами и мной: я лишь тот, кто старательно выполняет приказы. А вам положено спрашивать «почему».

— Вы считаете это неправильным?

— Да дело не в том, правильно это или неправильно. Если бы каждый человек должен был понимать приказ, прежде чем его исполнить, мир давно бы уже погрузился в хаос. Господин Кент, у вас звание повыше моего, но по сути дела мы оба люди, исполняющие приказы. Нам следует знать, что бывают вещи, задумываться

над которыми *нам* не стоит. Достаточно лишь выполнять свои обязанности. Если вы к этому не готовы, то, боюсь, вам дальше будет трудно.

— Мне уже трудно! Мы только что истратили кучу денег, выкупая это вино с затонувшего корабля! Я просто думаю... Посмотрите сами, разве он похож на Отвернувшегося?

— А как должен выглядеть Отвернувшийся?

Кент на мгновение потерял дар речи.

— Знаете, что я думаю? — продолжал Ши Цян. — Если бы для Отвернувшегося существовал шаблон, то не сказал бы, что Ло совсем с ним несовместим.

— Что? — переспросил слегка опешивший Кент. — Вы утверждаете, что видите в нем какие-то достоинства?

— Утверждаю.

— Но, черт возьми, что же вы видите?

Ши Цян положил руку на плечо Кента.

— Возьмем вас, например. Если бы мантия Отвернувшегося легла на ваши плечи, вы ухватились бы за этот шанс и стали бы таким же гедонистом, как и он.

— Я бы уже давно свихнулся.

— Ну да. А Ло Цзи — пофигист. Ему все до фонаря. Кент, старина, неужто вы думаете, что у него

легкая работа? Отвернувшийся должен обладать способностью смотреть на вещи не как обычные люди, и именно эту способность мы в нем наблюдаем. А вот такой человек, как вы, великих дел не совершит.

— Но он настолько... я хочу сказать... если ему на все плевать, то как это соотносится с проектом «Отвернувшиеся»?

— Да я уже сколько времени талдычу вам это, а вы так и не поняли! Я говорю, что не знаю. Откуда вы можете знать, что его причуды не являются частью плана? Еще разок повторю: судить об этом не вам и не мне. Но даже если мы правильно понимаем его действия, — Ши Цян наклонился к Кенту и понизил голос, — некоторые вещи требуют времени.

Кент долго таращился на Ши Цяна. Наконец он тряхнул головой, неуверенный, правильно ли понял последнюю фразу:

— Хорошо. Я подам рапорт. Но вы можете мне сначала показать, как выглядит эта девушка его мечты?

Когда Кент увидел женщину на экране, его старое лицо на мгновение смягчилось. Он помассировал челюсть и признал:

— Вот это да... Ни на мгновение не поверю, что

кто-то такой существует, но надеюсь, что вы ее все-таки скоро найдете.

* * *

— Полковник, не считаете ли вы несколько неожиданным, что человек моего положения проверяет политическую и идеологическую работу в ваших вооруженных силах? — сказал Тайлер, встретившись с Чжан Бэйхаем.

— Нет, мистер Тайлер. Уже был прецедент. Рамсфелд однажды посещал Партийную школу при Главном военном совете, когда я там учился. — Чжан Бэйхай не проявлял ни любопытства, ни осторожности, ни отчуждения, которые Тайлер видел в других офицерах. Он выглядел искренним, и это облегчало разговор.

— Вы хорошо владеете английским. Вы, наверное, из флотских?

— Так точно. Космические силы США набрали даже больше персонала из флота, чем мы.

— Этот старинный вид вооруженных сил не мог даже представить себе, что боевые корабли поплывут в космосе... Буду откровенен. Когда генерал Чан Вэйсы представил вас как лучшего политического офицера в космических силах, я подумал, что вы из армии; армия — душа ваших

вооруженных сил.

Чжан Бэйхай явно не согласился с этим утверждением, но вежливо рассмеялся:

— То же самое можно сказать о любом роде войск. Во всех странах космические силы только зарождаются, и их военнослужащие привносят что-то со старого места службы.

— Меня весьма интересует ваша политическая и идеологическая работа. Надеюсь, что смогу ознакомиться с ней поглубже.

— Это не вызовет затруднений. Командование приказало мне ничего не скрывать — в рамках моей работы.

— Благодарю вас! — Тайлер помедлил, потом продолжил: — Цель моей поездки — получить ответ на один вопрос. Я хотел бы задать его прежде всего вам.

— Конечно. Спрашивайте.

— Полковник, верите ли вы, что мы можем вернуть воинский дух армий давно прошедших времен?

— Что вы имеете в виду под давно прошедшими временами?

— Я говорю о значительном отрезке времени, возможно, от Древней Греции до Второй мировой войны. Существенны общие духовные черты,

которые я упоминал: долг и честь превыше всего; готовность, когда надо, без колебаний отдать свою жизнь. Вы, может быть, заметили, что после Второй мировой войны такая храбрость уже нехарактерна для армий как демократических, так и тоталитарных стран.

— Армию набирают из общества. Следовательно, понадобится возродить былой воинственный дух в самом обществе.

— Мы сходимся в этом мнении.

— Но, мистер Тайлер, это невозможно.

— Почему? У нас есть четыреста лет. В прошлом человечеству понадобилось именно столько лет, чтобы перейти из эры коллективного героизма в эру индивидуализма. Почему мы не можем потратить столько же времени на обратное развитие?

Чжан Бэйхай на мгновение задумался.

— Это хороший вопрос, но я полагаю, что общество выросло и не может вернуться в свое детство. За последние четыреста лет, что послужили фундаментом для современной цивилизации, у нас не возникло ни культурных, ни моральных предпосылок для подобного разворота вспять.

— Тогда откуда же лично вы черпаете победный настрой? Насколько мне известно, вы убежденный триумфалист. Как сможет космический

флот, переполненный страхом поражения, воевать с могущественным противником?

— Да ведь вы только что сказали, что у нас есть еще четыреста лет. Если мы не можем идти назад, нам остается только решительно идти вперед.

Ну и как прикажете толковать такой ответ? Тайлер не вынес больше ничего из последующей дискуссии, кроме ощущения, что мысли собеседника куда глубже, чем он смог понять за время своего краткого визита.

Покидая штаб-квартиру космических сил, Тайлер прошел мимо часового. Они встретились взглядом, и часовой поприветствовал его застенчивой улыбкой. Такого он не встречал в других странах — там часовые смотрели строго перед собой. Глядя на лицо молодого солдата, Тайлер опять вспомнил ту фразу:

«Мама, я стану светлячком».

* * *

Тем вечером пошел первый дождь за все то время, что Ло Цзи жил в усадьбе. В гостиной было довольно холодно. Он сидел перед незажженным камином и прислушивался к шелесту дождя за окном, представляя себе, что дом стоит на одиноком острове посреди темного океана. Ло

Цзи окутал себя безграничным одиночеством. После отъезда Ши Цяна он пребывал в беспокойном ожидании, и это ожидание тоже было разновидностью счастья. Затем он услышал, как у крыльца остановился автомобиль. До его ушей донеслись обрывки разговора. Мягкий женский голос, произносящий «Спасибо» и «До свидания», встряхнул Ло Цзи, как удар током.

Два года назад он слышал этот голос как днем в своих мечтах, так и ночью во сне. Этот неземной звук, подобный парящей в небе паутинке, на мгновение разогнал вечернюю тьму, словно вспышка солнечного света.

Затем в дверь легонько постучали. Ло Цзи сидел как истукан; только после долгой паузы он наконец открыл рот и произнес: «Заходите». Дверь открылась. Вместе с каплями дождя в комнату проникла тонкая фигурка. Единственным источником света в гостиной была напольная лампа со старомодным абажуром. Она создавала круг света около камина, но в других частях комнаты царил сумрак. Ло Цзи не мог разобрать лица женщины, но заметил, что она одета в белые брюки и темную куртку. Воротник выделялся своей белизной на фоне куртки; он напомнил ему о лилиях.

— Здравствуйте, господин Ло, — сказала она.

— Здравствуйте, — ответил он, вставая. — На улице холодно?

— В машине не холодно. — Хотя он и не мог ее четко видеть, он знал, что она улыбается. — Но здесь, — она посмотрела вокруг, — здесь холодновато... Да, меня зовут Чжуан Янь, господин Ло.

— Здравствуйте, Чжуан Янь. Давайте растопим камин.

Ло Цзи присел возле камина и положил в него немного дров из аккуратной поленницы. Затем спросил:

— Вы когда-нибудь раньше видели камин? Подходите, присаживайтесь.

Она подошла и села на диван, оставаясь в тени.

— Ах... только в кино.

Ло Цзи чиркнул спичкой и зажег растопку. Пламя потянулось, как живое, разгорелось, и в его мягком, золотистом свечении проступила женская фигура. Ло Цзи крепко держал двумя пальцами догорающую спичку; ему нужно было испытать боль, чтобы убедиться, что это не сон. Казалось, что он зажег солнце, которое теперь освещало ставший реальностью мир мечты. Снаружи солнце могло навеки оставаться скрытым облаками и темнотой, если в его мире была Она

и был огонь камина.

«Да Ши, ты и в самом деле дьявол! Где ты ее нашел? Как, черт побери, ты смог ее найти?»

Ло Цзи повернулся обратно к камину; на глазах его выступили непрошеные слезы. Он немного испугался, что она заметит, но тут же догадался, что скрывать незачем — она наверняка подумает, что это от дыма. Он протер глаза рукой.

— Как тепло, как хорошо... — с улыбкой сказала она, глядя на пламя.

Сердце Ло Цзи затрепетало от ее слов и улыбки.

— А почему здесь все так... м-м... как-то... — Она оторвала взгляд от камина и вновь осмотрела полутемную гостиную.

— Не так, как вы себе представляли?

— Не так.

— Недостаточно... — Он подумал о ее имени. — Недостаточно торжественно для вас?

Она улыбнулась ему:

— В моем имени иероглиф «янь» не из слова «торжественность». «Янь» в нем от слова

«цвет»[21].

— А-а, понимаю. Вероятно, вы думали, что здесь повсюду развешаны карты, а я хожу и тычу в них указкой? И кругом толкутся генералы?

— В точности так, господин Ло. — Она обрадовалась, и ее улыбка расцвела, как роза.

Ло Цзи встал:

— Наверное, вы устали с дороги. Выпейте чаю. — Он остановился в нерешительности. — Или, может быть, хотите немного вина? Оно отгонит простуду.

— Хорошо, — кивнула она, с тихим «спасибо» приняла бокал и сделала маленький глоток.

Вид ее, невинно держащей бокал вина, пробудил глубокую нежность в его душе. Она выпила, когда он предложил. Она доверяла этому миру и совсем не опасалась. Да, все на свете было готово напасть на нее и причинить вред — но только не здесь. Здесь о ней позаботятся. Здесь был ее дом.

Ло Цзи сел и посмотрел на нее, а затем спросил настолько спокойно, как только мог:

— Что они вам говорили, прежде чем привезти

---

[21] Примечания: 21

Это «игра иероглифов». Есть слово «чжуанъянь» — «торжественность», состоящее из двух иероглифов, второй из которых звучит как «янь», и есть иероглиф «янь», по виду совершенно другой, означающий «цвет». (*Прим. перев.*)

сюда?

— Они говорили, что я поеду работать, конечно. — Она одарила его невинной улыбкой, которая раскололо его сердце на части. — Господин Ло, чем мне предстоит заниматься?

— Чему вы учились?

— Традиционной живописи в Центральной академии изящных искусств.

— Закончили?

— Да. Я только что закончила обучение и искала работу на время, пока буду готовиться к аспирантуре.

Ло Цзи подумал некоторое время, но не смог придумать для нее никакого занятия.

— Хорошо, о работе мы поговорим завтра. Вы, наверное, устали. Прежде всего вам надо выспаться... Вам здесь нравится?

— Я не знаю. По пути из аэропорта стоял туман, а потом стемнело, и я ничего не могла разобрать. Господин Ло, где мы находимся?

— Я и сам не знаю.

Она кивнула и хихикнула, явно не веря.

— Я и в самом деле не знаю, где мы находимся. Ландшафт похож на Скандинавию. Я могу позвонить и узнать прямо сейчас. — Он потянулся к телефону рядом с диваном.

— Нет, не надо, господин Ло. Приятнее не знать.

— Почему?

— Когда вы знаете, мир становится тесен.

«Боже мой!» — воскликнул он про себя.

Внезапно она заметила:

— Господин Ло, посмотрите, как красиво вино в свете камина!

Вино в отблесках пламени переливалось бордовым цветом, встречающимся только во сне.

— На что, по-вашему, это похоже? — нервно спросил он.

— М-м... Я думаю, что это похоже на глаза.

— Глаза заката, не так ли?

— Глаза заката? Замечательный образ, господин Ло!

— Рассвет или закат? Вы предпочитаете закат, не так ли?

— Да. А откуда вы знаете? Я люблю рисовать закат. — Ее глаза блистали, как хрусталь в свете камина, как бы спрашивая: «И что в этом плохого?»

На следующее утро дождь прекратился. У Ло Цзи было ощущение, что Бог омыл этот сад Эдема, чтобы приготовиться к приезду Чжуан Янь. Когда она впервые увидела окрестности, Ло Цзи

не услышал визгов, восклицаний и прочей суеты, которую стоило бы ожидать от девушек. Нет, увидев великолепный пейзаж, она не дыша замерла в потрясении и не смогла произнести ни слова. Он понял, что Чжуан Янь куда чувствительнее к красоте природы, чем другие женщины.

— Так, значит, вы любите рисовать? — начал он.

Чжуан Янь не отрывала взора от далекой горной вершины, покрытой снегом. Чуть позже она пришла в чувство:

— О да. Но если бы я здесь выросла, то, наверное, не любила бы.

— Почему?!

— Я представляю себе самые разные восхитительные пейзажи. Когда я их рисую, я как бы переношусь в эти места. Но здесь уже есть все, что я вижу в мечтах, все, что воображаю. Зачем тогда нужна живопись?

— Это так. Когда воображаемая красота становится реальностью... — Он прервался и взглянул на Чжуан Янь, стоящую на фоне восходящего солнца — словно ангел, вышедший из его сна. Счастье в душе Ло Цзи сверкало и переливалось, как волны озера в солнечном свете. Ни ООН, ни СОП и представить не могли, что у проекта

«Отвернувшиеся» будет вот такой эффект. Если бы Ло Цзи предстояло сейчас умереть — он охотно сделал бы это.

— Господин Ло, вчера шел такой сильный дождь. Почему он не смыл снег с этой горы? — задала она вопрос.

— Дождь шел ниже линии снегов. На этой горе круглый год лежит снег. Здесь совсем другой климат, не как в Китае.

— Вы бывали на этой горе?

— Нет. Я здесь недавно. — Он заметил, что девушка не отводит взор от горы. — Вам нравятся заснеженные вершины?

Она кивнула.

— Тогда поехали!

— В самом деле? Когда? — в восторге вскрикнула она.

— Да хоть сию же минуту! К подножию горы ведет обычная грунтовая дорога. Если мы выедем сейчас, то к вечеру вернемся.

— А как же работа? — Чжуан Янь отвернулась от горы и посмотрела на Ло Цзи.

— Работа подождет. Вы только что приехали, — небрежно ответил он.

— Ну... — Она наклонила голову, и его сердце вздрогнуло. Он бессчетное число раз видел этот

ее бесхитростный взгляд. — Господин Ло, мне нужно знать, чем я буду заниматься.

Он посмотрел вдаль, подумал пару секунд и уверенно пообещал:

— Вот там и расскажу.

— Отлично! Тогда нам пора отправляться?

— Да. Будет проще, если мы пересечем озеро на лодке и оттуда уже поедем на машине.

Они дошли до конца пристани. Ло Цзи убедился, что ветер благоприятный и они могут взять парусную лодку. К вечеру ветер переменится, и они смогут вернуться тем же путем. Он взял ее за руку и помог ступить в лодку. Он впервые прикоснулся к Чжуан Янь, и ее руки были точно такими же, каких он впервые коснулся в ту зимнюю ночь в своем воображении — мягкими и прохладными. Она восхитилась, когда Ло Цзи поднял белый парус. Когда лодка отошла от пристани, она опустила руку в воду.

— В озере очень холодная вода, — заметила она.

— Зато чистая и прозрачная!

«Как твои глаза», — мысленно добавил он.

— Почему вам нравятся покрытые снегом горы?

— Я люблю традиционную живопись.

— Какое отношение это имеет к заснеженным горным вершинам?

— Господин Ло, вы знаете, какая разница между традиционной китайской живописью и живописью маслом? У картин, написанных масляными красками, богатая цветовая палитра. Один художник как-то сказал, что в живописи маслом белый цвет на вес золота. Но в наших традиционных картинах все иначе. В них много пустоты, и она столь же выразительна, как человеческие глаза. Пейзаж — это просто рамка для пустоты. Посмотрите на этот заснеженный пик. Разве он не похож на пустое место в традиционной картине?

Это было самой длинной речью, которую он от нее слышал. Чжуан Янь читала лекцию Отвернувшемуся, каждой фразой превращая его в невежественного школьника, и у него при этом не было ощущения несообразности ситуации.

«Ты сама как пустота в традиционной картине: чистая, но бесконечно привлекательная для опытного ценителя», — думал Ло Цзи, глядя на Чжуан Янь.

Лодка причалила к пристани на противоположном берегу. Возле леса стоял джип с открытым верхом. Водитель, подогнавший машину, уже ушел.

— Это военный автомобиль? Когда я приехала, я видела солдат, и мы проехали трех часовых, — сказала она, когда они сели в машину.

— Это не имеет значения. Они нас не побеспокоят, — ответил Ло Цзи и завел двигатель.

Лесная дорога была узкой и неровной, но в машине тряска не ощущалась. Кое-где в лесу еще стелился утренний туман; там солнечные лучи конусами света пробивались сквозь кроны высоких сосен. Пение птиц слышалось даже сквозь шум двигателя. Легкий ветер разметал волосы Чжуан Янь и бросил их в лицо Ло Цзи. Это прикосновение напомнило ему о зимней поездке два года назад.

Нынешняя местность отличалась от гор Тайхан и снежных равнин северного Китая. Но его сон о том путешествии настолько точно вписывался в реальность дня, что ему трудно было поверить, что все происходит на самом деле.

Он бросил взгляд на Чжуан Янь и обнаружил, что та смотрит на него. В ее глазах читалось легкое любопытство, смешанное с доброжелательностью и невинностью. Солнечный свет мелькал на ее лице. Встретив его взгляд, она не отвернулась.

— Господин Ло, вы и в самом деле можете побе-

дить инопланетян? — спросила она.

Он был совершенно очарован ее детской непосредственностью. Никто, кроме нее, никогда не задал бы такой вопрос Отвернувшемуся, а они знали друг друга так недолго.

— Чжуан Янь, вся суть проекта «Отвернувшиеся» заключается в том, чтобы спрятать истинную стратегию землян в мозгу одного человека — единственном месте, которое недоступно для софонов. Были выбраны несколько человек, но это не значит, что они сверхлюди. Сверхлюдей не бывает.

— Но почему выбрали вас?

Этот вопрос был еще более прямолинейным и возмутительным, и все же в устах Чжуан Янь он прозвучал естественно. В ее кристально прозрачном сердце чисто преломлялся и отражался каждый солнечный луч.

Ло Цзи остановил машину. Она удивленно смотрела на него, а он застыл, глядя вперед, на освещенную солнцем дорогу.

— Отвернувшиеся — самые не достойные доверия люди во всей истории. Они лучшие лгуны в мире.

— Это ваш долг.

Он кивнул.

— Но, Чжуан Янь, я скажу вам правду. Поверьте мне!

Она кивнула:

— Господин Ло, пожалуйста, продолжайте. Я вам верю.

Он довольно долго молчал, тем самым придавая больший вес своим словам. А потом наконец произнес:

— Я не знаю, почему выбрали меня. Я обычный человек.

Она снова кивнула:

— Наверно, вам очень трудно.

Эти слова и невинный вид Чжуан Янь снова вызвали слезы на его глазах. Впервые с того дня, когда он стал Отвернувшимся, Ло Цзи встретил такое понимание. Глаза девушки были его раем; в ее чистом взоре он не видел ни следа того выражения, с которым все прочие смотрели на Отвернувшихся. Ее улыбка тоже была раем. Это была не улыбка Отвернувшегося, а чистая, невинная улыбка, словно налитая солнцем капелька росы, падающая в самую сухую часть его души.

— Мне *будет* трудно, но я постараюсь справиться... Вот и все. На этом честный разговор окончен. Возвращаемся к обычному поведению Отвернувшихся, — сказал он и завел мотор.

Они ехали молча, пока деревья не расступились и не показалось голубое небо над головой.

— Господин Ло, посмотрите, орел! — воскликнула Чжуан Янь.

— А вот там, похоже, олень! — Ло Цзи быстро указал рукой, чтобы отвлечь ее внимание. Он знал, что объект в небе был не орел, а патрульный дрон. Это напомнило ему о Ши Цяне. Он достал телефон и набрал номер.

Ши Цян ответил.

— Здорово, братец Ло! Наконец-то ты вспомнил обо мне! Но сначала расскажи, как идут дела у Яньянь.

— Хорошо. Отлично. Чудесно. Спасибо!

— Вот и славно. Значит, моя последняя миссия выполнена.

— Последняя миссия? Где вы сейчас?

— Дома. Готовлюсь к гибернации.

— Что?

— У меня лейкемия. Отправляюсь в будущее, чтобы там меня вылечили.

Ло Цзи ударил по тормозам, автомобиль резко остановился. Чжуан Янь ахнула. Он с тревогой взглянул на нее, но, поняв, что все в порядке, продолжил разговор с Ши Цяном.

— Э-э... И давно вы болеете?

— Я облучился на одном из предыдущих заданий, а в прошлом году мне поставили диагноз.

— Боже мой! Я не задержал вас, надеюсь?

— В этих делах чуть раньше или чуть позже погоды не делает. Кто знает, какой станет медицина в будущем?

— Мне очень жаль, Да Ши.

— Да не обращай внимания. Такая уж у меня работа. Я не грузил тебя этим, потому что, как я понимаю, мы еще когда-нибудь пересечемся. Но я хотел бы кое-что тебе сказать, на случай, если не доведется встретиться.

— Я слушаю.

После долгого молчания Ши Цян произнес:

— «Три вещи не подобают достойному сыну; самая значительная среди них — не оставить потомства»[22]. Братец Ло, судьба семьи Ши в ближайшие четыреста лет находится в твоих руках.

Ши Цян положил трубку. Ло Цзи взглянул на небо, где недавно кружил дрон. В его сердце царила та же пустота, что и в этой бездонной синеве.

— Вы говорили с дядей Ши? — спросила Чжуан Янь.

---

[22] Примечания: 22

Известная цитата об обязанностях сыновей из собрания диалогов и высказываний, приписываемого Менсиусу. Менсиус, конфуцианский философ, жил в конце четвертого века до нашей эры. (*Прим. Дж. М.*)

— Да. Вы с ним знакомы?

— Знакомы. Хороший человек. В день моего отъезда он поцарапал руку, но кровь не останавливалась. Это было довольно жутко.

— Ох... Он что-нибудь вам сказал?

— Сказал, что вы занимаетесь самым важным делом в мире, и попросил меня вам помогать.

Они оставили лес позади. От горы теперь их отделял лишь луг. Все цвета мира сводились здесь к серебряному и зеленому, простым и чистым, по мнению Ло Цзи, как и девушка, сидящая рядом. Он уловил тень меланхолии в ее взгляде и заметил, что она тихо вздыхает.

— Яньянь, что-то не так? — спросил он. Ло Цзи впервые назвал ее этим именем, но, подумал он, если Да Ши может так ее называть, то почему я не могу?

— У нас такой замечательный мир. Но становится грустно, когда думаешь, что однажды некому будет на него смотреть.

— Но здесь ведь будут инопланетяне, разве не так?

— Я не думаю, что они оценят красоту.

— Почему?

— Мой папа говорил, что люди, которые чувствуют красоту, добрые; а злые красоту не ценят.

— Яньянь, они лишь действуют рационально. Для выживания их народа это правильное решение; оно не доброе и не злое.

— Впервые слышу такое мнение. Господин Ло, вы их увидите, не так ли?

— Возможно.

— Если они и в самом деле такие, какими вы их представляете, и если вы победите в сражении Судного дня, то могли бы вы... — Она, чуть наклонив голову, искоса взглянула на него и смолкла в нерешительности.

Он уже собирался ответить, что вероятность такого развития событий близка к нулю, но сдержался и спросил:

— Что я мог бы?

— Почему вы обязательно должны прогонять их в космос, на верную смерть? Дайте им немного земли, и пускай они живут рядом с нами! Разве так не будет лучше?

Ло Цзи молча боролся с эмоциями в своей душе. Затем он указал в небо:

— Яньянь, не только я услышал ваши слова.

Чжуан Янь испуганно посмотрела в небо:

— Ах да! Вокруг, наверное, сотни софонов!

— Может оказаться, что вас услышал сам правитель Трисоляриса.

— И вы все надо мной смеетесь, да?

— Нет. Яньянь, знаете ли вы, о чем я сейчас думаю? — Ему очень захотелось коснуться ее левой руки, находившейся недалеко от руля, но он сдержал себя. — Мне кажется, что человек, который мог бы спасти мир, — это вы.

— Я? — Она расхохоталась.

— Да, вы. Но вас одной недостаточно. Точнее, таких людей, как вы, слишком мало. Если бы треть человечества разделяла ваши чувства, то Трисолярис мог бы обсудить с нами возможное сосуществование на этой планете. Но, к сожалению... — Ло Цзи вздохнул.

Чжуан Янь сверкнула беспомощной улыбкой:

— Господин Ло, мне в жизни приходилось не очень-то легко. Окончив университет и попав в большой мир, я чувствовала себя рыбой, заплывшей в море с мутной водой и ничего не видящей вокруг. Я хотела выплыть на чистую воду, но устала от всего этого плавания...

«Если бы только я мог помочь тебе выплыть к чистой воде!» — подумал Ло Цзи.

Дорога начала подниматься вдоль склона. По мере набора высоты растительность стала редеть, обнажая черный камень. В одном месте пейзаж был похож на поверхность Луны. Вскоре они

достигли уровня снегов. Их окружили белизна и холод. Они надели теплые куртки, которые Ло Цзи вынул из походной сумки на заднем сиденье, и продолжили путь.

Вскоре они достигли знака, установленного посреди дороги. Знак предупреждал: «ОПАСНОСТЬ. СЕЗОН ЛАВИН. ДОРОГА ДАЛЬШЕ ЗАКРЫТА». Они вышли из машины и ступили в снег на обочине.

Солнце уже начало садиться, отбрасывая тени на заснеженный склон. Чистый снег был бледно-синего цвета и как бы светился изнутри. Острые вершины вдали были по-прежнему освещены и сверкали серебром. Казалось, что свет исходит непосредственно от снега, словно это светится сама гора, а не солнце, озаряющее весь мир.

— Ну вот, теперь картина совсем пуста, — сказал Ло Цзи, обводя окрестности рукой.

Чжуан Янь поглощала взглядом белый мир вокруг них.

— Господин Ло, собственно, я однажды написала такую картину. Издали это был белый лист бумаги, почти пустой. Вблизи можно было рассмотреть мелкий тростник в нижнем левом углу и следы исчезающей птицы в правом верхнем. В пустом центре были две крошечные человеческие фигурки... Этой картиной я горжусь больше

всего.

— Могу себе представить. Это, должно быть, великолепная картина... Чжуан Янь, вот мы и здесь, в этом пустом мире. Вы хотите узнать, в чем будет заключаться ваша работа?

Она кивнула, но при этом на лице ее вспыхнуло беспокойство.

— Вы знакомы с проектом «Отвернувшиеся» и знаете, что его успех зиждется на полном непонимании. Истинных целей проекта не понимает никто, кроме Отвернувшегося, — ни на Земле, ни на Трисолярисе. Поэтому, Чжуан Янь, независимо от того, насколько неправдоподобной будет ваша задача, у нее, несомненно, есть смысл. Не пытайтесь его понять. Просто работайте в полную силу.

Она нервно кивнула:

— Да, я понимаю. — Но тут же рассмеялась и покачала головой: — Я хотела сказать, что поняла, что вы сейчас сказали.

Он смотрел на нее посреди всего этого снега, посреди белизны без конца и края... Мир вокруг нее исчез, растворился, осталась одна она. Двумя годами раньше, когда созданный Ло Цзи литературный образ обрел жизнь в его воображении, Ло впервые отведал вкуса любви. Сейчас же

здесь, посреди пустоты этой реальной картины, нарисованной самой природой, он познал самую сокровенную тайну любви.

— Чжуан Ян, ваша работа заключается в том, чтобы сделать себя счастливой.

Ее глаза расширились в удивлении.

— Вы должны стать самой счастливой женщиной на Земле. Это часть плана Отвернувшегося.

В ее глазах отражалось сияние горной вершины, освещавшей их мир. Сложные чувства промелькнули в ее незамутненном взоре. Покрытые снегом горы поглощали весь шум внешнего мира. Ло Цзи ждал в терпеливом молчании до тех пор, пока она голосом, казалось, звучащим издалека, не спросила:

— Тогда... что я должна делать?

Ло Цзи воодушевился:

— Все, что хотите! Завтра же — или сегодня, когда мы вернемся, — вы можете отправиться, куда пожелаете, делать все, что вам будет угодно, и жить, как вам захочется. Я, как Отвернувшийся, помогу вам во всех ваших начинаниях.

— Но я... — Чжуан Янь беспомощно смотрела на него, — господин Ло, я... мне ничего не нужно.

— Так не бывает. Любому человеку что-нибудь да нужно! Разве молодежь не гоняется постоянно

за чем-то?

— Гонялась ли я за чем-то? — Она медленно покачала головой. — Полагаю, что нет.

— Ну конечно. Молодой, беззаботной женщине, такой, как вы, может быть, ничего и не нужно. Но есть же у вас хоть какая-то мечта? Вы любите живопись; задумывались ли вы когда-нибудь о собственной выставке в крупнейшей картинной галерее мира или в музее художественных искусств?

Она засмеялась, как будто Ло Цзи превратился в дурачащегося ребенка.

— Господин Ло, я пишу для себя. Никогда ни о чем таком не задумывалась!

— Ну хорошо. Но о любви-то вы наверняка мечтали, — уверенно сказал Ло Цзи. — Теперь у вас есть средства; почему бы не пойти и не найти ее?

Закат впитывал в себя свет снежной вершины. Глаза Чжуан Янь угасли, черты лица разгладились. Она тихо ответила:

— Господин Ло, это не то, что можно пойти искать.

— И правда. — Он придал себе спокойствия и кивнул. — Тогда как насчет вот такого плана: не задумывайтесь о далеком будущем, думайте

лишь о завтрашнем дне. Только о завтра. Куда вы завтра хотите пойти? Что вас порадует завтра? Вы наверняка что-нибудь придумаете.

Она старательно подумала немного, а потом неуверенно спросила:

— Если скажу, вы на самом деле сможете это организовать?

— Конечно. Говорите.

— Тогда, господин Ло, устройте нам экскурсию в Лувр.

* * *

Когда Тайлер снял повязку, его глаза еще не приспособились к свету, и ему приходилось щуриться. Несмотря на яркие фонари, прикрепленные к каменным стенам пещеры посреди гор, здесь было темно — даже очень темно, поскольку стены поглощали свет. Он ощутил запах антисептика и обнаружил, что в пещере развернут полевой госпиталь. На полу стояли открытые алюминиевые контейнеры с аккуратно упакованными лекарствами, кислородными баллонами, ультрафиолетовыми лампами для дезинфекции, портативными бестеневыми хирургическими лампами и различными переносными медицинскими приборами. Среди них он распознал

рентгеновские аппараты и дефибрилляторы. Было похоже, что их только что распаковали и что в любой момент могут снова убрать. Тайлер обратил внимание на два автомата, висящих на каменной стене; они сливались с фоном, и их было трудно разглядеть. Мужчина и женщина с бесстрастными лицами прошли мимо. Они не носили белых халатов, но это определенно были врач и медсестра.

Место у входа в пещеру, где стояла кровать, было морем белого цвета: и занавески за кроватью, и старик под одеялом, и длинная борода старика, и чалма у него на голове, и даже его лицо — все было белым. Желтый свет ламп, однако, походил на огонек свечи; поэтому кое-что из белизны терялось, а остальное приобретало слабый золотистый оттенок — ни дать ни взять классическая картина маслом, живописующая святого.

Тайлер мысленно сплюнул: «Проклятье! Как же низко я пал!»

Он направился к кровати. У Тайлера болели бедра, и он шагал медленно и ровно. Он остановился возле кровати, перед человеком, которого он сам и его правительство мечтали найти на протяжении многих лет. Было трудно поверить, что перед ним тот самый беглец. Он всмотрелся

в бледное лицо старика. Как всегда утверждали журналисты, это было самое доброе лицо в мире.

Человек и в самом деле весьма занимательное животное.

— Для меня большая честь встретиться с вами, — начал Тайлер, слегка наклонив голову.

— Взаимно, — вежливо ответил старик. Он не пошевелился; его голос был тонким, точно соломинка; он мог противостоять силе и не рваться, как паутина. Старик указал на край кровати, и Тайлер осторожно присел. Он не знал, было ли это приглашение знаком особого благоволения. Ведь здесь не было стула. Старик продолжил:

— Вы, наверное, устали. Вы впервые ехали на муле?

— Нет, не впервые. Я посещал Большой каньон тоже верхом на муле. — Впрочем, ноги у него тогда так сильно не болели. — Как ваше здоровье?

Старик медленно покачал головой:

— Вы и сами видите, что мне недолго осталось. — В его взоре внезапно зажглись шутливые искорки. — Вы ведь последний человек на Земле, который желал бы моей кончины от болезни. Мне очень жаль.

Ирония его последней фразы кольнула Тайлера, но это была правда. Было время, когда он

больше всего боялся, что этот человек умрет от болезни или от старости. Министр обороны не раз молился, чтобы американская крылатая ракета или пуля снайпера попали в голову его сегодняшнего собеседника, прежде чем тот умер бы от естественных причин — пусть даже за минуту до этого. Естественная смерть была бы величайшей победой этого человека и проигрышем в войне против терроризма. Он двигался к этой победе даже сейчас.

Разумеется, шансы у американцев были. Однажды дрон типа «Хищник» сфотографировал этого человека во дворе мечети в горах северного Афганистана. Было бы достаточно просто протаранить его дроном и вписать новую страницу в историю — не говоря уж о том, что дрон в тот день был вооружен ракетами Hellfire. Но молодой офицер, дежуривший в ту смену и опознавший цель, побоялся взять ответственность на себя и отдать приказ. Вместо этого он доложил по команде. Когда они снова навели камеру на тот двор, цели там уже не было. Тайлера подняли с постели; от ярости он расколотил бесценное домашнее сокровище — вазу китайского фарфора.

Тайлер не хотел обсуждать эту неприятную тему. Он взял свой атташе-кейс и положил на

кровать.

— У меня есть небольшой подарок для вас, — сказал он, открывая чемодан и извлекая оттуда несколько книг. — Это новейший перевод на арабский язык.

Старик потянулся тонкой, как щепка, рукой за нижним томом.

— Ах, я прочел только первую трилогию... Я попросил купить мне остальные книги, но времени, чтобы их прочесть, так и не нашлось, а потом они потерялись... Замечательно, спасибо. Они мне очень нравятся.

— По одной легенде, вы назвали свою организацию, вдохновившись этими романами[23].

Старик аккуратно положил книгу и улыбнулся.

— Пускай это остается легендой. У вас есть деньги и технология. У нас нет ничего, кроме легенд.

Тайлер взял в руки том, отложенный стариком, и принял позу пастора, держащего Библию:

— Я пришел, чтобы сделать вас Селдоном.

Искры юмора вернулись в глаза старика.

— Да? Что от меня требуется?

---

[23] Примечания: 23

Название «Аль-Каида» переводится на китайский иероглифами цзи-ди; это же выражение является названием серии романов «Основание» Айзека Азимова. (*Прим. Дж. М.*)

— Сохраните свою организацию.

— До какого же времени нужно ее сохранять?

— До битвы Судного дня. На протяжении четырех столетий.

— Вы полагаете, что это возможно?

— Да, возможно — если она продолжит развиваться. Пускай ее душа и воля проникнут в космические силы. Ваша организация навсегда станет их частью.

— И почему же вы ее так высоко цените? — Сарказм в голосе старика зазвучал сильнее.

— Потому что ваша армия — одна из немногих, использующих в качестве оружия человеческие жизни. Вы же знаете, что научные исследования остановлены софонами. Это ограничивает развитие компьютерных технологий и искусственного разума. Космические истребители отправятся на битву Судного дня под управлением людей. Для этого нужна армия с такой волей. Атака шаровой молнией эффективна только в непосредственной близости к цели.

— Что еще вы мне привезли, кроме этих книг?

Тайлер встал и с энтузиазмом заговорил:

— Это зависит от того, что вам нужно. Я могу снабдить вас всем необходимым для сохранения вашей организации.

Старик жестом пригласил Тайлера сесть обратно.

— Я вам сочувствую. Прошло столько лет, а вы так и не поняли, чт`о нам на самом деле нужно.

— Так скажите мне!

— Оружие? Деньги? Нет и нет. То, что нам нужно, ст`оит намного больше. Организация создана и продолжает существовать не из-за далеко идущих планов Селдона. Невозможно уговорить разумного, рационального человека поверить в идеи литературного героя и умереть за них. Организация живет потому, что у нее есть нечто такое, что является основой ее существования, воздухом, которым она дышит, самой ее кровью. Без этого фактора она бы мгновенно распалась.

— И что же это?

— Ненависть.

Тайлер не произнес ни слова.

— С одной стороны, благодаря появлению общего врага наша ненависть к Западу ослабла. С другой стороны, ненавистный Запад — это часть человеческой расы, которую трисоляриане собираются уничтожить. Так что нам будет приятно погибнуть вместе. Поэтому у нас нет ненависти к трисолярианам. — Старик развел руками. — Видите ли, ненависть ценнее, чем золото и алмазы;

это оружие, равного которому нет во всем мире. Но ненависть кончилась, и не в ваших силах ее вернуть. Поэтому дни организации, как и мои, сочтены.

Тайлер продолжал молчать.

— А насчет Селдона я бы сказал, что его план неосуществим.

Тайлер выдохнул и сел обратно на кровать:

— Так вы читали концовку?

Старик в удивлении поднял бровь.

— Нет, я не читал. Я просто так полагаю. А что, в книге план Селдона постигает неудача? Автор — исключительный человек, если это так. Я предполагал, что он напишет счастливую концовку, да поможет ему Аллах.

— Азимов давно умер.

— Как жаль; мудрые всегда умирают молодыми. Желаю ему найти свой рай, каким бы он ни был...

Б`ольшую часть обратного пути Тайлер проехал без повязки на глазах, рассматривая крутые, бесплодные горы Афганистана. Подросток, который вел его мула, настолько ему доверял, что даже оставил свой автомат висеть на седле, рядом с рукой пассажира.

— Ты кого-нибудь убил из этого автомата? —

спросил Тайлер.

Подросток его не понял, но человек постарше, без оружия, который ехал рядом, ответил за него:

— Нет. Мы уже давно не воюем.

Подросток вопросительно посмотрел на Тайлера. На его полудетском лице еще не росла борода; его глаза были ясными, как голубое небо Центральной Азии.

«Мама, я стану светлячком».

* * *

На четвертых слушаниях проекта «Отвернувшиеся» Тайлер выступал с поправками к своему плану москитного роя. У докладчика, только что вернувшегося из далекого путешествия, был усталый вид.

— Я хочу, чтобы каждый истребитель в москитном флоте был оборудован двумя системами управления: ручной и автоматической. Переход на автоматическую систему позволит мне управлять всеми истребителями флота.

— Я вижу, вы не прочь порулить сами, — подначил его Хайнс.

— Я смогу дать флоту приказ объединиться в группу и направиться к месту сражения, а затем

расцепиться и сформировать боевое построение. Когда оно вступит в контакт с вражеским флотом, я дам команду компьютеру на каждом истребителе выбрать свою цель и атаковать в автоматическом режиме. Я полагаю, что через три столетия такая технология нам будет доступна даже с учетом ограничений на развитие базовых наук.

— Значит ли это, что вы собираетесь лечь в анабиоз вплоть до битвы Судного дня, а потом лично принять участие в боевых действиях?

— У меня нет выбора. Вы же знаете, что я побывал в Японии, Китае и Афганистане. Ни в одном из этих мест я не нашел того, что мне нужно.

— Вы даже кое-кого навестили, — добавил представитель США.

— Это так. Я встретился с ним. Но, — Тайлер удрученно вздохнул, — и это не помогло. Я продолжу усилия по созданию подразделения пилотов-истребителей. Но если мне это не удастся, тогда я сам поведу их в последнюю атаку.

Никто не проронил ни слова. Когда упоминалась битва Судного дня, люди обычно предпочитали хранить молчание.

Тайлер продолжил:

— У меня есть еще одно дополнение к плану

москитного роя. Я хочу провести собственные исследования некоторых объектов Солнечной системы в тех районах, которые выберу сам. Перечень таких объектов включает в себя Европу, Цереру и несколько комет.

Кто-то задал вопрос:

— Какое это имеет отношение к флоту космических истребителей?

— Обязан ли я отвечать? — спросил Тайлер, глядя на председателя.

Никто не проронил ни слова. Разумеется, он не обязан был отвечать.

— И последнее. У меня есть рекомендация. СОП и все другие страны планеты должны умерить свою борьбу с ОЗТ.

Рей Диас вскочил со своего кресла:

— Мистер Тайлер, даже если вы заявите, что это часть плана, я все равно категорически против такого возмутительного предложения!

Тайлер отрицательно покачал головой:

— Это не часть моего плана. Предложение не связано с проектом «Отвернувшиеся». Причины должны быть очевидны. Если мы продолжим борьбу против ОЗТ, то через два или три года мы его полностью разгромим — и потеряем единственный прямой канал связи между Землей и

Трисолярисом. Мы потеряем самый важный источник разведывательных данных о противнике. Я уверен, вы понимаете, к чему это приведет.

Хайнс согласился:

— Хорошо. Но это предложение должно быть внесено не Отвернувшимся. Народ видит нас троих единомышленниками. Позаботьтесь, пожалуйста, о нашей репутации.

Дальнейшие слушания вылились в безрезультатный спор, однако под конец было достигнуто соглашение поручить СОП изучить три поправки к плану Тайлера и вынести их на голосование на следующих слушаниях.

Тайлер оставался сидеть в кресле, пока зал не опустел. Он был изнурен своими поездками, и его клонило в сон. Осматриваясь в пустом зале, он внезапно осознал опасность, которую до сих пор не замечал. Ему нужно было найти врача или психолога, а также специалиста по расстройствам сна.

Ему нужно было найти кого-нибудь, кто излечил бы его от привычки говорить во сне.

* * *

В десять часов вечера Ло Цзи и Чжуан Янь шли к главному входу в Лувр. Кент посоветовал ночную

экскурсию, чтобы их было удобнее охранять.

Первым, что они увидели, была стеклянная пирамида, скрытая зданием дворца от шума ночного Парижа. Она стояла неприметно, залитая бледным лунным светом, как будто отлитая из серебра.

— Господин Ло, вам не кажется, что она прилетела из космоса? — спросила Чжуан Янь, указывая на пирамиду.

— Так всем кажется, — ответил Ло Цзи.

— Поначалу она выглядит немного чуждо, но чем больше к ней присматриваешься, тем больше она врастает в пейзаж.

«Как встреча двух совершенно разных миров», — подумал про себя Ло Цзи.

В этот момент вся пирамида осветилась, перекрашиваясь из лунного серебра в яркое золото. Заработали фонтаны в близлежащих бассейнах, посылая к небу струи воды и света. Чжуан Янь в тревоге бросила взгляд на Ло Цзи; ее взволновало пробуждение Лувра при их появлении. Под шум воды они проследовали в глубь пирамиды в зал Наполеона и дальше, во дворец.

Сначала они направились в самый большой выставочный зал. Он был двести метров длиной и освещен мягким светом. Их шаги гулко

раздавались в пустоте зала. Ло Цзи скоро понял, что слышит эхо только своих шагов. Чжуан Янь шагала легко, как кошка, как ребенок в сказке, который попадает в волшебный замок и боится разбудить то, что там дремлет. Он пошел медленнее — не ради картин, которые его нисколько не интересовали, но чтобы любоваться Чжуан Янь с расстояния, на фоне всей этой красоты. Прекрасная восточная женщина была на удивление к месту среди статуй греческих богов, среди ангелов и ликов Богоматери, взирающих на нее со старинных масляных полотен. Как и стеклянная пирамида во дворе, она вскоре слилась с окружением и стала частью священного мира искусства. Без нее здесь чего-то не хватало бы. Завороженный, он не замечал хода времени.

Через некоторое время Чжуан Янь вспомнила о Ло Цзи и послала ему улыбку. Его сердце дрогнуло, как будто его ударила молния, брошенная в мир смертных с вершины Олимпа на картине.

— Я слышал, что человеку с натренированным глазом понадобится целый год, чтобы осмотреть всю коллекцию, — заметил он.

— Я знаю, — просто ответила она. Но ее глаза спрашивали: «Что тут поделаешь?» Потом она перенесла свое внимание обратно на картины. За

все это время она осмотрела только пять из них.

— Не беда, Яньянь. Я могу каждую ночь рассматривать картины вместе с вами, целый год. — Слова вырвались сами.

Она повернулась к нему, явно в волнении:

— В самом деле?

— В самом деле.

— Вот как... Господин Ло, вы бывали здесь раньше?

— Нет. Но я был в Центре Помпиду, когда приезжал в Париж три года назад. Поначалу я думал, что вам будет интереснее сходить туда.

Она покачала головой:

— Я не люблю современное искусство.

— Тогда все это... — Ло Цзи посмотрел вокруг: на богов, ангелов и Богоматерь. — Вы не считаете, что это устарело?

— Я не люблю слишком старых работ. Я люблю картины Ренессанса.

— Они тоже довольно старые.

— Но для меня они не выглядят старыми. Художники Ренессанса были первыми, кто обнаружил, что человек прекрасен. Они изображали бога красивым и добрым человеком. Глядя на эти работы, можно почувствовать радость создавшего их художника — такую же, какую почувствовала

я, впервые увидев озеро и гору, всю в снегу.

— Это, конечно, хорошо, но дух гуманизма, созданный мастерами Ренессанса, стал теперь камнем преткновения.

— Вы имеете в виду Трисолярианский кризис?

— Да. Вы наверняка заметили, что происходит в последнее время. Через четыре столетия мир постигнет катастрофа, и он вернется в Средневековье; гуманизм будет растоптан.

— И искусство погрузится во мрак долгой зимней ночи?

Глядя в невинные глаза Чжуан Янь, он криво усмехнулся в душе. «Глупышка, ты говоришь об искусстве, но если человечеству суждено выжить, откат к примитивному Средневековью будет невысокой ценой». Вслух же он сказал:

— Когда придет пора, может случиться второй Ренессанс. Тогда вы заново откроете забытую красоту и нарисуете ее.

Она улыбнулась слегка грустной улыбкой, явно понимая скрытый смысл утешительных слов Ло Цзи.

— Я просто думаю: когда придет конец света, что будет с этими картинами и скульптурами?

— Вас это беспокоит? — спросил Ло Цзи. Когда она упомянула конец света, он почувствовал

душевную боль. Ему не удалось утешить ее, но он попробует еще раз, и теперь у него все получится. Он взял ее за руку и предложил:

— Пойдемте в выставочный зал азиатского искусства.

До того как построили вход в виде пирамиды, Лувр был гигантским лабиринтом. Чтобы попасть в любую из галерей, требовалось долго идти по многочисленным путаным коридорам. Но теперь из зала Наполеона, расположенного под пирамидой, можно было пройти в любую точку музея. Ло Цзи и Чжуан Янь вернулись ко входу. Оттуда указатели повели их к выставкам искусства Африки, Азии, Океании и Америки. Они оказались в совершенно другом мире, разительно отличающемся от галерей классических европейских шедевров.

Ло Цзи указал на скульптуры, картины и манускрипты Азии и Африки:

— Все это было взято передовой цивилизацией у отсталой. Что-то было отнято на войне, что-то украдено, что-то получено обманом, но посмотрите — они все в отличном состоянии. Даже во время Второй мировой войны эти предметы вывезли в безопасное место. — Они остановились перед фреской из Дуньхуана в стеклянной вит-

рине. — Подумайте, через сколько потрясений и войн прошла наша страна с тех пор, когда аббат Ван передал это чудо французу?[24] Если бы фреска оставалась на месте, сохранилась бы она настолько хорошо?

— Но сберегут ли трисоляриане наше культурное наследие? Они ведь нас совсем не ценят.

— Потому что они сказали, что мы для них клопы? Но именно поэтому все и сохранится. Яньянь, вы знаете, что является проявлением высочайшего уважения к расе или цивилизации?

— Нет. Что?

— Полное ее уничтожение. Это высшая форма уважения к цивилизации. Они будут опасаться только той цивилизации, которую глубоко уважают. Потому что знают: однажды эта цивилизация разовьется настолько, что окажется способна уничтожить противника.

Они молча проследовали через двадцать четыре галереи, представляющие искусство Азии.

---

[24] Примечания: 24

В Дуньхуане, оазисе на Шелковом пути в сегодняшней провинции Ганьсу, располагались великолепно украшенные буддистские пещеры, населенные между четвертым и четырнадцатым веками. В 1900 году Ван Юаньлу, таоистский аббат из пещер Могао в Дуньхуане, обнаружил запечатанную пещеру-библиотеку. В ней находилось множество древних документов. Аббат позднее продал эти документы венгерско-британскому археологу Аурелю Стейну и французскому востоковеду Полю Пеллио. (*Прим. Дж. М.*)

Они шли сквозь далекое прошлое, представляя себе мрачное будущее. Незаметно для себя они достигли галереи Древнего Египта.

— Вы знаете, о ком я сейчас думаю? — Ло Цзи стоял перед застекленной витриной, в которой лежала золотая маска мумии фараона. Он хотел предложить более веселую тему для разговора. — Софи Марсо.

— Из-за фильма «Бельфегор — призрак Лувра», да? Софи Марсо великолепна. В ней есть и восточные черты.

Бог весть по какой причине Ло Цзи почудились в ее голосе нотки ревности.

— Яньянь, она не настолько прекрасна, как вы. И это подлинная правда. — Он еще хотел добавить: «Среди этих картин можно найти красоту под стать ей, но твоя красота затмевает их все», но побоялся, как бы она не восприняла его слова как насмешку. Тень застенчивой улыбки промелькнула на лице Чжуан Янь. Он помнил эту улыбку из своих сновидений; сейчас он впервые увидел ее в реальности.

— Пойдемте обратно к классической живописи, — негромко предложила она.

Они вернулись в зал Наполеона, но никак не могли решить, куда им идти. Самые большие

указатели показывали направление к трем ценнейшим экспонатам: Моне Лизе, Венере Милосской и Нике Самофракийской.

— Давайте посмотрим «Мону Лизу», — предложил Ло Цзи.

По пути Чжуан Янь заметила:

— Наш учитель говорил, что после посещения Лувра он почувствовал некоторую неприязнь к Моне Лизе и Венере Милосской.

— Почему?

— Потому что туристы приходят посмотреть на эти две работы и не проявляют интереса к не столь знаменитым, но нисколько не уступающим им произведениям.

— Я как раз из этой некультурной толпы.

Они пришли к таинственной улыбке. Картина находилась за толстым стеклом; она была намного меньше, чем представлял себе Ло Цзи. Даже Чжуан Янь не выглядела особенно восхищенной.

— Она напоминает мне всех вас, — показала она на портрет.

— Всех нас?

— Отвернувшихся, разумеется.

— Что у нее общего с Отвернувшимися?

— Ну, я думаю — и это только лишь идея, не смейтесь, — я думаю, сможем ли мы найти та-

кой способ общения, который будет понятен людям, но который никогда не удастся разгадать софонам. Тогда человечество освободится от наблюдения софонов.

Ло Цзи несколько секунд смотрел на нее, а затем на Мону Лизу.

— Я понимаю, о чем вы. Ее улыбка — это то, чего ни софоны, ни трисоляриане никогда не поймут.

— Правильно. Выражение лица человека, особенно его глаз, сложно и состоит из мельчайших деталей. Взгляд или улыбка могут передать так много информации! И только люди способны эту информацию понять. Только люди могут ее почувствовать.

— Это правда. Анализ выражения лица и глаз является одной из главных проблем в работе по созданию искусственного разума. Некоторые специалисты даже утверждают, что компьютер никогда не будет способен читать по глазам.

— Тогда, значит, можно создать язык мимики, а затем говорить лицом и глазами?

Ло Цзи всерьез задумался над этим, а потом улыбнулся и отрицательно покачал головой. Он указал на Мону Лизу:

— Мы не можем прочитать даже выражение ее лица. Когда я гляжу на этот портрет, смысл

улыбки меняется каждую секунду и никогда не повторяется!

Чжуан Янь восхищенно запрыгала, как ребенок:

— Но это значит, что выражение лица может передавать большой объем информации!

— Хорошо; есть вот такая информация: «Космический корабль стартовал с Земли по направлению к Юпитеру». Как вы ее передадите выражением лица?

— Когда первобытные люди начали говорить, наверняка первые слова имели лишь простейший смысл. Они могли быть проще, чем крики птиц. С тех пор язык развивался и усложнялся.

— Ладно, давайте попробуем передать простое сообщение посредством выражения лица.

— Давайте! — Она энергично закивала. — Вот, пусть каждый из нас загадает сообщение, а потом мы их друг другу передадим.

Ло Цзи на мгновение задумался.

— Я готов.

Чжуан Янь думала намного дольше, затем кивнула.

— Тогда начнем.

Они уставились друг на друга, но, не выдержав и полуминуты, практически одновременно рас-

хохотались.

— У меня было вот какое послание: «Сегодня я хотел бы пригласить вас на ужин на Елисейских Полях», — сообщил он.

Чжуан Янь согнулась от смеха:

— А мое было... «Вам не мешало бы побриться!»

— Мы обсуждаем серьезные вопросы, касающиеся судеб человечества; нам полагается вести себя серьезно! — Ло Цзи с трудом удерживался от смеха.

— На этот раз смеяться не разрешается! — согласилась она, серьезная, как ребенок, меняющий правила игры.

Они отвернулись друг от друга, загадывая сообщения, затем повернулись и принялись смотреть друг другу в глаза. Ло Цзи так и подмывало расхохотаться, но он постарался подавить смех. Вскоре эта задача стала легче, потому что чистый взгляд Чжуан Янь снова начал играть на струнах его сердца.

Отвернувшийся и молодая девушка стояли глухой ночью посреди Лувра перед улыбкой Моны Лизы и смотрели друг на друга.

В плотине души Ло Цзи появилась маленькая трещинка; вскоре течение расширило ее,

превратив в бурлящий поток. Он испугался и попытался устранить течь, но не смог. Плотина была обречена.

Ему показалось, что он стоит на вершине огромной скалы, а глаза девушки были бездонной пропастью внизу, покрытой морем чистых, белых облаков. Солнце светило со всех сторон, превращая облака в океан переливающихся красок. Ло Цзи почувствовал, что медленно, очень медленно скользит вперед и не может остановиться. В панике он замахал руками, стараясь ухватиться за что-нибудь. Под ногами у него был только скользкий лед. Скольжение ускорялось до тех пор, пока у него не закружилась голова, и он начал падать в бездну. И в то же мгновение радость падения стала такой невыносимой, что перешла в острейшую, на пределе выдержки, боль.

«Мона Лиза» стала расплываться. Искажались стены, плавясь, как лед, рушился Лувр, и каждый падающий камень обращался в раскаленную докрасна магму. Соприкасаясь с их телами, магма давала ощущение родниковой прохлады. Они обрушились вместе с Лувром, минуя кипящую Европу, к центру Земли, и как только достигли его, мир взорвался ливнем изумительных косми-

ческих фейерверков. Затем искры погасли, и во мгновение ока космос сделался кристально чист. Звезды сплетали хрустальные лучи в гигантское серебряное покрывало, и планеты трепетали, издавая чудесную музыку. Звезд становилось все больше и больше, а потом Вселенная сжалась, и все исчезло, остался лишь животворный свет любви.

* * *

— Необходимо немедленно приступить к наблюдениям за Трисолярисом! — заявил генерал Фицрой доктору Ринье. Они находились в зале управления космическим телескопом «Хаббл II», через неделю после окончания его сборки в космосе.

— Генерал, я боюсь, это невозможно.

— Сдается мне, что вы, господа астрономы, развели тут частную лавочку, занимаетесь своими собственными делами, а не тем, чем надо!

— Я бы с удовольствием проводил свои собственные наблюдения, если бы только это было возможно. Но мы продолжаем тестировать «Хаббл II».

— Вы работаете на военных. Все, что вам нужно делать, — это выполнять приказы!

— Здесь нет военных, кроме вас. Мы следуем плану испытаний, подготовленному в НАСА.

Генерал смягчил тон:

— Доктор, а нельзя использовать Трисолярис в качестве объекта пробных наблюдений?

— Объекты для пробных наблюдений были тщательно отобраны по расстоянию и по классу светимости. План испытаний был разработан с целью максимальной экономии, чтобы все этапы испытаний можно было осуществить за один поворот телескопа. Чтобы сейчас навести его на Трисолярис, нам потребовалось бы повернуть телескоп на тридцать градусов туда и на тридцать обратно. Поворот этой махины расходует топливо. Мы сберегаем деньги армии, генерал!

— Давайте тогда посмотрим, как вы их сберегаете. Я только что нашел вот это на вашем компьютере.

Фицрой предъявил астроному фотографию, которую до сих пор прятал за спиной. Это был вид сверху на группу людей, в возбуждении задравших головы, — тех же самых людей, которые сейчас присутствовали в зале управления, с Ринье в центре. Кроме них на снимке были три какие-то бабенки в завлекающих позах (по-видимому, подружки астрономов). Вечеринка

проходила на крыше корпуса, в котором находился зал управления. Фотография была чистой и резкой, как будто ее снимали с десяти или двадцати метров над крышей. От обычных фотографий ее отличали сложные числа, наложенные поверх изображения.

— Доктор, вы стоите на самой высокой точке здания. У здания нет крана, как в киносъемочном павильоне, не так ли? Вы утверждаете, что поворот «Хаббла II» на тридцать градусов стоит денег. Хорошо, так сколько же тогда стоит повернуть его на триста шестьдесят градусов? И еще: все эти миллионы долларов были потрачены не для того, чтобы вы с приятелями фотографировались из космоса. Следует ли мне списать эту сумму с вашего банковского счета?

— Генерал, разумеется, ваш приказ будет выполнен, — поспешно ответил Ринье, и инженеры приступили к работе.

Из базы данных извлекли координаты цели. Далеко в космосе громадный цилиндр, более двадцати метров в диаметре и более ста метров в длину, начал медленно поворачиваться. Картина звездного неба побежала по экрану в зале управления.

— Это то, что видит телескоп? — Фицрой указал

на экран.

— Нет, это всего лишь картинка с системы позиционирования. Телескоп передает отдельные кадры, которые нужно обработать, прежде чем их можно будет посмотреть.

Через пять минут звезды замерли на экране. Система управления доложила, что телескоп стабилизировался. Еще через пять минут Ринье объявил:

— Готово. Теперь возвращайтесь к ориентации по плану испытаний.

Фицрой удивился:

— Что? Уже сделано?

— Да. Идет обработка снимков.

— Не можете ли вы снять еще парочку?

— Генерал, мы уже получили двести десять снимков при различном увеличении.

В это время закончилась обработка первого кадра, и Ринье указал на экран:

— Смотрите, генерал. Вот вражеский мир, который вы так жаждали увидеть.

Фицрой ничего не увидел, кроме группы из трех пятен на темном фоне. Пятна были размытыми, как уличные фонари в тумане. Это были три звезды, которые решат судьбу двух цивилизаций.

— То есть мы и в самом деле не можем увидеть

планету... — Фицрой не мог скрыть разочарования.

— Разумеется, не можем. Даже когда будет построен двухсотметровый «Хаббл III», мы сможем наблюдать Трисолярис лишь при нескольких конфигурациях системы, и мы увидим его как точку, без каких-либо подробностей.

— Но, доктор, здесь есть что-то еще. Что это, по-вашему? — спросил один из ученых, указывая на место вблизи трех туманных пятен.

Фицрой наклонился поближе, но ничего не увидел. Только эксперт мог заметить это туманное пятнышко.

— У объекта диаметр больше, чем у звезды, — сообщил астроном.

Участок фотографии увеличили; теперь он занимал весь экран.

— Это щетка! — в тревоге вскричал генерал.

Дилетанты всегда придумывают названия лучше, чем профессионалы; именно поэтому эксперт, подбирая название, старается смотреть на вещи глазами постороннего. Вот так и получилось, что слово «щетка» стало нарицательным именем объекта. Генерал не ошибся, это была космическая щетка. А если точнее, то множество щетинок без ручки. Можно было также предста-

вить ее себе как вздыбленные волосы.

— Это определенно царапина в покрытии! Я упоминал в технико-экономическом обосновании, что с составным зеркалом могут возникнуть сложности, — покачал головой Ринье.

— Все покрытия прошли строгие испытания. Такой царапины быть не может. И никакой другой дефект объектива не способен привести к подобному эффекту. Мы уже обработали десятки тысяч пробных снимков, там нигде ничего такого нет, — заявил специалист с фирмы Zeiss, изготовившей зеркало.

Шум в зале управления стих. Все столпились вокруг терминала и таращились на экран. Когда стало тесно, это же изображение вывели на другие терминалы. Фицрой почувствовал перемену в настроении. Люди, уставшие от длительного тестирования и обленившиеся, подобрались и насторожились. У них, как у зачарованных, двигались лишь глаза, разгоравшиеся ярче и ярче.

— О боже! — послышалось несколько одновременных восклицаний.

Замершая толпа мгновенно взорвалась бурей активности. Фицрой слышал обрывки фраз, но для него они были чересчур техническими.

— Есть там пыль рядом с положением цели?

Проверьте...

— Не надо. Я уже проверил. По наблюдениям поглощения фонового излучения звезд пик поглощения приходится на двести нанометров. Возможно, микрочастицы углерода, плотность облака по классу F.

— Есть мнения по эффекту от столкновения на высокой скорости?

— Волна ослабевает вдоль вектора, но характеристики рассеивания... У нас найдется такая модель?

— Да. Секундочку. Вот. Скорость столкновения?

— В сто раз превышает третью космическую.

— Уже настолько большая?

— Это по консервативной оценке... Для сечения области столкновения примени-ка... да, верно. Как раз так. Просто грубо прикинь.

Пока эксперты были заняты, Ринье подошел к Фицрою.

— Генерал, не можете ли вы как можно точнее пересчитать волоски в этой щетке?

Генерал кивнул, склонился над терминалом и принялся считать.

Компьютеру требовалось четыре или пять минут для каждого расчета; но люди часто оши-

бались, поэтому результаты появились только через полчаса.

— Волна в пыли образовала сферический фронт с диаметром до двухсот сорока тысяч километров, или вдвое больше Юпитера, — доложил астроном, работающий с математической моделью.

— Логично, — согласился Ринье. Он воздел руки кверху и посмотрел в потолок, как бы глядя в небеса. — Вот и подтверждение. — Его голос дрожал. Затем как бы для себя он повторил: — Подтвердилось, значит. Ну, вот оно... все ясно...

В зале управления снова установилась тишина — на этот раз тяжелая, давящая. Фицрой хотел задать вопрос, но при виде торжественно склоненных голов не смог раскрыть рта. Затем он услышал слабые всхлипы и увидел молодого человека, старающегося сдержать слезы.

— Прекратите, Харрис. Вы здесь не единственный скептик. Всем тяжело, — пристыдил его кто-то.

Молодой человек, Харрис, поднял заплаканное лицо:

— Я знаю, что скептицизм — это лишь способ самоуспокоения. Но я хотел прожить свою жизнь тихо и мирно! Боже, даже в этом мне не повезло!

Вновь настала тишина.

Наконец Ринье вспомнил о Фицрое.

— Генерал, позвольте мне объяснить. Три звезды окружены облаком межзвездной пыли. Недавно множество тел, движущихся с высокой скоростью, пронзили это облако. В пыли возникли ударные волны. Эти волны продолжали расти и расширяться; сейчас они вдвое больше Юпитера. Граница фронта волны почти не выделяется на фоне пыли, поэтому вблизи волны не видны. Их можно распознать только отсюда, с расстояния в четыре световых года.

— Я пересчитал щетинки. Их около тысячи, — сказал генерал Фицрой.

— Разумеется. Эта цифра подтверждает доклады разведки. Генерал, мы наблюдаем флот Трисоляриса.

* * *

Открытие, сделанное «Хабблом II», стало несомненным подтверждением реальности трисолярианского вторжения и разрушило последние надежды человечества. Поднялась новая волна безнадежности, паники и замешательства. Жизнь человеческой расы перешла в новую фазу; наступили трудные времена. Колесо истории наскочило на случайный камень и повернуло в

новом направлении.

Быстрый ход времени — это единственное, что остается неизменным в мире, охваченном громадными переменами. Пять лет пролетели незаметно.

Часть II. Заклинание

Восьмой год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,20 светового года

Фредерик Тайлер в последнее время стал нервным. Несмотря на осложнения, идея роя москитов в конце концов получила одобрение СОП. Началась разработка космического истребителя, но дело шло медленно из-за недоступности высоких технологий. Человечество продолжало улучшать свои топоры и дубины каменного века, совершенствуя химические ракеты. Вспомогательный проект Тайлера — исследования Европы, Цереры и различных комет — был настолько необычен, что некоторые подозревали его в ведении этих работ исключительно для того, чтобы добавить загадочности основному, весьма прямолинейному плану. Но поскольку эти исследования можно было вписать в основную оборонную программу, ему их разрешили.

Так что Тайлеру оставалось лишь ждать. Он вернулся домой и впервые за пять лет работы Отвернувшимся зажил жизнью обычного че-

ловека.

Все Отвернувшиеся находились в центре внимания общества. Хотелось им того или нет, но люди смотрели на них как на спасителей. Возник культ Отвернувшихся. Сколько бы объяснений и опровержений ни издавали ООН и СОП, легенды об их сверхъестественных способностях не только не думали умирать, но даже становились еще более изощренными. В фантастических фильмах их изображали сверхлюдьми, и в глазах многих они были единственной надеждой человечества. Это давало Отвернувшимся огромный политический капитал и безусловную поддержку народных масс, что будет отнюдь не лишним, когда Отвернувшиеся возьмут под свой контроль значительные ресурсы.

Ло Цзи был исключением. Он оставался в уединении, никогда не показываясь на людях. Никто не знал, где он и чем занимается.

* * *

Однажды к Тайлеру пришел посетитель. Дом Тайлера, как и дома других Отвернувшихся, находился под усиленной охраной, и все посетители должны были проходить тщательную проверку. Но увидев этого человека в своей гостиной, Тай-

лер понял, что тот без труда прошел бы сквозь любые заслоны. С первого же взгляда становилось ясно, что этот и мухи не обидит. Несмотря на жару, на чужаке был мятый костюм, такой же мятый галстук и — что раздражало больше всего — шляпа-котелок, каких давно уже никто не носил. Очевидно, он хотел придать своему виду возможно б`ольшую формальность, только не знал как — похоже, ему еще никогда не доводилось наносить официальные визиты. Бледный и тощий, гость производил впечатление вконец изголодавшегося человека. Он носил очки в тяжелой оправе; его тонкая шея с трудом выдерживала вес головы, а мешковатый костюм болтался как на вешалке. Будучи политиком, Тайлер сразу понял, что посетитель относится к одному из тех неприятных кругов общества, которые бедны не столько материально, сколько духовно — совсем как гоголевские мелкие чиновники, которые, невзирая на свой низкий социальный статус, не перестают заботиться о поддержании этого самого статуса и проводят жизнь за рутинной, утомительной работой, исполняя ее строго и аккуратно. Что бы они ни делали, они больше всего боятся ошибиться; кого бы они ни встретили, они боятся не угодить; и они никогда не осме-

ливаются даже бросить взгляд на тех, кто выше по положению. Ничтожные, отвратительные людишки. Тайлеру было неприятно осознавать, что в мире, который он пытался спасти, таких людей большинство.

Посетитель робко прошел в гостиную, но двинуться дальше не решался — казалось, он боится наследить на ковре. Он снял шляпу и, глядя на хозяина дома сквозь толстые линзы очков, принялся отвешивать бесконечные поклоны. Тайлер решил выставить гостя вон после первой же произнесенной тем фразы. Как бы ни были слова посетителя важны для него самого, для Тайлера они не могли иметь никакого значения.

И вот жалкий человечек слабым голосом произнес свою первую фразу. Она поразила Тайлера, как разряд молнии; он зашатался и едва удержался на ногах. Каждое слово было словно удар грома:

— Отвернувшийся Фредерик Тайлер, я ваш Разрушитель.

* * *

— Кто бы мог подумать, что однажды мы будем стоять перед вот такой картой поля боя! — воскликнул Чан Вэйсы, глядя на огромный, с

киноэкран, монитор, демонстрирующий карту Солнечной системы в масштабе один к триллиону.

Карта, почти вся черная, за исключением маленького пятнышка в центре — Солнца, — доходила до середины пояса Койпера. Когда ее показывали целиком, она изображала Солнечную систему с расстояния 50 астрономических единиц над плоскостью эклиптики. На карте были точно обозначены орбиты планет и их спутников, а также положение известных астероидов; она могла отобразить любой участок Солнечной системы в любой момент ближайшего тысячелетия. Сейчас, когда метки координат небесных тел были отключены, карта позволяла увидеть Юпитер — если как следует присмотреться. Планета выглядела лишь невзрачной крохотной точкой, но в таком масштабе другие семь планет были и вовсе не видны.

— Да, перемены налицо, — согласился Чжан Бэйхай.

Только что закончилось совещание по оценке первой космической карты; в просторном штабном помещении оставались лишь он и генерал.

— Командующий, мне любопытно, обратили ли вы внимание на взгляды наших товарищей,

когда они увидели эту карту? — спросил Чжан Бэйхай.

— Конечно, обратил. Дело понятное. Они воображали себе космическую карту такой, какой ее подают в научно-популярной литературе: несколько разноцветных бильярдных шаров, вращающихся вокруг огненной сферы. И только увидев карту в истинном масштабе, они осознали гигантские размеры Солнечной системы[25]. Из авиации они к нам пришли или из флота — их самолеты и корабли неспособны пересечь даже один пиксел этого огромного экрана.

— Похоже, картина будущего поля боя не пробудила в наших офицерах ни уверенности в своих силах, ни жажды битвы.

— И мы возвращаемся к проблеме пораженчества.

— Командующий, я не хотел бы сейчас разговаривать о пораженчестве. Это серьезный вопрос и больше подходит для официального заседания. То, что я хотел бы обсудить, это... — Чжан Бэйхай замялся и улыбнулся. С ним редко случалось, что-

---

[25] Примечания: 25

Для тех, кто интересуется, вот замечательная страничка: http://joshworth.com/dev/pixelspace/pixelspace_solarsystem.html. На ней точно передаются пропорции и расстояния. Если просматривать в режиме истинного времени, то скучища смертная — Солнечная система состоит в основном из пустоты. (*Прим. перев.*)

бы он не мог с ходу подобрать правильное слово.

Чан Вэйсы отвернулся от карты и улыбнулся в ответ:

— Похоже, ты хочешь сказать что-то очень необычное.

— Да. Во всяком случае, прецедентов этому еще не случалось. У меня есть предложение.

— Выкладывай.

— Да, командующий. За последние пять лет было сделано слишком мало и в деле защиты планеты, и в разработке космических кораблей. Технологические предпосылки этих двух программ — управляемая термоядерная реакция и орбитальный лифт — топчутся в самом начале пути, без каких-либо надежд на продвижение вперед. Работы по производству более мощных химических ракет столкнулись с трудностями. Если дело пойдет так и дальше, то я опасаюсь, что космический флот — даже на уровне низких технологий — навсегда останется научной фантастикой.

— Ты, товарищ Бэйхай, сам выбрал уровень высоких технологий. Тебе положено знать, по каким законам развиваются научные исследования.

— Разумеется, я знаю. Исследования — процесс скачкообразный: качественные перемены

происходят только после долгого накопления количественных. Прорывы в теории и технологии обычно происходят одновременно и помногу... Но, командующий, многие ли понимают эту проблему так, как я? Очень вероятно, что через десять, двадцать, пятьдесят лет или даже через столетие мы по-прежнему не достигнем существенного прорыва в науке или технологии. Насколько к тому времени разовьется пораженческое мышление? Какое состояние духа, какое состояние психики воцарится среди персонала космических войск? Хотя, возможно, я заглядываю чересчур далеко?..

— Бэйхай, больше всего меня в тебе восхищает то, что ты всегда в своей работе задумываешься о перспективе. Это редкое качество среди политработников в наших войсках. Давай, продолжай.

— Я, конечно, могу судить только в масштабах своей собственной работы. С какими трудностями и под каким давлением придется работать нашим товарищам, политработникам космических сил будущего, если мои предположения окажутся верны?

— Куда более страшен вопрос, сколько идеологически стойких политработников останется в войсках? — добавил Чан Вэйсы. — Чтобы бороться

с пораженчеством, прежде всего нам самим нужно верить в победу. Но в твоем гипотетическом будущем сохранить эту веру намного труднее.

— Именно об этом я и беспокоюсь, командующий. Когда наступят такие времена, политическая работа в космических силах просто недотянет до нужного уровня.

— Что же ты советуешь?

— Послать подкрепление!

Чан Вэйсы несколько секунд смотрел на Чжан Бэйхая, а затем повернулся обратно к большому экрану с картой. Двигая мышкой, он увеличивал масштаб до тех пор, пока свет Солнца с экрана не заиграл на его погонах.

— Командующий, я имел в виду...

Генерал остановил его движением руки.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Чан Вэйсы стал уменьшать масштаб, пока на экране не появилась вся карта. В зале совещаний потемнело. Затем генерал снова приблизил Солнце... удалил... приблизил, удалил... Наконец он сказал:

— Уже сегодня политическая работа в космических силах чрезвычайно сложна. Осознаешь ли ты, что она станет еще труднее, если мы погрузим наших лучших политических офицеров в

гибернацию и отправим в будущее?

— Осознаю, командующий. Я просто вношу предложение. Всестороннее рассмотрение этого предложения будет, разумеется, прерогативой руководства.

Чан Вэйсы встал и включил в помещении полный свет.

— Нет, товарищ Бэйхай, теперь это задача для тебя. Бросай всю остальную работу. Завтра же начнешь с политотдела космических сил, затем поработаешь над другими родами войск. Как можно скорее подготовь черновик доклада Центральной военной комиссии.

* * *

Тайлер приехал, когда солнце уже начало скрываться за горами. Выйдя из автомобиля, он узрел райскую картину: мягчайший солнечный свет, заливающий горные вершины, озеро, лес и Ло Цзи с семьей, наслаждающихся этим неземным вечером на поросшем травой берегу. Сначала он заметил мать — совсем юную, так что ее можно было принять за старшую сестру годовалого ребенка. Дитя было трудно разглядеть на расстоянии, но когда Тайлер приблизился, он был поражен. Если бы он не видел малышку

собственными глазами, то не поверил бы, что такие прелестные крохи вообще бывают на свете. Стволовая клетка красоты, зародыш всего самого прекрасного, что есть в этом мире...

Мать и дочь что-то рисовали на большом листе белой бумаги; Ло Цзи стоял рядом и с интересом наблюдал. Приблизившись, Тайлер увидел бесконечное блаженство в его глазах, счастье, которое, похоже, заполняло в этом саду Эдема все пространство, от гор до озера.

Тайлеру, который только что прибыл из мрачного мира, сцена, развернувшаяся перед его глазами, показалась картинкой из сказки. Он был женат дважды, но сейчас ходил в холостяках. Семейное счастье его интересовало мало — в отличие от погони за мирской славой. Сейчас же он впервые в жизни почувствовал, что прожил жизнь впустую.

Ло Цзи, поглощенный наблюдением за женой и дочкой, заметил Тайлера, только когда тот оказался совсем близко. Из-за психологического барьера, созданного их положением, Отвернувшиеся до сих пор не поддерживали личных контактов. Но поскольку Тайлер предупредил о своем прибытии по телефону, Ло Цзи не удивился и встретил гостя с вежливой теплотой.

— Мадам, прошу извинить за вторжение, — сказал Тайлер, слегка поклонившись Чжуан Янь, подошедшей вместе с дочерью.

— Добро пожаловать, мистер Тайлер. У нас редко бывают гости; нам приятно, что вы смогли нас навестить. — Она говорила по-английски не вполне свободно, но ее голос все еще звучал по-детски мягко, а улыбка сохраняла свою весеннюю свежесть. Тайлеру показалось, что его усталую душу приласкала рука ангела. — Это наша дочь, Сяся.

Ему хотелось обнять ребенка, но он побоялся утратить контроль над своими чувствами и просто сказал:

— Сюда стоило приехать лишь для того, чтобы посмотреть на двух ангельских созданий.

— Не будем вам мешать. Пойду приготовлю ужин, — сказала Чжуан Янь, улыбаясь.

— Не надо, в этом нет необходимости. Я только хочу поговорить с доктором Ло. Это не отнимет много времени.

Чжуан Янь мягко настояла, чтобы он остался к ужину, а потом ушла, уведя с собой дочку.

Ло Цзи жестом пригласил Тайлера присесть на белый стул, стоявший тут же, на траве. Как только гость сел, все его тело бессильно обмякло.

Долгая дорога закончилась, путник наконец добрался до цели путешествия.

— Доктор, похоже, в последние два года вы совсем отрешились от мира, — сказал Тайлер.

— Да, — согласился Ло Цзи, оставшийся стоять на ногах. Он повел рукой: — У меня все здесь.

— Вы истинно мудрый человек. И как минимум в одном вы более ответственны, чем я.

— Что вы имеете в виду? — спросил Ло Цзи, непонимающе улыбаясь.

— Вы, по крайней мере, не растратили ресурсы понапрасну... Она тоже не смотрит телевизор? Я имею в виду вашего ангела.

— Она? Не знаю. Она в последнее время постоянно с Сяся, так что не думаю, что у нее остается на это время.

— Тогда вы и вправду не знаете, что случилось за последние дни?

— А что случилось? Вы плохо выглядите. Устали? Выпить хотите? Чего вам налить?

— Чего-нибудь, — ответил Тайлер, прищуриваясь на последние золотистые лучи солнца, отражающиеся в озере. — Четыре дня назад ко мне пришел мой Разрушитель.

Ло Цзи прекратил разливать вино и, чуть помедлив, спросил:

— Так скоро?

Тайлер тяжело кивнул:

— Я сказал ему то же самое.

* * *

— Так скоро? — сказал Тайлер Разрушителю. Он старался говорить спокойно, но его голос дрожал.

— Я с удовольствием пришел бы раньше, но мне хотелось собрать побольше доказательств, вот я и задержался, за что прошу простить, — сказал Разрушитель. Он стоял позади Тайлера и говорил медленно, со смирением прислуги. Его последнее заявление прозвучало педантично и взвешенно: так бывает учтив палач со своей жертвой.

В комнате установилось гнетущее молчание. Наконец Тайлер собрался с духом и посмотрел на Разрушителя. Тот вежливо осведомился:

— Сэр, можно продолжать?

Тайлер кивнул, но отвел взгляд. Затем уселся на диван и постарался успокоиться.

— Благодарю вас, сэр. — Разрушитель опять поклонился, продолжая держать шляпу в руке. — Сначала я вкратце изложу тот план, который вы объявили всему миру. Группа, состоящая из небольших космических истребителей, воору-

женных супербомбами в сто мегатонн, поможет флоту Земли, осуществив самоубийственную атаку на флот Трисоляриса. Возможно, я чересчур упрощаю, но суть верна, не так ли?

— Не вижу смысла обсуждать это с вами, — отрезал Тайлер. Он подумывал, а не прекратить ли ему этот разговор? Когда Разрушитель назвал себя, интуиция Тайлера — политика и стратега — подсказала ему, что собеседник уже победил. Ему повезет, если противник вообще не выжмет из его мозга все секреты до последней капли.

— Если так, сэр, то я не стану продолжать, и вы можете меня арестовать. Но вам определенно стоит знать, что независимо от того, что произойдет, ваша подлинная стратегия и все факты, доказывающие правоту моих предположений, завтра или, может быть, даже сегодня вечером окажутся во всех программах новостей мира. Я стою перед вами, рискуя остатком своей жизни, и надеюсь, что вы оцените мое самопожертвование.

— Продолжайте, — махнул рукой Тайлер.

— Благодарю вас, сэр. Это воистину огромная честь, и я не отниму у вас много времени. — Разрушитель снова поклонился. Смиренная почтительность, столь редко встречающаяся в наши дни, была, очевидно, у него в крови, и он

проявлял ее постоянно. Тайлеру она казалась удавкой, затягивающейся на его шее. — Итак, сэр, правильно ли я сейчас изложил вашу стратегию?

— Правильно.

— Нет, не правильно, — возразил Разрушитель. — Сэр, извините, что я так говорю, но мое изложение неверно.

— Почему?

— Учитывая технологические возможности человечества, самым разрушительным оружием, которое, вероятно, будет нам доступно в будущем, являются термоядерные сверхбомбы. Во время сражения в космосе эти бомбы необходимо взорвать непосредственно возле вражеского корабля, иначе они неэффективны. Космические истребители весьма юркие, и их много. Такой рой определенно будет наилучшей тактикой для самоубийственной атаки. Ваш план хорошо продуман. Все ваши действия, включая поездки в Японию, Китай и даже в горы Афганистана в поисках пилотов-камикадзе, жаждущих самопожертвования, и ваше желание передать флот под ваше прямое управление, когда эти поиски закончились ничем, — все это было вполне разумно.

— Что же в этом не так? — спросил Тайлер,

привстав с дивана.

— Все так. Но это лишь стратегия, которую вы представили публике. — Разрушитель наклонился к Тайлеру поближе и продолжал шепотом: — Ваша подлинная стратегия немного иная. Вы надолго поставили меня в тупик. Я мучился, не понимая, и почти готов был признать поражение.

Тайлер вдруг осознал, что изо всех сил сжимает подлокотник дивана. Он попытался расслабиться.

— Но затем вы дали мне ключ к разгадке. Этот ключ так хорошо подходил, что я не сразу поверил своей удаче. Вы знаете, о чем я говорю — о ваших исследованиях некоторых объектов Солнечной системы: Европы, Цереры и комет. Что у них общего? Вода. Они все обладают большими запасами воды! На одних только Европе и Церере больше воды, чем во всех океанах Земли... Страдающие бешенством боятся воды, их трясет от одного лишь упоминания о ней. Я полагаю, вы сейчас чувствуете себя так же.

Разрушитель подобрался ближе к Тайлеру и заговорил прямо ему в ухо. В его дыхании совсем не было тепла; оно походило на призрачный ветер и несло с собой запах могилы.

— Вода, — шептал он словно во сне. — Вода...

Тайлер хранил молчание. Его лицо было недвижимо, как у каменной статуи.

— Продолжать? — спросил, распрямляясь, Разрушитель.

— Нет, — едва слышно ответил Тайлер.

— Но я все равно продолжу. — В голосе Разрушителя прозвучали нотки злорадства. — Я оставлю всю информацию для историков, даже если истории осталось существовать всего ничего. И также объясню все Господу, разумеется. Мало кто обладает таким острым умом, способным распознать целое по маленькой детали, как мы с вами. Господь наш, скорее всего, не сможет понять даже подробного объяснения. — Он поднял руку, как бы приветствуя слушателей на Трисолярисе, и рассмеялся. — Прошу меня извинить.

Мышцы Тайлера расслабились, а вслед за ними, как ему показалось, размягчились и кости. Он бессильно обмяк на диване. С ним было все кончено; он совсем пал духом.

— Итак, продолжим. Отвлечемся от воды и поговорим о рое москитов. Его первой целью будут не инопланетяне с Трисоляриса, а земной флот. Эта гипотеза немного слаба и подтверждается лишь малозначительными фактами, но я наста-

иваю на ее верности. Вы объехали вокруг света в поисках камикадзе — безуспешно. Вы этого ожидали; но неудача имела два весьма полезных для вас следствия. Первое: человечество потеряло надежду; этого вы добились полностью. А о втором мы поговорим через минуту.

Топор палача полетел вниз.

— Завершив свои путешествия, вы окончательно разуверились в человечестве. Вы также убедились, что космические силы Земли не имеют шансов победить Трисолярис в обычной битве. Поэтому вы придумали более жестокую стратегию. С моей точки зрения, она дает лишь слабую надежду при огромном риске. Тем не менее принципы проекта «Отвернувшиеся» утверждают, что в этой войне риск — самый надежный вариант.

Разумеется, это было только начало. Вы решили предать человеческую расу. Действия по реализации вашего плана заняли бы долгое время, но оно у вас было. В последующие месяцы и годы вы планировали подстроить события, которые укрепили бы ту стену, которую вы возвели между собой и человечеством. Ваше отчаяние и горечь постепенно росли бы; вы все больше и больше отдалялись бы от человеческого мира. Собствен-

но, вы сделали первый шаг по этому пути, когда недавно запросили пощады для ОЗТ на заседании СОП. Это, однако, было сделано не только для вида. Вы и на самом деле хотели, чтобы ОЗТ сохранилось. Вы хотели, чтобы члены ОЗТ стали пилотами ваших истребителей в битве Судного дня. Это был вопрос времени и терпения, но вы бы преуспели, потому что ОЗТ также нуждается в вас. Ему нужны ваша помощь и ваши ресурсы. Было бы несложно передать москитный флот в руки ОЗТ; главное — хранить это в тайне от остального мира. И даже если бы это однажды раскрылось, вы бы сказали, что это часть плана.

Тайлер, похоже, не слушал Разрушителя. Он сидел на диване с полузакрытыми глазами, вид у него был усталый, как будто он уже сдался и напряжение битвы начало спадать.

— Хорошо. Теперь поговорим о воде. По вашей задумке во время битвы Судного дня москитный рой под управлением ОЗТ внезапно нападет на земные корабли, а потом сбежит к флоту Господа. Поскольку члены ОЗТ показали себя противниками Земли, Трисолярис, возможно, позволит им присоединиться к себе. Но Господь не станет торопиться привечать перебежчиков. Чтобы добиться его благосклонности, понадобится весо-

мый и очень полезный подарок. Что в Солнечной системе может иметь наивысшую ценность для Господа? Вода. Флот находится в пути четыреста лет; они уже использовали б`ольшую часть воды на кораблях. При приближении к Солнечной системе им потребуется вода для регидрации дегидрированных членов экипажа. Свежая вода для оживающих тел будет намного лучше, чем затхлая, многократно прошедшая через очистные системы корабля. Москитный флот предложит Господу айсберг из воды, добытой на Европе, Церере и кометах. Я не уверен в цифрах — полагаю, вы их и сами еще не знаете, но, скажем, это будут десятки тысяч тонн.

Москитная группа, буксирующая этот гигантский кусок льда, скорее всего, подойдет вплотную к флоту Господа для вручения подарка. И тут вы задействовали бы второй результат вашей неудачи в поиске камикадзе — тот самый, что логически объяснял ваше требование внешнего управления всем москитным флотом. Когда истребители подойдут вплотную к кораблям Господа, вы перехватите управление, переведете истребители в автоматический режим и прикажете им атаковать цели. Сверхбомбы будут взорваны возле вражеских кораблей и уничто-

жат весь флот Трисоляриса.

Разрушитель распрямился и, оставив Тайлера на диване, подошел к французским окнам, выходящим в сад. Адский ветер, дующий в ухо Тайлера, прекратился, но к этому времени все его тело уже тряс озноб.

— Исключительный план. Это правда. Но некоторые ошибки просто необъяснимы. Почему вы так активно выступали за исследование планетоидов, на которых есть вода? Сегодня нет технологий для добычи и транспортировки такого объема воды, и их разработка может занять годы, если не десятилетия. Даже если вы думали, что должны начать немедленно, почему бы не включить в план несколько небесных тел, на которых нет воды — например, спутники Марса? Если бы вы так поступили, я все равно рано или поздно раскрыл бы ваши намерения, но это было бы намного сложнее. Как мог такой великий стратег, как вы, забыть о подобных хитростях? С другой стороны, я понимаю, как давят на вас обстоятельства.

Разрушитель участливо положил руку на плечо Тайлера. Отвернувшийся уловил проблеск заботливости наподобие той, какую ощущает палач к своей жертве. Тайлер даже сам был немножко

тронут.

— Не терзайте себя. Вы хорошо потрудились. Я надеюсь, что история вас не забудет. — Разрушитель убрал руку. К нему, казалось, возвращались силы; на его лице, недавно болезненном и бледном, появился румянец. Он распростер руки. — Что ж, мистер Тайлер, я закончил. Зовите своих людей.

Тайлер, все еще с закрытыми глазами, почти неслышно проговорил:

— Вы свободны.

Когда Разрушитель уже открывал дверь, Тайлер прохрипел последний вопрос:

— Ну, допустим, все, что вы сказали, правда. И что с того?

Разрушитель повернулся к нему.

— Да ничего, мистер Тайлер. Поломал я ваши планы или нет, Господу это безразлично.

* * *

Выслушав рассказ Тайлера, Ло Цзи надолго потерял дар речи.

Когда обычный человек обращался к Отвернувшемуся, он всегда думал: «Это Отвернувшийся, его словам нельзя верить» — и эти мысли выстраивали преграды на пути общения. Но когда

разговаривали двое Отвернувшихся, подобные предположения, возникавшие в умах обоих, умножали эти преграды многократно. Любые высказывания, любая беседа становились бессмысленными. Вот почему Отвернувшиеся не общались друг с другом.

— И как вы оцениваете анализ Разрушителя? — спросил Ло Цзи, чтобы прервать молчание. Он понимал, что спрашивать не имело смысла.

— Его догадки верны, — ответил Тайлер.

Ло Цзи хотел что-нибудь сказать, но что? Что можно было сказать? Они оба были Отвернувшимися...

— Такова была моя подлинная стратегия, — продолжал Тайлер. Он, по-видимому, жаждал выговориться, и его не интересовало, верит ли ему его слушатель. — Конечно, все пока остается на стадии предварительной подготовки. Технология сама по себе довольно сложна, хоть я и ожидал, что за столетия решения найдутся. Но, судя по отношению противника к моему плану, это не имело бы значения. Ему на него плевать — и это верх презрения.

— А потом? — Ло Цзи чувствовал себя механизмом, ведущим бессмысленный диалог.

— На следующий день после прихода Разру-

шителя полный анализ моей стратегии был опубликован в Интернете — все до мельчайших деталей. Б`ольшую часть сведений предоставили софоны. Поднялась шумиха. Позавчера СОП созвал слушания по этому вопросу и принял вот такую резолюцию: «Планы Отвернувшегося не должны содержать угрозы человеческой жизни». Если мой план на самом деле существует, его исполнение должно быть сочтено преступлением против человечества. Его разработку следует прекратить, а автора наказать по закону. «Преступление против человечества»! Как они ловко ввернули его сюда! Сейчас этим термином швыряются направо и налево. Но что самое интересное, в конце резолюции говорится: «В соответствии с принципами проекта «Отвернувшиеся» факты, доступные внешнему миру, могут быть частью обманного плана Отвернувшегося, и их нельзя использовать для доказательства того, что Отвернувшийся на самом деле разработал и выполняет данный план». Поэтому меня не отдадут под суд.

— Так я и думал, — прокомментировал Ло Цзи.

— Но на слушаниях я заявил, что анализ Разрушителя был верен и что моя стратегия и в самом деле заключалась в применении москитного

роя. Я потребовал, чтобы меня судили согласно национальному и международному закону.

— Представляю себе их реакцию.

— Действующий председатель СОП и все постоянные члены посмотрели на меня с той самой *улыбкой Отвернувшегося*, и председатель объявил заседание закрытым. Мерзавцы!

— Знаю по себе, что вы чувствуете.

— Я полностью потерял самообладание. Выбежал из зала на площадь и стал кричать: «Я Отвернувшийся Фредерик Тайлер! Мой Разрушитель разгадал мою стратегию! Он был прав! Я собираюсь напасть своим роем москитов на земной флот! Я враг человечества! Я дьявол! Накажите меня, убейте меня!..»

— Что за бессмысленный поступок, мистер Тайлер!

— Больше всего я ненавижу выражение, с которым на меня смотрят люди. На площади меня окружила толпа; дети взирали на меня с восторгом, люди среднего возраста — с уважением, пожилые — с тревогой. И все глаза кричали: «Смотри, это Отвернувшийся! Он работает, но он один во всем мире знает, над чем именно. Гляди, как хорошо у него получается! Он так здорово прикидывается! Как сможет враг узнать, какую

стратегию он избрал на самом деле? Его великая, величайшая, замечательнейшая стратегия, известная лишь ему одному, спасет мир...» Какая же это чушь! Какие же они идиоты!

Ло Цзи наконец решил промолчать и просто улыбнулся Тайлеру.

Собеседник смотрел на него не отрываясь; на его бледном лице появилась слабая усмешка, которая мало-помалу переросла в истерический хохот.

— Ха! Вы улыбаетесь улыбкой Отвернувшегося! Один Отвернувшийся улыбается другому! Вы думаете, что я работаю. Вы думаете, что я играю роль; вы думаете, что я спасу мир! — Он снова загоготал. — И угораздило же нас так влипнуть!

— Нам никогда не выбраться из этого заколдованного круга, мистер Тайлер, — ответил Ло Цзи и тихо вздохнул.

Смех Тайлера резко оборвался.

— Никогда не выбраться? Нет, доктор Ло, выход есть. Выход и в самом деле есть, и я приехал, чтобы показать вам его.

— Вам надо отдохнуть. Останьтесь на пару дней, — предложил Ло Цзи.

Тайлер медленно кивнул:

— Да, мне нужен отдых. Только мы, Отвернув-

шиеся, понимаем боль друг друга. Поэтому я и приехал. — Он посмотрел вверх. Солнце уже давно зашло, и сумерки затопили Сад Эдема. — Здесь просто рай. Можно мне пройтись вдоль берега? Хочу побыть один.

— Делайте, что пожелаете. Не расстраивайтесь. А потом я позову вас к ужину.

Тайлер пошел к озеру, оставив Ло Цзи сидеть и думать о грустном.

Пять лет он плескался в океане счастья. Рождение Сяся заставило его полностью забыть об окружающем мире. Любовь жены и дочери опьяняли его душу. В этом добром доме, вдали от остального мира, он глубже и глубже погружался в иллюзию: ему казалось, что внешний мир, словно частица в квантовом состоянии, не существует, пока не начать за ним наблюдать.

Но он больше не мог оставаться в этом блаженном расположении духа после того, как гнусный внешний мир прорвался в Сад Эдема, чтобы запутать и напугать Ло Цзи. Его мысли вернулись к Тайлеру, последние слова которого по-прежнему звучали в ушах. Могли ли Отвернувшиеся на самом деле вырваться из порочного круга, скинуть стальные кандалы логики?..

Ло Цзи мгновенно пришел в себя и рванулся к

озеру. Ему хотелось закричать, но, опасаясь испугать Чжуан Янь и Сяся, он сдержался и стремглав понесся сквозь тихие сумерки; единственным звуком был шорох травы о его ноги. И тут в этот ритм ворвался негромкий хлопок.

Это был звук выстрела, раздавшийся со стороны озера.

* * *

Той ночью Ло Цзи вернулся домой поздно, когда дочь уже крепко спала. Чжуан Янь тихо спросила:

— Мистер Тайлер уехал?

— Его больше нет с нами, — устало ответил он.

— Судя по виду, ему пришлось куда труднее, чем тебе.

— Да. Это потому, что он избрал нелегкий путь... Янь, ты смотрела телевизор в последнее время?

— Нет. Я...

Она замолкла, и Ло Цзи понял, о чем она думает. Внешний мир с каждым днем становился все более жестоким, и пропасть между жизнью здесь и жизнью там росла. Это тревожило Чжуан Янь.

— Скажи, наша жизнь здесь — это правда часть плана Отвернувшегося? — спросила она, глядя на него тем же бесхитростным взглядом.

— Конечно. Почему ты сомневаешься?

— Но можем ли мы быть истинно счастливыми, если все человечество несчастно?

— Любовь моя, твоя обязанность — быть счастливой, когда все остальное человечество несчастливо. С появлением Сяся ты стала еще счастливее, а план Отвернувшегося получил дополнительные шансы на успех.

Чжуан Янь безмолвно глядела на него. Пять лет назад, стоя перед портретом Моны Лизы, они придумали язык мимики и с тех пор неплохо напрактиковались в нем. Все чаще и чаще мог Ло Цзи читать мысли жены в ее взгляде. Сейчас он читал: «Как я могу в это поверить?»

Ло Цзи долго раздумывал и наконец ответил:

— Янь, все на свете когда-нибудь кончается. И Солнце, и Вселенная когда-нибудь погибнут. С какой же стати человечеству надеяться на бессмертие? Послушай, этот мир — мир параноиков. Глупо сражаться в безнадежной войне. Посмотри на Трисолярианский кризис с другой точки зрения и забудь о своих заботах. Забудь не только про кризис, забудь вообще обо всех своих тревогах, даже тех, что были до кризиса. Используй оставшееся время, чтобы наслаждаться жизнью. Это четыре сотни лет! Или, если мы откажемся сра-

жаться в битве Судного дня, почти пять. Немалое время. Человечеству потребовалось столько же, чтобы пройти путь от Ренессанса до века информации. Мы сделали нашу жизнь беззаботной и комфортабельной. Пять идиллических столетий без тревог о будущем, с единственной задачей наслаждаться жизнью — ведь это же просто чудо!..

Он понял, что сказал слишком много. Утверждения, что ее счастье и счастье их дочери были частью плана, добавляли спокойствия в жизнь Чжуан Янь, делая ее счастье ее работой. Только так она могла сохранять душевный покой посреди жестокого мира. Ло Цзи не мог сопротивляться ее вечно невинному взгляду, поэтому не осмеливался смотреть на нее, когда она задавала вопросы. Но сейчас он невольно сказал правду, и причиной тому был Тайлер.

— Вот сейчас ты говорил как Отвернувшийся? — спросила она.

— Да, конечно, — ответил он, пытаясь исправить ситуацию.

Но ее глаза говорили: «А мне показалось, что это твои подлинные мысли!»

Совет обороны планеты при ООН, проект «Отвернувшиеся», слушания № 89

В самом начале слушаний председатель настоятельно призвал Ло Цзи прибыть на очередное заседание. Он мотивировал это тем, что отказ от участия в слушаниях не может являться частью плана Отвернувшегося, потому что надзорная функция СОП стоит выше, чем индивидуальные программы Отвернувшихся. Это предложение было единогласно поддержано представителями всех постоянных членов СОП. Учитывая появление первого Разрушителя и самоубийство Тайлера, два других Отвернувшихся, присутствовавших на заседании, услышали в словах председателя намек на последствия отказа.

Первым выступил Хайнс. Его план, основанный на нейрофизиологии, был еще в зачаточном состоянии, однако Отвернувшийся рассказал об оборудовании, которое ему понадобится для продолжения исследований. Он назвал его нейронным сканером. Сканер, работающий на принципах компьютерной томографии и ядерного магнитного резонанса, сможет считывать состояние всего мозга одновременно; высокая разрешающая способность каждого сечения

будет обеспечивать распознавание внутренней структуры нейронов и других клеток мозга. Несколько миллионов таких сечений будут сканироваться одновременно, и после обработки их компьютером станет возможным создание цифровой модели мозга. Но сложность аппарата не ограничивалась этими требованиями. Для создания динамической модели, способной в реальном времени регистрировать всю активность мозга на уровне отдельных нейронов, понадобится делать двадцать четыре таких объемных снимка в секунду. Тогда можно будет проследить возникновение мыслей, записать и неоднократно просматривать весь процесс мышления.

Потом выступил Рей Диас и доложил о работах по своему плану. После пяти лет исследований удалось разработать математическую модель звезды для сверхмощной бомбы. Сейчас эту модель тщательно отлаживали.

Следующим пунктом повестки дня был отчет Научного совета при СОП. В отчете рассматривались технические возможности осуществления проектов двух Отвернувшихся.

Научный совет полагал, что проект Хайнса не столкнется с теоретическими ограничениями при постройке нейронного сканера. Однако

технические сложности были на данный момент непреодолимы. Современный томограф по сравнению с нейронным сканером был бы как черно-белая кинолента по сравнению с новейшей цифровой видеокамерой высокого разрешения. Обработка данных — вот где камень преткновения, поскольку сканирование и моделирование такого сложного объекта, как человеческий мозг, требовали вычислительных ресурсов, недоступных современным компьютерам.

Проект Рея Диаса столкнется с той же проблемой — недостаточной производительностью компьютеров. Изучив объем расчетов, требуемых для уже написанной части модели звезды, совет пришел к выводу, что даже самому мощному из современных компьютеров потребуется двадцать лет, чтобы смоделировать одну сотую долю секунды процесса термоядерного синтеза. Поскольку разработчикам придется просчитывать модель многократно, она окажется практически бесполезна.

Ведущий специалист по компьютерам Научного совета сообщил:

— В настоящее время вычислительная техника, основанная на традиционных микросхемах и архитектуре фон Неймана, приближается к своему

естественному пределу. Закон Мура скоро станет недействителен. Разумеется, нам удастся выжать еще несколько последних капель лимонада из лимонов электроники и технологии. Мы считаем, что даже с учетом замедления прогресса в области высокопроизводительных компьютеров можно достичь такой мощности, какая требуется для осуществления этих двух проектов. Но на это уйдет много времени — по оптимистическим оценкам, от двадцати до тридцати лет. Если мы подойдем к этому уровню, то это будет самым совершенным компьютером человечества, и улучшить его будет очень трудно. Физические исследования заблокированы софонами, поэтому создание компьютеров нового поколения, таких как квантовые, о которых мы мечтали, теперь маловероятно.

— Мы подошли к барьеру, который софоны воздвигли на пути нашей науки, — пояснил председатель.

— Тогда мы ничего не сможем сделать в ближайшие двадцать лет, — сказал Хайнс.

— Двадцать лет — это самый оптимистический прогноз. Вы ученый, вы должны знать, как трудно работать на переднем крае науки.

— Тогда мне остается только лечь в гибернацию

и дожидаться появления достаточно производительных компьютеров, — сказал Рей Диас.

— Я тоже решил лечь в гибернацию, — присоединился к нему Хайнс.

— Раз так, тогда я попрошу вас передать привет моему преемнику через двадцать лет, — улыбнулся председатель.

В зале заседаний поднялось настроение. Присутствующие облегченно вздохнули, услышав, что двое Отвернувшихся заснут на много лет. Появление первого Разрушителя и самоубийство Отвернувшегося стали тяжелым ударом по всему проекту. В особенности поступок Тайлера показался всем вопиющей глупостью. Если бы он остался в живых, то никто точно не знал бы, в чем именно заключался его план. Он вырвался из заколдованного круга ценой своей жизни. Его смерть подтвердила подлинность столь ужасного сценария, и в международном сообществе понемногу начал подниматься ропот против проекта «Отвернувшиеся». Общественное мнение требовало б`ольших ограничений на власть Отвернувшихся. Но по самой природе проекта чрезмерные ограничения их власти затруднили бы стратегический обман, и тогда проект потерял бы смысл. Проекту «Отвернувшиеся»

сопутствовала такая властная структура, с которой человечество до сих пор не встречалось. Всем требовалось время, чтобы приспособиться, и гибернация двоих Отвернувшихся давала это время.

Через несколько дней Рей Диас и Хайнс прибыли на секретную подземную базу и легли в гибернацию.

* * *

Ло Цзи приснился зловещий сон. Он увидел себя бродящим по залам Лувра. Он никогда раньше не видел этого сна; годы блаженства не вызывали у него потребности вспоминать радости прошедших дней. Во сне Ло Цзи чувствовал такое одиночество, какого не ощущал последние пять лет. Каждый его шаг отдавался гулким эхом в залах дворца, и каждый отзвук, казалось, уносил с собой частичку его «я». Наконец он остановился, не рискуя сделать еще один шаг. Перед ним была Мона Лиза. Она больше не улыбалась; она смотрела на него с сочувствием. Когда его шаги затихли, плеск фонтанов во дворе проник внутрь и постепенно становился все громче и громче. Тогда Ло Цзи проснулся и понял, что шум воды доносится из реального мира. Шел дождь.

Ло Цзи протянул руку, чтобы коснуться своей возлюбленной, и обнаружил, что сон был вещим.

Он не нашел Чжуан Янь рядом с собой.

Он вскочил с постели и побежал в детскую. В комнате неярко светила лампа, но Сяся там не было. На ее аккуратно заправленной кроватке лежала одна из картин Чжуан Янь, их любимая. Она была почти пустой и издали выглядела как чистый лист бумаги. Вблизи можно было рассмотреть тонкие камыши в левом нижнем углу, а в правом верхнем — очертания улетающего гуся. В центре картины виднелись две крохотные человеческие фигурки. Но теперь к картине был добавлен текст:

«Моя любовь, мы ждем тебя на пороге Судного дня».

Рано или поздно это должно было произойти. Разве может такая великолепная, волшебная жизнь продолжаться бесконечно? «Это должно было случиться, так что не паникуй. Твоя психика к этому готова», — твердил себе Ло Цзи. И все же у него закружилась голова. Он взял картину и побрел в гостиную. Ноги его подкашивались, и ему казалось, будто он не идет, а плывет над полом.

Пустая гостиная, погруженная в полумрак, освещаемый лишь мерцающими пепельно-красными углями в камине, казалась призрачной, зыбкой, плыла, словно тающий лед. За окном не прекращался дождь. Под этот же шелестящий звук Она вышла из его мечты в реальность пять лет назад. А теперь вернулась в мечту, забрав с собой их дочь.

Ло Цзи схватился за телефон, чтобы позвонить Кенту, но тут вдруг услышал тихие шаги снаружи. Это были шаги женщины, но не Чжуан Янь. Он бросил трубку и выскочил за дверь.

Ло Цзи сразу же узнал тонкую фигуру, стоявшую на крыльце под дождем, хотя различал лишь нечеткий силуэт.

— Здравствуйте, доктор Ло, — обратилась к нему Генеральный секретарь Сэй.

— Здравствуйте... Где мои жена и дочь?

— Они ждут вас у порога Судного дня, — ответила она, цитируя слова на картине.

— Почему?

— Так решил СОП, чтобы вы могли работать и исполнять свои обязанности Отвернувшегося. Им не причинят вреда; дети переносят гибернацию легче, чем взрослые.

— Вы их похитили! Это преступление!

— Мы никого не похищали.

Сердце Ло Цзи упало, когда он осознал скрытый смысл ответа Сэй. Но, не желая примириться с реальностью, он постарался вытеснить эти мысли из головы.

— Я же сказал, что их присутствие здесь — часть плана!

— СОП провел тщательное расследование и установил, что они не являются частью плана. Тогда Совет принял меры к тому, чтобы вернуть вас к работе.

— Даже если это не похищение, вы забрали моего ребенка без моего согласия. Это незаконно! — Потом он понял, кого подразумевал под словом «вы»; его сердце снова затрепетало. Он бессильно прислонился к колонне позади.

— Мы действовали в рамках допустимого. Не забывайте, доктор Ло, что и этот дом, и все прочие ресурсы, которые вам предоставлены, не подпадают под имеющееся законодательство. Закон оправдывает действия ООН во время кризиса.

— Вы по-прежнему работаете на ООН?

— Да.

— Вас переизбрали?

— Да.

Он хотел сменить тему разговора, чтобы не

думать о происшедшем, но не смог. «Что я буду делать без них? Что я буду делать без них?» — вопрошал он снова и снова. Наконец он произнес эти слова вслух и сполз по колонне на пол. Ему казалось, что все вокруг рушится и плавится, превращаясь в магму, — но на этот раз магма стекала прямо в его объятое огнем сердце.

— Они по-прежнему здесь, доктор Ло. Ждут вас в полной безопасности в будущем. Вы всегда трезво смотрели на вещи. Теперь вам нужно смотреть еще более трезво. Если не ради всего человечества, то хотя бы ради вашей семьи. — Сэй взирала сверху вниз на Ло Цзи, балансирующего на грани истерики.

Порыв ветра залил крыльцо дождем. Его освежающая прохлада и слова Сэй немного остудили пламя, бушующее в сердце Ло Цзи.

— Вы с самого начала собирались так поступить, правда?

— Да. Но мы решились на этот шаг только тогда, когда у нас не осталось выбора.

— Значит, она... Когда она приехала, она действительно была просто девушкой, занимающейся традиционной живописью?

— Да.

— Из Центральной академии изящных ис-

кусств?

— Да.

— Тогда была ли она...

— Она была всем тем, что вы видели. Все, что вы о ней знали, все, что делало ее *ею* — ее прошлое, ее семья, ее личность и ее разум, — было правдой.

— По-вашему, она была искренна?

— Да. Неужели вы всерьез полагаете, что она могла пять лет водить вас за нос? Она была именно такой — невинной и ласковой, как ангел. Она не притворялась ни в чем, включая ее любовь к вам; эта любовь была подлинной.

— Тогда как она могла так жестоко обманывать меня? Ни разу за все время не подать даже виду?!

— Вы просто этого не видели. Ее душа была окутана покровом меланхолии, и так было с того самого момента, когда вы встретились с ней дождливой ночью пять лет назад. Она этого не скрывала. Меланхолия оставалась с ней все эти годы, словно постоянная фоновая музыка. Поэтому вы ничего и не замечали.

Теперь он все понял. Почему ему казалось, будто весь мир ополчился против нее и желает ей вреда? Отчего он бросился бы защищать ее даже ценой собственной жизни? Что именно

коснулось самых чувствительных струн его сердца, когда он впервые увидел ее? Это была легкая грусть, скрытая в глубине ее чистых, невинных глаз, — грусть, которая, словно огонь камина, исподволь проглядывала в ее красоте. Это и в самом деле была неощутимая музыка, которая незаметно проникла в его подсознание и шаг за шагом затянула его в бездну любви.

— Значит, я не смогу их найти? — спросил он.

— Именно так. Как я уже сказала, это решение СОП.

— Тогда я отправлюсь вслед за ними в Судный день.

— Как вам будет угодно.

Ло Цзи предполагал, что ему откажут, но так же, как и в тот раз, когда он отказывался от должности Отвернувшегося, согласие последовало немедленно; между его вопросом и ответом Сэй не прошло и секунды. Тут явно дело нечисто! Он спросил:

— С этим будут какие-то сложности?

— Нет. На этот раз все в порядке. Проект «Отвернувшиеся» вызывал разногласия в международном сообществе с самого первого дня. Большинство стран, исходя из своих собственных интересов, поддерживали одних Отвернувшихся

и выступали против других; поэтому всегда нашелся бы кто-то, желающий от вас избавиться. Теперь же, когда первый Разрушитель показал себя и усилия Тайлера пошли прахом, противников и сторонников проекта стало поровну. Проект зашел в тупик. Если вы сейчас решите лечь в гибернацию до Судного дня, это будет приемлемым компромиссом для обеих сторон. Но, доктор Ло, вы и вправду намерены так поступить, в то время как человечество борется за выживание?

— Политики, такие как вы, чуть что кричат о человечестве, но я не вижу человечества. Я вижу только отдельные личности. Я один из них, я простой человек, и я не могу взвалить на себя ответственность за спасение всей планеты. Я просто хочу жить своей жизнью.

— Ладно. Но Чжуан Янь и Сяся — как раз такие «отдельные» личности. Разве вы не хотите исполнить свой долг перед ними? Даже если ваша жена огорчила вас, я вижу, что вы ее по-прежнему любите. А ваша дочь? С того дня, когда «Хаббл II» получил неопровержимые доказательства трисолярианского вторжения, одно стало очевидно: человечество будет сражаться до последнего. Когда ваши близкие проснутся через четыреста лет, их встретят катастрофа и огонь войны. К

тому времени вы уже потеряете свое положение Отвернувшегося и будете бессильны их защитить. Они лишь разделят с вами адские муки в ожидании конца света. Вы *этого* хотите? *Такой* жизни вы желаете жене и ребенку?

У Ло Цзи не нашлось ответа.

— Если даже это вас не убеждает, то представьте себе битву Судного дня через четыреста лет и выражение их глаз, когда вы встретитесь! Кого они увидят перед собой? Человека, бросившего на произвол судьбы женщину, которую любил больше всего на свете, а вместе с нею и все остальное население Земли? Человека, который не пожелал спасти всех детей мира? Человека, который даже не захотел спасти собственного ребенка? У вас достанет мужества выдержать этот взгляд?

Ло Цзи уронил голову, по-прежнему не говоря ни слова. Капли ночного дождя, падающего на траву и воду озера, звучали как бессчетные мольбы о помощи из другого времени и пространства.

— Вы на самом деле верите, что я в состоянии что-то изменить? — спросил Ло Цзи, поднимая голову.

— Почему бы не попробовать? Из всех Отвернувшихся у вас самые высокие шансы на успех.

Сегодня я приехала сказать вам почему.

— Так говорите же! Почему?

— Потому что из всех людей на Земле вы единственный, кого Трисолярис хочет убить.

Прислонившись к колонне, Ло Цзи уставился на Сэй невидящим взглядом. Он пытался вспомнить.

Сэй продолжила:

— Та авария предназначалась вам. Волей случая под машину попала ваша знакомая.

— Но это и в самом деле был несчастный случай! Автомобиль повернул, чтобы объехать две другие столкнувшиеся машины...

— Нападавшие затратили много времени и усилий, подстраивая все именно так.

— Но я был тогда самым обычным человеком, ходил без охраны. Убить меня было минутным делом. К чему такие ухищрения?

— Они хотели выдать убийство за несчастный случай, чтобы не привлекать внимания. У них почти получилось. В тот день в городе произошла пятьдесят одна авария, пятеро погибли. Но агент, внедренный в ОЗТ, предоставил информацию, что это именно ОЗТ покушалось на вас. Самое тревожное то, что приказ пришел с Трисоляриса и был передан Эвансу софонами. На сегодняшний

день это единственное заказанное ими убийство.

— Меня? Трисолярис хочет убить *меня*? Почему? — У Ло Цзи снова закружилась голова.

— Я не знаю. Теперь никто не знает. Эванс, возможно, знал, но он мертв. По-видимому, именно он и потребовал замаскировать убийство под несчастный случай, что только подкрепляет уверенность в вашей значимости.

— Значимость? — Ло Цзи покачал головой и криво улыбнулся. — Посмотрите на меня. Разве я похож на человека со сверхспособностями?

— У вас их и нет, так что даже не думайте об этом, — отрезала Сэй. — Подобные мысли лишь заведут вас на неверный путь. У вас не было сверхспособностей, когда вы раньше занимались своими исследованиями. Вы не манипулировали сверхъестественными силами, вы не демонстрировали невероятных технических навыков в пределах известных нам законов природы. По крайней мере, такие факты нам неизвестны. То, что Эванс приказал убрать вас незаметно, также подтверждает этот вывод, поскольку доказывает: то, что можете сделать вы, могут сделать и другие люди.

— Почему же вы не сказали мне об этом?!

— Потому что опасались повлиять на эти ваши внутренние ресурсы. Мы слишком мало знаем. Поэтому решили, что будет лучше позволить событиям развиваться естественным образом.

— Однажды у меня возникло намерение поработать в области космической социологии, потому что...

В этот момент слабый голосок внутри Ло Цзи напомнил: «Ты Отвернувшийся!» Он никогда раньше не слышал этого голоса. Он также услышал еще один несуществующий звук: жужжание кружащих вокруг него софонов. Ему даже показалось, что он видит тусклые огоньки, похожие на светлячков. Впервые он повел себя как Отвернувшийся, прервал реплику на полуслове и спросил:

— Это важно?

Сэй покачала головой:

— Наверное, нет. Насколько нам известно, это всего лишь тема исследований, над которой никто не работал, не говоря уж о результатах. Кроме того, если бы вы даже вели исследования, мы не ожидали бы от вас более ценных результатов, чем от других ученых.

— Это еще почему?

— Доктор Ло, раз уж мы говорим откровенно...

По моему разумению, как ученый вы не состоялись. Вы ведете исследования не потому, что жаждете открытий, не потому, что ощущаете необходимость этой работы и ответственность за результаты, а просто ради заработка.

— Разве это не обычное явление в наши дни?

— В этом нет ничего плохого, конечно, но вы ведете себя не так, как полагается серьезному, целеустремленному ученому. Ваши изыскания были чисто утилитарными; ваши методы служили лишь вашим интересам; вы стремились к дешевым сенсациям, и вы не раз прикарманивали деньги, выделенные на исследования. По характеру вы безответственный циник, и призвание ученого вызывает у вас лишь насмешку. Нам хорошо известно, что вас не волнует судьба человеческой расы.

— И поэтому вы прибегли к самым низменным методам, чтобы вынудить меня делать то, что вам нужно. Вы всегда презирали меня. Ведь презирали же?

— В обычной ситуации такому человеку, как вы, никогда бы не поручили столь ответственного задания. Но в данном случае есть одна существенная деталь: Трисолярис вас боится. Узнайте почему. Станьте своим собственным

Разрушителем.

Сказав все, что хотела, Сэй сошла с крыльца, села в поджидающий автомобиль и растворилась во мгле дождя.

Ло Цзи долго оставался на крыльце, потеряв счет времени. Постепенно дождь прекратился и поднялся ветер. Он прогнал облака с ночного неба, и стали видны горы. Яркая полная луна залила мир серебристым светом.

Прежде чем вернуться в дом, Ло Цзи в последний раз взглянул на серебряный Сад Эдема. Его сердце воззвало к Чжуан Янь и Сяся: «Мои любимые, ждите меня у конца света».

* * *

Чжан Бэйхай стоял в гигантской тени, отбрасываемой космопланом «Высокий рубеж», и смотрел вверх на его массивный корпус. Он невольно вспомнил авианосец «Тан», уже давно разобранный на металлолом, и даже подумал, нет ли в конструкции «Высокого рубежа» парочки стальных листов от «Тана». За тридцать с лишним посадок жар входа в атмосферу оставил свои ожоги на обшивке, и аппарат походил на строящийся «Тан». Корпус космоплана производил то же ощущение изрядного возраста, но два реак-

тивных ускорителя под крыльями были новыми. Подобным образом ремонтировали старинные здания в Европе: свежие заплатки выделялись на фоне старых стен, напоминая посетителям о недавних работах. Если снять ускорители, то «Высокий рубеж» станет похож на старый транспортный самолет.

Космоплан был новейшей разработкой, одним из немногих прорывов в авиакосмической отрасли за последние пять лет и, вполне возможно, представителем последнего поколения космических аппаратов с химическим реактивным двигателем. Идею космоплана предложили в прошлом столетии на замену космическому челноку. Космоплан мог взлететь с аэродрома и подняться в верхние слои атмосферы как обычный самолет, а там включался реактивный двигатель, и космоплан выходил на орбиту. «Высокий рубеж» был четвертым эксплуатируемым аппаратом. Множество других находились в процессе сборки. В ближайшем будущем ими воспользуются для постройки орбитального лифта.

— А я-то думал, что нам не придется полетать в космосе — не доживем, — сказал Чжан Бэйхай провожающему его Чан Вэйсы. Он и двадцать других офицеров космических сил — все служа-

щие трех стратегических институтов — летели на «Высоком рубеже» на МКС.

— Ну есть же моряки, которые ни разу не выходили в море? — улыбаясь, ответил Чан Вэйсы.

— Есть, конечно, и довольно много. Некоторые офицеры флота стремятся оставаться на берегу. Но я не из их числа.

— Бэйхай, учти кое-что. Астронавты-военнослужащие по-прежнему считаются персоналом военно-воздушных сил. Вы будете первыми представителями космических сил, полетевшими в космос.

— Как жаль, что у нас нет никакого определенного задания.

— Ваше задание — набираться опыта. Стратег войны в космосе должен чувствовать космос. До появления космоплана это было невозможно — полет одного человека стоил десятки миллионов. Теперь это намного дешевле. Мы попробуем послать в космос и других исследователей-стратегов; ведь мы же космические силы, в конце концов. Сегодня мы больше похожи на институт болтологии, а это никуда не годится.

Объявили посадку, и офицеры стали подниматься по трапу в корабль. Они были одеты в обычную форму, а не в скафандры, и по виду

не отличались от пассажиров обыкновенного самолета. Это было еще одним признаком технического прогресса: полеты в космос понемногу становились рядовым делом. По нашивкам на униформе Чжан Бэйхай определил, что среди входящих в космоплан офицеров были служащие и других отделов.

— Да, Бэйхай, есть еще кое-что важное, — Чан Вэйсы остановил Бэйхая, уже взявшегося за свой чемоданчик. — Центральная военная комиссия изучила наш отчет об отправке политических офицеров в будущее в качестве подкрепления. Командование считает, что условия для таких действий еще не созрели.

Чжан Бэйхай прищурился, как будто смотрел против солнца, хотя они стояли в тени космоплана.

— Командующий, мне кажется, что нам стоит при планировании действий учитывать все четыре столетия; и нам нужно четко выделять срочное и важное... Но будьте уверены, пожалуйста, что я не скажу так ни на каком официальном заседании. Уверен — наше руководство видит все.

— Руководство согласно с твоими далеко идущими предложениями и выражает тебе за них

признательность. В ответе Центральной комиссии подчеркивается, что сама идея отправки подкрепления в будущее не отклонена. Исследования и планирование будут продолжены. Но сегодня еще нет подходящих условий для реализации этой программы. Я так думаю — и это мое личное мнение, разумеется, — что нам нужно больше высококвалифицированных политических офицеров, чтобы справиться с сегодняшней работой, а уже потом можно будет подумать об отправке кого-нибудь в будущее.

— Командующий, вы наверняка знаете, что означает «высококвалифицированный» в Политическом отделе космических сил и каковы самые минимальные требования. Высококвалифицированные офицеры попадаются все реже и реже.

— Но нам нужно смотреть в будущее. Если произойдет прорыв в двух ключевых технологиях первой фазы — в космическом лифте и в управляемом термоядерном синтезе, — то положение улучшится. Есть надежда, что это случится еще при нашей жизни. Ну ладно, тебе пора.

Чжан Бэйхай отдал честь и ступил на трап. Войдя в салон, он заметил, что тот ненамного отличался от салона гражданского авиалайнера,

только кресла, рассчитанные на людей в скафандрах, были шире. При первых полетах космоплана все пассажиры на всякий случай надевали скафандры. Теперь в этом не было необходимости.

Он занял место возле иллюминатора. В кресле рядом расположился, судя по костюму, какой-то гражданский. Чжан Бэйхай поприветствовал его кивком и принялся изучать сложно устроенный ремень безопасности.

Обратного отсчета не было. «Высокий рубеж» запустил атмосферные двигатели и начал рулежку. Из-за своего веса космоплану потребовалось больше времени на взлет, чем обычному самолету. Наконец он грузно оторвался от земли и направился в космос.

— Это тридцать восьмой старт космоплана «Высокий рубеж», — сообщил голос в динамиках. — Мы приступили к полету в атмосфере; он продлится около тридцати минут. Пожалуйста, не расстегивайте ремни безопасности.

Чжан Бэйхай смотрел в иллюминатор на удаляющуюся Землю и думал о прошлом. Учась на капитана авианосца, он закончил летную школу флота и сдал экзамен на пилота-истребителя. Впервые отправившись в самостоятельный полет, он так же смотрел на удаляющуюся водную

поверхность и внезапно понял, что любит небо еще больше, чем море. А теперь его тянуло дальше, за пределы неба, в космос...

Ему было предначертано судьбой летать высоко и далеко.

— Прямо как обыкновенный самолет, да?

Он повернулся, взглянул на собеседника, сидящего в кресле рядом, и наконец узнал его.

— Вы, должно быть, доктор Дин И! Я давно хотел познакомиться с вами.

— Но скоро нас поприжмет, правда, ненадолго, — продолжал Дин И, не обращая внимания на слова Чжан Бэйхая. — В первом полете я не снял очки после атмосферной фазы, и они придавили мне переносицу, как кирпич. Во втором полете я их снял, но потом наступила невесомость, и они взяли и улетели. Экипажу пришлось потрудиться, чтобы найти их в воздушном фильтре в хвосте.

— Я думал, первый раз вы летали на космическом челноке. Судя по тому, что показывали по телевизору, это было не очень комфортабельное путешествие, — улыбаясь, ответил Чжан Бэйхай.

— Нет, я говорю о космоплане. Если считать и челнок, то это мой четвертый полет. На челноке они отобрали у меня очки перед стартом.

— Зачем вы летите на станцию на этот раз? Вас

только что назначили руководителем проекта управляемого термоядерного синтеза. Третья группа, если я не ошибаюсь?

В проекте были заняты четыре группы ученых. Каждая вела исследования в своем направлении.

Пристегнутый ремнем, Дин И поднял руку и наставил на Чжан Бэйхая палец.

— И что? Если я работаю над термоядерным синтезом, то мне незачем соваться в космос, да? Вы говорите совсем как те типы. Конечная цель наших исследований — двигатели для космических кораблей. Но реальная власть в аэрокосмической отрасли находится в руках производителей химических двигателей. Они твердят, что нам следует сосредоточиться на управляемых термоядерных реакциях на земле и что организация космического флота — не наше собачье дело.

— Доктор Дин, мои взгляды совпадают с вашими. — Чжан Бэйхай ослабил свой ремень безопасности и наклонился поближе. — Требования космического флота нельзя удовлетворить химическими ракетами. Даже космический лифт отличается от современных методов вывода на орбиту. Но вес и влияние авиакосмической промышленности прошлого и сегодня остаются

огромными. Ее сотрудники идеологически закостенели и опираются на букву закона. Если дело пойдет так и дальше, осложнений не миновать.

— Ничего нельзя сделать. За пять лет они построили вот это, по крайней мере. — Дин И обвел рукой космоплан. — И на этом они заработали политический капитал, с помощью которого выдавливают всех посторонних.

Заработали динамики в салоне:

— Внимание, мы приближаемся к высоте двадцать тысяч метров. Мы полетим в разреженной атмосфере, возможны воздушные ямы, сопровождающиеся кратковременной невесомостью. Не беспокойтесь. Повторяю: пожалуйста, не расстегивайте привязные ремни.

— Наш полет на станцию на сей раз не связан с термоядерным проектом, — сообщил Дин И. — Нам нужно вернуть на Землю ловушки космических лучей. Они дорого стоят.

— Физические эксперименты с высокими энергиями в космосе прекратили? — спросил Чжан Бэйхай, затягивая ремень безопасности.

— Прекратили. Понимание бесполезности этих работ в будущем можно считать разновидностью успеха.

— Софоны победили.

— Да. У человечества осталось не так уж много теоретического резерва: классическая физика, квантовая механика и теория струн, которая пока что в зачаточном состоянии. Как много практических технологий мы сможем из них выжать, известно лишь Провидению.

«Высокий рубеж» продолжал подъем. Его атмосферные двигатели ревели под нагрузкой, как будто взбирались на крутую гору. Но воздушные ямы не встречались. Космоплан приближался к высоте тридцать тысяч метров — потолку авиации. Посмотрев в иллюминатор, Чжан Бэйхай увидел, что синева неба блекнет и тускнеет, а солнечный свет становится более резким.

— Мы находимся на высоте тридцать одна тысяча метров. Атмосферная фаза полета завершена. Сейчас начнется космическая фаза. Пожалуйста, установите свои кресла в соответствии с иллюстрацией на экране, чтобы легче переносить перегрузки.

Чжан Бэйхай почувствовал, как космоплан слегка поднялся, словно сбросив часть груза и став легче.

— Отделилась сборка атмосферных двигателей. Пуск космического двигателя через десять секунд, девять, восемь...

— С их точки зрения, это и есть настоящий взлет. Наслаждайтесь! — сказал Дин И и закрыл глаза.

Когда обратный отсчет дошел до нуля, раздался оглушительный рев, словно зарычало все небо. Пассажиров медленно сжал гигантский кулак перегрузки. Чжан Бэйхай с трудом повернул голову, чтобы посмотреть в иллюминатор. Он не увидел факела двигателя, но широкая полоса разреженного воздуха светилась красным. Казалось, что «Высокий рубеж» плывет сквозь закат.

Пятью минутами позже отделились ускорители. Еще через пять минут разгона отключился главный двигатель. «Высокий рубеж» вышел на орбиту.

Тяжелая рука перегрузки внезапно перестала давить, и тело Чжан Бэйхая всплыло из глубин кресла. Привязной ремень не дал ему улететь; но, по его ощущениям, он и «Высокий рубеж» уже не были частями единого целого. Раньше их объединяла гравитация, но она исчезла. Он и космоплан теперь летели бок о бок сквозь космос. В иллюминаторе сияли самые яркие звезды, какие он когда-либо видел. Потом, когда космоплан изменил ориентацию, салон осветило солнце, и в его лучах замельтешили мириады светящихся

точек — танцующие в невесомости пылинки. Космоплан медленно разворачивался, и перед Чжан Бэйхаем появилась Земля. С этой низкой орбиты он не мог увидеть планету целиком; он видел лишь ее часть, ограниченную дугой горизонта. Но контуры континентов были легко узнаваемы.

А затем в иллюминаторе появилось долгожданное небо, полное звезд. Чжан Бэйхай мысленно произнес: «Папа, я сделал первый шаг».

* * *

Пять лет генерал Фицрой чувствовал себя Отвернувшимся в прямом смысле слова. Стена, к которой он отвернулся, была огромным экраном с картой звездного неба — того его участка, где находилась система Трисоляриса. На первый взгляд экран был полностью черным, но, присмотревшись повнимательнее, можно было заметить светлые точки. Фицрой настолько привык к виду этих звезд, что, когда на одном скучном совещании он нарисовал их по памяти, его рисунок практически совпал с фотографией. Три звезды Трисоляриса, неприметно светившие в центре, при стандартном увеличении выглядели как одна. Но каждый раз, увеличивая масштаб, генерал находил, что их взаимное расположение

изменилось. Этот хаотический танец в космосе захватывал его, и он забывал, что, собственно, высматривал. Щетка, обнаруженная пять лет назад, постепенно рассеялась, а вторая еще не появилась. Флот Трисоляриса поднимал волны и оставлял видимые следы, только проходя через облака межзвездной пыли. Земные астрономы подтвердили, наблюдая за поглощением света далеких звезд, что за четыреста лет пути флот пройдет сквозь пять таких облаков. В народе их назвали «снежными заносами», по аналогии с полосками наметенного снега, на которых прохожие оставляют свои следы.

Если флот Трисоляриса поддерживал постоянное ускорение в последние пять лет, то сегодня он должен войти в область второго «снежного заноса».

Фицрой заранее прибыл в центр управления космическим телескопом «Хаббл II». Завидев его, Ринье рассмеялся.

— Генерал, вы мне напоминаете ребенка, который жаждет еще одного подарка вскоре после Рождества.

— Разве вы не говорили, что сегодня они войдут во второй «снежный занос»?

— Это так, но трисолярианский флот продви-

нулся только на 0,22 светового года. Они в четырех световых годах от нас. Свет, отраженный от их следов на «снегу», дойдет до Земли только через четыре года.

— Виноват, забыл, — смутился Фицрой. — Так не терпится снова их увидеть. На этот раз мы сможем измерить их скорость и ускорение в момент прохода через облако, а это очень важно.

— Мне очень жаль. Но мы за пределами светового конуса.

— Что это такое?

— Так физики называют фигуру, которую рисует свет, распространяясь вдоль оси времени. Наблюдатель снаружи конуса не может увидеть событие, происходящее внутри. Вот подумайте: информация о бог весть скольких важных событиях, происходящих во Вселенной, прямо сейчас летит нам навстречу со скоростью света. Какая-то информация провела в пути сотни лет или миллионы, но мы по-прежнему остаемся вне светового конуса этих событий.

— Судьба заключена внутри светового конуса...

Ринье подумал, а потом одобрительно кивнул:

— Отлично подмечено, генерал! Но софоны снаружи конуса могут следить за событиями, происходящими внутри.

— Значит, софоны изменили судьбу, — многозначительно сказал Фицрой и повернулся обратно к терминалу обработки изображений. Пять лет назад Харрис, молодой инженер, зарыдал при виде щетки. После этого он впал в такую глубокую депрессию, что не смог работать. Никто не знает, где он и что с ним теперь.

К счастью, таких, как он, было немного.

* * *

В последнее время стало быстро холодать. Выпал первый снег. Зелень постепенно исчезла, а на озере появился тонкий ледок. Природа утратила свою яркую раскраску, как цветная фотография, ставшая черно-белой. В этих краях тепло никогда не задерживалось надолго; сейчас же, когда жена и дочь покинули Ло Цзи, Сад Эдема и вовсе потерял для него свою привлекательность.

Зима была сезоном раздумий.

Когда Ло Цзи начал свои размышления, то с удивлением обнаружил, что его мозг уже какое-то время трудился над задачей. Он вспомнил совет, который ему давным-давно, еще в школе, дал учитель литературы: «На экзамене первым делом прочти последний вопрос — тему сочинения. Потом отвечай на вопросы с самого начала. Пока

ты пишешь ответы, твое подсознание работает над сочинением, как параллельный процесс в компьютере». Теперь Ло Цзи понял, что его мозг приступил к решению проблемы, как только он стал Отвернувшимся, и никогда не прекращал этого занятия. Процесс проходил в подсознании, и Ло Цзи не отдавал себе в нем отчета.

Он быстро прошелся по цепочке уже готовых умозаключений.

Теперь он был убежден, что все началось со случайной встречи с Е Вэньцзе девять лет назад. Впоследствии он никому не рассказывал об этой встрече, опасаясь неприятностей на свою голову. После смерти Е Вэньцзе секрет был известен только ему и Трисолярису. В то время до Земли добрались лишь два софона, но Ло Цзи был убежден, что в тот вечер они крутились возле могилы Ян Дун и прислушивались к каждому слову. Вибрации их квантовой структуры мгновенно преодолевали четыре световых года; это значило, что Трисолярис тоже подслушивал.

Но что же сказала Е Вэньцзе?

Генеральный секретарь Сэй ошиблась в одном рассуждении: так и не развитая Ло Цзи теория космической социологии, скорее всего, была той причиной, по которой Трисолярис хотел его

убить. Еще бы, ведь Сэй не знала, что теория была предложена Е Вэньцзе. Эта идея тогда показалась Ло Цзи всего лишь шансом совместить науку и развлечение. Он и сам подыскивал именно такой шанс. Тогда, еще до Трисолярианского кризиса, исследование космического общества стало бы сенсацией, которая привлекла бы внимание многочисленных журналистов.

Брошенное исследование само по себе не было важно. Важны были указания, которые ему дала Е Вэньцзе. Вокруг них-то и вращались постоянно мысли Ло Цзи.

Снова и снова он вспоминал ее слова:

«Предположим, несметное количество цивилизаций разбросано по Вселенной — столько же, сколько существует видимых звезд. Много, очень много. Математическая структура космической социологии намного очевиднее, чем структура социологии человеческой цивилизации.

Хаос и случайность влияют на устройство любого цивилизованного общества во Вселенной. Но расстояние ослабляет их влияние. Поэтому такие удаленные цивилизации можно рассматривать как точки отсчета, к которым относительно просто применить математические методы.

Первая аксиома: выживание является основной потребностью цивилизации. Вторая аксиома: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

И еще: чтобы из этих двух аксиом вывести базовую модель космической социологии, вам потребуются две важные концепции: цепочки подозрений и технологический взрыв... Впрочем, можете забыть все, что я сказала. В любом случае, я сделала то, что должна была сделать».

Ло Цзи многократно возвращался к этим высказываниям, разбирая каждое предложение и взвешивая каждое слово. Он нанизывал слова, как четки нанизывают на нить, и, подобно благочестивому монаху, перебирал их, рассыпал, перемешивал и нанизывал снова в другом порядке, до тех пор, пока они совсем не истерлись.

Он старался изо всех сил, но не мог найти ответа. Не мог найти причины, почему он стал единственным человеком на Земле, которого Трисолярис хочет убить.

Он бесцельно бродил вокруг, подолгу размышляя над проблемой. Ходил вдоль безжизненного берега озера; прогуливался в сильный ветер, когда становилось еще холоднее, зачастую обходя

все озеро и не замечая того. Два раза он даже дошел до подножия заснеженной горы; голые камни, похожие на лунный ландшафт, были заметены снегом и сливались со снежной шапкой наверху. Только тогда, впервые за все время, в его мысли вмешались воспоминания: посреди безбрежной белизны картины, нарисованной самой природой, вдруг возникли глаза Чжуан Янь. Но он уже научился обуздывать свои чувства и становиться машиной для раздумий.

Месяц прошел незаметно, наступила настоящая зима. Но Ло Цзи продолжал размышлять на природе, оттачивая свой разум холодом.

К этому времени большинство четок-слов совсем истерлись, за исключением восемнадцати. Эти, казалось, становились тем новее, чем больше он их перебирал, и теперь испускали мягкое сияние:

> Выживание является основной потребностью цивилизации.
>
> Цивилизация постоянно растет и расширяется, но общее количество вещества во Вселенной остается неизменным.

Он сосредоточился на этих двух фразах — аксиомах космической социологии, предложенных

Е Вэньцзе. Их сокровенная тайна никак ему не давалась, хотя интуиция подсказывала, что ответ кроется именно в них.

Однако высказывания были слишком просты. Как могли два очевидных правила помочь Ло Цзи и человеческой расе?

«Не отметай простоту. Простота означает надежность. Весь дворец математики возведен на таком же фундаменте бесконечно простых, но логически безукоризненных аксиом».

Уцепившись за эту идею, Ло Цзи окинул окрестности новым взглядом. Все вокруг попряталось от лютого холода зимы, и все же мир бурлил жизнью. Жизнь была в изобилии океанов, земли и неба, такого же безбрежного, как укрытые туманом моря. Но все и везде подчинялось еще более простому правилу, чем аксиомы космической цивилизации, — закону естественного отбора.

Теперь Ло Цзи понял стоящую перед ним задачу. В свое время Дарвин взял мир всего живого и открыл закон, который им управляет. Ло Цзи должен был идти в обратном направлении: взять известные ему законы и вообразить мир, живущий по ним. Это было куда более сложной работой, чем та, которую проделал Дарвин.

Он стал спать днем и работать по ночам. Когда

трудности его мысленного пути повергали его в страх, звезды над головой успокаивали его. Как утверждала Е Вэньцзе, расстояние скрывало сложное внутреннее устройство каждой звезды, делая их всего лишь набором точек в пространстве, который описывался математическими формулами. Для такого мыслителя, как он, это был рай. По крайней мере, Ло Цзи казалось, что мир перед ним четче и проще, чем мир Дарвина.

Но в этом простом мире таилась загадка. Галактика была огромной, безбрежной пустыней, однако цивилизация высокого уровня обнаружилась на ближайшей же звезде!

И ему удалось нащупать решение этой загадки.

Постепенно он начал задумываться о двух принципах, которые Е Вэньцзе назвала, но так и не объяснила: цепочки подозрений и технологический взрыв.

В тот день было холоднее, чем обычно. Стоя на берегу, Ло Цзи смотрел в черное небо, и ему казалось, что мороз выстраивает звезды в еще более совершенную серебристую решетку, торжественно демонстрируя ему их математическую структуру. И внезапно его мозг перешел в радикально новое состояние. В его представле-

нии Вселенная остановилась; всякое движение прекратилось; все на свете, от звезд до атомов, оказалось в состоянии покоя. Звезды стали лишь бессчетными холодными, безразмерными точками, отражающими холодный свет внешнего мира... Все замерло в ожидании окончательного пробуждения Отвернувшегося.

Доносящийся издалека лай собаки вернул мыслителя в реальность. Вероятно, то была служебная собака охраны.

Ло Цзи был вне себя от возбуждения. Хоть он так и не достиг полного озарения, он чувствовал, что оно рядом.

Он собрался с мыслями и попытался снова войти в прежнее состояние, но не смог. Хотя звезды оставались на своих местах, окружающий мир теперь мешал ему. Было темно, однако он различал и заснеженные вершины гор, и лес, и луг, и дом у озера; а через полуоткрытую дверь дома виднелся слабый отблеск огня в камине... По сравнению с простотой и четкостью звезд все вокруг было мешаниной и хаосом, неподвластными математике. Тогда он решил вычеркнуть окружающее из своего восприятия.

Он вышел на замерзшее озеро — сначала осторожно, но когда понял, что лед крепкий, зашагал

и заскользил быстрее, пока в окружающей темноте не перестал видеть берег. Вокруг него теперь был только гладкий лед. Земной хаос отступил; представив себе, что ледяная поверхность простирается бесконечно во всех направлениях, Ло Цзи оказался в простом, плоском мире, на холодной двумерной платформе для размышлений. Заботы улетели прочь; вскоре он снова ощутил себя в том состоянии покоя, где его ждали звезды...

И тут лед под ногами Ло Цзи с треском проломился, и он провалился в воду.

В тот самый момент, когда ледяная вода покрыла Ло Цзи с головой, он увидел, как недвижимый кристалл звезд раскололся. Звездное небо завертелось в круговороте и распалось на вихрящиеся, хаотические серебряные волны. Жгучий холод, как удар молнии, прострелил туман его сознания, осветив все. Он продолжал тонуть. Вихри звезд над головой сжались в туманное пятно в проломленной им трещине. Вокруг не осталось ничего, кроме холодной чернильной тьмы, как будто он не тонул в воде, а выпрыгнул во мрак открытого космоса.

И посреди этой мертвой, холодной темноты и одиночества Ло Цзи постиг правду Вселенной.

Он быстро поднялся к поверхности и вынырнул,

кашляя и отплевываясь. Попытался выбраться на лед у кромки полыньи, но не успел выползти и наполовину, как лед обломился. Он снова и снова карабкался на лед и проваливался, постепенно проламывая себе дорогу к берегу; однако дело шло медленно, и Ло Цзи начал терять силы. Охранники, конечно, поднимут тревогу, но, может статься, слишком поздно, когда он уже утонет или умрет от переохлаждения. Он стянул с себя промокший пуховик, чтобы облегчить движения, и расстелил его на льду, решив, что так будет легче выбраться. Сил осталось только на одну попытку. Он потратил их все, но сумел выползти на лед. Он лежал, распластавшись всем телом, и на этот раз лед выдержал. Он осторожно пополз вперед, осмелившись встать на ноги только на изрядном удалении от полыньи. Тогда он увидел мерцание фонариков на берегу и услышал крики.

Он стоял на льду, и его зубы на холоде выбивали барабанную дробь. Этот холод, казалось, исходил не от озера и не от пронизывающего ледяного ветра, а напрямую из космического пространства. Он склонил голову, сознавая, что с этой минуты звезды уже не такие, какими были раньше. Он не осмеливался взглянуть вверх. Рей

Диас стал бояться Солнца, а у Ло Цзи развился сильнейший страх перед звездами. Не поднимая головы и стуча зубами, он сказал себе самому:

— Отвернувшийся Ло Цзи, я твой Разрушитель.

* * *

— Ваши волосы совсем побелели за эти годы, — сказал Ло Цзи Кенту.

— Значит, седины у меня уже больше не прибавится, — смеясь, ответил Кент. В присутствии Ло Цзи он всегда носил подчеркнуто вежливую маску. Впервые Ло Цзи увидел на лице Кента такую искреннюю улыбку. В его глазах он прочел невысказанное: «Наконец-то ты начал работать!»

— Мне нужно переехать в более безопасное место, — сказал Ло Цзи.

— Конечно, доктор Ло. Какие-то конкретные пожелания?

— Никаких, кроме безопасности. Это место должно быть абсолютно безопасным.

— Доктор, абсолютно безопасных мест не бывает, но мы подберем наилучший вариант из всех возможных. Обязан вас предупредить, что такие укрытия всегда находятся под землей. И комфорт...

— Комфорт не важен. Но я предпочел бы, чтобы

оно находилось в Китае.

— Безусловно. Я немедленно этим займусь.

Когда Кент уже собирался уходить, Ло Цзи остановил его. Указывая в окно на Сад Эдема, теперь полностью укрытый снегом, он попросил:

— Скажите, как называется это место? Мне будет его не хватать.

* * *

Ло Цзи провел больше десяти часов в дороге, под плотной охраной, прежде чем достиг места назначения. Выйдя из машины, он сразу понял, где находится. Именно здесь, в просторном невысоком зале, похожем на подземный гараж, пять лет назад началась его фантастическая новая жизнь. Теперь, после пяти лет сладких грез, перемежающихся с кошмарами, он вернулся туда, откуда начал.

Его встречал Чжан Сян. Это был тот самый молодой человек, который вместе с Ши Цяном провожал его пять лет назад. Сейчас он, заметно повзрослевший за эти годы, руководил охраной.

Лифт по-прежнему управлялся вооруженным солдатом — не тем же, что раньше, конечно, но все равно у Ло Цзи потеплело на душе. Лифт старого образца заменили новым, полностью

автоматическим, не требующим лифтера. Солдат просто нажал кнопку «–10», и лифт поехал вниз.

Подземную базу недавно отремонтировали. Воздуховоды вентиляции в коридорах прикрыли фальшпотолком, стены выложили влагоустойчивой плиткой; все старые лозунги гражданской обороны исчезли.

Квартира Ло Цзи занимала весь десятый подземный этаж. В комфорте она, безусловно, уступала дому, с которым он только что расстался, но зато была оборудована всеми необходимыми средствами связи и компьютерами. В комнате совещаний была установлена система видеосвязи. Ни дать ни взять боевой командный центр.

Администратор привлек внимание Ло Цзи к выключателям в комнате, помеченным изображением солнышка. Администратор объяснил, что это «солнечные лампы» и что их нужно держать включенными не менее пяти часов в день. Первоначально они предназначались для поддержания здоровья шахтеров, подолгу находящихся под землей. Их свет был близок к солнечному и содержал ультрафиолет.

На следующий день по просьбе Ло Цзи десятый этаж посетил астроном Альберт Ринье.

Поздоровавшись, Ло Цзи спросил:

— Это вы первым обнаружили следы трисолярианского флота?

Услышав вопрос, Ринье досадливо поморщился.

— Журналисты приписывают эту честь мне, несмотря на все мои опровержения. Открытие было сделано генералом Фицроем. Это он потребовал, чтобы мы провели наблюдения Трисоляриса во время испытаний телескопа. Если бы не он, мы могли упустить свой шанс, поскольку возмущения межзвездной пыли к тому времени уже бы рассеялись.

— Предмет нашего разговора с этим не связан. Я когда-то занимался астрономией, но неглубоко, а сейчас так и вообще отстал. Мой первый вопрос: если во Вселенной есть другой наблюдатель, кроме нас и Трисоляриса, может ли он определить местонахождение Земли?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Но ведь Земля и Трисолярис обменялись сообщениями!

— Связь на низких частотах может сообщить только приблизительное направление на Землю и Трисолярис внутри Млечного Пути и расстоя-

ние между двумя мирами. То есть если имеется третий наблюдатель, то наш радиообмен всего лишь скажет ему, что где-то в Млечном Пути, в рукаве Ориона, есть две планеты на расстоянии 4,22 светового года друг от друга. Наблюдатель не сможет определить точное местонахождение этих миров. Собственно говоря, определить координаты таким методом можно только между близко расположенными звездами, такими как Солнце и Альфа Центавра. Несколько более удаленный наблюдатель, даже если мы станем с ним разговаривать напрямую, наших координат не определит, так же как и мы его.

— Почему?

— Определить координаты звезды во Вселенной для другого наблюдателя не так просто, как люди это себе представляют. Вот вам аналогия. Вы летите на самолете над Сахарой. Одна песчинка внизу кричит: «Я здесь!» Вы слышите крик, но разве вы можете с самолета определить, где она? В Млечном Пути без малого двести миллиардов звезд. Это практически пустыня из звезд.

Ло Цзи удовлетворенно кивнул.

— Я понял. Значит, вот так...

— Что так? — не понял Ринье.

Ло Цзи не ответил. Вместо этого он задал другой

вопрос:

— Можно ли, используя наш современный уровень технологии, указать положение звезды во Вселенной?

— Да, при помощи узконаправленного, очень высокочастотного электромагнитного излучения. Частота его должна быть не меньше, чем у видимого света, а то и больше. Затем вы отбираете часть энергии звезды и передаете информацию. Если сказать проще, вы заставляете звезду мигать, как маяк в космосе.

— Это далеко за пределами возможностей нашей сегодняшней технологии.

— Ах, извините. Я забыл об этом условии. При нашей современной технологии будет довольно непросто указать положение звезды наблюдателю на краю Вселенной. Вообще-то способ есть, но расшифровка координат требует такого уровня технологии, который нам недоступен. Я полагаю, что он недоступен и Трисолярису.

— Расскажите мне об этом способе.

— Передается взаимное расположение звезд. Если выбрать объем пространства в Млечном Пути с достаточным количеством звезд — наверное, хватит нескольких десятков, — то их взаимное расположение в трехмерном пространстве будет

таким же уникальным, как отпечаток пальца.

— Я начинаю понимать. Мы посылаем сообщение, в котором указываем положение одной определенной звезды по отношению к соседним звездам. Получатель сообщения сравнивает эти расстояния со своей звездной картой и определяет, о какой звезде мы говорим.

— Правильно. Но все не так просто. У получателя должна быть трехмерная модель всей Галактики, в которой были бы точно отмечены расстояния между всеми ее сотнями миллиардов звезд. Когда он примет наше сообщение, то, чтобы найти группу звезд, подходящую под наше описание, ему надо будет произвести поиск в громадной базе данных.

— Это и в самом деле нелегко. Все равно что записать взаимное положение всех песчинок в пустыне.

— Даже еще сложнее. Млечный Путь все время движется. Координаты звезд постоянно меняются. Чем больше времени пройдет между кодированием и декодированием информации, тем больше ошибка. Это значит, что база данных должна отслеживать движение каждой из ста миллиардов звезд. Теоретически это выполнимо, но практически... боже мой...

— Будет ли нам сложно передать такую информацию о расположении звезд?

— Нет, поскольку нам потребуются координаты небольшого количества звезд. Я вот сейчас прикинул: учитывая невысокую плотность звезд в наружной части рукава Галактики, хватит тридцати. Этот объем информации не так уж велик.

— Хорошо. Теперь я задам третий вопрос. За пределами Солнечной системы есть другие звезды с планетами. Вы открыли несколько сотен. Это так?

— Уже больше тысячи.

— Какая звезда из их числа, помимо Альфы Центавра, ближе всего к Солнцу?

— 244J2E1, в шестнадцати световых годах от Солнца.

— Насколько я помню, нумерация организована таким образом: первые цифры — порядок обнаружения, буквы J, E, X означают планеты типа Юпитера, планеты земного типа и все прочие соответственно. Цифры после букв означают количество планет в системе.

— Правильно. 244J2E1 — звезда с тремя планетами. Две из них юпитерианского типа и одна земного.

Ло Цзи немного подумал, потом отрицательно

покачал головой:

— Слишком близко. Как насчет чего-нибудь подальше, скажем... около пятидесяти световых лет?

— 187J3X1, в сорока девяти с половиной световых годах от Солнца.

— Эта подойдет. Вы можете закодировать ее положение?

— Конечно, могу.

— Сколько вам понадобится времени? Помощь нужна?

— Я могу этим заняться прямо здесь, если найдется компьютер, подключенный к Интернету. Вы получите координаты группы из тридцати звезд сегодня вечером.

— А который час? Разве уже не вечер?

— Доктор Ло, я бы, пожалуй, назвал это время дня утром.

Ринье пошел в компьютерную комнату по соседству, а Ло Цзи вызвал Кента и Чжан Сяна. Сначала он сообщил Кенту, что хочет, чтобы СОП как можно скорее собрался для очередных слушаний по проекту «Отвернувшиеся».

Кент ответил:

— В последнее время СОП заседает почти ежедневно. Подайте заявку, и вам наверняка

придется ждать не больше пары дней.

— Тогда придется подождать. Но мне очень хотелось бы, чтобы заседание организовали как можно скорее. И у меня есть условие: я не поеду в ООН. Я буду присутствовать на слушаниях по видеосвязи.

Кент растерялся.

— Доктор Ло, вы не считаете, что это несколько неподобающе? Заседание на таком высоком, международном уровне... Это вопрос уважения к участникам...

— Это часть плана. Что получается — все мои прошлые экстравагантные требования были исполнены, а это, значит, уже чересчур?

— Но вы же понимаете... — замялся Кент.

— Я понимаю, что влияние Отвернувшегося уже не то, каким было раньше, но я настаиваю. — Ло Цзи продолжил тихим голосом, хотя и осознавал, что кружащие рядом софоны все слышат: — Возможны два варианта развития событий. В одном случае ничего не изменилось; тогда я не прочь съездить в ООН. Но есть и другой вариант: мне угрожает опасность. В этом случае я не имею права рисковать.

Затем он обратился к Чжан Сяну:

— Вот почему я позвал к себе вас. На нас могут

напасть крупными силами. Необходимо усилить охрану.

— Не беспокойтесь, доктор Ло. Мы находимся в двухстах метрах под землей. Территория наверху оцеплена, развернуты противоракетные системы, и установлена самая совершенная система предупреждения для обнаружения подкопа в любом направлении. Я гарантирую — наша охрана непреодолима.

Когда посетители ушли, Ло Цзи стал прогуливаться вдоль коридора. Его мысли непроизвольно вернулись к Саду Эдема, озеру и заснеженной вершине. Теперь он знал, как это место называется на самом деле, но внутренне продолжал называть его Садом Эдема. Он понимал, что, скорее всего, ему придется провести остаток своей жизни под землей.

Он взглянул на «солнечные лампы» на потолке коридора. Их свет был совсем не похож на солнечный.

* * *

В виртуальном мире Трисоляриса две летящие звезды медленно плыли в звездной выси. На земле царила тьма; где-то далеко горизонт сливался с ночным небом. В сумраке звучал шепот

бестелесных голосов, как будто говорившие были невидимками, парящими во тьме.

Что-то щелкнуло, и посреди тьмы вспыхнул огонек. В его слабом свете появились три лица: Цинь Шихуанди, Аристотель и фон Нейман. Огонек оказался зажигалкой в руке Аристотеля. К нему склонились несколько факелов. Аристотель зажег один, от него разожгли остальные. Дрожащее пламя осветило пустынную равнину и кучку людей, представлявших разные исторические эпохи. Собеседники продолжали перешептываться.

Цинь Шихуанди вспрыгнул на камень и поднял меч. Толпа притихла.

— Господь приказывает нам уничтожить Отвернувшегося Ло Цзи, — сообщил он.

— Мы тоже получили такое указание. Господь уже второй раз приказывает убить его, — сказал Мо-цзы.

— Но теперь сделать это будет трудновато, — протянул кто-то.

— Трудновато? Да это невозможно!

— Если бы Эванс не добавил то условие в первый приказ, Ло Цзи уже пять лет был бы мертв!

— Вероятно, Эванс поступил правильно. Ведь мы не знаем, какими соображениями он руковод-

ствовался. На площади возле ООН Ло Цзи повезло еще раз.

Цинь Шихуанди взмахом меча прекратил дебаты:

— Не лучше ли нам обсудить, как это осуществить?

— Мы ничего не можем сделать. Как можно хотя бы подобраться к укрытию, которое находится в двухстах метрах под землей, не говоря уж о том, чтобы проникнуть внутрь? Его слишком хорошо охраняют.

— А если применить ядерное оружие?

— Это противоатомное убежище времен холодной войны, черт бы его побрал!

— Тогда надо внедрить своего человека в охрану.

— А получится? У нас было пять лет. Мы хоть раз куда-нибудь внедрились?

— Внедритесь к нему на кухню! — Это восклицание вызвало смешки.

— Хватит маяться дурью. Господу следует все нам рассказать, и тогда, может быть, мы придумаем вариант получше.

Цинь Шихуанди ответил последнему говорившему:

— Я просил Господа все рассказать, но он отве-

тил, что это самый важный секрет во Вселенной и раскрыть его нельзя. Господь обсуждал его с Эвансом, полагая, что человечество уже знает ответ, но позже обнаружил, что это не так.

— Тогда попросите Господа дать нам технологию!

Другие голоса поддержали говорившего. Цинь Шихуанди ответил:

— Технологию я тоже попросил. И был удивлен, когда Господь, против обыкновения, не отклонил мой запрос с ходу.

В толпе поднялся шум. Однако следующие слова Цинь Шихуанди поумерили радость собравшихся:

— Но как только Господь узнал, где находится наша цель, сразу же пошел на попятный. Он пояснил, что с учетом местонахождения цели любая технология из тех, что он может нам передать, окажется неэффективной.

— Этот человек настолько важен? — спросил фон Нейман, безуспешно пытаясь скрыть нотки зависти в голосе. Первый Разрушитель, добившийся успеха, он стал влиятельной персоной в ОЗТ.

— Господь его боится.

Заговорил Эйнштейн:

— Я долго размышлял об этом и полагаю, что Господь может опасаться Ло Цзи по единственной причине: Ло Цзи является рупором некоей силы...

Цинь Шихуанди прекратил дальнейшее обсуждение темы:

— Не будем в это лезть. Лучше давайте подумаем, как выполнить приказ Господа.

— Это невозможно.

— Это на самом деле невозможно. Задание невыполнимо!

Цинь Шихуанди позвенел мечом о камень, на котором стоял.

— Это важнейшая миссия. Господу может угрожать опасность. Кроме того, если мы выполним приказ, то авторитет организации поднимется в глазах Господа на огромную высоту! Здесь собралась мировая элита во всех областях жизни; у нас не может не получиться. Отправляйтесь по домам, хорошенько подумайте и пришлите мне ваши предложения по другим каналам связи. Мы обязаны справиться!

Факелы один за другим погасли, и все растворилось во мраке. Но шепот продолжался.

* * *

Заседание СОП по проекту «Отвернувшиеся» удалось созвать только через две недели. После неудачи Тайлера и гибернации двух других Отвернувшихся СОП провозгласил приоритет основного плана обороны.

Ло Цзи и Кент дожидались начала заседания в комнате видеосвязи. Уже установили соединение; на большом экране был виден зал заседаний СОП. За круглым столом, памятным еще со времен Совета Безопасности, пока никого не было. Ло Цзи появился раньше всех, как бы извиняясь за присутствие по видео.

Дожидаясь начала, он беседовал с Кентом. Ло Цзи спросил, нравится ли тому здесь. Кент ответил, что в молодости три года жил в Китае, познакомился со страной еще тогда, и здесь ему хорошо. В отличие от Ло Цзи, ему не нужно было целыми днями сидеть под землей. Он уже начал забывать китайский язык, но теперь снова разговаривал свободно.

— Похоже, вы простудились, — заметил Ло Цзи.

— Всего лишь подхватил постельный грипп, — ответил он.

— Птичий грипп? — испугавшись, переспросил Ло Цзи.

— Нет. Именно постельный грипп. Так его называют журналисты. Эпидемия началась неделю назад в соседнем городе. Он заразен, но переносится легко. Температуры нет, только насморк; у некоторых першит в горле. Пить таблетки не нужно; он проходит сам, надо только дня три полежать в постели.

— Обычно от гриппа так легко не отделаться.

— Не на этот раз. Многие из солдат и персонала в этом убежище уже заразились. Вы не заметили, что вам поменяли горничную? Она тоже подхватила этот самый грипп, но опасалась заразить вас. Меня, как вашего помощника, заменить пока невозможно.

На экране представители стран начали входить в зал. Они рассаживались за столом и тихо вели беседы, как бы не замечая присутствия Ло Цзи. Исполняющий обязанности председателя СОП открыл заседание и сказал:

— Отвернувшийся Ло Цзи, на только что закончившейся специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН были внесены поправки в закон об Отвернувшихся. Вы с ними ознакомились?

— Да, — ответил он.

— Тогда вы должны были заметить, что закон накладывает дополнительные ограничения на расходование ресурсов Отвернувшимися и усиливает контроль. Я надеюсь, что план, который вы сегодня представите, будет соответствовать требованиям закона.

— Господин председатель, — ответил Ло Цзи, — три других Отвернувшихся уже привлекли громадные объемы ресурсов для выполнения своих планов. Несправедливо вот так ограничивать мои инициативы!

— Распределение ресурсов зависит от конкретного проекта. Вы должны знать, что планы трех других Отвернувшихся не противоречат основной оборонной стратегии. Иными словами, те исследования и разработки, которые они ведут, были бы выполнены так или иначе, даже без проекта «Отвернувшиеся». Я надеюсь, что ваша стратегическая инициатива тоже вписывается в эту схему.

— Мне очень жаль, но мой план не имеет ничего общего с оборонной стратегией Земли.

— Тогда и мне очень жаль. В соответствии с новым законом вы можете распоряжаться только весьма ограниченными ресурсами.

— Даже при старой редакции закона я не мог

оперировать значительными ресурсами. Однако это не беда, господин председатель. Моя идея практически их не требует.

— Как и ваши предыдущие идеи?

Это замечание председателя вызвало смешки в аудитории.

— Даже меньше, чем они. Как я сказал, мой план практически не требует ресурсов, — невозмутимо ответил Ло Цзи.

— Тогда слушаем вас, — кивнул председатель.

— Подробности плана будут изложены доктором Альбертом Ринье, хотя я полагаю, что вы все получили соответствующий пакет документов. Вкратце: мы воспользуемся солнечным механизмом усиления радиоволн и пошлем в космос сообщение. Оно будет состоять из трех изображений и дополнительных данных, доказывающих, что сообщение носит искусственную природу. Эти изображения есть в ваших пакетах документов.

Зал заполнился шорохом бумаг — присутствующие доставали из пакетов три листа бумаги. Изображения также вывели на экран. Они были весьма нехитрыми. Каждое состояло из черных точек, разбросанных, по всей видимости, случайным образом. Все заметили, что одна точка была

больше и помечена стрелкой.

— Что это? — спросил представитель США. Он, как и прочие делегаты, тщательно рассматривал изображения.

— Отвернувшийся Ло Цзи, в соответствии с основными принципами проекта «Отвернувшиеся» вы не обязаны отвечать на этот вопрос, — вставил председатель.

— Это заклинание, — объяснил Ло Цзи.

Шорох и шепотки в зале мгновенно стихли. Все присутствующие уставились в одну точку. Теперь Ло Цзи знал, где висит телевизионный экран с его изображением.

— Что? — переспросил председатель, сузив глаза.

— Он сказал, что это заклинание, — громко повторил кто-то из сидящих за круглым столом.

— Заклинание против кого?

Ло Цзи ответил:

— Против планет звезды 187J3X1. Разумеется, оно сработает и против самой звезды.

— И что же оно сделает?

— На данный момент неизвестно. Но несомненно, что действие заклинания вызовет катастрофу.

— Хм, а какая вероятность того, что на этих

планетах есть жизнь?

— Я неоднократно консультировался по этому поводу с ведущими астрономами. По данным наблюдений, на них нет жизни, — ответил Ло Цзи, сузив глаза так же, как это делал председатель. Он молился про себя: «Лишь бы они не ошиблись!»

— Как скоро после отправки заклинание сработает?

— Звезда находится примерно в пятидесяти световых годах от Солнца. Заклинание завершит работу как минимум через пятьдесят лет. Пройдет сто лет, прежде чем мы увидим результат. Опять же, это по самой скромной оценке. В действительности может потребоваться намного больше времени.

На несколько секунд в зале установилась тишина. Представитель США первым прервал молчание. Он бросил три бумажных листа с черными точками на стол:

— Превосходно. Наконец-то мы обзавелись богом!

— Богом, прячущимся в подвале! — добавил представитель Соединенного Королевства под раскаты хохота.

— Скорее колдуном, — фыркнул представитель Японии. Эту страну никогда не допускали в Совет

Безопасности, но приняли в СОП сразу же после закона о его создании.

— Доктор Ло, вам, во всяком случае, удалось придумать странный и сбивающий с толку план, — выразил свое мнение Гаранин, представитель России, который исполнял обязанности председателя несколько раз за последние пять лет.

Председатель постучал молотком, призывая к порядку.

— Отвернувшийся Ло Цзи, у меня есть к вам вопрос. Учитывая, что это заклинание, почему вы не направите его против вражеской планеты?

Ло Цзи ответил:

— Это всего лишь проверка идеи. Я применю ее в полном масштабе во время битвы Судного дня.

— Нельзя ли использовать Трисолярис как цель для испытаний?

Ло Цзи качнул головой:

— Это абсолютно невозможно. Трисолярис слишком близко. Настолько близко, что заклинание может задеть нас самих. Поэтому я даже не рассматривал звездные системы, расположенные ближе пятидесяти световых лет от Солнца.

— Еще один, последний вопрос. Чем вы собираетесь заниматься в ближайшие сто или сколько там лет?

— Я избавлю вас от своего общества. Лягу в анабиоз. Разбудите меня, когда увидите, как заклинание подействовало на звезду 187J3X1.

* * *

Готовясь к гибернации, Ло Цзи слег с постельным гриппом. Сначала его симптомы не отличались от обычного гриппа — насморк и слабое воспаление горла. Ни он, ни окружающие не придали этому значения. Но через два дня его состояние ухудшилось, температура резко поднялась. Врач счел это необычным и отправил пробу крови в город, на анализ.

Ло Цзи провел ночь в оцепенении лихорадки. Его мучили сны, в которых звезды в ночном небе водили хороводы и танцевали, как песчинки на мембране барабана. Он даже осознавал их взаимное притяжение; только это была система не трех тел, а двухсот миллиардов — всех звезд в Галактике! Затем кружащиеся звезды слились в один гигантский вихрь, а вихрь превратился в огромного серебристого дракона, и этот дракон с ревом начал вгрызаться в его мозг...

В четыре утра Чжан Сяна разбудил телефонный звонок. Звонили из руководства Отдела безопасности СОП. В резких выражениях от него

потребовали отчет о состоянии Ло Цзи и приказали объявить на базе чрезвычайное положение. Группа экспертов уже выехала.

Как только Чжан Сян положил трубку, телефон зазвонил снова. Это был доктор с десятого уровня. Он доложил, что состояние пациента резко ухудшилось — тот сейчас в шоке. Чжан Сян поспешил к лифту.

Доктор и медсестра в панике сообщили, что у их подопечного пошла горлом кровь и он потерял сознание. Чжан Сян увидел Ло Цзи, лежащего в постели с бледным лицом и практически без признаков жизни.

Скоро прибыла группа экспертов. В ней были специалисты из китайского Центра инфекционных болезней, врачи из армейского госпиталя и целый коллектив исследователей из Академии военно-медицинских наук.

Они осмотрели Отвернувшегося. Затем эксперт из академии отозвал Чжан Сяна с Кентом в коридор и объяснил, что происходит.

— Мы сразу обратили внимание на этот грипп. Нам показалось, что его происхождение и характеристики крайне аномальны. Теперь ясно, что это генетическое оружие, генетическая самонаводящаяся ракета.

— Самонаводящаяся ракета?

— Это генетически модифицированный вирус. Он крайне заразен, но у большинства людей вызывает только слабые симптомы простуды. Однако в вирус встроен механизм распознавания генетического кода одного конкретного человека. Как только этот человек заражается, вирус начинает выделять в кровь смертоносные яды. Теперь мы знаем, кто этот человек.

Чжан Сян и Кент переглянулись — сначала в изумлении, а потом в унынии. Чжан Сян побледнел и склонил голову:

— Готов нести полную ответственность.

Ученый в звании старшего полковника успокоил его:

— Чжан, прекратите. Против этого оружия нет защиты. Хоть мы и начали подозревать кое-какие странности с этим вирусом, нам самим это даже в голову не приходило. Идея генетического оружия впервые появилась в прошлом веке, но никто не думал, что она когда-нибудь будет претворена в жизнь. Хотя этот вирус и неидеален, он воистину страшное орудие убийства. Нужно только внедрить его поближе к цели. Собственно, вам даже этого не требуется. Дайте вирусу свободно гулять по всей планете; обычных людей он не особо

беспокоит, поэтому распространится быстро и в конце концов доберется до намеченной жертвы.

— Нет, я принимаю всю вину на себя, — упрямо повторил Чжан, прикрывая глаза рукой. — Если бы капитан Ши был с нами, этого бы не произошло. — Его рука упала; в глазах стояли слезы. — Когда он ложился в гибернацию, его последнее предупреждение было о том, против чего нет защиты. Он тогда сказал: «Сяо Чжан, на такой работе, как наша, мы должны спать с одним открытым глазом. У нас нет гарантий успеха, и бывают угрозы, от которых не убережешься».

— Что нам теперь делать? — спросил Кент.

— Вирус проник глубоко. У пациента отказали печень, сердце и дыхание на грани остановки. Современная медицина бессильна. Вводите его в анабиоз как можно скорее.

* * *

Много позже к Ло Цзи вернулась крохотная частичка сознания. Его морозило. Холод, казалось, исходил из его собственного тела и распространялся подобно свету, вымораживая весь мир. Он увидел снежно-белое пятно; в нем не было ничего, кроме бесконечной белизны. Затем в самом центре появилась черная точка. Постепенно

он начал узнавать знакомые очертания — это была Чжуан Янь, держащая на руках их ребенка. Он с трудом побрел сквозь заснеженную равнину, абсолютно пустую и поэтому полностью утратившую объемность. Чжуан Янь повязала красный шарф — тот же самый, который был на ней семь лет назад, когда он впервые увидел ее. Дочка, раскрасневшаяся от мороза, махала ему ручонками и что-то кричала. Он хотел побежать к ним сквозь сугробы, но молодая мать и ребенок исчезли, будто растворившись в снегу. А потом исчез и сам Ло Цзи; снежно-белый мир сжался в тонкую серебристую полоску. Посреди безграничной тьмы это было все, что оставалось от его сознания. Полоска — нить времени, тонкая и недвижимая — простиралась бесконечно в обе стороны. Его душа, нанизанная на эту нить, медленно ползла по ней в неведомое будущее.

Через два дня мощный поток радиоволн ушел от Земли по направлению к Солнцу. Он проник сквозь зону конвекции и достиг энергетического зеркала в зоне лучистого переноса. Там он отразился, усилился в сотни миллионов раз и со скоростью света помчал в космос заклинание Отвернувшегося Ло Цзи.

Двенадцатый год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,18 светового года.

В космосе появилась еще одна щетка — флот Трисоляриса пересек второе облако межзвездной пыли. «Хаббл II» пристально следил за облаком и поэтому сразу же обнаружил волны, порожденные движением кораблей. На этот раз они выглядели совсем не как щетка. Они скорее походили на траву, внезапно начавшую расти в черной бездне космоса. «Травинки» удлинялись чрезвычайно быстро, вырастая, можно сказать, прямо на глазах. Они были более четкими, чем девять лет назад: за эти годы флот ускорился, и взаимодействие кораблей с пылью было легче увидеть.

— Генерал, посмотрите внимательно вот сюда. Что вы видите? — предложил Ринье Фицрою, указывая на увеличенную фотографию на экране.

— Их по-прежнему около тысячи.

— Нет, посмотрите внимательнее.

Фицрой долго рассматривал изображение. Затем он указал в середину щетки:

— Похоже, что... одна, две, три, четыре... десять щетинок длиннее, чем остальные. Они выдви-

нуты вперед.

— Правильно. Эти десять волн очень слабые. Их можно увидеть только после дополнительной обработки изображения.

Фицрой повернулся к Ринье. На его лице было то же самое выражение, что и десять лет назад, когда был обнаружен флот Трисоляриса.

— Доктор, значит ли это, что эти десять боевых кораблей разгоняются?

— Они все разгоняются. Эта группа быстрее прочих. Но это не боевые корабли. Количество волн увеличилось; теперь их одна тысяча десять. Анализ структуры этих дополнительных волн показывает, что объекты намного меньше, чем боевые корабли, идущие позади. Они во много тысяч раз меньше — размером с грузовик. Но мы все равно можем видеть создаваемые ими волны, поскольку их скорость очень высока.

— Такие маленькие... Это зонды?

— Да, по-видимому, зонды.

Это оказалось еще одним шокирующим открытием «Хаббла II». Человечество встретится с трисолярианскими объектами раньше, чем ожидалось — даже если это всего лишь десять небольших зондов.

— Когда они достигнут Солнечной системы?

— нервно спросил Фицрой.

— Не могу сказать наверняка. Зависит от ускорения; но они однозначно прибудут раньше, чем флот. По консервативной оценке, на полстолетия раньше. Флот, очевидно, идет с максимальным ускорением, но по какой-то причине, которой мы не понимаем, они хотят достичь Солнечной системы как можно раньше. Поэтому они запустили зонды, которые могут разгоняться еще быстрее.

— У них есть софоны; зачем им тогда зонды? — спросил один из инженеров.

Они задумались, но вскоре Ринье сказал:

— Бросьте. Нам все равно не понять.

— Нет, — возразил Фицрой, подняв руку. — Давайте-ка попробуем разобраться хотя бы в части этой загадки. Мы сейчас смотрим на события четырехлетней давности. Вы можете вычислить точную дату, когда флот запустил зонды?

— Нам повезло, что флот запустил их на снегу... я имею в виду пыль... Это позволит нам определить дату по наблюдениям пересечений волн от зондов и волн от флота.

И Ринье назвал дату.

На мгновение Фицрой потерял дар речи; потом сел и закурил сигарету. Наконец он сообщил:

— Доктор, вы не политик. Как я не смог бы уви-

деть эти десять длинных щетинок в щетке, так и вы не понимаете, что эта дата — важнейший факт.

— Что такого особенного в этой дате? — недоумевал Ринье.

— В этот день четыре года назад я присутствовал на слушаниях СОП по проекту «Отвернувшиеся». На этом заседании Ло Цзи предложил воспользоваться Солнцем, чтобы отправить свое заклинание во Вселенную.

Ученые и инженеры переглянулись.

Фицрой продолжал:

— Как раз в это самое время Трисолярис прислал ОЗТ второй приказ, требуя уничтожения Ло Цзи.

— Уничтожения Ло Цзи? Он на самом деле так важен?

— А-а, вы о том, что он сначала был сентиментальным плейбоем, а потом стал строить из себя колдуна? Ну да, ну да. Мы все так думали. А вот Трисолярис думает иначе.

— Ну... а кто он, по-вашему, генерал?

— Доктор, вы верите в Бога?

Этот неожиданный вопрос на мгновение лишил Ринье дара речи.

— Бог? Сегодня это слово означает много раз-

ных понятий, несет много разных смыслов, и я не знаю, что именно вы...

— Я верю не потому, что у меня есть доказательства, а потому, что это относительно безопасно. Если Бог существует, то верить в него правильно. Если Бога нет, то я ничего не теряю.

Слова генерала вызвали у присутствующих смех.

— Вторая половина фразы неточна, — поправил Ринье. — Нам есть что терять, по крайней мере в научном плане... Даже если Бог существует — что с того? Какое он имеет отношение к тому, на что мы сейчас смотрим?

— Если Бог правда существует, то у него может быть представитель в мире смертных.

Все таращились на Фицроя почти целую вечность, прежде чем поняли смысл его слов. Тогда один из астрономов спросил:

— Генерал, о чем вы? Бог не выбрал бы своего представителя из нации атеистов.

Фицрой затушил сигарету и развел руками.

— Когда вы исключили все невозможное, то, что останется, окажется истиной, каким бы невероятным оно ни было. Вы можете предложить объяснение получше?

— Если под Богом вы подразумеваете некую

высшую силу, поддерживающую порядок и справедливость во Вселенной... — размышлял вслух Ринье.

Фицрой прервал его, подняв руку, как будто верховная сила, о существовании которой они только что узнали, могла от этих слов ослабеть.

— Так верьте же, все вы. Начинайте прямо сейчас, — сказал он и перекрестился.

* * *

Испытательный пуск «Тяньти III» показывали по телевизору. Сооружение трех космических лифтов началось пять лет назад. «Тяньти I» и «Тяньти II» ввели в эксплуатацию в начале года, поэтому испытания «Тяньти III» не привлекли большого внимания. Все орбитальные лифты строились с одиночным основным тросом, что ограничивало их возможности. Лифты с четырьмя тросами пока что находились на стадии проектирования; но даже уже построенные были огромным шагом вперед по сравнению с химическими ракетами. Если не учитывать стоимость строительства, выход на орбиту стал дешевле, чем полет на гражданском авиалайнере. Это привело к тому, что к уже видимым в ночном небе Земли объектам добавились новые — теперь

там сияло множество крупных орбитальных станций.

«Тяньти III» был единственным космическим лифтом, построенным посреди океана. Его основание было закреплено на искусственном плавающем острове в Тихом океане, оснащенном ядерными электростанциями и способном самостоятельно передвигаться, благодаря чему можно было корректировать позицию лифта на экваторе. Подобный остров описал Жюль Верн, поэтому его часто называли островом Верна. На экране телевизора океана не было видно — только металлическое основание лифта в форме пирамиды и окружающий его стальной город. На нижнем конце троса установили цилиндрическую грузовую кабину, сейчас готовую к старту. Трос, поднимающийся в космос, тонул в небе, становясь невидимым, потому что его диаметр составлял только шестьдесят сантиметров. Порой на тросе поблескивало заходящее солнце.

Три пожилых человека — Чжан Юаньчао и его соседи, Ян Цзиньвэнь и Мяо Фуцюань — вперились в экран телевизора. Им всем было уже за семьдесят; никто не назвал бы их развалинами, но они были определенно стары. Их тяготило вспоминать былое; им не хотелось задумываться

о будущем; а поскольку с настоящим они не могли ничего поделать, то в это необычное время им оставалось лишь доживать свои дни, ни о чем не думая.

Чжан Вэймин, сын Юаньчао, ввел в комнату Яньяня, его внука. Вэймин нес в руках бумажный конверт.

— Папа, вот твоя продуктовая карточка и талоны на хлеб. — Чжан Вэймин вынул из конверта ворох разноцветных купонов и передал отцу.

— Совсем как в старые времена, — прокомментировал Ян Цзиньвэнь, наблюдая со стороны.

— Они вернулись. Старые времена всегда возвращаются, — с чувством пробормотал Чжан Юаньчао, принимая талоны.

— Это деньги? — спросил Яньянь, разглядывая кусочки бумаги.

— Это не деньги, внучок, — ответил Чжан Юаньчао, — но с сегодняшнего дня, если ты хочешь купить сверх нормы продукты из муки, скажем, хлеб или пирожное, или если хочешь покушать в ресторане, то нужно платить этими талонами вместе с деньгами.

— А вот такого в старые времена не было, — сказал Чжан Вэймин, доставая пластиковую карту с микрочипом. — Это продуктовая карточка.

— Сколько на ней?

— Я получаю двадцать один с половиной килограмм, или сорок три *цзинь*. Ты и Сяохун получаете тридцать семь *цзинь*, и Яньянь получает двадцать один *цзинь*.

— Почти столько же, сколько и тогда давали, — подсчитал старик.

— На месяц должно хватить, — добавил Ян Цзиньвэнь.

Чжан Вэймин покачал головой:

— Господин Ян, вы ведь жили в те времена. Разве вы не помните? В первое время все будет хорошо, но скоро возникнет дефицит всех продуктов, за исключением основных. Вам понадобится записываться в очередь, чтобы купить овощи и мясо. Этого жалкого мучного рациона для пропитания не хватит!

— Да ладно! — Мяо Фуцюань беззаботно махнул рукой. — Мы прошли через то же самое несколько десятков лет назад. С голоду не помрем. Не волнуйся и давай смотри телевизор.

— Да, скоро могут появиться талоны на про-

мышленные товары[26], — вспомнил Чжан Юаньчао. Он положил талоны и карточку на стол и повернулся к телевизору.

На экране цилиндрическая кабина поднималась по тросу. Двигаясь с большим ускорением, она быстро растворилась в вечернем небе. Троса не было видно, поэтому казалось, будто кабина поднимается сама по себе. Она могла разгоняться до пятисот километров в час, но даже с такой скоростью ей понадобится шестьдесят восемь часов, чтобы добраться до причала на геостационарной орбите. Изображение переключилось на камеру, смонтированную под кабиной. Б`ольшую часть изображения занимал трос диаметром шестьдесят сантиметров. Его полированная поверхность ничем не выдавала движение кабины; вертикальную скорость показывали лишь мелькающие на экране цифры. Уходящий вниз трос сужался и исчезал, указывая место на экваторе, далеко внизу, где находился остров Верна. Остров был теперь виден полностью, словно гигантская

[26] Примечания: 26

В начале 1950-х годов в Китае ввели систему продуктовых карточек на зерно и масло. В 1961 году ее расширили, включив в нее товары от обуви и ножниц до стиральных машин и радиоприемников. В 1980-х годах, с переходом от плановой экономики к рыночной, карточная система вышла из употребления и в начале 1990-х была отменена. (*Прим. Дж. М.*)

тарелка, висящая на конце троса.

Ян Цзиньвэнь кое-что вспомнил.

— Сейчас я покажу вам настоящую редкость, — заявил он, встал и, неловко переставляя ноги, двинулся к выходу, направляясь, по-видимому, в свою квартиру. Вскоре он вернулся с тонким листом размером с пачку сигарет и положил его на стол. Чжан Юаньчао взял листок и приглядел ся. Кусочек пленки был серым, прозрачным и легким как пушинка.

— Вот из этого материала сделан «Тяньти»! — сказал Ян Цзиньвэнь.

— Великолепно. Твой сын стащил стратегический материал из общественного сектора, — указал на листок Мяо Фуцюань.

— Это ненужный обрезок. Сын рассказал, что при сооружении «Тяньти» на орбиту подняли тысячи и тысячи тонн этого материала. Из них сделали трос, который потом спустили к земле... Скоро путешествия в космос войдут в моду. Я уже спрашивал сына про фирмы, которые этим занимаются.

— Ты хочешь полететь в космос? — удивился Чжан Юаньчао.

— А что такого? Я слышал, что при подъеме даже нет перегрузок. Это как спальный вагон в

поезде дальнего следования, — отмахнулся Мяо Фуцюань. Работы на его шахтах были давно остановлены, и его семья обеднела. Он продал свою виллу четыре года назад и переселился в квартиру. Ян Цзиньвэнь, сын которого работал над космическим лифтом, в одночасье стал самым богатым из троих приятелей, и старый Мяо ему порой завидовал.

— Я не полечу в космос, — сказал Ян Цзиньвэнь. Он оглянулся по сторонам, убедился, что Вэймин увел мальчика в другую комнату, и продолжил: — Но мои останки полетят. Эй, вы не возражаете против такой темы?

— С какой стати нам возражать? Но почему ты хочешь отправить свои останки в космос? — спросил Чжан Юаньчао.

— Вы знаете, что на конце «Тяньти» находится электромагнитная катапульта. Когда придет время, она разгонит мой гроб до третьей космической скорости, и я улечу из Солнечной системы. Это называется похоронами в космосе. Не хочу после смерти оставаться на Земле, покоренной инопланетянами. Наверное, это разновидность эскапизма.

— А что, если инопланетян разгромят?

— Это практически невозможно. Но если так и

будет, то я ничего не потеряю. Хоть на Вселенную посмотрю!

Чжан Юаньчао покачал головой:

— Вечно у вас, интеллигентов, всякие завиральные идеи. И бесполезные. Упавший лист возвращается в дерево. Меня похоронят в желтой почве планеты Земля.

— А не боишься, что трисоляриане раскопают твою могилу?

Заслышав это, Мяо Фуцюань, до того сидевший тихо, заинтересовался. Он жестом предложил собеседникам придвинуться ближе и понизил голос, как будто опасался, что его подслушают софоны:

— Не говорите никому, но мне в голову пришла идея. У меня много пустых шахт в Шаньси...

— Ты хочешь, чтобы тебя похоронили там?

— Нет, нет. У меня небольшие, открытые карьеры. Ну какая там может быть глубина? Но в паре мест они соединяются с крупными государственными шахтами. Если пройти по их заброшенным штольням и штрекам, то можно спуститься до четырехсот метров ниже поверхности. Это достаточно глубоко для вас? А потом мы взорвем выработку. Не думаю, что трисоляриане станут там ковыряться.

— Да ну... Если земляне могут рыть так глубоко, почему трисоляриане не могут? Увидят надгробие и давай раскапывать.

Мяо Фуцюань не мог сдержать смеха, глядя на Чжан Юаньчао.

— Старина Чжан, ты поглупел?

Видя, что собеседник его не понимает, он указал на Ян Цзиньвэня. Тому наскучили разговоры, и он опять смотрел телевизор.

— Пускай тебе объяснит образованный человек.

Ян Цзиньвэнь усмехнулся:

— Лао Чжан, зачем тебе надгробие? Надгробия нужны для того, чтобы на них смотрели люди. А к тому времени людей не останется.

* * *

На всем пути к Третьему термоядерному испытательному центру Чжан Бэйхай вел машину сквозь глубокий снег. Вблизи от Центра снег растаял, дорога раскисла, а холодный воздух стал теплым и влажным, как дуновение весны. На склонах возле дороги цвели персиковые деревья — странное явление посреди суровой зимы. Чжан Бэйхай направился к белому зданию, стоящему в долине, — входу в Центр, который большей

частью располагался под землей, — и тут заметил среди деревьев какого-то человека, собирающего цветы персика. Приглядевшись, он понял, что это тот самый человек, к которому он ехал. Чжан остановил машину.

— Доктор Дин! — позвал он. Когда Дин И подошел к машине, держа в руке цветы, Чжан засмеялся и спросил: — Для кого это?

— Для меня, конечно! Они распустились от тепла термоядерной реакции. — Физик просто сиял от удовольствия, восхищенный яркими красками цветов. По-видимому, он все еще был под впечатлением от только что свершенного технологического прорыва.

— Жалко выбрасывать столько энергии на ветер. — Чжан Бэйхай вышел из машины, снял темные очки и оценил климат этой рукотворной весны. От его дыхания не шел пар; даже сквозь подошвы ботинок он чувствовал тепло, исходящее от почвы.

— Нет ни денег, ни времени, чтобы построить электростанцию. Но это неважно. Теперь Земле не нужно ограничивать себя в энергии.

Чжан Бэйхай указал на цветы в руках Дин И.

— Доктор Дин, я так надеялся, что вас что-нибудь да отвлечет. Без вас этого успеха достигли

бы позже.

— Без меня они достигли бы успеха даже раньше. На объекте работает больше тысячи ученых. Я просто подтолкнул их в нужном направлении. Я уже давно убедился, что метод токамака[27] — тупик. Если найти правильную методику, то успех гарантирован. А я теоретик. Я не занимаюсь экспериментами. Мои подсказки вслепую, наверное, даже замедлили исследования.

— Не могли бы вы повременить с объявлением результатов? Я говорю серьезно. К тому же это неофициальное пожелание еще и командования космических сил.

— Да как мы можем повременить? Журналюги неотрывно следят за работами во всех трех испытательных центрах.

Чжан Бэйхай кивнул.

— Вот незадача, — вздохнул он.

— Пожалуй, я догадываюсь о причинах вашей просьбы, но все же поясните.

— Если удастся добиться управляемой термоядерной реакции, то сразу же начнется проек-

---

[27] Примечания: 27

В токамаке плазма удерживается тороидальным электромагнитным полем, создаваемым соленоидами, и током, текущим сквозь поток плазмы. Токамак был разработан советскими учеными в 1950-х годах и давал лучшие результаты, чем другие установки для работы с плазмой. (*Прим. Дж. М.*)

тирование космических кораблей. Доктор, вам же известно о двух направлениях: двигатели с рабочим телом и двигатели, использующие электромагнитное излучение. Вокруг этих направлений образовались два лагеря. Аэрокосмическая промышленность поддерживает традиционную конструкцию. Космические силы настаивают на электромагнитных двигателях. Эти исследования потребуют огромных вложений. Если оба направления не смогут развиваться бок о бок, одно из них должно выйти вперед.

— Парни-термоядерщики и я сам за электромагнитный двигатель. С моей точки зрения, только он позволит нам совершать межзвездные полеты. Конечно, у аэрокосмической промышленности свои резоны. Двигатель с рабочим телом — это та же химическая ракета; только он разогревает газ не путем сжигания топлива, а за счет термоядерной реакции. Перспективы работы над таким двигателем намного яснее и безопаснее.

— Да о какой безопасности можно рассуждать, говоря о космической войне будущего! Как вы сами сказали, двигатель с рабочим телом — это просто огромная ракета. Две трети поднимаемой ею массы приходятся на рабочее тело, и оно быстро расходуется. Такие корабли смогут ле-

тать лишь по Солнечной системе, и им при этом потребуются заправки на орбитах планет. Если мы пойдем по этому пути, то заново разыграем трагедию китайско-японской войны с Солнечной системой в роли Вэйхайвэя[28].

— Превосходное сравнение, — сказал Дин И, салютуя Чжан Бэйхаю букетиком.

— Это факт. Передняя линия обороны флота должна проходить по портам противника. Для нас это, конечно, недостижимо; но нам следует выдвинуть линию обороны хотя бы до облака Оорта. Наш флот должен быть способен к маневру для обхода и окружения противника далеко за границами Солнечной системы. Это азы войны в космосе!

— Силы внутри аэрокосмической промышленности не монолитны, — стал рассуждать Дин И. — Старая гвардия родом из эпохи химических ракет настаивает на двигателях с рабочим телом. Но в промышленности уже появились игроки с иной специализацией. Возьмем, например, нашу

---

[28] Примечания: 28

Битва при Вейхайвэе стала последним крупным сражением первой китайско-японской войны. В феврале 1895 года корабли Бэйянского флота — военно-морского флота Цинской империи — в поисках спасения от наступающего флота имперской Японии встали на якорь в гавани своей базы в Вэйхайвэе, в провинции Шаньдун. Наземные японские войска захватили береговые укрепления, и китайский флот был вынужден капитулировать. (*Прим. Дж. М.*)

термоядерную установку — ее разработчики большей частью выступают за электромагнитный двигатель. Силы сторон равны; всего лишь три или четыре человека, занимающих важные позиции, могут сместить баланс. Их мнение окажется решающим. Но эти три-четыре человека, к сожалению, из старой гвардии.

— Это важнейшее решение во всем плане. В случае ошибки мы построим не тот космический флот и потеряем столетие или два. Тогда у нас уже не останется времени на перемену курса.

— Но ведь ни вы, ни я не можем ничего изменить!

После обеда с Дин И Чжан Бэйхай пустился в обратный путь. Он отъехал совсем недалеко от Центра, а сырая почва уже покрылась мокрым снегом, сияющим белизной в свете солнца. Воздух стал холоднее, и мороз сковал сердце Чжан Бэйхая.

Чжан Бэйхай отчаянно нуждался в корабле, способном преодолеть межзвездное пространство. Все пути к этой цели были для него закрыты, кроме одного. И он пройдет этот путь до конца, невзирая на все препятствия.

* * *

Квартира коллекционера метеоритов находилась в глубине двора, отгородившегося от узкого переулка хутуна[29]. Войдя, Чжан Бэйхай обнаружил, что старую, плохо освещенную квартиру превратили в небольшой геологический музей. Вдоль каждой стены стояли застекленные витрины, внутри которых были разложены профессионально подсвеченные образцы — один непримечательный камень за другим. Хозяин, крепкий мужчина лет под пятьдесят, сидел за верстаком и изучал под лупой небольшой камешек. Заметив посетителя, он радостно поприветствовал его. Чжан Бэйхай сразу понял, что это один из тех счастливцев, у которых есть свой собственный мир любимых увлечений. Что бы ни случилось, он в любой момент может удалиться в этот мир и обрести спокойствие.

Атмосфера старины, обычная для старых зданий, напомнила Чжан Бэйхаю, что в то время,

---

[29] Примечания: 29

В городах старого Китая группы домов, расставленных по принципу сыхэюань (прямоугольные дворы-колодцы с располагающимися вокруг них жилыми помещениями), строились одна возле другой, образуя узкую улицу. Такие улочки или группы домов и называли хутунами. (*Прим. перев.*)

как он и его соратники ведут бой за выживание человеческой расы, большинство людей живут прежней, привычной жизнью. Это согрело и успокоило его душу.

Два громадных достижения — постройка космического лифта и прорыв в технологии управляемого термоядерного синтеза — придали всем уверенности и существенно ослабили пораженческие настроения. Но трезвомыслящие люди осознавали, что это только начало пути. Если сравнивать создание космического флота со строительством океанского, то человечество всего лишь добралось до берега моря, неся с собой инструменты. Еще не были построены даже космические верфи. Кроме изготовления корпуса корабля человечеству предстояло изобрести космическое оружие, замкнутые системы жизнеобеспечения и выстроить несколько космопортов — короче, взять небывалые технологические рубежи. Для создания одной только базовой инфраструктуры может потребоваться целое столетие.

Помимо защиты от угрозы из космического пространства у человечества были и другие заботы. Огромные ресурсы пойдут на создание систем обороны планеты. Эти расходы отбросят каче-

ство жизни на сотню лет назад. Это значит, что грядет самый суровый вызов моральному духу человечества. Учитывая эти факты, военное командование начало готовить политработников космических сил к отправке в будущее в качестве подкрепления. Чжан Бэйхая, как разработчика программы, назначили командующим Специальным контингентом поддержки будущего. Он принял назначение и предложил, чтобы все офицеры группы, прежде чем лечь в анабиоз, не менее года обучались работе в космосе. Тогда они будут готовы к действиям сразу после пробуждения. «Кому нужны наземные крысы, боящиеся ступить в космос!» — сказал он Чан Вэйсы. Его предложение без промедления одобрили. Через месяц он сам и его первая группа в количестве тридцати человек отправились на орбиту.

— Вы солдат? — спросил коллекционер, разливая чай. Получив в ответ кивок, он продолжил: — Нынешние солдаты уже не те. Но вы особенный, я сразу заметил.

— Вы тоже когда-то были солдатом, — ответил Чжан Бэйхай.

— Вы наблюдательны. Б`ольшую часть жизни я прослужил в Картографическом бюро при Генеральном штабе.

— Как случилось, что вы заинтересовались метеоритами? — спросил Чжан Бэйхай, разглядывая обширную коллекцию.

— Больше десятилетия назад я с группой картографов поехал в Антарктиду искать метеориты под снегом. И втянулся. Метеориты прилетают из внеземного пространства, издалека, этим они и привлекательны. Когда я беру один из них в руки, мне кажется, что я ступаю на новую, чужую планету.

Чжан Бэйхай покачал головой и улыбнулся.

— Это только так кажется. Сама планета Земля состоит из спрессованной межзвездной пыли; по сути, она гигантский метеорит. Камень у нас под ногами — метеорит. Эта чайная чашка у меня в руке — метеорит. Говорят, что и вода на Земле из комет. Так что, — он поднял чашку, — даже этот чай тоже метеорит. В вашей коллекции нет ничего особенного.

Коллекционер ткнул в него пальцем и рассмеялся:

— А вы не промах! Уже начали торговаться. И все же я доверяю своим чувствам.

Хозяин не устоял перед искушением показать Чжан Бэйхаю свою коллекцию. Он даже открыл сейф и достал свою величайшую драгоценность

— марсианский ахондрит[30] размером с ноготь. Указав на маленькие круглые ямки на поверхности, он объяснил, что это могут быть следы бактерий.

— Пять лет назад Роберт Хааг[31] хотел купить его; давал золотом в тысячу раз больше, чем его вес. Но я отказался продавать.

— Сколько из них вы нашли сами? — спросил Чжан Бэйхай, указывая вокруг.

— Немного. Большинство купил у частных лиц или выменял у других коллекционеров... Теперь скажите, чего вы хотите. Какой тип вам нужен?

— Ничего особенно ценного. Высокой плотности, нехрупкий и легкий в обработке.

— Понятно. Вы хотите выгравировать надпись.

Чжан кивнул:

— Можно и так сказать. Лучше всего, если его можно будет обработать на токарном станке.

— Тогда вам нужен железный метеорит, — определил коллекционер. Он открыл одну из витрин и вынул темный камешек размером с

---

[30] Примечания: 30

Ахондриты — каменные метеориты без округлых включений — хондр. По составу и структуре близки к земным базальтам. (*Прим. перев.*)

[31] Примечания: 31

Роберт Хааг — известный американский коллекционер метеоритов. (*Прим. перев.*)

грецкий орех. — Вот такой. Он состоит в основном из железа и никеля, с примесями кобальта, фосфора, кремния, серы и меди. Вам нужна высокая плотность? У него восемь грамм на кубический сантиметр. Его легко обработать на токарном станке, в нем много металла.

— Хорошо. Только маловат.

Хозяин достал еще один, размером с яблоко.

— А еще больше у вас есть?

Коллекционер взглянул на него:

— Их не продают вразвес. Крупные образцы дорого стоят.

— Ладно, у вас найдутся три таких, как этот?

Коллекционер разложил три железных метеорита примерно одного размера и принялся набивать цену:

— Железные метеориты попадаются нечасто. Они составляют только пять процентов всех найденных метеоритов. Вот эти три — отличные экземпляры. Посмотрите, этот — превосходный октаэдрит. Оцените структуру поверхности в виде насечки; она называется структурой Видманштэттена. А этот — атаксит, он богат никелем. Параллельные линии на поверхности называются линиями Ноймана. Вот этот содержит камасит, а этот — таэнит, минерал, не встречающийся на

Земле. Его я нашел в пустыне с помощью металлоискателя; это было похоже на поиск иголки в стоге сена. Моя машина застряла в бархане, полуось треснула... Я тогда чудом выжил.

— Назовите вашу цену.

— На международном рынке экземпляр такого размера и класса стоит порядка двадцати долларов США за грамм. Получается шестьдесят тысяч юаней за каждый, или же сто восемьдесят тысяч за все три[32].

Чжан Бэйхай вынул телефон.

— Номер вашего счета, пожалуйста. Я переведу деньги прямо сейчас.

Коллекционер надолго замолчал. Когда Чжан Бэйхай посмотрел на него, он смущенно рассмеялся:

— Я вообще-то ожидал, что вы начнете торговаться.

— Нет. Я готов заплатить.

— Послушайте. Сейчас любой может полететь в космос. Цены на рынке несколько упали, даже учитывая, что найти метеорит в космосе не так легко, как на земле. Вот эти, ну, они стоят...

Чжан Бэйхай решительно прервал продавца:

---

[32] Примечания: 32

Приблизительно десять тысяч долларов за каждый; всего тридцать тысяч долларов. (*Прим. Дж. М.*)

— Нет. Цена меня устраивает. Считайте, что это знак уважения к получателям моего подарка.

* * *

Чжан Бэйхай вышел из квартиры коллекционера и направился в механический цех одного из исследовательских институтов космических сил. Рабочий день уже закончился, и цех, в котором стоял современный станок с ЧПУ, был безлюден. Сначала Чжан специальной фрезой разрезал все три метеорита на цилиндры одинакового диаметра, каждый толщиной примерно с карандаш, которые затем распилил на кусочки одинаковой длины. Он работал аккуратно, стараясь не тратить материал попусту. Таким образом он изготовил тридцать шесть стержней из метеоритного железа. Закончив, он тщательно собрал все опилки, вынул фрезу из станка и вышел из цеха.

Дальнейшую работу он проделал в подвале, в тайной мастерской. Он расставил перед собой тридцать шесть пистолетных патронов калибра 7,62 мм и вытащил из них пули. Если бы это были старые патроны с латунными гильзами, такая работа потребовала бы изрядных усилий. Но два года назад Вооруженные силы перешли на безгильзовые патроны. В них пуля крепилась к

пороховому заряду, и ее было несложно отделить. Затем с помощью специального клея он приклеил к каждому заряду стержень, выточенный из метеорита. Клей предназначался для ремонта корпуса космического корабля в вакууме и гарантировал прочность шва при любых экстремальных космических температурах. У Чжан Бэйхая получилось тридцать шесть патронов с пулями из метеорита.

Он зарядил четыре патрона в магазин, вставил его в пистолет и выстрелил в мешок, лежащий в углу мастерской. В небольшом закрытом помещении выстрелы прозвучали оглушительно, и в воздухе появился сильный запах сгоревшего пороха.

Чжан Бэйхай тщательно осмотрел четыре отверстия в мешке, отметив, что они были невелики. Это означало, что метеорит не раскололся при выстреле. Он открыл мешок и вынул большой кусок свежей говядины. При помощи ножа извлек засевшие в нем метеориты. Все четыре «пули» полностью растрескались, оставив после себя лишь маленькую кучку осколков, которую он высыпал себе на ладонь. На осколках не было видно никаких следов обработки. Как раз то, что надо.

Мешок, в котором лежало мясо, был изготовлен из тех же материалов, из которых шили космические скафандры. Чтобы испытание было более реалистичным, Чжан Бэйхай сделал мешок многослойным; в нем были теплоизоляция, пластмассовые трубки и многое другое.

Он аккуратно упаковал оставшиеся тридцать два метеоритных патрона и покинул мастерскую. Ему нужно было подготовиться к полету в космос.

* * *

Чжан Бэйхай висел в космическом пространстве, в пяти километрах от станции «Желтая Река». Она имела форму кольца и, находясь в трехстах километрах над причалом космического лифта, выполняла роль противовеса. Станция была самым крупным объектом, построенным людьми в космосе. На ней могла постоянно жить и работать тысяча человек.

В радиусе пятисот километров от лифта находились и другие станции, но все они были намного меньше «Желтой Реки». На этих станциях, разбросанных в пространстве, как в давние времена вигвамы индейцев по прерии, человечество готовилось к крупномасштабному покорению

космоса. Самыми большими объектами были верфи. Их только что начали строить. Со временем они станут в десять раз больше «Желтой Реки», но пока что был собран только каркас, походивший на скелет неведомого исполинского животного.

Чжан Бэйхай прилетел с «Базы № 1» — одной из малых орбитальных станций. Она плавала в космосе на удалении восемьдесят километров и была в пять раз меньше «Желтой Реки». Он, как и другие члены Специального контингента поддержки будущего, жил на этой станции уже три месяца и за это время возвращался на Землю лишь однажды.

Все эти месяцы Чжан поджидал удобного момента, и сегодня он настал. Аэрокосмические промышленники созвали рабочую встречу на высоком уровне и назначили ее на «Желтой Реке». Там будут присутствовать все три человека, которых ему нужно устранить. Как только станцию ввели в эксплуатацию, аэрокосмические магнаты стали с завидной регулярностью созывать на ней совещания, как бы компенсируя тот огорчительный факт, что большинству работников их сектора так и не довелось слетать в космос.

Перед выходом с «Базы № 1» Чжан Бэйхай от-

соединил от скафандра модуль навигатора и оставил его в своей каюте. Теперь система наблюдения не узнает, что он покидал базу, и его действия не будут отслеживаться. При помощи реактивных двигателей в ранце скафандра он пролетел восемьдесят километров сквозь космос, прибыл в заранее выбранную им точку и принялся ждать.

Совещание уже закончилось; скоро собравшиеся выйдут наружу, чтобы сфотографироваться.

По установившейся традиции после совещания его участники надевают скафандры, выходят в космос и делают групповой фотоснимок. Для того чтобы станцию позади них было хорошо видно, люди вынуждены занять позицию между Солнцем и станцией и повернуться к Солнцу. Более того, им нужно поднять светофильтры шлемов, иначе на фотографии не будет видно лиц. Солнечный свет будет настолько ярким, что им придется зажмуриться, но даже тогда шлем сильно нагреется изнутри. Поэтому самый подходящий момент для фотографирования наступает тогда, когда Солнце восходит над горизонтом или заходит за горизонт Земли. На геостационарной орбите Солнце всходит и заходит один раз в сутки, но ночь бывает очень короткой. Чжан Бэйхай

дожидался захода.

Он знал, что система наблюдения «Желтой Реки» уже обнаружила его присутствие, но был уверен — никто не обратит на это внимания. В прилегающем к станции участке космоса свободно плавали самые различные строительные материалы, как старые и ненужные, так и новые. Мусора дрейфовало еще больше. Значительная часть всех этих объектов была размером с человека. Кроме того, космический лифт и окружающие его станции поменьше напоминали крупный город с жилыми пригородами. Между ними непрерывно курсировали товары и люди. Привыкнув к космосу, рабочие стали путешествовать между станциями в одиночку. Скафандр уподобился космическому велосипеду; реактивный двигатель мог разогнать его до пятисот километров в час. Он стал самым удобным транспортным средством для перемещения в радиусе нескольких сот километров от лифта.

Но в этот самый момент, знал Чжан Бэйхай, космос вокруг него пуст. С высоты геостационарной орбиты он обозревал весь земной шар. Он видел и Солнце, уже потянувшееся своим краем к горизонту планеты. Все остальное пространство, во всех направлениях, зияло сплошной чернотой.

Россыпь звезд была лишь мелкой светящейся пылью, неспособной заполнить пустоту Вселенной. Чжан помнил, что система жизнеобеспечения его скафандра рассчитана на двенадцать часов. Прежде чем ее ресурс исчерпается, ему понадобится преодолеть восемьдесят километров до «Базы № 1», а она сейчас виднелась лишь маленькой точкой далеко позади. Впрочем, сама база тоже долго не протянет, если ее оторвать от пуповины космического лифта. Но сейчас, недвижимо вися в пустоте пространства, Чжан Бэйхай почувствовал, как рвется его связь с голубой планетой далеко внизу. Он остался один на один со Вселенной, свободный от любого из миров; его окружал лишь вакуум, и у его пути по Вселенной не было ни начала, ни конца — как и у Земли, и у Солнца, и у Млечного Пути. Он просто *был*, и ему это нравилось.

Ему даже представилось, что душа его отца разделяет эти чувства.

Солнце коснулось горизонта Земли.

Чжан Бэйхай поднял руку. В перчатке был зажат оптический прицел. Через него с расстояния в десять километров он принялся наблюдать за одним из шлюзов «Желтой Реки». Дверь шлюза, хорошо видимая на выпуклой стене станции,

была закрыта.

Он посмотрел на Солнце. Светило уже наполовину зашло — казалось, будто край Земли оседлал сияющий полумесяц.

Чжан Бэйхай вновь прильнул к прицелу. На этот раз он увидел, что сигнальный огонь возле шлюза сменил цвет с красного на зеленый. Это означало, что из шлюза откачали воздух. Открылась дверь, наружу высыпали три десятка человек в белых скафандрах и тут же устремились прочь от станции. Их тени на внешней стенке «Желтой Реки» стали менее отчетливыми.

Им нужно было удалиться от станции на изрядное расстояние, чтобы все сооружение попало в кадр. Но вскоре они затормозили и начали выстраиваться для фотоснимка. К этому времени Солнце зашло на две трети; оставшееся выглядело светящимся серпом, парящим над зеркалом океанов. Одна половина зеркала была синей, другая — красно-оранжевой, а верхушку венчали полыхающие закатным светом облака, похожие на розовый плюмаж.

Солнечный свет постепенно тускнел, и участники совещания начали поднимать светофильтры шлемов, открывая лица. Чжан Бэйхай покрутил кольцо увеличения на прицеле и быстро обна-

ружил нужных людей. Как он и ожидал, столь высокопоставленные персоны оказались в середине первого ряда.

Он отпустил прицел, оставив его висеть в космосе. Левой рукой повернул металлический замок правой перчатки и отсоединил ее от скафандра. Теперь на его правой руке не было ничего, кроме тонкой перчатки из ткани, и рука немедленно ощутила холод космоса. Чтобы не обморозиться, Чжан подставил ее под гаснущие лучи солнца, а потом полез в карман скафандра и достал пистолет и два магазина. Левой рукой он подхватил плавающий перед лицом оптический прицел и присоединил его к пистолету. Прицел был от винтовки, но Чжан Бэйхай переделал его, добавив магнитное крепление для пистолета.

Практически любое земное огнестрельное оружие может стрелять в космосе. Вакуум сам по себе не создает осложнений — в порохе содержится весь необходимый для выстрела кислород. Но перепад температур в космосе бывает значительным, намного превышающим обычный диапазон температур в атмосфере. Он повлияет и на оружие, и на заряды. Поэтому Чжан Бэйхай опасался надолго доставать пистолет и патроны. Все эти три месяца он неоднократно трениро-

вался быстро извлекать пистолет, присоединять прицел и менять магазины.

Он поймал первую цель в перекрестье прицела.

В атмосфере Земли даже самая лучшая снайперская винтовка не поразит цель, удаленную на пять километров. Но в космосе на такое способен даже обычный пистолет. Пуля летит в безгравитационной среде, не подвергается влиянию внешних сил и идет по абсолютно стабильной траектории прямо к цели. За пределами атмосферы пуля сохранит начальную скорость вплоть до попадания. Гибель жертвы гарантирована.

Он нажал на спуск. Пистолет неслышно дернулся, и на конце ствола мигнуло оранжевое пламя. Чжан Бэйхай выстрелил десять раз по первой цели, быстро сменил магазин и произвел еще десять выстрелов по второй. Снова перезарядив оружие, он послал последние десять пуль в третью цель. Тридцать вспышек. Если бы кто-нибудь на станции «Желтая Река» смотрел в его направлении, то увидел бы маленькую искорку на фоне необъятного черного неба.

Тридцать метеоритов понеслись навстречу своим жертвам. Его пистолет придавал пуле начальную скорость в 500 метров в секунду. Чтобы

достичь цели, пуле понадобится примерно десять секунд. Чжан Бэйхай мог только надеяться, что за это время люди не сдвинутся с места. На то были основания — два задних ряда еще не выстроились для съемки. И даже когда все заняли свои места, фотографу потребовалось подождать, пока не рассеется дымка от двигателей скафандров. Поэтому руководству в первом ряду тоже пришлось дожидаться. Но, с другой стороны, они все дрейфовали в невесомости, так что легко могли отплыть в сторону. Тогда пули не просто прошли бы мимо — они могли попасть в невиновных.

Невиновных?.. Три приговоренных Чжан Бэйхаем к смерти человека тоже не были ни в чем виновны. Задолго до трисолярианского кризиса они вложили небольшие, по сегодняшним меркам, суммы в аэрокосмические предприятия, на которых медленно и осторожно создавали космические аппараты вплоть до самого начала космической эры. Устаревшее мышление этих людей закостенело. Их было необходимо устранить, чтобы пришли новые и построили космические корабли для межзвездных путешествий. Смерть этих ретроградов станет их последним вкладом в дело освоения космоса.

Собственно говоря, Чжан Бэйхай нарочно по-

слал пару пуль в сторону от намеченных жертв — чтобы поразить других людей. Хорошо бы, конечно, только ранить их, но ничего страшного, если он и убьет одного-двоих посторонних. Это ослабит возможные подозрения.

Он поднял разряженный пистолет и стал рассматривать фотографирующихся через оптический прицел. Он был готов к неудаче. Тогда он принялся бы хладнокровно подыскивать другую возможность.

Бежали секунды, и наконец появились признаки попадания. Чжан Бэйхай не видел пробоин в скафандре, но он увидел облако белого газа. И сразу же еще большее облако белого пара вырвалось из промежутка между первым и вторым рядами. Вероятно, пуля пронзила жертву насквозь и попала в двигатель скафандра. Расчеты Чжан Бэйхая оказались верны — метеориты ничуть не потеряли в скорости, и их удар ничем не отличался от выстрела в упор. Внезапно на шлеме одной из жертв появились трещины, и стекло покрылось туманом. Но даже сквозь запотевший лицевой щиток было видно, как шлем изнутри залило кровью. Кровь и воздух били фонтаном из пробитого метеоритом отверстия и сразу же превращались в диковинные снежинки.

Наблюдения вскоре подтвердили, что стрелок поразил пять человек, включая все три намеченные жертвы. В каждую из последних попало не меньше пяти пуль.

Сквозь стекла шлемов он видел, что все участники фотосъемки вопят от ужаса. По губам он прочел ожидаемое:

— Метеорный поток!

Все в группе включили двигатели на полную тягу и полетели к станции. За ними тянулся шлейф белого тумана. Вскоре подвергшиеся атаке скрылись внутри. Чжан Бэйхай отметил, что они унесли с собой тела тех пятерых, которых он застрелил.

Он включил двигатель и начал разгон в направлении «Базы № 1». Его сердце было таким же холодным и спокойным, как и окружавший его космос. Конечно, смерть трех магнатов аэрокосмического комплекса еще не гарантия, что проект электромагнитного двигателя станет основным. Но он сделал все, что мог. Остается только смотреть, как теперь развернутся события. И пусть за ним из Великого Запределья неотрывно наблюдают глаза его отца — он мог теперь позволить себе передышку.

* * *

В то же самое время, когда Чжан Бэйхай возвращался на «Базу № 1», в глубине земного Интернета, посреди пустынной равнины виртуального мира «Трех тел» спешно собралась группа людей, чтобы обсудить случившееся.

— На этот раз мы получили подробный отчет от софонов, иначе не поверили бы, что он решился на такое, — сказал Цинь Шихуанди, беспокойно поигрывая мечом. — Посмотрите только, что он натворил, и сравните с нашими тремя покушениями на Ло Цзи. — Он вздохнул. — Порой мы чересчур церемонимся. Нам бы такого — циничного и хладнокровного.

— Мы что, так и позволим ему гулять безнаказанным? — спросил Эйнштейн.

— Согласно пожеланию Господа, ничего иного нам не остается. Этот человек — непоколебимый упрямец и триумфалист. Господь не желает, чтобы мы без нужды вмешивались в дела таких людей. Нам следует сосредоточиться на эскапизме. Господь считает, что пораженчество опаснее, чем триумфализм, — пояснил Ньютон.

— Мы не можем полностью полагаться на стратегию Господа, если собираемся ревностно

служить ему. В конце концов, мнение Господа в этих вопросах не мудрее, чем мнение ребенка, — возразил Мо-цзы.

Цинь Шихуанди звякнул мечом о землю.

— Тем не менее в данном случае верным решением будет именно невмешательство. Пускай они сосредоточатся на разработке электромагнитного двигателя. Физика по-прежнему под замком софонов, а без нее такой двигатель никогда не построить. Этот проект окажется бездонной дырой; человечество истратит на него все время и все деньги, но так ничего и не добьется.

— С этим мы все согласны. Но я считаю, что этот человек — ключевая фигура. Он опасен, — изложил свое мнение фон Нейман.

— Именно! — закивал Аристотель. — Мы думали, он всего лишь солдат. Но разве он ведет себя как солдат, послушно исполняющий приказы?

— Он и в самом деле опасен. Его вера непоколебима, он смотрит далеко вперед, он спокоен и жесток, и он действует с холодной решительностью. В обычной обстановке он точен и серьезен, а при необходимости выходит за рамки правил и действует на свой страх и риск, — произнес Конфуций и вздохнул. — Как уже сказал Первый Император, нам бы такого человека!

— С ним можно легко покончить. Достаточно обнародовать его преступление, — предложил Ньютон.

— Не так все просто! — махнул на него рукавом Цинь Шихуанди. — И это ваша вина! Вы уже несколько лет пытаетесь сеять раздор в космических силах и в ООН при помощи информации, собираемой софонами, и что из всего этого вышло? Те, кого вы разоблачили, стали героями, а сам факт появления компромата воспринимается как знак верности Земле!

— И кроме того, у нас нет надежных доказательств, — подтвердил Мо-цзы. — Он продумал весь свой план самым тщательным образом. Пули рассыпались в песок при ударе; при вскрытии из тел извлекут лишь подлинные метеориты. Все подумают, что люди попали в метеорный поток. Правда настолько необычна, что в нее никто не поверит.

— Хорошо, что он отправляется в будущее. Хоть какое-то время не будет нам мешать.

Эйнштейн тяжело вздохнул:

— Вот и он уходит в будущее. Все уже на пути туда. Кому-то из нас тоже стоит лечь в анабиоз.

* * *

Хоть они и сказали друг другу «быть может, еще встретимся», каждый в глубине души понимал, что это прощание навсегда.

Специальный контингент поддержки будущего вылетал в центр гибернации. Чан Вэйсы и другие высокопоставленные чины космических сил приехали в аэропорт, чтобы проводить их. Чан Вэйсы передал Чжан Бэйхаю письмо.

— Это письмо для моего преемника. В нем я представляю тебя и всячески рекомендую перед будущим командованием. Вы проснетесь не ранее чем через пятьдесят лет, а скорее всего, позже. Вам предстоит работать в сложных условиях. Сначала придется освоиться в будущем, сохраняя при этом воинский дух нашей эпохи. Не забывайте нашего сегодняшнего опыта работы; на месте оцените, какие из методов устарели, а какие достойны применения. Может быть, этот опыт станет вашим главным преимуществом.

— Командующий, впервые в жизни сегодня сожалею, что я атеист. Иначе надеялся бы снова встретиться с вами в ином месте и в иное время, — признался Чжан Бэйхай.

Такое выражение чувств, исходящее от хлад-

нокровного и практичного человека, удивило Чан Вэйсы. Но эти слова отозвались в душе всех присутствующих. Будучи солдатами, они, разумеется, не подали виду.

— Я рад, что нам посчастливилось работать вместе. Передай привет от нас нашим будущим коллегам, — ответил Чан Вэйсы.

Офицеры контингента поддержки отдали честь и взошли на борт самолета.

Чан Вэйсы не сводил глаз с Чжан Бэйхая. От генерала уходил замечательный солдат, и вполне может статься, что он никогда не встретит другого такого. Откуда Чжан черпал свою непоколебимую веру в победу? Этот вопрос все время таился в глубине сознания Чан Вэйсы. Порой он даже завидовал Чжан Бэйхаю. Такая уверенность в победе — удача для любого солдата. В битве Судного дня подобных счастливцев будет немного. Когда высокая фигура Чжан Бэйхая скрылась в двери самолета, Чан Вэйсы признался себе, что он так и не сумел понять своего подчиненного.

Самолет взлетел и вскоре растворился в мутном небе, унося в себе тех, кто, быть может, узнает, выживет человечество или нет. Стоял пасмурный зимний день; солнце вяло светило сквозь пелену серых облаков, и холодный ветер

насквозь продувал пустое здание аэровокзала. Казалось, будто воздух никогда больше не потеплеет, будто весна никогда больше не придет. Чан Вэйсы поднял воротник армейской шинели. Сегодня ему исполнилось пятьдесят четыре. В этом тоскливом зимнем ветре ему почудилось предзнаменование конца его собственной жизни и гибели всей человеческой расы.

Двадцатый год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,15 светового года

Рея Диаса и Хайнса вывели из гибернации одновременно. Появилась технология, которой они дожидались.

— Так скоро?! — удивились оба, узнав, что прошло лишь восемь лет[33].

Им объяснили, что благодаря беспрецедентным инвестициям в последние годы технологии развивались с поразительной быстротой. Впрочем, оснований для особого оптимизма не было; просто человечество сделало последний рывок к барьеру, воздвигнутому софонами. Развивалась

[33] Примечания: 33

Авторский анахронизм. В действительности оба легли в анабиоз ок. 12 лет назад, на восьмом году эры Кризиса. (*Прим. перев.*)

только технология. Фундаментальные науки стояли на месте, как лужа затхлой воды, и эта лужа быстро пересыхала. Скоро технический прогресс замедлится, а потом остановится совсем. Никто, правда, пока не знал, когда именно это случится.

* * *

На плохо слушающихся после долгого сна ногах Хайнс вошел в здание, похожее на крытый стадион. Внутри стоял белый туман, но Хайнс не ощутил сырости. Он недоумевал, что же это такое. Туман светился мягким лунным светом. На уровне головы туман был редким, но выше сгущался настолько, что крышу здания было не разглядеть. Сквозь него он увидел вдали тонкую фигурку и немедленно узнал жену. Он побежал к ней; поначалу это походило на погоню за призраком, но в конце концов они встретились и обнялись.

— Извини, дорогой. Я постарела на восемь лет, — призналась Кейко Ямасуки.

— Ты все равно на год моложе меня, — ответил он, рассматривая жену. Он не увидел следов, оставленных временем, но в этой лунно-белой мгле она выглядела бледной и слабой. Он вспомнил о той ночи в бамбуковой роще в их доме в

Японии. — Разве мы не решили, что ты ляжешь в гибернацию через два года после меня? Почему ты ждала все эти годы?

— Хотела подготовиться к продолжению наших исследований после пробуждения, но работы было так много... — ответила она, смахивая со лба прядь волос.

— Трудно было?

— Очень. Вскоре после того, как ты заснул, дали старт сразу шести проектам суперкомпьютеров нового поколения. Три из них строились по традиционной схеме, один — не по фон Нейману, один квантовый и один биомолекулярный. Через два года ведущие разработчики сообщили мне, что желательной производительности достичь не удастся. Проект квантового компьютера остановили первым — для него уже не оставалось теоретической базы, поскольку физики уперлись в барьер софонов. Потом прекратили работы по биомолекулярному компьютеру — сказали, что это пустые мечты. Третьим закрыли проект не-фон-Неймановской архитектуры. По сути дела, его структура имитировала мозг человека, но они сказали, что это бесформенное яйцо, из которого никогда не вылупится цыпленок. Три проекта с традиционной архитектурой продол-

жаются до сих пор. Но и там долгое время не было прогресса.

— Вот как... Мне следовало оставаться с тобой все эти годы.

— Это было бы бессмысленно. Ты бы без всякой пользы потратил восемь лет. Только в последнее время, когда мы уже потеряли надежду, нам пришла в голову совершенно безумная идея моделирования человеческого мозга почти что варварским способом.

— И каким же это?

— Мы решили применить микропроцессор для моделирования одного нейрона, а потом дать возможность всем микропроцессорам сообщаться друг с другом и самим динамически устанавливать и разрушать такие связи.

Хайнс поразмыслил над услышанным и понял смысл ее слов:

— Да ведь это означает изготовить сто миллиардов микропроцессоров!

Она кивнула.

— Но это... это практически столько же, сколько их сделали за всю предшествующую историю человечества!

— Я не подсчитывала, но, наверное, еще больше.

— Даже если бы вы изготовили так много микросхем, сколько времени понадобилось бы, чтобы их соединить?

Кейко Ямасуки устало улыбнулась:

— Я поняла, что это невозможно. Во мне просто говорило отчаяние. Тогда мы хорошенько подумали и изготовили так много, сколько смогли. — Она обвела рукой. — Все это — одна из тридцати запланированных сборочных площадок виртуального мозга. Построена, правда, только одна, вот эта.

— Я и в самом деле должен был оставаться с тобой, — взволнованно повторил Хайнс.

— К счастью, у нас все-таки получился компьютер, который мы хотели. Его производительность в десять тысяч раз превышает типичную для того времени, когда ты погрузился в анабиоз.

— Традиционная архитектура?

— Да, традиционная архитектура. Мы выжали еще несколько капель из закона Мура. Мы ошеломили ученых-компьютерщиков, — но на сей раз, мой милый, дорога вперед закрыта.

«Второго такого нам не построить никогда. Права на ошибку у нас нет», — понял Хайнс, но вслух ничего не сказал.

— Как только появился этот компьютер, ра-

бота над нейронным сканером пошла намного быстрее... — И тут Кейко внезапно спросила: — Дорогой, ты представляешь себе, как выглядит сто миллиардов? — Когда он отрицательно покачал головой, она улыбнулась и развела руками. — Тогда посмотри вокруг. Вот сто миллиардов.

— Что? — Не находя слов, Хайнс стал вглядываться в белый туман вокруг.

— Мы находимся в центре голографического проектора этого компьютера, — пояснила она, нажимая кнопки на кулоне, висящем на шее. Он решил, что это аналог компьютерной мыши.

Кейко продолжала работать с кулоном, и Хайнс увидел, что туман стал меняться. Он сгустился, показывая небольшую область в увеличенном масштабе. Хайнс заметил, что туман состоит из бесчисленного количества микроскопических светящихся пылинок, причем пылинки сами испускали свет, похожий на лунный, а не отражали лучи от наружного источника. Масштаб продолжал увеличиваться, и пылинки превратились в звезды. Но это было не земное небо — Хайнсу казалось, будто он стоит в самом центре Млечного Пути, где звезд намного больше и где не бывает темноты.

— Каждая из этих звезд — нейрон, — пояснила

Кейко. Их с Хайнсом тела серебристо мерцали в свете ста миллиардов звезд.

Масштаб голограммы продолжал расти. Стали видны бесчисленные тончайшие паутинки, отходящие от каждой звезды и образующие сложные соединения. Звездное небо исчезло; вместо него Хайнс оказался внутри бесконечно большой трехмерной решетки.

Изображение опять увеличилось. Теперь каждая звезда выглядела знакомо — как нейроны и синапсы под электронным микроскопом.

Кейко нажала кнопку на кулоне, и изображение вернулось к масштабу белого тумана.

— Вот так выглядит структура мозга, записанная нейронным сканером, одновременно считывавшим три миллиона сечений. Конечно, то, на что мы смотрим сейчас, — это обработанные данные. Для удобства наблюдений мы увеличили расстояние между нейронами на четыре или пять порядков. Может показаться, что мы превратили мозг в газ. Но сохранена вся топология соединений. Давай теперь взглянем на него в динамике...

Туман забурлил, в нем появились сверкающие огоньки, как будто кто-то взял щепотку пороха и бросил в костер. Кейко увеличила масштаб до

размеров звездного неба, и Хайнс увидел бушующий прилив в этом океане звезд. Возмущения зарождались повсюду и выглядели по-разному: одни были похожи на реки, другие — на водовороты, а иные — на шторм. Все они постоянно менялись, и возникала ошеломительная картина самоорганизации внутри безумного хаоса. Кейко еще прибавила увеличения, и Хайнс увидел миллионы нервных сигналов, трудолюбиво передающих сообщения сквозь тонкие синапсы. Сообщения выглядели как мерцающие жемчужины в сложной системе труб.

— Чей это мозг? — в восхищении спросил он.

— Мой, — ответила она, с любовью глядя на Хайнса. — Когда записывали это изображение, я думала о тебе.

* * *

Когда загорится зеленый огонь, вы увидите набор из шести утверждений. Если утверждение верно, нажмите правую кнопку. Если утверждение ложно, нажмите левую кнопку.

Утверждение 1: уголь черный.

Утверждение 2: 1 + 1 = 2.

Утверждение 3: зимой холоднее, чем

летом.

Утверждение 4: мужчины, как правило, ниже женщин.

Утверждение 5: прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками.

Утверждение 6: Луна ярче, чем Солнце.

Одна за другой фразы появлялись на небольшом экране перед испытуемым. Каждое утверждение высвечивалось четыре секунды; испытуемый нажимал левую или правую кнопку в соответствии со своим ответом. На его голову был надет металлический шлем — считывающий модуль нейронного сканера. Позднее компьютер обработает запись эксперимента, создаст голографическую картину и динамическую модель нейронной сети.

Это была начальная фаза исследований Хайнса. Испытуемому предлагались лишь простейшие вопросы, на которые имелись краткие и очевидные ответы. Распознать реакцию мозга на такие вопросы было несложно. С этого шага начиналось более глубокое изучение природы мысли.

У групп, возглавляемых Хайнсом и Ямасуки, начали появляться результаты. Они установили,

что критическое мышление не сосредоточено в какой-то одной зоне мозга, но опирается на определенный метод передачи нервных импульсов. С помощью мощнейшего компьютера удалось смоделировать этот метод и распознавать его в огромной нейронной сети. Способ распознавания был весьма похож на тот, что астроном Ринье предложил Ло Цзи для указания нужной звезды. В отличие от проекций узора звезд, узор во вселенной мозга существовал лишь краткое мгновение и обнаруживался лишь с помощью математики. Это было так же сложно, как найти небольшой водоворот в безбрежном океане, и на много порядков труднее, чем найти звезду в галактике. Такую задачу можно было решить только на этом вновь созданном компьютере.

Хайнс и Кейко прогуливались по туманной карте мозга внутри голографического проектора. Каждый раз, когда в мозгу испытуемого обнаруживалось ядро критического мышления, компьютер подсвечивал его вспышками красного цвета. Так было запрограммировано просто для красоты, потому что для работы эта подсветка не требовалась. Исследования внутренней структуры нервного импульса велись возле таких ядер — именно там скрывалась тайна разума.

И в этот момент вошел старший медик программы и сообщил, что у испытуемого № 104 возникли осложнения.

Для считывания множества слоев одновременно первый образец нейронного сканера использовал излучение такой мощности, что оно было смертельно для всех форм жизни. Но постепенно аппарат доработали, и теперь его излучение находилось в допустимых пределах, если не сканировать слишком долго. Многочисленные проверки подтвердили, что при умеренном режиме работы нейронный сканер не мог никому повредить.

— У него развилась водобоязнь, — продолжил медик по пути в медицинский центр.

От изумления Хайнс с Кейко остановились. Хайнс воззрился на доктора:

— Водобоязнь? Его что, покусала бешеная собака?

Медик поднял руку, пытаясь привести мысли в порядок.

— Нет, извините. Я неточно выразился. Он ничем не болен; у него не повреждены ни мозг, ни другие органы. Он просто боится воды, как больной бешенством. Он отказывается пить и даже не ест жидкую пищу. Это чисто психологический

эффект. Он убежден, что вода ядовита.

— Бред преследования? — спросила Кейко.

Доктор замахал руками:

— Нет, нет! Он не думает, что кто-то отравил воду. Он просто уверен, что вода ядовита сама по себе.

И снова Хайнс и Кейко остановились в недоумении. Медик беспомощно покачал головой:

— Но психологически он совершенно нормален во всех прочих отношениях... Я не могу этого объяснить. Вам нужно увидеть самим.

Испытуемый № 104 был добровольцем, студентом, пришедшим заработать немного денег. У двери в палату доктор сказал:

— Он не пьет уже два дня. Если так пойдет и дальше, ему грозит обезвоживание, и нам придется поить его принудительно. — Стоя в дверях, врач указал на микроволновую печку: — Видите? Он требует полностью высушивать хлеб и любую другую пищу, прежде чем он будет их есть.

Хайнс с женой вошли в палату. Испытуемый № 104 испуганно глядел на них. У него потрескались губы и растрепались волосы, но в остальном он выглядел совершенно нормально. Он потянул Хайнса за рукав:

— Доктор Хайнс, они хотят моей смерти. Я не

понимаю почему. — Он указал пальцем на стакан с водой, стоящий на тумбочке возле кровати. — Они хотят, чтобы я пил воду.

Хайнс посмотрел на стакан. Тот был полон чистой воды. Совершенно ясно — у пациента нет водобоязни, иначе он бы трясся от ужаса, лишь увидев воду. Звук льющейся воды свел бы его с ума. Порой больные бешенством ощущают сильнейший страх, даже когда в их присутствии просто говорят о воде.

— Судя по глазам и речи, его психологическое состояние в норме, — по-японски сказала Кейко. У нее была ученая степень психолога.

— Вы и в самом деле верите, что вода ядовита? — спросил Хайнс.

— Что за вопрос? Это так же истинно, как то, что солнце светит, а в воздухе есть кислород. Вы же не станете спорить с основами?

Хайнс положил руку на плечо пациента:

— Молодой человек, жизнь зародилась в воде и не может без нее существовать. Ваше тело на семьдесят процентов состоит из воды.

Глаза испытуемого № 104 потускнели, и он присел на кровать, обхватив голову руками.

— Тоже верно, и потому-то мне так не по себе. Это самое невероятное во всем мире!

— Ну что ж, ознакомимся с журналом эксперимента, проведенного над нашим подопечным? — предложил доктору Хайнс, выйдя из палаты.

Когда они вошли в кабинет медика, Кейко предложила:

— Давайте первым делом посмотрим на заданные ему вопросы.

На экране один за другим стали появляться фразы:

Утверждение 1: у кошек три лапы.

Утверждение 2: камни — не живые существа.

Утверждение 3: Солнце имеет форму треугольника.

Утверждение 4: железо тяжелее, чем пух того же объема.

Утверждение 5: вода ядовита.

— Остановите, — попросил Хайнс, указывая на пункт № 5.

— Он ответил «ложно». — Старший медик уже проверил результаты.

— Проверьте все параметры и режимы работы аппаратуры после его ответа на вопрос номер пять.

Запись эксперимента показала, что после от-

вета испытуемого на пятый вопрос нейронный сканер повысил точность сканирования обнаруженного ядра критического мышления. Чтобы поднять разрешающую способность, мощность излучения и сила магнитного поля вокруг этого небольшого участка мозга были увеличены. Хайнс и Кейко тщательно изучили выведенную на экран подробную запись эксперимента.

— Проводили ли подобное усиленное сканирование других испытуемых и с другими вопросами? — спросил Хайнс.

Старший медик ответил сразу:

— Такое усиленное сканирование нам не очень понравилось. Поэтому мы его отменили после четырех сеансов, опасаясь чрезмерной радиации. В предыдущих трех сеансах... — он посмотрел на экран компьютера, — ...мы задавали безобидные, истинные утверждения.

— Следует установить точно такие же параметры сканирования и повторить эксперимент с вопросом номер пять.

— Но... кто будет испытуемым? — в замешательстве спросил медик.

— Им буду я, — ответил Хайнс.

* * *

Вода ядовита.

Утверждение № 5 — черные буквы на белом фоне — появилось на экране. Хайнс нажал левую кнопку «ложно». Он не почувствовал ничего, кроме легкого тепла в затылке, вызванного усиленным сканированием.

Он вышел из лаборатории нейронного сканирования и сел за стол. За ним наблюдала целая толпа народу, включая и Кейко. На столе стоял стакан с чистой, прозрачной водой. Хайнс поднял стакан, медленно поднес к губам и отпил. Его движения были размеренными, на лице — выражение полного спокойствия. Присутствующие издали было вздох облегчения, но заметили, что его гортань неподвижна и что он не глотает воду. Мышцы лица Хайнса окаменели, а затем слегка дернулись. В его глазах появился тот же самый страх, который они видели в глазах испытуемого № 104, — как будто его воля боролась с некоей мощной безымянной силой. Наконец он выплюнул воду и упал на колени в приступе рвоты, но его так и не стошнило. Лицо его покраснело. Кейко обняла мужа и похлопала по спине.

Хайнс вскоре пришел в себя и протянул руку.

— Дайте мне салфетку, пожалуйста, — попросил он. Получив салфетку, он тщательно вытер капли воды, попавшие на его ботинки.

— Дорогой, ты и в самом деле веришь, что вода ядовита? — со слезами на глазах спросила Кейко. Готовясь к эксперименту, она неоднократно просила Хайнса поменять вопрос на другой — тоже ложный, но более безобидный. Он отказал.

— Да, верю. — Он кивнул и с потерянным видом посмотрел на собравшуюся толпу. — Я верю. Я на самом деле верю.

— Позволь мне повторить твои же слова, — сказала Кейко, кладя руку на плечо мужа. — Жизнь зародилась в воде и не может без нее существовать. Твое тело на семьдесят процентов состоит из воды!

Хайнс наклонил голову и посмотрел на лужу на полу, а потом потряс головой в недоумении:

— Ты права, дорогая, и потому-то мне так не по себе. Это самое невероятное во всем мире!

* * *

Через три года после освоения управляемой термоядерной реакции в ночном небе Земли загорелись новые, необычные звезды. Из каждого

полушария можно было видеть до пяти таких звезд одновременно. Их яркость стремительно менялась. На максимуме они светились ярче Венеры и порой быстро мерцали. По временам одна из них внезапно вспыхивала, а через пару секунд угасала. Это были термоядерные реакторы, проходящие испытания на геостационарной орбите.

Электромагнитные двигатели были признаны наиболее перспективными для космических кораблей будущего. Но они требовали реакторов высокой мощности, которые можно было испытывать только в космосе. Эти реакторы, висящие в тридцати тысячах километров над планетой, прозвали «ядерными звездами». Случавшиеся по временам вспышки означали, что произошла очередная дорогостоящая неудача. Большинство населения Земли думало, что реактор взорвался. На самом деле никакого взрыва не было — просто корпус реактора прогорал насквозь от энергии, порождаемой миниатюрной звездой внутри. Жар этой звезды невозможно было сдержать никакими земными материалами — они все плавились, как воск. Поэтому горячую плазму удерживали электромагнитным полем, однако генераторы поля были ненадежны и часто выходили из строя.

Чан Вэйсы и Хайнс стояли на балконе шта-

ба космических войск. Они только что видели одну такую вспышку. В ее сиянии на стене ненадолго появились тени. Хайнс был уже вторым Отвернувшимся, с которым Чан Вэйсы довелось встретиться. Первым был Тайлер.

— Уже третий раз за этот месяц, — прокомментировал Чан Вэйсы.

Хайнс посмотрел на вновь потемневшее ночное небо.

— Эти реакторы производят только один процент от той мощности, которая нужна двигателям, и при этом работают неустойчиво. Даже если нам удастся построить необходимые реакторы, технология двигателей окажется еще сложнее. Наверняка мы встретимся с противодействием софонов.

— Это так. Софоны отрезали нам все пути, — ответил Чан Вэйсы, глядя вдаль. По мере угасания «ядерной звезды» море городских огней засветилось ярче, чем обычно.

— Надежда едва-едва успевает загореться и тут же умирает. Однажды она просто больше не родится. Как вы и сказали, софоны отрезали нам все пути.

Чан Вейсы рассмеялся:

— Доктор Хайнс, я надеюсь, вы пришли сюда

не для того, чтобы обсуждать пораженческие настроения?

— Именно для того. На сей раз новый всплеск пораженчества вызван резким падением уровня жизни у общей массы населения. На армии это сказывается еще сильнее.

Чан Вэйсы отвернулся от огней города, посмотрел на собеседника, но ничего не сказал.

— Генерал, я понимаю вашу проблему и хотел бы помочь ее решить.

Чан Вэйсы несколько секунд молча смотрел на Хайнса. Лицо военного ничего не выражало. Затем, не отвечая на предложение, он заговорил:

— Для эволюции человеческого мозга требуется от двадцати до двухсот тысяч лет, если нас интересуют существенные изменения. Но возраст всей нашей цивилизации всего пять тысяч лет. Наш мозг — это мозг пещерного человека... Доктор, я приветствую ваши научные изыскания. Может быть, именно в них найдется ответ.

— Благодарю вас. Мы все, по сути, пещерные люди.

— Но можно ли технологическим путем улучшить умственные способности?

Хайнс воодушевился.

— Генерал, а вы не так уж примитивны — по

крайней мере, по сравнению с другими! Я заметил, что вы сказали «умственные способности», а не «интеллект». Умственные способности — это более широкое понятие. Например, недостаточно опираться на интеллект, чтобы побороть пораженчество. Интеллектуал понимает, что блокировка наук софонами делает веру в победу призрачной. Чем выше интеллект, тем меньше вера в успех.

— Тогда просто ответьте — это возможно?

Хайнс покачал головой.

— Что вам известно о моих с Ямасуки исследованиях, предшествовавших трисолярианскому кризису?

— Не так уж и много. Пожалуй, только одно: «Мысли живут не на молекулярном, а на квантовом уровне». Но значит ли это...

— Это значит, что софоны поджидают меня, как мы — их, — ответил Хайнс, указывая на небо. — Правда, на сегодняшний день наши исследования еще далеки от цели. Тем не менее нам удалось получить любопытный побочный результат.

Чан Вэйсы улыбнулся и кивнул, демонстрируя осторожный интерес.

— Я не стану утомлять вас подробностями. Вкратце мы открыли механизм принятия ре-

шений в мозгу и заодно обнаружили способ на этот механизм повлиять. Если сравнить, как выносит суждения мозг и как то же самое делает компьютер, то в обоих случаях у нас есть исходные данные, расчет и ответ. Нам удалось обойти этап расчета и сразу же переходить к ответу. Как только некоторая информация попадает в мозг, она нагружает определенную часть нейронной сети, и тогда мы можем заставить мозг вынести суждение — уверовать, что информация истинна, — вообще над ней не думая.

— Это подтверждено экспериментально? — тихо спросил Чан Вэйсы.

— Да. Все началось со случайного открытия. Мы тщательно изучили это явление и теперь знаем, что оно собой представляет. Мы назвали этот эффект «ментальная печать».

— А если суждение — или, если хотите, вера — расходится с реальностью?

— Тогда вера постепенно разрушится. Но это будет мучительным процессом, поскольку ментальная печать держится крепко. Однажды меня таким образом убедили, что вода ядовита. Мне понадобились два месяца психотерапии, чтобы снова самостоятельно пить воду. Это было... не хочу даже вспоминать. Но всем совершенно ясно,

что вода не ядовита. Другие же утверждения могут быть не настолько очевидными. Например, существование Бога или победит ли человечество трисоляриан. У таких вопросов нет заранее известного ответа. Когда человек начинает верить во что-то естественным образом, на его разум оказывают влияние самые различные факторы. Но если вера порождена ментальной печатью, то она будет непоколебимой.

— Это и правда замечательное достижение, — задумчиво произнес Чан Вэйсы. — Я имею в виду нейрофизиологию. Но вне науки, в окружающем нас мире, ваше открытие может натворить немало бед. Я бы сказал, что это самое опасное открытие в истории человечества.

— Вы не хотите воспользоваться нашим методом ментальной печати, чтобы создать космические войска, полные непоколебимой уверенности в победе? В армии и так уже есть политкомиссары и капелланы. Ментальная печать — это всего лишь технология, добивающаяся того же самого результата, только быстрее.

— Политическая и идеологическая работа строит веру на фундаменте рационального, научного мышления.

— Но разве можно построить веру в победу в

этой войне на рациональном, научном фундаменте?

— Если нет, доктор, то мы предпочтем личный состав, который не верит в победу, однако способен мыслить самостоятельно.

— Весь ум, за исключением одного этого утверждения, останется мыслящим свободно. Мы только лишь вносим небольшое изменение, с помощью технических средств встраивая ответ на один-единственный вопрос.

— Достаточно и одного. Теперь техника может программировать мысли как компьютерные программы. Люди вообще остаются людьми после этого вашего изменения или превращаются в кукол?

— Вы, наверное, читали «Заводной апельсин».

— Это мудрая книга.

— Генерал, именно такой реакции я и ожидал, — вздохнул Хайнс. — Я продолжу работу в этом направлении, как и подобает Отвернувшемуся.

* * *

Хайнс объявил о своем открытии на очередных слушаниях в СОП. Делегаты встретили его выступление весьма эмоционально, что случалось довольно редко. Представитель США выразил

мнение большинства присутствующих:

— Исключительный талант доктора Хайнса и доктора Ямасуки открыл человечеству дорогу в ад.

Французский делегат вскочил с места:

— Что хуже для человечества — потерять свободу мысли или проиграть эту войну?

— Разумеется, хуже проиграть войну! — возразил Хайнс. — В первом случае у человечества будет шанс вернуть себе свободу мышления.

— Сомневаюсь! Если вашу машину и в самом деле применят… Отвернувшиеся, что же вы делаете! — воскликнул представитель России, воздевая руки к небу. — Тайлер пытался отнять у людей их жизнь, а вы стараетесь отнять у них разум. Чего вы добиваетесь?

В зале поднялся шум.

Встал делегат от Великобритании:

— Сейчас мы только формулируем предложение, но я уверен, что правительства всех стран единогласно запретят вашу методику. В каком бы положении мы ни оказались, нет ничего хуже, чем программирование мыслей.

Хайнс не согласился:

— Почему все начинают вставать на дыбы при одном лишь намеке на управление поведением?

Вас уже программируют разными методами — от рекламы до кинофильмов. Программирование мышления — часть современного общества. Как говорит китайская пословица, вы насмехаетесь над отступившими на сто шагов, когда сами отступили на пятьдесят.

Поднялся представитель США:

— Доктор Хайнс, вы не просто отступили на сто шагов. Вы отступили до самой границы между добром и злом. Вы угрожаете основам современного общества!

В зале опять поднялся гвалт. Хайнс понял, что настал удачный момент, чтобы перехватить инициативу. Он воскликнул:

— Поучитесь у маленького мальчика!

Как он и ожидал, после такого заявления шум утих.

— У какого еще маленького мальчика? — осведомился председатель.

— Я полагаю, что эта притча нам всем хорошо известна. В лесу мальчику прищемило ногу упавшим деревом. Больше никого вблизи не было, а рана кровоточила. Он бы умер от потери крови, если бы не принял решение, которое посрамило бы каждого из вас. Он взял пилу и отпилил зажатую деревом ногу. Потом добрался до автомобиля

и нашел больницу. Он себя спас.

Хайнс с удовлетворением отметил, что его никто не попытался прервать. Он продолжил.

— Человечеству угрожает смертельная опасность. Опасность для нашей расы и для всей нашей цивилизации. Почему же в таком случае не поступиться малым?

Раздались два негромких удара. Это председатель постучал молотком, хотя в зале было относительно тихо. Присутствующие вспомнили, что сам председатель, представитель Германии, до сих пор своего мнения не высказывал. Тихо и спокойно председатель заявил:

— Прежде всего я надеюсь, что каждый из вас хорошенько оценит сложившуюся ситуацию. Расходы на создание системы космической обороны постоянно растут, а мировая экономика в это переходное время находится в глубоком упадке. Похоже, что в недалеком будущем оправдаются прогнозы отката уровня жизни на сто лет назад. В то же время работающая на оборону наука уперлась в блокировку софонов, и технологический прогресс начал замедляться. Все это поднимет новую волну пораженчества во всем мире и на этот раз может даже развалить программу обороны Солнечной системы.

После этих слов председателя в зале наступила полная тишина. Помолчав с полминуты, председатель продолжил:

— Когда я услышал о создании ментальной печати, меня, как и каждого из вас, охватили страх и отвращение, словно я увидел ядовитую змею. Но самым разумным сейчас будет серьезно и без криков обдумать это предложение. Когда появляется дьявол, следует оставаться спокойным и трезвомыслящим. На этих слушаниях мы просто предлагаем законопроект.

В душе Хайнса загорелся лучик надежды.

— Господин председатель, господа представители, поскольку мое предложение не предлагается к голосованию, может быть, нам всем стоит отступить на шаг назад?

— Сколько бы шагов назад вы ни делали, управление разумом неприемлемо! — заявил, но уже не так сердито, делегат от Франции.

— А что, если это не управление разумом? Если это нечто между управлением и свободой?

— Ментальная печать и контроль над разумом — одно и то же, — сказал представитель Японии.

— Необязательно. В управлении мышлением есть управляющая сторона и управляемая. Но если кто-то добровольно запечатывает свой соб-

ственный разум, то скажите, пожалуйста, кто и кем тогда управляет?

Зал опять притих. Хайнс почувствовал, что успех близок. Он продолжил:

— Я предлагаю открыть доступную всем желающим лабораторию по запечатыванию разума. Она будет запечатывать одно-единственное утверждение — веру в победу. Любой, кто пожелает уверовать в победу при помощи электроники, сможет совершенно добровольно прийти в эту лабораторию. Конечно, все это будет под жестким контролем.

В разгоревшейся дискуссии к предложению Хайнса добавили еще несколько ограничений. Самым важным из них было то, что запечатывание разума можно будет разрешить только военнослужащим космических сил — смириться с единомыслием в армии проще. Заседание продолжалось еще восемь часов, тем самым побив рекорд. Но делегаты выработали законопроект; на следующем заседании его поставят на голосование. К тому времени представители постоянных членов СОП успеют обсудить его со своими правительствами.

— Не следует ли нам придумать название для этой лаборатории? — спросил делегат от США.

— Что, если назвать его «Центр веры, надежды и...» — Делегат от Великобритании вовремя остановился. В зале засмеялись.

— Назовите его просто «Центр веры», — совершенно серьезно предложил Хайнс.

* * *

Возле входа в Центр веры поставили небольшую копию статуи Свободы. Зачем — неизвестно; возможно, напоминанием о свободе пытались отвлечь от мыслей об управлении разумом. Но самым примечательным в ней было слегка измененное стихотворение у подножия:

А мне отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой,
Пошлите мне отверженных, бездомных,
Утешит их экрана свет златой![34]

Рядом со статуей установили черную гранитную стелу, названную Монументом веры, и на ней выгравировали символ веры на разных языках:

Человечество победит, защищая свой

---

[34] Примечания: 34
Перевод В. Лазариса. Последняя строка изменена. (*Прим. перев.*)

дом от вторжения с Трисоляриса. Враг будет разбит. Земля останется нашей навечно.

Центр веры был открыт уже три дня. Все это время Хайнс и Кейко дожидались посетителей в торжественно оформленном вестибюле. Небольшое здание Центра, построенное недалеко от площади Объединенных Наций, привлекало туристов. Они фотографировали статую Свободы и монумент Веры, но внутрь никто не заходил. Казалось, люди опасались приближаться к дверям Центра.

— У меня такое ощущение, будто мы владельцы едва живой семейной лавки, — пошутила Кейко.

— Дорогая, это здание однажды станет памятником истории, — торжественно заверил Хайнс.

На третий день, в полдень, кто-то наконец вошел в двери Центра. Лысый, угрюмый мужик среднего возраста с трудом держался на ногах, и от него пахло спиртным. Он подошел к Хайнсу с Кейко и заплетающимся языком объявил:

— Я здесь, чтобы поверить.

— Центр веры обслуживает только военнослужащих космических сил. Покажите ваше удостоверение, — поклонившись, попросила Кей-

ко. Хайнс отметил, что она ведет себя как хорошо вышколенная официантка отеля «Токио Плаза».

Мужик покопался в карманах и вытащил удостоверение.

— Я работаю в космических войсках. Гражданский служащий. Сойдет?

Изучив удостоверение, Хайнс кивнул:

— Мистер Вилсон, вы хотите пройти процедуру прямо сейчас?

— Ага, прямо сейчас, — ответил он. — Эта... штуковина, которую вы называете символ веры... я ее записал вот здесь. — Он вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенную записку. — Хочу в это поверить.

Кейко уже собиралась пояснить, что по решению СОП ментальную печать можно накладывать только по той формулировке, которая приведена на монументе у дверей. Не дозволялось вносить никаких изменений ни в единое слово. Хайнс мягко остановил Кейко. Интересно узнать, что же написано на этом клочке бумаги. Он развернул записку и прочел:

«Катерина меня любит. Она никогда мне не изменяла и не изменит!»

Кейко еле удержалась от смеха. Разгневанный Хайнс скомкал бумажку и бросил ее в лицо пья-

ному посетителю:

— Убирайтесь отсюда ко всем чертям!

После ухода Вилсона еще один человек прошел мимо монумента Веры, пересекая невидимую границу, от которой туристы держались подальше. Он стал расхаживать между монументом и входом в Центр и вскоре привлек внимание Хайнса. Хайнс позвал Кейко и указал на посетителя:

— Посмотри на него. Он наверняка солдат.

— Вид у него усталый, как физически, так и психически, — заметила она.

— Но он солдат. Поверь мне, — повторил Хайнс. Он уже собрался было выйти наружу и поговорить с ним, но в этот момент мужчина направился к дверям Центра. Он был того же возраста, что и Вилсон, с красивым восточным лицом, на котором — Кейко не ошиблась — проступали несомненные признаки меланхолии. Его неприятности, однако, были иного рода, чем у бедняги Вилсона. Судя по всему, он уже много лет пребывал в депрессии, но успел смириться со своим душевным состоянием.

— Меня зовут У Юэ. Я хотел бы поверить, — представился вошедший. Хайнс отметил, что он сказал «поверить», а не «уверовать».

Кейко Ямасуки поклонилась и повторила свою

приветственную фразу:

— Центр веры обслуживает только военнослужащих космических сил. Пожалуйста, предъявите удостоверение.

У Юэ не полез за удостоверением. Вместо этого он сказал:

— Шестнадцать лет назад я прослужил в космических войсках один месяц, а затем вышел в отставку.

— Вы прослужили один месяц? — заинтересовался Хайнс. — Если вы не против ответить... Почему вы подали в отставку?

— Я пораженец. И мои командиры, и я сам поняли, что я не годен к службе в космических силах.

— Пораженчество — это широко распространенное убеждение. Вы, по-видимому, честный человек и открыто рассказали о нем. Может статься, ваши сослуживцы, продолжившие службу, сомневались в победе побольше вашего, но помалкивали, — сказала Кейко.

— Может быть. Однако на протяжении всех этих лет я чувствую себя не у дел.

— Потому что оставили службу?

У Юэ покачал головой:

— Нет, не поэтому. Я родился в интеллигентной семье и получил хорошее образование. Даже став

военным, я продолжал рассматривать человечество как единое целое. Я всегда считал, что для солдата высшая честь — сражаться за всю человеческую расу. И такая возможность появилась. Но эту войну нам суждено проиграть.

Хайнс собирался что-то сказать, но Кейко перебила его:

— Можно спросить, сколько вам лет?

— Пятьдесят один.

— Если даже вы обретете веру и сможете вернуться в космические войска, не поздно ли возобновлять службу?

Хайнс видел, что ей недостает решимости отказать напрямую. Вне всякого сомнения, этот грустный мужчина притягивает к себе женский взор. Но Хайнса это не тревожило. Посетитель был погружен в уныние, и ничто иное его не занимало.

У Юэ затряс головой:

— Вы меня не так поняли. Я не хочу уверовать в победу. Я просто желаю обрести душевный покой.

Хайнс попытался заговорить, но Кейко остановила его.

У Юэ продолжил:

— Я познакомился со своей женой, когда учился

в военной академии в Аннаполисе. Она была убежденной христианкой и встречала будущее с такой невозмутимостью, что я ей даже завидовал. Она говорила, что все уже запланировано Богом, от прошлого до будущего. Нам, Божьим детям, незачем понимать Его план. Нам лишь следует искренне верить, что это самый лучший план во всей Вселенной, а затем спокойно жить согласно Господней воле.

— Вы хотите сказать, что пришли сюда, чтобы уверовать в Бога?

У Юэ кивнул.

— Я записал свой символ веры. Вот, посмотрите. — Он полез в нагрудный карман.

И снова Кейко Ямасуки остановила мужа, пытавшегося что-то сказать. Она обратилась к У Юэ:

— Если это все, чего вы хотите, то идите и верьте. Зачем вам прибегать к таким крайним, искусственным мерам?

На лице отставного капитана космических сил появилось нечто вроде кривой улыбки:

— Меня воспитали материалистом. Я убежденный атеист. Вы полагаете, что я способен так просто взять и уверовать в Бога?

— Конечно же нет! — заверил его Хайнс, делая шаг вперед. Он решил поскорее расставить все по

местам. — Вы должны знать, что ООН разрешила «запечатывать разум» только одним-единственным утверждением.

Он достал большой, богато отделанный красный альбом, раскрыл и предъявил У Юэ. На черном бархате золотой краской были напечатаны слова с монумента у входа в Центр.

— Это Книга веры. — Хайнс вынул еще несколько альбомов разного цвета. — Это та же самая книга, только в переводе на множество языков. Мистер У, над нашей технологией установлен пристальный надзор. Из соображений надежности и безопасности слова веры не высвечиваются перед добровольцем на экране. Он их зачитывает по этой старомодной книге. Поскольку вся процедура построена на принципе добровольности, каждый кандидат лично раскрывает Книгу веры, а потом сам нажимает кнопку «Пуск» на машине. Прежде чем приступить к запечатыванию разума, компьютер потребует троекратного подтверждения. Перед каждой процедурой Книгу веры осматривает комиссия из десяти человек, назначаемая из членов Комитета ООН по правам человека и стран — постоянных членов СОП. Эта комиссия также присутствует при каждом запуске аппаратуры. Так что, сэр, мы не можем вам

помочь. Даже не думайте — религиозную веру вы здесь не обретете. Замена одного-единственного слова в Книге веры будет преступлением.

У Юэ покивал головой.

— Тогда мне очень жаль, что я вас побеспокоил.

Похоже, гость ожидал такого исхода. Он развернулся и направился к выходу. Со спины он выглядел пожилым и неприкаянным.

— Ему будет трудно всю оставшуюся жизнь, — негромко, участливо сказала Кейко Ямасуки.

— Сэр! — окликнул посетителя Хайнс, останавливая его снаружи, за дверями Центра. Лучи заходящего солнца языками пламени горели на монументе Веры и в стеклах здания ООН поодаль. Он прищурил глаза, защищая их от этого пламени, и сказал У Юэ: — Вы, наверное, не поверите, но я чуть было не совершил прямо противоположное.

На лице посетителя выразилось удивление. Хайнс обернулся, убедился, что Кейко не последовала за ним, достал из кармана сложенную бумагу и развернул ее перед собеседником.

— Я хотел запечатать в своем мозгу вот это. Я, конечно, сомневался и в конце концов так и не решился.

На листе бумаги крупными буквами было напечатано:

«Бог мертв».

— Почему? — спросил У Юэ, поднимая взгляд на Хайнса.

— А разве не ясно? Разве Бог не мертв? Наплевать на все его планы. Наплевать, чего он от нас хочет.

У Юэ некоторое время молча смотрел на Хайнса, затем повернулся и зашагал вниз по ступеням.

Когда У Юэ вошел в отбрасываемую монументом Веры тень, Хайнс снова окликнул его:

— Сэр, как бы я хотел скрыть мое презрение к вам! Но у меня не получается.

На следующий день начали наконец появляться те люди, которых Хайнс и Кейко дожидались все это время. Ярким солнечным утром в здание Центра вошли четыре человека — трое европейской наружности и одна женщина-азиатка. Молодые, высокие и стройные, ровно шагающие, они выглядели уверенными в себе. Однако Хайнс и Кейко заметили нечто знакомое в их взгляде — ту же меланхолию, то же замешательство, какое накануне видели в глазах У Юэ.

Они аккуратно разложили свои документы на столе. Главный среди них торжественно заявил:

— Мы офицеры космических войск, и мы пришли, чтобы уверовать в победу.

Наложение печати на разум не занимало много времени. Книги веры раздали десяти членам комиссии. После тщательной проверки содержания книг вся комиссия расписалась на официальном сертификате. Затем под их наблюдением первому офицеру дали одну из Книг веры, и он занял место в кресле нейронного сканера. Перед креслом находился небольшой пюпитр, на который он поставил книгу. Справа располагалась красная кнопка. Доброволец раскрыл книгу, и из динамиков прозвучал вопрос:

— Уверены ли вы, что хотите поверить в это утверждение? Если да, то нажмите кнопку. Если нет, то покиньте помещение.

Вопрос прозвучал трижды; каждый раз кнопка сияла красным. Голову добровольца медленно охватил специальный шлем; он был необходим для точной наводки луча сканера. После этого голос из динамиков сообщил:

— Аппаратура готова к запечатыванию. Прочтите про себя символ веры и нажмите кнопку.

Доброволец нажал кнопку, и она засветилась зеленым. Через полминуты она погасла. Голос сообщил:

— Печать наложена. — Шлем раскрылся, освобождая голову. Человек встал с кресла и вышел.

Когда все четыре офицера прошли процедуру и вернулись в вестибюль, Кейко окинула их внимательным взглядом и отметила, что их настроение явственно улучшилось. Из глаз исчезли меланхолия и замешательство; теперь все четверо были невозмутимо спокойны.

— Как вы себя чувствуете? — улыбаясь, спросила она.

— Превосходно, — ответил один из офицеров, улыбаясь в ответ. — Как и должно быть.

Когда они уже уходили, женщина-азиатка обернулась и добавила:

— Доктор, я и вправду чувствую себя великолепно. Спасибо!

Теперь будущее определилось — по крайней мере, в умах этих четырех молодых людей.

С этого дня военнослужащие космических сил пошли за верой сплошным потоком. Сначала поодиночке, потом целыми группами. Поначалу они приходили в гражданской одежде, но затем большинство стало являться в военной форме. Когда приходили группами больше пяти человек, комиссия наблюдателей удостоверялась, что никого не привели против его воли.

Спустя неделю больше ста военнослужащих, в звании от рядового до полковника, прошли процедуру запечатывания разума и поверили в победу. Для офицеров более высокого ранга процедура была запрещена.

Тем же вечером у залитого лунным светом монумента Веры Хайнс сказал Кейко:

— Дорогая, нам пора.

— В будущее?

— Да, в будущее. Как нейрофизиологи мы ничем не лучше других. Мы уже достигли всего, чего добивались. Мы подтолкнули колесо истории. Теперь давай отправимся в будущее и посмотрим, что из этого получится.

— Как далеко в будущее?

— Очень далеко, Кейко. Очень далеко. До того самого дня, когда трисолярианские зонды войдут в Солнечную систему.

— Прежде чем мы ляжем в гибернацию, давай немного поживем в нашем доме в Токио. Ведь мы навсегда покинем это время.

— Конечно, дорогая. Я тоже по нему соскучился.

* * *

Через шесть месяцев Кейко Ямасуки лежала в саркофаге гибернатора. Температура ее тела медленно понижалась, и холод уже начал успокаивать бушующие в голове мысли. В темноте и уединении ход ее сосредоточенных дум обрел четкую рельефность — точно так же, как десять лет назад сфокусировался разум Ло Цзи, когда он провалился в ледяную воду. Внезапно ее туманные мысли стали необычайно ясными — как морозное небо посреди студеной зимы.

Она попыталась крикнуть: «Остановите гибернацию!» — но было уже слишком поздно. Сверхнизкая температура превратила ее тело в лед, и Кейко была неспособна издать ни звука.

Техники и доктора отметили, что в момент входа в анабиоз глаза пациентки приоткрылись; в них появилось выражение ужаса и отчаяния. Если бы ее веки не замерзли, то глаза открылись бы полностью. Но это было обычным, часто наблюдаемым явлением при гибернации, поэтому никто не придал случившемуся значения.

* * *

На очередных слушаниях проекта «Отвернувшиеся» обсуждали испытание звездно-водородной бомбы.

В последнее десятилетие теоретики работали над математической моделью звезды, возникающей при термоядерном взрыве, названную стелларной моделью. Наконец появились компьютеры, способные эту модель просчитать, и можно было начинать производство таких звездных бомб. Первую бомбу собирались изготовить мощностью в 350 мегатонн, в семь раз мощнее самой большой бомбы, когда-либо созданной человеком. Испытать такую бомбу в атмосфере было невозможно; подземный взрыв на обычной глубине тоже не годился — всю окружающую расплавленную породу выбросило бы из шахты. Понадобилось бы бурить сверхглубокую скважину. Но даже в ней было опасно испытывать настолько мощный заряд. Ударная волна пройдет сквозь всю планету и может спровоцировать землетрясения и цунами. Бомбу такой мощности следовало испытывать в космосе. Взрыв на околоземной орбите тоже был опасен — возникающий при этом электромагнитный импульс разрушит

системы связи и линии электропередачи. Самым подходящим полигоном была обратная сторона Луны. Однако Рей Диас настаивал на другом варианте.

— Я решил провести испытания на Меркурии, — объявил он.

Его предложение удивило присутствующих, и они начали задавать вопросы.

— В соответствии с принципами проекта «Отвернувшиеся» я не обязан ничего объяснять, — холодно ответил он. — Испытания следует провести на Меркурии, в литосфере планеты. Мы пробурим сверхглубокие скважины.

Встал представитель России:

— Мы не исключаем испытаний на поверхности Меркурия. Однако скважины обойдутся слишком дорого — раз в сто дороже, чем на Земле. Более того, сведения о том, какими окажутся последствия ядерного взрыва на Меркурии, для нас совершенно бесполезны.

— Испытания на Меркурии невозможны даже на поверхности! — вмешался представитель США. — На сегодняшний день Рей Диас привлек больше ресурсов, чем любой другой Отвернувшийся. Его пора остановить! — Это предложение поддержали делегаты Великобритании, Франции

и Германии.

Рей Диас лишь рассмеялся.

— Даже если бы я потратил так же мало, как доктор Ло, вы бы все равно из кожи вон вылезли, чтобы заблокировать мои инициативы. — Он повернулся к председателю. — Прошу главу и членов СОП не забывать, что из всех планов Отвернувшихся мой план наилучшим образом согласуется с оборонной стратегией Земли. Его даже можно рассматривать как часть этой стратегии. В абсолютных цифрах затраты могут представляться высокими, но значительный процент этих расходов работает на оборону. Поэтому...

Его перебил представитель Великобритании:

— Вам все же стоит объяснить, почему вы настаиваете на подземных испытаниях на Меркурии. Если, конечно, вы не просто стараетесь потратить как можно больше денег. Мы не понимаем, зачем это нужно.

— Господин председатель, господа делегаты, — спокойно парировал Рей Диас, — вы, очевидно, заметили, что СОП совершенно не уважает Отвернувшихся и полностью игнорирует принципы проекта. Если мы должны все объяснять, то какой же тогда смысл в проекте «Отвернувшиеся»?

— Он одного за другим обводил собравшихся неистовым взглядом, а те прятали глаза.

— Тем не менее, — продолжал Рей Диас, — я согласен дать некоторые объяснения. Взрыв глубоко под поверхностью Меркурия выбьет огромную полость. В ней мы соорудим базу. Очевидно, что это самый дешевый способ построить такое сооружение.

В зале зашептались. Один из делегатов задал вопрос:

— Отвернувшийся Рей Диас, вы собираетесь создать на Меркурии площадку для запуска звездно-водородных бомб?

Рей Диас без колебаний ответил:

— Да. Сегодня стратегические разработки главного оборонного плана делают упор на внешние планеты Солнечной системы. Из этого следует, что на внутренние планеты, не считающиеся полезными для дела обороны, никто не обращает внимания. Я запланировал соорудить базу на Меркурии, чтобы устранить этот стратегический перекос.

— Он боится Солнца, но рвется к самой близкой к нему планете. Немного странно, правда? — отметил делегат США. В зале засмеялись, и председатель сделал замечание.

— Пустяки, господин председатель, — отмахнулся Рей Диас. — Я давно привык к тому, что меня не уважают. Я привык к этому еще до того, как стал Отвернувшимся. Но всем вам стоит уважать факты. Когда падут и внешние планеты, и Земля, база на Меркурии станет последним бастионом человечества. С Солнцем за спиной, залитая жесткой радиацией, она окажется неприступной крепостью.

— Отвернувшийся Рей Диас, значит ли это, что ваш план придает особое значение последнему бою, когда человечество уже проиграло? — спросил французский делегат. — Это так в вашем духе!

— Господа, мы ведь не можем не задумываться о сопротивлении до самого конца, — мрачно ответил Рей Диас.

— Хорошо, Отвернувшийся Рей Диас, — сказал председатель. — Сколько же таких сверхмощных бомб предусмотрено вашим планом?

— Чем больше, тем лучше. Изготовьте сколько сможете. Конкретные цифры зависят от мощности, но, по сегодняшним оценкам, для первой фазы моего проекта потребуется по меньшей мере миллион.

Весь зал покатился со смеху.

— Очевидно, Отвернувшийся Рей Диас не просто хочет зажечь небольшое солнце. Он хочет зажечь небольшую галактику! — громко заявил делегат от США. Он наклонился к Рей Диасу. — Вы и в самом деле полагаете, что все запасы протия, дейтерия и трития в океанах Земли предназначены для вас? Из-за вашего извращенного пристрастия к бомбам нужно сделать из Земли мастерскую бомбистов?

К этому времени Рей Диас остался единственным человеком в зале, который не смеялся. Он спокойно дождался, пока гвалт стихнет, а затем медленно, слово за словом произнес:

— Это последняя война человеческой расы. Запрошенное мною количество зарядов не так уж и велико. Я догадывался, чем закончится сегодняшнее заседание. Тем не менее я продолжу свои усилия. Я буду собирать бомбы. Заверяю вас, я изготовлю столько, сколько смогу. Я буду работать днем и ночью, и ничто меня не остановит.

В ответ на это заявление представители США, Великобритании и Франции выдвинули совместное предложение № Р269. Оно предписывало положить конец стратегической инициативе Отвернувшегося Рей Диаса.

* * *

На поверхности Меркурия властвовали два цвета: черный и золотой. Черной была почва планеты. Ее низкая отражательная способность означала, что почва оставалась черной даже под беспощадными лучами Солнца. А золотым было само Солнце, заполнявшее собой изрядную часть неба. На его диске можно было без труда видеть волнующееся море огня, над которым, как черные облака, проплывали солнечные пятна. По краям диска танцевали вихри протуберанцев.

На этом куске камня, висящем над огненным океаном Солнца, люди собирались зажечь солнце поменьше.

Построив космические лифты, человечество наконец смогло развернуть полномасштабное изучение других планет Солнечной системы. Высадка космонавтов на Марс и спутники Юпитера не вызвала сенсации — люди знали, что у этих экспедиций есть вполне определенная, практическая цель: основать военные базы. Экспедиции летели на химических реактивных двигателях и были только первым шагом к достижению поставленной цели. Поначалу исследовали только внешние планеты; но по мере развития стратегии

войны в космосе стали чаще вспоминать о внутренних планетах. Тогда расширили исследования Венеры и Меркурия. А затем СОП с минимальным перевесом голосов одобрил предложение Рей Диаса провести испытание звездно-водородной бомбы на Меркурии.

Бурение скважины в коре Меркурия стало первым крупномасштабным инженерным проектом, проводимым людьми на другой планете. Работать со скважиной можно было только в течение меркурианской ночи. Она длится восемьдесят восемь земных дней; таким образом, весь проект должен был занять три года. Но когда глубина скважины достигла трети от запланированной, бур уперся в необычно твердую породу — в сплав камня и металла. Работы пошли намного медленнее, а их стоимость возросла. Наконец было принято решение остановиться. Если испытывать бомбу на уже достигнутой глубине, то произойдет выброс материала из шахты, образуется кратер, а это ненамного отличается от испытаний в атмосфере. К тому же окружающая скважину порода повлияет на процесс взрыва и осложнит анализ результатов. Тогда Рей Диас предложил возвести над кратером крышу и создать базу под ней. В таком случае уже пробу-

ренной глубины будет достаточно.

Испытание провели на рассвете. Восход Солнца на Меркурии занимает десять часов. Сейчас над линией горизонта лишь начало появляться слабое свечение. Обратный отсчет дошел до нуля, и по почве от скважины побежали кольца взрывной волны. Каменистая кора Меркурия внезапно стала податливой массой. В центре взрыва медленно, как спина просыпающегося великана, начала вздуваться гора. Ее вершина поднялась до трех тысяч метров, а затем гора лопнула. Миллиарды тонн породы взлетели в воздух, как будто земля разгневалась на небо. Сквозь бушующее облако просвечивало пламя пылающего под землей огненного шара. Взметнувшиеся вверх камни светились его отраженным светом, и в черном небе Меркурия расцвел великолепный фейерверк. Взрыв сверхбомбы продолжался пять минут. Светящиеся наведенной радиацией обломки постепенно выпали обратно на поверхность планеты, подземное пламя угасло.

Через десять часов после взрыва наблюдатели отметили, что вокруг Меркурия образовалось кольцо из каменной пыли и осколков самого разного размера, выброшенных из кратера на первой космической скорости и вышедших на

орбиту вокруг планеты. Меркурий стал первой планетой земного типа с подобным кольцом. Оно было тонким и сверкало в ослепительном свете Солнца, как будто некое божество обвело планету маркером.

Небольшой процент обломков достиг второй космической скорости и покинул зону притяжения Меркурия. Они стали независимыми объектами, кружащимися вокруг Солнца в составе только что образовавшегося почти невидимого пояса астероидов.

* * *

Рей Диас жил под землей не из соображений безопасности, а из-за своей солнцебоязни. Он чувствовал себя лучше в закрытом помещении, вдали от солнечного света. Сейчас он смотрел прямую трансляцию испытаний звездно-водородной бомбы на Меркурии. Конечно, это была не совсем прямая трансляция, поскольку радиоволнам требовалось семь минут, чтобы добраться до Земли. Когда взрыв закончился и в кромешной темноте осколки коры планеты начали падать обратно, зазвонил телефон. Председатель СОП сообщал, что руководство Совета потрясено мощностью взрыва; теперь они хотят поскорее созвать оче-

редные слушания, чтобы обсудить производство и размещение таких сверхбомб. Председатель повторил, что ранее затребованное Рей Диасом количество бомб недостижимо, но ключевые фигуры в СОП заинтересованы в новом оружии.

Прошло десять часов с момента испытаний. Рей Диас разглядывал на телевизионном экране новое, сверкающее в свете Солнца кольцо Меркурия. Включился интерком, и охранник доложил Рей Диасу, что приехал психиатр.

— Не вызывал я никаких психиатров! Гоните его вон! — Он рассердился, как будто его унизили.

— Не волнуйтесь так, мистер Рей Диас, — послышался другой, мирный голос, очевидно, принадлежавший посетителю. — Я помогу вам снова увидеть солнце...

— Убирайтесь вон! — закричал Рей Диас, но тотчас же передумал. — Нет, схватите этого поганца и узнайте, кто его подослал!

— ...потому, что мне известна причина вашего недуга, — тем же ровным голосом продолжал посетитель. — Мистер Рей Диас, пожалуйста, поверьте мне. Во всем мире только мы двое знаем эту причину.

Услышав эти слова, Рей Диас мгновенно насто-

рожился и приказал впустить гостя. Несколько секунд он устало смотрел в потолок, потом медленно встал. Взял с захламленного дивана галстук и тут же бросил его обратно. Потом подошел к зеркалу, поправил воротник и пригладил волосы, как будто готовясь к ответственной встрече.

Он догадывался, что сейчас действительно произойдет неординарное событие.

Посетитель, приятный на вид мужчина среднего возраста, вошел в комнату, но не представился. Он стоял, морщась от царящего в помещении густого запаха сигар и спиртного и дожидаясь, пока Рей Диас закончит его рассматривать.

— Почему-то мне кажется, что я вас где-то видел, — сказал Рей Диас, продолжая вглядываться в вошедшего.

— Ничего странного, мистер Рей Диас. Все говорят, что я похож на Супермена из старых кинофильмов.

— И вы, конечно, считаете себя Суперменом? — сказал Рей Диас. Он сел на диван, взял сигару, откусил кончик и принялся ее раскуривать.

— Из вашего вопроса видно, что вы уже поняли, кто я. Я не Супермен, мистер Рей Диас. И вы не Супермен. — Посетитель сделал шаг вперед и стал прямо перед Рей Диасом, глядя на него

сверху вниз сквозь облако табачного дыма. Рей Диас поднялся с дивана.

Посетитель произнес:

— Отвернувшийся Мануэль Рей Диас, я ваш Разрушитель.

Рей Диас мрачно кивнул.

— Можно ли мне сесть? — спросил Разрушитель.

— Нет, нельзя. — Рей Диас неторопливо выдохнул облако дыма в лицо посетителю.

— Не унывайте, — посоветовал Разрушитель, дружелюбно улыбаясь.

— А я и не унываю, — ответил Рей Диас холодным и твердым, как камень, голосом.

Разрушитель подошел к стене и щелкнул выключателем. Где-то загудел вентилятор.

— Прекратите самовольничать, — предупредил Рей Диас.

— Вам не помешает немного свежего воздуха. Более того, вам необходимо солнце. Я хорошо знаком с этой комнатой, Отвернувшийся Рей Диас. Софоны часто показывали мне, как вы мечетесь по ней, словно зверь в клетке. Никто в мире не изучал вас пристальнее меня; и в такие моменты моя работа становилась еще труднее.

Разрушитель посмотрел Рей Диасу прямо в

лицо, по выразительности немногим отличающееся от ледяной статуи. Затем продолжил:

— По сравнению с Фредериком Тайлером вы гениальный стратег и отличный Отвернувшийся. Не сочтите за пустое славословие — вы обманывали меня почти десять лет. Ваше маниакальное желание заполучить сверхбомбу — оружие, почти бесполезное для боя в космосе, — замечательно скрывало ваши подлинные намерения. Все эти годы я искал подсказку — и не находил. Я заблудился в выстроенном вами лабиринте; в какой-то момент даже потерял надежду. — Поглощенный воспоминаниями, Разрушитель поднял глаза к потолку. — Потом мне пришло в голову разузнать, чем вы занимались до того, как стать Отвернувшимся. Это было непросто, поскольку софоны здесь не могли помочь. В то время Земли достигло лишь небольшое число софонов; вы, как глава одной из южноамериканских стран, не привлекли их внимания. Мне пришлось прибегнуть к более традиционным методам сбора информации. Я потратил на это три года. В собранном мной досье выделялся один человек — Вильям Козмо. Вы трижды тайно встречались с ним. Софоны не записали вашего разговора, так что мне не суждено узнать, что именно вы

тогда обсуждали. Но крайне необычно, что президент небольшой, не особо развитой страны трижды о чем-то говорил с ведущим западным астрофизиком. Теперь мы знаем, что уже тогда вы готовились стать Отвернувшимся.

Вне сомнения, вас интересовали результаты исследований доктора Козмо. Я не уверен, как именно вы о них узнали, но у вас инженерное образование, и вы опирались на опыт вашего предшественника, ярого приверженца социализма, желавшего, чтобы главенствующая роль в нации принадлежала инженерам. Собственно, поэтому вы и стали его преемником. У вас должно было хватить ума и знаний, чтобы понять важность исследований Козмо.

Когда разгорелся кризис вокруг Трисоляриса, группа доктора Козмо приступила к исследованиям атмосферы звезд в трисолярианской системе. Они предположили, что атмосфера образовалась в результате столкновения планеты и звезды. Удар нарушил целостность внешних слоев звезды — фотосферы и тропосферы. Сквозь эту дыру материал звезды выплеснулся в космическое пространство и образовал вокруг нее атмосферу. Поскольку система Трисоляриса хаотична, время от времени звезды оказываются довольно близ-

ко друг к другу. Тогда атмосфера вокруг одной звезды развеивается под действием притяжения другой — и возникает снова за счет извержений на поверхности звезды. Эти извержения происходят не постоянно; они больше похожи на подолгу спящие вулканы. Этим и объясняются периодическое сжатие и расширение атмосферы трисолярианских солнц. Чтобы доказать свою теорию, доктор Козмо принялся разыскивать на небе другую звезду, у которой есть атмосфера, образовавшаяся после столкновения с планетой. В третьем году эры Кризиса он нашел, что искал.

Группа доктора Козмо обнаружила планетную систему 275E1. Она находится в восьмидесяти четырех световых годах от Земли. Тогда «Хаббл II» еще не ввели в эксплуатацию; поэтому они воспользовались методом Доплера. Следя за частотой колебаний звезды и изменениями ее светимости, они определили, что планета находится совсем близко от звезды. Поначалу их открытие не привлекло внимания — к тому времени астрономы уже нашли более двух сотен планетных систем. Однако при дальнейших наблюдениях выявился потрясающий факт: расстояние между планетой и звездой уменьшается, причем все быстрее и быстрее. Человечество

впервые получило возможность наблюдать падение планеты на звезду. Через год — или за восемьдесят четыре года до того, в зависимости от точки отсчета — так и случилось. Имеющееся в те годы оборудование могло установить факт столкновения только по гравитационным возмущениям и модуляции яркости. Но затем произошло нечто поразительное. Вокруг звезды стала разворачиваться спираль из какого-то вещества, и эта спираль со звездой в центре начала расширяться и раскручиваться, как в часовом механизме. Козмо и его коллеги поняли, что планета пробила дыру в оболочке далекого солнца и из этой дыры забил фонтан звездного вещества. Вращение звезды сформировало спираль.

В этом рассказе, сэр, есть несколько важных для нас цифр. Звезда принадлежит к классу G2, и она желтая. Магнитуда звезды — 4,3, диаметр — 1,2 миллиона километров. Весьма похожа на наше Солнце. Масса планеты была около четырех процентов от массы Земли — немного меньше, чем масса Меркурия. Спиральное облако, образовавшееся после столкновения, имело радиус до трех астрономических единиц — больше, чем расстояние от Солнца до пояса астероидов.

Это открытие послужило ключом, с помощью

которого я раскрыл ваш подлинный план. Теперь, как ваш Разрушитель, я объясню всю вашу стратегию.

Допустим, что вам в конце концов удастся изготовить и разместить на Меркурии, как вы обещали СОП, миллион или даже больше сверхмощных звездно-водородных бомб. Если все эти бомбы взорвать под поверхностью планеты, то они, сработав как реактивный двигатель, притормозят Меркурий. Планета сойдет со своей и без того низкой орбиты и упадет на Солнце. Разыграется сценарий, подобный происшедшему в системе 275E1. Меркурий пробьет зону конвекции; через эту дыру вещество из зоны лучистого переноса с огромной скоростью вырвется наружу и, следуя вращению Солнца, образует газовую спираль. В отличие от системы Трисоляриса, Солнце не встретится с другой звездой, и поэтому его атмосфера будет безостановочно расширяться, пока не станет даже плотнее, чем атмосфера звезд Трисоляриса. Наблюдения за системой 275E1 подтверждают эту теорию. Спираль из звездного вещества станет расти; со временем она доберется до орбиты Марса. И вот тогда начнется весьма интересная цепная реакция.

Прежде всего три планеты земного типа —

Венера, Земля и Марс — станут тормозиться атмосферой, начнут терять скорость, превратятся в три гигантских метеора и рано или поздно столкнутся с Солнцем. Но задолго до того Земля под напором атмосферы Солнца потеряет свою собственную. Океаны испарятся; Земля станет гигантской кометой; ее хвост протянется вдоль всей орбиты вокруг Солнца. Поверхность Земли снова станет морем огненной лавы, в котором ничто не способно выжить.

Когда Венера, Земля и Марс упадут на Солнце, выбросы солнечного вещества в космос усилятся. Вместо одной спирали будут четыре. Общая масса трех планет в сорок раз превышает массу Меркурия, и они упадут с более высоких орбит, поэтому скорость столкновения будет намного больше. Извержение каждой из новых спиралей будет в десятки раз сильнее по сравнению с падением Меркурия. Солнечная атмосфера, образованная этими спиралями, расширится до орбиты Юпитера.

Торможение в атмосфере окажет незначительное влияние на огромный, массивный Юпитер. Пройдет немало времени, прежде чем атмосфера повлияет на его орбиту. Но трение оторвет от планеты ее спутники, они потеряют скорость и

упадут либо на Солнце, либо на Юпитер.

На этом цепная реакция не остановится. Юпитер будет понемногу замедляться в атмосфере спирали, и его орбита вокруг Солнца начнет снижаться. Планета войдет в более плотные слои атмосферы и станет снижаться еще быстрее. Через некоторое время Юпитер тоже упадет на Солнце. Масса Юпитера в шестьсот раз больше, чем у всех ранее упавших планет. Столкновение Юпитера с Солнцем даже в самом благоприятном случае приведет к огромному выбросу вещества звезды. Плотность атмосферы повысится. Это приведет к понижению температуры на Уране и Нептуне. Но очень вероятно, что после падения Юпитера атмосфера станет настолько плотной, что достигнет орбит двух внешних планет системы, и они в свою очередь затормозятся, снизятся и упадут на Солнце. Нам неизвестно, что после всего этого станет с Солнцем и остатками Солнечной системы. Но ясно одно: для цивилизации и для жизни это будет настоящим адом, похуже, чем нападение Трисоляриса.

Солнечная система является для трисолярианин единственной надеждой на спасение, прежде чем их собственная планета будет разрушена одной из звезд. Другого мира, до которого они

смогут добраться вовремя, у Трисоляриса нет. Поэтому смерть Солнечной системы означает смерть Трисоляриса.

В этом и заключается ваша подлинная стратегия: уничтожение обеих сторон. Когда все звездные бомбы на Меркурии будут наготове, вы пустите в ход шантаж и добьетесь победы человечества.

Я, ваш Разрушитель, представил вам результаты моего многолетнего труда. Я не прошу вашей оценки или критики, потому что знаю: это все правда.

Рей Диас молча слушал Разрушителя. Сигара в его руке наполовину прогорела; теперь он рассматривал ее тлеющий кончик.

Разрушитель присел на диван рядом с Отвернувшимся и методично пошел дальше, словно учитель, проверяющий работы учеников:

— Мистер Рей Диас, я уже говорил, что вы отличный стратег. По крайней мере, вы превосходно показали себя, придумывая и реализуя эту программу.

К примеру, вы неплохо использовали собственный имидж. Люди до сих пор хорошо помнят, как вас лично и всю вашу страну вынудили отказаться от проекта мирной атомной энергетики

и закрыть комбинат «Ориноко», производивший ядерное топливо. Весь мир видел ваше мрачное лицо. Вы воспользовались тем, что мир верил в вашу параноидальную тягу к ядерному оружию, и таким образом отвели подозрения от истинного плана.

Ваш талант виден и в каждой детали вашей задумки. Я приведу лишь один пример. Когда проводили испытания на Меркурии, вы хотели, чтобы обломки почвы выбросило в космос. Но, заглядывая далеко вперед, вы настаивали на бурении сверхглубокой шахты, потому что знали, насколько постоянные члены СОП озабочены стоимостью проекта — они не допустят таких трат. Точность вашего расчета восхищает.

И все-таки вы допустили одну крупную ошибку. Зачем надо было проводить первое испытание именно на Меркурии? У вас и позднее было бы достаточно времени, чтобы разместить там бомбы. Возможно, вам не терпелось увидеть взрыв на этой планете? Вы его увидели. Огромное количество камней выбросило за пределы поля притяжения Меркурия. Возможно, результат даже превзошел ваши ожидания. Вас это удовлетворило, а мне предоставило последнее доказательство моей теории.

Да, мистер Рей Диас, даже с учетом всей предварительной работы без этого последнего штриха я не смог бы разгадать ваши истинные стратегические замыслы. Слишком безумной была идея. Но это воистину грандиозный план, в чем-то даже красивый. Если бы падение Меркурия действительно произошло и запустило цепную реакцию, это было бы великолепным финалом всей симфонии Солнечной системы. К сожалению, человечество увидело бы только самое начало. Мистер Рей Диас, вы — Отвернувшийся с задатками Бога. Это честь быть вашим Разрушителем.

Гость встал с дивана и глубоко поклонился Рей Диасу.

Рей Диас не смотрел на него. Он затянулся сигарой и выдохнул облако дыма, после чего продолжил рассматривать тлеющий огонек.

— Хорошо. Тогда я задам тот же вопрос, какой задал Тайлер, — проговорил он.

Разрушитель легко вспомнил этот вопрос:

— «Если все это правда, то что с того?»

Рей Диас кивнул, не отводя взгляда от дымящегося кончика сигары.

— Мой ответ будет точно таким же: Господу это безразлично.

Рей Диас вопросительно взглянул на Разрушителя.

— Вы выглядите недалеким человеком, но у вас острый ум, — продолжал Разрушитель. — Тем не менее в глубине души вы остаетесь варваром. Такова ваша природа — дикая грубая сила. Эта грубость видна и в основе вашего стратегического плана. Он ненасытный. Человечество не в состоянии изготовить столько звездных бомб. Даже если истратить на них все ресурсы Земли, то не наберется и одной десятой нужного количества. А ведь одного миллиона сверхбомб не хватит, чтобы столкнуть Меркурий с орбиты и выстрелить им в Солнце. И все же вы со слепой целеустремленностью вояки придумали этот невозможный план, а затем упрямо осуществляли его шаг за шагом с хитростью превосходного стратега. В этом и заключается трагедия, Отвернувшийся Рей Диас.

Рей Диас смотрел на Разрушителя, и понемногу выражение его лица смягчалось. Мимические мышцы начали подергиваться, и наконец он расхохотался.

— Ха-ха-ха, — смеялся он, указывая на Разрушителя. — Супермен! Ха-ха-ха! Теперь я припоминаю. Тот... тот, старый Супермен. Он мог летать,

он мог заставить Землю вращаться в другую сторону, но однажды он ехал на лошади... ха-ха-ха... однажды он ехал на лошади, упал и сломал шею... ха-ха-ха...

— Это был играющий роль Супермена актер, Кристофер Рив. Он упал и сломал шею, — негромко поправил его Разрушитель.

— Вы думаете... думаете, что кончите лучше, чем он? Ха-ха-ха...

— Я пришел сюда, а это значит, что я не питаю никаких иллюзий насчет своей судьбы. Я прожил хорошую жизнь, — спокойно ответил Разрушитель. — Но вам, мистер Рей Диас, стоит задуматься о своей собственной судьбе.

— Ты умрешь первым, — сказал Рей Диас. Осклабившись, он воткнул горящий кончик сигары в переносицу Разрушителя. Тот прижал к лицу руки. Тогда Рей Диас схватил с дивана ремень от военной формы, обмотал его вокруг шеи Разрушителя и изо всех сил стал его душить. Разрушитель был моложе, но он не мог противостоять грубой мощи Рей Диаса. Тот повалил его на пол и закричал:

— Я сверну тебе шею! Сволочь! Кто тебя сюда послал, чтобы умничать? Кто ты такой, черт возьми? Гад! Сейчас сверну твою поганую шею!

Он затянул ремень потуже и принялся молотить голову Разрушителя об пол. Послышался хруст зубов. Когда охранники ворвались в комнату и попытались разнять дерущихся, лицо Разрушителя уже посинело, на губах выступила пена, а глаза выпучились, как у аквариумной рыбки.

Разъяренный Рей Диас, борясь с охранниками, продолжал выкрикивать:

— Оторвите ему башку! Вздерните его! Немедленно! Это часть плана! Вы слышите меня, черт возьми? Часть плана!

Но трое охранников не слушали его приказов. Один из них удерживал Рей Диаса; двое других подхватили немного пришедшего в себя Разрушителя и поволокли из комнаты.

— Погоди у меня, ублюдок! Ты не заслужил легкой смерти! — крикнул Рей Диас, оставляя попытки вырваться и еще разок двинуть Разрушителя. Он глубоко вздохнул, успокаиваясь.

Разрушитель обернулся; на его избитом, распухшем лице сияла улыбка. Он открыл рот, в котором недоставало зубов, и повторил:

— Я прожил хорошую жизнь.

Слушания по проекту «Отвернувшиеся» в Совете обороны планеты

В самом начале заседания США, Великобритания, Франция и Германия выступили с предложением немедленно приостановить полномочия Рей Диаса как Отвернувшегося и предать его международному суду за преступления против человечества.

Представитель США заявил:

— Мы провели тщательное расследование и считаем, что разоблачениям Разрушителя можно верить. Перед нами стоит человек, совершивший преступление, перед которым меркнут самые ужасные злодеяния в истории человечества. Нам не удалось найти ни одного закона, под который подпадали бы его действия. Поэтому мы рекомендуем принять новый закон о преступлениях против жизни на Земле и отдать Рей Диаса под суд по этому закону.

Рей Диас не проявил волнения. Он с насмешкой ответил:

— Вы уже давно пытаетесь избавиться от меня, разве не так? С самого начала проекта «Отвернувшиеся» вы пользуетесь двойными стандартами. Я вам нравлюсь меньше всех.

На это возразил представитель Великобритании:

— Заявление Отвернувшегося Рей Диаса безосновательно. На самом деле страны, которые он обвиняет, вложили наибольшее количество средств именно в его программу; три других Отвернувшихся получили гораздо меньше.

— Разумеется, — кивнул Рей Диас, — но вы вбухали так много денег потому, что вам самим нужна звездно-водородная бомба.

— Не смешите народ! — воскликнул представитель США. — Зачем она нам? В космосе это оружие абсолютно неэффективно, а на Земле не найдется применения даже для старой бомбы в двадцать мегатонн, не говоря уже о монстре в триста.

— Но такие бомбы будут очень даже эффективны в войнах на других планетах, — спокойно ответил Рей Диас. — Особенно в войнах между людьми. На безжизненной поверхности планет не нужно задумываться о потерях среди гражданского населения или о загрязнении природной среды. Вы сможете уничтожать огромные площади, а то и выжечь всю планету. Для таких целей звездно-водородная бомба вполне пригодна. Вы наверняка задумывались о такой перспективе, поскольку люди уже начали расселяться по

Солнечной системе, таща за собой свои земные конфликты. Даже угроза Трисолярис, нашего общего врага, не сможет остановить войны между людьми. Сегодня политически невозможно создавать сверхоружие, предназначенное против людей, поэтому вы позволили *мне* изобрести его для вас.

— Это абсурдная логика террориста и диктатора! — вскочил с места представитель США. — Рей Диас — один из тех людей, которые, стоит им только получить положение и власть Отвернувшегося, сделают сам проект опаснее, чем вторжение инопланетян. Мы обязаны принять решительные меры и исправить эту ошибку!

— У этих людей слова с делами не расходятся. — Рей Диас повернулся к Гаранину, действующему председателю. — Снаружи полно агентов ЦРУ. Они арестуют меня, как только слушания закончатся и я выйду из этого зала.

Председатель бросил взгляд на представителя США. Тот поигрывал крандашом. Гаранина назначили на переходящий пост председателя СОП в самом начале проекта «Отвернувшиеся», и с тех пор он уже позабыл, сколько раз за последние два десятилетия ему выпадало руководить организацией. Но этот раз был последним. Он поседел и

собирался выйти в отставку.

— Отвернувшийся Рей Диас, если то, что вы утверждаете, верно, то такие действия будут неправомочны. До тех пор пока принципы проекта «Отвернувшиеся» остаются неизменными, Отвернувшиеся обладают юридической неприкосновенностью. Их нельзя обвинить в преступлении на основании их слов и действий, — проинформировал собравшихся Гаранин.

— Кроме того, не забывайте, что мы на международной территории, — добавил делегат от Японии.

— Значит ли это, — спросил представитель США, воздевая карандаш, — что даже если Рей Диас соберется взорвать миллион звездных бомб, которые он закопал на Меркурии, общество по-прежнему не сможет обвинить его в преступлении?

— В соответствии с законом об Отвернувшихся ввод ограничений на стратегические программы тех Отвернувшихся, которые проявляют опасные намерения, — это одно, а неподсудность самих Отвернувшихся — совсем другое, — сказал Гаранин.

— Преступления Рей Диаса выходят за рамки неподсудности. Его нужно наказать! Это

необходимо, если мы хотим сохранить проект «Отвернувшиеся», — высказался представитель Великобритании.

— Можно ли мне напомнить председателю и всем представителям, — встал с кресла Рей Диас, — что мы находимся на слушаниях в СОП и что я не подсудимый.

— Скоро станете! — с холодной усмешкой заверил его представитель США.

Гаранин ухватился за шанс вывести дискуссию в мирное русло:

— Я поддерживаю Отвернувшегося Рей Диаса. Нам следует вернуться к обсуждению его стратегического плана.

Заговорил представитель Японии:

— На данный момент, похоже, все делегаты согласны с тем, что программа Рей Диаса идет вразрез с правами человека. В соответствии с законом об Отвернувшихся, программу следует свернуть!

— В таком случае мы можем голосовать по предложению № Р269, внесенному на предыдущих слушаниях. Это предложение об остановке стратегических планов Рей Диаса, — сказал Гаранин.

— Господин председатель, минуточку, — поднял руку Рей Диас. — Прежде чем вы поставите

вопрос на голосование, я хотел бы изложить некоторые подробности моего плана.

— Больно нам нужно тратить время на всякие мелочи! — сказал кто-то из собравшихся.

— Изл`ожите их в суде, — насмешливо предложил представитель Великобритании.

— Нет, это важные подробности, — настаивал Рей Диас. — Давайте предположим, что Разрушитель не ошибся в своих разоблачениях и все, что он сказал, правда. Один из вас упомянул тот самый момент, когда на Меркурии будет заложен миллион звездно-водородных бомб, все из них в полной готовности. Тогда я сообщу вездесущим софонам, что человечество готово умереть и утащить с собой на тот свет и Трисолярис. Что произойдет дальше?

— Мы не можем предсказать реакцию Трисоляриса; но на Земле, без сомнения, миллиарды людей захотят свернуть вам шею — так же, как вы поступили со своим Разрушителем, — предположил представитель Франции.

— Совершенно верно. Поэтому я принял кое-какие меры. Посмотрите вот на это. — Рей Диас поднял левую руку и показал всем собравшимся свои часы. Часы были полностью черными, вдвое больше и вдвое толще, чем обычные мужские

часы. Впрочем, они не выглядели слишком большими на широком запястье Рей Диаса. — Это передатчик; через ретранслятор он посылает сигнал в космос, на Меркурий.

— С его помощью вы пошлете сигнал к детонации? — спросил один из собравшихся.

— В точности наоборот. Он посылает сигнал, предотвращающий взрыв.

Его слова заставили присутствующих задуматься. Рей Диас продолжил:

— Кодовое название этой системы — «колыбель». Оно означает, что если колыбель перестанут качать, то дитя проснется. Часы постоянно посылают сигнал, и он постоянно принимается на Меркурии. Если сигнал прервется, система взорвет бомбы.

— Такую систему называют «рукой мертвеца», — невозмутимо пояснил делегат США. — Разработка подобных устройств для автоматического подрыва атомных бомб велась в годы холодной войны. Но к их производству не приступали; только безумец решился бы на такую «подстраховку».

Рей Диас опустил руку и закрыл часы рукавом.

— Я узнал об этой великолепной идее не от специалиста по ядерному оружию, а из амери-

канской киноленты. В фильме герой постоянно носит такой передатчик; если его сердце остановится, то передатчик отключится. Бомба же прикреплена к другому герою, и снять ее невозможно; если сигнал от передатчика прекратится, то бомба взорвется. Поэтому, хоть второй герой и ненавидит первого, он вынужден его защищать... Мне нравятся американские фильмы. Я и сегодня вспоминал старый фильм о Супермене.

— Вы хотите сказать, что это устройство следит за биением вашего сердца? — спросил представитель Японии. Он даже протянул ладонь, чтобы прикоснуться к часам, но Рей Диас отдернул руку и отошел в сторону.

— Именно так. Но «колыбель» устроена намного сложнее. Она следит не только за пульсом, но и за множеством других физиологических параметров, таких как кровяное давление и температура тела. Она постоянно анализирует эти параметры. Если они отклонятся от нормы, то передатчик «руки мертвеца» выключится. Кроме того, «колыбель» распознает несколько моих голосовых команд.

Какой-то человек вошел в зал совещаний и, подойдя к Гаранину, что-то нервно зашептал ему в ухо. Прежде чем он закончил, Гаранин бросил

странный взгляд на Рей Диаса, что не укрылось от внимательных глаз присутствующих.

— Существует способ отключения вашей «колыбели», — заявил представитель США. — Во время холодной войны работали и над этой проблемой.

— Это не моя «колыбель». Это колыбель звездных бомб. Если она остановится, бомбы проснутся, — поправил его Рей Диас.

— Я тут вот что подумал... — заговорил представитель Германии. — По пути от ваших часов до Меркурия радиосигнал обязательно должен пройти через множество ретрансляторов. Если заэкранировать или уничтожить один из узлов этой сети, то можно будет передать ложный сигнал, который предотвратит взрыв. Какой тогда смысл в этой вашей «колыбели»?

— Это действительно сложная задача. — Рей Диас кивнул делегату от Германии. — Если не учитывать софоны, то она легко решается. Все узлы ретрансляционной сети снабжены модулем шифрования; все передаваемые сигналы зашифрованы. Внешнему наблюдателю кажется, что все передачи внутри системы являются случайными числами. Но на самом деле «колыбель» передает вполне определенные данные — некую последовательность чисел. Эти же данные после

дешифровки получаются на выходе приемника. Если принятые числа не совпадают с ожидаемыми, то прием сигнала не засчитывается. Ложный передатчик не знает ни ключа к шифру, ни правильных данных. Но чертовы софоны способны разгадать шифр!

— Вероятно, вы придумали какой-то другой метод? — спросили из зала.

— Простой и грубый. Я сам человек простой и грубый, и все мои методы такие же, — ответил, подсмеиваясь над собой, Рей Диас. — Я повысил чувствительность каждого узла к нарушению целостности. Если конкретно, то каждый узел сети связи состоит из нескольких модулей; они могут располагаться на расстоянии друг от друга, но они соединены в одну сеть и постоянно обмениваются данными. Если любой из модулей узла выйдет из строя, то весь узел прекратит ретрансляцию сигнала. После этого, даже если ложный передатчик начнет передавать сигнал на следующий узел, этот сигнал будет заблокирован и не пройдет дальше. Система слежения за целостностью сети способна обнаружить неполадки с микросекундной точностью. Если противник захочет воспользоваться тем методом, о котором только что говорил представитель Германии, то

ему придется уничтожить все модули узла одновременно, за одну микросекунду — и в течение этой же микросекунды приступить к передаче ложного сигнала. Каждый узел состоит как минимум из трех модулей, но их могут быть и десятки. Модули находятся в трехстах километрах друг от друга. Каждый модуль надежно защищен от внешних воздействий, но среагирует на малейшее касание. Может быть, трисоляриане и смогут вывести из строя все модули узла за микросекунду, но людям это не по силам.

Последняя фраза Рей Диаса насторожила собравшихся.

— Мне только что доложили, что устройство на руке Рей Диаса передает радиосигнал, — объявил Гаранин. Присутствующие в зале делегаты забеспокоились. — Я хотел бы спросить вас, Отвернувшийся Рей Диас, передают ли ваши часы сигнал действительно на Меркурий?

Рей Диас рассмеялся, но пояснил:

— Зачем мне посылать сигнал на Меркурий? Там ничего нет, кроме огромного котлована. Кроме того, мы еще не запустили ретрансляторы космической связи. Нет, нет и еще раз нет. Вам не о чем беспокоиться. Сигнал моих часов не передается на Меркурий. Он передается в Нью-Йорк,

и приемник находится совсем рядом с нами.

Казалось, что в зале застыл даже воздух. Все собравшиеся, за исключением Рей Диаса, превратились в каменных истуканов.

— И что произойдет, если качающий «колыбель» сигнал прервется? — резко спросил представитель Великобритании. Он даже не попытался скрыть свое напряжение.

— Ну, что-нибудь обязательно произойдет, это точно, — рассмеялся в ответ Рей Диас. — Я уже двадцать лет как Отвернувшийся, и у меня всегда получалось раздобыть кое-что и для себя лично.

— Хорошо, мистер Рей Диас, не ответите ли вы тогда на более прямой вопрос? — встал со своего места представитель Франции. Он выглядел спокойным, но его голос дрожал. — За сколько жизней будете вы (или, если хотите, *мы*) в ответе?

Рей Диас широко раскрыл глаза, глядя на француза, как будто тот спросил что-то несуразное:

— Что? Какое значение имеет количество жертв? Я полагал, что вы все здесь уважаемые джентльмены, ставящие права человека превыше всего. Какая разница между одной жизнью и жизнями восьми миллионов? Если речь идет только об одной жизни, то, значит, она не достой-

на уважения?

Представитель США вскочил с места и завопил, тыча пальцем в Рей Диаса и брызгая слюной:

— Более двадцати лет назад, когда проект «Отвернувшиеся» только начинался, мы указывали всем вам, что это за человек! — Он пытался взять себя в руки, но это ему не удавалось. — Он же террорист! Подлый, грязный террорист! Сам дьявол во плоти! Вы откупорили эту бутылку и выпустили джинна на свободу; теперь извольте отвечать за его действия! ООН должна признать свою ответственность за него! — в истерике выкрикнул делегат от США и швырнул в воздух ворох бумаг.

— Успокойтесь, господин представитель, — слегка улыбнувшись, ответил Рей Диас. — Колыбель очень точно измеряет мои физиологические параметры. Если бы я, как вы, забился в истерике, то она прекратила бы передачу сигнала. Ни лично вам, ни кому другому в этом зале не стоит раздражать меня. Наоборот, постарайтесь меня радовать — для собственного же блага.

— Каковы ваши условия? — мягко спросил Гаранин.

Рей Диас повернулся к председателю. В его улыбке появилась тень грусти, и он покачал

головой.

— Господин председатель, какие у меня могут быть условия, кроме как покинуть этот зал и вернуться в свою страну? Чартерный самолет стоит наготове в аэропорту Кеннеди.

В зале воцарилась мертвая тишина. Все непроизвольно сосредоточили внимание на представителе США. Тот, не в силах выдержать всеобщего внимания, упал в кресло и прошипел:

— Выметайся отсюда, сволочь!

Рей Диас медленно кивнул, встал и вышел.

— Мистер Рей Диас, я провожу вас домой, — сказал Гаранин, сходя со сцены.

Рей Диас остановился, поджидая Гаранина — председатель не мог ходить так быстро, как в молодости.

— Благодарю вас, господин председатель. Мне подумалось, что вам тоже захочется покинуть это место.

Когда они подошли к дверям, Рей Диас обнял Гаранина, и они вместе обернулись к делегатам.

— Джентльмены, я рад навсегда оставить вашу компанию. Я потерял здесь два десятка лет, и никто тут меня не понимает. Я хочу вернуться в свою страну, к своему народу. Да, в свою страну и к своему народу. Я по ним соскучился.

К всеобщему удивлению, в глазах этого большого, сильного мужчины заблестели слезы. Наконец он произнес:

— Я хочу вернуться на родину, и это не часть плана.

Выйдя из здания Генеральной ассамблеи ООН, Рей Диас распростер руки и с наслаждением воскликнул:

— Здравствуй, солнце!

Солнцебоязнь, преследовавшая его на протяжении двух десятилетий, бесследно пропала.

* * *

Самолет Рей Диаса поднялся в воздух и полетел над ширью Атлантического океана.

В салоне самолета Гаранин обратился к Рей Диасу:

— Пока я с вами, самолету ничто не угрожает. Пожалуйста, скажите, где размещена бомба, управляемая вашей «рукой мертвеца».

— Нет никакой бомбы. Вообще ничего нет. Я просто блефовал, чтобы унести ноги. — Рей Диас снял часы и передал их Гаранину. — Это простейший передатчик, собранный из деталей сотового телефона «Моторола». И он не отслеживает мой пульс. Я вообще выключил его. Возьмите себе

на память.

Оба долго хранили молчание. Затем Гаранин вздохнул и спросил:

— Как же такое получилось? Предполагалось, что Отвернувшиеся воспользуются своими правами против софонов и Трисоляриса. Но и Тайлер, и вы применили их против человечества.

— В этом нет ничего странного, — ответил Рей Диас. Он сидел возле иллюминатора, наслаждаясь солнечным светом. — На данный момент самая серьезная угроза выживанию человечества исходит от него самого.

Через шесть часов самолет приземлился на Карибском побережье, в международном аэропорту Каракаса. Гаранин остался в самолете, чтобы вернуться на нем в ООН.

Когда они расставались, Рей Диас сказал:

— Не прекращайте проект «Отвернувшиеся». Он — единственная надежда в этой войне. У вас есть два других Отвернувшихся. Пожелайте им успехов от моего имени.

— Я с ними не увижусь, — разволновавшись, ответил Гаранин. Когда Рей Диас вышел из самолета, оставив Гаранина в одиночестве, тот был в слезах.

Небо над Каракасом было таким же чистым, как

и над Нью-Йорком. Рей Диас сошел с лестницы и вдохнул знакомый тропический воздух; затем он встал на колени и поцеловал землю своей родины. Под охраной большого контингента военной полиции его кортеж проследовал в город. После получасовой поездки по горному серпантину они въехали в столицу и направились в центр, к площади Боливара. Рей Диас вышел из автомобиля возле статуи Симона Боливара и забрался на постамент. Над ним, на коне и в латах, возвышался великий герой, который победил Испанию и пытался основать в Южной Америке объединенную республику Великой Колумбии. Перед статуей под лучами солнца бушевало людское море; его волны с трудом сдерживали военные полицейские. Солдатам пришлось стрелять в воздух, но толпы людей вскоре прорвали оцепление и хлынули навстречу живому Боливару, стоящему в ногах статуи.

Рей Диас простер руки к небу. Расчувствовавшись, со слезами на глазах, он закричал:

— О мой народ!

Первый камень, брошенный его народом, ударил его по левой ладони; второй попал в грудь, третий разбил лоб и чудом не лишил сознания. А затем на него обрушился ливень камней. Вскоре

его безжизненное тело было похоронено под их грудой. Последний удар нанесла Отвернувшемуся Рей Диасу какая-то старуха. С трудом дотащив булыжник до трупа, она проорала: «Злодей! Ты бы убил всех нас! Там мог быть мой внук! Ты бы убил моего внука!» — а потом изо всех сил, остававшихся в ее трясущихся руках, опустила булыжник на расколотый череп Рей Диаса, высовывавшийся из-под кучи камней.

* * *

Время невозможно остановить. Его лезвие неслышно режет и мягкое, и твердое. Ничто не способно даже на кратчайший миг остановить его движение; но течение времени изменяет все на свете.

Чан Вэйсы вышел в отставку вскоре после испытаний на Меркурии. Выступая перед журналистами в последний раз, он признался, что не верит в победу. Но это не повлияло на высокую оценку историей его службы на посту первого командующего космическими силами. Многолетняя нагрузка подорвала его здоровье, и он умер в возрасте 68 лет. Генерал сохранил ясность ума до последней минуты жизни; он часто упоминал Чжан Бэйхая.

Отслужив второй срок на посту Генерального секретаря, Сэй придумала и организовала проект «Память человечества». Целью проекта был широкомасштабный сбор информации о культуре человечества и связанных с ней предметов. Позднее предполагалось запустить собранные материалы в космос. Главной частью проекта являлся «Дневник человека» — специальный веб-сайт в Интернете. На нем миллионы людей могли документировать свою повседневную жизнь текстом или фотоснимками. С течением времени на «Дневнике человека» зарегистрировались два миллиарда посетителей, и он стал самым большим архивом данных в Интернете. Позже СОП решил, что проект «Память человечества» потворствует пораженчеству, и принял резолюцию о его закрытии. Его даже приравняли к эскапизму. Но Сэй продолжала работу над проектом вплоть до своей смерти в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Выйдя в отставку, Гаранин и Кент поселились в Саду Эдема в северной Европе — там, где Ло Цзи провел пять лет. С тех пор их никто не видел, и никто не знает, когда они кончили свои дни. Но известно, что они прожили долгую жизнь. Кое-кто утверждает, что обоим перевалило за

сотню лет, прежде чем они умерли естественной смертью.

Как и предсказывала Кейко Ямасуки, У Юэ провел всю оставшуюся жизнь в депрессии и замешательстве. Более десяти лет он работал на проект «Память человечества», но так и не нашел в нем утешения. Он умер в одиночестве в возрасте семидесяти семи лет. Как и Чан Вэйсы, У Юэ перед смертью называл имя Чжан Бэйхая. Их надежды были связаны с несгибаемым воином, лежащим в анабиозе.

Доктор Альберт Ринье и генерал Фицрой разменяли восьмой десяток лет и своими глазами увидели стометровый космический телескоп «Хаббл III». Через него они взглянули на планету Трисолярис. Но им больше не довелось наблюдать трисолярианский флот или высланные вперед зонды — они не дожили до пересечения кораблями третьего «снежного заноса».

Жизнь обычных людей тоже текла своим чередом. Из трех пекинских соседей Мяо Фуцюань умер первым, в возрасте семидесяти пяти лет. Сын похоронил его в заброшенной шахте на глубине двести метров. Он исполнил предсмертное желание отца и взорвал шахту, а потом установил надгробный камень. По завещанию

покойного последнее перед Судным днем поколение должно было отыскать надгробие и в случае победы землян заново установить его. Но уже через пятьдесят лет после его смерти территория возле шахты превратилась в пустыню. Надгробный камень пропал, вход в шахту было не найти; впрочем, потомки Мяо даже и не собирались ничего искать.

Чжан Юаньчао умер от болезни, как самый обычный человек, в возрасте восьмидесяти лет. Его тело, как тело любого простого человека, кремировали. Урну с пеплом положили в стандартную ячейку на длинной полке колумбария общественного кладбища.

Ян Цзиньвэнь дожил до девяноста двух лет. Капсула с его останками разогналась до третьей космической скорости, покинула Солнечную систему и направилась в глубокий космос. На это ушли все его сбережения.

Дин И не умер. После открытия управляемой термоядерной реакции он переключился на теоретическую физику. Он хотел найти способ обойти вмешательство софонов в результаты физических экспериментов. Это ему не удалось. Дожив до семидесяти лет, он, как и другие физики, потерял надежду на прорыв блокады. Он лег

в гибернацию и попросил разбудить его незадолго до битвы Судного дня. Ему хотелось своими глазами увидеть неизмеримо более высокую технологию Трисоляриса.

Через сотню лет после начала Трисолярианского кризиса умерли все, кому довелось жить в Золотом веке человечества. Эти годы постоянно вспоминали; старики, заставшие то время, пережевывали свои воспоминания вновь и вновь, словно жвачные животные, наслаждаясь их вкусом. И каждый раз они заканчивали свой рассказ словами: «Ах, если бы мы тогда это ценили!» Молодежь слушала их повествования с завистью и сомнением. Мир, богатство, счастье — вся эта беззаботная утопия, — да была ли она на самом деле?

С уходом стариков берега Золотого века растаяли в тумане истории. Одинокий корабль человеческой цивилизации дрейфовал в безбрежном океане, со всех сторон окруженный грозно вздымающимися валами. И никто даже не знал, есть ли у этого океана противоположный берег.

Часть III. Темный лес

Двести пятый год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 2,10 светового года

Тьма. До тьмы не было ничего, лишь небытие, бесцветное небытие. В небытии не было совершенно ничего. Темнота, по крайней мере, подразумевала пространство. Вскоре тьма пошла волнами, которые, как легкий ветерок, проникали повсюду. Так ощущалось течение времени. В небытии времени не было совсем; но теперь, хоть и медленно, время пошло вперед.

Намного позже, как бесформенная фосфоресцирующая клякса, возник свет, а потом, после долгой паузы, постепенно проявились черты окружающего мира. Разбуженное от спячки сознание с трудом понимало, что к чему. Сначала стали видны какие-то тонкие, прозрачные трубки, потом лицо человека за ними. Лицо быстро пропало, и стал виден потолок, от которого исходил белый свет.

Ло Цзи вышел из гибернации.

Лицо появилось снова. Оно принадлежало

мужчине, который приветливо взглянул на Ло Цзи и произнес:

— Добро пожаловать в наш век.

Когда он заговорил, по его белому лабораторному халату начали пробегать красивые картинки, соответствующие его эмоциям — моря, закаты, леса, орошаемые теплым дождиком... Доктор сообщил, что Ло Цзи вылечили во время гибернации и что пробуждение прошло без осложнений. За два-три дня он полностью восстановится.

Полусонный и все еще медленно соображающий разум Ло Цзи выловил из речи врача лишь один факт: сейчас идет двести пятый год эры Кризиса, и он провел в гибернации сто восемьдесят пять лет[35].

Поначалу Ло Цзи решил, что у доктора необычный акцент. Впоследствии он узнал, что, хоть фонетика практически не изменилась, в китайский язык попало много слов, заимствованных из английского. Речь медика дублировалась текстом, высвечиваемым на потолке — по-видимому, с помощью компьютерной системы

---

[35] Примечания: 35

Автор не совсем точен. Ло Цзи лег в гибернацию на 8-м, в крайнем случае 9-м году эры Кризиса. Таким образом, он провел в гибернации не меньше 196 лет. Это со времени последних событий, описанных во второй части, прошло 185 лет. (*Прим. перев.*)

распознавания речи. Компьютер заменял английские слова на китайские иероглифы, чтобы только что проснувшимся было легче понимать.

Наконец доктор сообщил, что процедура закончена. Ло Цзи предстояло покинуть отделение реанимации и отправиться в палату. Халат врача показал вечернюю сцену, где закат быстро переходил в звездное небо — это означало прощание. Ло Цзи ощутил, что его койка покатилась.

Уже в дверях он услышал, как доктор сказал: «Следующий!» Повернув голову, Ло Цзи увидел, что в комнату въехала другая кровать — видимо, с очередным пациентом из гибернатора — и остановилась возле стойки с аппаратурой. Врач (теперь его халат был однотонно белым) работал с сенсорными экранами, занимающими треть стены. По экранам побежали таблицы и графики, и медик принялся ими увлеченно манипулировать.

Ло Цзи понял, что его пробуждение не было чем-то особенным. Наоборот, обычная, рутинная работа. Доктор излучал дружелюбие, но Ло Цзи был для него лишь очередным разбуженным пациентом, каких много.

В коридоре отсутствовали лампы — так же как и в палате пробуждения. Светились сами

стены. Свет был неярким, но Ло Цзи пришлось прищурить глаза. Тотчас же стены вокруг него потемнели, и эта зона приглушенного освещения следовала за движущейся койкой. Когда его глаза приспособились и он раскрыл их, свет в коридоре вернулся к прежней яркости. Похоже, управляющий светом компьютер мог следить за его зрачками.

Судя по этому факту, он попал в эру персонального обслуживания.

Это намного превосходило его ожидания.

Проезжая мимо стен, Ло Цзи видел на них множество работающих видеоокон самого разного размера, разбросанных случайным образом. На некоторых из них мелькали картинки, но койка не останавливалась, и у него не было времени их рассмотреть. Возможно, с видеоокнами работали, а потом забыли отключить.

Время от времени автоматическая койка Ло Цзи проезжала мимо идущих по коридору людей. Он заметил, что и подошвы их обуви, и колеса его кровати оставляли размытые фосфоресцирующие следы на полу. В прошлом похожий эффект можно было увидеть, если слегка надавить пальцем на жидкокристаллический экран. Длинный коридор в своей стерильной чистоте походил

на объемную компьютерную модель; но Ло Цзи знал, что все это вовсе не виртуальная реальность. Он двигался по настоящим коридорам, ощущая покой и комфорт, каких никогда раньше не испытывал.

Но больше всего его удивило то, что абсолютно все — доктора, медсестры и посетители — выглядели чисто и элегантно и тепло ему улыбались или махали рукой, когда оказывались поблизости. По их одежде пробегали яркие картинки, у каждого свои: у кого-то абстрактные, а у кого-то пейзажи реального мира. Ло Цзи нравилось выражение их лиц; он-то знал, что глаза обычного человека наилучшим образом отражают состояние общества в данное время и в данном месте. Однажды ему показали подборку фотоснимков европейских фотографов в последние годы династии Цинь. Его поразили тусклые глаза людей, запечатленных на этих фотографиях. И у официальных лиц, и у простого народа в глазах можно было увидеть не радость жизни, а только апатию и тупость. Когда люди эпохи, в которой оказался Ло Цзи, смотрели на него, они, возможно, видели что-то похожее в его глазах. В их взглядах светились мудрость, чистосердечие, понимание, любовь — все то, что он так редко

видел в свое родное время. Но больше всего его поразило душевное спокойствие этих людей. По-видимому, лучезарная уверенность, светившаяся в каждом взоре, в этом веке стала нормальным состоянием духа.

Время, в котором проснулся Ло Цзи, было совсем не похоже на эпоху отчаяния. Еще один сюрприз.

Койка Ло Цзи бесшумно въехала в палату. Там уже находились два человека, недавно выведенные из анабиоза. Один из них лежал в постели. Другой, возле дверей, с помощью медсестры собирал свои вещи, по-видимому, покидая палату. По их глазам Ло Цзи понял, что оба они из того же времени, что и он сам. Их глаза были окнами в прошлое, и в них промелькнули видения серого века, из которого он прибыл.

— Как они могут так себя вести? Я же их прапрадед! — жаловался уходящий.

— Это не имеет значения, — ответила медсестра. — По закону гибернация не учитывается при определении возраста. В присутствии пожилых людей вы будете считаться молодым... Пойдемте. Они уже вас заждались.

Хотя медсестра старалась избегать английских слов, порой она путалась в китайских — как будто

это был древний, забытый язык — и волей-неволей переходила на современный жаргон. Тогда на стене появлялся перевод на китайский.

— Я их даже не понимаю. В нормальную речь намешали какое-то чириканье! — опять пожаловался уходящий, когда они с медсестрой подхватили сумки и вышли из палаты.

— В наше время надо постоянно учиться. Иначе вам придется жить на поверхности, — расслышал Ло Цзи ответ медсестры. Он уже без труда понимал современный язык. Но последняя ее фраза прозвучала загадочно.

— Привет. Вас заморозили из-за болезни? — спросил пациент, лежащий в кровати. Он был молод, лет двадцати — двадцати пяти.

Ло Цзи открыл рот, но не смог произнести ни звука. Молодой человек улыбнулся ему.

— Вы вполне можете говорить. Попытайтесь еще раз, да как следует!

— Привет, — прохрипел Ло Цзи.

Молодой человек одобрительно кивнул.

— Тот, кто только что ушел, был болен. А я — нет. Я отправился в будущее, чтобы сбежать из моего времени. Ах да, меня зовут Сюн Вэнь.

— И как оно... здесь? — спросил Ло Цзи. На этот раз слова дались ему легче.

— Да, собственно, не знаю. Я тут всего-то пять дней. Похоже, времечко ничего так, неплохое. Нам, конечно, будет трудновато освоиться в обществе. Главным образом потому, что мы слишком рано проснулись. Через несколько лет было бы проще.

— Проще через несколько лет? Разве не сложнее?

— Нет. Мы по-прежнему находимся на военном положении, и обществу не до нас. Но через несколько десятилетий, после мирных переговоров, настанут покой и благоденствие.

— Мирные переговоры? С кем?

— С Трисолярисом, конечно.

Потрясенный заявлением Сюн Вэня, Ло Цзи попытался приподняться в постели. Вошла медсестра и помогла ему устроиться поудобнее.

— Они сказали, что хотят договориться о мире? — взволнованно спросил он.

— Еще нет. Но у них не будет выбора, — ответил Сюн Вэнь, ловко соскочив со своей кровати и присаживаясь на постель Ло Цзи. Он явно предвкушал удовольствие объяснить состояние дел новичку. — Разве вы не знаете? Человечество достигло невероятных высот! Просто невероятных!

— Что вы говорите!

— У нас теперь есть мощнейшие космические корабли. Гораздо лучше, чем у Трисоляриса!

— Как такое может быть?!

— А почему бы им не быть лучше? Уже не говоря про смертоносное оружие, возьмем чисто скорость. Так вот, они могут разгоняться до пятнадцати процентов от скорости света! Они куда быстрее, чем трисолярианские корабли!

Не вполне доверяя услышанному, Ло Цзи повернулся к медсестре. Он заметил, что та была очень красива. В этом веке, похоже, все неплохо выглядели. Сестра с улыбкой кивнула.

— Да, это правда.

Сюн Вэнь продолжал:

— А знаете, сколько теперь у Земли кораблей? Так я вам скажу: две тысячи! Вдвое больше, чем у трисоляриан! И мы постоянно строим новые!

Ло Цзи опять взглянул на медсестру, и она опять кивнула.

— Вы знаете, в каком плохом состоянии находится флот Трисоляриса? За два столетия они трижды прошли сквозь эту, как ее... да, сквозь межзвездную пыль, ее еще называют «снежным заносом». Я слышал, что последний раз это было четыре года назад. Через телескоп увидели, что строй кораблей начал распадаться, они уже не

держатся друг около друга. Больше половины кораблей давным-давно прекратили разгон; а при пересечении облака пыли они даже потеряли в скорости. Они еле движутся и доберутся до Солнечной системы не раньше, чем через восемьсот лет. Небось эти посудины уже разваливаются на ходу. По расчетам и данным наблюдений, вовремя, то есть через двести лет, прибудет не больше трехсот кораблей. Но один трисолярианский зонд войдет в Солнечную систему очень скоро — в этом году. А потом, через три года, появятся еще девять.

— Зонд... какой зонд? — не понял Ло Цзи.

Вместо Сюн Вэня ответила медсестра:

— Мы не поощряем подобные беседы. Когда предыдущий пациент узнал обо всем этом, ему потребовалось много времени, чтобы успокоиться. Такие разговоры вредят восстановлению проснувшихся.

— Лично меня такие разговоры радуют. Чего это вы всполошились? — пожал плечами Сюн Вэнь и лег обратно на койку. Глядя в светящийся потолок, он вздохнул: — У детишек все в порядке. Просто даже отлично.

— Это кто здесь детишки?! — сморщила нос медсестра. — Гибернация не засчитывается как

возраст. Детишка здесь вы!

Ло Цзи решил, что медсестра вообще-то выглядит моложе Сюн Вэня, хотя было понятно, что в этом веке судить о возрасте по внешнему виду не стоит.

— Все проснувшиеся из вашего века находятся почти в отчаянии. Но дела идут не так уж плохо.

Для Ло Цзи это прозвучало гласом ангела. Он почувствовал себя ребенком, который проснулся от кошмара, но улыбка взрослого сразу же прогнала все его страхи прочь. Когда медсестра обращалась к пациенту, на ее халате возникало быстро восходящее солнце; под его золотистыми лучами сухая, желтая почва зеленела, и на ней появлялось множество цветов...

Когда медсестра ушла, Ло Цзи спросил Сюн Вэня:

— А что случилось с проектом «Отвернувшиеся»?

Сюн Вэнь недоуменно потряс головой:

— «Отвернувшиеся»? Никогда не слышал.

Тогда Ло Цзи поинтересовался, когда именно Сюн Вэнь лег в гибернацию. Оказалось, что он заснул до начала проекта, когда гибернация стоила невероятных денег. Похоже, у его семьи водились деньжата. За те пять дней, что Сюн провел в ны-

нешнем веке, он не слышал об Отвернувшихся. Это означало, что, даже если о проекте и не забыли, он уже не был важен.

Ло Цзи предстояло лично оценить уровень технологии этого века на двух простейших примерах.

Вскоре после заселения в палату медсестра принесла его первый после пробуждения обед — немного молока, хлеба и джема. Его желудок еще не был готов к более тяжелой пище. Он откусил кусочек хлеба, и ему показалось, что он жует опилки.

— Ваше чувство вкуса еще не восстановилось, — пояснила медсестра.

— А когда восстановится, так вы вообще не сможете это есть! — влез со своим комментарием Сюн Вэнь.

Медсестра засмеялась:

— Конечно, это не те продукты, что в ваше время выращивали на поверхности.

— Откуда же тогда все это? — спросил, набив рот, Ло Цзи.

— Производят на фабрике.

— Вы умеете синтезировать зерно?

Сюн Вэнь ответил вместо медсестры:

— Других вариантов, кроме синтеза, просто

нет. На поверхности больше ничего не растет.

Ло Цзи пожалел Сюн Вэня. И в его эпоху встречались люди, не интересующиеся технологией и безразличные к ее чудесам. Сюн Вэнь, очевидно, был одним из них. Он был неспособен оценить этот век по достоинству.

Второе открытие невероятно поразило Ло Цзи, хотя сам факт был из простейших. Медсестра показала на стакан с молоком и сообщила, что налила молоко в подогревающий стакан специально для проснувшихся. В этом веке люди почти не пили горячих жидкостей. Даже кофе подавали холодным. Если он не привык пить молоко холодным, то мог подогреть его, поставив регулятор на желаемую температуру. Выпив молоко, Ло Цзи рассмотрел стакан. Самый обычный стеклянный стакан, только дно толстое и непрозрачное. Наверно, в нем и прячется нагревательный элемент. Но как он ни присматривался, не мог увидеть никаких деталей, кроме регулятора. Попытавшись отвинтить дно, он обнаружил, что стакан не разбирается.

— Не надо ломать вещи. Вы пока мало о них знаете. Это опасно, — предупредила медсестра.

— Мне хотелось бы понять, как вы их заряжаете.

— За... заряжаете? — Медсестра с трудом повторила слово; очевидно, что раньше она его не слышала.

— «Charge», «recharge» — повторил Ло Цзи на английском. Но медсестра затрясла головой, не понимая.

— Что будет, когда батарея разрядится?

— Батарея?

— «Batteries», — произнес он по-английски. — Вы больше не пользуетесь батареями? — (Медсестра вновь отрицательно покачала головой.) — Тогда откуда в стакане берется электроэнергия?

— Электроэнергия? Но она повсюду! — наставническим тоном сказала медсестра.

— То есть электричество в стакане будет всегда?

— Всегда.

— Никогда не кончится?

— Никогда. Как оно может кончиться?

Медсестра ушла, а Ло Цзи все никак не мог расстаться со стаканом. Он не обращал внимания на насмешки Сюн Вэня. Эмоции говорили ему, что он держит в руках чудо, древнейшую мечту цивилизации — вечный двигатель. Если человечество на самом деле овладело неисчерпаемым

источником энергии, то оно способно сделать практически что угодно. Теперь он верил заверениям красотки-медсестры: все не так плохо.

Позже в палату с плановым обходом зашел доктор, и Ло Цзи спросил его о проекте «Отвернувшиеся».

— Я о нем слышал. Была такая дурацкая хохма в старину, — недолго думая, ответил тот.

— Что сталось с Отвернувшимися?

— Припоминаю, что один совершил самоубийство, другого забили камнями... Все это случилось в первые десятилетия проекта, и с тех пор прошло почти две сотни лет.

— А двое других?

— Не знаю. Наверное, по-прежнему в гибернации.

— Один из них был китайцем. Вы его не помните? — спросил Ло Цзи, с волнением глядя на врача.

— Тот, кто ударил по звезде заклинанием? Вроде бы о нем упоминали в курсе новой истории, — припомнила сопровождающая доктора медсестра.

— Да, тот самый, — сказал Ло Цзи. — Где он сейчас?

— Не знаю. Думаю, так и лежит в гибернации. Я

не слежу за этими делами, — рассеянно ответил доктор.

— А что стало со звездой? С той, на которую он наложил заклятие? Это была звезда с планетами. Что с ней произошло? — с замиранием сердца задал Ло Цзи следующий вопрос.

— Что-что... Наверно, висит, где висела. Заклятие, надо же... Это же курам на смех!

— То есть с ней все в порядке?

— По крайней мере, я ничего не слышал. А вы? — обратился он к медсестре.

— Я тоже. — Она отрицательно покрутила головой. — Весь мир был тогда до смерти напуган, было не до всяких заклятых звезд.

— А потом? — У Ло Цзи отлегло от сердца.

— А потом случилась Великая падь, — сказал врач.

— Великая падь? Что это такое?

— Позже узнаете. А пока отдыхайте, — с легким вздохом сказал доктор. — Правда, лучше бы вам о нем вообще не знать. — Он повернулся к выходу. По его белому халату побежали тяжелые, темные тучи. На униформе медсестры появилось множество пар глаз: одни испуганные, другие плачущие.

После ухода доктора Ло Цзи долго сидел на кро-

вати, не двигаясь и бормоча себе под нос: «Хохма... Глупая старая хохма...» — пока не начал смеяться, сперва тихо, а потом во все горло, сотрясаясь от хохота. Он напугал Сюн Вэня, и тот порывался вызвать врача.

— Со мной все в порядке. Спи, — успокоил его Ло Цзи. Он и сам лег и вскоре заснул, впервые с момента пробуждения.

Ему снились Чжуан Янь и дочка. Как и прежде, Чжуан Янь брела сквозь сугробы и несла спящую девочку на руках.

Когда он проснулся, в палату заглянула медсестра и пожелала ему доброго утра. Она говорила тихо, чтобы не будить спящего Сюн Вэня.

— Уже утро? А почему в палате нет окон? — Ло Цзи оглянулся вокруг.

— Любую часть стены можно сделать окном. Но доктор считает, что вам еще рано смотреть наружу. Это слишком необычно, вы разволнуетесь, и ваш отдых нарушится.

— Знаете, что действительно мешает моему отдыху? С момента пробуждения прошло уже порядочно времени, а я так и не знаю, как выглядит мир снаружи. — Ло Цзи показал на Сюн Вэня и пояснил: — Я не такой, как он.

Медсестра рассмеялась:

— Хорошо. Моя смена заканчивается. Могу показать вам окрестности, хотите? А когда вернетесь, позавтракаете.

Ло Цзи в нетерпении последовал за медсестрой в служебное помещение и внимательно осмотрелся. О предназначении половины предметов обстановки он догадывался, но понять, для чего используется другая половина, так и не смог. Ничего, похожего на компьютер, в комнате не было; но этого следовало ожидать, если экран компьютера можно вызвать на любой стене. Внимание проснувшегося привлекли три разноцветных зонтика, стоящих возле двери. Его удивил их размер. У них нет складных зонтиков?

Медсестра вышла из раздевалки. За исключением движущихся изображений на ткани, перемены в женской моде не выходили за пределы ожидаемого. По сравнению с родным веком Ло Цзи самым значительным отличием была бросающаяся в глаза асимметрия. Он с удовольствием подумал, что даже по прошествии ста восьмидесяти пяти лет видит прекрасное в женской одежде. Медсестра подхватила один из зонтиков — должно быть, тяжелый, поскольку она повесила его на плечо.

— Идет дождь?

Она отрицательно покачала головой:

— Вы думаете, что это... зонтик? — спросила она с неуверенностью в последнем слове.

— Если это не зонтик, то что? — Ло Цзи указал на ее ношу, ожидая услышать какое-нибудь странное название.

Но она ответила очень просто:

— Это мой велосипед.

Они вышли в коридор, и Ло Цзи спросил:

— Ваш дом далеко отсюда?

— Если вы спрашиваете, далеко ли отсюда я живу, то недалеко. Десять-двадцать минут на велосипеде, — ответила она. Затем, остановившись и глядя своими прекрасными глазами прямо на него, она произнесла потрясшие Ло Цзи слова: — Частных домов больше нет ни у кого. Замужество, семья — все это исчезло после Великой пади. Это самая первая перемена в образе жизни, к которой вам придется привыкнуть.

— К этой перемене я привыкнуть не смогу.

— Ну, я не знаю. В курсе истории нам говорили, что институт семьи начал разрушаться уже в ваше время. Слишком многие не желали обязанностей и ответственности. Хотели быть свободными от забот. — Она второй раз упомянула курс истории.

«И я был таким однажды, но потом...» — подумал Ло Цзи. С момента пробуждения он постоянно помнил о Чжуан Янь и дочери. Они были неизменным фоном его сознания, их лица все время стояли перед его мысленным взором. Ло Цзи так никто и не узнал, и с его положением оставалось слишком много неопределенности, чтобы напрямую спросить о семье; а этого ему мучительно хотелось.

Они довольно долго шагали по коридору. Затем вышли через автоматические двери, и у Ло Цзи загорелись глаза: он увидел перед собой узкую, длинную платформу, уходящую вдаль, и ощутил порывы ветра. Он понял, что стоит снаружи.

— До чего же небо синее! — первым делом крикнул он новому миру.

— В самом деле? Но ему далеко до голубого неба вашего времени.

«Нет, здесь оно голубее. Намного голубее!» — подумал Ло Цзи. Он наслаждался объятиями бесконечной синевы; его душа ликовала. А затем пришло сомнение: не рай ли это? За всю свою жизнь он видел такое чистое небо лишь во время пятилетнего затворничества в Саду Эдема. Но на этом небосводе было меньше облаков — лишь пара бледных пятен на западе, как будто кто-то

случайно коснулся его пальцем и оставил отпечаток. Недавно взошедшее солнце сияло в прозрачном воздухе, словно бриллиант, покрытый росой.

Ло Цзи посмотрел вниз, и у него закружилась голова. Глядя с такой высоты, он не сразу сообразил, что видит город. Сперва ему показалось, что он смотрит на исполинский лес, где тонкие стволы взмывают к небу, а от них простираются в стороны ветви самой разной длины. Городские постройки были листьями на этих ветвях. Структура города казалась неупорядоченной, на разных деревьях было разное количество листьев. Центр гибернации и пробуждения находился на одном из больших деревьев. Палата Ло Цзи располагалась в листе, подвешенном к платформе, на которой он сейчас стоял.

Обернувшись, он заметил, что ствол дерева, на ветви которого он находился, уходит так высоко, что исчезает из виду. Ветвь располагалась в средней части ствола или чуть выше. Над ней и под ней тянулись другие ветви, с которых также свисали листья зданий. Приглядевшись, Ло Цзи понял, что ветви пересекаются и образуют сложную систему мостиков, один из концов которых обрывается в воздухе.

— Как называется этот город?

— Пекин.

Он обернулся к медсестре; под утренним солнцем она выглядела еще привлекательнее. Затем снова посмотрел на город, который она назвала Пекином, и спросил:

— А где центр?

— Вон там. Мы сейчас на внешней стороне Четвертого западного кольца, на дереве 179, ветви 23, листе 18. Отсюда можно видеть почти весь город.

Ло Цзи присмотрелся к указанному девушкой месту:

— Но как же это может быть? Почему ничего не осталось?

— Осталось? Что вы имеете в виду? В ваше время здесь ничего не было!

— Ничего? А дворец императора? Парк Цзиншань? Тяньаньмэнь? Китайский центр мировой торговли? Не прошло даже двух сотен лет. Не могли же их все снести!

— Все они по-прежнему на своих местах.

— Но где?

— На поверхности.

При виде ошарашенного лица спутника она так и покатилась со смеху, даже ухватилась за перила, чтобы не упасть:

— Ха-ха-ха, я забыла! Извините! Я так часто об этом забываю! Так вот, мы под землей, на глубине в тысячу метров. Если мне когда-нибудь доведется попасть в ваше время, вы тоже забудьте мне сказать, что мы на поверхности, и я тогда перепугаюсь так же, как вы сейчас... Ха-ха-ха!

— Но... это... — он простер руки.

— Небо искусственное. Солнце тоже, — стараясь не улыбаться, пояснила девушка. — Ну, не то чтобы совсем искусственные... Изображение неба передается в реальном времени с камеры на высоте десять километров, а потом проецируется на свод. Так что, наверное, небо можно считать настоящим.

— Зачем надо было строить город под землей? К тому же так глубоко... тысяча метров...

— Из-за войны, конечно. Подумайте сами. Когда придет время битвы Судного дня, на поверхности будет бушевать море огня. В смысле так думали раньше; теперь уже все по-другому, но после окончания Великой пади все города мира выстроили под землей.

— Значит, все города мира теперь находятся под землей?

— Почти все.

Ло Цзи осмотрел окружающее свежим взгля-

дом. Теперь он понял, что стволы огромных деревьев были колоннами, подпирающими свод гигантской пещеры. К этим же колоннам крепились ветви, к которым были подвешены листья.

— Вам не грозит клаустрофобия. Посмотрите, какое небо огромное! На поверхности не настолько красиво.

Ло Цзи снова уставился в голубое небо — точнее, в его проекцию. Он заметил на нем несколько небольших объектов — сперва какие-то разбросанные точки, а потом, когда его глаза приспособились к яркости, он понял, что их очень много, что они повсюду. По какой-то прихоти сознания точки в небе напомнили ему витрину в ювелирном магазине. Еще до того, как он стал Отвернувшимся, когда он влюбился в придуманную им Чжуан Янь, ему однажды захотелось купить ей подарок. Тогда он пошел в ювелирный магазин и стал разглядывать платиновые кулоны в витрине. Кулоны, каждый из которых сама изысканность, лежали и поблескивали в свете ламп на черном бархате. Если заменить черный бархат на синий, то получилась бы та картина, которая сейчас развернулась над его головой.

— Это космический флот? — взволнованно спросил он.

— Нет. Флот отсюда не увидеть, он за поясом астероидов. А это... ну, там много всякого. То, что покрупнее — можно даже различить очертания, — это орбитальные города. Яркие точки — это гражданские космические корабли. Но порой на орбите появляются и военные корабли. Двигатели у них светятся так, что даже смотреть больно... Ну ладно, мне пора. Не оставайтесь здесь слишком долго — что-то ветер поднимается...

Ло Цзи повернулся к ней, чтобы попрощаться, но увидел такое, что потерял дар речи. Девушка несла свой зонтик, а точнее велосипед, на спине, как рюкзак. Сейчас он раскрылся, и из него поднялись два соосных пропеллера. Они беззвучно закрутились в противоположные стороны, взаимно компенсируя вращающий момент. Девушка неторопливо поднялась в воздух, перелетела через ограждение и зависла над так потрясшей его бездной.

Остановившись в воздухе, она обратилась к проснувшемуся:

— Теперь вы и сами видите, что мы живем в отличное время. Считайте свое прошлое всего лишь сном. До завтра!

Она грациозно развернулась и упорхнула. Блестящие пропеллеры ее велосипеда поблескивали

в лучах солнца. Вскоре она стала похожа на маленькую стрекозу, пролетающую между двух исполинских деревьев. Повсюду сновали целые рои таких же «стрекоз». Вереницы летающих автомобилей походили на косяки рыб, лавирующих среди водорослей на морском дне. В косых столбах солнечного света, пронизывающего «заросли» деревьев, потоки транспорта светились золотом.

Увидев этот дивный новый мир, Ло Цзи расплакался. Каждой клеткой тела он ощущал себя заново рожденным. А прошлое... оно и в самом деле было сном.

* * *

В приемной его дожидался мужчина европейской наружности. Ло Цзи почувствовал, что он чем-то отличается от других людей. Через какое-то время он сообразил, что на строгом деловом костюме посетителя не было изображений; он мало чем отличался от официального костюма давно прошедших лет. Возможно, так было принято в торжественных ситуациях.

Они пожали друг другу руки, и посетитель представился:

— Я Бен Джонатан, специальный уполномочен-

ный Конгресса космических флотов. Ассоциация поручила мне организовать ваше пробуждение. А теперь мы присоединимся к заключительным слушаниям по проекту «Отвернувшиеся». Да, извините — а вы меня понимаете? Английский язык ощутимо изменился за это время.

Ло Цзи понимал Джонатана. Ощущение вторжения западной культуры в современный китайский язык, появившееся было у него в последние дни, исчезало по мере разговора с уполномоченным. Джонатан обильно уснащал свою английскую речь китайскими словами. Например, он назвал проект «Отвернувшиеся» по-китайски. Английский язык, до недавнего времени бывший самым распространенным в мире, и китайский, на котором говорило больше всего людей, перемешались друг с другом; так появился самый выразительный язык мира. Позднее Ло Цзи узнал, что таким же образом развивались и другие языки.

«Прошлое — это не сон, — подумал Ло Цзи. — От прошлого не убежать». А потом он вспомнил, что Джонатан назвал предстоящие слушания заключительными. У него затеплилась надежда на скорейшее избавление от бремени Отвернувшегося.

Джонатан огляделся, как бы проверяя, что дверь закрыта, затем подошел к стене и вызвал на нее сенсорную панель управления. После нескольких прикосновений стены и потолок превратились в голографические видеоэкраны.

Ло Цзи очутился посреди зала совещаний. Многое заметно изменилось; например, стены и стол мягко светились. Но архитектор явно постарался воссоздать стиль прошлого. Такие детали, как большой круглый стол и трибуна, вызвали у Отвернувшегося ностальгию. Он сразу же понял, где находится.

В зале не было никого, кроме двух секретарей, раскладывавших документы на столе. Ло Цзи удивился, что документы были напечатаны на бумаге. Похоже, это было таким же символом значимости мероприятия, что и костюм Джонатана.

— Телеприсутствие на конференциях сегодня — дело обычное. Это не влияет на серьезность решений, — пояснял Джонатан. — У нас есть еще несколько минут до начала слушаний. Похоже, вы мало знаете о современном мире. Хотите, я введу вас в курс дела?

Ло Цзи кивнул.

— Конечно. Спасибо.

Джонатан обвел зал рукой:

— Буду краток. Начнем со стран. Европа стала единым государством, оно теперь называется Европейское содружество. Включает в себя и Восточную, и Западную Европу, но не Россию. Россия и Беларусь объединились, и название этой страны по-прежнему Российская Федерация. Англоговорящие и франкоговорящие провинции Канады разделились, образовав две страны. В других регионах тоже произошли перемены, но главное вы теперь знаете.

Ло Цзи был потрясен:

— И это все изменения за без малого два века? А я-то думал, что мир за такое время станет неузнаваем.

Джонатан повернулся к Ло Цзи и многозначительно кивнул.

— Доктор Ло, мир и в самом деле неузнаваемо изменился. Просто неузнаваемо!

— Ну что вы, предвестники *таких* перемен появились уже в мое время.

— Но вы не могли предвидеть исчезновения сверхдержав. Политическое влияние всех стран значительно ослабло.

— Всех стран? Тогда кто же поднялся к вершине власти?

— Надгосударственное образование. Космиче-

ский флот.

Ло Цзи некоторое время размышлял, пока не осознал смысл сказанного.

— Вы хотите сказать, что космический флот провозгласил независимость?

— Да. Космический флот — а точнее, флоты — не принадлежит ни одной стране. Они стали независимой политической и экономической силой. Они входят в состав ООН как равноправные субъекты. На данный момент в Солнечной системе существуют три флота: Азиатский, Европейский и Североамериканский. Названия лишь напоминают, в какой части планеты построили б`ольшую часть их кораблей. Сами флоты больше не подчинены создавшим их территориям. Каждый флот обладает могуществом и влиянием сверхдержавы вашего века.

— Боже мой! — воскликнул Ло Цзи.

— Пожалуйста, поймите меня правильно. Земля не находится под пятой военной диктатуры. И территория флотов, и их суверенитет ограничены космосом. Флоты редко вмешиваются в земные дела. Этого требует устав ООН. В данный момент весь человеческий мир поделен между традиционным Земным конгрессом и недавно возникшим Союзом флотов. Все три флота Союза

флотов образуют Флот Солнечной системы. Организация, известная ранее как Совет обороны планеты, стала Конгрессом космических флотов Солнечной системы или же просто Конгрессом космических флотов, ККФ. Теоретически ККФ командует всем Флотом Солнечной системы. Но, так же как у ООН, практической власти у него нет; он лишь совещательная, направляющая сила. Собственно, у Флота Солнечной системы тоже нет ни штаба, ни главнокомандующего. Вся военная мощь любого из трех крупнейших флотов находится в распоряжении его собственного командования. Ну вот, теперь вы знаете достаточно, чтобы принять участие в сегодняшних слушаниях. Их созвал ККФ, поскольку он унаследовал от СОП проект «Отвернувшиеся».

На голографическом мониторе возникло окошко, в котором появились Билл Хайнс и Кейко Ямасуки. Они ничуть не постарели. Хайнс улыбнулся Ло Цзи, но Кейко безучастно сидела рядом с мужем. Она лишь слегка кивнула в ответ на его приветствие.

— Я только что проснулся, — обратился Хайнс к Ло Цзи. — Мне очень жаль, что проклятая вами планета до сих пор вращается вокруг своей звезды в пятидесяти световых годах от нас.

— А, та глупая старая шутка... — с самоиронией отмахнулся Ло Цзи.

— Но вы счастливчик по сравнению с Тайлером и Рей Диасом.

— А вы, похоже, стали единственным Отвернувшимся, добившимся успеха. Возможно, ваша стратегия и в самом деле сделала человека умнее.

Хайнс вернул Ло Цзи его самоироничную улыбку и отрицательно покачал головой:

— Нет, она не сделала человека умнее. Мне рассказали, что уже после моего ухода в гибернацию исследования разума уперлись в непреодолимое препятствие. Ученым требовалось изучать мозг на квантовом уровне, но обойти барьер софонов так и не удалось. Мы не добавили человечеству ума. В лучшем случае мы придали чуть больше уверенности некоторым людям, только и всего.

Когда Ло Цзи положили в гибернацию, процесс запечатывания разума еще не был изобретен. Поэтому он не понял, о чем говорит Хайнс, однако заметил, что в тот момент по непроницаемому лицу Кейко Ямасуки пробежала загадочная улыбка.

Окошко закрылось, и Ло Цзи увидел, что зал теперь полон. Большинство присутствующих

носили военную форму — ее фасон почти не изменился за прошедшие годы. Ни у кого не было видно картинок на одежде; но петлицы и погоны слегка светились.

Переходящий пост председателя ККФ в данный момент занимал гражданский служащий. Ло Цзи посмотрел на него и вспомнил Гаранина. Ло Цзи только сейчас понял, *как* ему, человеку из давно прошедших времен, повезло; его современников поглотила безжалостная река времени.

Заседание началось с выступления председателя:

— Уважаемые делегаты, нам предстоит провести последний раунд голосования по законопроекту № 649, выдвинутому в этом году Североамериканским и Европейским флотами на сорок седьмой совместной конференции. Теперь я зачитаю текст предлагаемого закона:

> На второй год после начала Трисолярианского кризиса Совет обороны планеты при ООН разработал проект «Отвернувшиеся». Проект был единогласно одобрен постоянными членами ООН и в следующем году реализован. Суть проекта заключалась в разработке оборонных

стратегий, скрытых от наблюдения софонов внутри мозга человека. Постоянные члены ООН назначили четырех Отвернувшихся и поставили перед ними задачу планирования и осуществления таких стратегий. ООН приняла Закон об Отвернувшихся, который наделял Отвернувшихся необходимыми для их деятельности правами.

Проект «Отвернувшиеся» выполнялся на протяжении двухсот пяти лет, включая период неактивности, длившийся более ста лет. За это время руководство проектом перешло от расформированного Совета обороны планеты к нынешнему Конгрессу космических флотов.

Проект задумывался в необычный исторический период. Только что разгорелся Трисолярианский кризис. Международное сообщество, потрясенное небывалой угрозой, оказалось охвачено страхом и безнадежностью. Проект «Отвернувшиеся» был порождением этого психологического климата. Его приняли в порыве отчаяния, без тщательной, детальной проработки.

Исторические факты доказали, что как стратегическая инициатива проект «Отвернувшиеся» полностью и безнадежно провалился. Не будет преувеличением утверждать, что он стал самым наивным и глупым предприятием, когда-либо осуществленным человечеством. Отвернувшимся предоставили огромные права без надзора со стороны законодателей. Им даже дали право вводить международное сообщество в заблуждение. Таким образом, моральные и юридические нормы общества оказались нарушены на самом фундаментальном уровне.

За время осуществления проекта было бесполезно растрачено огромное количество стратегически важных ресурсов. Проект «рой москитов» Отвернувшегося Фредерика Тайлера оказался не имеющим оборонного значения. Меркурианский проект Мануэля Рей Диаса невозможно реализовать даже с помощью современной технологии. Более того, оба этих плана были преступными. Тайлер задумал атаковать и уничтожить флот Земли, а у Рей Диаса намерения бы-

ли еще более зловещими: он собирался взять в заложники всех жителей нашей планеты.

Два других Отвернувшихся также разочаровали. Подлинные намерения Отвернувшегося Хайнса до сих пор не раскрыты; однако применение его побочного результата, метода запечатывания разума, в космических силах также является преступлением. Оно нарушает свободу мысли, а ведь на ней строятся выживание и развитие всей нашей цивилизации. Что же касается Отвернувшегося Ло Цзи, то он сначала безответственно расходовал общественные средства на поддержание своего гедонистического образа жизни, а затем играл на публику, строя из себя мистика.

Мы полагаем, что, учитывая значительное усиление человечества и перехват инициативы в войне, проект «Отвернувшиеся» больше не имеет смысла. Пришла пора положить конец этому затянувшемуся недоразумению, доставшемуся нам в наследство. Мы предлагаем ККФ незамедлительно закрыть проект и упразд-

нить Закон ООН об Отвернувшихся.

Конец законопроекта.

Председатель неспешно отложил бумаги и, поглядывая в зал, продолжил:

— Теперь мы проведем голосование по законопроекту ККФ № 649. Кто за?

Все делегаты подняли руки.

В эту эпоху все еще голосовали по старинке. Вдоль рядов кресел с важным видом ходили референты и подсчитывали результаты. Когда собранные цифры передали председателю, тот объявил:

— Законопроект № 649 принят единогласно и вступает в силу немедленно.

Председатель поднял взор от документов. Ло Цзи не мог сказать, смотрит ли председатель на Хайнса или на него, поскольку — как и на самой первой своей телеконференции сто восемьдесят пять лет назад — он не знал, где в зале висит экран.

— Теперь, когда проект закрыт, Закон об Отвернувшихся также утратил силу. От лица ККФ я уведомляю Билла Хайнса и Ло Цзи, что ваш статус Отвернувшихся аннулирован. У вас больше нет прав, предоставленных вам законом; ваша юри-

дическая неприкосновенность также отменяется. Вы теперь обычные граждане ваших стран.

Председатель объявил заседание закрытым. Джонатан встал и отключил голографические экраны, тем самым прекращая двухсотлетний кошмар Ло Цзи.

— Доктор Ло, насколько мне известно, именно на такой результат вы и надеялись, — улыбнулся ему Джонатан.

— Да. Мне и правда этого хотелось. Спасибо, господин уполномоченный. Я также благодарю ККФ за восстановление моего статуса обычного человека, — от всего сердца произнес Ло Цзи.

— Проголосовали и разошлись — вот и все заседание. Я уполномочен детально обсудить интересующие вас вопросы. Начинайте с самого важного.

— Что с моей женой и дочкой? — Ло Цзи не смог сдержать вопроса, который мучил его с момента пробуждения.

— Не беспокойтесь, с ними все в порядке. Они пока в гибернации. Я сообщу все данные, и вы сможете подать заявку на их пробуждение, когда пожелаете.

— Благодарю вас! Благодарю вас! — Глаза Ло Цзи налились слезами, и он снова ощутил рай-

ское блаженство.

— Но, доктор Ло, у меня есть для вас небольшой совет. — Джонатан подсел поближе. — Проснувшемуся не так-то просто адаптироваться к нашей эпохе. Я советую вам сначала устроить свою жизнь и только потом будить близких. Финансирования ООН хватит еще на двести тридцать лет их сна.

— Ну хорошо... И как же мне теперь устроиться?

Уполномоченный засмеялся в ответ:

— Об этом не беспокойтесь. Вам может быть непривычно в наше время, но жизнь как таковая проблемой не станет. Эта эпоха славится превосходным социальным обеспечением, и человек может жить в комфорте, даже если нигде не работает. Университет, в котором вы раньше преподавали, располагается здесь, прямо в городе. Мне сказали, что они не прочь принять вас на работу; с вами свяжутся позже.

В голову Ло Цзи внезапно пришло воспоминание, от которого его затрясло:

— А что будет с моей безопасностью, если я выйду на улицу? Меня же хочет убить ОЗТ!

— ОЗТ? — захохотал Джонатан. — Общество «Земля-Трисолярис» уже лет сто как разгром-

лено подчистую! В сегодняшнем мире им не на кого опереться. Разумеется, у нас есть кое-кто с подобной идеологией, но они неспособны объединиться. Вам ничто не угрожает.

В конце визита Джонатан больше не придерживался официального тона; на его костюме засияла какая-то искаженная, гротескная картинка неба. Джонатан с улыбкой обратился к Ло Цзи:

— Доктор, среди всех деятелей истории, с которыми мне довелось встретиться, у вас самое оригинальное чувство юмора. Это надо же было додуматься наложить заклятие на звезду! Ха-ха-ха!

* * *

Ло Цзи стоял в одиночестве посреди приемной и молча размышлял об окружающей его реальности. Отслужив два столетия на посту спасителя человечества, он снова стал обычным человеком. В новом мире его ожидала новая жизнь.

— Теперь, мой мальчик, ты плебей! — прервал его раздумья чей-то хриплый голос. Ло Цзи повернулся к двери и увидел входящего Ши Цяна. — Тут от тебя мужик только что вышел, он мне и рассказал.

Они радостно обнялись и забросали друг дру-

га вопросами. Ши Цяна разбудили два месяца назад. Его вылечили от лейкемии. Врачи также обнаружили у него проблемы с печенью — вероятно, из-за пристрастия Да Ши к выпивке. Это они тоже поправили. Обоим старым знакомым казалось, что они лишь недавно расстались — не больше чем четыре или пять лет назад, ведь в гибернации течение времени не ощущается. Встреча в будущем, через две сотни лет, скрепила их дружбу.

— А я за тобой. Нечего тут рассиживаться! — Ши Цян достал из рюкзака ворох одежды для Ло Цзи.

— А он не великоват? — Ло Цзи рассматривал поданный ему пиджак.

— Эх ты, неуч! Я проснулся на целых два месяца раньше, так что ты по сравнению со мной просто дикарь — ни о чем не имеешь понятия. Давай надевай!

Ши Цян показал ему пару кнопок на рубашке и объяснил, что ими подгоняют размер. Когда Ло Цзи оделся, раздалось шипение, и одежда медленно уменьшилась, став впору. То же самое произошло и с брюками.

— Эй, а ты, часом, не в той же одежде, которую носил двести лет назад? — спросил Ло Цзи. Он отчетливо помнил кожаную куртку, в которой

видел Да Ши последний раз перед гибернацией. Сейчас на том была точно такая же.

— Почти все мои шмотки пропали во время Великой пади. Моей семье удалось сберечь один комплект. Но ходить в этой одежде уже невозможно. У тебя тоже должна остаться всякая мелочовка из той эпохи. Когда устроишься, сходишь и заберешь. Да, мой мальчик, когда ты увидишь, как все изменилось, только тогда и прочувствуешь, что двести лет — это немало.

Ши Цян коснулся чего-то на куртке и нажал. Куртка тотчас же стала снежно-белой. Текстура натуральной кожи оказалась всего лишь картинкой.

— Просто люблю, когда оно как в старые времена.

— А моя одежда тоже может показывать картинки, как у них? — поинтересовался Ло Цзи, оглядывая себя.

— Может, но ее надо программировать, а это такая морока. Пошли!

Ло Цзи и Ши Цян спустились на встроенном в ствол лифте, прошли через вестибюль дерева и ступили в новый мир.

* * *

Когда уполномоченный отключил голографическую трансляцию, заседание еще фактически не кончилось. Ло Цзи успел расслышать чей-то голос. Это была женщина; Ло Цзи не разобрал слов, но все присутствующие посмотрели в одну и ту же точку. В этот момент Джонатан погасил экраны. Он наверняка тоже услышал выкрик, но после официального закрытия заседания Ло Цзи, отныне простой человек без статуса Отвернувшегося, не имел права присутствовать на собрании, даже если оно продолжалось.

Говорившей оказалась Кейко Ямасуки:

— Господин председатель, я должна сделать заявление!

— Доктор Ямасуки, вы не Отвернувшийся. Вам позволили присутствовать с учетом вашего особого положения, но права на выступление у вас нет, — одернул ее председатель.

Никто из делегатов не проявил к ней интереса. Они вставали, собираясь уходить. С их точки зрения, весь проект «Отвернувшиеся» являлся не более чем любопытным историческим курьезом, на который им пришлось потратить время и силы. Но следующие слова Кейко, обратившейся

к мужу, приковали собравшихся к месту:

— Отвернувшийся Билл Хайнс, я ваш Разрушитель!

Хайнс уже вставал из-за стола. Ноги под ним подкосились, и он рухнул обратно в кресло. Делегаты переглядывались и перешептывались. Хайнс побледнел.

— Я надеюсь, кое-кто из вас еще помнит, что означают мои слова, — властно произнесла Ямасуки.

— Да, мы знаем, кто такой Разрушитель, — подтвердил председатель. — Но вашей организации больше не существует.

— Мне это известно, — бесстрастно произнесла Кейко. — Но, как последний член ОЗТ, я исполню свой долг перед Господом.

— Мне следовало догадаться, Кейко! Мне следовало догадаться... — Голос Хайнса дрожал; казалось, что бывший Отвернувшийся внезапно обессилел. Он знал, что его жена является поклонницей идей Тимоти Лири[36]; ее фанатическое стремление переделать мозг человека при помо-

[36] Примечания: 36

Тимоти Фрэнсис Лири — американский писатель, психолог, программист. Исследовал влияние психоделиков на психику и нервную систему человека. Лири активно пропагандировал психоделики, особенно ЛСД. (*Прим. перев.*)

щи технологии не было для него секретом. Но он так и не свел эти факты воедино, не сообразил, что за этим стоит ненависть к человечеству, скрытая в глубине ее души.

— Прежде всего мне хотелось бы сообщить, что развитие разума человека не являлось подлинной целью твоей стратегической инициативы. Ты как никто другой знаешь, что это абсолютно невозможно осуществить в обозримом будущем — ведь это ты открыл квантовую структуру мозга. Ты всегда знал, что, как только исследования достигнут квантового уровня, блокировка софонов положит им конец. Разработка технологии ментальной печати была не случайным побочным продуктом, а истинной целью твоей работы!

Кейко Ямасуки повернулась к залу:

— А теперь я хотела бы вас всех кое о чем спросить: что случилось с запечатыванием разума за все те годы, что мы провели в гибернации?

Ответил делегат Европейского флота:

— Ничего особенного. Порядка пятидесяти тысяч служащих национальных вооруженных сил добровольно прошли запечатывание и уверовали в победу. Они образовали особую группу, их назвали «проштампованными». Впоследствии, где-то через десять лет после того, как

вы заснули, международный суд объявил эту технологию преступлением против свободы мысли. Единственное устройство для наложения ментальной печати — то самое, в Центре веры — демонтировали и отвезли на склад. Производство и применение такого оборудования были запрещены по всему миру, и за этим следили так же пристально, как и за нераспространением ядерного оружия. Собственно, запечатать разум оказалось бы труднее, чем собрать бомбу, — из-за сложнейшего компьютера, необходимого для управления процедурой. К тому времени развитие компьютерной техники практически остановилось. Такой компьютер, который требуется для нейронного сканера, даже сегодня считается суперкомпьютером. У обычных граждан и организаций к нему доступа нет.

Тогда Кейко Ямасуки предъявила первый существенный факт:

— Вы не знаете, что устройств для наложения печати было несколько. Пять, если быть точным, и каждое управлялось своим суперкомпьютером. Четыре из них Хайнс тайно передал уже запечатанным людям — тем, кого вы назвали «проштампованными». В те годы их было не более трех тысяч, но они уже образовали спло-

ченную, наднациональную организацию внутри вооруженных сил отдельных стран. Я узнала об этом не от Хайнса, а от софонов. Господа не заботит вера в победу; поэтому мы не предпринимали никаких действий.

— Какое это имеет значение? — спросил председатель.

— Давайте подумаем. Устройству для запечатывания разума не требуется работать постоянно. Его включают, когда нужно. Каждое устройство прослужит очень долго; если регулярно проводить профилактику, то лет пятьдесят. Если использовать все четыре машины по очереди, запуская следующую после износа предыдущей, то их ресурса хватит на двести лет. Это означает, что «проштампованные», возможно, не вымерли, а существуют до сих пор. Это культ, который истово верит при помощи машины. Ритуал приема — добровольное запечатывание разума.

Поднялся делегат Североамериканского флота:

— Доктор Хайнс, должность Отвернувшегося вас теперь не защищает, и закон больше не позволяет вам обманывать весь мир. Ответьте честно, перед лицом ККФ: говорит ли ваша жена, или, точнее, ваш Разрушитель, правду?

— Она говорит правду, — сокрушенно кивнул

Хайнс.

— Это преступление! — вскричал делегат Азиатского флота.

— Может быть. — Хайнс снова кивнул. — Но так же, как и все вы, я не знаю, дожили ли «проштампованные» до сегодняшнего дня.

— Это неважно! — заявил делегат Европейского флота. — Я считаю, что надо найти все остающиеся устройства и обезопасить их — может быть, даже уничтожить. Что же касается «проштампованных» — если они приняли печать добровольно, то не нарушили никаких законов своего времени. Если они запечатывали разум других добровольцев, то действовали под влиянием веры, полученной ранее технологическим путем, поэтому опять-таки не заслуживают наказания. Таким образом, все, что нам нужно сделать, это отыскать устройства. С «проштампованными» ничего делать не требуется. Нет ничего плохого в том, что дюжина-другая военнослужащих флота искренне верит в победу. По крайней мере, вреда от них нет. Это должно оставаться личным делом каждого, и никому не надо знать, кто «проштампован». Впрочем, мне трудно даже представить, почему кто-то сегодня нуждается в печати — победа человечества и так

не вызывает сомнения.

Кейко Ямасуки насмешливо улыбнулась. Делегатам почудилось, что они стоят перед старинной картиной, на которой лунный свет блестит на чешуе прячущейся в траве змеи.

— До чего же вы наивны! — уронила она.

— До чего же вы наивны, — эхом отозвался Хайнс, низко склоняя голову.

Ямасуки вновь повернулась к мужу:

— Хайнс, ты всегда утаивал от меня свои мысли — даже прежде, чем стать Отвернувшимся.

— Я боялся, что ты станешь меня презирать, — проговорил Хайнс, не поднимая головы.

— Сколько раз мы молча смотрели в глаза друг другу там, в бамбуковой роще посреди тихо спящего Киото? Я видела в твоих глазах одиночество Отвернувшегося; я знала, что тебе не терпится поговорить. Сколько раз ты был близок к тому, чтобы сказать мне правду? Ты жаждал утонуть в моих объятиях, сквозь слезы рассказать мне все и снять с души этот непосильный груз. Но долг Отвернувшегося сдерживал тебя. Обман — даже обман своей любимой — был одной из твоих обязанностей. Я могла лишь смотреть в твои глаза в надежде отыскать там призрачный след твоих тайных мыслей. Ты даже представить себе не мо-

жешь, сколько бессонных ночей я провела рядом, ожидая, что ты пробормочешь во сне хоть слово! Я пристально наблюдала за тобой, подмечая каждое движение, каждый взгляд. Когда ты лежал в гибернации в первый раз, я их вспоминала — не от тоски по тебе, а потому, что хотела разгадать твои секреты. Долгое время мне это не удавалось. Я не сомневалась, что ты носишь маску, но лицо под маской было от меня скрыто. Тянулись годы; наконец, тебя разбудили. Пройдя сквозь облако нейронной сети, ты остановился возле меня, и я взглянула в твои глаза. И тогда, наконец, я догадалась. Я ведь повзрослела на восемь лет, а ты остался прежним. Так я и раскрыла твои истинные намерения.

Тогда-то я и узнала настоящего Билла Хайнса — убежденного пораженца и горячего приверженца эскапизма. И до назначения на должность Отвернувшегося, и после ты стремился лишь к одной цели — к Исходу человечества. Твой гений, если сравнить с другими Отвернувшимися, заключался не в создании ложной стратегии, а в маскировке твоих собственных политических взглядов.

Но я все еще не знала, как именно ты собираешься достичь этой цели, занимаясь исследова-

ниями мозга и мыслей. Я этого не понимала, даже когда мы изобрели ментальную печать. Лишь когда я уже входила в гибернацию, я вспомнила глаза «проштампованных» — такие же, как у тебя. И тогда меня осенило! Наконец я смогла истолковать загадочное выражение твоего лица. Я теперь знала твой секрет — но не могла никому ничего сказать, провалившись в сон на два столетия.

— Мадам Ямасуки, ничего особенного я в этом не вижу, — прокомментировал делегат Североамериканского флота. — История открытия технологии запечатывания разума нам известна. Первые пятьдесят тысяч добровольцев прошли ее под самым пристальным контролем.

— Верно, — ответила Кейко, — но комиссия наблюдателей проверяла только текст символа веры. Электронику нейронного сканера проверить намного труднее.

— Но в документах говорится, что техническая сторона вопроса также находилась под контролем и что аппаратуру неоднократно проверяли, прежде чем приступить к эксплуатации, — возразил председатель.

Кейко Ямасуки отрицательно покачала головой:

— Нейронный сканер — это комплекс неверо-

ятно сложного оборудования. А безупречного контроля не бывает. В частности, я говорю об одном-единственном лишнем знаке «минус» посреди сотен миллионов строк текста программы. Его не заметили даже софоны.

— Знак «минус»?

— Когда Хайнс создал математическую модель веры в подлинность произвольного заявления, он также построил модель веры в ложность. Этого он и добивался. Он утаил свое открытие от всех, включая меня. Ему даже не потребовалось особых ухищрений, поскольку две модели очень похожи друг на друга. В модели нейронных посылок различие заключается в направлении передачи ключевого сигнала от одного нейрона к другому. В компьютерной модели это знак «минус». Положительное число для веры, отрицательное — для неверия. Работая втайне от других, Хайнс внес преднамеренную ошибку в программу управления нейронным сканером. Знак «минус» оказался в рабочих программах всех пяти установок.

Зал заполнила зловещая тишина. Раньше такое случилось лишь однажды, когда во время слушаний СОП Рей Диас продемонстрировал «колыбель» на своем запястье и объявил, что приемник радиосигнала находится поблизости.

— Доктор Хайнс, что вы натворили?! — гневно повернулся к нему председатель.

Хайнс поднял голову; все заметили, что к его лицу вернулся нормальный цвет. Бывший Отвернувшийся говорил спокойно и ровно:

— Признаю, что недооценил возможности человечества. Вы достигли невероятных высот. Я видел ваши достижения, я вам верю, и я также верю, что победа в войне достанется нам. Эта вера так крепка, как будто ее запечатали нейронным сканером. Пораженчество и эскапизм, две идеи двухсотлетней давности, сейчас вызывают лишь смех. Однако, господин председатель и господа депутаты, я хотел бы объявить всему миру, что невозможно заставить меня покаяться в содеянном.

— Полагаете, что вам не в чем раскаиваться? — возмутился делегат Азиатского флота.

Хайнс выпрямился в кресле:

— Речь не о том, есть мне в чем каяться или нет. Это просто физически невозможно. Я воспользовался технологией запечатывания разума и наложил печать на себя. Я верю, что мой стратегический план Отвернувшегося правилен от начала до конца.

Делегаты в изумлении переглянулись. Даже

на лице Кейко Ямасуки, повернувшейся к мужу, появилось такое же выражение.

Хайнс улыбнулся ей и кивнул:

— Да, дорогая — если позволишь мне так тебя называть. Лишь таким образом я смог обрести необходимую силу духа, чтобы работать над своими замыслами. Сейчас я верю, что все, что я сделал, правильно. Я верю в это безусловно, даже если вера противоречит фактам. Запечатывание разума превратило меня в моего собственного бога — а у бога не бывает сомнений.

— Вы будете так считать, даже когда в не таком уж отдаленном будущем трисоляриане сложат оружие перед могуществом землян? — В глазах председателя светилось не потрясение, а любопытство.

Хайнс с серьезным видом кивнул:

— Я и тогда продолжу верить в собственную непогрешимость. Все элементы моего плана Отвернувшегося безупречны. Конечно, теперь, когда ситуация изменилась, моя жизнь превратится в мучение. — Хайнс посмотрел на жену: — Дорогая, ты же знаешь, однажды я уже прошел через подобную пытку — когда верил, что вода ядовита.

— Давайте вернемся в наше время. — Голос

делегата Североамериканского флота перекрыл приглушенный гул зала. — Вопрос в том, дожили ли «проштампованные» до наших дней. Все же прошло больше ста семидесяти лет. Если такая группа или организация, искренне верующая в поражение, существует, почему же никакие факты на то не указывают?

— Возможны два варианта, — ответил делегат Европейского флота. — Один заключается в том, что аппараты запечатывания разума давно вышли из строя и это ложная тревога...

Делегат Азиатского флота подхватил его мысль:

— Но есть и другой вариант. Никакие факты не указывают на существование «проштампованных» — вот это-то и тревожит больше всего.

* * *

Ло Цзи и Ши Цян гуляли по подземному городу среди теней, отбрасываемых стволами. Над ними, огибая постройки, пролетали автомобили. Коробки отдельных зданий свисали с ветвей наподобие листьев, поэтому на земле не было улиц — была лишь открытая территория, над которой то здесь, то там возвышались стволы.

Здесь было замечательно. Травяные лужайки,

рощи обычных деревьев и чистый воздух создавали впечатление ухоженного парка. Мимо друзей спешили по своим делам горожане, похожие в своих сияющих одеждах на светлячков. Ло Цзи впечатлило развитие городской архитектуры — теперь толчея и шум перенеслись куда-то высоко в воздух, а внизу, на земле, царила первозданная благодать. Здесь не ощущалось даже тени войны; все вокруг предназначалось для отдыха и развлечений.

Они не успели уйти далеко, когда Ло Цзи услышал приятный женский голос: «Вы не господин Ло Цзи?» Он оглянулся; голос шел с информационного щита, установленного в траве возле дорожки. С экрана на него смотрела красивая женщина в униформе.

— Это я, — кивнул Ло Цзи.

— Здравствуйте. Я финансовый консультант № 8065 универсальной системы банковского обслуживания. Добро пожаловать в наш век! А теперь я представлю ваш финансовый отчет.

На экране появилась таблица.

— Перед вами таблица инвестиций за девятый год эры Кризиса. Она включает в себя депозитные счета в Торгово-промышленном и Строительном банках Китая. У вас также есть акции предпри-

ятий, но они частично обесценились в период Великой пади.

— Как она узнала, что я здесь? — прошептал Ло Цзи.

Ши Цян пояснил:

— Тебе под кожу левой руки зашили чип. Не беспокойся, нынче у всех есть такие. Используются как удостоверение личности. Любой экран тебя узнает. Куда бы ты ни пошел, увидишь на щитах рекламу, подобранную лично для тебя.

Явно услышав слова Ши Цяна, консультант запротестовала:

— Господин, это не реклама! Это услуга, оказываемая универсальной системой банковского обслуживания!

— Сколько у меня на счету? — спросил Ло Цзи.

На экране рядом с консультантом вспыхнула сложная диаграмма.

— Перед вами состояние всех ваших процентных счетов начиная с девятого года эры Кризиса. Разобраться в этой диаграмме непросто, но я скопировала ее в вашу личную папку.

Диаграмма сменилась другой, попроще.

— А здесь ваши финансы на данный момент, по всем счетам в универсальной системе банковского обслуживания.

Ло Цзи не имел ни малейшего представления, что означают все эти цифры. Тогда он спросил напрямую:

— Так сколько же?

— Парень, да ты богач! — Ши Цян от души хлопнул его по плечу. — У меня поменьше будет, но тоже ничего так! Что ни говори, двести лет сложных процентов — это и в самом деле долгосрочные вложения. Из бедняка стал богатеем. Жалею только, что побольше не скопил!

— Но... вы уверены, что тут нет ошибки? — Ло Цзи с недоверием смотрел на экран.

— А? — Большие глаза консультанта вопросительно смотрели на Ло Цзи.

— Прошло больше ста восьмидесяти лет. Разве не было инфляции? Не было никаких финансовых потрясений?

— Ты чересчур много думаешь. — Ши Цян вытащил из кармана пачку сигарет. Ло Цзи понял, что табак по-прежнему в ходу. Удивительным было то, что, вытянув из пачки сигарету, Ши Цян задымил ею, не прикуривая.

— В период Великой пади произошло много циклов инфляции, — ответила консультант, — и финансово-кредитная система была близка к развалу. Однако в соответствии с действующим

законом проценты по вкладам спящих рассчитываются по особой формуле. Она опускает период Великой пади; вложения пересчитываются в деньги времен после пади, и калькуляция процентов продолжается с этой точки.

— Вот это да! Обслуживание по высшему классу! — воскликнул Ло Цзи.

— В хорошее время живем, кореш, — дыхнул дымом Ши Цян. Затем, воздев тлеющую сигарету, заметил: — Разве что курево паршивое.

— Господин Ло Цзи, сейчас мы только познакомились. Когда вам будет удобно, мы обсудим ваши финансовые потребности и план инвестиций более подробно. Если у вас нет других вопросов, я прощаюсь. — Консультант улыбнулась и помахала рукой.

— У меня есть один вопрос, — быстро вставил Ло Цзи. Он не знал, как принято обращаться к девушкам в эту эпоху, и не хотел ошибиться. Поэтому он просто сказал:

— Я мало знаком с этим временем — извините, пожалуйста, если мой вопрос вас обидит.

Консультант опять улыбнулась:

— Не беспокойтесь. Это часть наших обязанностей — как можно скорее познакомить вас с нашей эпохой.

— Вы живой человек или робот? Или вы программа?

Консультант, ничуть не обидевшись, ответила:

— Разумеется, я живой человек! Разве компьютер справится с такой сложной работой?

Изображение женщины исчезло с экрана. Ло Цзи обратился к Ши Цяну:

— Да Ши, кое-чего я не понимаю. Вокруг нас эпоха, в которой изобретены вечный двигатель и синтетическое зерно. Но компьютерная технология совсем не продвинулась! Искусственный интеллект не способен даже дать справку о банковском счете!

— Какой еще вечный двигатель? О чем это ты? — недоуменно спросил Ши Цян.

— Вечный двигатель — олицетворение бесконечного запаса энергии.

— Где? — Ши Цян посмотрел вокруг.

Ло Цзи ткнул пальцем вверх, указывая на транспортные потоки над головой:

— Вон те летающие автомобили. Они на бензине работают или на аккумуляторах?

Ши Цян затряс головой:

— Ни на том, ни на другом. На Земле больше не осталось нефти. Автомобили могут летать вечно, без аккумуляторов, и никогда не останутся без

питания. Потрясающие штуковины. Подумываю купить себе такую.

— Почему же тебя не восхищает это технологическое чудо? Безграничная энергия для всего человечества! Это ведь такое же великое событие, как создание неба и земли первопредком Пань-гу! Разве ты не понимаешь, насколько великолепен этот век?

Ши Цян отбросил окурок в сторону; потом, передумав, поискал его в траве, поднял и бросил в ближайшую урну.

— Да с чего это мне восхищаться? Ты же работник умственного труда — куда соображалку подевал? Такая технология существовала уже в нашу эпоху!

— Серьезно, что ли?

— Я в технике не мастак, но кое-что знаю. Когда я работал в полиции, мне однажды довелось воспользоваться «жучком», который не нуждался в батарейках. Знаешь, на чем он работал? На микроволновой радиации, которой его облучали. Вот так сегодня и распространяют электроэнергию — разве что усовершенствованным методом.

Ло Цзи остановился и надолго уставился на Ши Цяна; а потом поднял глаза на пролетающие вверху автомобили. Он вспомнил про стакан с

подогревом и наконец понял: это был всего лишь беспроводной приемник электроэнергии. Подключенный к источнику питания передатчик генерировал либо микроволны, либо сигналы в каком-то другом участке электромагнитного спектра. Внутри заданного объема возникало электромагнитное поле, а приемники в разных устройствах и механизмах, оснащенные соответствующей антенной, извлекали из поля энергию. Как и говорил Ши Цян, эта технология считалась рядовой даже двести лет назад. Ею не пользовались только по одной причине: высокий процент потерь. Удавалось извлечь лишь малую долю переданной энергии; б`ольшая же часть терялась. В эти дни, однако, стабильные и надежные термоядерные генераторы производили так много энергии, что потери при беспроводной передаче никого не заботили.

— А что с зерном? Его же вроде бы синтезируют? — спросил Ло Цзи.

— Я бы не сказал. Злаки по-прежнему выращивают из семян. Но это делается на фабриках, в огромных баках с питательной средой. Растения генетически изменены; я слышал, что вырастает только колос, без стебля. Из-за искусственного освещения они растут быстро, а вдобавок их еще

и облучают стимулирующими лучами. Урожай пшеницы или риса можно вырастить за неделю. Со стороны кажется, будто зерно производят машины.

— Вот как... — вздохнул Ло Цзи. Розовые очки восторга спали, и перед его взором предстала картина реального мира. Он понял, что даже в это чудесное время софоны продолжают летать повсюду и что наука человечества не может сделать ни одного шага вперед. Земная технология никогда не пересечет черты, проведенной софонами.

— А космические корабли, достигающие пятнадцати процентов от скорости света?

— Ну, это правда. Когда военные корабли собираются на маневры, в небе загорается крохотное солнце. А их оружие... Позавчера я видел репортаж по телевизору об учениях Азиатского флота. Они мазнули лазерной пушкой по цели размером с авианосец. Половина этого железного корыта испарилась, как кусок льда. Другую половину разнесло — только брызги полетели, прямо тебе праздничный фейерверк. А еще у них есть рельсовые пушки, так те стреляют железными шарами размером с футбольный мяч по сотне в секунду, разгоняя их до орбитальных скоростей. За минуту могут снести целую гору на Марсе. Пусть даже

у человечества и нет вечного двигателя — все равно с такой технологией Земля, само собой, способна остановить Трисолярианский флот.

Ши Цян подал Ло Цзи сигарету и объяснил, как повернуть кончик фильтра, чтобы она загорелась. Друзья закурили и принялись наблюдать, как завитки белого дыма поднимаются к небу.

— Так или иначе, парень, это хорошая эпоха.

— Да. Хорошие времена.

Не успел Ло Цзи договорить, как Ши Цян бросился на него, и оба покатились в траву. Оттуда, где они только что стояли, послышался грохот — в паре метров от них громоздились обломки летающего автомобиля. Ло Цзи ударило взрывной волной, над головой пролетела шрапнель. Она снесла половину стоящей неподалеку информационной панели; на землю посыпались осколки стекла. Пока Ло Цзи оставался лежать с кружащейся головой и подбитым глазом, Ши Цян вскочил и подбежал к месту аварии. Дискообразный корпус разломился и погнулся, но не загорелся, поскольку в топливе машина не нуждалась. Из-под искореженных обломков доносился треск электрических разрядов.

— В машине никого нет, — сообщил Ши Цян, когда Ло Цзи, хромая, подошел к нему.

— Да Ши, ты снова спас меня, — признал Ло Цзи, опираясь на плечо друга и потирая ушиб на ноге.

— Интересно, сколько еще раз мне придется это делать? Ты бы вел себя поосторожнее да смотрел в оба. — Ши Цян показал на разбитый автомобиль. — Ни о чем не напоминает?

Ло Цзи припомнил события двухсотлетней давности и невольно вздрогнул.

На одежде собравшихся вокруг прохожих синхронно мерцали мрачные картинки. Под рев сирен приземлились два автомобиля; из них выскочили полицейские и оцепили место крушения. Их форменная одежда ярко светилась наподобие огней аварийных служб, затмевая одежду зевак. Один офицер подошел к Ло Цзи и Ши Цяну; его форма сияла так, что им пришлось закрыть глаза.

— Вы стояли прямо на месте падения автомобиля! Ранений нет? — с беспокойством спросил полицейский. Он, очевидно, догадался, что перед ним стоят двое недавно проснувшихся, и старался говорить на старом китайском.

Прежде чем Ло Цзи ответил, Ши Цян повел офицера за оцепление, подальше от толпы. Когда они отошли, униформа полицейского потускнела.

— Проверьте все обстоятельства аварии. Она может оказаться попыткой убийства! — заявил Ши Цян.

— Скажете тоже! Обычная авария! — засмеялся офицер.

— Мы хотим подать заявление.

— Уверены?

— Уверены и непременно подадим.

— Вы делаете из мухи слона. Вы, наверное, испугались, но это же всего лишь несчастный случай. Тем не менее по закону, если вы настаиваете на заявлении...

— Настаиваем.

Полицейский прикоснулся к экрану на рукаве. Засветилось окошко. Он взглянул на него и сообщил:

— Заявление подано. Полиция будет следить за вашим местонахождением в ближайшие сорок восемь часов, но для этого требуется ваше согласие.

— Мы согласны. Нам все еще может угрожать опасность.

Офицер снова засмеялся:

— Да что вы в самом деле! Авария как авария, обычное дело...

— Обычное дело?! Тогда, с вашего позволения,

спрошу: сколько таких аварий случается в этом городе каждый месяц?

— Шесть или семь за весь прошлый год.

— В наше время мы насчитывали больше аварий каждый день. Вот тогда они были *обычным делом*!

— В ваше время автомобили ездили по дорогам. Даже представить себе не могу, насколько это было опасно. Ну ладно, теперь за вами присматривает полицейская система наблюдения. Вам сообщат о ходе расследования; но поверьте, пожалуйста, это самая обычная авария. Независимо от подачи заявления, вам выплатят компенсацию.

Когда они отошли от места крушения, Ши Цян обратился к Ло Цзи:

— Пойдем-ка ко мне домой. Что-то неспокойно мне на улице. Я живу недалеко отсюда. Лучше прогуляемся пешком. Такси управляются компьютером; я им не доверяю.

— Но разве ОЗТ не разгромили? — озираясь, спросил Ло Цзи. Вдали над упавшим автомобилем завис эвакуатор. Толпа рассеялась, полицейские тоже отправились по своим делам. Приземлилась машина городских служб; рабочие принялись подбирать разбросанные повсюду осколки и восстанавливать поврежденный газон. Тревожный

момент прошел, и город вернулся к комфортабельной, неторопливой жизни.

— Может, и разгромили. Но, парень, поверь моей интуиции.

— Я больше не Отвернувшийся.

— Рухнувший автомобиль так не думал... А ты, пока мы идем, все же поглядывай вверх.

По возможности держась в тени стволов зданий-деревьев и бегом пересекая открытые пространства, они вскоре оказались у широкой площади, и Ши Цян сообщил:

— Я живу на той стороне. Обходить кругом слишком далеко. Придется бежать со всех ног.

— Может быть, мы испугались понапрасну? Что, если это была какая-то неисправность в автомобиле?

— Может быть. А может, и нет. Осторожность еще никому не повредила... Видишь вон ту скульптуру в центре площади? В случае чего укроемся там.

В центре площади располагалась квадратная, посыпанная песком площадка, похожая на миниатюрную пустыню. Посреди нее возвышалась скульптурная композиция — несколько темных колонн высотой два или три метра. На удалении она была похожа на рощу засохших черных

деревьев.

Ло Цзи побежал через площадь вслед за Ши Цяном. Недалеко от участка с песком Ши Цян крикнул: «Сюда, скорее!» — и, схватив его за руку, потащил за собой, а затем впихнул головой вперед прямо в «рощу». Лежа на теплом песке, Ло Цзи поднял взгляд и увидел низко летящий автомобиль. Машина пронеслась над верхушками колонн, набрала высоту и исчезла вдали. Песок, взметенный порывом воздуха, ударился о колонны и с шелестом осыпался.

— Может, она вовсе и не целила в нас...

— Может быть, — согласился Ши Цян, вытряхивая песок из туфель.

— Нас же засмеют...

— Не бери в голову. Кто тебя узн`ает? И вообще, мы люди из прошлого. Над нами будут смеяться, даже если мы станем вести себя как все! Парень, мы ничего не теряем, когда действуем осторожно. Что, если эта штуковина и в самом деле целилась в тебя?

Только тогда Ло Цзи обратил внимание на окружавшую их скульптурную группу. Колонны оказались не сухими деревьями, а руками, поднимавшимися из песка пустыни. Руки были тонкими, кожа да кости, поэтому они и казались

деревьями. От воздетых к небу заломленных в муке ладоней, казалось, исходила бесконечная боль.

«Что это за скульптура?» Стоя посреди рук, Ло Цзи ощутил озноб, хоть он и вспотел от бега. Рядом с композицией стоял простой обелиск; по нему тянулись выгравированные крупными золотыми буквами слова:

УДЕЛИТЕ ВРЕМЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ — ЕГО ОСТАЛОСЬ НЕ ТАК МНОГО.

— Это мемориал Великой пади, — объяснил Ши Цян. Он не пожелал вдаваться в подробности; вместо того он вывел Ло Цзи из скульптуры и быстрым шагом довел до края площади.

— Вот, парень, я живу в этом дереве, — Ши Цян указал на массивный ствол, возвышающийся перед ними.

Ло Цзи шел и смотрел по сторонам. Внезапно до его ушей откуда-то снизу донесся скрип, а потом земля ушла из-под ног. Ши Цян успел схватить Ло Цзи, когда тот уже провалился по грудь. С трудом бывший полицейский помог другу выкарабкаться; оба уставились на открывшееся в земле отверстие. Это был колодец канализации; его крышка отъехала в сторону за мгновение до

того, как на нее ступил Ло Цзи.

— Боже мой! Господин, с вами все в порядке? — вскричал голос с информационной панели, висящей на стене небольшого киоска с автоматами прохладительных напитков. Голос принадлежал молодому человеку, одетому в голубую униформу. Его бледное лицо выдавало, что он перепугался не меньше, чем Ло Цзи.

— Я служу в отделе очистки третьего района обслуживания. Крышка колодца открылась автоматически. Наверное, ошибка программы!

— И часто у вас такое? — осведомился Ши Цян.

— Нет, нет! Я никогда не видел ничего подобного!

Ши Цян подобрал с обочины дорожки округлый камешек и бросил его в отверстие. Всплеск послышался не сразу.

— Проклятье! Какая глубина у этого колодца? — спросил он у служащего на экране.

— Около тридцати метров! Очень опасно! Я уже проверил систему дренажа поверхности. В ваше время ливневая канализация залегала неглубоко. Инцидент зарегистрирован. Вы... — он взглянул на манжету, — ага, господин Ло, — можете зайти в наш отдел и получить компенсацию.

Наконец они добрались до вестибюля дерева №

1863. Ши Цян сообщил, что живет на ветви 106, ближе к верхушке, и посоветовал Ло Цзи сначала пообедать, а потом уже подниматься. С одной стороны фойе располагался ресторан; туда они и направились. Помимо безупречной чистоты, в прежней жизни попадавшейся Ло Цзи лишь в компьютерной графике, здесь проявлял себя и другой обычай века: динамические информационные окна находились повсюду: на стенах, столах, стульях, на полу, на потолке и даже на таких мелких предметах, как стаканы и коробки с салфетками. Везде светились экраны, по которым бежали текст или картинки. Казалось, что это не ресторан, а гигантский компьютерный монитор, демонстрирующий богатство своей палитры.

Посетителей в зале было не очень много. Друзья сели за столик у окна. Ши Цян коснулся столешницы, вызывая меню, и выбрал парочку блюд, пояснив:

— Я не понимаю иностранных слов, поэтому заказал только китайскую еду.

— У меня такое ощущение, что весь этот мир построен из кубиков информационных панелей, — вздохнул Ло Цзи.

— Так и есть. Экраны появляются на любой гладкой поверхности. — Ши Цян вытащил пачку

сигарет и передал ее Ло Цзи. — Смотри сюда.

Как только Ло Цзи коснулся пачки, по ней побежали символы миниатюрного меню.

— Это... всего лишь пленка, на которой можно создавать изображения. — Ло Цзи со всех сторон рассматривал упаковку.

— Пленка, говоришь? Эта фигня может подключиться к Интернету! — Ши Цян наклонился к Ло Цзи и нажал на один из символов. На всех сторонах коробочки вспыхнула выбранная им реклама.

В рекламе показывали семью с одним ребенком, устроившуюся в гостиной. Очевидно, это была старая фотография. Зазвучал пронзительный голос:

— Господин Ло, вы жили в то время. Дом в столице был заветной мечтой каждого гражданина. Сегодня группа компаний «Зеленый листок» предлагает помощь в осуществлении этой мечты. Как вы уже заметили, мы живем в замечательную эпоху. Частные дома превратились в листья на деревьях, и мы можем предоставить вам любой листок на ваш выбор.

Изображение сменилось на стволы и ветви деревьев; на ветвях появлялось все больше и больше листьев-домов самых разных форм; один

даже был совершенно прозрачным — казалось, будто мебель висит в воздухе.

— Разумеется, мы также готовы построить для вас традиционный дом на поверхности, если вы предпочитаете вернуться в теплые объятия Золотого века и завести... семью.

Явилась картина лужайки с особняком, наверное, с другого старого фото. Диктор, говоривший на превосходном «старом» китайском, на мгновение, однако, запнулся на слове «семья», а затем особо выделил его голосом. Ведь у самого диктора семьи не было. Этот обычай ушел в прошлое.

Ши Цян забрал у Ло Цзи пачку и, вытряхнув последние две сигареты, передал ему одну, а пустую упаковку скомкал и бросил на столик. На смятой коробке продолжали мерцать изображения, но звук пропал.

— Куда бы я ни пошел, первым делом отключаю все чертовы экраны вокруг! Они так раздражают, — проворчал Ши Цян, руками и ногами гася экраны на столике и на полу. — Но обычному человеку от них не отделаться, — Ши Цян обвел рукой вокруг, — ведь знакомых нам компьютеров больше нет. Хочешь выйти в Интернет — ткни пальцем в любую ровную поверхность. Даже одежда и обувь действуют как компьютер! Ве-

ришь или нет, но мне как-то попалась туалетная бумага, способная подключиться к Сети!

Ло Цзи вытянул салфетку из коробки. Это оказалась простая бумага. Но на салфетнице засветился экранчик, с которого хорошенькая девушка принялась расхваливать бинты и лейкопластырь. По-видимому, она уже знала про его сегодняшние приключения и догадывалась, что он ушибся и оцарапался.

— О боже, — вздохнул Ло Цзи и затолкал салфетку обратно.

— Век информации. Мы с тобой жили в примитивную эпоху, — улыбнулся Ши Цян.

Пока они дожидались заказа, Ло Цзи спросил Ши Цяна, как у того идут дела. Ему было неловко, что он не догадался поговорить об этом раньше. Но если вспомнить все случившееся с ним с утра, то что тут удивительного — ведь толком и вздохнуть было некогда. Лишь теперь у него появилась свободная минутка.

— Меня отправили в отставку, — незатейливо ответил Ши Цян. — Дали неплохую пенсию.

— О чем ты говоришь — о Бюро общественной безопасности или о подразделении, где ты служил позже? Они до сих пор существуют?

— Существуют. Бюро вообще не изменилось.

Но я перестал работать на них еще до того, как лечь в гибернацию. А то подразделение, где я работал, — оно теперь часть Азиатского флота. Ты же знаешь, флот — это особая держава, так что я здесь теперь иностранец.

Ши Цян выдохнул солидное облако дыма. Он наблюдал, как оно поднимается к потолку, и, похоже, напряженно решал какую-то загадку.

— Страны уже не настолько важны, как раньше... Мир изменился. Его трудно понять. К счастью, Да Ши, и ты, и я умеем приспосабливаться. Мы сможем жить, что бы ни происходило вокруг, и жить весьма неплохо.

— Ло, кореш, по правде сказать, кое в чем мозги у меня устроены не так, как у тебя. Я не такой пофигист, как ты. Если бы я прошел через то, что выпало тебе, у меня бы давно уже поехала крыша.

Ло Цзи расправил скомканную сигаретную пачку. На ней продолжалась реклама группы «Зеленый листок». Она лишь немного поблекла.

— Спаситель человечества или беженец, я всегда стараюсь извлечь максимум из того, что мне доступно, чтобы жить счастливо. Тебе может показаться, что я эгоист, но, честно говоря, это единственная черта моего характера, которую

я уважаю. Да Ши, ты выглядишь беззаботным человеком, но глубоко в душе ты ценишь ответственность. Оставь эту ответственность в прошлом. Посмотри вокруг. Кому мы тут нужны? Сейчас наш священный долг — carpe diem.

— Ну да. Но если бы я наплевал на ответственность, то тебе сейчас не то что жрать — вообще бы уже ничего не хотелось. — Ши Цян бросил сигарету в пепельницу, которая тут же врубила рекламу табака.

Ло Цзи мгновенно осознал свою бестактность:

— Ой нет, Да Ши, я не то хотел сказать! Без тебя я погибну. Ты меня не оставишь, не тот ты человек. Только сегодня ты спас меня один... два, три раза! Ну, по крайней мере, два с половиной!

— Говоришь, я не способен бросить человека в опасности? Пожалуй, ты прав. Эх, ну что у меня за жизнь — все время только и знать спасать твою?! — проворчал Ши Цян, озираясь вокруг. Вероятно, искал, где бы купить сигарет. Затем наклонился к Ло Цзи и прошептал:

— Но, парень, какое-то время ты и вправду был спасителем человечества!

— На такой должности невозможно сохранить рассудок. К счастью, я выздоровел.

— Как ты только додумался наложить заклятие

на звезду?

— В то время меня преследовала паранойя. Не хочу даже вспоминать. Да Ши, веришь или нет, но я убежден, что когда меня разбудили, то не только устранили повреждения, вызванные вирусом, но еще и провели психиатрическое лечение. Я уже не тот, кем был раньше. Как только я мог быть таким идиотом? Откуда у меня взялась та навязчивая идея?

— Какая навязчивая идея? Ну-ка расскажи!

— Это долгий разговор. Да и что в нем толку... Ты ведь наверняка сталкивался по работе с больными манией преследования? Кому охота выслушивать их бред...

Ло Цзи методично раздирал сигаретную пачку на клочки. Экран больше не действовал, но обрывки, лежащие небольшой кучкой, вспыхивали разными цветами и тут же гасли.

— Ладно. Поговорим о приятном. Мой сын жив.

— Что? — Ло Цзи подскочил от неожиданности.

— Я сам узнал пару дней назад. Он меня нашел. Мы еще не встречались, только поговорили по телефону.

— Он не...

— Я не знаю, сколько он отсидел, но как только освободился, то лег в гибернацию. Он сказал, что отправился в будущее, чтобы увидеть меня. Понятия не имею, откуда у него взялись на это деньги. Сейчас он на поверхности, но завтра приедет сюда.

Ло Цзи решительно встал и смахнул переливающиеся разными цветами обрывки бумаги на пол.

— Да Ши, за это надо выпить!

— Надо — значит, выпьем. Пойло в эту эпоху отвратное, но сшибает с ног ничуть не хуже, чем раньше.

Принесли еду. Ло Цзи не узнал ни одного блюда. Ши Цян объяснил:

— Не ожидай вкусняшек. В некоторых ресторанах готовят из натуральных продуктов, но дерут три шкуры. Вот приедет Сяомин, тогда и поедим по-человечески.

Внимание Ло Цзи привлекла нереально красивая официантка. Ло Цзи заметил, что у других официантов, плавно скользящих между столами, такая же идеальная внешность.

— Эй, не пялься, как идиот! Они все подделки. — Ши Цян даже не посмотрел на нее.

— Роботы? — переспросил Ло Цзи. Наконец-то в

этом мире будущего нашлось что-то из научной фантастики его детских лет.

— Типа того.

— Что значит «типа того»?

Ши Цян показал на робота-официантку:

— Эта дура умеет лишь разносить жратву. Ходят по одному и тому же пути, как заведенные. Глупые железяки! Однажды я сам видел: столик временно отодвинули в сторону, но эти куклы продолжали таскать еду на прежнее место — и роняли ее прямо на пол!

Механическая официантка расставила перед ними блюда, ласково улыбнулась и пожелала приятного аппетита. У нее был восхитительный голос, ничуть не похожий на синтезатор робота. Она протянула тонкую руку и взяла столовый нож, лежавший перед Ши Цяном...

Взгляд Ши Цяна молниеносно перескочил с ножа в руке «куклы» на Ло Цзи, сидящего напротив. Ши Цян вскочил, перепрыгнул через стол и резко повалил Ло Цзи на пол. В то же самое мгновение официантка ударила ножом прямо туда, где секунду назад находилось сердце бывшего Отвернувшегося. Нож пробил спинку стула и включил экран. Робот вытащил нож и замер возле столика, с подносом в другой руке и с той же улыбкой на

безупречном лице. В панике Ло Цзи поднялся на ноги и немедленно укрылся за спиной Ши Цяна. Но тот успокоил его жестом:

— Не беспокойся. Они не настолько проворные.

Механизм, держа в руке нож и по-прежнему улыбаясь, снова пожелал им приятного аппетита.

Встревоженные посетители собрались вокруг и с недоумением взирали на сцену. Прибежала менеджер. Услышав, как Ши Цян обвинил официантку в попытке убийства, она тотчас же покачала головой:

— Господин, но это невозможно! У роботов даже нет камер, чтобы видеть людей! Официанты ориентируются по датчикам в столах и стульях!

— Я свидетель — официантка схватила столовый нож и пыталась убить этого человека. Мы все это видели! — громко заявил один из посетителей. То же самое подтвердили и другие.

Пока менеджер раздумывала над ответом, робот снова всадил нож в стул — точно в дыру, пробитую в спинке минутой раньше. Кто-то вскрикнул.

— Приятного аппетита! — опять пожелал робот.

Подошли другие люди; среди них инженер ресторана. Он нажал на кнопку на затылке робота. Улыбка с лица официантки исчезла, и, прежде чем отключиться, она произнесла:

— Завершение работы по команде оператора. Контрольная точка записана.

— Наверное, сбой в программе, — предположил инженер, отирая со лба холодный пот.

— И часто у вас такое бывает? — саркастически улыбнулся ему Ши Цян.

— Нет, нет, клянусь! Никогда о таком даже не слышал! — заверил его инженер. Двое рабочих повезли робота из зала.

Менеджер поспешно объяснила посетителям, что, пока специалисты разбираются в случившемся, ресторан будут обслуживать люди. Тем не менее половина обедавших покинула зал.

— Вы так быстро среагировали! — с восхищением сказал один из любопытствующих.

— Они же из прошлого. В их время такое случалось сплошь и рядом, — сказал другой. На его одежде появилось изображение фехтовальщика.

— Господа, я крайне сожалею, — сказала менеджер, обращаясь к Ло Цзи и Ши Цяну. — Но вы обязательно получите компенсацию!

— Хорошо. А теперь давай поедим. — Ши Цян

жестом предложил Ло Цзи занять место за столом. Человек-официант заменил блюда на новые.

Ло Цзи еще не отошел от потрясения. Спиной он чувствовал пробитую ножом дыру в стуле.

— Да Ши, похоже, весь мир ополчился против меня. А ведь он мне нравился!

Ши Цян разглядывал свою тарелку. Наконец он сказал:

— Есть у меня парочка идей...

Он поднял глаза и налил Ло Цзи рюмку.

— Не парься. Я все объясню позже.

— Выпьем тогда за этот самый момент! За жизнь одним днем! Даже одним часом, — поднял рюмку Ло Цзи. — И за твоего сына!

— С тобой все нормально? — улыбнулся ему Ши Цян.

— Я уже побывал спасителем человечества. Меня ничто не пугает. — Ло Цзи пожал плечами и выпил. Тотчас же поморщился от вкуса. — Это что, ракетное топливо?

— Я тащусь от тебя, парень, — Ши Цян поднял большой палец. — И всегда тащился.

* * *

Квартира Ши Цяна находилась в листе возле вершины дерева. Она была просторной, обо-

рудованной всем необходимым для комфорта. В ней даже были спортзал и небольшой сад с фонтаном.

— Временное жилье, — пояснил он. — От флота. Они заверили, что моей пенсии хватит на квартиру получше.

— Теперь у всех такие огромные квартиры?

— Наверное. С такой многоярусной архитектурой пространство используется лучше. Один крупный лист — это как целое здание в нашу эпоху. Но не забудь, что людей после Великой пади стало меньше. Намного меньше.

— Постой, Да Ши, ты же гражданин флота — космического государства!

— Я туда не собираюсь. Я ведь уже на пенсии.

В этой квартире глаза Ло Цзи наконец смогли отдохнуть — большинство информационных окошек здесь не работали. Лишь в паре мест на стенах и полу мерцали разноцветные сполохи. Ши Цян нажал ногой на кнопку панели управления на полу, и одна из стен стала прозрачной, раскрывая перед глазами друзей панораму ночного города. Подземный Пекин предстал ослепительным, гигантским лесом новогодних елок, среди которых извивались транспортные потоки.

Ло Цзи направился к дивану — тот на ощупь оказался твердым, как камень.

— На нем можно сидеть? — спросил он.

После утвердительного жеста Ши Цяна он осторожно присел — и почувствовал что-то сродни погружению в мягкую глину. Подушки дивана приняли форму тела и мягко обняли его.

Ло Цзи вспомнил, как двести лет назад мечтал, лежа на монолите из железной руды, стоявшем в комнате медитации в здании Генеральной ассамблеи ООН. Его грезы стали реальностью.

— У тебя снотворного не найдется? — спросил Ло Цзи. Теперь, в безопасном месте, силы оставили его.

— Нет, но его можно купить, — Ши Цян нажал другую кнопку на экране. — Вот. Рецепта не нужно. Называется «Река снов».

Ло Цзи представил себе фантастическую картину передачи материального объекта по компьютерной сети. Но реальность оказалась намного проще. Через несколько минут к наружной стене квартиры подлетел воздушный грузовичок, и тонкий манипулятор просунул заказ сквозь специальное окно. Ло Цзи принял коробку от Ши Цяна; она оказалась стандартной, без информационных экранов. Прилагавшаяся инструкция

рекомендовала принять одну таблетку. Ло Цзи распечатал упаковку, достал таблетку и потянулся за стаканом с водой, стоявшим на столике.

— Погоди-ка! — остановил его Ши Цян. Он взял коробку, осмотрел со всех сторон и, видимо, ничего не поняв, вернул обратно. — Что тут написано? Я заказывал «Реку снов».

Ло Цзи прочел длинный перечень химических соединений, напечатанный на английском.

— Не узнаю ничего знакомого. Но это точно не «Река снов».

Ши Цян включил информационную панель на кофейном столике и принялся искать фармацевта. С помощью Ло Цзи он вскоре нашел доктора-консультанта. Тот изучил надпись на упаковке, а затем бросил на Ши Цяна странный взгляд.

— Где вы это взяли? — осторожно осведомился фармацевт.

— Купил. Прямо тут.

— Это невозможно. Препарат продается исключительно по рецепту. Его назначают только в центрах гибернации.

— Какое он имеет отношение к гибернации?

— Это лекарство для погружения в краткосрочный анабиоз, от десяти дней до года.

— Просто выпив таблетку?

— Нет. Пациент должен лежать в гибернаторе. Аппаратура нужна, чтобы поддерживать кровообращение.

— А если выпить таблетку просто так?

— Тогда вы умрете. Но это будет легкая смерть. Поэтому ими часто пользуются самоубийцы.

Ши Цян погасил информационное окно и швырнул коробку с таблетками на стол. Он долго смотрел на Ло Цзи, а потом процедил:

— Черт возьми...

— Черт возьми, — согласился Ло Цзи, откидываясь на диване. И тогда последовала очередная попытка убийства.

Как только его голова коснулась спинки, жесткая подушка стала быстро принимать нужную форму. Но на этом дело не закончилось. Голова и шея Ло Цзи продолжали тонуть. Через мгновение из подушки выросла пара щупалец. Они обвились вокруг шеи бывшего Отвернувшегося и принялись его душить. Он даже крикнуть не успел — лишь раскрыл рот, выпучил глаза и суматошно задергал руками.

Ши Цян метнулся на кухню за ножом и несколько раз полоснул по щупальцам, а затем руками оторвал их от шеи жертвы. Когда освобожден-

ный Ло Цзи повалился с дивана на пол, по ярко засветившимся подушкам побежали сообщения об ошибках.

— Сколько же раз за сегодня я спас тебе жизнь, парень? — спросил Ши Цян, растирая руки.

— Это будет... шестой, — прохрипел Ло Цзи. Его стошнило на пол. Он прислонился было к дивану, но тут же резко отстранился, будто ударенный током, не представляя, до чего можно безопасно дотронуться.

— Когда же я стану таким быстрым и ловким, как ты, и научусь спасаться самостоятельно?

— Наверное, никогда, — ответил Ши Цян. Появился робот-пылесос и убрал с пола рвоту.

— Тогда я труп! В этом безумном мире мне не выжить!

— Не все так плохо. По крайней мере, я начал кое-что понимать. Первое покушение провалилось; за ним последовало еще пять. Это не профессионализм — это глупость! Кто-то допустил ошибку, что-то пошло не так... Нам следует немедленно связаться с полицией. Мы не можем дожидаться, пока они разберутся со всеми этими инцидентами.

— Что пошло не так? Кто допустил ошибку? Да Ши, прошло двести лет! Полицейские шаблоны

из нашего времени здесь не работают!

— Еще как работают, парень. Кое-что в нашем деле не меняется, какая бы эпоха ни стояла на дворе. А кто допустил ошибку... да откуда мне знать! Даже не уверен, что это «кто», а не «что»...

В дверь позвонили. Ши Цян открыл; за дверью стояли несколько человек. Они носили гражданскую одежду, но Ши Цян понял, кто они, прежде чем их начальник предъявил удостоверение.

— Гляди-ка, в обществе сохранились настоящие патрульные! Заходите, господа офицеры!

Трое вошли в квартиру, а двое остались снаружи охранять дверь. Командир группы, тридцатилетний полицейский, осмотрел комнату. Так же как Ши Цян и Ло Цзи, он не пользовался картинками на одежде, что сразу расположило к нему приятелей. Он говорил на чистейшем «старом» китайском, без примеси английских слов.

— Меня зовут Го Чжэнмин, я офицер Бюро общественной безопасности, служу в отделе цифровой реальности. Прошу прощения за столь позднее прибытие. Вы стали жертвой халатности. Последний такой случай был зарегистрирован пятьдесят лет назад.

Он поклонился Ши Цяну:

— Мое почтение господину старшему офицеру!

Такие способности, как у вас, сегодня редко встречаются у полицейских.

Ло Цзи и Ши Цян заметили, что, пока офицер Го Чжэнмин представлялся, в квартире погасли все информационные панели. Похоже, весь лист отключили от перенасыщенного информацией мира снаружи. Два других полицейских уже приступили к работе. Они держали вещь, которую Ло Цзи уже забыл, когда видел, — портативный компьютер. Вот только был он не толще листа бумаги.

— Они занимаются установкой межсетевого экрана для всего листа, — объяснил офицер Го. — Вы теперь в полной безопасности. Я также гарантирую компенсацию от городского отделения Бюро.

— Сегодня, — подсчитал на пальцах Ши Цян, — нам уже четыре раза гарантировали компенсацию.

— Знаю. Множество чиновников из самых разных служб уже уволили из-за всего этого. Я молю вас о сотрудничестве, чтобы не последовать за ними. Заранее благодарен! — Полицейский снова поклонился.

— Я вас понимаю, — ответил Ши Цян, — мне доводилось быть на вашем месте. Хотите, чтобы

мы рассказали вам все подробности?

— Нет. Мы, собственно, присматривали за вами все это время. Как я уже сказал, всему виной небрежность исполнителей.

— Можете сказать нам, что произошло?

— Киллер 5.2.

— Что?!

— Это компьютерный вирус. Его разработало ОЗТ лет через сто после начала эры Кризиса. С тех пор его неоднократно исправляли и дорабатывали. Это вирус для убийства. Прежде всего он устанавливает личность человека при помощи различных методов — в том числе и по вживленному чипу. Когда вирус обнаруживает жертву, он ее убивает, используя любую имеющуюся поблизости технику. Получается то, с чем вы сегодня столкнулись: вам кажется, что на вас ополчился весь мир. В те годы этот вирус называли «проклятием современности». В какой-то период времени программу вируса даже продавали всем желающим на черном рынке. Покупатель набирал идентификатор жертвы и загружал вирус в сеть. Даже если несчастным удавалось избежать смерти, жизнь им больше медом не казалась.

— Технология зашла так далеко? Вот это да! — воскликнул Ши Цян.

— Программа, написанная век назад, работает до сих пор? — не поверил Ло Цзи.

— Почему бы и нет? Компьютерная техника давным-давно перестала развиваться. Первые варианты вируса-убийцы свели в могилу немало народу, в том числе одного руководителя страны. Но позднее вирус остановили сетевыми фильтрами и антивирусами, и эпидемия сошла на нет. Конкретно эта версия вируса запрограммирована на убийство доктора Ло; но, поскольку он лежал в гибернации, программа не могла ничего сделать. Вирус затаился, и ни одна система информационной безопасности его не обнаруживала. Лишь когда доктор Ло вышел в мир, Киллер 5.2 проснулся и начал выполнять задание. Но так уж случилось, что заказчики убийства уже сто лет как уничтожены.

— Они пытались меня убить сто лет назад? — переспросил Ло Цзи. К нему вернулось чувство преследования, с которым, как казалось, он распрощался навсегда.

— Да. Существенно то, что эта версия вируса запрограммирована именно на вас. Она до сих пор не активировалась, поэтому и дожила до сегодняшнего дня.

— И что нам теперь делать? — спросил Ши

Цян.

— Всю сеть будут чистить от вируса, но это займет немало времени. Пока чистка не закончится, у вас есть два выхода. Первый: доктору Ло временно выдадут удостоверение личности другого человека. Но это не гарантия безопасности; такой вариант может даже осложнить ситуацию. Программа вируса очень сложна; может статься, что вирус уже записал другие характеристики жертвы. Один случай сто лет назад вызвал сенсацию. Жертве вируса дали ложные документы. Тогда вирус при помощи уравнений нечеткой математики выбрал и убил более сотни человек; среди них был и тот, кого пытались уничтожить. Второй выход — и я его рекомендую — это пожить какое-то время на поверхности. Там нет никаких механизмов, которыми вирус мог бы воспользоваться.

— Согласен, — заявил Ши Цян. — Даже не возникни такая ситуация, я в любом случае хотел отправиться наверх.

— А что там, наверху? — спросил Ло Цзи.

— Большинство проснувшихся живут на поверхности, — объяснил Ши Цян. — Здесь им трудно приспособиться.

— Совершенно верно. Вам стоит пожить там

какое-то время, — подтвердил офицер Го. — Многие детали современного общества — политика, экономика, культура, образ жизни, отношения с противоположным полом — существенно изменились за прошедшие века. Нам нужно время, чтобы привыкнуть.

— Но вы-то уже приспособились. — Ши Цян окинул полицейского внимательным взглядом. Друзья заметили, что офицер сказал «нам».

— Я лег в гибернацию из-за лейкемии. Проснулся еще совсем мальчишкой — мне тогда было тринадцать лет, — посмеиваясь, рассказал Го Чжэнмин. — Никто не верит, как мне было трудно. Я потерял счет, сколько раз обращался за помощью к психологам.

— А много ли других проснувшихся вроде вас, полностью приспособившихся к современной жизни? — спросил Ло Цзи.

— Хватает. Но не унывайте — и на поверхности можно неплохо жить.

* * *

— Чжан Бэйхай, командир Контингента поддержки будущего, прибыл для дальнейшего прохождения службы! — доложил Чжан Бэйхай и отдал честь.

За спиной командующего Азиатским флотом блистал Млечный Путь. Штабной корабль флота располагался на орбите Юпитера; для создания искусственной гравитации корабль непрерывно вращался. Чжан Бэйхай обратил внимание на неяркое освещение в кабинете и широкие иллюминаторы. Похоже, что строители постарались вписать интерьер в окружающее корабль космическое пространство.

Командующий, в свою очередь, отдал честь:

— Приветствую вас, предшественник!

На вид он был довольно молод. Неяркое сияние погонов и кокарды на фуражке освещало лицо сына Азии. На шестой день после пробуждения Чжан Бэйхаю выдали военную форму. На ней он обнаружил знакомую эмблему космических сил — четырехконечную серебряную звезду с лучами в форме прямых клинков. Прошло двести лет; эмблема почти не изменилась, но флот стал независимой державой, возглавляемой президентом. Командующий занимался лишь военными вопросами.

— Слишком много чести для меня, командующий! Мы теперь не более чем новобранцы, и нам предстоит всему учиться заново, — ответил Чжан Бэйхай.

Командующий улыбнулся и покачал головой:

— Это не так. Вы уже все знаете. Более того, у вас есть и недоступные нам познания. Поэтому мы вас и разбудили.

— Командующий космическими силами Китая Чан Вэйсы просил меня поприветствовать вас от его имени.

Слова Чжан Бэйхая задели что-то в душе командующего. Он повернулся к иллюминатору, за которым струилась великая звездная река.

— Он был исключительным военачальником, одним из основателей Азиатского флота. Сегодняшняя стратегия космических войн базируется на законах, выведенных им два столетия назад. Жаль, что ему не довелось увидеть нашу эпоху.

— Достижения человечества далеко превзошли его самые смелые мечты.

— Но начало этим достижениям было положено в его... в вашу эпоху.

За иллюминатором показался Юпитер — сначала тонкой полоской, а потом заняв собой все пространство. Кабинет залило оранжевым светом. На поверхности газового гиганта гипнотически переливались невероятные по масштабам потоки водорода и гелия. Зрелище было весьма впечатляющее. В иллюминатор вплыло Боль-

шое красное пятно. Этот циклопический ураган размером больше, чем две Земли, выглядел как гигантский глаз мутного мира планеты, только без зрачка. Три флота основали свои главные базы на орбите Юпитера, поскольку водородно-гелиевый океан планеты был неисчерпаемым источником термоядерного топлива.

Зрелище ошеломило Чжан Бэйхая. Как часто он мечтал о мире, который сейчас расстилался перед его взором! Он подождал, пока корабль повернется и планета исчезнет из поля зрения, а затем ответил:

— Командующий, невероятные достижения человечества лишили нашу миссию смысла.

Командующий обернулся к Чжан Бэйхаю:

— Нет, это не так. Создание контингентов поддержки будущего трудно переоценить. В годы Великой пади, когда космические силы стояли на пороге краха, ваши группы сыграли ключевую роль в стабилизации положения.

— Но наша группа прибыла слишком поздно, чтобы от нее был какой-либо толк.

— Простите, но дело обстоит не так, — ответил командующий. Черты его лица немного разгладились. — После вас они отправили в будущее еще несколько специальных групп. Мы пробуждали

их в обратном порядке.

— Это понятно, командующий. Их опыт был ближе к ситуации в вашем времени.

— Да. Наконец, в гибернации осталась только ваша группа. Великая падь закончилась, и мир вступил в период стремительного развития. Пораженчество практически исчезло, и не было причин вас будить. Тогда командование флота решило держать вас в анабиозе до битвы Судного дня.

— Командующий, как раз на это мы все и надеялись! — взволнованно ответил Чжан Бэйхай.

— Участие в последнем сражении — наивысшая честь для любого воина космических сил. Потому командование и приняло тогда такое решение. Но, как вы уже знаете, обстоятельства изменились. — Командующий показал на океан звезд в иллюминаторе. — Не исключено, что битва Судного дня вообще не состоится.

— Превосходно, командующий! Мне, как солдату, конечно, немного жаль, но это мелочь на фоне столь впечатляющей победы человечества. Я лишь надеюсь, что вы не откажете нам в единственной просьбе. Мы хотели бы продолжить службу во флоте рядовыми и выполнять посильную работу.

Командующий качнул головой:

— Выслуга лет личного состава контингентов поддержки будущего возобновляется с даты пробуждения. Вам повысят звание на один или два ранга.

— Командующий, мы этого не заслужили. Мы не хотим сидеть в кабинетах до конца наших дней. Мы хотим на передовую! Два столетия назад мы мечтали о космосе. Без него нам незачем жить. Но даже в тех званиях, что мы уже носим, мы не подготовлены к службе во флоте.

— О расставании с флотом нет и речи. В точности наоборот — вы все будете служить во флоте, выполняя важнейшее задание.

— Благодарю вас, командующий! Но что сегодня нам можно поручить?

Командующий не ответил. Вместо того он спросил, как если бы эта мысль только сейчас пришла ему в голову:

— Вам удобно беседовать вот так, стоя?

В кабинете командующего не было стульев, а высота стола позволяла работать, не присаживаясь. Вращение штабного корабля создавало одну шестую земной гравитации, так что особой разницы между положениями стоя и сидя не было.

Чжан Бэйхай улыбнулся и кивнул:

— Вполне. Я провел год в космосе.

— А что с языком? Есть какие-то сложности с общением на флоте?

Командующий говорил на стандартном китайском, но три флота пользовались особым языком — смесью современных китайского и английского. Половина слов была китайскими, половина — английскими.

— Поначалу да — главным образом потому, что не мог выбрать, английское слово использовать или китайское; но понимать стал довольно быстро. Говорить самому оказалось сложнее.

— Это не имеет значения. Если будете говорить по-китайски или по-английски, мы вас поймем. Значит, сотрудники Генерального штаба уже ввели вас в курс дела?

— Так точно. В первые же дни на базе нас подробно проинструктировали по всем вопросам.

— Тогда вы знаете о ментальной печати.

— Так точно.

— Недавно к этому вопросу вернулись, но никаких следов «проштампованных» обнаружить не удалось. Ваше мнение?

— Могут быть два варианта. Первый: «проштампованные» вымерли. Второй: они тщательно скрываются. Обычный пораженец не станет

делать тайны из своих убеждений. Но технологически подкрепленная вера приведет к ощущению возложенной миссии. Пораженчество и эскапизм близки друг к другу. Если «проштампованные» на самом деле живут среди нас, их миссией будет исход во Вселенную. Однако для достижения этой цели им потребуется хранить свои мысли в секрете.

Командующий одобрительно кивнул:

— Превосходный анализ. Совпадает с позицией Генерального штаба.

— Командующий, второй вариант крайне опасен.

— Верно, он опасен — особенно учитывая приближение к Солнечной системе трисолярианского зонда. Во флоте используются две системы управления кораблем. Одна из них — традиционная *распределенная система*, похожая на командную структуру военного корабля, которым вам довелось руководить. Другая система управления является централизованной. В ней компьютер автоматически выполняет распоряжения капитана. Наиболее современные корабли, а также все строящиеся находятся под управлением централизованной системы. Ментальная печать угрожает в первую очередь этой

категории, поскольку слишком многое завязано на капитана. Он лично решает, когда корабль покидает стоянку и когда возвращается. Он задает скорость и курс, и он же управляет большей частью оружия. Централизованную систему управления можно назвать продолжением тела капитана. На данный момент из 695 кораблей звездного класса 179 оборудованы централизованной системой. Необходим анализ личности командиров этих кораблей. В обычной обстановке инспектируемый корабль пристыковывают к станции и опечатывают. Но сейчас это невозможно — все три флота готовятся к перехвату трисолярианского зонда. Это будет первым столкновением между флотом Солнечной системы и силами вторжения с Трисоляриса; поэтому все корабли требуется держать наготове.

— Таким образом, господин командующий, управление этими кораблями необходимо передать надежным людям, — предложил Чжан Бэйхай. Он размышлял, какая роль во всем этом отводится ему, но пока не находил ответа.

— А кто надежен? — спросил командующий. — Мы ведь не знаем параметров ментальной печати, и нам ничего не известно о «проштампованных». Доверять нельзя никому, даже мне.

В иллюминаторе появилось Солнце. Хотя на таком удалении оно светило слабее, чем на Земле, фигура командующего скрылась в сиянии, когда диск звезды прошел позади него; звучал лишь его голос:

— Но мы можем доверять всем вам. Вас положили в гибернацию еще до изобретения ментальной печати. Кроме того, важнейшими параметрами отбора в вашу группу были лояльность и вера в победу. Вы единственные люди на Земле, в которых мы на данный момент уверены. Командование приняло решение назначить вас комиссарами, исполняющими обязанности капитана, и дать доступ к управляющему компьютеру. Любая команда капитана поступит сначала к вам, а от вас — в центральную систему управления.

В глазах Чжан Бэйхая вспыхнули два маленьких солнца. Он ответил:

— Командующий, боюсь, это невозможно.

— Не в наших традициях отказываться, получив приказ.

От слов «в наших традициях» у Чжан Бэйхая потеплело на душе. Солдатский дух, знакомый ему по давно прошедшей эпохе, по-прежнему держится в космических войсках современности.

— Командующий, мы ведь из давнего про-

шлого! Мы же будем как офицеры Бэйянского флота[37], назначенные командовать эсминцем XXI века!

— Вы полагаете, что цинские адмиралы Дин Жучан и Ли Хунчжан не справились бы с управлением эсминцем? Они были неплохо образованы, прилично говорили по-английски. Они бы разобрались. В наше время для управления боевым космическим кораблем не нужно знать технические подробности. Капитан командует кораблем как единым целым, а не как набором механизмов. Кроме того, на время инспекции корабли пристыкуют к орбитальной станции; они никуда не полетят. В ваши обязанности войдет только получать команды от капитана, анализировать их и передавать компьютеру. На рабочем месте и научитесь.

— В наших руках сосредоточится огромная власть. Что, если оставить капитану долю этой власти, а мы только будем следить за его приказами?

— Если вы хорошенько подумаете, то пой-

---

[37] Примечания: 37

Бэйянский флот — одно из формирований военно-морских сил Китая в 1875–1895 годах, при династии Цин. Ли Хунчжан, наместник провинции Чжили, был инициатором его создания, адмирал Дин Жучан — командующим. (*Прим. перев.*)

мете, почему такой подход неприемлем. Если «проштампованные» и в самом деле занимают ключевые позиции в штате корабля, они пойдут на что угодно, чтобы обойти ваш контроль, — могут даже уничтожить тех, кто их контролирует. Кораблю с центральной системой управления требуются всего лишь три команды, чтобы прийти в движение и покинуть станцию, — а потом будет слишком поздно. Вот почему компьютер должен получать команды только от комиссара.

* * *

Когда транспорт для перевозки личного состава пролетал над юпитерианской базой Азиатского флота, Чжан Бэйхаю показалось, что он летит над горами — но каждая из этих гор была пристыкованным военным кораблем. База только что вошла в тень планеты; лишь рассеянное свечение Юпитера и лучи висящей над головой Европы освещали стальные громады. Чуть позже где-то сбоку вспыхнуло небольшое белое солнце, на миг ярко осветив ряды кораблей. Тени кораблей побежали по бурлящей атмосфере далеко внизу. Чжан Бэйхаю это напомнило восход солнца в горах. Потом с другой стороны загорелось второе солнце, и он понял, что это не солнца, а два

корабля, маневрирующие для захода в док: чтобы затормозить, они развернули свои термоядерные двигатели навстречу базе.

Начальник штаба флота, лично везущий Чжан Бэйхая к месту службы, сообщил, что к базе пришвартовано более четырехсот кораблей — две трети всего Азиатского флота. Вскоре ожидаются и остальные корабли, в настоящее время курсирующие по Солнечной системе и за ее пределами.

Чжан Бэйхай с трудом оторвал взор от великолепной картины за бортом:

— Сэр, не расценят ли «проштампованные» отзыв всех кораблей как сигнал к немедленным действиям?

— Хм... Нет, приказ отозвать корабли был отдан по другой причине — вполне естественной, не надуманной, хотя и выглядит она несколько смешно. Вы не следили за новостями в последнее время, как я понимаю?

— Нет. Я изучал документацию по «Естественному отбору».

— Не беспокойтесь. Судя по отчетам заключительного цикла общей подготовки, вы владеете достаточными знаниями. Сейчас ваша задача такова: как только вы попадете на борт, обозначьте свои полномочия перед корабельными система-

ми, чтобы все шло положенным чередом. Это не так сложно, как вам кажется... Соперничество между тремя флотами за право перехвата трисолярианского зонда разгорелось не на шутку, но вчера ККФ достиг предварительной договоренности: все корабли возвращаются на базы. За исполнением проследит специальная комиссия. Ни один корабль не выйдет на перехват без одобрения командования.

— Но какой в этом смысл? Научно-технические и разведывательные данные, полученные в результате перехвата, станут общим достоянием.

— Все так, но это дело чести. Флоту, который первым встретит противника, достанется значительный политический капитал. Почему я назвал всю эту возню смехотворной? Да потому что перехват зонда — простейшее и абсолютно безопасное задание. Худшее, что может случиться, — это самоликвидация зонда в процессе захвата. Поэтому все рвутся поучаствовать. Если бы перед нами развернулись основные силы Трисоляриса, тогда все флоты проявляли бы осторожность. Сегодняшняя политика не так уж отличается от ваших дней... Смотрите, вот «Естественный отбор».

Когда с приближающегося транспорта стала

видна огромная металлическая громада, Чжан Бэйхай вспомнил о «Тане». «Естественный отбор» состоял из дискообразного корпуса и располагавшегося отдельно цилиндра двигателя. Корабль был совершенно не похож на авианосцы прошлого. Когда окончилось существование «Тана», душа Чжан Бэйхая потеряла свой дом, пусть даже ей не довелось там жить. Сейчас у Чжан Бэйхая появилось чувство, что возвышающийся перед ним космический корабль станет его новым домом. Душа солдата после двухсот лет блужданий нашла приют под прочной обшивкой; она чувствовала себя там так же уверенно, как маленький ребенок в крепких объятиях отца.

«Естественный отбор» был флагманом третьей эскадры Азиатского флота, и по тоннажу и летным качествам ему не было равных. На полной тяге новейшего электромагнитного двигателя он разгонялся до 15 % от скорости света. Идеально сконструированная биосфера корабля годилась для далеких путешествий. Собственно, ее прототип выстроили на Луне 75 лет назад, и он безупречно работал до сих пор. «Естественный отбор» также обладал самым смертоносным во всем флоте вооружением. В его состав входили гамма-лазеры, кинетические разгонные блоки,

ускорители частиц и звездно-водородные торпеды. Корабль был способен превратить планету наподобие Земли в безжизненную пустыню.

Транспортный челнок подошел настолько близко, что корабль заполнил собой все поле зрения. Чжан Бэйхай заметил, что поверхность корпуса гладкая, как зеркало; в ней отражались вихри юпитерианской атмосферы и приближающийся челнок.

В обшивке протаяло овальное отверстие. Челнок влетел внутрь и застыл на месте. Начальник штаба открыл люк и вышел первым. Чжан Бэйхая тревожило, что они не проходили через шлюзовую камеру; но он почувствовал приток свежего воздуха из отсека. Он до сих пор не встречался с технологией, способной удерживать воздух в корабле без помощи системы переборок и шлюзов.

Чжан Бэйхай и начальник штаба находились внутри огромного шара размером с футбольное поле. Отсеки большинства космических кораблей имели сферическую форму, поскольку при разгоне, торможении и повороте любой участок мог стать полом или потолком. В состоянии невесомости экипаж работал в центре сферы. В прошедшую эпоху каюты кораблей строили наподобие комнат в зданиях; к новой сферич-

ской структуре Чжан Бэйхай подготовлен не был. Начальник штаба пояснил, что они находятся в ангаре истребителей; но сейчас ангар пустовал, а в центре отсека выстроился весь двухтысячный экипаж «Естественного отбора».

Космические силы всех стран начали осваивать строевую подготовку в невесомости еще до того, как Чжан Бэйхай лег в анабиоз. Для этого разработали новые уставы, однако следовать их требованиям было крайне трудно. Находясь за бортом, люди пользовались двигателями скафандра, но внутри корабля, без реактивных двигателей, военнослужащие могли лишь отталкиваться от стен или загребать воздух руками. Такими методами практически невозможно сформировать строй. Сейчас же Чжан Бэйхая удивило, с какой легкостью две тысячи человек выстроились в идеальные ряды без какой-либо опоры. Члены экипажа ориентировались в невесомости при помощи электромагнитных поясов. Сверхпроводящая обмотка пояса создавала поле, взаимодействующее с магнитным полем самого корабля. Небольшой пульт управления позволял солдату свободно передвигаться по кораблю. Чжан Бэйхай надел такой же пояс, но ему еще предстояло научиться им пользоваться.

Он рассматривал строй военнослужащих. Все они родились в космосе. Их высокие, тонкие фигуры ничуть не напоминали крепко сложенных людей, выросших в земном поле тяготения. Уроженцев космоса выдавали легкая конституция и быстрые, точные движения. Строй возглавляли три офицера; взор Чжан Бэйхая остановился на молодой женщине в середине группы; на ее погоне светились четыре звездочки. Наверное, она капитан «Естественного отбора». Типичное дитя космоса, женщина была даже выше Чжан Бэйхая, которого никто не назвал бы коротышкой.

Капитан оставила строй и без всяких усилий полетела навстречу прибывшим; ее тонкая фигурка плыла сквозь пространство, словно певучая музыкальная нота. Подлетев к Чжан Бэйхаю и начальнику штаба, она остановилась. Струящиеся за спиной женщины локоны, трепеща, обвились вокруг ее нежной шеи. Глаза ее лучились солнцем и радостью жизни. Чжан Бэйхай сразу же ощутил полное доверие к ней — ни у одного из «проштампованных» не могло быть такого выражения лица.

— Дунфан Яньсюй, капитан корабля «Естественный отбор», — представилась она, салютуя. В ее глазах загорелись смешинки. — От лица

всего экипажа преподношу подарок нашему предшественнику.

Она протянула руку. На ее раскрытой ладони лежал пистолет — изменившийся за почти два века, но по-прежнему узнаваемый.

— Если вы сочтете, что я страдаю пораженчеством или разделяю идеи эскапистов, убейте меня этим оружием.

* * *

Попасть на поверхность оказалось очень просто. Ствол каждого дерева служил колонной, подпирающей свод пещеры. Внутри ствола размещался лифт, который шел до самой поверхности, пронзая трехсотметровую толщу камня. Едва выйдя из лифта, Ло Цзи и Ши Цян ощутили себя как в старые времена просто оттого, что ни на стенах, ни на полу вестибюля не было ни одной информационной панели. Все, что нужно, высвечивалось на настоящих экранах, подвешенных к потолку. Вестибюль напоминал старую станцию метро; большинство немногочисленных прохожих носили одежду прошлого, без вспыхивающих картинок.

Они прошли сквозь шлюз, и в лицо им ударил горячий ветер, поднимавший клубы пыли.

— Вот он, мой сынок! — вскричал Ши Цян, указывая на бегущего к ним по ступенькам человека. Ло Цзи лишь разглядел, что тому около сорока лет, и удивился уверенности своего спутника. Ши Цян поспешил навстречу сыну, а Ло Цзи отвел глаза от семейной сцены и стал рассматривать расстилающийся перед ним мир поверхности.

Небо было желтого цвета. Теперь Ло Цзи понял, почему камера, снимающая небо для проекции под землей, висит на высоте десяти километров. С поверхности солнце казалось мутным пятном. Все вокруг было занесено песком. За автомобилями, проезжавшими по улице, тянулись длинные хвосты пыли. Автомобили, движущиеся по дороге, — еще одна картинка из прошлого. Вот только работали они явно не на бензине. Попадались машины самых разных моделей, какие-то из них новые, какие-то старые, но у всех была одна общая черта: плоская панель вроде тента на крыше. Через дорогу стояли старые здания; на подоконниках лежали горы песка; часть окон была заколочена досками, а другие, разбитые, зияли чернотой. Но, по-видимому, в некоторых помещениях жили — Ло Цзи заметил сушившееся на веревке белье, а кое-где на подоконниках красовались горшки с цветами. Сквозь клубы

песка и пыли трудно было что-либо разобрать, но он скоро узнал парочку приметных зданий поодаль. Ло Цзи убедился, что стоит посреди города, в котором провел полжизни два столетия назад.

Он спустился по ступенькам и подошел к двум мужчинам, обнимающимся и радостно хлопающим друг друга по плечам. Вблизи Ло Цзи понял, что Ши Цян не ошибся.

— Папа, если подумать, я теперь лишь на пять лет моложе тебя! — Ши Сяомин утер слезы с глаз.

— Нормально, сынок! Я-то опасался, что приковыляет какой-то седобородый старикан и станет называть меня папой, — усмехнулся Ши Цян. Затем он представил сыну своего спутника.

— Доктор Ло! Вы были знамениты на весь мир! — Ши Сяомин оглядел Ло Цзи с головы до ног.

Троица направилась к машине Ши Сяомина, которую он оставил у дороги. Прежде чем забраться внутрь, Ло Цзи спросил про штуку на крыше.

— Это антенна. Здесь, на поверхности, приходится довольствоваться утечками энергии из подземного города. Поэтому антенны делают побольше; но все равно нам достаются крохи — хватает, чтобы кататься по дорогам, а вот летать уже не получается.

Автомобиль ехал не очень быстро — то ли из-за песка на дороге, то ли из-за нехватки энергии. Ло Цзи глядел в окна на засыпанный пылью город. На языке вертелось множество вопросов, но отец и сын болтали не переставая; он не мог вставить ни слова.

— Мама умерла в 34-м году Кризиса. Я и твоя внучка были у ее одра.

— Понятно. Ты не взял внучку с собой?

— После развода она осталась со своей мамой. Я порылся в архивах и узнал, что она прожила восемь десятков лет и умерла в сто пятом году.

— Жаль, что не довелось встретиться... В каком возрасте ты вышел из тюрьмы?

— В девятнадцать.

— Чем потом занимался?

— Всем подряд. Поначалу ничего не попадалось, и я снова занялся жульничеством, но понемногу перешел на законный бизнес. Заработал денег, понял, что приближается Великая падь, и лег в гибернацию. Я и понятия не имел, что позже дела наладятся. Просто хотел встретиться с тобой.

— Наш дом по-прежнему стоит?

— Аренду земли под жилыми домами продлили сверх обычных семидесяти лет, но я недолго прожил там — дом снесли. Потом мы купили другую

квартиру, и этот дом по-прежнему стоит, но я его давно не видел. — Ши Сяомин указал на окружающие их постройки. — В городе живет меньше одного процента населения по сравнению с нашей эпохой. Знаешь, отец, какая собственность в этом мире самая бесполезная? Вот эти самые дома. Я знаю, отец, ты всю жизнь пахал, чтобы заработать на квартиру, но сегодня почти все здания заброшены. Выбирай любое и живи не хочу.

Наконец Ло Цзи удалось влезть в разговор:

— И все проснувшиеся живут в старом городе?

— Конечно же, нет! Они живут за городом — здесь слишком пыльно. Но основная причина в том, что тут просто нечего делать. Разумеется, не стоит слишком отдаляться от подземного города — нам нужна энергия.

— А чем вы тут занимаетесь? — спросил Ши Цян.

— Сам подумай. Чем таким мы можем заниматься, что недоступно детишкам? Фермерским хозяйством! — Ши Сяомин, как и другие проснувшиеся, привык называть современных людей «детишками».

Автомобиль пересек границу города и покатил на восток. Слой пыли на дороге стал тоньше, показался бетон автострады. Ло Цзи узнал ее — это

была старая дорога между Пекином и Шицзячжуанем. По сторонам лежали барханы песка, между которыми проглядывали старые постройки. Равнины северного Китая превратились в пустыню. Однако в небольших оазисах, окруженных редкими рощицами, теплилась жизнь. Ши Сяомин сказал, что это поселки проснувшихся.

Они повернули к одному такому оазису — маленькому городку, защищенному от песка кольцом деревьев. Ши Сяомин сообщил, что он называется Новая Жизнь-5. Ло Цзи вышел из машины, и ему показалось, что время откатилось назад: перед ним возвышались ряды шестиэтажных домов; на площадках перед домами старики играли на каменных столиках в шахматы; мамаши возили детей в колясках; стайка мальчишек играла в футбол на лужайке, где жиденькая травка едва пробивалась сквозь песок...

Ши Сяомин жил на шестом этаже. Его жена была на девять лет моложе; она легла в гибернацию в 21-м году Кризиса из-за рака печени. Теперь она была совершенно здорова. Их сыну исполнилось четыре года, и он называл Ши Цяна дедушкой.

Дорогих гостей встретили роскошным обедом: натуральными овощами, курятиной и свининой с близлежащих ферм и даже самогоном. К столу

пригласили трех соседей; они, как и Ши Сяомин, легли в гибернацию довольно рано, когда процедура стоила дорого и была по карману лишь сливкам общества. Теперь же, по прошествии более ста лет, все они стали обычными людьми. Ши Сяомин представил одного соседа как Чжан Яня, внука Чжан Юаньчао — того самого человека, которого он обжулил в давно прошедшие времена.

— Помнишь, как ты наказал мне вернуть украденные деньги? Я начал, как только освободился. Так я и встретился с Янем. Он тогда закончил колледж. Мы подхватили идею двух его соседей, открыли похоронное бюро и назвали фирму «Высоко и глубоко». «Высоко» — это похороны в космосе. Поначалу мы запускали в Солнечную систему урны с прахом, а позже отправляли тела целиком. За хорошую плату, конечно. А «глубоко» — это похороны под землей, в шахтах. Сперва мы использовали заброшенные штольни, а потом организовали свои собственные выработки — учитывая, что они заодно могут защитить могилу от любопытных трисоляриан.

Чжан Янь оказался немного старше — на вид ему было лет пятьдесят или шестьдесят. Ши Сяомин объяснил, что Яня разбудили раньше, он прожил более тридцати лет, а потом снова лег в

гибернацию.

— А какие здесь у нас права? — поинтересовался Ло Цзи.

— Такие же, как в спальных районах современных городов, — ответил Ши Сяомин. — Мы считаемся удаленным пригородным районом, и у нас есть вся полагающаяся администрация. Здесь живут не только проснувшиеся. Тут есть современные люди, да и из города приезжают, чтобы отдохнуть.

Чжан Янь присоединился к разговору:

— Мы называем современных «стенотыками» — когда они приезжают, то вечно тычут по привычке в стены, чтобы что-нибудь включить.

— Значит, тут неплохо живется? — спросил Ши Цян.

Все подтвердили, что неплохо.

— Но с дороги я видел ваши поля. Неужели вам хватает выручки с урожая?

— А почему нет? Сегодня натуральные продукты — роскошь. Правительство очень хорошо относится к проснувшимся. Можешь жить в комфорте, на пособие, даже если ничем не занимаешься. Но не может же человек сидеть сложа руки! Если кто скажет, что все проснувшиеся просто прирожденные фермеры, так это чепуха.

Никто из нас раньше не был фермером; но это все, чем мы можем заняться.

Беседа вскоре перешла к истории двух прошедших столетий.

— Что такое эта ваша «Великая падь»? — Ло Цзи уже давно хотел спросить об этом.

Лица собравшихся немедленно стали серьезными. Заметив, что обед почти завершен, Ши Сяомин не стал возражать против обсуждения этой темы.

— Наверное, вы уже немного поняли за последние дни. Это долгий разговор. После того как вы легли в анабиоз, еще лет десять жизнь шла неплохо, как прежде. А потом, когда экономика отреагировала на перемены, качество жизни стало падать не по дням, а по часам. Обострилась политическая ситуация. Казалось, что мы на военном положении.

— Это происходило не просто в паре стран, — добавил один из соседей. — Процесс охватил всю планету. Люди занервничали; стоило только ляпнуть что-то не то, и тебя сразу объявляли членом ОЗТ или предателем человечества. Никто не чувствовал себя в безопасности. Кинофильмы Золотого века стали показывать редко, а потом и вовсе запретили. Конечно, фильмов было слиш-

ком много, и запрет практически не работал.

— Почему запретили?

— Опасались подорвать боевой дух, — объяснил Ши Сяомин. — Так или иначе, народ справлялся, пока хватало продуктов питания. Но дела шли все хуже. Когда доктор Ло проспал уже лет двадцать, повсюду начался голод.

— Из-за перехода экономики на военные рельсы?

— Да. Еще одним фактором стало загрязнение окружающей среды. Законы об охране природы никто, конечно, не отменял, но в те дни царил пессимизм. Люди говорили: «Какого черта охранять эту природу? Даже если мы сделаем из Земли цветущий сад, разве это остановит трисоляриан?» Дошло до того, что природоохранные организации стали рассматривать как таких же предателей человечества, что и ОЗТ. На «Гринпис» навесили ярлык пособников ОЗТ и разогнали. Строительство космического флота требовало создания опасных, грязных производств — и природу было уже не спасти. Парниковый эффект, аномалии климата, расширение пустынь... — Ши Сяомин вздохнул.

— Когда я ложился в гибернацию, — вспомнил другой сосед, — рост пустынь только начинал-

ся. Если вы думаете, что пустыня наступала от Великой стены, то было совсем не так. Это была лоскутная эрозия. То тут, то там посреди отличной пахотной земли возникали бесплодные пустоши — и расползались, как сухие пятна на мокрой ткани под солнцем.

— Урожаи понизились, зернохранилища опустели. А потом... потом наступила Великая падь.

— Предсказывали, что уровень жизни откатится на сто лет назад. Прогнозы оправдались? — спросил Ло Цзи.

Ши Сяомин горько усмехнулся:

— Эх, доктор Ло... На сто лет? Если бы! Откат на сто лет означал бы возврат к условиям 1930-х годов. К райским условиям, по сравнению с Великой падью! Да, впрочем, какие могут быть сравнения! Начнем с того, что население Земли составляло тогда 8,3 миллиарда — намного больше, чем в годы Великой депрессии. — Он указал на Чжан Яня. — Он жил в те времена, вот и пусть расскажет.

Чжан Янь осушил свой стакан. Уставившись взглядом куда-то вдаль, он начал:

— Мне довелось видеть великий голодный марш. Миллионы людей брели сквозь тучи песчаной пыли, закрывшие собой все небо... Горячее

небо, раскаленная почва, обжигающее солнце. Когда обессилевшие падали, их тут же расчленяли... На Земле царил ад. Снято множество документальных фильмов, посмотри, если хочешь. Не всем повезло выжить.

Великая падь продолжалась полвека. За это время население Земли сократилось с 8,3 миллиарда до 3,5 миллиарда. Подумай, что это значит!

Ло Цзи встал и подошел к окну. За лесополосой начиналась пустыня. Под лучами полуденного солнца до самого горизонта расстилалось желтое море песка. Время сгладило все неровности рельефа.

— А что было потом? — спросил Ши Цян.

Чжан Янь глубоко выдохнул, будто переход на другую тему снял с его плеч тяжелую ношу.

— А потом... Что ж, мало-помалу люди смирились. Многие сомневались, что победа в битве Судного дня стоит такой высокой цены. Подумайте сами, что важнее: умирающий на ваших руках от голода ребенок или выживание человечества? Сейчас кажется, что второе важнее, но в то время вы бы так не подумали. Что бы ни сулило будущее, настоящее всегда важнее. Конечно, поначалу такая позиция вызывала возмущение; считалось, что ее разделяют только предатели

человеческой расы. Но ведь людям думать не запретишь; очень скоро все население Земли подхватило эту идею. Тогда же она стала популярным лозунгом, а сегодня является широко известной исторической цитатой.

— «Уделите время цивилизации — его осталось не так много», — не отворачиваясь от окна, произнес Ло Цзи.

— Совершенно верно. Под «цивилизацией» подразумеваемся мы сами, люди.

— А что было потом? — спросил Ши Цян.

— Второе Просвещение, второе Возрождение, вторая Великая французская революция... Это все есть в книгах по истории.

Удивленный, Ло Цзи обернулся. События, которые он двести лет назад предсказал Чжуан Янь, и в самом деле произошли!

— Вторая Великая французская революция? Во Франции?

— Нет, нет! Это просто фигура речи. Революция охватила весь мир! Новые правительства остановили космическую гонку и принялись повышать уровень жизни. А затем появилась важнейшая технология: ученые объединили генетически модифицированные организмы и термоядерные генераторы энергии. Широкомасштабное про-

изводство пищи перестало зависеть от климата, и голод был побежден навсегда. С того момента события стали быстро развиваться — сказались потери населения, — и уже через пару десятилетий качество жизни вернулось к уровню до Великой пади. А затем достигло уровня Золотого века. Люди полюбили жить в комфорте, и никто не хотел возврата к прошлому.

— Доктор Ло, вас может заинтересовать еще один термин, — заговорил первый сосед, подсаживаясь поближе. До ухода в гибернацию он был экономистом и глубже понимал проблему. — Этот термин называется «иммунитет цивилизации». Когда мир оказывается тяжело болен, в дело вступает иммунная система цивилизации. Она предотвращает повторение таких событий, как ранние годы эры Кризиса. На первое место встает гуманизм; спасение цивилизации отходит на второе. На этом строится современное общество.

— А дальше? — спросил Ло Цзи.

— А дальше стало происходить нечто неожиданное, — горячо заговорил Ши Сяомин. — Сперва страны Земли собирались жить в мире и тихо похоронить весь Трисолярианский кризис. Но как вы думаете, что случилось? Новшества возникали то тут, то там. Технология понеслась вперед

и проломила все барьеры, стоявшие на пути развития космического флота до Великой пади!

— Ничего неожиданного, — прокомментировал Ло Цзи. — Духовная свобода неизбежно ведет к научному и техническому прогрессу.

— Где-то через пятьдесят мирных лет, последовавших за Великой падью, мир снова задумался о вторжении с Трисоляриса и о подготовке к войне. К тому времени человечество существенно окрепло по сравнению с тем, что жило до Великой пади. Снова объявили военное положение и приступили к постройке космического флота. Но на этот раз в конституции стран вписали, что расходы на космос не должны превышать определенного уровня, не должны вредить мировой экономике и не должны ущемлять интересы общества. Вот тогда космические флоты и стали независимыми державами...

— Вы вообще-то не обязаны задумываться о прошлом, — добавил экономист. — С этой минуты просто наслаждайтесь жизнью. Тот революционный лозунг — всего лишь вариант старой поговорки Золотого века: «уделите время жизни, ведь она не вечна». Так выпьем же за новую жизнь!

Допив последнюю рюмку, Ло Цзи поблагодарил

экономиста за его слова. Он думал теперь только о Чжуан Янь и Сяся. Предстояло как можно быстрее устроиться самому и организовать пробуждение семьи.

Уделите время цивилизации и уделите время жизни.

* * *

Оказавшись на борту «Естественного отбора», Чжан Бэйхай обнаружил, что современная система управления превосходит все его ожидания. Гигантский корабль размером с три авианосца XXI века был практически маленьким городом, не нуждавшимся, однако, ни в капитанском мостике, ни в зале управления, ни в командном пункте. Каюта капитана ничем не отличалась от кают других членов экипажа. Собственно говоря, корабль не имел ни одного специализированного отсека. Сферические помещения различались лишь размером. В любом месте «Естественного отбора» военнослужащий при помощи сенсорной перчатки мог развернуть голографический монитор. Такой монитор стоил дорого и встречался редко даже в насыщенных компьютерами городах Земли. Но при наличии прав доступа он позволял высветить любую панель управления

— даже капитанскую. Управлять кораблем можно было откуда угодно, хоть из коридора или из ванной, временно превращая эти помещения в капитанский мостик, или в аппаратную, или в центр управления огнем. Чжан Бэйхай вспомнил, как развивались компьютерные системы его эпохи — от модели «клиент-сервер» до модели «браузер-сервер». Вначале для доступа к серверу требовалась установка специальных программ, а потом и это требование отпало. К серверу можно было обратиться с любого компьютера в сети, были бы соответствующие права доступа.

Чжан Бэйхай и Дунфан Яньсюй расположились в одном из стандартных сферических отсеков. В нем не было никакого оборудования, и б`ольшая часть стен оставалась белой. Создавалось впечатление, что они находятся внутри огромного шарика для настольного тенниса. Когда корабль ускорялся, любое место стены можно было превратить в кресло.

Для Чжан Бэйхая это была еще одна особенность современной техники, которую в его время мало кто предсказывал: отказ от специализированных помещений. На Земле уже появились первые ростки такой технологии; но космический флот, широко использующий самые современные раз-

работки, строился на ней полностью. Этот мир определяли практичность и функциональность; оборудование не размещали по отсекам — оно возникало там, где требовалось. Технология сначала усложнила жизнь, а потом облегчила — и спряталась за личиной простоты.

— Приступаем к первому уроку на борту корабля, — объявила Дунфан Яньсюй. — Конечно, вам не следовало бы учиться у инспектируемого капитана, но надежнее меня никого нет во всем флоте. Сегодня мы научимся приводить «Естественный отбор» в движение и пользоваться режимом навигации. Если вы запомните эти действия, то сможете предотвратить наиболее опасную угрозу, исходящую от «проштампованных».

Движением руки в сенсорной перчатке она вызвала на зависший перед ними голографический экран звездную карту.

— Эта карта немного отличается от карт ваших дней, но мы по-прежнему ведем отсчет от Солнца.

— Чтение карт входило в курс обучения, — ответил Чжан Бэйхай, разглядывая горящие перед ним звезды. — Трудностей не испытываю.

Он сразу вспомнил древнюю карту Солнечной

системы, перед которой два века назад он стоял вместе с Чан Вэйсы. Но эта карта точно показывала координаты объектов в радиусе ста световых лет от Солнца — в сто раз большем, чем тогда.

— На самом деле тут понимать почти ничего не надо. На сегодняшний день полеты к любым пунктам, отмеченным на карте, запрещены... Если бы я была «проштампованной», пожелала захватить «Естественный отбор» и улететь в космос, то сперва мне потребовалось бы выбрать направление полета, вот так... — Она подсветила точку на карте зеленым. — Разумеется, сейчас мы работаем с эмулятором — у меня больше нет прав доступа к управлению кораблем. Когда вы получите доступ, мои распоряжения будут проходить через ваши руки. Но если я и в самом деле подам такую команду, она будет опасна. Вам придется отказать в ее исполнении и подать рапорт об этом инциденте.

После выбора цели полета в воздухе засветилась панель управления. Чжан Бэйхай из курса подготовки уже неплохо знал, как она выглядит и как с ней работать. Тем не менее он внимательно прислушивался к объяснениям Дунфан Яньсюй и запоминал, как она переводит громаду корабля из полностью заглушенного состояния сначала

в сон, потом в готовность и, наконец, в «малый вперед».

— Если бы мы работали не на эмуляторе, «Естественный отбор» сейчас покидал бы стоянку. Что скажете? Проще, чем управление космическим кораблем в вашу эпоху?

— Да. Намного проще. — Когда Чжан Бэйхай и его коллеги по группе впервые встретились с такой панелью, их поразили простота управления и отсутствие мелких технических подробностей.

— Управление полностью автоматизировано. Вся технология скрыта от капитана.

— На этой панели отображаются только основные параметры. Каким образом вы можете получить данные о состоянии систем корабля?

— За работой систем следят офицеры и другие военнослужащие ниже рангом. Их панели управления сложнее. Чем ближе к механизмам, тем больше подробностей. Но нам, капитану и комиссару, требуется фокусироваться на более важных делах... Давайте продолжим. Если бы я была «проштампованной»... ну вот, опять я с этим предположением... что, по-вашему, я сделала бы дальше?

— Учитывая мою ситуацию, любой ответ был бы неразумным.

— Ну хорошо. Если бы я была «проштампованной», то я задала бы двигателям режим «Вперед, тяга четыре». Ни один корабль во флоте не догонит «Естественный отбор» при таком ускорении.

— Но система не выполнила бы такой приказ, даже если у вас был бы доступ к управлению. Компьютер позволит перейти на «тягу четыре», только если весь экипаж находится в состоянии погружения.

Ускорение корабля, разгоняющегося на полной тяге, достигало 120g — более чем десятикратная нагрузка по сравнению с тем, что может выдержать человек. В режиме «тяга четыре» все люди на борту обязаны находиться в каютах, заполненных насыщенной кислородом жидкостью. Специально обученный персонал дышал этим раствором; вскоре жидкость заполняла легкие и другие органы. Этот метод изобрели в начале XX века для сверхглубокого погружения водолазов. Особая дыхательная смесь уравнивала давление внутри тела и снаружи, и человек тогда мог опуститься под воду столь же легко, как это делает глубоководная рыба. В каютах космического корабля создавались такие же условия, как на дне океана, и дыхательная жидкость защищала тело человека от сверхвысоких перегрузок. Поэтому и

появился термин «состояние погружения».

Дунфан Яньсюй кивнула:

— Но вам следует знать, что это требование можно обойти. Если вы переведете корабль в режим дистанционного управления, то он сочтет, что на борту нет экипажа, и не станет проверять состояние кают. Этот режим включается по команде капитана.

— Давайте я попробую, а вы скажете, если я где ошибусь. — Чжан Бэйхай зажег перед собой панель управления и начал, сверяясь с небольшой записной книжкой, программировать режим дистанционного управления.

Дунфан Яньсюй улыбнулась при виде записной книжки:

— Теперь есть более эффективные методы хранения информации.

— Привычка. Записываю важные сведения — так мне кажется надежнее. Вот только не могу ручку нигде найти. Взял с собой две в гибернацию, но пишет только карандаш.

— А вы быстро усвоили урок!

— Это потому, что система управления многое унаследовала от военно-морского флота древности. Даже термины не изменились — например, режимы работы машины.

— У истоков космического флота стоит флот морской... Хорошо, вскоре вы получите права доступа и станете исполняющим обязанности капитана «Естественного отбора». Корабль находится в готовности по классу А; в вашу эпоху говорили «под парами». — Дунфан Яньсюй расставила тонкие руки и кувыркнулась в воздухе.

Чжан Бэйхай не понимал, как можно выполнить такую фигуру с помощью сверхпроводящего пояса.

— В мои дни мы уже не стояли «под парами». Но я вижу, что вы неплохо знакомы с историей военно-морского флота. — Он увел разговор в сторону от щекотливой темы, чтобы капитан не почувствовала к нему вражды.

— Древний, великий род войск.

— Разве космический флот не наследник величия морского флота?

— Наследник. Но я собираюсь его покинуть. Я намерена уволиться со службы.

— Из-за этой переаттестации?

Капитан повернулась к Чжан Бэйхаю. Ее густые черные волосы колыхнулись в невесомости.

— В вашу эпоху такие проверки случались постоянно, не так ли?

— Не так уж постоянно. Но когда они проводи-

лись, любой товарищ понимал, что аттестация — это одна из обязанностей солдата.

— Прошло два столетия. Это уже не ваша эпоха.

— Дунфан, не стоит намеренно расширять пропасть. Между нами много общего. Во все эпохи солдатам доставалось немало унижений.

— Вы советуете мне остаться?

— Я не даю советов.

— Политработа. Так ведь это называлось? Вы же ею когда-то занимались?

— Больше не занимаюсь. У меня теперь другое задание.

Без всяких усилий она облетела вокруг него, словно тщательно изучая.

— Правду говорят, что вы считаете нас детьми? Полгода назад я побывала на Земле. В одном из районов, где живут проснувшиеся, шести- или семилетний ребенок назвал меня «детишкой».

Чжан Бэйхай рассмеялся.

— Так что, мы для вас детишки? — настаивала Дунфан.

— В наше время старшинству придавалось большое значение. В деревнях порой взрослые называли детей «тетя» и «дядя» по их положению в родословной семьи.

— Ваше старшинство мне безразлично.

— Я и сам вижу по вашим глазам.

— Ваши дочь и жена — они не последовали за вами в гибернацию? У семей участников специальных групп было такое право, насколько мне известно.

— Они не последовали за мной, и они не хотели, чтобы я их покидал. Вы, наверное, знаете, что тогда предсказывали безрадостное будущее. Дочь и жена назвали меня безответственным. Они съехали с квартиры, а на следующий же день наш Специальный контингент получил приказ. У меня даже не было времени с ними попрощаться. Холодной зимней ночью я схватил чемодан и покинул свой дом... Конечно, я не жду от вас понимания...

— И все же я понимаю... Что с ними случилось?

— Жена умерла в 47-м году. Дочь — в 81-м.

— Они пережили Великую падь... — Дунфан опустила глаза и на какое-то время смолкла. Затем вызвала голографический монитор и включила режим внешнего наблюдения.

Стены отсека растаяли, как воск, и «Естественный отбор» исчез, оставив их посреди бесконечного космоса. Перед ними расстилался Млечный Путь. Два независимых существа во

Вселенной, не связанные ни с какой планетой, а вокруг — ничего, кроме бездонной пустоты. Они летели во Вселенной так же, как Земля, Солнце и сама Галактика — без начала и без конца. Они просто *были*...

Чжан Бэйхаю это чувство было знакомо. Точно так же 190 лет назад он, облаченный в скафандр, плыл в космосе, держа в руке пистолет, заряженный пулями из метеоритного железа.

— Мне нравится вот так, без стен — я тогда забываю и о корабле, и о флоте. Остаюсь наедине со своими мыслями.

— Дунфан, — тихо позвал он.

— А? — Капитан обернулась. Ее глаза сияли, словно звезды Млечного Пути.

— Если однажды мне придется убить вас, заранее прошу прощения, — негромко сказал Чжан Бэйхай.

Капитан улыбнулась:

— Я похожа на «проштампованную»?

Он оглядел ее, освещенную лучами далекого Солнца. Она казалась перышком, летящим на фоне звезд.

— Мы люди Земли и океана. Вы принадлежите звездам.

— Это плохо?

— Нет. Это очень хорошо.

* * *

— Зонд погас!

Доклад дежурного офицера ошеломил доктора Куна и генерала Робинсона. Они понимали, что эта новость всколыхнет и Земной конгресс, и Конгресс космических флотов, особенно учитывая, что, по последним наблюдениям, зонд должен был пересечь орбиту Юпитера всего лишь через шесть дней.

Кун и Робинсон работали на станции Риньe-Фицроя, которая располагалась на орбите вокруг Солнца, недалеко от внешнего края пояса астероидов. В пяти километрах от станции находился один из самых необычных объектов в Солнечной системе — набор из шести гигантских линз. Самая большая линза достигала 1200 метров в диаметре; другие пять были поменьше. Так выглядел космический телескоп последнего поколения. В отличие от пяти предшественников, его не окружала труба, и между линзами ничего не было. Они висели в космосе сами по себе; по краям располагались многочисленные ионные двигатели, с высокой точностью перемещавшие детали телескопа для наведения и фокусировки.

Станция Ринье-Фицроя служила центром управления телескопом. Даже с такого небольшого расстояния прозрачные линзы оставались практически невидимыми на фоне космоса. Когда инженеры и техники пролетали между линзами, Вселенная представлялась им искаженной; а если случалось оказаться под определенным углом, свет Солнца отражался от защитной диафрагмы и выдавал подлинные размеры линзы. Ее выпуклая поверхность тогда становилась похожа на планету, обернутую в прелестную радугу.

Серию названий «Хаббл» решили не продолжать, и новый инструмент был назван в честь Ринье и Фицроя, первыми обнаруживших следы трисолярианского флота. Их открытие не имело научного значения, но название подошло отлично, потому что основным назначением телескопа, совместного проекта трех флотов, было непрерывное слежение за вражеским флотом.

Телескопом постоянно управляла команда из двух служащих наподобие Ринье и Фицроя: ведущий астроном с Земли и военный представитель флота; и в каждой паре царила такая же разница во мнениях, как между Ринье и Фицроем. В данный момент Кун хотел бы урвать немного времени для своих собственных астрономических

наблюдений, а Робинсон, защищая интересы флота, всячески старался этого не допустить. Они спорили и о многом другом. Например, Кун любил рассказывать, как замечательно по сравнению с неэффективной бюрократией флота, сверхдержавы Земли, во главе с США, управляли миром. Но каждый раз Робинсон безжалостно опровергал эти смехотворные исторические фантазии. Горячее всего они спорили по поводу силы тяготения на станции. Генерал настаивал на самом медленном вращении, вплоть до полной ее остановки и возникновения невесомости, а Кун требовал быстрого вращения и тяготения, как на Земле.

Но разворачивающиеся события заставили забыть о распрях. «Зонд погас» значило, что двигатель его отключился. Два года назад, еще до входа в облако Оорта, зонд приступил к торможению. Для этого он повернулся двигателем к Солнцу, и пламя стало хорошо видно в телескоп. А теперь пламя погасло, и следить за зондом оказалось невозможно. Размер зонда слишком мал — вероятно, не больше грузовика, исходя из характеристик волны, оставленной им в межзвездной пыли. Даже такой мощный инструмент, как телескоп Ринье-Фицроя, не мог разглядеть

столь малый предмет на периферии пояса Койпера, особенно если тот не светится сам и плохо отражает рассеянные лучи далекого Солнца.

— Три флота только и знают, что бороться за власть! До остального им и дела нет! Просто замечательно — теперь мы еще и цель потеряли!.. — гремел Кун, в запале размахивая руками. Он забыл, что станция находится в режиме невесомости, и неосторожные движения привели к тому, что он исполнил кульбит в воздухе.

Впервые генерал Робинсон не стал защищать честь флота. Азиатский флот послал три легких скоростных истребителя, чтобы следить за зондом вблизи, но после недавней перепалки трех флотов за право перехвата ККФ отозвал все корабли на базы. Азиатский флот неоднократно подавал протесты, заявляя, что со всех трех кораблей снято вооружение и внешнее оборудование, что экипаж каждого корабля для скорости состоит всего лишь из двух человек и что они при всем желании не способны к перехвату. Но Европейский и Североамериканский флоты не поддались на уговоры и настояли, чтобы все корабли вернулись, а им на смену послали три корабля, отобранных Земным конгрессом как независимой стороной. Если бы не эти споры,

корабли флота уже были бы недалеко от зонда и приступили бы к отслеживанию его курса. Корабли Земли, недавно направленные Европейским содружеством и Китаем, еще даже не пересекли орбиту Нептуна.

— Пожалуй. Но, может, зонд снова включит двигатели, — ответил генерал. — Он по-прежнему движется довольно быстро, и если не затормозит, то не сможет удержаться на орбите Земли. Пролетит сквозь Солнечную систему, и все.

— Вы разве трисолярианский адмирал? Что, если зонд и не должен оставаться в Солнечной системе? Может, он и должен пролететь ее насквозь? — фыркнул Кун. И тут он сообразил: — Он же не может маневрировать с выключенным двигателем! Почему бы не рассчитать его траекторию по известному вектору и не направить туда корабль-разведчик?

Генерал покачал головой:

— Мы не настолько точно знаем его вектор. В атмосфере Земли вы можете поднять на поиск звено самолетов-перехватчиков. Но в космосе стоит допустить микроскопическую ошибку — и вы окажетесь в сотнях тысяч, если не в миллионах километров от цели. Корабль-разведчик не найдет крохотный, едва видимый зонд... Надо

что-то придумать!

— Да мы-то что можем сделать? Пускай флот ищет решение.

Генерал подобрался и заговорил жестко:

— Доктор, подумайте, что случится. Нашей вины здесь нет, но газетчиков это не волнует. За слежение в глубоком космосе отвечает телескоп Ринье-Фицроя. Достанется всем, но б`ольшую часть грязи выльют на наши с вами головы.

Кун молчал, плавая в невесомости под углом к генералу. Затем спросил:

— У нас есть хоть что-нибудь мало-мальски приличное за орбитой Нептуна?

— У флота, скорее всего, ничего. У Земли... — Генерал задал вопрос дежурному и вскоре узнал, что возле Нептуна находятся четыре больших корабля, принадлежащих Организации охраны природы при ООН, экспедиция в рамках проекта «Туманный зонтик». С кораблей уже выслали три челнока следить за зондом.

— Они там масло собирают, что ли? — спросил Кун и получил утвердительный ответ. Кольца Нептуна были богаты уникальной субстанцией — масляной пленкой. При высокой температуре она испарялась, и быстро распространяющийся газ образовывал в космосе наночастицы — «кос-

мическую пыль». Ее назвали так потому, что испарения рассеивали свет, и крайне незначительное количество субстанции создавало огромное облако «пыли» — так крошечная капля масла растекается по воде и образует пленку толщиной в одну молекулу на большой площади. «Пыль», образованная из масляной пленки, имела еще одно достоинство: в отличие от других видов космической пыли, она почти не сдувалась солнечным ветром.

Открытие масляной пленки породило идею проекта «Туманный зонтик». Планировалось с помощью ядерных взрывов в космосе испарить масло и распределить получившееся облако «пыли» вдоль орбиты между Солнцем и Землей. Тогда облако поглотит часть солнечного света и умерит глобальное потепление.

— Помнится, где-то возле орбиты Нептуна еще с довоенных времен должна болтаться звездно-водородная бомба, — заметил Кун.

— Так оно и есть. Кроме того, на кораблях «Туманного зонтика» найдется еще несколько — их захватили для геологоразведки Нептуна и его спутников.

— Да и одной хватит! — возбужденно вскрикнул Кун.

Звездно-водородную бомбу разработали два века назад по плану Отвернувшегося Рей Диаса. Как он и предсказал, ведущие страны приняли ее на вооружение не для битвы Судного дня — в космосе это оружие малоэффективно, — а для возможных военных действий между людьми, осваивающими планеты Солнечной системы. Всего изготовили более пяти тысяч бомб. Пик производства пришелся на годы Великой пади, когда международные отношения ухудшились и человечество стояло на грани войны.

Великая падь закончилась, настала эпоха мира. Ужасное оружие прошлого перешло в категорию опасных и не очень нужных предметов. Формально бомбы по-прежнему принадлежали изготовившим их странам, но хранились они в космосе. Несколько штук потратили на терраформирование, а еще несколько отправили на окраину Солнечной системы, рассчитывая использовать содержащееся в них ядерное горючее в качестве топлива для космических кораблей дальнего радиуса действия. Но оказалось, что переработать бомбы на топливо непросто, и от такого их применения отказались.

— Полагаете, сработает? — спросил Робинсон. Его глаза сияли. Он немного огорчился, что такая

простая идея не пришла в голову ему самому. Этот никчемный Кун увел у него из-под носа шанс войти в историю!

— Попробуйте. Ничего лучше все равно нет.

— Если ваша идея сработает, доктор, то станция Ринье-Фицроя будет всегда вращаться так быстро, как нужно для создания земного тяготения!

* * *

— Это самый большой рукотворный объект человечества, — заметил командир «Синей тени», глядя через иллюминатор в чернильную темноту космоса. Он не видел ничего, но попытался убедить себя, что наблюдает облако «пыли».

— А почему оно не светится в лучах солнца, как хвост кометы? — спросил пилот. Он и командир составляли весь экипаж «Синей тени». Пилот знал, что плотность облака «пыли» так же незначительна, как плотность кометного хвоста — другими словами, мало чем отличается от вакуума, созданного в земной лаборатории.

— Возможно, здесь слишком мало солнечного света. — Командир посмотрел в направлении Солнца. Отсюда, из одинокой точки пространства между орбитой Нептуна и поясом Койпера, Солнце выглядело большой звездой; его диск

было трудно разглядеть. Но даже такой слабый свет отбрасывал тени в кабине. — Кроме того, кометный хвост виден только на расстоянии. А мы находимся на краю облака.

Пилот попытался представить себе разреженное, но гигантское облако. Несколько дней назад он и командир собственными глазами видели, насколько малый объем оно занимает в твердом состоянии. Тогда огромный космический корабль «Тихий океан», пришедший от Нептуна, доставил им пять предметов. Первым делом «Синяя тень» механической рукой ухватила звездно-водородную бомбу — цилиндр длиной пять метров и диаметром полтора. Затем манипулятор подобрал четыре сферы, каждая диаметром от тридцати до пятидесяти метров. В них хранилась масляная пленка, добытая в кольцах Нептуна.

Сферы разместили в нескольких заранее выбранных точках, на расстоянии несколько сотен метров от бомбы. Дождавшись отбытия «Тихого океана», бомбу привели в действие. Вспыхнуло небольшое солнце. Его свет и жар разорвали холодную тьму космоса, и сферы мгновенно испарились. Световое давление созданной человеком звезды раздуло газообразную масляную пленку в облако, а потом частички масла образовали обла-

ко «пыли» диаметром два миллиона километров — больше диаметра Солнца.

Облако «пыли» образовалось на пути трисолярианского зонда, насколько вектор его движения удалось вычислить по наблюдениям факела работающего двигателя. Доктор Кун и генерал Робинсон надеялись уточнить траекторию зонда по следу, который он прочертит в сотворенном человеком облаке.

Проследив за созданием облака, «Тихий океан» вернулся на базу возле Нептуна, а три небольших корабля остались, чтобы следить за зондом по следам в «пыли». «Синяя тень» была одним из этих трех. За скорость ее прозвали «космической гончей». Корабль состоял из маленькой кабины, в которой помещалось до пяти человек, и термоядерного двигателя. Такая компоновка позволяла достичь значительного ускорения и маневрировать на высоких перегрузках.

Как только облако сформировалось, «Синяя тень» пролетела сквозь него, чтобы проверить, возникают ли волны. Результат удовлетворил всех. Разумеется, увидеть волны можно было только через телескоп, с расстояния в сто астрономических единиц. Наблюдения с «Синей тени» никаких волн не обнаружили — космос вокруг

оставался таким же пустым, как всегда. Тем не менее, пройдя сквозь облако, пилот стал уверять, что Солнце там светит тусклее, а его обычно резко очерченный край немного расплывается. Измерения, сделанные бортовыми приборами, подтвердили его наблюдения.

— Осталось меньше трех часов. — Командир бросил взгляд на хронометр. Пылевое облако, этот гигантский, но практически невесомый спутник Солнца, двигалось по своей орбите. Если оно уйдет с пути зонда, то придется сформировать еще одно.

— Все надеешься, что мы его догоним? — спросил пилот.

— Почему нет? И войдем в историю!

— А эта штука на нас не нападет? Мы же гражданские. Такими делами положено заниматься военному флоту.

В этот момент пришло сообщение со станции Ринье-Фицроя. Трисолярианский зонд вошел в облако «пыли» и оставил за собой след. По нему с высокой точностью рассчитали курс зонда. «Синей тени» приказали немедленно выдвинуться к позиции зонда и осуществлять слежение за его траекторией. Станция находилась на расстоянии,

превышавшем 100 а. е.[38], поэтому радиосигнал провел в пути десять с лишним часов. Но это уже не имело значения — на станции учли даже торможение зонда невесомым облаком «пыли». Встреча с посланцем Трисоляриса теперь была лишь вопросом времени.

«Синяя тень» легла на курс и снова вошла в облако, на сей раз преследуя трисолярианский зонд. Погоня была долгой — более десяти часов. И пилот, и командир устали и клевали носом, но постоянно сокращающийся разрыв не давал им заснуть.

— Я вижу его! Я вижу его! — закричал пилот.

— О чем ты? До зонда больше четырнадцати тысяч километров! — укорил его напарник. Рассмотреть зонд размером с грузовик на расстоянии в четырнадцать тысяч километров было совершенно нереально, даже в чистейшем вакууме. Но вскоре он и сам увидел светлую точку на темном фоне космического пространства. Она двигалась

[38] Примечания: 38

Здесь явная ошибка автора. Станция Ринье-Фицроя болтается на краю пояса астероидов, т. е. примерно в 3 а. е. от Солнца. Ну пусть на самом краю, у орбиты Юпитера, т. е. в 5 а. е. от Солнца. Пояс Койпера, где распылили масло, располагается примерно в 55 а. е. от Солнца. Пусть даже телескоп Ринье-Фицроя находится на той стороне от светила (хотя оттуда проводить наблюдения сложновато — Солнце мешает), все равно расстояние будет не больше, чем 60 а. е., а скорее всего, меньше. (*Прим. перев.*)

точно по рассчитанной траектории.

Через мгновение командир понял: облако «пыли» размером больше Солнца оказалось ненужным. Трисолярианский зонд снова включил двигатель и возобновил торможение. Он не намеревался проскочить сквозь Солнечную систему. Он собирался здесь остаться.

* * *

Церемонию передачи полномочий капитана «Естественного отбора» провели без затей, поскольку это было краткосрочное назначение на должность. Присутствовали только капитан Дунфан Яньсюй, и. о. капитана Чжан Бэйхай, первый вице-капитан Левин, второй вице-капитан Акира Иноуэ и несколько офицеров Генерального штаба.

Несмотря на все технологические новшества этого века, фундаментальные науки стояли на месте. Передача прав доступа на «Естественном отборе» происходила хорошо знакомым Чжан Бэйхаю способом: трехфакторной идентификацией по сетчатке глаз, отпечаткам пальцев и паролю.

Как только офицеры Генерального штаба перепрограммировали биометрические данные

капитана, Дунфан Яньсюй сообщила Чжан Бэйхаю пароль: «Men always remember love because of romance only»[39].

— Вы не курите, — спокойно заметил он.

— К тому же марка исчезла в годы Великой пади, — разочарованно добавила капитан и опустила глаза.

— Но пароль неплох. Даже в мое время его мало кто знал.

Капитан и вице-капитаны вышли из помещения, предоставив Чжан Бэйхаю в уединении ввести свой собственный пароль и получить полный доступ к управлению «Естественным отбором».

— Он не дурак, — заметил Акира Иноуэ, когда дверь в сферический отсек растворилась в стене.

— Мудрость древних, — ответила Дунфан Яньсюй, вглядываясь в участок стены, где только что была дверь, будто пытаясь пронзить ее взором. — Нам никогда не постичь знаний, которые он принес с собой из своего времени; а они способны научиться всему тому, что знаем мы.

Трое офицеров замолчали и замерли в ожидании. Прошло пять минут — более чем достаточно,

---

[39] Примечания: 39

Эта фраза — рекламный слоган — акроним для сигарет Marlboro. (*Прим. перев.*)

чтобы сменить пароль, особенно если учесть, что будущий капитан Чжан Бэйхай оказался самым способным оператором систем управления в его группе Контингента поддержки будущего. Прошло еще пять минут. Два вице-капитана начали в нетерпении летать по коридору, но Дунфан Яньсюй осталась на месте.

Наконец в стене появилась дверь. К их удивлению, стены сферической каюты оказались черными. На них светилась голографическая звездная карта. Метки объектов были отключены; на стенах мерцали лишь сами звезды. Из дверного проема казалось, будто Чжан Бэйхай висит снаружи корабля, а рядом с ним плавает панель управления.

— Я закончил, — сообщил он.

— Но почему так долго? — проворчал Левин.

— Вы что, смаковали радость обретения власти над «Естественным отбором»? — съязвил Акира Иноуэ.

Чжан Бэйхай не ответил. Он смотрел не на панель управления, а на звезду в дальнем секторе карты. Дунфан Яньсюй обратила внимание, что там, куда он смотрел, подмигивал зеленый огонек.

— Это просто смешно, — подхватил Левин.

— Позвольте напомнить, что полковник Дунфан Яньсюй по-прежнему является капитаном корабля. Должность исполняющего обязанности капитана — не более чем изолирующая перегородка. Прошу прощения, если я выразился грубо, но таковы факты.

— Да и режим этот введен ненадолго, — продолжил Акира Иноуэ. — Расследование на флоте подходит к концу. Практически доказано, что «проштампованных» нет.

Он хотел еще что-то сказать, но тихий вскрик капитана «О боже!» прервал его речь.

Два вице-капитана проследили ее взгляд до панели управления и только теперь заметили установленный Чжан Бэйхаем режим работы «Естественного отбора».

Корабль находился в режиме дистанционного управления; проверка погружения экипажа перед максимальным ускорением не действовала. «Каналы связи *заблокированы*». «Подготовка к старту *выполнена*». Достаточно было нажать одну кнопку, и «Естественный отбор» пойдет на полной тяге двигателей к выбранной на карте точке.

— Нет, этого не может быть! — бормотала Дунфан Яньсюй. Ее никто не слышал; она говорила

сама с собой, как бы отвечая на свое упоминание Бога. Она никогда не верила в Бога, но теперь начала искренне молиться.

— Вы сошли с ума? — вскричал Левин. Он с Акирой Иноуэ ринулись к двери отсека и со всего размаху врезались в переборку. Двери не было — Чжан Бэйхай всего лишь сделал участок стены прозрачным.

— «Естественный отбор» начинает разгон под «тягой четыре». Всему экипажу немедленно принять состояние погружения. — Каждое слово Чжан Бэйхая, произнесенное спокойным, торжественным голосом, повисало в воздухе, словно застывшее на холодном ветру.

— Этого не может быть! — выдохнул Акира Иноуэ.

— Вы «проштампованный»? — спросила Дунфан Яньсюй, быстро взявшая себя в руки.

— Вы же знаете, что это невозможно.

— Вы из ОЗТ?

— Нет.

— Кто же вы тогда?

— Солдат, исполняющий свой долг в борьбе за выживание человечества.

— Зачем вы это делаете?

— Я объясню по окончании разгона. Повторяю:

всему экипажу немедленно принять состояние погружения.

— Нет, этого не может быть! — шептал Акира Иноуэ.

Чжан Бэйхай обернулся и, не обращая внимания на двух вице-капитанов, посмотрел прямо на Дунфан Яньсюй. Его взгляд напомнил ей эмблему китайских космических сил — звезду и острые мечи.

— Дунфан, я же говорил, что мне будет очень жаль, если я буду вынужден вас убить. Поторопитесь!

Вокруг Чжан Бэйхая стала появляться дыхательная жидкость. В невесомости она собиралась в шары; их поверхность карикатурно отражала и Чжан Бэйхая, и панель управления, и звездную карту. Вскоре шары начали объединяться. Два вице-капитана посмотрели на Дунфан Яньсюй.

— Делайте, как он говорит. Всему экипажу перейти в состояние погружения, — приказала капитан.

Вице-капитаны уставились на Дунфан Яньсюй. Они хорошо знали, чем кончится «тяга четыре» для любого незащищенного человека. Его тело прижмет к стене тяготением, превышающим земное в 120 раз. Сначала под неимоверным ве-

сом из него брызнет кровь и тончайшим слоем растечется, как клякса, во все стороны. Потом выдавит органы, которые размажутся другим тонким слоем и, спрессованные тяжестью вместе с трупом, создадут уродливую картину в стиле Дали...

По пути к своим каютам они приказали подчиненным перейти в состояние погружения.

— Вы молодец, капитан. — Чжан Бэйхай кивнул Дунфан Яньсюй. — Быстро овладели собой.

— Куда мы летим?

— Куда бы мы ни летели, все лучше, чем оставаться здесь.

И тут дыхательная жидкость заполнила каюту. Дунфан Яньсюй видела лишь расплывчатые очертания его тела.

В толще полупрозрачной жидкости Чжан Бэйхай вспоминал, как два века назад инструкторы ВМФ учили его нырять. Он даже не догадывался, что всего лишь в двадцати метрах под поверхностью океана царит полная темень. Здесь, в космосе, он снова встретился с тем же ощущением. Земной океан был миниатюрным космосом. Чжан Бэйхай попробовал дышать, но рефлекторно закашлялся; изо рта пошли пузыри. Судорога сотрясла тело. Но против ожиданий он не за-

дохнулся — как только прохладная жидкость заполнила легкие, кислород снова пошел в кровь. Он дышал свободно, как рыба.

На панели управления замелькали данные о переходе в состояние погружения всех членов экипажа. Так продолжалось минут десять. Затем сознание Чжан Бэйхая «поплыло» — в дыхательную жидкость добавили снотворное. Когда начнется перегрузка, кровяное давление повысится, а насыщение крови кислородом снизится. Спящий мозг выдержит «тягу четыре» без вреда.

Чжан Бэйхай почувствовал, что дух его отца рядом — он возник из небытия и стал единым целым с кораблем. Чжан Бэйхай нажал кнопку и мысленно отдал приказ, к которому шел всю жизнь:

«“Естественный отбор”, полный вперед, тяга четыре!»

* * *

На орбите Юпитера вспыхнуло небольшое солнце. Его яркий свет заглушил мерцание атмосферы планеты. Прихватив солнце с собой, космический корабль звездного класса «Естественный отбор» аккуратно покинул стоянку базы Азиатского флота и начал энергично раз-

гоняться. Тени других кораблей, каждая больше Земли, побежали по Юпитеру. Через десять минут планету затмила еще б`ольшая тень — «Естественный отбор» миновал Ио.

К этому времени командование Азиатского флота подтвердило невероятный факт: «Естественный отбор» дезертировал.

Европейский и Североамериканский флоты немедленно засыпали Азиатский флот кучей протестов и предупреждений, изначально полагая, что столкнулись с самовольной попыткой перехватить трисолярианский зонд. Но вскоре, вычислив курс «Естественного отбора», они поняли, что ошиблись. Корабль двигался в сторону, противоположную нашествию с Трисоляриса.

«Естественный отбор» неоднократно вызывали по радио, но в конце концов поняли, что ответа не будет. Командование приказало выслать корабли в погоню, однако очень быстро выяснилось, что с беглецом ничего нельзя поделать. Базы на четырех спутниках Юпитера располагали достаточной огневой мощью, чтобы уничтожить «Естественный отбор», но командование в любом случае не стало бы стрелять в дезертира. Скорее всего, на борту корабля лишь горстка изменников — а может быть, только один. Остальной экипаж

— две с лишним тысячи человек, погруженных в дыхательную жидкость, — стал просто заложником. Офицеры, командующие установками гамма-лазеров на Европе, бессильно наблюдали, как рукотворное солнце пролетает мимо, осеняя бесконечные ледяные поля юпитерианского спутника мертвенно-белым светом.

«Естественный отбор» пересек орбиты шестнадцати лун Юпитера. Недалеко от орбиты Каллисто корабль достиг скорости убегания. Для наблюдателя на базе Азиатского флота маленькое солнце сжалось в яркую звезду. Она понемногу тускнела целую неделю, как космическое напоминание о боли, причиненной Азиатскому флоту.

Высланному в погоню отряду тоже требовалось принять состояние погружения. Через сорок пять минут после старта «Естественного отбора» Юпитер осветили еще шесть солнц.

Штаб Азиатского флота остановил вращение. Командующий застыл возле иллюминатора и молча разглядывал ночную сторону Юпитера. Десятью тысячами километров ниже в атмосфере сверкали молнии. Жесткая радиация двигателей «Естественного отбора» и отряда преследования ионизировала атмосферу и породила многочис-

ленные грозы. Яркие пятна вспыхивали то там, то здесь; с дальнего расстояния поверхность Юпитера походила на пруд, над которым идет светящийся дождь.

* * *

«Естественный отбор», соблюдая радиомолчание, разогнался до одного процента от скорости света — «точки невозврата» по расходу топлива. Теперь корабль не мог вернуться в Солнечную систему без дозаправки. Ему предстояло до конца своих дней в одиночестве бороздить Вселенную.

Командующий Азиатским флотом разглядывал звезды, без особого успеха пытаясь найти одну, особенную, ибо все, что можно было видеть в том направлении, — это далекое пламя двигателей кораблей преследования. Вскоре ему доложили: «Естественный отбор» прекратил разгон. Еще через несколько минут «Естественный отбор» вышел на связь с флотом. Разделяющие их пять миллионов километров вызывали задержку больше десяти секунд.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР: «Естественный отбор» вызывает Азиатский флот! «Естественный отбор» вызывает Азиатский флот!

АЗИАТСКИЙ ФЛОТ: «Естественный отбор», флот

вас принимает. Доложите обстановку!

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР: Я исполняющий обязанности капитана Чжан Бэйхай. Я буду говорить непосредственно с командующим флотом.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Слушаю.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я беру на себя всю ответственность за уход корабля со стоянки.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Другие виновные есть?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Нет. Никто, кроме меня, не виноват в происшедшем. Никто из экипажа не вовлечен в эти события.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Мне нужно переговорить с капитаном Дунфан Яньсюй.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Не сейчас.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Доложите состояние корабля.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Корабль в порядке. Все члены экипажа, кроме меня, остаются в погружении. Генераторы и система жизнеобеспечения работают в штатном режиме.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Какова причина вашего предательства?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я дезертир, но не предатель.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Поясните!

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Человечество неизбежно про-

играет битву. Я хочу сохранить хотя бы один из земных кораблей звездного класса, чтобы у человечества был шанс возродиться.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: В таком случае вы эскапист!

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я просто солдат, исполняющий свой долг.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Вам наложили ментальную печать?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Вы же знаете, что это невозможно. Когда я лег в анабиоз, такой технологии еще не было.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Тогда я не понимаю, почему вы настолько убеждены в поражении.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Мне не нужна ментальная печать. Я сам решаю, во что верить. Моя вера непреклонна потому, что порождена не моими личными догадками. В самом начале трисолярианского кризиса мой отец и я стали серьезно задумываться о наиболее фундаментальных аспектах грядущей войны. Со временем вокруг нас собралась группа мыслителей. Среди них были ученые, политики, военные. Мы называли себя «историками будущего».

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Вы были тайной организацией?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Нет. Мы рассматривали самые общие вопросы и обсуждали их открыто. Правительство и армия даже помогли нам организовать несколько научных конференций по истории будущего. Основываясь на этих исследованиях, я пришел к выводу, что человечество обречено.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Уже давно доказано, что все эти теории ошибочны.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Командующий, вы их недооцениваете. Теория предсказала не только Великую падь, но и вторую эпоху Просвещения, и второе Возрождение. Их прогноз современной эры роскоши не отличить от реальности! И, наконец, они предсказали, что человечество потерпит сокрушительное поражение в битве Судного дня и будет стерто с лица Земли.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: А вы не забываете, что находитесь на космическом корабле, способном разогнаться до пятнадцати процентов от скорости света?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Кавалерия Чингисхана атаковала со скоростью мотопехоты XX века. Стационарный лук династии Сун бил на полторы тысячи метров — не меньше, чем современный мне автомат. Но всадники древности и луки не могут соперничать с современной армией. Фундамен-

тальные науки — залог успеха. Исследователи истории будущего это четко обосновали. Вы же ослеплены сиянием умирающих примитивных технологий; вы изнежились в яслях цивилизации. Вы даже не пытаетесь собраться с духом и подготовиться к грядущему судьбоносному сражению.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Вы сын великой армии, не раз побеждавшей неприятеля, который был лучше вооружен. Она одержала победу в одной из величайших войн Земли, сражаясь исключительно захваченным у противника оружием[40]. Ваше поведение — позор для этой армии.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Уважаемый командующий, мне лучше знать, о чем я говорю. Три поколения моей семьи служили в армии. На войне в Корее мой дед атаковал танк «Першинг» с гранатой в руке. Граната отскочила от брони и только потом

---

[40] Примечания: 40

По всей видимости, имеется в виду японо-китайская война 1937–1945 гг. как составная часть Второй мировой войны. Но она велась отнюдь не «исключительно захваченным у противника оружием»; Китаю на первых порах помогал Советский Союз, а затем Великобритания и США, поставлявшие оружие, технику, в частности самолеты, и военных специалистов. Оружие и техника у китайской армии действительно были отсталые, а в качестве тактики в основном применялись методы партизанской войны — наверно, это и имеет в виду командующий Азиатским флотом. (*Прим. перев.*)

взорвалась. Танк получил пару царапин; дед попал под огонь танкового пулемета, а по его ногам проехались гусеницы. Остаток жизни он провел в инвалидной коляске. Но по сравнению с двумя другими солдатами, которых раздавило в кашу, ему повезло... Именно тогда мы поняли, как дорого на войне обходится технологическое отставание. Вы судите о славном прошлом по учебникам истории; а наша боль замешана на крови отцов и дедов. Мы знаем о войне намного больше вас.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Как долго вы вынашивали этот предательский замысел?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Повторяю, я дезертир, но не предатель. Первая задумка этого плана возникла у меня, когда я в последний раз встречался с отцом — его глаза подсказали мне, что делать. Понадобилось два века, чтобы план стал реальностью.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: И для этого вы нацепили маску триумфалиста. Что ж, отлично сработано!

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Генерал Чан Вэйсы почти разгадал мою игру.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Это так. Он никак не мог понять, на чем зиждется ваш триумфализм, и это не давало ему покоя. Подозрения стали

сильнее, когда вы заинтересовались кораблями с электромагнитным двигателем, способными к межзвездным перелетам. Он всегда возражал против включения вас в Контингент поддержки будущего, но не мог пойти против приказа начальства. Генерал предупредил нас письмом, но сделал это так тонко, в стиле вашего времени, что его намек мы просто не заметили.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Мне пришлось убить трех человек ради шанса постройки космических кораблей, способных к межзвездным перелетам.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Мы этого не знали. Возможно, никто не знал. Но ясно одно: правильный выбор направления исследований впоследствии обеспечил развитие технологии полетов в космосе.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Спасибо на добром слове.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Скажу также, что ваша затея провалится.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Возможно. Но пока что все идет по плану.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: «Естественный отбор» был заправлен термоядерным топливом лишь на одну пятую объема баков.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Мне пришлось действовать без промедления. Другого шанса могло и не под-

вернуться.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Это значит, что вы можете разогнаться только до одного процента от скорости света. Вы не можете тратить остаток топлива, поскольку оно необходимо для питания системы жизнеобеспечения на протяжении долгого времени — от десятилетий до веков. Но при такой скорости вас скоро догонит отряд преследования.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я по-прежнему командую «Естественным отбором».

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Верно. Кроме того, как вы знаете, нас беспокоит и другое обстоятельство. Если преследователи подойдут слишком близко, вам придется снова запустить двигатели, расходуя топливо, — рано или поздно система жизнеобеспечения отключится, и «Естественный отбор» при почти абсолютном нуле за бортом превратится в корабль мертвецов. Поэтому я приказал кораблям преследования пока не приближаться. Мы убеждены, что капитан и экипаж разберутся сами.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я тоже убежден, что все сложности в конце концов разрешатся. Я несу свой груз ответственности, но не сомневаюсь, что «Естественный отбор» движется в верном на-

правлении.

* * *

Ло Цзи рывком проснулся и сразу признал еще один доживший до этих дней обычай: хлопушки. Он посмотрел в окно. В рассветном сумраке пустыня казалась белой; кое-где ее озаряли вспышки фейерверков и хлопушек.

В дверь кто-то нетерпеливо забарабанил и тут же, не дожидаясь ответа, распахнул ее. В комнату с раскрасневшимся от возбуждения лицом влетел Ши Сяомин и крикнул, чтобы Ло включил телевизор — там шли новости.

Ло Цзи редко смотрел телевизор. Поселившись в поселке Новая Жизнь-5, он вернулся к старому образу жизни. Он высоко его ценил, испытав после пробуждения чересчур напористое приветствие этой эпохи. Пока что Ло Цзи не хотел ничего знать о делах современности. Б`ольшую часть дня он вспоминал Чжуан Янь и Сяся. Он уже подал документы на пробуждение, но, по установленным правительством законам, их разбудят только через два месяца.

Ло Цзи включил телевизор. Диктор сообщал, что пять часов назад телескоп Ринье-Фицроя засек прохождение трисолярианского флота

сквозь еще одно облако межзвездной пыли. Такое случилось уже в седьмой раз за два века. Строй кораблей давно распался, и характерная форма «щетки» стала неузнаваемой. Так же как при прохождении второго облака, вперед выдавалась одна «щетинка». На сей раз, однако, вычисления показали, что это не зонд, а боевой корабль. Завершив разгон и пассивную фазу полета, некоторые корабли Трисоляриса приступили к торможению пятнадцать лет назад. Десять лет назад тормозило уже большинство кораблей. Не вызывало сомнения, что этот одиночный корабль даже не начинал замедляться. Более того, по оставленным им в пыли следам определили, что он продолжает разгон! Если такой режим полета сохранится, он достигнет Солнечной системы на пятьдесят лет раньше остального флота.

Вторжение одиночного корабля в Солнечную систему, находящуюся под защитой мощного флота, явилось бы самоубийством. Оставался только один вариант: его послали, чтобы вести переговоры. За годы наблюдений удалось измерить предельное ускорение каждого корабля. Получалось, что лидеру флота не удастся в достаточной мере сбросить скорость; через 150 лет он без остановки пройдет сквозь Солнечную

систему. По этому поводу выдвигали две теории. Одна утверждала, что корабль ожидает помощи с торможением от землян. По другой — он по пути сбросит челнок с делегацией, а уж тот сможет остановиться вовремя.

— Но если они хотят переговоров, то почему не сообщат об этом через софоны? — спросил Ло Цзи.

— Это легко объяснить! — воодушевленно заговорил Ши Сяомин. — Они же думают совсем не так, как мы! Их разум открыт друг другу, поэтому они полагают, что нам об этом уже известно!

Объяснение оставляло желать лучшего, но Ши Сяомин так радовался, будто солнце сегодня должно взойти раньше обычного, и Ло Цзи порадовался вместе с ним.

А когда солнце и в самом деле взошло, праздник достиг апогея. Поселок в пустыне был лишь маленьким кусочком мира. Основные торжества развернулись в подземных городах. Люди покинули свои развешанные на ветвях дома и спустились на землю. Они настроили одежду на максимальную яркость и разгуливали посреди переливающегося моря света. Под каменными сводами расцветали виртуальные фейерверки; порой их вспышки покрывали все небо, сиянием

соперничая с солнцем.

Поток новостей продолжался. Сперва правительство проявляло осторожность, и официальные лица неустанно повторяли, что нет никаких фактов, подтверждающих намерения Трисоляриса вести переговоры. Но в то же время ООН и ККФ поспешно созвали совещания на высшем уровне, чтобы обсудить протокол переговоров и условия капитуляции.

В поселке Новая Жизнь-5 празднество ненадолго остановили, чтобы приехавший из города политик выступил с речью. Он был фанатичным сторонником проекта «Луч солнца» и воспользовался моментом, чтобы привлечь на свою сторону голоса проснувшихся.

«Луч солнца» был проектом ООН. Его суть заключалась в том, что, если человечество победит в битве Судного дня, выжившим трисолярианам следует предоставить территорию в Солнечной системе. Существовало несколько вариантов проекта.

По минимальному варианту предполагалось выделить резервации на Плутоне, Хароне и спутниках Нептуна. Там позволят жить только членам экипажа флота Трисоляриса. В таких условиях не обойтись без термоядерной энерге-

тики и поставок с Земли, но даже тогда жизнь будет суровой.

По максимальному варианту трисолярианам отходил весь Марс, и на планете могли жить все трисоляриане, а не только экипажи флота. Это, не считая Земли, были самые лучшие условия для жизни в Солнечной системе.

Другие варианты большей частью находились между этими крайностями, но попадались и необычные предложения: скажем, принять трисоляриан на Земле. Проект «Луч солнца» получил одобрение среди некоторых держав Земли и космоса, и те под нажимом многих неправительственных организаций даже начали строить предварительные планы. Однако проснувшиеся резко возражали; они даже прозвали сторонников проекта «Дунго», по имени добросердечного книжника из басни, спасшего волка от охотников[41].

Как только политик заговорил, толпа приня-

---

[41] Примечания: 41

В басне «Чжуншаньский волк», приписываемой перу Ма Чжунси, жившего в эпоху династии Мин, книжник Дунго жалеет загнанного, изголодавшегося волка и прячет его от охотников в мешке. Когда Дунго выпускает волка, тот угрожает съесть книжника, но соглашается, чтобы их рассудил кто-то третий. Старик-крестьянин, которому изложили «дело», заявляет, что не верит, будто волк может поместиться в мешке. Волк снова забирается в мешок; тогда крестьянин завязывает мешок и мотыгой забивает волка насмерть. (*Прим. Дж. М.*)

лась выражать свое неодобрение, швыряя в него помидорами. Пригнувшись, он увещевал:

— Хотел бы напомнить всем вам, что мы живем в эпоху гуманизма, последовавшую за вторым Возрождением. Мы относимся с величайшим уважением к жизни и культуре любой расы. Вас же осеняет свет нашего времени! Проснувшиеся получают полное гражданство, и их никто не ограничивает в правах. Эти принципы записаны в Конституции и своде законов, но самое важное — они живут в наших сердцах. Я уверен, что вы цените их по достоинству. Цивилизация Трисоляриса также заслуживает уважения, и у нее тоже есть право на существование. Проект «Луч солнца» — вовсе не благотворительность. Это подтверждение и выражение ценности самой человеческой цивилизации. Если мы... Эй вы, идиоты! Исполняйте свои обязанности!

Последние слова политик адресовал своим помощникам. Те увлеченно подбирали с пола помидоры — ведь в подземном городе они немало стоили. Когда проснувшиеся заметили, что происходит, они начали закидывать сцену также огурцами и картофелем. Таким образом, небольшая стычка закончилась всеобщим весельем.

В полдень во всех семьях начался празднич-

ный обед. На траве разложили обильную еду из натуральных продуктов для гостей из города, приехавших присоединиться к празднику. Среди них был и политик Дунго со свитой. Ели, пили и веселились весь день, до заката — в тот вечер он оказался особенно красив. Красно-оранжевое солнце окрасило море песка за околицей в нежный кремовый цвет, а высокие барханы напоминали уснувших женщин...

Ближе к ночи очередное сообщение подстегнуло энтузиазм утомившихся людей: ККФ принял решение объединить все 2015 кораблей звездного класса Азиатского, Европейского и Североамериканского флотов в один отряд и послать его на перехват трисолярианского зонда недалеко от орбиты Нептуна!

После таких новостей в небо снова полетел фейерверк, и пирушка разгорелась с новой силой. Однако кое-кто принялся ехидничать:

— Послать две тысячи кораблей на перехват малюсенького зонда?

— Это как зарубить одну курицу двумя тысячами топоров!

— Именно так! Все равно что расстреливать комара из двух тысяч пушек! Не такая уж у него крепкая броня!

— Эй, народ, войдите в положение ККФ, ведь это может оказаться его первым и последним шансом повоевать с Трисолярисом!

— Ну да. Если такое можно назвать войной.

— Все нормально, ребята! Считайте это военным парадом в честь Земли! Полюбуемся на наш суперфлот! Он же перепугает трисоляриан до усрачки! Они даже до сортира добежать не успеют! Если, конечно, у них есть задницы.

Всеобщий ржач.

Около полуночи пришло следующее сообщение: объединенный флот вылетает с баз на Юпитере! Желающим посмотреть объяснили, что флот будет виден невооруженным глазом в южной части неба. Празднующие теперь успокоились и начали высматривать на небе Юпитер. Это оказалось непросто, но с помощью астронома, выступавшего по телевидению, они наконец обнаружили планету на северо-западе. Свет двигателей флота все еще летел к Земле с расстояния в пять астрономических единиц. Через сорок пять минут Юпитер вспыхнул, превзойдя яркостью Сириус. Потом сияющая звезда поплыла в сторону от планеты, словно душа, расстающаяся с телом. А планета вернулась к своей обычной яркости. Таким оказался старт объединенного

флота.

Одновременно до Земли добралась видеотрансляция отбытия флота. На экранах телевизоров посреди черноты космоса загорелись две тысячи солнц. Ровный прямоугольный строй в вечной ночи космоса устрашал своим величием. В голове вертелась лишь одна цитата: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

В сиянии двух тысяч солнц казалось, что Юпитер и его спутники объял огонь. В атмосфере планеты, разогретой излучением, засверкали молнии, и их вспышки залили электрическим светом всю полусферу Юпитера. Флот разгонялся, сохраняя безупречный строй; корабли затмевали собой Солнце, а потом величаво, с мощью грозового облака, уходили в открытый космос, как бы заявляя Вселенной: человеческая раса благородна и непобедима. Дух человека, двести лет назад подавленный видом трисолярианского флота, стал вновь свободен. Все звезды Галактики скромно пригасили свой блеск, когда Человек и Бог гордо ступили во Вселенную уже как единая сущность.

Народ плакал и смеялся; некоторые громко рыдали. Во всей истории не было еще такого момента, когда каждый радостно и гордо называл

себя человеком.

Но кое-кто не поддался всеобщей эйфории. Ло Цзи был из этих людей. Осматривая толпу, он приметил еще одного сохраняющего хладнокровие человека. В стороне от собравшихся, прислонившись к опоре громадного голографического экрана и покуривая сигарету, стоял и безучастно смотрел на гуляк Ши Цян.

Ло Цзи подошел к нему и спросил:

— Что ты...

— А, парень, привет. Я тут на работе. — Да Ши указал на море людей. — От веселья до несчастья один шаг. Того и гляди что-нибудь стрясется, самое время. Помнишь выступление господина Дунго этим утром? Если бы я не подсунул толпе под руку помидоры, его закидали бы камнями.

Ши Цяна недавно назначили начальником полиции поселка Новая Жизнь-5. Проснувшимся казалось странным, что кого-то из Азиатского флота, то есть не гражданина Китая, приняли на официальную правительственную должность. Впрочем, своей работой он заслужил признание жителей.

— Да и вообще, я редко пускаюсь в пляс хоть по какому поводу, — добавил он, хлопая Ло Цзи по плечу. — Как и ты, кореш.

— Как и я, — кивнул Ло Цзи. — Я вообще редко восторгался картинами радужного будущего. Я всегда предпочитал «здесь и сейчас». У меня и у будущего нет ничего общего, хотя меня и затолкали на время в мессии. Может быть, теперь мне воздается за постоянную жизнь одним днем. Ладно, я пошел спать. Веришь или нет, Да Ши, но мне сегодня удастся заснуть!

— Пойди поговори с коллегой. Он только что прибыл. Победа человечества может его не обрадовать.

Ло Цзи немного растерялся, услышав эти слова. Но, вглядевшись в указанного Ши Цяном человека, он с удивлением узнал бывшего Отвернувшегося, Билла Хайнса. Тот стоял с пепельно-серым лицом, как будто в трансе, недалеко от Ши Цяна. Только теперь он заметил Ло Цзи. Они обнялись; Ло Цзи почувствовал, что Хайнс дрожит от слабости.

— Я приехал, чтобы встретиться с тобой, — сказал Хайнс. — Лишь мы двое, отбросы истории, способны понять друг друга. Но я боюсь, что даже ты не поймешь меня.

— Что случилось с Кейко?

— Помнишь комнату медитации в здании Генеральной Ассамблеи ООН? Там редко кто

появлялся. Лишь туристы заглядывали время от времени... Припоминаешь блок железной руды? Она легла на него и совершила сеппуку.

— Ох...

— Перед смертью она прокляла меня, сказав, что моя жизнь будет хуже смерти, поскольку на мне ментальная печать пораженца, в то время как человечество побеждает. Она не ошиблась. У меня все болит. Конечно, я рад победе, но не способен поверить в нее. В моем сознании как будто два гладиатора сражаются. Поверить в победу намного сложнее, чем поверить в то, что вода не ядовита.

Ло Цзи и Ши Цян организовали комнату для Хайнса, а потом Ло Цзи вернулся в свою и вскоре заснул. Ему опять снились Чжуан Янь и дочка. Когда он проснулся, в окно светило солнце, а за окном продолжался праздник.

* * *

«Естественный отбор» со скоростью один процент от световой летел от Юпитера к орбите Сатурна. Позади корабля маленькой точкой сияло Солнце, а впереди разгорался Млечный Путь. Курс вел в сторону созвездия Лебедя; в просторе открытого космоса скорость не ощущалась. Если

бы поблизости нашелся наблюдатель, ему бы показалось, что «Естественный отбор» завис в пустоте. Для человека внутри корабля все движение во Вселенной остановилось, и корабль замер между Солнцем и Млечным Путем. Время прекратило свой ход.

— Вы потерпели неудачу, — заявила Дунфан Яньсюй Чжан Бэйхаю. Весь экипаж, кроме них двоих, по-прежнему спал в состоянии погружения. Чжан Бэйхай не покидал запертой сферической каюты; Дунфан Яньсюй не могла войти и вынуждена была разговаривать через интерком. Часть стены оставалась прозрачной, и она видела плавающего в центре помещения человека, который похитил самый мощный боевой корабль человечества. Чжан Бэйхай склонил голову, собираясь что-то записать в блокнот. Перед ним висела панель управления, на которой высвечивалась готовность к режиму «тяга четыре». Нужно только нажать одну кнопку. Вокруг него плавали несколько шаров дыхательной жидкости, которые он еще не успел убрать. Его военная форма уже просохла, но складки на ней придавали Чжан Бэйхаю усталый вид, отчего казалось, будто он разом постарел.

Он проигнорировал вопрос и продолжил пи-

сать, наклонив голову.

— Преследователи находятся в 1,2 миллиона километров от нас, — добавила Дунфан.

— Знаю. — Чжан Бэйхай не поднял головы. — Вы приняли мудрое решение, оставив экипаж в состоянии сна.

— По-другому не получилось бы. Офицеры и рядовые разнесли бы вашу каюту вдребезги. А если бы вы включили «тягу четыре», то убили бы всех. Поэтому преследователи и не подходят ближе.

Он не ответил. Перелистнув страницу, он продолжил писать.

— Вы бы так не поступили, верно? — тихо спросила она.

— Вам и в голову не могло прийти, что я сделаю то, что сделал. — Он на пару секунд умолк, а потом продолжил: — Люди моего времени мыслят иначе, чем вы.

— Но мы ведь не враги!

— Не существует постоянных врагов и постоянных союзников. Постоянен лишь долг.

— Тогда ваш пессимизм насчет войны необоснован. Трисолярис продемонстрировал, что стремится к переговорам. Объединенный флот Солнечной системы вышел на перехват зонда. Война закончится победой человечества!

— Я знаком с новостями.

— И вы по-прежнему настаиваете на пораженчестве и эскапизме?

— Да.

Капитан в раздражении потрясла головой:

— Вы и в самом деле мыслите не так, как мы. Например, вы с самого начала знали, что ваш план провалится, поскольку «Естественный отбор» заправлен лишь на двадцать процентов и его непременно догонят.

Чжан Бэйхай отложил карандаш и спокойным, как вода, взором посмотрел на собеседницу сквозь окно в стене каюты.

— Мы все здесь солдаты. Но знаете ли вы, в чем заключается главное различие между солдатами прошлого и вами? Вы планируете свои действия, вычисляя их возможный исход. А мы исполняем свой долг независимо от результата. Мне был дан единственный шанс, и я им воспользовался.

— Вы просто себя успокаиваете.

— Нет. Таков мой характер. Дунфан, я не ожидаю от вас понимания. Все-таки нас разделяют два столетия.

— Хорошо, вы исполнили свой долг, но ваша эскапистская выходка безнадежна. Сдайтесь!

Он улыбнулся и опустил глаза на блокнот.

— Еще рано. Мне нужно все записать. Все, что случилось за эти два столетия, — это поможет тем немногим здравомыслящим, которые будут жить в следующие два века.

— Вы же можете продиктовать компьютеру!

— Нет. Я привык писать от руки. Бумага надежнее, чем компьютер. Не беспокойтесь, всю ответственность я беру на себя.

* * *

Дин И выглянул в широкий иллюминатор «Кванта». Голографический монитор в его сферической каюте обеспечивал лучшее качество изображения, но Дин предпочитал видеть все своими глазами. Он находился на огромной плоскости, состоящей из двух тысяч небольших ослепительных солнц, в чьих лучах его седая шевелюра казалась объятой пламенем.

Он начал привыкать к этой картине со дня старта объединенного флота, но ее величественность по-прежнему потрясала. Флот поддерживал такой строй не только для вида. В традиционном строе «змейкой» излучение двигателей кораблей, идущих впереди, заливало бы корабли, идущие следом. В нынешнем прямоугольном построении расстояние между кораблями составляло два-

дцать километров. Даже учитывая, что каждый корабль в три-четыре раза превосходил размером океанский авианосец, с такого расстояния они выглядели крохотными точками. Лишь пламя термоядерных двигателей выявляло их присутствие в космосе.

Объединенный флот следовал в плотном строю; им пользовались только на параде. В походном строю между кораблями оставляли от трехсот до пятисот километров. Двадцать километров — для морских судов это было бы все равно что идти борт о борт. Многие генералы возражали против такого плотного строя, но и в обычных построениях были недостатки. Прежде всего надо было дать каждому кораблю шанс вступить в сражение. Если подойти к зонду в обычном строе, даже при минимальном сближении корабли с краю окажутся в десятках тысяч километров от цели. Если при захвате зонда разгорится битва, большинству кораблей не доведется принять в ней участие — и в учебники истории впишут, что им не повезло.

Три флота также не могли перегруппироваться в свои собственные построения — тогда будет невозможно определить, кому достанется наиболее почетное место. Поэтому решили двигаться

плотным строем — так плотно, как только возможно. Парадный строй выводил все корабли в зону боевых действий вокруг зонда.

Была и еще одна причина, по которой остановились на парадном строе. ККФ и ООН настаивали на зрелищном видеоряде — но не для устрашения Трисоляриса, а чтобы произвести впечатление на землян. Обе группы придавали огромное значение психологическому и политическому эффекту этого видео. Главные силы Трисоляриса в двух световых годах, поэтому парадному строю ничто не угрожало.

«Квант» располагался в углу построения, и Дин И мог видеть б`ольшую часть флота. Как только они пересекли орбиту Сатурна, корабли повернулись двигателями вперед и приступили к торможению. Началось сближение с целью.

Дин И сунул в зубы трубку. В эти дни трубочного табака не было, и ему приходилось обходиться пустой трубкой. От нее слабо пахло двухсотлетним дымом, как памятью прошедших лет.

Дин И вышел из анабиоза семь лет назад и с тех пор преподавал на кафедре физики Пекинского университета. В прошлом году он подал заявление во флот, желая стать одним из тех, кому предстоит изучать трисолярианский зонд.

Старого Дина очень уважали, но заявление отклоняли до тех пор, пока он не пригрозил совершить самоубийство перед тремя командирами флота. Тогда они пообещали подумать.

Строго говоря, выбор ученого, которому предстоит первым коснуться зонда, был непростым вопросом. Прикосновение к зонду означало первый физический контакт с Трисолярисом со стороны человека. В соответствии с принципом равных прав, которого будут придерживаться при перехвате, ни один из флотов не мог заполучить себе такую честь, а взаимодействие нескольких представителей стало бы сложной организационной задачей. Поэтому работу следовало выполнить кому-то не из рядов ККФ. Дин И оказался наиболее подходящим кандидатом. Но за его выбором стояла и другая причина, о которой предпочитали умалчивать. Ни ККФ, ни ООН не питали особых надежд захватить зонд — он наверняка самоликвидировался бы во время или сразу после перехвата.

Но пока зонд оставался целым, из него следовало извлечь как можно больше данных, наблюдая с некоторого расстояния или при тесном контакте. Физик-ветеран, открывший макроатом, создатель управляемого термоядерного синте-

за, идеально подходил для такой работы. И в любом случае, Дин И уже было восемьдесят три года, он жил сам по себе и мог заниматься, чем пожелает.

На последнем перед перехватом совещании командования «Кванта» Дин И увидел фотографию зонда. Три разведывательных корабля, посланных флотами, сменили принадлежащую Земле «Синюю тень». Они сфотографировали зонд с расстояния пятисот километров; ближе к нему еще никто не подбирался. С размерами астрономы угадали: аппарат насчитывал 3,5 метра в длину. Когда Дин И впервые увидел снимок, ему представился тот же образ, что и любому другому: капля ртути. Зонд был идеальной каплей, круглой спереди и острой сзади. В абсолютно гладком зеркале поверхности светлой полоской отражался Млечный Путь, и весь объект выглядел захватывающе красиво. Форма зонда настолько хорошо соответствовала этому определению — «капля», что возникла теория, будто он целиком жидкий и никакой внутренней структуры у него вовсе нет.

Дин И увидел голограмму и до конца совещания не проронил ни слова. Он сидел, уставившись в стол.

— Профессор Дин, вас что-то беспокоит? — спро-

сил капитан.

— Не нравится он мне, — негромко ответил он, указывая на снимок трубкой.

— Но почему? Мне он кажется безобидным прекрасным произведением искусства, — возразил другой офицер.

— Вот поэтому он мне и не нравится, — покачал седой головой Дин И. — Скульптура какая-то, а не межзвездный зонд! Это плохое предзнаменование, когда мы встречаемся с предметом, настолько не соответствующим нашему представлению о нем. Очень, до крайности странная штука. На поверхности нет отверстий. Где же сопло двигателя?

— Тем не менее двигатель исправно работает. Мы это точно знаем. Когда он погас во второй раз, «Синяя тень» находилась слишком далеко для фотосъемки. Мы не знаем, откуда исходило свечение.

— Какова масса объекта? — спросил Дин И.

— Знаем только приблизительно. По показаниям самых точных гравитометров, около десяти тонн.

— Ну, по крайней мере, это не материал нейтронной звезды.

Капитан решил прервать обсуждение и про-

должить совещание. Он обратился к Дин И:

— Профессор Дин, ваше задание, по планам флотов, будет таким: сперва дистанционно управляемый аппарат захватит зонд и будет его некоторое время удерживать. Если за это время ничего не случится, вы отправитесь туда на челноке и изучите цель вблизи. Вам разрешено провести возле зонда не более пятнадцати минут. Присутствующая здесь майор Сицзы представляет Азиатский флот. Она отправится к зонду вместе с вами.

Молодая женщина в ранге майора поприветствовала Дин И. Как и другие женщины флота, она была стройной и высокой — типичный представитель космического человечества.

Бросив на нее лишь один взгляд, Дин И повернулся к капитану:

— Зачем мне сопровождающие? Я что, один не справлюсь?

— Извините, но не справитесь. Вы не знакомы с космосом. Вам потребуется помощь.

— В таком случае мне, пожалуй, лучше будет остаться. Зачем мне вести кого-то за собой... — Он смолк, прежде чем произнести «на смерть».

— Профессор Дин, — сказал капитан, — вам, несомненно, выпало опасное, но далеко не

самоубийственное задание. Если зонд и самоуничтожится, то это случится при перехвате. Шанс взрыва двумя часами позже весьма незначителен, если только вы не приметесь резать корпус.

На самом деле земные и космические державы решили послать к зонду человека главным образом не для визуального осмотра. Когда появились первые снимки, людей очаровала восхитительная форма посланца. Капля ртути была бесконечно прекрасной, такой простой и в то же время созданной рукой мастера. Каждая точка ее поверхности находилась на своем месте. Капля олицетворяла изящную динамику. Казалось, будто она каждое мгновение сочится сквозь вечную ночь космоса. Вряд ли скульптору из числа людей удалось бы создать такую обтекаемую форму, сколько бы он ни пытался. Она превосходила любое воображение. Даже у Платона в «Республике» не нашлось бы столь совершенной фигуры — прямее самой лучшей прямой, круглее идеальной окружности. Одним она казалась сверкающим дельфином, застывшим в прыжке над морем грез. Иные считали ее квинтэссенцией всей любви во Вселенной... Красота всегда ассоциируется с добротой. Если бы во Вселенной существовала граница между добром и злом, этот предмет без-

условно занял бы место на стороне добра[42].

Возникла гипотеза, что объект, скорее всего, не зонд. Последующие наблюдения ее частично подтвердили. Прежде всего гладкая, зеркальная поверхность отражала свет. При помощи разнообразного оборудования флот провел эксперимент: на объект направляли высокочастотное электромагнитное излучение с различной длиной волны и измеряли коэффициент отражения. К изумлению ученых, волны любой длины, включая видимый свет, отражались практически без потерь. Поглощения энергии обнаружить не удалось. Это означало, что зонд не мог регистрировать высокочастотное излучение, или, выражаясь попросту, он был слеп. Для создания такого предмета должна быть какая-то причина. По самой логичной теории объект является жестом доброй воли, подарком от Трисоляриса, что подтверждалось красотой формы и отсутствием функциональности. Символ искреннего стремления к миру.

Из-за формы зонд и стали называть просто Каплей. И на Земле, и на Трисолярисе вода была источником жизни и символом мира.

---

[42] Примечания: 42

Интересная видеоинтерпретация: http://www.project-57.org/. (*Прим. перев.*)

Общественное мнение сходилось в том, что к Капле следует отправить официальную делегацию, а не ученого и троих военных. Тщательно все обдумав, ККФ решил план не менять.

— Вы бы хоть заменили ее на кого-нибудь другого! А то посылать девушку... — Дин И указал на Сицзы.

Та улыбнулась:

— Профессор Дин, я служу на «Кванте» офицером-исследователем. Отвечаю здесь за все научные экспедиции. Полет к зонду — моя работа.

— У нас на флоте половина военнослужащих — женщины, — добавил капитан. — С вами полетят три офицера. Кроме майора Сицзы будут также офицеры-исследователи от Европейского и Североамериканского флотов. Они уже скоро появятся на борту. Профессор Дин, я хотел бы особо подчеркнуть: ККФ решил, что именно вы обязаны первым коснуться зонда. После этого с объектом позволяется работать троим сопровождающим.

— Все без толку... — снова покачал головой Дин И. — Человечество не меняется — оно все так же тщеславно... Не волнуйтесь, я выполню ваше желание. Мне просто хочется посмотреть, только и всего. Что меня действительно интересует

— так это теория, стоящая за супертехнологиями пришельцев. Боюсь только, что в этой жизни... а, да что там...

Капитан подлетел к физику и участливо сказал:

— Профессор Дин, почему бы вам не пойти отдохнуть? Скоро мы начнем перехват, и вам потребуются силы для похода к зонду.

Дин И посмотрел на капитана. Через мгновение он понял, что собрание продолжится без него. Тогда он снова посмотрел на голографический снимок Капли. В округлом переднем конце зонда отражалась цепочка огней; ближе к концу они искажались и расплывались среди искр Млечного Пути. Это были огни флота. Взгляд ученого вернулся к офицерам «Кванта», плавающим перед ним в невесомости. Такие молодые... совсем еще дети. На их лицах, от капитана до лейтенантов, светилось безупречное благородство; их взор сиял мудростью богов. Самотонирующееся стекло иллюминаторов перекрасило свет соседних кораблей в закатные лучи солнца, выплеснувшие золото на всех собравшихся. А позади них, как знак чуда, плавала голограмма серебряной Капли. Каюта представилась Дин И сценой из иного мира, а они все — богами на вершине Олимпа...

Глубоко внутри ученого заворочались какие-то предчувствия, и он забеспокоился.

— Профессор Дин, вы хотите что-то еще сказать? — подтолкнул его капитан.

— Ну, я хотел бы... — Он бесцельно пошевелил руками; выпавшая изо рта трубка зависла рядом. — Я хотел бы сказать, что вы, ребята, были очень добры ко мне все эти дни...

— Мы вас уважаем больше всех! — ответил вице-капитан.

— Э... тогда... я хотел бы упомянуть еще кое-что... Просто глупости старого дурака. Не принимайте всерьез. Тем не менее, ребята, послушайте, я ведь жил в двух столетиях, много чего повидал... Ладно, не обращайте внимания...

— Профессор Дин, не бойтесь, говорите. Мы высоко ценим ваше мнение!

Дин И медленно кивнул, затем указал вверх:

— Если этому кораблю потребуется перейти в режим максимального ускорения, то всему экипажу понадобится... погрузиться в жидкость.

— Совершенно верно. Состояние погружения.

— Да, точно — состояние погружения. — Дин И снова замялся, немного подумал, а затем продолжил:

— Нельзя ли перевести этот корабль, э-э...

«Квант», в состояние погружения, как только мы отправимся к зонду?

Офицеры удивленно переглянулись. Капитан спросил:

— Зачем?

Руки Дина И снова пришли в движение; в свете огней флота его седины отливали серебром. Когда он впервые ступил на борт, кто-то подметил, что Дин И похож на Эйнштейна.

— Гм... ну, от этого же вреда не будет, верно? Знаете, у меня плохое предчувствие...

Произнеся эти слова, он замолк и уставился вдаль. Затем, опомнившись, подхватил плавающую в воздухе трубку и положил в карман. Не попрощавшись, старый ученый неловко включил сверхпроводящий пояс и полетел к двери. Офицеры проводили его взглядами.

На полпути Дин И медленно повернулся.

— Ребята, знаете, чем я занимался все эти годы? Преподавал физику в университете и консультировал аспирантов.

Он устремил взгляд на Галактику в иллюминаторе, и по его лицу пробежала загадочная улыбка. В ней явственно сквозила горечь.

— Ребята, человек, родившийся двести с лишним лет назад, по-прежнему может преподавать

физику в университете!

С этими словами Дин И покинул каюту.

Капитан хотел что-то сказать в ответ, но Дин И уже исчез, и капитан промолчал. Он глубоко задумался. Кое-кто из офицеров повернулся к снимку Капли; другие смотрели на командира.

— Капитан, вы же не собираетесь прислушиваться к его словам? — спросил один из заместителей.

— Он мудрый человек, но все же из прошлого, — добавил другой. — Их мнение о современных делах всегда...

— Однако в его науке человечество не продвинулось ни на шаг. Оно застыло на уровне тех лет.

— Он упомянул интуицию. Мне кажется, он интуитивно что-то заметил, — уважительно сказал один из офицеров.

— Кроме того... — начала было Сицзы, но остановилась, вспомнив о вышестоящих офицерах вокруг.

— Продолжайте, майор, — разрешил капитан.

— Кроме того, он же сказал, что вреда не будет! — закончила мысль Сицзы.

— Давайте вот о чем подумаем, — предложил вице-капитан. — Если придерживаться выработанной флотом стратегии, то в случае неудачи

с перехватом и бегства Капли флот не сможет бросить в погоню ничего, кроме истребителей. Но они не годятся для продолжительного преследования — для него необходим корабль звездного класса. Нам стоит быть наготове. Это упущение штаба.

— Доложите командованию флота, — приказал капитан.

Одобрение начальства пришло незамедлительно: как только челнок исследователей отправится к зонду, «Кванту» и его соседу, кораблю звездного класса «Бронзовый век», предписывается принять состояние погружения.

* * *

Прежде чем приступить к захвату Капли, корабли флота отошли на тысячу километров от зонда — на такой цифре остановились ученые после тщательных расчетов. В предположениях, как именно зонд может взорваться, недостатка не было, но реакция аннигиляции будет самой энергетически эффективной. При массе зонда в десять тонн в худшем случае получалась взаимная аннигиляция пяти тонн вещества и антивещества. Если бы такой взрыв произошел на Земле, он стер бы все живое с лица планеты.

Но в космосе лишь вспыхнет мощный источник радиации. На расстоянии в тысячу километров он не сможет повредить укрытым толстым слоем брони кораблям звездного класса.

Захват осуществит вспомогательный корабль «Богомол», управляемый на расстоянии. Им пользовались для сбора образцов в поясе астероидов. Отличительной особенностью «Богомола» являлась особо длинная механическая рука.

Как только операция началась, «Богомол» пересек пятисоткилометровую границу, которой придерживались корабли наблюдения, и осторожно приблизился к цели. Он двигался медленно и через каждые пятьдесят километров останавливался на несколько минут, чтобы просканировать цель. Движение продолжалось только тогда, когда сканеры подтверждали, что объект не реагирует.

В тысяче километров от зонда в космосе парил объединенный флот, уравнявший скорость с Каплей. Большинство кораблей погасили термоядерные двигатели и бесшумно дрейфовали в бездне; слабый солнечный свет отражался от их гигантских металлических корпусов. Они походили на заброшенные космические поселения, а вся структура — на безмолвный доисториче-

ский Стоунхендж. Полтора миллиона человек экипажа, затаив дыхание, следили за полетом «Богомола».

Видеосигнал с кораблей флота с задержкой в три часа достигал Земли — а там точно так же затаили дыхание три миллиарда человек. На Земле остановилась вся работа. Летающие автомобили прекратили сновать между громадных стволов, и подземные города неподвижно застыли. Опустела даже глобальная компьютерная сеть, не знавшая покоя с момента своего рождения триста лет назад. Сейчас все, что она передавала, приходило издалека, с расстояния в двадцать астрономических единиц.

Через полчаса такого прерывистого движения «Богомол» преодолел ничтожное по меркам космоса расстояние и завис в пятидесяти метрах от цели. На зеркальной поверхности зонда появилось искаженное отражение корабля. На борту «Богомола» заработали многочисленные научные приборы. Пошли первые результаты — они подтверждали ранее полученные данные. Температура Капли оказалась даже ниже, чем у окружающего космоса, — она приближалась к абсолютному нулю. Физики предполагали, что под обшивкой зонда скрывается мощное холодиль-

ное оборудование, но аппаратура «Богомола» не обнаружила в Капле никакой внутренней структуры.

Длинная механическая рука «Богомола» рывками потянулась к Капле сквозь оставшиеся пятьдесят метров. Ни при одной остановке научное оборудование не отмечало никаких перемен. Через полчаса этого нудного процесса манипулятор прикоснулся к зонду — объекту, пролетевшему четыре световых года и проведшему в космосе два столетия. Когда шестипалая рука наконец ухватила Каплю, миллионы сердец экипажа дрогнули. Через три часа так же дрогнули сердца миллиардов землян.

Манипулятор не шевелился, продолжая удерживать Каплю. Через десять минут, когда приборы подтвердили отсутствие реакции, рука потянула зонд к «Богомолу».

В этот момент люди заметили удивительный контраст. Из соображений функциональности механическую руку спроектировали с жестким стальным каркасом и открытым гидравлическим приводом. Грубый индустриальный механизм, никакой элегантности. Капля же была идеальна по форме. Красота ее гладкой, текучей поверхности отрицала функциональность и техническое

назначение. Капля олицетворяла собой беспечную отстраненность философа или художника. Стальные пальцы манипулятора сжали зонд, как волосатая лапа австралопитека сграбастала бы жемчужное зерно. Капля казалась хрупкой, словно стеклянная колба термоса, так что люди опасались, как бы она не треснула в грубой клешне. Но зонд уцелел, и механическая рука начала складываться.

Еще через полчаса манипулятор поместил Каплю внутрь главного отсека «Богомола». Проем неспешно закрылся. Если зонду предстоит самоуничтожиться, то сейчас для этого самое подходящее время. Флот и Земля, затаив дыхание, ждали. Казалось, что в тишине слышится шорох утекающего в космос времени.

Двумя часами позже так ничего и не произошло.

* * *

Сам факт, что Капля не взорвалась, явился последним доказательством того, о чем догадывались люди. Если бы зонд имел военное назначение, он непременно уничтожил бы себя, попав в руки врага. Теперь не вызывало сомнений, что это подарок Трисоляриса всему

человечеству, символ мира, который придумала поразительная цивилизация.

И снова радость охватила весь мир. На этот раз праздновали не настолько безудержно, потому что к мысли о победе человечества уже успели привыкнуть. Даже если отойти на тысячу шагов назад, даже если переговоры провалятся и возобновятся военные действия — даже тогда победят земляне. Объединенный флот, держащий под контролем космос, наглядно демонстрировал народам Земли мощь человека. Планета уверенно смотрела в будущее и никого не боялась.

С прибытием Капли стали меняться чувства людей по отношению к Трисолярису. Многие признали, что к Солнечной системе летят представители великой цивилизации. Трисоляриан преследовали сотни циклов катастроф, которые они с невероятным упорством перенесли. А их тяжелейший перелет сквозь четыре световых года в поисках стабильной звезды, в поисках нового дома... Общественное мнение о Трисолярисе с враждебности и ненависти переросло в сочувствие, расположение и даже восхищение.

Люди осознали и другой факт: Трисолярис отправил к Земле десять «капель» еще два века назад, но лишь сейчас человечество поняло их

подлинное значение. Вне всякого сомнения, это потому, что Трисолярис действовал слишком тонко и деликатно, да и кровавая история самих землян сыграла не последнюю роль. На всемирном референдуме, проведенном в Интернете, проект «Луч Солнца» получил множество новых голосов, причем предпочтение отдавали максимальному варианту, при котором Марс отходил переселенцам с Трисоляриса.

И ООН, и флоты ускорили подготовку к переговорам. Земные и космические власти начали подбирать делегатов.

Все это произошло на следующий день после перехвата Капли.

Больше всего людей занимали не лежащие перед ними факты, а очертания светлого будущего. Каким же невероятным раем станет Солнечная система, когда могущество человека объединится с технологией Трисоляриса?

* * *

Примерно на той же орбите, что и зонд, но с другой стороны Солнца «Естественный отбор» продолжал безмолвно скользить в пространстве на скорости один процент от световой.

— Получено сообщение: Капля не самоуничто-

жилась при захвате, — сообщила Дунфан Яньсюй Чжан Бэйхаю.

— Что за Капля? — Они смотрели друг на друга сквозь прозрачную переборку. Лицо Чжан Бэйхая осунулось.

— Зонд Трисоляриса. Теперь подтвердилось, что это их подарок людям, символ мира.

— Вот как? Очень хорошо.

— Похоже, вас это не очень интересует.

Не ответив, Чжан Бэйхай обеими руками поднял перед собой блокнот:

— Я закончил.

И сунул блокнот в тесный карман униформы.

— Теперь вы вернете мне управление «Естественным отбором»?

— Может быть, и верну. Но сначала скажите, что вы после этого собираетесь делать.

— Тормозить.

— Для встречи с отрядом преследования?

— Да. У нас слишком мало топлива — его не хватит на обратный путь. Для возвращения в Солнечную систему нам потребуется дозаправка. Но у преследователей топлива для нашей дозаправки не хватит. Во-первых, у них тоннаж лишь в половину нашего; во-вторых, им пришлось разогнаться до пяти процентов от скорости света,

а потом тормозить, когда они нас догнали. Им самим для возвращения топлива хватит. Поэтому экипаж «Естественного отбора» перейдет к ним на борт. Позже к «Естественному отбору» пошлют заправщика, но он затратит на дорогу много времени. Нам следует как можно больше снизить скорость, чтобы сократить это время.

— Не снижайте скорость, Дунфан.

— Почему?!

— Для торможения придется истратить все оставшееся у нас топливо. Нам без энергии не обойтись. Никто не знает, чем все это кончится. Вам, как капитану, не следует об этом забывать.

— Да что может случиться? Будущее очевидно: война закончится, человечество победит, а вас назовут ошибкой истории.

Выслушав такую отповедь, Чжан Бэйхай только улыбнулся. Он смотрел на капитана, и в его глазах светилась доброта, которой там раньше не было. Улыбка этого человека прошлого пробудила в капитане чувства, ей до сих пор неведомые. Дунфан Яньсюй не верила в его пораженчество и подозревала, что Чжан Бэйхаем руководили какие-то иные мотивы. Она даже подумывала, не сошел ли он с ума. Но что-то тянуло ее к нему. Капитан рассталась с отцом еще ребенком; в те

годы это было обычным делом. Отцовскую любовь объявили пережитком прошлого. Но, глядя на солдата XXI века, она начала понимать.

— Дунфан, я родом из беспокойной эпохи. Я реалист. Я знаю, что враг по-прежнему приближается к Солнечной системе. У меня как у солдата нет права радоваться, пока не наступит мир... Не снижайте скорость. Это условие, на котором я возвращаю вам управление. Разумеется, у меня нет гарантий, кроме вашего слова.

— Я обещаю, что «Естественный отбор» не будет снижать скорость.

Чжан Бэйхай подплыл к панели управления, нажал несколько кнопок и ввел пароль. Выполнив еще несколько манипуляций, он погасил панель.

— Вам переданы полномочия капитана «Естественного отбора». Пароль тот же — MARLBORO, — не оборачиваясь, сообщил он.

Дунфан Яньсюй зажгла рядом с собой интерфейс управления и быстро подтвердила его слова.

— Благодарю. Но попрошу пока не покидать каюту и не открывать дверь. Экипаж корабля сейчас пробуждается. Я опасаюсь, что кое-кто из них может повести себя весьма агрессивно.

— Они что, заставят меня прогуляться по доске?

— А?

Он рассмеялся:

— Был такой способ казни на средневековых пиратских судах. Если бы он дожил до этих дней, вам пришлось бы выпихнуть преступника вроде меня из шлюза прямо в открытый космос... Ну что ж... мне нравится одиночество.

* * *

Если сравнивать по размеру, то челнок, отчаливший от борта «Кванта», походил на автомобиль, покидающий город. Факел двигателя освещал лишь небольшое пятнышко на корпусе корабля — словно свечка под громадным утесом. Челнок выбрался из тени «Кванта». Посверкивая светлячком двигателя, суденышко направилось к зонду. Предстояло пройти тысячу километров.

В состав экспедиции входили четверо: майор Европейского флота, подполковник Североамериканского флота, Дин И и Сицзы.

Сквозь иллюминатор Дин И смотрел на удаляющиеся корабли. «Квант», находящийся в углу построения, по-прежнему казался большим, но форму корпуса уже его ближайшего соседа, «Обла-

ка», было трудно рассмотреть. А дальше корабли ничем не отличались от точек, разбросанных по космосу. Дин И знал, что флот сформировал прямоугольную сетку — сто кораблей в длину и двадцать в ширину; а еще пятнадцать маневрировали поблизости. Он начал считать в длину, добрался до тридцати, а остальные просто не смог увидеть, хотя они располагались от него всего в шестистах километрах. Ученый посмотрел вверх, вдоль короткой вертикальной стороны массива, и обнаружил ту же картину. Те корабли вдалеке, которые он еще мог видеть, представлялись в тусклом свете Солнца лишь мутными пятнышками, неразличимыми на фоне звезд. Увидеть весь строй невооруженным глазом можно будет только тогда, когда все они включат двигатели.

Объединенный флот представлялся ему матрицей сто на двадцать, развернувшейся в космосе. Дин И вообразил еще одну матрицу и перемножил их, складывая произведения элементов рядов и столбцов. Получилась третья матрица, еще больше, но, по сути, единственной важной константой была микроскопическая точка: Капля. Физику никогда не нравилась асимметрия в математике, поэтому попытка отвлечься не удалась.

Когда перегрузка сошла на нет, он завязал разговор с Сицзы, сидящей рядом.

— Дочка, а ты, случаем, не из Ханчжоу?

Сицзы неотрывно смотрела вперед, наверное, пытаясь увидеть «Богомол». Но до него были сотни километров. Наконец она пришла в себя и покачала головой:

— Нет, профессор Дин. Я родилась в космосе. Даже не знаю, почему мое имя напоминает вам о Ханчжоу[43]. Но я там была. Там хорошо.

— Там и в мое время было хорошо. Но сейчас Западное озеро стало Исчезающим озером и находится посреди пустыни... Сегодня везде пустыня; но даже такой мир напоминает мне о юге и об эпохе грациозных, как текущая вода, женщин.

Дин И взглянул на Сицзы, чей изящный силуэт вырисовывался в мягком свете далекого Солнца, льющемся в кабину сквозь стекло иллюминатора.

— Дочка, я смотрю на тебя и вспоминаю ту, кого я однажды любил. Как и ты, она носила звание майора. Пониже тебя ростом, но такая же

---

[43] Примечания: 43

Сицзы — это вариант имени Си Ши, которое носила одна из четырех великих красавиц Древнего Китая. Она, как считается, жила недалеко от Ханчжоу. Озеро Сиху («западное») в Ханчжоу называют воплощением Си Ши. (*Прим. Дж. М.*)

красивая...

— В то время, наверное, вы нравились многим девушкам, — ответила Сицзы, оборачиваясь к ученому.

— Я редко беспокоил тех девушек, которые мне нравились. Я тогда был под влиянием Гете: «Коли я люблю тебя, что тебе за дело?»

Сицзы хихикнула.

— Эх, если бы только я так же подходил и к физике! Величайшее огорчение моей жизни в том, что нас ослепили софоны. Но можно высказаться и более позитивным образом: «Если мы изучаем природу, то что природе за дело?» Может статься, однажды человечество — или кто-то еще — разберется в научных законах до того досконально, что сможет повлиять не только на самих себя, но и на всю Вселенную. Они научатся придавать звездным системам любую форму, как кондитер месит тесто. Впрочем, что с того... Даже тогда физические законы не изменятся. Природа останется с нами навсегда, неизменная и вечно молодая, как воспоминание о прошлой любви...

Он указал на Млечный Путь, светящийся в иллюминаторе:

— Когда думаю об этом, я забываю все тревоги.

Сицзы не ответила, и настала полная тишина.

Вскоре в иллюминаторах показался «Богомол» — пока лишь светлой точкой в двухстах километрах по курсу. Челнок развернулся двигателем вперед и начал сбрасывать скорость.

Теперь участники экспедиции смотрели назад, на флот, зависший в восьмистах километрах от них. Тяжелые боевые корабли превратились в едва заметные точки. Флот удавалось распознать на фоне космоса лишь по регулярной структуре построения. Весь массив кораблей казался сеткой, наброшенной на Млечный Путь и выделяющейся своей математической структурой среди хаоса звезд. Размер кораблей на таком удалении уже не поражал воображение; но вместо того подавляла мощь строя. Множество людей и во флоте, и на далекой Земле следили за видеотрансляцией и на наглядном примере понимали, о чем только что говорил Дин И.

Челнок достиг «Богомола» и прекратил торможение. На высокой скорости сближения пассажирам показалось, будто «Богомол» вынырнул из ниоткуда.

Незамедлительно осуществили стыковку. В отсеках беспилотного «Богомола» царил вакуум. Четверо исследователей надели легкие скафандры и после заключительного напутствия

командования поплыли через стыковочный узел внутрь «Богомола».

Капля висела точно в центре единственного сферического отсека «Богомола». Цвет зонда изменился по сравнению с фотографией — он стал бледнее и мягче, по-видимому, переняв цвет внутренних стен корабля. Капля полностью отражала свет и потому своего собственного цвета не имела.

Кроме нее внутри отсека находились сложенная механическая рука, различное оборудование и несколько каменных обломков. Здесь, в столь неброском окружении, контраст между утонченностью и красотой Капли, с одной стороны, и грубостью металла и камня — с другой становился еще ярче.

— Слезинка Божьей матери, — прошептала Сицзы.

Ее слова со скоростью света полетели к флоту, а оттуда спустя три часа разнеслись по всей Земле. Как только Сицзы, подполковник и майор Европейского флота — самые обычные люди, волею случая оказавшиеся у руля на крутом повороте истории человечества — приблизились к Капле, у них возникло одно и то же ощущение. Чуждость далекого мира внезапно пропала, а взамен

разгорелась жажда понимания.

Все углеродные формы жизни в этой огромной холодной Вселенной ждет одна судьба. Возможно, потребуются миллиарды лет, но любовь одолеет и пространство, и время. Люди чувствовали любовь, излучаемую серебристой Каплей, и эта любовь могла одолеть вражду. На глаза Сицзы навернулись слезы, а через три часа вслед за ней зарыдали миллиарды землян.

Но Дин И оставался позади и хладнокровно наблюдал за происходящим.

— Я вижу здесь кое-что еще, — заявил он. — Что-то более тонкое. Я вижу реальность, в которой забываются как «Я», так и «Другие»; в которой, пытаясь объять Все, отрешаются от Всего.

— Мне никогда не осилить вашей философии, — рассмеялась Сицзы, утирая слезы.

— Профессор, у нас мало времени. — Подполковник жестом подозвал ученого к зонду.

Дин И медленно подплыл к Капле и рукой в перчатке коснулся ее холодной зеркальной поверхности. После него то же самое сделали трое офицеров.

— Она кажется такой хрупкой... Я боюсь ее разбить, — негромко произнесла Сицзы.

— Я совсем не ощущаю трения, — удивился

подполковник. — Она очень гладкая!

— Насколько гладкая? — осведомился Дин И.

Чтобы ответить на этот вопрос, Сицзы вытащила из кармана небольшой цилиндр микроскопа. Она коснулась зонда объективом, и на небольшом экране появилось увеличенное изображение поверхности. Это было гладкое зеркало.

— Какое увеличение? — спросил Дин И.

— Стократное. — Сицзы указала на число в углу экрана. Затем она подняла увеличение до тысячекратного.

Поверхность на экране оставалась безукоризненно гладким зеркалом.

— Ваш микроскоп неисправен, — предположил подполковник.

Сицзы поднесла микроскоп к шлему своего скафандра. Трое других вглядывались в миниатюрный экран. Ровная на вид поверхность шлема под тысячекратным увеличением предстала нагромождением гор и ущелий. Сицзы вновь приложила микроскоп к зонду — и на экране опять появилось гладкое зеркало, ничем не отличающееся от любого другого участка Капли.

— Увеличьте еще в десять раз, — попросил Дин И.

Такое увеличение превосходило возможности

световой оптики. Сицзы перевела прибор в режим сканирующего туннельного микроскопа и задала увеличение в десять тысяч раз.

Но и под таким увеличением Капля оставалась зеркалом. Самая гладкая поверхность, на которую была способна технология землян, под тысячекратным микроскопом оказалась изрезана глубокими рытвинами. Таким представилось Гулливеру лицо красавицы-великанши.

— Сто тысяч раз, — скомандовал подполковник.

Они по-прежнему видели зеркало.

— Миллион!

Зеркало.

— Десять миллионов!

При таком увеличении уже должны появиться макромолекулы вещества. Но зеркало на экране оставалось таким же идеально гладким, ничем не отличающимся от поверхности, видимой невооруженным глазом.

— Прибавьте еще!

Сицзы отрицательно покачала головой. Ее микроскоп достиг предела увеличения.

Более двух столетий назад писатель-фантаст Артур Кларк в повести «Космическая одиссея 2001 года» описал черный монолит, оставленный

на Луне какой-то высокоразвитой инопланетной цивилизацией. Техники измерили его рулеткой и обнаружили, что соотношение сторон равно 1:4:9. Уже на Земле его измерили повторно, с использованием самого точного оборудования, но эти цифры остались неизменными, без какой-либо погрешности. Тогда Кларк назвал этот факт «безмолвной, но высокомерной демонстрацией геометрического совершенства».

Теперь человечеству еще более высокомерно продемонстрировали мощь создавшей зонд цивилизации.

— Да может ли вообще существовать абсолютно гладкий материал? — ахнула Сицзы.

— Может, — ответил Дин И. — Поверхность нейтронной звезды практически абсолютно гладкая.

— Но у зонда масса обычной материи!

Дин И задумался, а потом осмотрелся вокруг.

— Установите соединение с корабельным компьютером и узнайте, в каких точках манипулятор «Богомола» прикасался к зонду.

Оставшиеся на кораблях офицеры присоединились к работе, и вскоре «Богомол» тонкими лазерными лучами указал, где именно стальная клешня касалась пришельца. Сицзы рассмотрела одну из этих точек в микроскоп. Под увеличени-

ем в десять миллионов раз она не видела ничего, кроме безукоризненно ровного зеркала.

— Как сильно клешня сжимала зонд? — спросил подполковник. От флота пришел ответ: давление составляло двести килограмм-сил на квадратный сантиметр.

Гладкую поверхность нетрудно поцарапать. Но мощный захват не оставил на Капле никаких следов.

Дин И отплыл в сторону и стал что-то искать в отсеке. Вскоре он вернулся, держа в руке геологический молоток. Видимо, его забыли после сбора образцов минералов. Прежде чем офицеры успели среагировать, физик размахнулся и ударил им по зеркальной поверхности. Раздался чистый, мелодичный звон, как будто удар пришелся по нефритовой пластинке[44]. Звон услышал лишь Дин И — звук распространился по его телу. Трое других, окруженные вакуумом, ничего не слышали. Рукояткой молотка физик указал на место удара, и Сицзы поднесла к нему свой микроскоп.

Под увеличением в десять миллионов раз зеркало зонда оставалось таким же гладким.

---

[44] Примечания: 44

Нефрит — один из немногих «поющих камней». В Китае существует музыкальный инструмент — ксилофон, пластинки для которого изготавливаются из нефрита. (*Прим. перев.*)

Дин И подавленно отшвырнул молоток в сторону и глубоко задумался. Трое офицеров — и миллион человек экипажа флота — не сводили с него глаз.

— Так вот почему зонд поддерживает температуру абсолютного нуля! — догадалась Сицзы. Двое коллег тоже поняли, к чему клонит Дин И. При обычной плотности материи расстояние между ядрами атомов довольно значительно. Закрепить их на месте не легче, чем соединить штырями Солнце и все планеты в жесткую систему.

— Какое же физическое взаимодействие способно на такое?

— Лишь одно: сильное ядерное взаимодействие[45]. — Сквозь шлем скафандра офицеры увидели, что на лбу старика выступил пот.

— Но ведь это невозможно, как невозможно сбить с неба луну, стреляя в нее из лука!

— Да! А им это удалось! «Слезинка Божьей матери», говорите? — Дин И холодно рассмеялся. Исследователей охватил озноб, когда они

---

[45] Примечания: 45

Сильное ядерное взаимодействие — наиболее мощное из четырех фундаментальных взаимодействий в физике. В сильном взаимодействии участвуют кварки, глюоны и состоящие из них частицы. Оно действует в масштабах порядка размера атомного ядра и менее, до фемтометра, отвечая за связь между кварками в адронах и за притяжение между нуклонами в ядрах. Оно в сто раз превосходит электромагнитные силы. (*Прим. Дж. М.*)

услышали его смех — они поняли, о чем говорит физик. Капля вовсе не была хрупкой, как застывшая слезинка. Совсем наоборот — ее прочность в сто раз превышала твердость самого твердого материала в Солнечной системе! Все известные человеку вещества были не крепче бумаги по сравнению с *этим*. Капля могла насквозь пробить Землю, не получив ни царапины.

— Тогда... зачем же она здесь? — потерянно спросил подполковник.

— Кто знает? Может быть, это всего лишь посланник. Но он принес нам не ту весть, которую мы ожидали. — Дин И отвернулся от зонда.

— О чем вы?

— *«Коли я уничтожу вас, что вам за дело?»*

Воцарилось недолгое молчание, пока три офицера и миллионы людей на кораблях флота размышляли над их смыслом. И тут вдруг Дин И негромко сказал:

— Удирайте!

Потом он воздел руки и хрипло крикнул:

— Глупые дети! Да бегите же!

— Куда бежать? — спросила перепуганная Сицзы.

Еще через пару секунд догадался подполковник. Как и Дин И, он отчаянно закричал:

— Флот! Эвакуируйте флот!

Но было слишком поздно. Сильнейшие помехи забили канал радиосвязи. Картинка с борта «Богомола» погасла, и флот не услышал последнего донесения подполковника.

Вокруг кончика хвоста Капли возник голубой ореол, поначалу небольшой, но яркий. Внутренность «Богомола» окрасилась в голубой цвет. Затем ореол резко расширился, меняя цвета: голубой, желтый, красный... Создавалась почти полная иллюзия, что Капля не рождает свет, а бурит себе путь изнутри... По мере расширения сияние ослабевало. Достигнув размера, вдвое большего, чем диаметр Капли, ореол пропал. В тот же самый момент хвост Капли засветился вновь, и точно так же свечение расширилось, потускнело и быстро исчезло. Пульсирующий ореол появлялся и исчезал два-три раза в секунду. Под тягой непонятного двигателя Капля двинулась вперед, а потом быстро ускорилась.

Но четверым исследователям не суждено было увидеть второй цикл свечения, поскольку первый цикл завершился возникновением сверхвысокой температуры, практически такой же, как внутри Солнца. Люди мгновенно испарились.

Корпус «Богомола» раскалился докрасна. Снару-

жи он казался бумажным фонариком, в котором только что зажгли свечу. Металлические плиты потекли, как воск. Через мгновение корабль взорвался фонтаном раскаленных брызг. От него не осталось ни одного твердого обломка.

Зависший на расстоянии в тысячу километров флот увидел взрыв в мельчайших подробностях. По первоначальным предположениям, Капля просто самоликвидировалась. Люди пожалели погибших членов экспедиции, а потом загрустили, что зонд все-таки послан не с мирными намерениями. Но человечество даже отдаленно не было готово к тому, что произойдет в ближайшие минуты.

Первую аномалию обнаружил компьютер слежения за обстановкой. Обрабатывая кадры взрыва «Богомола», он отметил, что один из фрагментов ведет себя неправильно. Большинство расплавленных остатков корабля предсказуемо разлетались от точки взрыва; но один из них ускорялся. Разумеется, только компьютер был способен отыскать небольшой объект среди множества обломков. Произведя поиск в базе данных, содержащей подробные сведения о «Богомоле», компьютер остановился на нескольких десятках возможных объяснений. Ни одно из них не было

верным.

Ни компьютер, ни люди не догадались, что взрыв только разрушил «Богомола» и убил членов экспедиции, а Капля уцелела.

В отношении ускоряющегося фрагмента компьютер флота выдал лишь третий уровень опасности, поскольку объект не являлся военным кораблем и летел к углу прямоугольного построения. Сохранив текущий курс, он пройдет вне строя и не заденет ни одного корабля. Поскольку разрушение «Богомола» породило большое количество угроз первого уровня, на сообщение о третьем уровне никто не обратил внимания. Компьютер, однако, отметил значительное ускорение объекта. Пролетев триста километров, фрагмент разогнался до третьей космической скорости и продолжал набирать скорость. Компьютер расценил это как угрозу второго уровня, но до нее по-прежнему ни у кого не доходили руки.

Через пятьдесят одну секунду фрагмент пролетел полторы тысячи километров по направлению к углу строя. Подлетая к плоскости построения, он двигался уже со скоростью 31,7 километра в секунду. На расстоянии в 160 километров от углового корабля «Дальний рубеж» объект

повернул на тридцать градусов и, не снижая скорости, устремился к кораблю. За две секунды, потребовавшиеся фрагменту для покрытия этого расстояния, компьютер понизил степень угрозы со второго уровня до третьего, заключив, что подобные маневры для физических тел невозможны, а значит, объект является иллюзией. На скорости, вдвое превосходящей третью космическую, резкий поворот ничем бы не отличался от удара в стальную стену. Если бы объект был куском металла, силы инерции раскатали бы его в тонкую фольгу. Вывод: это всего лишь фантом.

Двигаясь с двойной третьей космической скоростью вдоль первого ряда кораблей прямоугольного строя, Капля врезалась прямо в «Дальний рубеж».

Капля ударила корабль в район кормы и прошла навылет, не встретив сопротивления, как если бы пронзила тень. Результатом столкновения на сверхвысокой скорости явились две круглые пробоины в корпусе, каждая размером с зонд. Но как только появились отверстия, они потекли и сплавились, до того удар Капли и испускаемое ею тепло раскалили броневые плиты. Поврежденная часть корабля нагрелась докрасна, и багровые волны жара побежали по корпусу.

Вскоре половина корабля засветилась красным, как кусок металла, побывавший в кузнечном горне.

Пронзив «Дальний рубеж», Капля на тридцати километрах в секунду направилась дальше. За три секунды она пролетела девяносто километров, пробив сначала соседа «Дальнего рубежа» в первом ряду, «Юаньфан», а затем «Сирену», «Антарктику» и «Сильнейший». Корпуса пораженных кораблей сияли красным, будто ряд гигантских фонарей.

И тогда «Дальний рубеж» взорвался. У каждого из четырех кораблей зонд пробил баки с термоядерным топливом. «Богомолу» настал конец после обычного теплового взрыва. Но в топливе «Дальнего рубежа» возникла термоядерная реакция. Никто так и не узнал, что послужило инициатором — то ли ореол сверхвысокой температуры вокруг Капли, то ли что-то еще. Рядом с пробоиной разгорелось звездное пламя; оно мгновенно охватило корабль и залило светом весь флот, застывший на бархатном фоне неба. Перед яростью огня потускнел даже Млечный Путь.

Затем такие же солнца разгорелись вокруг «Юаньфаня», «Сирены», «Антарктики» и «Сильнейшего».

В следующие восемь секунд Капля прошила еще десять кораблей звездного класса.

К этому времени огненный шар, охвативший весь «Дальний рубеж», стал уменьшаться. Зато другие подбитые корабли один за другим разгорались ядерными пожарами.

Капля летела сквозь ряд кораблей, каждую секунду пробивая очередную жертву.

Термоядерное пламя, горевшее на «Дальнем рубеже», погасло. От его жара растаяли все броневые плиты корпуса. Через секунду корабль раскрылся, словно цветочный бутон, разметав миллион тонн расплавленной стали. Брызги металла полетели во все стороны, как из вулкана летит раскаленная магма.

Зонд продолжал двигаться по прямой, тараня корабли один за другим. Позади него пылал уже десяток термоядерных костров. Весь флот сиял в свете этих небольших солнц, превратившись в море огней. Ядерные пожары по очереди угасали, а затем так же по очереди происходили взрывы, выплескивающие в бездну космоса волны жидкой стали. Казалось, что какой-то гигант швыряет камни в океан магмы.

Через одну минуту и восемнадцать секунд Капля пролетела две тысячи километров, пронзив

каждый из ста кораблей объединенного флота, стоявших в первом ряду прямоугольного строя.

К тому времени, когда термоядерный пожар охватил последний в ряду корабль, «Адам», обломки на другом конце уже разлетелись и остыли. В центре взрыва — там, где минуту назад держал позицию «Дальний рубеж», — не осталось ничего. «Юаньфан», «Сирена», «Антарктика» и «Сильнейший» один за другим разлетались во все стороны брызгами стальной магмы. Когда угас последний в ряду термоядерный взрыв и воцарился мрак, медленно остывающие капли металла образовали багровую, кровавую реку смерти длиной в две тысячи километров.

Пробив «Адама», Капля пролетела еще километров восемьдесят, а затем опять выполнила крутой поворот, необъяснимый для науки человечества. На сей раз зонд практически развернулся на месте и полетел обратно на той же скорости. Целью зонда был второй ряд построения — или теперь уже первый ряд, учитывая причиненные разрушения. На скорости тридцать километров в секунду Капля летела прямо в ближайший корабль, «Ганг».

Вплоть до этого момента от командования флота не поступало никаких указаний.

Боевая командная система флота работала точно по программе. Обширная сеть датчиков собрала множество данных обо всем, происшедшем в последнюю минуту и восемнадцать секунд. Объем данных был настолько велик, что с ним могла справиться только автоматизированная экспертная система.

Компьютер проанализировал доступные факты и установил, что в районе действий флота появились значительные силы противника, которые и осуществили атаку. Однако никакой информации о составе сил врага не поступало. Очевидными были только два факта:

1. Силы неприятеля располагаются там же, где и Капля.
2. Силы неприятеля невидимы для любых систем обнаружения.

Командование флота пребывало в ступоре. За двести лет штабные работники разработали множество сценариев битвы в космосе. Однако зрелище сотни боевых кораблей, взорванных, как цепочка хлопушек, всего за одну минуту, было за пределами их разумения. Поток информации, хлынувший из боевой командной системы, оказался настолько велик, что командирам при-

шлось довериться суждениям компьютеров, а самим заняться поиском невидимого вражеского флота, которого не было. Все видеокамеры и телескопы нацелили в глубь космоса, не обращая внимания на опасность под носом. Многие даже считали, что невидимый флот принадлежит некоей третьей силе, не землянам и не Трисолярису, поскольку глубоко в душе они не сомневались в слабости Трисоляриса и в его неизбежном поражении.

Система боевого мониторинга флота не смогла вовремя обнаружить Каплю в основном потому, что зонд был невидим для радиолокаторов любого частотного диапазона. Капля отражала видимый свет, но компьютеры первым делом обрабатывали данные радаров. Б`ольшая часть того, что оставалось от кораблей, представляла собой слитки жидкого металла, вскипяченного ядерными взрывами. Значительная часть фрагментов имела тот же размер и форму, что и Капля; компьютеры были не в силах отличить смертоносный зонд от останков погибших кораблей. Кроме того, практически все командование полагало, что Капля самоуничтожилась внутри «Богомола», и никто не приказывал компьютерам ее целенаправленно искать.

Тем временем возникли новые осложнения. Останки кораблей первого ряда достигли кораблей второго ряда. Автоматизированные системы обороны открыли по ним огонь из лазеров и рельсовых пушек. Но летящие навстречу разнокалиберные фрагменты представляли собой жидкий металл, скрывающийся под тонкой, едва застывшей оболочкой. Когда в них попадали, они разлетались ослепительным фейерверком. Вскоре второй ряд кораблей отделил себя огненным барьером, идущим параллельно темно-красной «реке крови». Повсюду сверкали разрывы; казалось, что со стороны невидимого противника поднимается огненная волна. Куски металла летели с плотностью града, и системы обороны не успевали справиться со многими из них. Обломки достигали кораблей и ударялись о корпус. Эти столкновения наносили ощутимый ущерб; броню многих кораблей хорошенько потрепало, а некоторые получили пробоины. Заверещали сирены разгерметизации...

Такое неистовое сражение с металлоломом, конечно же, не осталось незамеченным; но и люди, и компьютеры заблуждались, считая, что корабли флота стреляют по врагу, а он отвечает им тем же. Ни один человек, ни одна машина не

придали значения крохотной фигурке Смерти — а она уже приступила к атаке на второй ряд.

Так что, когда Капля нацелилась в «Ганг», вся сотня кораблей второго ряда оставалась в гибельном линейном строю.

Блеснув, как молния, за десять секунд зонд пронзил двенадцать кораблей: «Ганг», «Колумбию», «Правосудие», «Масаду», «Протон», «Яньди», «Атлантику», «Сириус», «Благодарение», «Атаку», «Хань» и «Бурю». Как и в первом ряду, каждый корабль разогревался докрасна от удара, потом его охватывал термоядерный пожар, а затем миллион тонн оплавленного металла взрывался. Линия беспощадно уничтожаемых кораблей была похожа на бикфордов шнур длиной в две тысячи километров. Фитиль горел так интенсивно, что позади него не оставалось ничего, кроме багрово-красной золы.

Через одну минуту и двадцать одну секунду сотня кораблей во втором ряду превратилась в ничто.

Пробив последний в ряду корабль, «Мэйцзи», Капля совершила еще один резкий поворот и полетела в первый корабль третьего ряда, «Ньютон». Разрушения во втором ряду породили очередную волну обломков, теперь летевших к

третьему ряду наравне с застывшими кусками металла первого ряда. К этому времени большинство капитанов уже запустили двигатели и активировали оборонные системы. Теперь корабли уже не располагались на прямой линии, но далеко от нее отойти не успели.

Капля прошила «Ньютон», а потом резко сменила курс. За мгновение ока она проскочила двадцать километров, отделявшие «Ньютона» от «Просвещения», отклонившегося от линии строя на три километра. Затем она повернула снова, нацелившись в «Меловой период», сдвинувшийся в противоположном направлении, и пробила его. Зонд летел по ломаной траектории, не снижая скорости в тридцать километров в секунду, и один за другим разрушал корабли третьего ряда.

Впоследствии аналитики изучили траекторию Капли и поразились, что каждый поворот зонда был резким, без радиуса, с которым поворачивают корабли людей. Этот дьявольский маршрут доказывал существование космического двигателя, недоступного пониманию земных ученых. Капля перемещалась, как невесомая тень; ее не беспокоили законы физики; она была острием пера в руке Бога. Во время атаки третьего ряда зонд маневрировал два-три раза в секунду, слов-

но игла смерти, вышивающая узор разрушения на сотне кораблей.

Капле понадобилось всего две минуты и тридцать пять секунд, чтобы расправиться с кораблями третьего ряда.

К этому моменту все корабли запустили свои двигатели. Строй развалился, но Капля продолжала преследование, нападая на беглецов. Разрушение пошло медленнее, но от трех до пяти мини-солнц горели постоянно. В их ослепительном мертвенном сиянии факелы корабельных двигателей казались лишь слабенькими светящимися точками, и весь флот напоминал теперь рой перепуганных светлячков.

Боевая командная система флота так и не обнаружила подлинный источник угрозы. Все ресурсы были брошены на поиски предполагаемого невидимого флота противника. Впоследствии военные изучили разрозненную массу информации, передаваемой с кораблей, и установили, что первыми об истинной природе нападения догадались два низших офицера Азиатского флота. Одним из них был мичман Чжао Синь, помощник классификатора целей на «Бэйфане»; другим был капитан Ли Вэй, оператор электромагнитного оружия второго класса на «Ваньнянь Куньпэне».

Вот запись их переговоров:

ЧЖАО СИНЬ: «Бэйфан» TR317 вызывает «Ваньнянь Куньпэн» EM986! «Бэйфан» TR317 вызывает «Ваньнянь Куньпэн» EM986!

ЛИ ВЭЙ: Говорит «Ваньнянь Куньпэн» EM986. Учтите, что на этом уровне секретности телефонная связь является нарушением устава.

ЧЖАО СИНЬ: Это Ли Вэй? Говорит Чжао Синь! Тебя-то я и искал!

ЛИ ВЭЙ: Приветствую! Рад, что ты еще жив.

ЧЖАО СИНЬ: Капитан, есть дело. Я тут обнаружил кое-что... Информацию надо передать в штаб, но моих полномочий для этого не хватит. Не поможешь?

ЛИ ВЭЙ: У меня тоже на это не хватит полномочий. В штабе сейчас и без нас хватает информации. Что ты хочешь им послать?

ЧЖАО СИНЬ: Я изучил сцену боя в видимом спектре...

ЛИ ВЭЙ: Тебе разве не приказано работать только с данными радиолокаторов?

ЧЖАО СИНЬ: В этом-то и загвоздка! Я проанализировал записи в видимом спектре, рассчитал векторы скоростей и знаешь, что обнаружил? Знаешь, что на самом деле происходит?

ЛИ ВЭЙ: Что?!

ЧЖАО СИНЬ: Не подумай, что я свихнулся — ты же меня знаешь, мы давние друзья.

ЛИ ВЭЙ: Ты крепкий орешек. Твоя крыша поедет последней. Так что там такое?

ЧЖАО СИНЬ: Так вот: это у всего флота крыша поехала! Мы нападаем сами на себя!

ЛИ ВЭЙ: ...

ЧЖАО СИНЬ: «Дальний рубеж» обстрелял «Юаньфан», «Юаньфан» напал на «Сирену», «Сирена» — на «Антарктику», а «Антарктика»...

ЛИ ВЭЙ: Да ты совсем охренел!

ЧЖАО СИНЬ: Происходит вот что: А нападает на Б. После нападения, но прежде чем взорваться, Б нападает на В. В точно так же нападает на Г... Каждый подбитый корабль атакует своего соседа. Черт побери, это как инфекция, как эстафета

смерти. Просто безумие!

ЛИ ВЭЙ: Какое они применяют оружие?

ЧЖАО СИНЬ: Не знаю. Я обнаружил на снимке снаряд, но он до того крохотный и летит так быстро... намного быстрее, чем шарики наших рельсовых пушек. И он невероятно точно попадает — каждый раз прямо в топливные баки!

ЛИ ВЭЙ: Перешли мне все фотографии и расчеты.

ЧЖАО СИНЬ: Готово. Я выслал исходные данные и анализ векторов. Посмотри же сам, черт возьми!

Рассуждения мичмана Чжао Синя выходили за рамки служебных инструкций, но он вплотную подобрался к разгадке. Ли Вэй просмотрел его расчеты за полминуты. За это время погибло еще тридцать кораблей.

ЛИ ВЭЙ: В данных по скорости есть кое-что странное.

ЧЖАО СИНЬ: По какой скорости?

ЛИ ВЭЙ: Я говорю о скорости небольшого снаряда. При выстреле с каждого корабля он движется чуть медленнее. За-

тем, во время полета, разгоняется до тридцати километров в секунду и попадает в цель. Перед выстрелом по следующему кораблю, незадолго до взрыва, скорость немного падает. А потом он снова ускоряется...

ЧЖАО СИНЬ: Ну так и что?

ЛИ ВЭЙ: Мне кажется, что... это чем-то похоже на сопротивление среды.

ЧЖАО СИНЬ: Сопротивление среды? О чем ты?

ЛИ ВЭЙ: Каждый раз, когда этот снаряд пробивает цель, трение о препятствие его притормаживает.

ЧЖАО СИНЬ: Теперь понял. Я же не дурак. Ты сказал «этот снаряд» и «пробивает цель»... Это всего один объект?

ЛИ ВЭЙ: Выгляни наружу. Взорвалась еще сотня кораблей.

Переговоры велись не на современном языке флота, а на китайском XXI века. По их речи было очевидно, что оба офицера — проснувшиеся. Не так уж много проснувшихся служило во флоте. Большинство из них вывели из гибернации в ранней молодости, но у них так и не развилась

способность современных людей к впитыванию больших объемов информации. Поэтому им поручали только второстепенные задачи. Лишь позднее выяснилось, что б`ольшая часть офицеров и рядовых, проявивших самообладание и благоразумие посреди руин флота, были проснувшимися. Этим двум офицерам, например, даже не доверяли пользоваться самым эффективным оборудованием корабля, но тем не менее они провели замечательный анализ.

Догадки Чжао Синя и Ли Вэя не достигли боевой командной системы, но компьютерный анализ характера боя уже двигался в верном направлении. Осознав, что невидимого вражеского флота, придуманного компьютером, не существует, система переключила усилия на анализ общей картины боя. Проведя поиск и корреляцию в огромном объеме данных, боевая командная система флота наконец убедилась, что Капля продолжает существование. Изображение, обнаруженное на видеозаписи, не отличалось от прежних фотоснимков — за исключением ореола работающего двигателя на конце. Зонд сохранил идеальную форму капли. Только цвет его теперь менялся: в зеркальной поверхности стремительно несущегося аппарата отражалось

то пламя термоядерных взрывов, то свечение расплавленного металла; ослепительно белое сияние сменялось зловеще-багровым, и тогда зонд становился похож на каплю пылающей крови. Дальнейший анализ уже опирался на компьютерную модель его траектории.

За два столетия военные стратеги придумали множество сценариев битвы Судного дня. Но каждый из них предполагал, что враждебные объекты будут непременно крупными. Земляне встретятся на поле боя с основными силами могучего флота Трисоляриса. Каждый корабль врага будет смертоносной космической крепостью размером с небольшой город. Ученые строили предположения о самом грозном оружии и самой опасной тактике. По одному такому сценарию трисолярианский флот обстреливал земные корабли болванками из антиматерии. Каждое попадание в цель снаряда размером не больше винтовочной пули превращало в пыль огромный корабль звездного класса.

Но сейчас приходилось признать тот факт, что объединенному флоту угрожал миниатюрный зонд — лишь одна капля из громадного океана могущества Трисоляриса. И этот зонд пользовался одной из древнейших и примитивнейших

тактик земного флота: шел на таран.

Через тринадцать минут с начала атаки боевая командная система флота пришла к верной оценке ситуации. С учетом непростых условий боя это было довольно скоро, но Капля оказалась быстрее. Морской бой в XX веке предоставлял командованию достаточно времени; офицеров могли вызвать на флагман на совещание, как только враг покажется на горизонте. Время же битвы в космосе исчисляется секундами. За тринадцать минут зонд уничтожил более шестисот кораблей. Лишь тогда человечество осознало, что люди не способны к управлению боем в космосе. Из-за софонов, препятствующих научным исследованиям, созданный землянами искусственный разум тоже с этим не справится. Неэффективное командование — одно это не даст человечеству вести космический бой с трисолярианами на равных, не говоря уже о массе других факторов.

Оборонные системы кораблей, пораженных первыми, не отреагировали на нападение зонда из-за его высокой скорости, незначительного подлетного времени и невидимости для радаров. Но по мере взаимного отдаления кораблей Капле требовалось больше и больше времени на каждую атаку. В компьютеры внесли характери-

стики зонда. Первым кораблем, попытавшимся защититься, стал «Нельсон». Чтобы повысить точность прицеливания по мелкой скоростной цели, воспользовались лазерным оружием. Когда на зонде скрестились несколько невидимых лучей гамма-лазеров, Капля ярко засветилась. Понять, каким образом зонд избегает обнаружения радарами, так и не удалось; ведь у него была идеально зеркальная поверхность, и форма капли гарантировала отражение в сторону наблюдателя. Возможно, секрет невидимости крылся в способности Капли изменять частоту отраженных электромагнитных волн. Излучаемый зондом свет оказался настолько ярким, что затмил собой пожары, бушующие на гибнущих кораблях. Видеокамерам пришлось прикрыть объективы диафрагмами, чтобы спасти их светочувствительные сенсоры. Любой человек, посмотревший прямо на зонд, ослеп бы навсегда. Другими словами, такой ослепительный свет по оказываемому эффекту ничем не отличался от темноты. Окутанный сиянием зонд проник внутрь «Нельсона» и погас, погрузив поле боя во тьму. Через мгновение яркие сполохи термоядерного пламени снова залили космическое пространство, а Капля, не получив ни единой

царапины, выскочила из «Нельсона» и понеслась к «Зеленому», находившемуся где-то в восьмидесяти километрах.

Оборонная система «Зеленого» применила для перехвата зонда кинетическое оружие. Электромагниты разгоняли металлический снаряд до высокой скорости. При попадании в цель снаряд взрывался с огромной разрушительной силой, не слабее бомбы. Примененные против наземной цели, они бы в мгновение ока сровняли гору с землей. При обстреле зонда его собственная скорость складывалась со скоростью снарядов, добавляя им энергии, — но зонд лишь полетел немного медленнее, затем прибавил тяги и восстановил скорость. Под плотным обстрелом он подлетел к «Зеленому» и пробил его насквозь. Даже самый мощный микроскоп не смог бы разглядеть на зеркальной поверхности Капли ни единой вмятины.

Материалы, созданные на основе сильного взаимодействия, отличаются от обычной материи, как твердое вещество от жидкого. Обстрел зонда из оружия землян напоминал океанские волны, разбивающиеся о гранитный утес. Повредить Каплю было невозможно. В Солнечной системе не существовало силы, способной разрушить

зонд. Он был неуязвим.

Едва восстановившееся командование флотом снова было повержено в хаос. Всех охватило отчаяние. Без оружия, способного отразить угрозу, управление флотом было утрачено окончательно.

Безжалостное избиение продолжалось. По мере расхождения кораблей расстояние между ними увеличивалось. Зонд прибавил скорости и разогнался до шестидесяти километров в секунду. Демонстрируя своими действиями хладнокровный и расчетливый разум, он на ходу отлично решал «задачу коммивояжера», редко возвращаясь по своим следам. Его цели находились в постоянном движении, но Капля с высокой точностью отслеживала их перемещение и практически мгновенно рассчитывала траектории. Порой зонд покидал эпицентр резни, подлетал к парочке отдалившихся кораблей и превращал их в пепел, чтобы у других не возникало надежды сбежать в этом направлении.

Почти все время Капля пробивала корабли в области топливных баков. Как именно она их находила — то ли сканируя структуру в реальном времени, то ли по собранной софонами базе данных, — так и осталось неизвестным. Но около

десяти процентов кораблей получили пробоины в других местах, и термоядерного взрыва на них не возникало. Такие жертвы подолгу раскалялись докрасна, прежде чем разлететься по космосу мелкими обломками. Их экипажи испытывали жесточайшие муки, сгорая заживо.

Флоту не удалось организованно отступить. Для перехода в состояние погружения не осталось времени; поэтому ускорение ограничивалось «тягой три», а на нем быстро покинуть опасную зону оказалось невозможно. Как овчарка, мечущаяся вокруг стада, не дает ему рассыпаться, так и Капля наносила блокирующие удары по периферии флота, не позволяя кораблям спастись.

Космос был заполнен брызгами расплавленного и частично затвердевшего металла и другими обломками. Беглецам приходилось расчищать себе путь лучами лазеров или снарядами рельсовых пушек. Искрящийся космический мусор окутывал корабли сверкающим коконом. Время от времени осколки просачивались сквозь защиту и наносили существенный урон броне и двигателю. Удары крупных обломков вели к гибели корабля.

Несмотря на развал управления флотом, высшее командование продолжало отдавать прика-

зы. Но высокая плотность начального, парадного построения означала неизбежность столкновений. «Гималаи» на встречном курсе и полной скорости врезались в «Тор», и оба разлетелись в пыль. «Посланник» задел корму «Генезиса»; из широких пробоин в обшивке на ураганной скорости вырвался воздух, длинным шлейфом рассеявший по космосу оборудование и тела членов экипажа.

Самое страшное выпало на долю «Эйнштейна» и «Ся». Их капитаны воспользовались режимом дистанционного управления, обошли защиту экипажа от перегрузки и задействовали «тягу четыре». Ни один человек на борту не находился в состоянии погружения. Передаваемые камерами «Ся» кадры показали, как при включении двигателей больше сотни человек расплющились об пол пустого ангара истребителей. Камеры видели, как на белом полу размером с футбольное поле распускаются красные цветы. Под огромной тяжестью лужи крови, становясь все тоньше и постепенно расширяясь, сливались в одно громадное пятно...

В шарообразных каютах разыгрались наиболее ужасающие сцены. Как только начались запредельные перегрузки, люди съехали в самый низ

сферы, а затем тяжелая дьявольская рука скомкала их тела, будто сделанные из пластичной глины, в единую массу. Никто даже крикнуть не успел. Единственными звуками были хруст костей и хлюпанье выдавливаемых наружу внутренностей. Груду мяса и костей залило кровью, а потом превратившиеся в кашу органы выпали в осадок, и жидкость очистилась, став прозрачной, плоской и ровной, как зеркало. Под кажущейся твердой поверхностью застыл слой останков — словно рубины, залитые в стекло.

При разборе событий люди сначала предположили, что перевод «Эйнштейна» и «Ся» на «тягу четыре» произошел по ошибке, совершенной в минуты хаоса. Но дальнейшее расследование опровергло эту теорию. Чтобы обойти проверку на погружение с использованием режима дистанционного управления, капитанам требовалось выполнить серию сложных манипуляций. Их практически невозможно сделать случайно.

Переданные с кораблей данные также показали, что еще до перехода на «тягу четыре» оба экипажа начали покидать корабли на истребителях и челноках. Двигатели включили на полную мощность лишь тогда, когда Капля подобралась вплотную и соседние корабли стали взрываться.

Эти факты навели на мысль, что «Эйнштейн» и «Ся» собирались на полной скорости уйти от зонда, чтобы спасти корабли для человечества. Но не успели — Капля не позволила. Остроглазый бог смерти заметил, что кто-то ускоряется быстрее, догнал беглецов и уничтожил вместе с их безжизненным грузом.

Но двум кораблям удалось уйти от Капли на «тяге четыре». Это были «Квант» и «Бронзовый век». По совету Дин И их экипаж еще до боя перешел в состояние погружения. Как только гибельный огонь охватил третий ряд кораблей, капитаны запустили двигатели на полную мощность и вместе покинули поле битвы. Их изначальное положение в углу строя дало достаточно времени, чтобы затеряться в глубине космоса.

За двадцать минут погибло свыше тысячи кораблей — больше половины флота.

В объеме пространства диаметром в десять тысяч километров было не протолкнуться от обломков. Продолжавшее расширяться облако металлического мусора то и дело озарялось изнутри светом новых ядерных взрывов. Казалось, что во тьме космической ночи мерцают чьи-то гигантские бесчувственные глаза. А когда пламя взрывов угасало, сияние расплавленного металла

превращало облако в кровавый рассвет.

Практически все оставшиеся корабли находились на значительном расстоянии друг от друга, но по-прежнему внутри облака летающего металлолома. Многие уже истратили боезапас рельсовых пушек и начали пробивать себе путь лазерами. Однако высокая нагрузка на реакторы не оставляла достаточно энергии для лучевого оружия. Приходилось медленно и мучительно долго лавировать между обломками. Большинство кораблей двигалось со скоростью расширения облака. Выбраться из этой ловушки было невозможно.

Скорость Капли, 170 километров в секунду, теперь в десять раз превосходила третью космическую. Она летела прямо сквозь обломки, расплавляя все на своем пути. За зондом тянулся сверкающий шлейф. Поначалу Капля походила на разъяренную комету, а потом, когда хвост подрос, она превратилась в гигантского серебристого дракона, растянувшегося на десять тысяч километров. Все облако металлической пыли светилось в его сиянии, а сам хвост извивался то туда, то сюда, как в безумном танце. Пробитые зондом корабли вспыхивали; вдоль тела чудовища постоянно горели четыре или пять

небольших солнц. А через несколько секунд солнца взрывались, и миллионы тонн расплавленного металла окрашивали хвост дракона зловещим багрянцем.

Прошло еще тридцать минут, а сверкающий дракон продолжал метаться по облаку. Но вспышки ядерных взрывов в его хвосте пропали, и хвост уже не казался кроваво-красным. Внутри облака не осталось ни одного космического корабля.

Когда дракон вылетел из облака, его тело исчезло возле края — сначала голова, потом хвост. Зонд принялся уничтожать остатки флота. Лишь двадцать один корабль смог выбраться из облака; большинство из них получили настолько значительные повреждения, что еле-еле двигались, а то и вовсе утратили ход. Капля быстро догоняла их и ликвидировала. Возникли новые облачка металла; вскоре они слились с основным.

Капле потребовалось чуть больше времени, чтобы разделаться с пятью почти не поврежденными кораблями. Они уже набрали скорость и двигались в разных направлениях. Последний из них, «Ковчег», успел значительно отдалиться от облака. Его взрыв, на несколько секунд осветивший мрак космоса, показался одиноким фонариком, мигнувшим на ветрах необъятной

пустоши.

Космические силы человечества были полностью уничтожены.

Капля легла на курс в направлении сбежавших «Кванта» и «Бронзового века», но скоро оставила погоню — цели находились далеко и двигались очень быстро. Так «Квант» и «Бронзовый век» стали единственными кораблями, пережившими эту грандиозную катастрофу.

Капля покинула зону сражения и направилась к Солнцу.

Помимо экипажей двух уцелевших военных кораблей, незначительное количество военнослужащих спаслось на борту истребителей и челноков. Зонд мог бы без всякого труда убить этих людей, но подобная мелочь его не занимала. Основная угроза для практически беззащитных суденышек исходила от летящей отовсюду стальной шрапнели. Некоторые, уже отчалив, погибли в таких столкновениях. Легче всего было спастись в начале боя и в его конце. В первые минуты схватки обломков еще не было, а под конец, когда облако расширилось, плотность мусора снизилась.

Выжившие несколько дней дрейфовали недалеко за орбитой Урана. Вскоре их подобрало

гражданское судно, работавшее в этом участке космоса. Всего спаслось около шестидесяти тысяч человек. Среди них были двое офицеров из числа проснувшихся — те самые, которые первыми распознали нападение зонда: мичман Чжао Синь и капитан Ли Вэй.

Понемногу все успокоилось. Облако металлической пыли погасло среди холода космоса и растаяло во тьме. Годы спустя под воздействием притяжения Солнца облако прекратило расширяться, взамен удлинившись и размазавшись вдоль орбиты. Постепенно вокруг Солнца образовалось тончайшее металлическое кольцо. Казалось, будто на холодной окраине Солнечной системы водит бесконечный хоровод миллион неприкаянных душ.

Один-единственный трисолярианский зонд стер в пыль весь космический флот человечества. Еще девять таких же войдут в Солнечную систему через три года. Все вместе эти десять зондов не составят по размеру даже одной десятитысячной от одного боевого корабля Трисоляриса — а к Земле по-прежнему стремилась тысяча таких.

Коли я уничтожу вас, что вам за дело?

* * *

Пробудившись от долгого сна, Чжан Бэйхай взглянул на часы. Он проспал пятнадцать часов. Кажется, он никогда в жизни еще столько не спал, если не считать двух столетий в гибернации. Теперь у него возникло новое ощущение. Поразмыслив, он понял, откуда в нем это чувство.

Он был сам по себе.

До сих пор, даже плывя в бесконечном космосе, он ни разу не чувствовал себя свободным. Глаза отца следили за ним с *той* стороны, ежедневно и ежечасно. Он к этому привык — так же как привыкают к свету солнца днем и звездному небу ночью. А теперь пристальный взгляд отца исчез.

«Пора выйти к людям», — сказал он себе, осматривая себя в зеркале. Он спал в невесомости, поэтому и прическа, и форма были в полном порядке. Чжан Бэйхай в последний раз окинул взором сферическую каюту, в которой провел больше месяца, затем открыл дверь и выплыл в коридор. Он был готов противостоять ярости толпы, бесчисленным осуждающим взглядам, готов выслушать свой окончательный приговор... Сколько бы ему ни осталось жить, он проживет это время, как подобает настоящему солдату.

Как бы ни развивались события, он встретит их бесстрастно.

В коридоре никого не было.

Он медленно продвигался вперед мимо раскрытых дверей пустых кают. Они ничем не отличались от его собственной: такие же сферы с белоснежными стенами, похожие на глаз без зрачка. Вокруг было чисто; не светилась ни одна информационная панель. Вероятно, компьютеры корабля перезапустили и отформатировали.

Он припомнил кинофильм, который видел в юности. Герои фильма оказались внутри какого-то огромного кубика Рубика, состоящего из бесчисленных одинаковых помещений. Внутри каждого имелась какая-нибудь смертоносная ловушка. Герои переходили из одного помещения в другое, в третье и так далее до бесконечности...

Он удивился привольному течению своих мыслей. Раньше думать о посторонних вещах было для него роскошью; но теперь, когда миссия, продолжавшаяся почти двести лет, подошла к концу, его разум мог позволить себе немного отвлечься.

За углом перед ним предстал другой коридор, длиннее прежнего, но столь же безлюдный. Переборки испускали ровный, млечно-белый свет, в котором терялось ощущение глубины простран-

ства. Казалось, будто мир вокруг него сжался. В этом коридоре, так же как и в прежнем, его встретили открытые двери одинаковых пустых кают. И ни души кругом, как если бы экипаж покинул «Естественный отбор».

Весь массивный корабль представлялся Чжан Бэйхаю огромным, но выразительным символом, метафорой какого-то закона, скрывающегося за маской реальности. Ему чудилось, что этим одинаковым белым сферам нет конца, что они заполнили собой всю Вселенную.

Ему в голову пришла мысль: голография.

Из любого сферического отсека можно было управлять всем кораблем. Следовательно — по крайней мере, с точки зрения теории информации, — каждая каюта была цельным «Естественным отбором». А это значило, что «Естественный отбор» можно было уподобить голограмме.

Корабль — это металлическое зерно, хранящее в себе все знания человеческой цивилизации. Если оно прорастет где-нибудь во Вселенной, то из него может полностью сформироваться цивилизация. Часть содержала целое. По этой причине и цивилизация людей тоже может рассматриваться как голограмма.

Чжан Бэйхай потерпел неудачу. Ему не удалось

разбросать эти семена, и он о том сожалел. Но не грустил — и не только потому, что сделал все, что мог, для исполнения своего долга. Его разум, теперь свободный от оков, воспарил. Чжан Бэйхай представил себе Вселенную как голограмму; каждая ее точка содержала весь мир. Вселенная устоит, даже если останется лишь один ее атом. Внезапно его охватило всеобъемлющее чувство прозрения — такое же, какое ощутил Дин И десять часов назад на другом конце Солнечной системы, когда приближался на челноке к Капле. Чжан Бэйхай в то время еще спал.

Он дошел до конца коридора, открыл дверь и ступил в самый большой отсек корабля. Именно здесь его встречали три месяца назад. И, как тогда, в центре помещения застыли в парадном строе офицеры и рядовые. Но теперь их было больше, и в невесомости они выстроились в три яруса. Экипаж «Естественного отбора», все две тысячи человек, занимал средний ярус. Чжан Бэйхай догадался, что живые люди выстроились только там. Два других яруса были голограммами.

Присмотревшись, он заметил, что ярус голограмм состоит из экипажей кораблей преследования. Прямо в центре стояли пять полковников: Дунфан Яньсюй и капитаны четырех других

кораблей. Все они, кроме Дунфан Яньсюй, были передаваемыми по радио голограммами. Когда Чжан Бэйхай вошел в отсек, на нем сосредоточились взгляды пяти тысяч человек — и в этих взглядах не было ни злобы, ни осуждения. Так не смотрят на предателя.

Капитаны поочередно приветствовали Чжан Бэйхая:

— «Синий космос», Азиатский флот!

— «Энтерпрайз», Североамериканский флот!

— «Глубокий космос», Азиатский флот!

— «Высший закон», Европейский флот!

Дунфан Яньсюй салютовала последней:

— «Естественный отбор», Азиатский флот! Сэр, от космического флота Земли остались лишь эти пять кораблей звездного класса. Вы спасли нас от уничтожения. Примите командование!

* * *

— Это конец. Полный развал! Всеобщая депрессия! — Ши Сяомин вздохнул и покачал головой. Он только что вернулся из подземного Пекина. — В городе анархия. Повсюду хаос.

Руководители поселка собрались на заседание местного самоуправления. Две трети из них составляли проснувшиеся; остальные были

людьми, родившимися в этом времени. Разница между ними была теперь очевидна: и те, и другие пали духом; но тогда как проснувшиеся, несмотря на уныние, держали себя в руках, психика современных балансировала на грани психического припадка и за время совещания неоднократно перешагивала за эту грань. Слова Ши Сяомина плеснули бензина в огонь. На глаза председателя навернулись слезы, а когда он, плача, прикрыл лицо руками, разрыдались еще несколько присутствующих из современных. Глава отдела образования истерически захохотал, а пара других современных чиновников с рычанием смели на пол свои кофейные кружки.

— Успокойтесь! — приказал Ши Цян. Он говорил негромко, но веско; это утихомирило современных. Председатель и другие плачущие постарались овладеть собой.

— Совсем как дети... — покачал головой Хайнс. Он присутствовал на заседании в качестве делегата от населения. Пожалуй, лишь ему разгром объединенного флота пошел на пользу — реальность больше не противоречила его ментальной печати. А прежде он ужасно мучился перед лицом неотвратимой победы землян и был даже близок к нервному срыву. Он ездил в городской

госпиталь, но опытнейшие психиатры оказались бессильны. Впрочем, они предложили любопытную идею, которую Ло Цзи и поселковое руководство помогли осуществить. Врачи предложили создать вымышленную реальность, в которой человечество проиграло, — наподобие того, как это изображается в рассказе «Осада Берлина» Альфонса Доде или старом фильме «Гуд бай, Ленин!». Технология виртуальной реальности уже широко использовалась, поэтому задача была не из сложных. Каждый день Хайнс сидел дома и смотрел новости, которые фабриковали специально для него. Трехмерная компьютерная графика не отличалась от подлинного репортажа. Ему показывали, как часть трисолярианского флота ускоряется и входит в Солнечную систему раньше, чем ожидалось; как объединенный флот Земли сражается в поясе Койпера и несет тяжелые потери. А потом все три флота не справляются с обороной у орбиты Нептуна и с трудом организуют сопротивление возле Юпитера...

Сотрудник, занимавшийся подготовкой новостей для Хайнса, настолько погрузился в свой вымышленный мир, что, узнав о реальном разгроме, едва не тронулся умом. Он полностью истощил свою фантазию, живописуя поражение

человечества, — как ради Хайнса, так и чтобы показать себя во всем своем профессиональном блеске. Но жестокая действительность далеко превзошла его воображение.

Когда после трехчасовой задержки картина разрушений достигла Земли, люди превратились в ораву отчаявшихся малышей, а человеческий мир — в детский сад, обуянный кошмарами. Массовая истерика распространялась со скоростью лесного пожара; в городах начались беспорядки.

В поселке, где жил Ши Цян, все служащие рангом выше него либо подали в отставку, либо просто психически сломались, прекратив выполнять свои обязанности. Тогда Ши Цяна назначили исполняющим обязанности местного руководителя. Может, не такой уж и важный пост, но в руках Ши Цяна оказалась судьба всего городка проснувшихся. К счастью, по сравнению с жителями подземного города проснувшиеся неплохо владели собой.

— Не забывайте, в какой ситуации мы оказались, — заговорил Ши Цян. — Если что-нибудь случится с механизмами жизнеобеспечения подземного Пекина, там станет как в аду и все побегут на поверхность. Тогда нам здесь не выжить. Нужно подумать о переселении.

— И куда же нам деваться? — спросил кто-то.

— Куда-нибудь в слабо заселенные районы; например, на северо-запад. Конечно, мы сначала пошлем людей на разведку. Сейчас невозможно предсказать, что произойдет с миром, будет ли вторая Великая падь. Нам надо подготовиться к выживанию исключительно натуральным хозяйством.

— А Капля нападет на Землю? — спросил другой.

— На кой ляд зря трепать себе нервы? — потряс головой Ши Цян. — Все равно мы ничего не можем сделать. Да и до того, как она пробьет Землю, нам тоже надо как-то жить, разве не так?

И тут впервые с начала заседания заговорил Ло Цзи:

— Совершенно верно. Тревоги — напрасная трата сил и времени. Уж кому-кому, а мне это доподлинно известно.

* * *

Семь уцелевших космических кораблей двумя группами летели прочь от Солнца. В одну группу входили пять кораблей — «Естественный отбор» и его недавние преследователи. Другую составляли «Квант» и «Бронзовый век». Два мини-флота

находились на разных концах Солнечной системы и, двигаясь практически в противоположных направлениях, все больше удалялись друг от друга.

Когда Чжан Бэйхай на «Естественном отборе» выслушал доклад об уничтожении флота, выражение его лица не изменилось. С невозмутимым взором он негромко сказал:

— Плотный строй — непростительная ошибка. Все остальное — ее неизбежное следствие.

— Товарищи, — обратился он к пятерым капитанам и выстроившимся тремя ярусами офицерам и рядовым. — Я называю вас этим древним словом потому, что хочу, чтобы начиная с сегодняшнего дня мы стали единомышленниками. Каждый из вас обязан понимать ситуацию и представлять себе наше будущее. Товарищи, обратной дороги нет!

И в самом деле, вернуться они не могли. Капля, разметавшая объединенный флот, оставалась где-то в Солнечной системе, а через три года появятся еще девять. Родина беглецов превратилась в западню. Согласно получаемым сведениям, человеческой цивилизации настанет конец еще до прибытия основного флота Трисоляриса. До Судного дня оставалось совсем мало времени.

На долю пяти кораблей выпала ответственность нести цивилизацию людей в будущее. Но они были способны лишь лететь вперед, в глубины космоса. Корабли навсегда станут их домом, а космос — местом их упокоения.

Все вместе пять с половиной тысяч человек экипажа мало чем отличались от младенца, у которого отрезали пуповину и безжалостно швырнули в пучину космоса. И, подобно младенцу, им оставалось только плакать. Но в глазах Чжан Бэйхая горела стальная воля. Она помогла экипажу удержать строй и выправку. Детям, выброшенным в безбрежную ночь, прежде всего нужен отец. Теперь, вслед за Дунфан Яньсюй, они нашли отца в лице солдата давно ушедших времен.

Чжан Бэйхай продолжил:

— Мы навсегда останемся частью человечества. Но теперь мы независимое общество, и нам предстоит избавиться от психологической зависимости от Земли. Первым делом нужно выбрать имя для нашего нового мира.

— Мы дети Земли. Может статься, мы единственные наследники земной цивилизации. Давайте назовем себя «Звездолеты Земли», — предложила Дунфан Яньсюй.

— Превосходное имя, — одобрительно кивнул Чжан Бэйхай, затем повернулся к строю. — С этой минуты мы все граждане «Звездолетов Земли». Возможно, с этого момента начинается история второй цивилизации людей. Нам предстоит много работы, поэтому теперь я прошу вас вернуться на рабочие места.

Два голографических строя военнослужащих мигнули и погасли, а команда «Естественного отбора» начала разлетаться в разных направлениях.

— Сэр, следует ли нашим кораблям сблизиться? — спросил капитан «Глубокого космоса». Капитаны не исчезли вместе с голограммами.

Чжан Бэйхай твердо покачал головой:

— В этом нет необходимости. На данный момент вы находитесь в двухстах тысячах километров от «Естественного отбора». Это не так уж и далеко, но для маневра потребуется расход ядерного топлива. Наше выживание зиждется на энергии, а ее у нас мало. Необходимо экономить. Я понимаю, что, кроме нас, в этой части космоса нет людей и нам хочется быть вместе. Но двести тысяч километров — это достаточно близко. С этой минуты нам следует мыслить категориями далекого будущего.

— Это так, нужно задумываться о будущем, — тихо повторила Дунфан Яньсюй, устремив глаза куда-то вдаль. Казалось, она смотрит в грядущее.

Чжан Бэйхай продолжил:

— Следует немедленно созвать ассамблею граждан, чтобы определиться с основными вопросами. А потом как можно скорее положим б`ольшую часть экипажа в анабиоз, чтобы перевести систему жизнеобеспечения на минимальную мощность... Что бы теперь ни случилось, история «Звездолетов Земли» начала отсчет!

И снова на него глянули с *той* стороны глаза его отца, словно два всепроникающих светоча из-за края Вселенной. Чжан Бэйхай ощутил этот взгляд и глубоко в душе ответил: «Нет, папа. Вам рано на покой. Работа не закончена. Она началась снова».

* * *

На следующий день по земному времени на «Звездолетах Земли» открылось всеобщее собрание граждан. Его провели, объединив пять голограмм. Присутствовало около трех тысяч человек; те, кто должен был оставаться на рабочем месте, подсоединились через компьютер.

Прежде всего собрание решило неотложный

вопрос: направление полета. Единогласно приняли предложение не менять курс, изначально заложенный Чжан Бэйхаем. Путь вел в созвездие Лебедя, а точнее к звезде NH558J2 — одной из ближайших к Солнцу. Вокруг звезды кружились две планеты, обе газовые гиганты типа Юпитера. Они не годились для людей, но на них можно было заправиться ядерным топливом. Похоже, Чжан Бэйхай в свое время тщательно продумал курс. Немного в другом направлении, лишь на полтора световых года дальше, чем их нынешняя цель, располагалась звезда с планетой земного типа. Однако других планет в системе не было; и если наблюдения с орбиты покажут, что жить там невозможно, то в системе негде будет заправиться. А если добраться до NH558J2 и заполнить баки, то можно лететь дальше, к следующей цели, причем намного быстрее.

До NH558J2 было восемнадцать световых лет. С уже набранной скоростью, учитывая возможные погрешности, «Звездолеты Земли» доберутся до цели через две тысячи лет.

Две тысячи лет! Картина настоящего и будущего представала без прикрас в свете этого безжалостного числа. Даже с учетом гибернации большинство граждан «Звездолетов Земли»

не доживут до прибытия к пункту назначения. Срока их жизни хватит лишь на малую часть путешествия длиной в двадцать веков. Впрочем, и для их потомков NH558J2 послужит всего лишь заправочной станцией. Никто не знал, куда они полетят дальше и уж тем более найдут ли когда-нибудь «Звездолеты Земли» себе новый дом.

Но Чжан Бэйхай рассуждал рационально. Он не сомневался, что Земля пригодна для жизни человека не по воле случая и не по закону антропного принципа, а из-за длительного процесса адаптации биосферы к окружающей среде. Вряд ли стоит ожидать, что в точности такой же процесс повторится на какой-то другой планете возле какой-то другой звезды. Выбор NH558J2 предполагал и иное объяснение: возможно, что подходящую планету найти не удастся. Тогда новая человеческая цивилизация продолжит существование на борту космического корабля.

Но он не предлагал эту идею открыто. Возможно, ее примет лишь следующее поколение, родившееся на борту звездолетов. А нынешнее поколение проживет всю жизнь в надежде найти планету, похожую на Землю.

На собрании также определились с политическим статусом новоявленного государства.

Решили, что пять кораблей навсегда останутся частью человечества. Однако «Звездолеты Земли» не могли оставаться под юрисдикцией Земли или трех флотов. Отныне они независимая держава.

Когда резолюцию передали по радио в Солнечную систему, ООН и ККФ некоторое время хранили молчание, а потом, не говоря ни да ни нет, просто пожелали счастливого пути.

Вот так человечество разделилось на три конгресса: Земной конгресс — наследие былого; Конгресс космических флотов — факт современности и конгресс звездолетов, уходящий в глубины космоса. В последней группе было чуть более пяти тысяч человек, но она олицетворяла собой все надежды человечества.

* * *

На второй ассамблее граждан приступили к обсуждению структуры руководства «Звездолетов Земли».

Первым выступил Чжан Бэйхай:

— Я полагаю, что еще рано обсуждать этот пункт повестки. Сначала нужно определиться, какое общество мы хотим построить. Только после этого можно решать, какое ему требуется правительство.

— То есть первым делом нам нужна конституция, — уточнила Дунфан Яньсюй.

— По крайней мере, ее основополагающие принципы.

Принялись обсуждать. Поскольку «Звездолеты Земли» были хрупкой экосистемой, несущейся сквозь не прощающий ошибок космос, большинство склонялось к идее общества, построенного на дисциплине и коллективной борьбе за выживание. Кто-то предложил оставить существующую систему военного командования, и большинство согласилось.

— Это тоталитарный строй, — сказал Чжан Бэйхай.

— Сэр, попробуем найти для него слово помягче. Как-никак мы все же военные, — ответил капитан «Синего космоса».

— Не поможет, — уверенно дернул головой Чжан Бэйхай. — Просто остаться в живых мало. Развитие — лучшая гарантия выживания. По пути нам придется создавать наши собственные науку и технологию, строить новые корабли. История Средних веков и Великой пади доказывает, что тоталитарное общество станет препятствием на пути прогресса. «Звездолетам Земли» нужны яркие новые идеи, открытия, изобретения, а до-

стичь этого может только общество, уважающее свободу личности.

— Вы предлагаете что-то наподобие современного Земного конгресса? У «Звездолетов Земли» есть определенная специфика, — заметил какой-то младший офицер.

— Совершенно верно, — Дунфан Яньсюй кивнула выступающему. — Население «Звездолетов Земли» невелико, но мы располагаем новейшими системами связи и информации. С их помощью все граждане смогут обсуждать любые вопросы и сообща принимать законы. У нас есть шанс основать первое истинно демократическое общество в истории человечества.

— Это тоже не сработает, — опять покачал головой Чжан Бэйхай. — Как другие граждане уже заметили, «Звездолеты Земли» летят в космосе, а космос не прощает ошибок. В любое время может разразиться катастрофа, угрожающая всему нашему миру. Как показала земная история в период Трисолярианского кризиса, предлагаемое вами гуманитарное общество особенно ранимо, когда возникает кризис и нужно пожертвовать частью для сохранения целого.

Собравшиеся переглянулись. В их глазах стоял вопрос: «Так что же тогда делать?»

Улыбаясь, Чжан Бэйхай пояснил:

— Впрочем, я чересчур тороплюсь. На этот вопрос не нашли ответа за всю историю Земли. Неужели мы примем решение на единственном собрании? Я считаю, что нам придется долго экспериментировать, прежде чем мы остановимся на подходящем общественном строе. По окончании заседания стоит развернуть обсуждение этих вопросов... Прошу прощения за отход от повестки дня. Пожалуйста, продолжайте.

Дунфан Яньсюй никогда еще не видела *такой* улыбки на лице старого солдата. Он улыбался редко, да и тогда — уверенно и снисходительно. Но на этот раз он улыбался смущенно, как бы за что-то извиняясь. Он вмешался в ход собрания... Казалось бы, мелочь, но Чжан Бэйхай всегда был осмотрителен. Впервые он внес предложение, чтобы через несколько минут отозвать его. Дунфан обратила внимание на его задумчивость. Он не сделал ни одной пометки в блокноте — а ведь на предыдущем собрании все аккуратно записывал. Больше никто на борту не пользовался устаревшими карандашом и бумагой; они стали отличительным знаком Чжан Бэйхая.

Так о чем же он сейчас размышлял?

Обсуждение перешло к вопросу о правитель-

стве и других органах управления. Граждане решили, что время для выборов еще не пришло и менять существующую иерархию командования не следует. Капитаны руководят кораблями. Пять капитанов образуют Руководящий комитет «Звездолетов Земли». Комитет будет заниматься самыми важными вопросами. Ассамблея единогласно выбрала Чжан Бэйхая на должность председателя Комитета и Верховного командующего.

Но Чжан Бэйхай возражал против своего назначения.

— Сэр, это ваш долг! — обратился к нему капитан «Глубокого космоса».

— Вы единственный на «Звездолетах Земли», у кого хватит авторитета для управления всеми кораблями, — присоединилась к уговорам Дунфан Яньсюй.

— Мне кажется, я исполнил свой долг до конца. Я устал и уже не молод. Пора на покой, — тихо ответил Чжан Бэйхай.

После окончания собрания Чжан Бэйхай попросил Дунфан Яньсюй задержаться. Когда все ушли, он попросил:

— Дунфан Яньсюй, я хотел бы вернуть себе должность исполняющего обязанности капитана

«Естественного отбора».

— Исполняющего обязанности? — Она недоуменно уставилась на собеседника.

— Да. Верните мне доступ к управлению кораблем.

— Сэр, но я могу передать вам свою должность капитана! Я не шучу. Ни Руководящий комитет, ни граждане не станут возражать!

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет, вы останетесь капитаном и сохраните все полномочия. Пожалуйста, доверьтесь мне. Я не буду вмешиваться в вашу работу.

— Почему же тогда вы хотите получить права доступа исполняющего обязанности капитана? Разве они нужны в вашем сегодняшнем положении?

— Мне просто нравится наш корабль. Люди столетиями мечтали о таком. Знаете ли вы, что я совершил, чтобы сегодня такие корабли могли существовать?

Чжан Бэйхай посмотрел на Дунфан Яньсюй. В его взгляде больше не было стальной жесткости; ее сменили пустота утомления и глубокая печаль. Он больше не казался хладнокровным, безжалостным бойцом, предусмотрительным и решительным. Сейчас он был обычным че-

ловеком, сгибающимся под тяжестью времени. При взгляде на него у Дунфан Яньсюй защемило сердце — такого участия она еще никогда и ни к кому не испытывала.

— Не надо, не вспоминайте. Историки высоко оценили ваши действия в XXI веке. Разработка электромагнитного привода стала шагом в верном направлении; на нем основана вся космическая технология. Возможно, в то время не нашлось другого способа, так же как сегодня побег оказался единственным выходом для нашего корабля. Кроме того, согласно нынешнему закону, срок давности истек много лет назад.

— Но мне-то от этого не легче. Вы не понимаете... Я привязался к этому кораблю, мои чувства к нему намного сильнее ваших. Ну и кроме того, мне же нужно чем-то заниматься в будущем. Работа меня успокаивает.

Он повернулся и уплыл. Дунфан Яньсюй следила, как его усталая фигура, постепенно удаляясь, превратилась в маленькую черную точку посреди обширной белой сферы, а потом и вовсе растворилась в белизне. И тогда на Дунфан со всех сторон нахлынула и поглотила с головой волна до сих пор неведомого ей одиночества.

* * *

На заседаниях Ассамблеи граждан люди с воодушевлением погрузились в задачу создания нового мира. Они оживленно обсуждали конституцию и общественное устройство, создавали законопроекты, готовили первые выборы... Рядовые и офицеры всех рангов спорили друг с другом как лицом к лицу, так и по радиоканалам, соединявшим корабли. Люди трезво оценивали ситуацию и с нетерпением ожидали, когда «Звездолеты Земли» станут зародышем новой цивилизации, которая затем примется разрастаться по мере посещения одной звездной системы за другой. Чаще и чаще поговаривали, что «Звездолеты Земли» — это новый Эдем, второе начало расы людей...

Но восторгам скоро настал конец, ибо аналогия с садом Эдема оказалась чересчур точной.

Подполковник Лань Си, главный психолог «Естественного отбора», возглавлял Второй отдел гражданской службы. Там работали специально обученные офицеры-медики, отвечавшие за психическое здоровье экипажа в долгом походе и в бою. Когда «Звездолеты Земли» отправились в путешествие в один конец, Лань Си и его подчи-

ненные перешли в состояние боевой готовности, будто воины при виде атаки могущественного врага. Они заранее отработали различные сценарии развития опасных ситуаций, что подготовило их к борьбе с широким спектром психологических осложнений.

Они согласились, что главной опасностью является «проблема Н» — ностальгия, тоска по родному дому. Все же человек ни разу еще не отправлялся в бесконечное путешествие; «проблема Н» вполне могла спровоцировать психологическую катастрофу. Лань Си издал приказ по Второму отделу принять все доступные меры — в том числе обеспечить радиообмен с Землей и тремя флотами. Любой член экипажа мог связаться с родными и друзьями на Земле или во флоте, а также смотреть новости и другие телевизионные программы двух Конгрессов. «Звездолеты Земли» уже находились в семидесяти астрономических единицах от Солнца. Радиосигналы приходили с задержкой в девять часов, но качество связи оставалось превосходным.

Помимо многочисленных психологических консультаций и, при необходимости, оказания помощи офицеры Второго отдела подготовились к чрезвычайным мерам на случай крупномас-

штабной психологической катастрофы. В этом случае возбужденную толпу поместят в карантин — в гибернацию.

Впоследствии оказалось, что беспокоиться было не о чем. «Проблема Н» довольно широко распространилась на «Звездолетах Земли», но ее держали под контролем, и она не достигала даже уровня, отмеченного в прежних длительных походах. Поначалу Лань Си не понимал причины, но вскоре нашлось объяснение. Когда погиб основной космический флот человечества, Земля потеряла надежду. Даже учитывая, что до Судного дня, по самым благоприятным прогнозам, оставалось два столетия, новости с Земли не скрывали, что мир, подавленный разгромом флота, погрузился в хаос. В воздухе стоял запах смерти. Никто на Земле и в Солнечной системе не мог оказать поддержку «Звездолетам Земли». Это и сдерживало ностальгию.

Но враг все-таки появился, и он оказался куда опаснее «проблемы Н». Когда Лань Си и Второй отдел распознали угрозу, фронт уже был прорван.

Из личного опыта Лань Си знал, что во время долгого похода «проблема Н» поднимает голову прежде всего среди рядовых и офицеров низких рангов. Служба требовала от них сравнительно

меньшей сосредоточенности, а психологическая подготовка была относительно слабой. Потому Второй отдел с самого начала уделял особое внимание нижнему звену. Но тень пала первой на высшее командование.

К этому времени Лань Си подметил нечто необычное. Готовились первые в истории «Звездолетов Земли» выборы в правительство. Любой гражданин имел право голоса; это означало, что почти все высшие офицеры станут государственными служащими. Их должности неизбежно перетасуют, а многих заменят претендентами более низкого ранга. Лань Си удивило, что никто из высшего командования не беспокоится об итогах выборов, которые определят всю их дальнейшую жизнь. Он отметил, что никто из руководителей «Естественного отбора» не ведет агитации; а когда он упоминал о выборах, собеседники не проявляли интереса. Лань Си снова и снова вспоминал рассеянность Чжан Бэйхая на втором заседании Ассамблеи граждан.

А потом он разглядел симптомы психологического расстройства среди офицеров, начиная с подполковника и выше. Большинство из них стали склоняться к интроверсии, проводя много времени наедине со своими мыслями и резко

ограничив общение. На собраниях они выступали реже и реже, а порой не произносили ни слова. По наблюдениям Лань Си, огонь в глазах офицеров погас, а лица выражали уныние. Они предпочитали не смотреть в глаза другим, опасаясь, что те заметят туман в их взглядах. Когда они все же встречались с кем-то глазами, то сразу же отводили взор, как будто их било током... Чем выше ранг, тем опаснее становились симптомы. Вскоре появились признаки, что проблема проникает и в нижние ранги.

Психологические консультации не помогали — пациенты упрямо отказывались беседовать с врачами. Второй отдел воспользовался особой привилегией и настоял на обязательных консультациях. Но пациенты хранили молчание.

Лань Си решил, что необходимо поговорить с Верховным командующим, и пошел к Дунфан Яньсюй. В прошлом этот пост принадлежал Чжан Бэйхаю, но он отказался от полномочий, решил не участвовать в выборах и настаивал, что он теперь самый обычный гражданин. Он сохранил за собой лишь одну должность — исполняющего обязанности капитана. Он передавал приказы капитана в компьютер, управляющий кораблем. Все остальное время он проводил, бродя

по коридорам «Естественного отбора» и изучая корабль. Он без устали расспрашивал рядовых и офицеров всех рангов и постоянно восхищался космическим ковчегом. В остальном же Чжан Бэйхай оставался хладнокровным и отрешенным. Несомненно, он старался держаться в стороне, и поэтому его не затронула психологическая тень, павшая на экипаж. Но Лань Си знал еще об одной причине его иммунитета. Древние были не такими чувствительными, как современные люди. Теперь эта толстокожесть оказалась отличной защитой.

— Капитан, вам следует рассказать нам, что происходит, — обратился он к Дунфан Яньсюй.

— Подполковник, это вам следует рассказывать, а не мне.

— Значит ли это, что вам ничего не известно о вашем состоянии?

В ее померкшем взоре проступила бесконечная горечь.

— Я знаю только то, что мы первые люди, отправившиеся в космос.

— Что вы имеете в виду?

— Только теперь человечество *на самом деле* полетело в космос.

— А, теперь понимаю. До сих пор, как бы далеко

люди ни забирались, они оставались воздушным змеем, запущенным с Земли. Они не рвали духовной связи с родной планетой. А теперь эта нить оборвана.

— Верно. Нить оборвана. Главное не в том, что кто-то выпустил эту нить из рук, а в том, что сами руки исчезли. Земля катится навстречу катастрофе. Собственно, для нас Земля уже погибла. Пять наших кораблей не связаны ни с одной планетой. Вокруг нас нет ничего, кроме бездны космоса.

— И в самом деле, людям еще не приходилось сталкиваться с такой психологической проблемой.

— Не приходилось. А теперь мы столкнулись — и душа человека кардинально изменится. Люди станут... — Она внезапно замолкла, и грусть в ее взоре сменилась унынием, серым, словно затянутое облаками небо.

— Вы полагаете, что в такой обстановке люди станут... новыми людьми?

— Новыми людьми? Нет, подполковник. Люди станут... нелюдьми.

Услышав заключительное слово, Лань Си вздрогнул. Он посмотрел на Дунфан Яньсюй, и она не отвела взгляда. В пустых глаза капитана, «зеркалах ее души», не отражалось ничего.

— Я говорю, что мы уже не будем людьми, в земном смысле... Подполковник, это все, что я могу сказать. Делайте все, на что способны. И... — Она приостановилась, а затем продолжила, как бы говоря сама с собой: — Скоро настанет и ваш черед.

Обстановка продолжала ухудшаться. На следующий день на «Естественном отборе» произошло кровопролитие. Подполковник службы навигации выстрелил в другого офицера, соседа по каюте. По воспоминаниям пострадавшего, подполковник внезапно проснулся посреди ночи, заметил, что офицер не спит, и обвинил его, что тот, мол, подслушивает, когда он разговаривает во сне. Завязалась драка, и обезумевший подполковник выстрелил.

Лань Си тотчас же встретился с задержанным подполковником.

— Чего вы боялись, когда обвинили соседа в подслушивании? Что он мог услышать?

— Так он и вправду слышал? — задрожал от ужаса подполковник.

Лань Си качнул головой:

— По его показаниям, вы ничего не говорили.

— А если и говорил, то что? Мало ли о чем люди бормочут во сне? Мой разум на самом деле этого

не думает! Не станут же меня поджаривать в аду за слова, сказанные спросонья!

Лань Си так и не удалось выведать, что именно нападавший боялся сказать. Тогда он спросил, не хочет ли подполковник пройти курс гипнотерапии. Внезапно тот разъярился, налетел на Лань Си и принялся душить. Вбежали военные полицейские и оттащили нападавшего. На выходе из гауптвахты один из полицейских, краем уха слышавший разговор, дал совет:

— Подполковник, не заговаривайте больше о гипнозе, если не хотите, чтобы весь экипаж возненавидел Второй отдел. Вы долго не протянете.

Лань Си вызвал по связи полковника Скотта, психолога «Энтерпрайза». По совместительству Скотт также служил капелланом. В Азиатском флоте эта должность встречалась редко. «Энтерпрайз» и три других корабля оставались на удалении в двести тысяч километров.

— Почему у вас так темно? — спросил Лань Си, вглядываясь в картинку, идущую с «Энтерпрайза». Скотт запрограммировал вогнутые стены своей каюты светиться тусклым желтым цветом, поверх которого горели звезды, проецируемые с внешних камер. Создавалось впечатление, что в космосе стоит туман. Лицо Скотта оставалось

в тени, но Лань Си почувствовал, что Скотт не выдержал его взгляда и отвел глаза.

— В саду Эдема садится солнце. Скоро Тьма поглотит все, — устало ответил Скотт.

Лань Си уже доводилось разговаривать со Скоттом. Корабельный капеллан наверняка слышал немало признаний на исповеди и мог что-то посоветовать. Но услышав ответ и обратив внимание на скрывающиеся в тени глаза собеседника, Лань Си понял, что ничего не добьется. Тогда он сдержал уже вертящийся на языке вопрос и задал другой, удививший его самого:

— Как вы считаете, события, которые разыгрались в первом саду Эдема, повторятся ли они во втором?

— Не знаю. Так или иначе, гадюки выползли на свет. Змеи второго сада Эдема уже забираются людям в душу.

— Значит, вы вкусили плод древа познания?

Скотт медленно кивнул. Затем склонил голову и больше ее не поднял, как если бы пытался скрыть предательские глаза.

— Можно сказать и так.

— Кого же выгонят из сада Эдема? — Голос Лань Си дрожал, на ладонях выступил холодный пот.

— Многих. Но, в отличие от первого раза, кое-

кому будет дозволено остаться.

— Кому? Кто останется?

Скотт глубоко вздохнул:

— Подполковник Лань, я сказал достаточно. Почему бы вам самому не поискать плод древа познания? Ведь этот шаг предстоит сделать каждому. Разве не так?

— Где же мне его искать?

— Отложите свои дела и подумайте. Почувствуйте — и найдете.

Поговорив со Скоттом, расстроенный Лань Си забросил дела и по совету полковника, хорошенько задумался. Холодные, скользкие гадюки Эдема заползли в его разум даже быстрее, чем он ожидал. Он нашел плод древа познания, вкусил его, и последние в его душе лучи света навсегда погасли, а сама душа рухнула во мрак.

Невидимая струна, туго натянутая на «Звездолетах Земли», могла оборваться в любую минуту.

Через два дня капитан «Высшего закона» совершил самоубийство. Он стоял на кормовой платформе, прикрытой прозрачным колпаком. Казалось, будто платформа висит в открытом космосе. В этом направлении лежала Солнечная система. Солнце съежилось до размера желтой звезды, немногим ярче других. Перед взором

капитана расстилалась периферия спирального рукава Млечного Пути, и звезд там было немного. Глубина и простор космоса высокомерно пренебрегали ограниченными способностями разума и глаза человека.

— Темно. Твою мать, до чего же темно! — пробормотал капитан и застрелился.

* * *

Узнав о самоубийстве капитана «Высшего закона», Дунфан Яньсюй почувствовала, что времени больше не остается. Она назначила срочное совещание с двумя вице-капитанами в большом сферическом ангаре истребителей.

В коридоре по пути в ангар ее окликнули. Это был Чжан Бэйхай. Будучи в расстроенных чувствах, она уже пару дней не вспоминала о нем. Чжан Бэйхай окинул капитана взглядом с ног до головы. В его взоре светилась отеческая забота, и у Яньсюй потеплело на душе. В последнее время на «Звездолетах Земли» трудно было отыскать пару глаз, которые не застилала бы мгла.

— Дунфан, мне кажется, что в последнее время вы не в себе. Не знаю, что с вами, но похоже, вы что-то скрываете. Что происходит?

Она не ответила на вопрос. Взамен спросила:

— Сэр, а как у вас идут дела в последнее время?

— Неплохо. Весьма неплохо. Гуляю, исследую... Разбираюсь с вооружением корабля. Правда, пока я узнал еще не так много, но как же все это увлекательно! Представьте себе, что бы ощущал Колумб, попав на авианосец? Я чувствую себя так же.

Дунфан позавидовала спокойствию и безмятежности собеседника. Да, он исполнил свой долг и заслужил право на отдых. Творец истории, великий человек снова стал ничего не знающим проснувшимся. Теперь он нуждался лишь в одном — в защите. Тогда она сказала:

— Сэр, не задавайте этот вопрос больше никому. Вообще не затрагивайте эту тему.

— Почему? Почему мне не следует заговаривать об этом?

— Это опасно. И кроме того, вам незачем знать. Поверьте.

Он кивнул:

— Хорошо. Не буду спрашивать. Спасибо, что относитесь ко мне как к обычному человеку. Именно на это я и надеялся.

Она поспешно распрощалась и двинулась дальше, но основатель «Звездолетов Земли» сказал ей вслед:

— Дунфан, что бы ни произошло, не противьтесь. Все уладится.

Она встретилась с двумя вице-капитанами в центре большого сферического зала. Дунфан выбрала для встречи этот ангар потому, что в нем было просторно. Трое офицеров зависли в центре чистейшего белого мира, будто во всей Вселенной не было никого, кроме них. Никому не удастся подслушать их разговор.

Собравшиеся избегали смотреть друг на друга.

— Нам надо кое-что прояснить, — сказала капитан.

— Согласен. Нам угрожает опасность; нельзя терять ни секунды, — ответил вице-капитан Левин. Он и Акира Иноуэ в упор уставились на Дунфан Яньсюй. В словах Левина читался прозрачный намек: «Вы капитан, вот вы и начинайте».

Но ей не хватало смелости.

События, разворачивающиеся в момент второго рассвета человеческой цивилизации, могли стать сюжетом для новой Библии или эпической поэмы в духе Гомера. Иуда стал тем, кем он стал, потому что первым поцеловал Иисуса — и этим принципиально отличался от второго поцеловавшего. Сейчас происходило то же самое. Тот, кто заговорит первым, оставит след в истории новой

цивилизации. Возможно, кто-то из них станет Иудой — а может быть, Иисусом. Но, так или иначе, Дунфан Яньсюй не хватало духу начать разговор.

Но она обязана выполнить свою задачу; поэтому капитан пришла к мудрому решению. Она не потупилась, встретившись с глазами вице-капитанов. Слова были ни к чему. Все можно сказать просто взглядом. Офицеры смотрели друг на друга, и скоростная сетевая магистраль взоров связала воедино их души.

«Топливо».

«Топливо».

«Топливо».

«Мы пока еще не знаем, что встретится нам на пути, но обнаружены по крайней мере два облака межзвездной пыли».

«Потеря скорости».

«Разумеется. Когда мы пройдем сквозь них, из-за пыли наша скорость упадет до 0,03 процента от световой».

«До NH558J2 больше десяти световых лет. Нам потребуется шестьдесят тысяч лет, чтобы добраться туда!»

«Мы никогда не достигнем пункта назначения».

«Корабли, может быть, и долетят, но не люди.

Гибернаторы не выдержат».

«Разве что...»

«Разве что мы сохраним скорость при проходе сквозь облака пыли или если разгонимся после выхода из облаков».

«Не хватит топлива».

«Термоядерное топливо — единственный источник энергии на борту. Оно необходимо для работы других систем: жизнеобеспечения, двигателей коррекции...»

«И для торможения, когда мы войдем в звездную систему пункта назначения. NH558J2 намного меньше Солнца. Затормозить гравитационным маневром не удастся. Нам потребуется много топлива, иначе мы пролетим систему насквозь».

«Всех запасов топлива на «Звездолетах Земли» хватит на два космических корабля».

«Но по консервативным оценкам его хватит лишь на один».

«Топливо».

«Топливо».

«Топливо».

— Кроме того, не забывайте о запасных частях, — вслух напомнила Дунфан Яньсюй.

«Запчасти».

«Запчасти».

«Запчасти».

«Особенно запчасти для самых важных систем: термоядерных двигателей, компьютеров и систем управления, систем жизнеобеспечения».

«Запчасти не так важны, как топливо, но от них зависит долговременное выживание. Возле NH558J2 нет подходящей планеты, чтобы основать колонию или заложить промышленность. Нет даже природных ресурсов. Это не более чем заправочная станция на пути в следующую звездную систему. Лишь там мы сможем заняться производством запасных частей».

«На «Естественном отборе» хранятся лишь два комплекта запчастей для самого необходимого оборудования».

«Слишком мало».

«Слишком мало».

«За исключением термоядерных двигателей, большинство деталей «Звездолетов Земли» взаимозаменяемы».

«Детали двигателей можно использовать после доработки».

— Сможем ли мы собрать все экипажи на один или два корабля? — вслух спросила Дунфан Яньсюй, задавая направление безмолвному раз-

говору.

«Невозможно».

«Невозможно».

«Невозможно. Людей слишком много. Системы жизнеобеспечения и гибернации окажутся перегружены. Даже небольшое увеличение личного состава приведет к катастрофе».

— Теперь все ясно? — Голос Дунфан Яньсюй отдавался в белом просторе неясным эхом — как будто кто-то бормотал во сне.

«Так точно».

«Так точно».

«Кому-то придется умереть, иначе погибнут все».

Их глаза смолкли. Всем троим нестерпимо хотелось отвернуться. Им казалось, что в глубинах Вселенной грянул гром, и их души затрепетали в ужасе. Дунфан Яньсюй первой взяла себя в руки.

— Прекратите, — приказала она.

«Прекратите».

«Не теряйте надежды».

«Не терять надежды?»

«Не теряйте надежды! Все остальные продолжают держаться. Если мы сдадимся, нас выгонят из сада Эдема».

«Почему нас?»

«Да никого нельзя выгонять!»

«Но кого-то надо выгнать! В саду Эдема места на всех не хватит».

«Мы не хотим, чтобы нас выгнали».

«Поэтому мы будем бороться!»

Три пары глаз, чуть было не оборвавшие связь, снова подключились друг к другу.

«Инфразвуковая водородная бомба».

«Инфразвуковая водородная бомба».

«Инфразвуковая водородная бомба».

«Состоит на вооружении каждого корабля».

«От неожиданного нападения защититься трудно».

Разум собеседников балансировал на грани коллапса; им пришлось на секунду отвести глаза — нужно было прийти в себя. Когда же взгляды пересеклись снова, в них светились неуверенность и замешательство, подобные мерцающему на ветру пламени свечи.

«Это Зло!»

«Это Зло!»

«Это Зло!»

«Мы станем исчадиями ада!»

«Мы станем демонами!»

«Мы станем дьяволами!»

— Но... что думают *они*? — тихо спросила Дун-

фан Яньсюй. Вице-капитанам показалось, что ее негромкие слова так и продолжали звенеть посреди белизны, подобно зуду комара.

«Вот именно. Мы не хотим становиться дьяволами, но откуда нам знать, что думают они».

«В таком случае мы уже стали дьяволами — иначе мы беспричинно не вообразили бы дьяволами их».

«Ладно, тогда мы не станем представлять их дьяволами».

— Это не решение проблемы, — качнула головой Дунфан Яньсюй.

«Верно. Даже если они не дьяволы, это ничего не решает».

«Потому что они не знают, о чем мы думаем».

«А если они знают, что мы не дьяволы?»

«Проблема остается».

«Но они не знают, что мы о них думаем».

«Они не знают, что мы думаем о том, что они думают о нас».

«Это бесконечная цепочка подозрений: они не знают, что мы думаем о том, что они думают о том, что мы думаем о том, что они думают о том...»

«Как можно прервать эту цепочку подозре-

ний?»

«Путем переговоров?»

«На Земле — возможно. Но не в космическом пространстве. Кому-то необходимо умереть, иначе погибнут все. Космос сдал нам мертвую руку[46] карт, и «Звездолетам Земли» не светит выигрыш. Перед нами стоит непреодолимое препятствие. Переговоры не имеют смысла».

«Остается один-единственный выход. Весь вопрос в том, кто именно им воспользуется».

«Темно. Твою мать, до чего же темно!»

— Медлить больше нельзя, — решительно сказала Дунфан Яньсюй.

«Хватит медлить. В этом темном уголке космоса дуэлянты уже затаили дыхание. Нить вот-вот оборвется».

«С каждой секундой опасность растет, как лавина».

«Поскольку не имеет значения, кто сделает первый шаг, то почему не мы?»

Акира Иноуэ внезапно прервал молчание:

— Существует и другой выход!

---

[46] Примечания: 46

Термин из китайского открытого покера. В случае, если игрок не смог собрать комбинации по правилам, его рука объявляется «мертвой» (или «проигравшей скуп», игрок «скупанулся»). В этом случае его комбинации считаются проигравшими всем остальным. (*Прим. перев.*)

«Мы принесем себя в жертву».

«Почему?»

«Почему мы?»

«Мы трое можем решить за себя, но есть ли у нас право принять решение за две тысячи человек экипажа «Естественного отбора»?»

Трое стояли на лезвии ножа — безжалостно остром и причиняющем мучительную боль, но шаг в сторону означал падение в бездонную пропасть. Новый человек, человек космоса, рождался в муках.

— Есть предложение, — заговорил Левин. — Наведем оружие, а потом подумаем еще.

Дунфан Яньсюй кивнула. Левин высветил рядом с собой панель управления системами оружия и вызвал окошко стрельбы ракетами с инфразвуковыми водородными боеголовками. В сферической координатной системе «Естественный отбор» занял место в центре, а «Синий космос», «Энтерпрайз», «Глубокий космос» и «Высший закон» вспыхнули четырьмя огоньками на удалении в двести тысяч километров. На таком расстоянии форму цели не разобрать; в космосе любой объект — просто точка.

Но четыре пятнышка света окружали красные ореолы — четыре смертоносные петли, означав-

шие, что оружие «Естественного отбора» уже направлено на цели.

Все трое потрясенно переглядывались и трясли головами, словно уверяя друг друга, что это не их рук дело.

Кроме них право наводить оружие на цель имелось у офицеров на постах управления огнем и классификации целей; но их действия должны были утвердить капитан или вице-капитан. Оставался лишь один человек с единоличным правом выбирать цель и открывать огонь.

«Какие же мы идиоты! Ведь это тот самый человек, что уже дважды изменил ход истории!»

«Он давно уже все понял!»

«Кто знает, когда он понял? Может быть, когда провозглашали «Звездолеты Земли». А может быть, и раньше — когда узнал про разгром объединенного флота. По нему разве догадаешься? Он всегда скрывает свои тревоги, как все родители в его времена, не желающие пугать детей».

Дунфан Яньсюй на полной скорости полетела к выходу из ангара, вице-капитаны пустились за ней. Они проскочили сквозь дверь и понеслись вдоль длинного коридора, пока не остановились возле каюты Чжан Бэйхая. Перед хозяином каюты

висела в воздухе точно такая же панель управления, с какой они только что работали. Офицеры рванулись внутрь, но сцена, разыгравшаяся при бегстве «Естественного отбора», повторилась: они ударились в переборку. Вместо двери был лишь похожий на нее прозрачный овал.

— Что вы творите?! — закричал Левин.

— Дети, — Чжан Бэйхай впервые назвал их этим словом. Он не смотрел на них, но капитану и вице-капитанам представилось, что глаза старого солдата спокойны как вода. — Позвольте это сделать мне.

— Вы хотите сказать: «Если я не пойду в ад, то кто тогда в него пойдет?»[47] — громко произнесла Дунфан Яньсюй.

— Я был готов к этому шагу с той самой минуты, когда впервые надел военную форму, — ответил Чжан Бэйхай, приводя в действие ракетные установки. Офицеры следили за его движениями сквозь прозрачную стену. Чжан Бэйхаю было далеко до обученного оператора, но он не сделал ни одной ошибки.

В глазах Дунфан Яньсюй стояли слезы. Она вскричала:

---

[47] Примечания: 47

Бодхисаттва Кшитигарбха дал обет не становиться Буддой до тех пор, пока не будут спасены все живые существа. (*Прим. Дж. М.*)

— Мы сделаем это вместе! Впустите меня! Я отправлюсь в ад вместе с вами!

Чжан Бэйхай не ответил, продолжая нажимать кнопки. Он задал управляемым ракетам режим самоликвидации по команде оператора, так что они могли быть уничтожены с запустившего их корабля еще в полете. Закончив, он произнес:

— Дунфан, подумайте. Могли мы сделать этот выбор раньше? Однозначно нет. А теперь можем — космос перековал нас в новое человечество.

Он запрограммировал боеголовки на детонацию в пятидесяти километрах от цели. Такой взрыв не грозит кораблям разрушением, но умертвит все живое даже на большем расстоянии.

— При рождении новой цивилизации также рождается новая мораль.

Он снял первую блокировку с термоядерных бомб.

— А когда в далеком будущем люди оглянутся и посмотрят на наши деяния, они сочтут их чем-то само собою разумеющимся. Дети, нам не грозит попасть в ад.

Он снял вторую блокировку.

И вдруг по всему кораблю взревели сирены, будто во тьме космического пространства

взвыли десять тысяч неупокоенных душ. Повсюду в воздухе, будто снежинки, вспыхивали информационные панели, а по ним бежали многочисленные доклады оборонных систем «Естественного отбора» о приближающихся ракетах. Но на чтение всех этих сообщений уже не оставалось времени.

Между первым сигналом тревоги и взрывом инфразвуковых бомб прошло всего лишь четыре секунды.

Кадры, переданные с «Естественного отбора» на Землю, показали, что Чжан Бэйхай все понял меньше чем за секунду. Он считал, что за двести лет закалил свое сердце до твердости стали. Но он проглядел ничтожную слабину, угнездившуюся где-то в глубине души, и в решающий момент непростительно промедлил, пытаясь справиться с заартачившимся сердцем. Это промедление стоило жизни ему и всем остальным на борту «Естественного отбора». Целый месяц он провел в борьбе с Тьмой, и сейчас ему не хватило лишь нескольких мгновений — другой корабль оказался чуть проворнее.

Засияли три маленьких солнца, образуя равносторонний треугольник, в центре которого, примерно в сорока километрах от огненных

шаров, оказался «Естественный отбор». Пламя термоядерного взрыва горело двадцать секунд и невидимо пульсировало на инфразвуковой частоте.

Видеокадры донесли, что в оставшиеся три секунды Чжан Бэйхай повернулся к Дунфан Яньсюй, улыбнулся ей и заверил:

— Неважно. Будет все то же.

О его словах лишь догадывались, поскольку он не успел договорить. С трех сторон прилетели мощнейшие электромагнитные импульсы. Гигантский корпус «Естественного отбора» завибрировал, как крылышки цикады. По кораблю побежали волны инфразвука. Снимки запечатлели затянувший все кровавый туман.

Нападавшим оказался «Высший закон». Он скрытно запустил двенадцать ракет, вооруженных инфразвуковыми боеголовками, по другим четырем кораблям. Ракеты, предназначенные для зависшего в двухстах тысячах километров «Естественного отбора», отправились в полет заранее, чтобы все взрывы произошли одновременно. После самоубийства капитана его обязанности взял на себя вице-капитан, но никто не знал, кто именно принял решение об атаке. Это так и осталось неизвестным.

«Высший закон», однако, не вошел в число счастливчиков, оставшихся в саду Эдема.

Из трех других кораблей преследования «Синий космос» был лучше всех подготовлен к неожиданностям. Еще до нападения экипаж корабля надел скафандры и выпустил атмосферу за борт. Инфразвук не распространяется в вакууме; поэтому люди не пострадали, а электромагнитный импульс причинил корпусу корабля лишь минимальные повреждения.

Как только раздались взрывы, «Синий космос» атаковал противника лазерами — это оружие действовало со скоростью света. Лучи гамма-лазеров попали в «Высший закон» и прожгли пять огромных дыр в обшивке. Внутри разгорелся пожар, прозвучало несколько взрывов. Корабль утратил боеспособность. «Синий космос» ударил еще сильнее, ядерными ракетами и кинетическим оружием. «Высший закон» неистово взорвался. Никто из экипажа не выжил.

Почти в то же время, когда «Звездолеты Земли» воевали с Тьмой, похожая трагедия разыгралась на противоположном конце Солнечной системы. «Бронзовый век» нанес неожиданный удар по «Кванту», тоже воспользовавшись инфразвуковыми бомбами, чтобы уничтожить людей, но

сохранить технику. С обоих кораблей почти ничего не передавали на Землю, поэтому оставалось лишь строить догадки, что там произошло. Они ускоренно разгонялись, скрываясь от зонда, но, в отличие от преследователей «Естественного отбора», не тормозили. У них должно было оставаться достаточно топлива для возвращения к Земле.

В темных объятиях безграничного космоса родилось новое, темное человечество.

Осторожно маневрируя внутри облака металлических обломков, недавно бывших «Высшим законом», «Синий космос» приблизился к безжизненным корпусам «Энтерпрайза» и «Глубокого космоса» и перекачал к себе все термоядерное топливо. Сняв с кораблей все полезное оборудование и ремонтный комплект, «Синий космос» пересек двести тысяч километров, отделявших его от «Естественного отбора», и проделал там то же самое.

«Звездолеты Земли» стали космической стройкой. По массивной обшивке трех мертвых кораблей ползли искры лазерной сварки. Если бы Чжан Бэйхай уцелел, то такая картина напомнила бы ему авианосец «Тан», каким он был двести лет назад.

«Синий космос» выстроил останки погибших

кораблей в кольцо, похожее на Стоунхендж. У этого космического захоронения провели заупокойную службу по жертвам сражения Тьмы.

Тысяча двести семьдесят три человека экипажа «Синего космоса» — все выжившие граждане «Звездолетов Земли» — выстроились в центре могильника. Вокруг них кольцом гор застыли огромные фрагменты корпусов. Прорезанные лазерами отверстия походили на глубокие пещеры. Внутри погибших кораблей оставались тела четырех с лишним тысяч человек. Тень этого необычного кургана падала на живых, погружая их во мрак, как в полночь тьма заливает глубокое горное ущелье. Лишь редкие холодные лучи звезд Млечного Пути пробивались между останками разбитых кораблей.

Похороны прошли спокойно. Так закончилась пора младенчества нового человека, человека космоса.

На могильнике засветили лампаду — пятидесятиваттную электрическую лампочку. Рядом оставили сотню запасных ламп и механизм для их замены. Получая питание от небольшой ядерной батареи, лампада прослужит десятки тысяч лет. Ее слабый огонек, похожий на пламя свечи в горной долине, создавал слабый ореол

вокруг горы останков и освещал кусок титановой перегородки, на которой вырезали имена жертв. Эпитафии не было.

Еще через час могилу осветило пламя двигателя уходящего прочь «Синего космоса». Захоронение двигалось со скоростью в один процент от световой. Через несколько столетий оно войдет в облака межзвездной пыли и замедлится до 0,03 процента от скорости света. Через шестьдесят тысяч лет оно достигнет звезды NH558J2, но к тому времени «Синий космос» уже более пятидесяти тысяч лет будет держать путь к другой звезде.

Выживший корабль направился в глубокий космос. В баках содержалось достаточно топлива, а запасных частей набрали в восьмикратном количестве. Для собранного имущества не хватило ангаров; пришлось приварить к обшивке несколько контейнеров внешней подвески. Корабль превратился в нечто огромное, уродливое и несимметричное. Он стал похож на путешественника, нагруженного в дальнюю дорогу.

На противоположном конце Солнечной системы «Бронзовый век» оставил разбитый «Квант» и начал разгон в направлении созвездия Тельца.

«Синий космос» и «Бронзовый век» родились в мире света, но превратились в корабли Тьмы.

Вселенная когда-то тоже была полна света. Первые три минуты после Большого Взрыва вся материя существовала в виде потока фотонов. А потом Вселенная «выгорела», и из ее темного пепла возникли тяжелые элементы, планеты и жизнь. Матерью живых существ и цивилизации была Тьма.

С Земли в направлении «Синего космоса» и «Бронзового века» полетел поток проклятий, но корабли не отвечали. Они прервали связь с Солнечной системой. Для них Земля уже умерла.

Два темных корабля стали единым целым с Тьмой. Между ними лежала Солнечная система, и они продолжали расходиться. Звездолеты канули в вечную ночь, неся в себе всю память человечества, все его мысли, мечты и славу.

* * *

— Так я и думал!

Это было первое, что сказал Ло Цзи, узнав о разгоревшемся на окраинах Солнечной системы сражении Тьмы. Оставив позади ошарашенного Ши Цяна, он выскочил из комнаты, побежал по улице и остановился у кромки новорожденной Северо-Китайской пустыни.

— Я был прав! Я был прав! — закричал он в

небо.

Стояла глухая ночь. Воздух был совершенно прозрачным — возможно, из-за только что прошедшего дождя. В небе светились звезды. Они не были такими четкими, как в XXI веке, и разглядеть можно было лишь самые яркие из них. Но Ло Цзи охватило то же чувство, которое он испытал холодной ночью на замерзшем озере двести лет назад. Обычный гражданин Ло Цзи исчез; вместо него снова появился Отвернувшийся.

— Да Ши, я держу в руках ключ к победе человечества! — заявил он последовавшему за ним Ши Цяну.

— Да ну? — гоготнул тот.

Смех Ши Цяна прозвучал слегка язвительно и остудил пыл Ло Цзи.

— Я знал, что ты не поверишь.

— Ну и что ты собираешься делать? — спросил Ши Цян.

Ло Цзи сел на песок; им внезапно овладело отчаяние.

— И правда — что? Похоже, сделать-то я ничего и не могу.

— Ну, по крайней мере сообщи в правительство.

— Не уверен, что получится, но попробую. Хотя

бы для того, чтобы выполнить свой долг.

— Как высоко надо забраться?

— На самый верх. К Генеральному секретарю ООН. Или к председателю ККФ.

— Боюсь, это будет сложновато. Мы ведь теперь простые люди... Но и в самом деле, надо попытаться. Ты можешь для начала пойти... хм... хотя бы к городскому руководству. Найди мэра.

— Ладно. Значит, отправлюсь в город. — Ло Цзи поднялся на ноги.

— Я с тобой.

— Нет, я пойду один.

— Хоть у меня и невесть какой пост, но все же я городской служащий. Мне будет легче добиться встречи с мэром.

Ло Цзи взглянул на небо и спросил:

— Когда Капля достигнет Земли?

— В новостях сказали — через десять или двадцать часов.

— Знаешь, зачем ее послали? Не для того, чтобы разнести в пыль весь объединенный флот. И не для того, чтобы напасть на Землю. Каплю послали, чтобы убить меня. Не хочу, чтобы пострадал и ты.

Ши Цян снова ехидно заржал:

— Тогда у нас есть еще десять часов! Обещаю

— потом свалю от тебя куда подальше.

Ло Цзи криво улыбнулся и покачал головой:

— Ты ведь не принимаешь меня всерьез. Почему тогда хочешь помочь?

— Кореш, это дело шишек на самом верху — верить тебе или нет. А я всегда действую наверняка. Раз тебя двести лет назад выбрали из миллиардов человек, на то должна быть причина. Если я тебя здесь придержу, меня наверняка проклянет история. Если босс тебе не поверит, я ничего не теряю. Это же просто поездка в город. Но ты сказал, что эта штуковина летит к Земле, чтобы укокошить именно тебя. Ой, что-то не верится! Я много чего знаю про убийства; такой способ — ужасное расточительство, даже для трисоляриан.

К рассвету они добрались до спуска в подземный город и убедились, что лифты продолжают работать. Множество людей поднималось наверх, сгибаясь под тяжестью огромных баулов. Мало кто спускался в город; в лифте у Ши Цяна и Ло Цзи оказалось лишь двое попутчиков.

— Вы проснувшиеся? — поинтересовался Ло Цзи. — Все наши поднимаются на поверхность. Почему вы едете вниз?

— Город охвачен беспорядками, — ответил один из них, помоложе. На его темной одежде расцве-

тали огненные шары. Если присмотреться, это были кадры уничтожения объединенного флота.

— Зачем же вы тогда спускаетесь? — спросил Ши Цян.

— Я нашел, где жить, и еду за вещами, — ответил незнакомец и кивнул на собеседников: — Вы там, на поверхности, разбогатеете. У нас нет жилья наверху, оно все в ваших руках. Нам придется его покупать.

— Если подземный город развалится и вся толпа рванет на поверхность, на коммерцию не останется времени, — парировал Ши Цян.

Вжавшийся в угол лифта человек средних лет прислушивался к разговору. Внезапно он закрыл лицо руками и застонал: «О нет...» Затем присел и разрыдался. Его одежда изображала классический библейский сюжет: обнаженные Адам и Ева стоят под деревом в саду Эдема, а между ними извивается змея. Вероятно, эту картинку навеяло недавнее сражение Тьмы.

— Таких, как он, много. — Молодой человек пренебрежительно ткнул пальцем в плачущего. — Слаб духом. — Его глаза загорелись. — Вообще-то конец света — отличная эпоха. Сказал бы даже, самая лучшая. Единственное время в истории, когда люди могут забыть дела и тревоги и не

принадлежать никому, кроме себя. А этот просто дурак. Сейчас самое разумное — наслаждаться жизнью, пока живы.

Когда лифт остановился и Ло Цзи с Ши Цяном вышли из вестибюля, они тотчас же почувствовали сильный, непривычный запах дыма. Как и раньше, подземный город озарял свет — но теперь это был раздражающе яркий белый свет. Осмотревшись, Ло Цзи увидел, что между деревьями проглядывает не голубое небо, а сплошная белесая плоскость. Проекция неба на свод пещеры не действовала. Пустое небо напомнило ему о сферических каютах космических кораблей — их часто показывали в выпусках новостей. На лужайках валялись кучи мусора, упавшего с деревьев. Невдалеке громоздились разбитые летающие автомобили; один из них еще горел, а собравшаяся толпа подбирала хлам с травы и бросала в огонь. Кто-то даже швырнул туда свою одежду, на которой продолжали мерцать картинки. Из разорванной подземной трубы фонтаном била вода, заливая людей, резвящихся под струями подобно детворе. Время от времени, когда сверху что-нибудь падало, они вскрикивали и разбегались, а потом снова сходились и продолжали веселье. Ло Цзи посмотрел вверх и

увидел, что кое-где деревья охвачены пожаром. Ревели сирены летающих пожарных машин, буксирующих за собой выгоревшие листья...

Он заметил, что встреченных ими прохожих, как и попутчиков в лифте, можно поделить на два типа. Люди одного типа шагали с невидящим взором или сидели на лужайках, погрузившись в безысходность. В отчаяние их теперь, однако, приводило не поражение человечества, а возросшие трудности жизни. Людей другого типа выдавало безумное веселье во взгляде; этих пьянила безнаказанность.

Хаос поразил и общественный транспорт. Ло Цзи и Ши Цяну потребовалось полчаса, чтобы поймать такси. Когда автоматически управляемый летающий автомобиль принялся выписывать виражи между деревьев, Ло Цзи вспомнил свой первый ужасающий день в городе. Ему показалось, что он катается на аттракционе «американские горки». К счастью, такси вскоре остановилось возле мэрии.

Ши Цяну уже приходилось бывать там по служебным делам, и он был знаком со зданием. Пройдя через множество кабинетов, они наконец получили разрешение на встречу с мэром, но ее назначили на вторую половину дня. Ло Цзи

ожидал отказа; согласие начальства на встречу с обычными людьми в такое трудное время стало для него неожиданностью. За обедом Ши Цян сообщил Ло Цзи, что мэра только вчера назначили на должность. До этого он отвечал за поддержку проснувшихся и в какой-то мере являлся начальником Ши Цяна, так что тот его неплохо знал.

— Он наш земляк, — пояснил Ши Цян.

В эту эпоху слово «земляк» означало не столько географическое родство, сколько временн`ое. Так называли не всех проснувшихся, а только тех, кто лег в анабиоз приблизительно в один и тот же исторический период. Встретившись после долгого сна, соседи во времени ощущали б`ольшую близость друг к другу, чем соотечественники по месту рождения.

Ло Цзи и Ши Цян просидели в приемной до половины пятого вечера. Современные высокопоставленные чиновники мало чем отличались от кинозвезд — на выборах побеждали самые привлекательные. Но хозяин этого кабинета красотой не блистал. Он был того же возраста, что и Ши Цян, правда, заметно стройнее. Он также носил очки. По этому атрибуту сразу становилось ясно, что он из проснувшихся — очки вышли из употребления двести лет назад; исчезли даже

контактные линзы. Но тот, кто всю жизнь ходил в очках, без них чувствовал себя неуютно. Многие проснувшиеся, получившие при пробуждении идеальное зрение, продолжали носить очки.

Мэр выглядел безумно усталым, у него даже не нашлось сил встать с кресла. Ши Цян извинился за вторжение и поздравил с повышением, но мэр лишь покачал головой:

— Настали трудные времена, и снова пригодились грубые дикари из прошлого.

— Вы, должно быть, самый высокопоставленный проснувшийся на Земле?

— Как знать? Не исключено, что в дальнейшем наших соотечественников будут назначать и на более высокие посты.

— А что случилось с прежним мэром? Сломался и сбежал?

— Нет-нет. Среди современных тоже бывают крепкие духом. Он отлично знал дело, но два дня назад погиб в автомобильной аварии в районе беспорядков.

Мэр заметил стоявшего позади Ши Цяна Ло Цзи и немедленно протянул ему руку.

— Здравствуйте, доктор Ло! Конечно, я узнал вас. Два столетия назад я вас боготворил. Из той четверки вы больше всех походили на Отвернув-

шегося. Я так и не понял, чего вы добивались!

А в следующее мгновение огорошил:

— Вы уже четвертый «спаситель» за последние два дня. За дверьми стоит очередь из десятков других, на которых у меня нет ни времени, ни сил.

— Мэр, Ло Цзи не такой, как они. Двести лет назад...

— Разумеется. Двести лет назад его выбрали из миллиардов человек — поэтому я и согласился вас принять. — Мэр указал на Ши Цяна. — Кроме того, у меня к вам есть дело, но мы обсудим его позже. Давайте сначала услышим, с чем вы пришли. Маленькая просьба: не рассказывайте мне о вашем плане спасения мира. Эти идеи всегда такие многословные... Просто скажите, что требуется от меня.

Когда Ло Цзи и Ши Цян объяснили, мэр сразу же покачал головой.

— Даже если бы я хотел помочь, то не смог бы. У меня самого скопилась куча докладов для высшего руководства. Но даже мое начальство сидит слишком низко. Это руководители провинциального и национального уровня. Сейчас всем трудно. Вы же понимаете, что на их уровне приходится разгребать еще б`ольшую кучу проблем.

Ло Цзи и Ши Цян следили за новостями, поэтому знали, на что намекает мэр.

Разгром объединенного флота мгновенно возродил забытые на две сотни лет идеи эскапизма. Европейское Содружество даже подготовило проект отбора ста тысяч кандидатов для Исхода через общенациональную лотерею, и избиратели его одобрили. Но после голосования большинство из тех, кому не досталось билета в космос, устроили крупные беспорядки. Общественное мнение объявило эскапизм преступлением против человечества.

Когда выжившие космические корабли развязали битву Тьмы, обвинение в эскапизме получило новый оттенок. Недавние события доказали, что, если оборвать духовную связь человека с Землей, затерянные в космосе экипажи перестают быть людьми. Даже если Исход удастся осуществить, человеческой цивилизации не выжить. Она превратится в силу зла и мрака. Подобно Трисолярису, такая сила будет противоположна цивилизации Земли и станет ее врагом. Даже придумали термин: «негакультура».

Когда Капля приблизилась к Земле, ажиотаж вокруг эскапизма достиг апогея. В средствах массовой информации предупреждали, что, скорее

всего, кто-нибудь постарается удрать прежде, чем Капля нанесет удар. К орбитальным лифтам и космопортам понеслись толпы людей, жаждущих перекрыть все выходы в космос. Это было им безусловно по силам. В эту эпоху оружием мог владеть кто угодно, и почти в каждом доме лежал лазерный пистолет. Конечно, такой пистолет не представлял угрозы для кабины орбитального лифта или взлетающего челнока, но, в отличие от традиционного оружия, много лазеров можно нацелить в одну точку. Если лучи десяти тысяч лазерных пистолетов попадут в одно и то же место, они прорежут что угодно. Вокруг космодромов собирались десятки, сотни тысяч, а порой и миллион человек, и добрая треть из них носила оружие. При виде поднимающейся кабины лифта или разгоняющегося космического аппарата они стреляли одновременно. Луч лазера летит по прямой, облегчая прицеливание. Множество одновременных выстрелов попадало в цель и разносило ее на куски. Сообщение Земли с космосом почти полностью прекратилось.

Дела шли все хуже и хуже. Два дня назад многие стали наводить лазеры на космические поселения, расположенные на геостационарной орбите. В Интернете появились слухи, что некоторые из

них перестраивают в корабли Исхода. Проходя огромное расстояние, лазерные лучи рассеивались и ослабевали; кроме того, поселения вращались, поэтому лазерные атаки не причиняли им вреда. В последние дни они стали неким видом публичного развлечения. Сегодня в полдень Новый Париж, третий космический город Европейского содружества, подвергся одновременной атаке из северного полушария десятью миллионами лазеров. Внутри города резко повысилась температура, и население пришлось эвакуировать. Из орбитального поселения Земля казалась сияющей ярче Солнца.

Вот почему Ло Цзи и Ши Цяну было нечего сказать.

— Я восхищен вашей работой в Бюро иммиграции проснувшихся, — обратился мэр к Ши Цяну. — И Го Чжэнмин тоже. Вы ведь с ним знакомы? Он недавно пошел на повышение — его назначили на пост директора Бюро общественной безопасности. Он вас очень рекомендовал. Я надеюсь, что вы решите работать с нами. Такие люди, как вы, сейчас очень нужны.

Ши Цян на мгновение задумался, а потом кивнул:

— Сначала наведу порядок в своем районе. Как

идут дела в городе?

— Все хуже, но пока что мы контролируем ситуацию. Сейчас концентрируемся на бесперебойной работе генераторов индукционного поля. Если только они остановятся, весь город рухнет.

— Это не те беспорядки, с которыми мы встречались в былые времена.

— Не те. Прежде всего у них иная причина. Люди утратили веру в будущее; их очень трудно остановить. В то же время в нашем распоряжении лишь ограниченные средства. — Мэр включил настенный видеоэкран. — Вот центральная площадь с высоты в сто метров.

На этой площади Ло Цзи и Ши Цян укрывались от нападения летающего автомобиля. С высоты, на которой располагалась камера, было невозможно увидеть ни мемориал Великой пади, ни окружающий его участок пустыни. Вся площадь предстала морем белого цвета, в котором, подобно зернам риса в котле, бурлили светлые точки.

— Это люди? — удивленно спросил Ло Цзи.

— Обнаженные люди. На площади идет оргия. Уже собралось больше ста тысяч, и постоянно подходят новые.

В эту эпоху полагалось воспринимать как должное и гетеросексуальные, и гомосексуальные

отношения, а также многое другое, чего Ло Цзи не мог даже себе представить. Теперь это считалось нормой. Но тем не менее происходящее на площади напомнило ему библейское повествование о разврате, случившемся прежде, чем человечество обрело Десять заповедей. Воистину наступил Судный день...

— Почему правительство не пресечет эти безобразия? — сурово спросил Ши Цян.

— А что мы можем поделать? Они не нарушают никаких законов. Сделай мы хоть что-нибудь — и преступником окажется правительство.

Ши Цян глубоко вздохнул:

— Понимаю. В это время у полиции и армии мало полномочий.

— Мы перелистали все своды законов, но не нашли ничего подходящего, — пояснил мэр.

— М-да, ну и город... Не жалко будет, если Капля разнесет его в клочки.

Ло Цзи вздрогнул, услышав слова Ши Цяна, и спросил:

— Сколько осталось времени до падения Капли?

Мэр переключил видеоканал на выпуск новостей. Сцену разврата сменила модель Солнечной системы. Траектория Капли, похожая на орбиту

кометы, ярко светилась красным и обрывалась недалеко от Земли. В нижней части экрана мерцали цифры обратного отсчета. Если Капля не сбросит скорость, она достигнет Земли через четыре часа и пятьдесят четыре минуты.

Бегущей строкой передавали экспертный анализ. Несмотря на охвативший планету страх, ученые быстро справились с потрясением от разгрома флота, поэтому мнение специалистов было спокойным и рациональным. Человечество по-прежнему не понимало, ни какая энергия приводит зонд в движение, ни какой тип двигателя. Но ученые полагали, что Капля испытывает трудности с источником энергии — покинув зону уничтожения флота, она долго и медленно разгонялась к Земле. Зонд прошел рядом с Юпитером, но, не обращая внимания на три корабля, оставшихся на базе флота, осуществил разгон гравитационным маневром. Специалисты сочли, что запасы топлива на Капле подходят к концу. Ученые продолжали утверждать, что атака Земли зондом — полная чушь, но в то же время не предлагали никакого другого объяснения.

— Мне пора идти, а то город и в самом деле уничтожат, — сказал Ло Цзи.

— О чем вы? — спросил мэр.

— Он думает, что Капля охотится именно на него, — пояснил Ши Цян.

Мэр рассмеялся, но улыбка получилась натянутой. По-видимому, он уже давно не смеялся.

— Доктор Ло, вы неисправимый эгоцентрист!

* * *

Ло Цзи и Ши Цян поднялись на поверхность и сели в машину. Жители города образовали нескончаемый поток; из-за заторов потребовалось полчаса, чтобы выбраться из центра и разогнаться по трассе, ведущей на запад.

Экран автомобильного телевизора сообщал, что Капля движется к Земле со скоростью семьдесят пять километров в секунду и эта скорость не снижается. Зонд достигнет планеты через три часа.

Электромагнитное поле, снабжающее автомобиль энергией, стало ослабевать, и машина снизила скорость. Ши Цян подключил резервный аккумулятор. Они приблизились к городкам проснувшихся, но проехали мимо Новой Жизни-5 и продолжили движение на запад. Водитель и пассажир большей частью молчали и следили за новостями на экране.

Капля без каких-либо признаков торможения

пересекла орбиту Луны. До Земли ей оставалось полчаса. Никто не мог предсказать, как поступит зонд, поэтому для предупреждения паники расчетную точку столкновения в новостях не сообщали.

Ло Цзи собрался с духом и сделал то, что старался изо всех сил отсрочить. Он произнес:

— Да Ши, остановись.

Ши Цян остановил машину, и они вышли. Солнце уже коснулось горизонта, и фигуры друзей отбрасывали длинные тени на песок. Ло Цзи показалось, что почва под ногами стала такой же мягкой, как его сердце. Он с трудом держался на ногах.

— Я постараюсь отъехать подальше от населенных мест, — произнес Ло Цзи. — Там, впереди, город, поэтому я поверну сюда. Тебе со мной нельзя. Возвращайся.

— Кореш, я подожду тебя здесь. А когда все кончится, вместе поедем обратно.

Ши Цян достал из кармана сигарету и какое-то время искал зажигалку, пока не вспомнил, что эти сигареты в огне не нуждаются. Его привычки, как и многое другое, пришедшее с ним из прошлого, нисколько не изменились.

Ло Цзи грустно улыбнулся. Он надеялся, что

Ши Цян верит своим словам — так легче распрощаться.

— Если хочешь, подожди. Но когда придет время, укройся за барханом. Я не знаю, насколько сильной окажется взрывная волна.

Ши Цян улыбнулся и покачал головой:

— Ты напоминаешь мне одного умника, с которым мне довелось встретиться двести лет назад. У него было такое же виноватое выражение лица. Помню, он как-то на рассвете сидел возле церкви на улице Ванфуцзин и рыдал... Потом все устроилось. Я даже проверил, когда меня разбудили: он прожил без малого сто лет.

— А тот, кто первым коснулся Капли, Дин И? Я припоминаю, что вы тоже были знакомы.

— Он искал смерти. С этим ничего не поделаешь. — Ши Цян поднял глаза к закатному небу, будто вспоминая физика. — Но он славился широким кругозором. Мог справиться с любой ситуацией. Я не встречал другого такого за всю мою жизнь. Я не шучу, он был гением. Вот у кого бы тебе поучиться!

— А я тебе повторяю: мы обычные люди, ты и я. — Ло Цзи взглянул на часы, чувствуя, что времени уже не остается. Он решительно протянул Ши Цяну руку: — Да Ши, спасибо за все, что ты для

меня сделал за последние два века! Прощай. Может быть, мы и свидимся где-то в другом месте.

Ши Цян не принял его руки, а просто махнул:

— Брось нести чепуху! Поверь, парень, ничего не случится. Иди, а когда все кончится, поспеши обратно и забери меня. И не обижайся, если я вечером за рюмкой буду тебя подкалывать!

Ло Цзи поспешно сел в машину; он не хотел, чтобы Ши Цян увидел стоявшие в его глазах слезы. Отвернувшийся постарался запечатлеть в памяти отражение друга в зеркале заднего вида, а потом нажал на газ и отправился в свою последнюю поездку.

Возможно, они снова встретятся где-нибудь. Такое уже случалось; их разлучило на два столетия. Сколько же выпадет на этот раз? Подобно Чжан Бэйхаю двести лет назад, Ло Цзи внезапно возненавидел свой атеизм.

Солнце уже зашло, и в сумерках пустыня вдоль дороги стала белой как снег. Ло Цзи неожиданно понял, что именно по этой дороге два столетия назад он катался на «Аккорде» со своей воображаемой возлюбленной. Тогда равнины Северного Китая скрывались под слоем настоящего снега. Он ощутил, как ее волосы развеваются на ветру и щекочут ему лицо.

«Нет, нет! Не говори, где мы! Как только мы узнаем, где находимся, огромный мир сужается до карты. А когда это неизвестно, он кажется бесконечным».

«Ладно. Тогда постараемся потеряться».

У Ло Цзи всегда было ощущение, что Чжуан Янь и Сяся — плод его воображения. Как только он вспомнил о них, кольнуло в сердце — в эту минуту любовь и тоска по семье отозвались в нем мучительной болью. Из глаз покатились слезы. Ло Цзи старался ни о чем не думать, но прекрасные глаза Яньянь упрямо возникали перед его мысленным взором, а в ушах стоял заразительный смех Сяся. Ему ничего не оставалось, как сосредоточиться на экране телевизора.

Капля проскочила точку Лагранжа[48] и, не снижая скорости, продолжала лететь к Земле.

Ло Цзи остановил машину в подходящем, по его мнению, месте — на границе между равниной и горами. Нигде не было видно ни зданий, ни людей. Автомобиль стоял в долине, окруженной полукольцом гор. Они поглотят часть ударной волны. Ло Цзи вытащил телевизор из машины,

---

[48] Примечания: 48

Точки Лагранжа — пять точек, в которых небольшой объект, находящийся лишь под влиянием гравитации, может оставаться неподвижным относительно двух массивных тел. (*Прим. Дж. М.*)

поставил на песок, и сам присел рядом.

Капля пересекла геосинхронную орбиту — 34 тысячи километров — недалеко от космического поселения Новый Шанхай. Все обитатели следили за яркой точкой, мгновенно пересекшей их небо. В новостях сообщили, что через восемь минут зонд врежется в Землю.

Наконец, предсказали точку падения Капли — к северо-западу от столицы Китая.

Ло Цзи и так это знал.

Сгустились сумерки; светился лишь небольшой участок неба на западе, будто глаз без зрачка, бесстрастно взирающий на мир.

Чтобы скоротать оставшееся время, Ло Цзи стал вспоминать свою жизнь.

Она делилась на две совершенно непохожие части. Период в роли Отвернувшегося растянулся на два века, но ощущался плотно сжатым массивом времени. Он перебирал воспоминания, как будто все случилось вчера. И все же у него было ощущение, что эту часть жизни прожил не он, а кто-то другой, и любовь, казалось бы неотделимая от его существа, тоже случилась не с ним. Мимолетная греза. Он боялся вспоминать о жене и дочке.

Неожиданно Ло Цзи понял, что от воспомина-

ний раннего периода жизни — прежде чем он стал Отвернувшимся — почти ничего не осталось. В голове всплывали лишь отдельные фрагменты, и чем дальше он забирался, тем меньше мог выудить из памяти. Он и в самом деле учился в школе? У него и вправду была первая любовь? На некоторых воспоминаниях остались заметные царапины — доказательство того, что события произошли в действительности. Образы были яркие и четкие, но ощущения бесследно пропали. Прошлое, подобно пригоршне песка, вытекло между пальцев. Река памяти давным-давно пересохла, и в ее безжизненном русле не осталось ничего, кроме мелкого мусора. Он жил, от одного добра постоянно выискивая другого, а когда чего-то добивался, то что-то терял. И теперь у него почти ничего не осталось.

Он обвел взглядом погруженные в сумрак горы и вспомнил, как однажды, более двухсот лет назад, провел ночь в этих местах. «За последние сотни миллионов лет горы устали стоять и прилегли отдохнуть, придавленные временем и солнцем», как однажды выразилась его воображаемая подружка. Города и поля Северного Китая уже давно превратились в пустыню, но горы ничуть не изменились. Они так и стояли,

невзрачные на вид, и из расщелин в сером камне, как двести лет назад, так же скупо, но упорно, пробивались чахлая трава и плющ. Для гор два века — одно мгновение.

Если бы у гор были глаза и они взглянули на мир человека, что бы они увидели? Наверное, что-то мимолетное, мелькнувшее посреди неспешного дня. Сначала на равнине появились несколько маленьких существ. Потом их стало больше; они принялись строить сооружения наподобие муравейников и заполнили ими всю округу. Из построек выбивался свет, а из некоторых — дым. Потом и свет, и дым, и мелкие существа исчезли, а сооружения развалились и погрузились в песок. Вот и все. Горы многое повидали; эпоха человека не представилась бы им чем-то особенно интересным.

Наконец, Ло Цзи добрался до самых ранних воспоминаний. Он с удивлением обнаружил, что его жизнь, насколько он ее помнил, началась тоже на песке. Это происходило в доисторическую эпоху его жизни, в давно забытом месте, и его окружали люди, которых он не мог вспомнить. Но он четко помнил песчаный берег реки. В небе висела полная луна, река мерцала в лунном свете. Он ковырялся в песке. Когда он выкопал

ямку, в нее просочилась вода, и в озерце засияла маленькая луна. Он копал ямки одну за другой, и в каждой вспыхивала крохотная луна.

Это было его самое первое воспоминание. Память не сохранила более ранних событий.

В ночной темноте лишь экран телевизора освещал небольшой участок песка.

Ло Цзи усердно старался выдавить все мысли из своего разума. Кожу на голове свело; Отвернувшемуся почудилось, что его придавила громадная ладонь размером с небо.

А потом ладонь медленно ослабила давление и убралась восвояси.

На высоте двадцати тысяч километров Капля поменяла курс и полетела прямо в Солнце.

На экране телевизора репортер закричал:

— Всему северному полушарию — внимание! Всему северному полушарию — внимание! Капля ярко сияет, и ее можно увидеть невооруженным глазом!

Ло Цзи посмотрел в небо. И в самом деле, он увидел зонд. Капля светилась не очень ярко, но ее легко было узнать по скорости движения. Она пересекла небосвод подобно метеору и исчезла на западе.

Затем Капля снизила скорость по отношению

к Земле до нуля и остановилась в точке на удалении в полтора миллиона километров. В точке Лагранжа. Это означало, что зонд застыл в неподвижности между Солнцем и Землей и может там оставаться сколь угодно долго.

Ло Цзи догадывался, что должно произойти что-то еще. Он остался сидеть на песке. Горы, эти окружившие его почтенные старики, молча дожидались вместе с ним. Казалось, будто они защищают Отвернувшегося. Какое-то время в новостях не сообщали никакой существенной информации. Мир нервно ожидал, пока не понимая, избежал он катастрофы или нет.

Прошло десять минут, но ничего не происходило. Телескопы землян подтвердили, что Капля не движется, что ореол двигателя вокруг хвоста погас и что округлый передний конец зонда ориентирован на Солнце, яркие лучи которого отражались от зеркальной поверхности Капли. Казалось, треть корпуса зонда охвачена огнем. Ло Цзи подумал, что между Каплей и Солнцем установилась какая-то неведомая связь.

Картинка на экране телевизора внезапно пошла волнами, в динамиках раздался треск. Ло Цзи заметил, что природа тоже что-то почувствовала: с горного склона рванулась в небо стая

птиц, а поодаль залаяла собака. Ло Цзи ощутил покалывание на коже — а может быть, это ему просто почудилось.

Через несколько секунд телепередача полностью восстановилась. Впоследствии узнали, что помехи так и не прекратились; электроника систем связи всего лишь автоматически настроилась их отсеивать. С датчиков наблюдения шел нескончаемый поток измерений. Ученым потребовалось не менее десяти минут на обработку данных.

Капля непрерывно генерировала радиолуч высокой интенсивности, направленный прямо в Солнце. Мощность излучения превышала пороговое значение, а спектр сигнала перекрывал все диапазоны, на которых Солнце могло усиливать радиоволны.

Ло Цзи сначала захихикал, а потом стал хохотать до тех пор, пока не закашлялся. И в самом деле, он придавал слишком много значения своей персоне! Стоило бы давно догадаться. Ло Цзи не был важен; важно было Солнце. С этой минуты человечество больше не могло пользоваться звездой как сверхмощным усилителем, чтобы посылать сигналы во Вселенную.

Капля заблокировала этот канал связи.

— Ха! Вот видишь, парень, ничего не случилось! Надо было заключить пари! — раздался вдруг голос Ши Цяна. Да Ши поймал попутку, вернулся и отыскал друга.

Ло Цзи почувствовал слабость, как будто из него вынули стержень. Он опустился на не остывший еще песок. Лежать было приятно.

— Верно, Да Ши. Теперь мы можем жить, как пожелаем. Все кончено.

* * *

— Кореш, я больше не буду помогать тебе со штучками Отвернувшихся, — заявил Ши Цян на обратном пути. — От этой работы умом тронешься. С тобой только что случился очередной припадок.

— Надеюсь, что так, — ответил Ло Цзи. Еще вчера в небе горели звезды; а сейчас сквозь окна автомобиля не разглядеть ни одной. Лишь черная пустыня и ночное небо сходились воедино на горизонте. Перед автомобилем расстилался освещенный фарами участок дороги. Весь мир был как мысли Ло Цзи: повсюду черным-черно, и лишь одна деталь видна потрясающе четко и ясно.

— А знаешь, можно запросто вернуть твою съе-

хавшую крышу на место. Чжуан Янь и Сяся уже скоро разбудят. Впрочем, не знаю — не исключено, что из-за волнений пробуждение отложили. Но даже если и так, то ненадолго. Общественный порядок наверняка вскоре восстановят. Оставшегося времени хватит на несколько поколений. Ты вроде бы сказал, что теперь можешь жить как обычный человек?

— Завтра же пойду в Бюро иммиграции проснувшихся.

Слова Ши Цяна расцвели ярким цветком в серой пустыне разума Ло Цзи. Возможно, встреча с женой и дочкой — его единственный шанс на спасение.

Но человечеству надеяться было не на что.

Когда они уже приблизились к Новой Жизни-5, Ши Цян резко затормозил.

— Что-то не так. — Он вглядывался сквозь лобовое стекло. Ло Цзи проследил его взгляд и заметил отблески в небе. Внизу что-то ярко светилось, но из-за высоких барханов вдоль дороги они не видели, что это такое. Источник света перемещался и не был похож на свет жилых кварталов.

Когда машина повернула с трассы, перед ними предстала странная, незабываемая картина. Весь участок пустыни между дорогой и Новой

Жизнью-5 сиял огнями, словно море светлячков. Через мгновение Ло Цзи сообразил, что это огромная толпа. Все они прибыли из подземного города, и светилась их одежда.

Когда машина подъехала к толпе поближе, люди стали прикрывать глаза ладонями, защищаясь от света фар. Ши Цян выключил фары. Перед автомобилем выросла странная, многоцветная людская стена.

— Сдается мне, они кого-то поджидают. — Ши Цян бросил взгляд на Ло Цзи. Тот внутренне напрягся. Ши Цян остановил машину и приказал: — Оставайся внутри и не шевелись. Пойду узнаю.

Он вышел из автомобиля и направился к толпе. Коренастая фигура Ши Цяна темным силуэтом выделялась на фоне светящейся стены людей. Ло Цзи следил, как тот шагает к собравшимся, обменивается с ними парой слов, оборачивается и идет обратно.

— Оказывается, они ждут тебя. Иди. — Ши Цян облокотился на дверцу машины. Заметив выражение на лице Ло Цзи, он заверил: — Успокойся. Все нормально.

Ло Цзи вылез из машины и направился к толпе. Он уже привык к электронной одежде совре-

менных людей, однако здесь, в пустыне, ему показалось, что он идет навстречу Иным. Но когда он подошел ближе и разглядел их лица, его сердце забилось чаще.

Когда Ло Цзи вывели из анабиоза, первым делом он узнал, что у толпы любой эпохи есть свое особенное лицо. Разница настолько очевидна, что не составляет труда отличить современного человека от недавно разбуженного проснувшегося. Но Ло Цзи не мог сообразить, к какой эпохе относятся стоящие перед ним люди. Их лица не подходили ни к современной эпохе, ни к XXI веку. Он чуть было не замер на месте от страха; лишь из доверия к Ши Цяну Ло Цзи продолжал неуверенно шагать вперед.

Подойдя ближе, он остановился, потому что разглядел, какие именно картинки украшают одежду собравшихся.

Это были изображения Ло Цзи — фотографии и видеоклипы.

Став Отвернувшимся, Ло Цзи редко появлялся перед камерами, и история сохранила не так уж много его изображений. На одежде поджидающих его людей светилась практически полная коллекция. Кое-кто даже отыскал еще более ранние фотографии — с того времени, когда он

еще не был Отвернувшимся. Картинки в одежду загружали через Интернет, а это значило, что все эти снимки лежат в Сети. Ло Цзи отметил, что это оригиналы, а не модный в эти дни художественный гротеск, — следовательно, их выложили только что и обработать на компьютере просто не успели.

Когда Ло Цзи остановился, толпа двинулась навстречу. Первые ряды подошли на два-три метра и остановились, сдерживая остальных, а потом пали на колени. Стоящие позади них также начали становиться на колени, одна волна светящихся фигур за другой, разбегающиеся в ночи.

— Владыка, спаси нас! — вскричал кто-то. Эти слова отдались звоном в ушах Ло Цзи.

— О Господи, спаси наш мир!

— Великий посланник, стань рукой закона во Вселенной!

— Ангел правосудия, спаси человечество!

К Ло Цзи подошли двое. Одного он узнал сразу — это был Хайнс; его одежда не светилась. Другой оказался военным; на его форме тлели нашивки и ордена.

Хайнс торжественно обратился к Ло Цзи:

— Доктор Ло, я назначен вашим помощником по связи с Комитетом ООН по делам Отвернувшихся.

Информирую вас, что проект «Отвернувшиеся» возобновлен и вы назначены единственным Отвернувшимся.

Следующим заговорил военный:

— Я Бен Джонатан, специальный уполномоченный Конгресса космических флотов. Мы встречались раньше, сразу после вашего пробуждения. Мне предписано сообщить, что Азиатский флот, Европейский флот и Североамериканский флот согласны с восстановлением действия закона об Отвернувшихся и признают ваш статус.

Хайнс указал на коленопреклоненную толпу:

— В глазах народа вы едины в двух лицах. Для верующих вы ангел правосудия. Для неверующих вы представитель справедливой, более развитой цивилизации Млечного Пути.

Все затаили дыхание и неотрывно смотрели на Ло Цзи. Он немного подумал и остановился на единственной возможности:

— Заклинание сработало? — предположил он.

Хайнс и Джонатан кивнули. Хайнс пояснил:

— 187J3X1 уничтожена.

— Когда это произошло?

— Пятьдесят один год назад. Свет взрыва дошел до нас год назад, но эта звезда никого не интересовала. Событие обнаружили только сегодня, во

второй половине дня. Несколько отчаявшихся сотрудников ККФ решили поискать вдохновения в истории. Они вспомнили о проекте «Отвернувшиеся» и вашем заклинании. Взглянули на 187J3X1 и нашли вместо нее лишь облако пыли. Тогда они перебрали все предшествующие наблюдения вплоть до ее уничтожения год назад и сделали подборку снимков 187J3X1 в момент взрыва.

— А как они определили, что звездная система разрушена преднамеренно?

— Вы знаете, что 187J3X1 была стабильной звездой, наподобие Солнца. Она не могла стать новой. Кроме того, снимки запечатлели ее уничтожение. В звезду попал крохотный объект, движущийся почти со скоростью света. Его назвали «фотоидом» и проследили его траекторию по следам, оставленным в фотосфере звезды. Незначительный объем фотоида компенсировался невероятно высокой релятивистской массой, учитывая околосветовую скорость. К моменту столкновения масса фотоида достигла одной восьмой от массы цели. Звезда мгновенно разрушилась. Все четыре планеты испарились в пламени взрыва.

Ло Цзи поднял глаза в темное ночное небо. На нем практически не было звезд. Он зашагал

вперед. Толпа молча расступалась перед ним и сходилась позади. Люди старались приблизиться, как продрогший человек тянется к теплу, но уважительно оставляли вокруг Отвернувшегося свободное пространство — кружок тени посреди океана света, подобно глазу урагана. Один человек пробился вперед и рухнул на землю прямо перед Ло Цзи. Тот остановился, а человек принялся целовать его ноги. В круг протолкались еще несколько, намереваясь последовать примеру. Когда ситуация чуть было не вышла из-под контроля, из толпы раздались окрики, и нарушители спокойствия ретировались.

Ло Цзи побрел вперед, но понял, что не знает, куда идет. Он остановился, углядел в толпе Хайнса и Джонатана и подошел к ним.

— И что мне теперь делать? — спросил Ло Цзи.

— Вы Отвернувшийся, поэтому можете делать все, что угодно — в рамках закона об Отвернувшихся, — с поклоном ответил Хайнс. — Закон по-прежнему налагает на вас ограничения, но на практике вам доступны все ресурсы Земного конгресса.

— И ресурсы Конгресса космических флотов, — добавил Джонатан.

Ло Цзи немного подумал и сообщил:

— Прямо сейчас мне ресурсы не нужны. Но раз мои привилегии восстановлены…

— Даже не сомневайтесь, — заверил Хайнс. Джонатан кивнул.

— Тогда я потребую следующее. Во-первых, следует установить порядок во всех городах и вернуться к нормальному образу жизни. В этом требовании нет ничего особенного, как вы понимаете.

Все кивнули. Кто-то прошептал:

— Тебя слушает весь мир, Господи!

— Верно, нас слышит весь мир, — подтвердил Хайнс. — Понадобится какое-то время, чтобы восстановить спокойствие, но с вами наша вера в успех крепка. — Эти слова эхом отозвались в толпе.

— Второе. Всем разойтись по домам. Оставьте это место в покое. Благодарю!

Услышав это, толпа притихла, но вскоре зашумела, передавая слова Отвернувшегося стоящим дальше. Народ стал расходиться — поначалу медленно и неохотно, а потом быстрее и быстрее. Автомобили один за другим поехали в сторону города. Многие шли пешком; их ночная процессия походила на длинную цепочку фосфоресцирующих муравьев.

А потом равнина опустела. На истоптанном песке остались четверо: Ло Цзи, Ши Цян, Хайнс и Джонатан.

— Мне стыдно за себя прежнего, — признался Хайнс. — Человеческой цивилизации всего пять тысяч лет, но мы научились высоко ценить жизнь и свободу. Во Вселенной наверняка есть цивилизации, которым миллиарды лет. Какой моралью они руководствуются? Есть ли вообще смысл в таком вопросе?

— И мне стыдно за себя. В последние дни я даже усомнился в Боге, — подхватил Джонатан. Он увидел, что Хайнс хочет вставить слово, и жестом остановил его. — Нет, друг мой, возможно, мы говорим об одном и том же.

Прослезившись, они обнялись.

— Ну вот, джентльмены, — похлопал их по спинам Ло Цзи. — Теперь вы можете возвращаться. Если вы мне понадобитесь, я вас найду. Спасибо!

Хайнс и Джонатан пошли к дороге, поддерживая друг друга будто счастливая семейная пара, а Ло Цзи смотрел им вслед. Теперь остались лишь он и Ши Цян.

— Да Ши, хочешь что-нибудь сказать? — Ло Цзи с улыбкой повернулся к Ши Цяну.

Потрясенный Ши Цян стоял столбом, будто ему

показали невероятный фокус.

— Кореш, я вообще ничего не понимаю!

— Что? Ты не веришь, что я ангел правосудия?

— Черта с два, хоть выпусти из меня все кишки!

— А как насчет посланника высокоразвитой цивилизации?

— Получше, чем ангел, но если честно, то и в это не верю. Никогда не считал тебя чьим-то посланником.

— А ты веришь во вселенскую справедливость и правосудие?

— Не знаю...

— Но ты же полицейский!

— Сказал же, не знаю! Я ни черта теперь не понимаю!

— Ну тогда ты единственный трезвомыслящий среди нас.

— А ну-ка расскажи мне об этом вселенском правосудии!

— Хорошо. Пошли! — И Ло Цзи зашагал прямо в пустыню; Ши Цян следовал за ним. Они долго шли, а потом пересекли шоссе.

— Куда мы идем? — спросил Ши Цян.

— Туда, где темнее всего.

* * *

Перейдя дорогу и отгородившись барханами от огней поселка, они на ощупь выбрали место и присели на занесенную песком землю.

— Ну что ж, начнем, — прозвучал в темноте голос Ло Цзи.

— Дай мне версию попроще. Мои мозги ничего сложного не воспримут.

— Да Ши, тут нет ничего сложного. Правда весьма проста. Это одна из тех загадок, когда слышишь ответ и удивляешься, почему не догадался сам. Ты знаешь, что такое аксиома в математике?

— В школе нам преподавали геометрию. «Через две точки можно провести только одну прямую», и все такое.

— Ну да. Теперь мы определим две аксиомы космической цивилизации. Первая: выживание является основной потребностью цивилизации. Вторая: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но общий объем вещества во Вселенной остается неизменным.

— А дальше?

— Это все.

— Все? Ну, это, в общем, просто. Но что отсюда вытекает?

— Ты можешь догадаться, кто убийца, по пуле или по капле крови. Космическая социология способна вывести из этих двух аксиом полную картину галактической, космической цивилизации. Вот так работает наука, Да Ши. Основы практически любой отрасли знаний весьма просты.

— Выведи тогда что-нибудь.

— Для начала давай поговорим о битве Тьмы. Ты поверишь, если я заявлю, что «Звездолеты Земли» были космической цивилизацией в миниатюре?

— Нет. На «Звездолетах Земли» не хватало ресурсов — запчастей и топлива. А во Вселенной их навалом. Вселенная большая.

— Ошибаешься. Вселенная велика, но жизнь еще больше! В этом заключается смысл второй аксиомы. Объем вещества во Вселенной неизменен, но жизнь разрастается по экспоненте. Экспонента — это математический чертик из табакерки. Скажем, есть в океане одна бактерия, и она делится надвое каждые полчаса. Через несколько дней ее потомки заполнят весь океан, если хватит пищи. Не меряй цивилизации меркой Земли или Трисоляриса. Эти две цивилизации пока еще совсем младенцы, в самом начале

пути. Как только цивилизация перешагивает некий технологический порог, она с пугающей скоростью начинает распространяться по Вселенной. Возьми, например, сегодняшнюю скорость земного космического корабля. На такой скорости земляне за миллион лет заполнят собой всю Галактику. А миллион лет — ничто в масштабе Вселенной.

— Так ты утверждаешь, что в далеком будущем всей Вселенной сдадут... как это называется в картах... — «мертвую руку»?

— Незачем заглядывать в далекое будущее. Вселенная держит «мертвую руку» прямо сейчас. Как сегодня предположил Хайнс, цивилизация могла зародиться миллиарды лет назад. По всем признакам Вселенная наверняка уже заполнена до отказа. Кто знает, сколько свободных планет осталось в Млечном Пути, сколько природных ресурсов?

— Но этого ведь не может быть! Вселенная кажется пустой. Мы не встречались с инопланетной жизнью, за исключением Трисоляриса.

— Вот об этом теперь и побеседуем. Дай-ка закурить. — Ло Цзи пошарил рукой в темноте и вскоре наткнулся на руку товарища с зажатой в ней сигаретой. Когда Ло Цзи заговорил снова,

Ши Цян понял, что тот передвинулся на три или четыре метра в сторону. — Хочу, чтобы ты все видел в космическом масштабе.

Ло Цзи зажег сигарету, покрутив фильтр, Ши Цян сделал то же самое. Во мраке ночи друг перед другом зависли две крохотные красные планеты.

— Вот. Теперь построим простейшую модель космической цивилизации. Наши два огонька означают населенные планеты. Представь себе, что кроме них в нашей модели Вселенной больше ничего нет. Представил?

— Ну да. В такой тьме — запросто.

— Назовем эти два мира «твоя цивилизация» и «моя цивилизация». Их разделяет значительное расстояние — скажем, сто световых лет. Ты можешь определить, что моя цивилизация существует, а я даже не догадываюсь о тебе.

— Ладно.

— А теперь мы определим два типа отношений между цивилизациями: «дружественные» и «враждебные». Эти слова можно понимать по-разному, поэтому как ученые уточним: дружественная цивилизация не пытается напасть первой и уничтожить другие цивилизации. А враждебная — наоборот.

— Хорошенькое же у тебя определение друж-

бы!

— Теперь подумай, какие у тебя есть варианты отношений со мной. Не забудь про аксиомы космической цивилизации, про расстояние и про тот факт, что цивилизации разделены космическим пространством.

— Допустим, я решил установить с тобой связь.

— Если ты так поступишь, то заплатишь разглашением факта своего существования.

— Верно. Во Вселенной это не мелочь.

— Разгласить существование тоже можно по-разному. Самые важные сведения — это точные межзвездные координаты. За ними следует общее направление на планету; а в самом конце находится лишь факт твоего существования. Но если я получу даже минимум информации, я могу начать тебя искать. Если ты смог обнаружить меня, то и я смогу обнаружить тебя. Это лишь вопрос времени, требующегося для развития технологии до нужного уровня.

— Но, парень, я могу рискнуть и все же связаться с тобой. Если твоя цивилизация окажется враждебной — что ж, мне не повезло. А если дружественной, то мы продолжим разговор и в будущем объединимся в одну цивилизацию, тоже дружественную.

— Отлично, Да Ши! Мы подходим к сути. Давай вернемся к аксиомам. Даже если я дружественная цивилизация, могу ли я, получив от тебя первый сигнал, узнать, друг ты мне или враг?

— Конечно же, нет. Иначе окажется нарушена первая аксиома.

— Так что же мне следует сделать, когда я получу твое сообщение?

— Естественно, тебе надо определить, друг я или враг. Если враг, то тебе следует напасть на меня и уничтожить. Если друг, то продолжить общение.

Огонек Ло Цзи поднялся и стал двигаться туда-сюда. По-видимому, Отвернувшийся встал и принялся ходить.

— На Земле это сработает — но не во Вселенной. Теперь введем новый термин: цепочка подозрений.

— Что за странное выражение!

— Поначалу это все, что у меня было. Мне не объяснили, что означает этот термин. Впоследствии я догадался сам.

— Кто не объяснил?

— Потом скажу. Продолжим. Если ты считаешь, что я друг, не думай, однако, что ты в безопасности. Из первой аксиомы следует, что

дружественная цивилизация не может предсказать, является ли любая другая цивилизация дружественной. Ты не знаешь, кем я тебя считаю — другом или врагом. Далее, если даже ты знаешь, что я записал тебя в друзья, и если я также знаю, что ты думаешь, что я друг, я не могу знать, что ты думаешь о том, что я думаю о том, что ты думаешь обо мне. Запутанно, не так ли? Мы дошли лишь до третьего уровня, но рассуждения продолжаются бесконечно.

— Понял.

— Вот это и называется цепочкой подозрений. На Земле мы с ними не сталкиваемся. Мы все люди, наши культуры схожи, мы живем на одной планете, настолько близко друг к другу, что цепочка подозрений растет до первого или второго уровня, а потом обрывается из-за обмена информацией. Но в космосе возможны очень длинные цепочки подозрений. Нечто наподобие битвы Тьмы разразится прежде, чем стороны убедят друг друга в самых лучших намерениях.

Ши Цян затянулся; тлеющий кончик сигареты на мгновение осветил его задумчивое лицо.

— Похоже, битва Тьмы может нас многому научить.

— Правильно. Пять кораблей «Звездолетов

Земли» образовали квазикосмическую цивилизацию; не истинно космическую, потому что состояли из одной расы — людей, близких друг к другу. Но даже в этом случае, как только им сдали «мертвую руку», зародилась цепочка подозрений. Если же взять настоящие космические цивилизации, они могут разниться биологически на уровне царства[49], а различия в культуре даже представить себе невозможно. Прибавь к тому громадные расстояния, которые их разделяют, и получишь несокрушимые цепочки подозрений.

— Значит, не имеет значения, дружественные мы цивилизации или враждебные? Результат будет один и тот же?

— Да. Это основной вывод из цепочки подозрений. Он никак не связан с самой цивилизацией, ее моралью и общественным устройством. Достаточно считать цивилизации точками на концах цепочки. Неважно, дружественны или враждебны цивилизации сами по себе — как только они запутаются в паутине цепочек подозрений, они становятся одинаковыми.

— Но если ты слабее, ты для меня неопасен. Тогда я могу послать тебе сообщение. Верно?

---

[49] Примечания: 49

Царство — иерархическая ступень научной классификации биологических видов. (*Прим. перев.*)

— Не сработает и это. Ввожу второй ключевой термин: технологический взрыв. Его мне тоже не объяснили, но разобраться с ним оказалось легче. Человеческой цивилизации пять тысяч лет, а жизни на Земле — несколько миллиардов. Но современную технологию создали за триста лет. В масштабе Вселенной это не развитие — это взрыв! Это бомба, заложенная в каждой цивилизации. Как только зажгут фитиль — по собственной инициативе или под давлением внешних факторов, — бомба взорвется. Земле потребовалось триста лет, но почему мы должны быть быстрее других космических цивилизаций? Возможно, найдутся цивилизации, которые соображают быстрее нас. Я слабее тебя, но как только получу сообщение, между нами протянется цепочка подозрений. Если в какой-то момент у меня произойдет технологический взрыв, я стану сильнее тебя. По меркам Вселенной, несколько сотен лет — всего лишь мгновение. Может даже статься, что бомбу моего технологического взрыва подожжет полученное от тебя сообщение. Следовательно, даже если я новорожденная или развивающаяся цивилизация, я для тебя опасен.

Ши Цян несколько секунд рассматривал тлеющую сигарету Ло Цзи, а потом взглянул на свою:

— Значит, мне лучше заткнуться и помалкивать.

— Думаешь, поможет?

Оба затянулись. Сигареты вспыхнули и осветили проявившиеся из темноты задумчивые лица богов этой простой воображаемой вселенной.

— Нет, не поможет, — ответил Ши Цян. — Допустим, ты сильнее меня. Тогда, если *мне* удалось обнаружить тебя, то рано или поздно *ты* обнаружишь меня — и образуется цепочка подозрений. А если ты слабее меня, то у тебя в любой момент может случиться технологический взрыв, и тогда ты станешь сильнее. В итоге для меня опасно и сообщать о себе, и позволять тебе продолжать существование. Любой из этих вариантов нарушит первую аксиому.

— Да Ши, ты отлично соображаешь!

— Пока да, но мы ведь только начали.

Ло Цзи долго хранил молчание. Пару раз он затягивался сигаретой, и тогда его лицо проступало из темноты. Затем он ответил:

— Нет, старина. Наши рассуждения закончены, и мы пришли к ответу.

— К ответу? Черта с два мы к чему-то пришли! Где обещанная картина космической цивилизации?

— Как только ты узнаешь о моем существовании, тебе не помогут ни связь, ни молчание. Остается лишь один выход.

Надолго воцарилось молчание. Огоньки сигарет потухли. Не ощущалось ни дуновения ветерка; тяжелая тьма сгустилась в асфальтовую черноту, соединяя небо и землю воедино. Наконец, Ши Цян выплюнул во мрак единственное слово:

— Проклятье!

— А теперь распространи этот единственный вариант на миллиарды звезд и сотни миллионов цивилизаций — и получишь свою картину.

— Это... это очень мрачная картина.

— Вселенная и в самом деле мрачное место. — Ло Цзи повел рукой, осязая темноту, словно бархат. — Вселенная — это темный лес. Каждая цивилизация — вооруженный до зубов охотник, призраком скользящий между деревьев, незаметно отводящий в сторону ветви и старающийся ступать бесшумно. Он даже дышит через раз. Охотнику есть чего опасаться: лес полон других невидимых охотников, таких же, как он сам. Если он встретит жизнь — другого охотника, ангела или черта, новорожденного младенца или старую развалину, фею или полубога, — у него лишь

один выход: открыть огонь и уничтожить. В этом лесу другие люди — ад. Любая жизнь представляет собой смертельную угрозу для всех остальных и будет уничтожена при первой возможности. Вот так выглядит космическая цивилизация. И этим объясняется парадокс Ферми[50].

Ши Цян зажег еще одну сигарету, чтобы хоть чуть-чуть раздвинуть занавес тьмы.

— Но в этом темном лесу есть глупый мальчишка по имени человечество. Он разжег огромный костер, стоит возле него и кричит: «Я здесь! Я здесь!» — продолжил Ло Цзи.

— Кто-нибудь его услышал?

— Вне всякого сомнения. Но по крикам трудно установить точное местонахождение. Человечество никогда не передавало в космос звездных координат Земли и Солнечной системы. По нашим сигналам можно узнать лишь расстояние между Землей и Трисолярисом и общее направление на нас внутри Млечного Пути. Точные координаты наших миров никому не известны. Мы находимся на периферии Галактики, практически в звездной пустыне, так что угроза не

---

[50] Примечания: 50

Парадокс Ферми — отсутствие видимых следов деятельности инопланетных цивилизаций, которые должны были бы расселиться по всей Вселенной за миллиарды лет своего развития. (*Прим. перев.*)

слишком велика.

— Так что же с той историей про звезду, на которую ты наложил заклятье?

— Воспользовавшись Солнцем как усилителем, я отправил в космос три схемы. На каждой из них я отметил тридцать точек, соответствующих проекции тридцати звезд на одну из плоскостей прямоугольной системы координат. Все три проекции образуют трехмерный чертеж, на котором изображены звезда 187J3X1 и двадцать девять ее соседей. Сама 187J3X1 выделена особо.

Теперь хорошенько подумай, и все поймешь. По темному лесу чуть дыша крадется охотник. И внезапно он видит, что с одного из деревьев содрали полоску коры. На обнажившейся светлой древесине легко понятными символами выцарапаны координаты. Что он подумает? Да уж, конечно, не то, что в этом месте для него разложены припасы. Скорее всего, это пылающий костер, возле которого приплясывает от нетерпения будущая жертва. Неважно, по какой причине оставили сообщение. Важно лишь то, что «мертвая рука» ударила по чувствительным нервам обитателей темного леса и кто-то из них, испуганный больше других, сделает свой ход. Скажем, в лесу затаился миллион охотников (а

цивилизаций среди миллиардов звезд Млечного Пути может найтись в тысячи раз больше). Пускай девятьсот тысяч охотников не обратят внимание на послание. Из остающихся ста тысяч девяносто тысяч проверят координаты, убедятся, что жизни там нет, и забудут. Но одна из десяти тысяч наверняка решит открыть огонь по цели. Когда цивилизация достигает определенного технологического уровня, нападение проще и дешевле, чем разведка. Если там ничего не было, то они ничего не теряют. И вот тогда, — подвел итог Ло Цзи, — появился охотник.

— А отправить это твое заклинание еще разок уже не получится, я правильно понимаю?

— Верно, Да Ши. Заклинание необходимо передать всей Галактике, но Солнце на замке, им уже не воспользоваться.

— Человечество опоздало лишь на один шаг? — Ши Цян щелчком отправил окурок в полет. Огонек прочертил дугу в темноте и упал, на секунду осветив клочок занесенной песком почвы.

— Нет, нет. Подумай сам: если бы Солнце не запечатали и если бы я пригрозил Трисолярису своим заклинанием, что бы произошло?

— Тебя бы забили камнями, как Рей Диаса. А потом приняли бы закон, запрещающий кому-либо

даже думать о чем-либо подобном.

— Совершенно верно, Да Ши. Поскольку мы уже разгласили расстояние от Земли до Трисоляриса, а также направление на нас, то если мы пошлем координаты Трисоляриса, кто угодно мгновенно вычислит местонахождение Солнечной системы. Это окажется самоубийством. Может быть, мы и в самом деле отстаем на шаг, но мы никогда бы не сделали этого шага.

— Тебе следовало пригрозить Трисолярису еще двести лет назад.

— Двести лет назад все было так запутанно... Я еще не уверился тогда в своей догадке, хотел доказательств. Почему бы и нет — времени было достаточно. Но подлинная причина в том, что у меня не хватило бы на это силы воли. Ни у кого бы не хватило.

— Я теперь думаю, что не стоило нам ходить к мэру сегодня. Эта картина... А если о ней узнает мир, то вообще кранты. Припомни, как кончили первые два Отвернувшихся.

— Ты прав. Со мной могло случиться то же самое. Надеюсь, мы не проговоримся. Хотя если ты надумаешь рассказать, то что может тебя остановить? Как мне однажды сказали: «Я сделала то, что должна была сделать».

— Не парься, кореш, я никому ничего не скажу.

— Впрочем, надеяться и так уже не на что.

Они пошли вдоль барханов по направлению к дороге. Там было немного светлее. Редких фонарей стоящего вдали поселка было достаточно, чтобы ослепить путников.

— Еще один вопрос. О ком ты говорил?

Ло Цзи замялся:

— Знаешь, забудь. Скажу лишь, что это не я придумал аксиомы космической цивилизации и теорию темного леса.

— Завтра я отправляюсь в город работать на правительство. Если потребуется помощь, только скажи.

— Да Ши, ты и так уже мне немало помог. Я тоже отправлюсь в город, в Бюро иммиграции проснувшихся — узнаю, как идут дела с пробуждением моей семьи.

* * *

Против ожиданий Ло Цзи в Бюро иммиграции проснувшихся ему сказали, что пробуждение Чжуан Янь и Сяся остается под запретом. Директор Бюро прямо сказал, что полномочия Отвернувшегося здесь бессильны. Ло Цзи связался с Хайнсом и Джонатаном. Эти двое хотя были

незнакомы с подробностями дела, но сообщили, что в закон об Отвернувшихся добавили статью, по которой ООН и Комиссия по делам Отвернувшихся могли принимать любые необходимые меры, чтобы Отвернувшегося ничто не отвлекало от дела. Даже через два столетия ООН продолжала использовать близких Ло Цзи в качестве заложников.

Ло Цзи потребовал, чтобы в поселке проснувшихся ничего не меняли, но обеспечили защиту от настырных посетителей. Приказ тщательно исполнили; журналистов и пилигримов держали на расстоянии. Вскоре в Новой Жизни-5 восстановился покой, будто ничего и не произошло.

Через два дня Ло Цзи участвовал в первых слушаниях обновленного проекта «Отвернувшиеся». Вместо путешествия в подземную штаб-квартиру ООН в Северной Америке он присутствовал по видеосвязи из своей незатейливой комнаты в Новой Жизни-5. Изображение зала заседаний подавали на простой телевизор, стоящий в комнате.

— Отвернувшийся Ло Цзи, мы понимаем, что вы разгневаны, — начал слушания председатель.

— Моя душа выгорела дотла. Она уже не способна гневаться, — ответил Ло Цзи, лениво развалившийся на диване.

Председатель кивнул:

— Вот и отлично. Но Комиссия полагает, что вам следует покинуть поселок. Он не годится для роли центра управления обороной Солнечной системы.

— Вы слышали о Сибайпо? Это поселок даже меньше моего, недалеко отсюда. Двести лет назад наши лидеры развернули оттуда одно из крупнейших наступлений в истории[51].

Председатель покачал головой:

— Вижу, вы ничуть не изменились. Хорошо. Комиссия уважает ваш выбор. Вам следует приступить к работе. Надеюсь, вы не станете утверждать, как раньше, что работаете всегда?

— Я не могу приступить к работе. Для нее больше нет подходящих условий. Вы способны взять под контроль звезду, чтобы передать мое заклинание во Вселенную?

Встал представитель Азиатского флота:

— Вы же знаете, что это невозможно. Капля непрерывно забивает Солнце радиошумом. Мы

---

[51] Примечания: 51

Коммунисты, оставившие Яньань в 1947 году под напором наступающих националистов, основали базу в поселке Сибайпо, расположенном в юго-западной провинции Хэбэй, у подножия гор Тайхан. Оттуда они руководили Ляошэньским, Хуайхайским и Пинцзиньским сражениями — решительным наступлением 1948–1949 годов, изгнавшим националистов из Северного Китая. (*Прим. Дж. М.)*

не ожидаем, что передача прекратится в ближайшие два-три года; а потом прибудут еще девять «капель».

— Тогда я не могу ничего сделать.

— Нет, Отвернувшийся Ло Цзи, — ответил председатель. — Есть еще одно важное дело, которое вы не выполнили. Вы не сообщили секрета своего заклинания Объединенным Нациям и ККФ. Каким образом вам удалось уничтожить звезду?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— А если раскрытый секрет — условие пробуждения вашей жены и дочери?

— И вы при всех говорите такие низости!

— Это секретные слушания. Кроме того, проект «Отвернувшиеся» не вписывается в современное общество. Возрождение проекта означает, что все решения Комиссии по проекту «Отвернувшиеся» при ООН остаются в силе. В соответствии с этими решениями Чжуан Янь и вашу дочь пробудят к битве Судного дня.

— Разве битва Судного дня уже не состоялась?

— Оба Конгресса так не считают, поскольку основной флот Трисоляриса еще не прибыл.

— Сохранение секрета заклинания — это мой долг как Отвернувшегося. В противном случае человечество потеряет последнюю надежду.

Впрочем, не исключено, что надеяться уже не на что.

В последовавшие за слушаниями дни Ло Цзи оставался дома и много и беспробудно пил. Иногда он выходил наружу, небритый и в помятой одежде, похожий на бродягу.

Следующие слушания проекта «Отвернувшиеся» Ло Цзи снова посетил по видеосвязи.

— Отвернувшийся Ло Цзи, нас беспокоит ваше состояние, — заявил председатель, увидев на экране неряшливую фигуру. Он повернул камеру в квартире туда-сюда, и собравшиеся увидели, что комната завалена пустыми бутылками.

— Вам следует приступить к работе — хотя бы ради вашего здоровья, — проговорил представитель Европейского содружества.

— Вы знаете, что для этого требуется.

— Пробуждение вашей жены и дочери, в общем, не проблема, — сказал председатель. — Мы не желаем использовать их для давления на вас. Мы знаем, что не можем влиять на вас. Но это решение предыдущей Комиссии, поэтому у нас возникли некоторые сложности с его обсуждением. Короче говоря, без некоторого условия не обойтись.

— Я не приму вашего условия.

— Нет, нет, доктор Ло. Условие уже не то.

Как только Ло Цзи услышал эти слова, его глаза загорелись и он выпрямился на диване.

— И как теперь звучит это условие?

— Очень просто. Проще даже быть не может. Сделайте *хоть что-нибудь*.

— Если я не могу отправить заклинание во Вселенную, я не могу ничего сделать.

— Вам придется что-нибудь придумать.

— Вы хотите сказать, пусть даже что-то несущественное?

— Лишь бы оно показалось важным населению. В глазах народа вы либо представитель сил космической справедливости, либо снизошедший с небес ангел правосудия. Можно воспользоваться любой из этих интерпретаций для стабилизации положения. Но если вы не станете ничего делать, то вскоре народ в вас разочаруется.

— Очень опасно стабилизировать ситуацию таким образом. Неизбежны многочисленные осложнения.

— Сейчас важнее всего успокоить людей. Через три года в Солнечную систему прилетят девять новых «капель». Нам надо подготовиться к их прибытию.

— Я не хочу попусту тратить ресурсы.

— В таком случае Комиссия даст вам задание. Такое, на которое не понадобятся ресурсы. Председатель ККФ объяснит. — Глава Комиссии указал рукой на председателя ККФ, участвующего в слушаниях по видео. Тот, очевидно, находился в космосе; по широкому окну позади председателя медленно ползли звезды.

— Наш прогноз даты прибытия девяти «капель» в Солнечную систему основывается на оценках скорости и ускорения, полученных при пересечении «каплями» последнего облака межзвездной пыли четыре года назад, — начал председатель ККФ. — Эти девять «капель» отличаются от той, что уже здесь. Их двигатели не излучают света. Они не излучают никаких электромагнитных волн, по которым их можно было бы запеленговать. Вероятно, они усовершенствовали сами себя, отметив, что земляне следили за первой Каплей. Обнаружить такие маленькие темные объекты в космосе невероятно сложно. Мы не знаем, где они и когда появятся в Солнечной системе. Мы даже не сможем засечь их прибытие.

— Чем же я-то могу вам помочь? — спросил Ло Цзи.

— Я надеюсь, что вы возглавите проект «Снег».

— Что это такое?

— С помощью звездно-водородных бомб и масляной пленки с Нептуна мы создадим на пути зондов множество облаков «пыли» и зарегистрируем прохождение «капель» сквозь них.

— Вы, очевидно, шутите. Вам же известно, что я не полный профан по части космоса.

— Вы когда-то были астрономом, значит, вы человек компетентный, и поэтому именно вы больше других подходите для руководства этим проектом.

— В прошлый раз облако «пыли» сработало потому, что приблизительную траекторию цели знали заранее. Но сейчас мы ничего не знаем! Если девять «капель» ускорятся или поменяют курс, они могут войти в Солнечную систему даже с другой стороны! Где вы собираетесь распылять облака?

— Везде.

— Вы хотите сказать, что намереваетесь окружить Солнечную систему шаром из «пыли»? В таком случае, это *вы* посланник богов.

— Шар не получится, но можно создать пылевое кольцо в плоскости эклиптики, между поясом астероидов и Юпитером.

— А если «капли» войдут не в плоскости эклиптики?

— С этим ничего не поделать. Но, с точки зрения орбитальной механики, если Капле требуется пройти мимо каждой планеты, то тогда вход в плоскости эклиптики наиболее вероятен. По такой траектории шла первая Капля. В этом случае следы зондов отпечатаются в пыли, и наши телескопы их увидят.

— И что вам это даст?

— Как минимум мы узнаем, что группа «капель» проникла в Солнечную систему. Они могут напасть на гражданские цели в космосе. Нам придется отозвать все корабли — по крайней мере те, которые могут пересечься с «каплями». Жителей космических поселений придется эвакуировать на Землю — они беззащитны.

— Есть и еще одна причина, более важная, — вступил в обсуждение председатель Комиссии. — Я говорю о расчете трасс для ухода космических кораблей в глубокий космос.

— Ухода в глубокий космос? Мы случайно не об эскапизме ли говорим?

— Если вы настаиваете на этом слове.

— Почему же не начать Исход прямо сейчас?

— Политическая обстановка не позволяет. Но как только группа «капель» войдет в Солнечную систему, международное сообщество может со-

гласиться на Исход в ограниченном масштабе. Конечно, это всего лишь предположение, и все же ООН и флоты обязаны быть наготове.

— Понимаю. Но проект «Снег» во мне не нуждается.

— Нуждается! Создание кольца «пыли» даже внутри орбиты Юпитера будет невероятно сложной работой. Потребуется разместить и взорвать почти десять тысяч звездно-водородных бомб, доставить более десяти миллионов тонн масляной пленки и создать огромную космическую флотилию. Ваше влияние и престиж потребуются, чтобы все это выполнить за три года. Предстоит организовать работы и координировать действия обоих Конгрессов.

— Если я соглашусь, когда вы их разбудите?

— Как только дадим старт проекту. Я же сказал, что это не вопрос.

* * *

Но проект «Снег» заглох, толком не начавшись.

Ни один из Конгрессов не был заинтересован в проекте. Население жаждало спасения, а не какого-то способа узнать о прибытии врага, чтобы вовремя удрать. Кроме того, стало известно, что это не план Отвернувшегося, а разработка

ООН и ККФ, использующих престиж Ло Цзи для своих целей. Если проект «Снег» развернется в полном масштабе, он обрушит космическую экономику и вызовет спад производства на Земле и во флотах. Вдобавок вопреки прогнозам ООН по мере подлета «капель» население стало чаще и яростнее отвергать идеи эскапизма. Конгрессы не собирались платить столь высокую цену за непопулярный проект. В результате работы по строительству флота для добычи масляной пленки на Нептуне и сборке дополнительных звездно-водородных бомб (после Великой пади их осталось не больше тысячи) шли ни шатко ни валко.

Однако сам Ло Цзи всецело посвятил себя проекту «Снег». Поначалу ООН и ККФ всего лишь хотели воспользоваться его популярностью, чтобы мобилизовать необходимые ресурсы. Но Ло Цзи интересовался каждой деталью, проводил бессонные ночи бок о бок с учеными и инженерами Технического комитета и предлагал свои собственные идеи. Например, он предложил оснастить каждую бомбу небольшим межзвездным ионным двигателем, чтобы бомбы могли немного перемещаться по орбите для точной настройки плотности «пыли» в том или ином

объеме. Важнее было то, что теперь водородные бомбы становились оружием нападения. Он назвал их «космическими минами» и утверждал, что, хоть звездно-водородные бомбы и неспособны повредить Каплю, их можно будет нацелить против кораблей Трисоляриса. Никто ведь не знал, изготовлены ли и корпуса кораблей из материала, укрепленного сильным ядерным взаимодействием. Ло Цзи лично вычислил орбиту каждой бомбы. С современной точки зрения, его предложения отдавали наивностью и устаревшими знаниями XXI века, но благодаря престижу и статусу Отвернувшегося большинство его предложений было принято.

Ло Цзи воспользовался проектом «Снег» как отдушиной. Он понимал, что хочет убежать от действительности. Проще всего оказалось погрузиться в работу с головой. Но чем больше он работал, тем больше мир в нем разочаровывался. Любой понимал, что Отвернувшийся взялся за этот маловажный проект лишь для того, чтобы поскорее встретиться с женой и дочкой. Мир ждал от него плана спасения — а он так и не появился. Ло Цзи неоднократно заявлял журналистам, что без использования звезды он ничего не может сделать.

Через полтора года проект «Снег» тихо скончался. К этому времени возле Нептуна собрали только полтора миллиона тонн масляной пленки. Даже с учетом шестисот тысяч тонн, ранее добытых для «Туманного зонтика», пленки не хватало. На орбите, в двух а. е. от Солнца, разместили 3614 звездно-водородных бомб, окруженных масляной пленкой. Это количество не достигало даже одной пятой от запланированного. Когда их взорвут, образуется только множество отдельных облаков «пыли», а не непрерывное кольцо, тем самым снижая их эффективность как средства предупреждения.

В эту эпоху надежда и разочарование быстро сменяли друг друга. Прождав в нетерпении полтора года, люди утратили веру в Отвернувшегося Ло Цзи и потеряли терпение.

На конференции Международного астрономического союза — того самого, который снискал мировую известность в 2006 году, лишив Плутон звания планеты, — значительное количество астрономов и астрофизиков сошлось во мнении, что взрыв 187J3X1 был случайностью. Поскольку Ло Цзи получил образование астронома, он, вероятно, обнаружил признаки неизбежной катастрофы. В этой теории зияли громадные дыры,

но все больше и больше людей верили в нее, ускоряя падение влияния Ло Цзи. В глазах населения его фигура превратилась из спасителя сначала в простого человека, а потом в лжеца. Закон ООН об Отвернувшихся продолжал действовать, и Ло Цзи сохранил статус Отвернувшегося, но власти у него уже не оставалось.

208-й год эры Кризиса. Расстояние между флотом Трисоляриса и Солнечной системой: 2,07 светового года.

В один промозглый осенний день заседание совета жильцов Новой Жизни-5 приняло решение изгнать Ло Цзи из поселка, поскольку он мешает размеренной жизни соседей. Работая над проектом «Снег», Ло Цзи часто уезжал на совещания, но б`ольшую часть времени проводил здесь и отсюда, из дома, поддерживал связь со многими отделами и сотрудниками проекта. Когда его влияние ослабло, ситуация ухудшилась. Время от времени возле его дома собирались толпы, выкрикивавшие ругательства и швырявшие камни в его окна. Это привлекало интерес репортеров, которых зачастую собиралось не меньше, чем демонстрантов. Но на самом деле Ло Цзи изгоняли потому, что его сограждане, проснувшиеся, как и

остальные люди, разочаровались в нем.

Когда к вечеру заседание окончилось, председательница поселкового комитета отправилась к Ло Цзи, чтобы сообщить ему о решении совета. Она несколько раз безрезультатно нажимала кнопку звонка, а потом толкнула незапертую дверь и чуть было не задохнулась от ужасной вони алкоголя, табачного дыма и пота. Она заметила, что стены оснастили городскими информационными панелями, на которых можно было вызвать окошко простым нажатием пальца. На панелях светилось множество изображений, большинство из них сложные наборы данных и графики. Самый большой экран показывал замершую в космосе сферу: звездно-водородную бомбу в оболочке из масляной пленки. Прозрачная обшивка, внутри которой находилась хорошо видимая бомба, напомнила директору о шариках, которыми в ее время любили играть дети. Бомба медленно вращалась. На одном из полюсов слегка выдавался ионный двигатель. На обшивке сферы отражалось крохотное солнце. Многочисленные светящиеся экраны превращали комнату в огромный аляповатый ящик. Хозяин погасил лампы, и единственным источником света служили экраны. Все мельтешило и сливалось перед

глазами, так что трудно было понять, где картинка, а где реальная вещь.

Когда глаза посетительницы приспособились к освещению, она увидела, что комната выглядит как берлога наркомана. По засыпанному окурками полу катались бутылки. Повсюду, как на свалке, валялись присыпанные пеплом охапки одежды. В конце концов она обнаружила Ло Цзи. Тот свернулся клубочком в углу — темный ком на фоне светящихся панелей, никому не нужный, как отброшенная в сторону засохшая ветвь. Она сначала подумала, что Отвернувшийся спит, но заметила, что тот не отрывает невидящего взгляда от груд мусора на полу. Глаза его покраснели и вспухли, лицо осунулось, тело исхудало — похоже, он не мог даже самостоятельно встать. Заслышав шаги директора, он поприветствовал ее, медленно повернулся и кивнул, дав понять, что еще жив. Но он тонул в океане боли, два столетия копившейся в его душе.

Председательница не проявила ни малейшего снисхождения к человеку, выжатому до последней капли. Как и многие проснувшиеся, она верила, что, каким бы темным ни казался мир, где-то на небесах есть высшее правосудие. Ло Цзи сначала подтвердил эту веру, а потом жестоко

растоптал. Разочарование в Отвернувшемся перешло в стыд, а затем в ярость. Она холодно объявила решение собрания.

Ло Цзи снова кивнул, а затем воспаленным горлом прохрипел:

— Я уеду завтра. Мне пора. Если я сделал что-то не так, прошу прощения.

Председательница лишь через два дня узнала, что означали его последние слова.

Ло Цзи фактически собирался уйти из поселка этим же вечером. Проводив председательницу взглядом, он неуверенно поднялся на ноги и поплелся в спальню за дорожной сумкой, в которую уже начал складывать вещи. Среди них была небольшая лопата с короткой ручкой — он нашел ее в подсобном помещении. Треугольная ручка лопаты торчала из сумки. Затем он поднял с пола замусоленный пиджак, надел его и вышел из квартиры. За его спиной продолжали мерцать информационные панели.

Коридор был пуст, но на лестничной площадке он встретил подростка, по-видимому, возвращавшегося из школы. Тот хмуро уставился на выходящего из здания Отвернувшегося. Оказавшись снаружи, Ло Цзи понял, что идет дождь, но возвращаться за зонтиком не хотелось.

Он не пошел к своей машине, чтобы не привлекать особого внимания охранников. Вместо этого он зашагал по улице и вскоре, никого не встретив, оставил поселок позади. Ло Цзи прошел сквозь окружавшую Новую Жизнь-5 лесополосу и выбрался в пустыню. Моросящий дождь казался парой прохладных рук, нежно ласкающих его лицо. Сумеречный туман, застлавший небо и землю, напоминал ему о белизне традиционной китайской живописи. Ло Цзи вообразил себя среди этого пустого пространства, как на той картине, которую оставила ему Чжуан Янь.

Он дошел до автотрассы и через несколько минут остановил попутную машину. Его тепло поприветствовала семья из трех человек — проснувшиеся, едущие в старый город. Молодая мать и маленький мальчик вдвоем втиснулись в кресло рядом с отцом-водителем; между ними шел негромкий разговор. Порой мальчик утыкался головой в грудь матери, и тогда все трое весело смеялись. Ло Цзи любовался очаровательной картиной, но их беседу заглушала музыка XX века, льющаяся из динамиков. Он слушал песни одну за другой. После «Катюши» и «Калинки» ему страстно захотелось услышать «Тонкую рябину». Двести лет назад он пел ее девушке своей мечты,

забравшись на поселковую сцену — а позже вместе с Чжуан Янь в саду Эдема, на берегу озера, в котором отражались заснеженные горы.

А потом фары встречного автомобиля осветили заднее сиденье в тот самый момент, когда мальчик невзначай оглянулся. Тогда он обернулся полностью, уставился на Ло Цзи и воскликнул:

— Эй, посмотрите, он похож на Отвернувшегося!

Родители мальца начали присматриваться к попутчику, и Ло Цзи признался, что он и есть Отвернувшийся.

И в ту же секунду зазвучала мелодия «Тонкой рябины».

Машина остановилась.

— Вылезайте! — бесстрастно произнес глава семейства. Мать с сыном наблюдали за ним взглядами такими же холодными, как моросящий за окном осенний дождь.

Ло Цзи не шевельнулся. Он хотел дослушать песню до конца.

— Пожалуйста, выйдите из машины, — повторил водитель. В его глазах читалось: «Вы не способны спасти мир, и это не ваша вина; но дать планете надежду, а потом ее разрушить — непростительный грех».

Ло Цзи был вынужден покинуть автомобиль. Вслед ему выкинули его дорожную сумку. Отвернувшийся дернулся было побежать за машиной, чтобы услышать хоть еще несколько тактов «Тонкой рябины», но успел лишь сделать несколько шагов, прежде чем песня угасла в сыром ночном сумраке.

Он теперь стоял недалеко от старого города. Вдали темнели дряхлые высотки. Редкие огоньки их жилых квартир казались глазами, уставшими от одиночества. Ло Цзи набрел на автобусную остановку и почти час сидел на скамейке, прячась от дождя, пока наконец не подъехал автоматический автобус, идущий в нужном направлении. В автобусе почти не было пассажиров — лишь шесть или семь человек, по виду местные проснувшиеся. Они сидели, молча уставившись в темноту за окнами. Где-то через час кто-то узнал Отвернувшегося, и пассажиры в один голос потребовали, чтобы он вышел. Ло Цзи пытался объяснить, что он уплатил за проезд и имеет право остаться, но один седой старик достал из кармана пару монет — редкость в эти дни — и швырнул в Отвернувшегося. Пришлось сойти.

Когда автобус уже тронулся, кто-то высунулся

из окна и спросил:

— Отвернувшийся, зачем тебе лопата?

— Чтобы выкопать себе могилу, — ответил Ло Цзи. Пассажиры автобуса рассмеялись.

Никто не догадывался, что он сказал правду.

Дождь и не думал прекращаться. На попутные автомобили надеяться не приходилось, но, к счастью, Ло Цзи уже приближался к конечной точке своего маршрута. Он закинул сумку за спину и зашагал вперед, а через полчаса свернул с асфальтированной дороги на тропинку. Здесь, вдали от уличных фонарей, было очень темно. Отвернувшийся выудил из сумки фонарик и стал освещать себе путь. Вскоре идти стало труднее; в промокших ботинках хлюпала вода. То и дело он поскальзывался и падал в грязь; наконец, достал лопату, чтобы опираться на нее, как на посох. Впереди не было ничего, кроме тумана и дождя, но Ло Цзи знал, что движется в нужную сторону.

Через час ходьбы под дождем он пришел к кладбищу. Половина захоронений скрылась под песком, но другая, на возвышенности, уцелела. Подсвечивая фонариком, он ходил между рядами могил и читал надписи на небольших памятниках. На крупные он не обращал внимания. Мокрые от дождя камни мерцали в лучах фонаря,

будто подмигивающие глаза. Ло Цзи отметил, что все захоронения относятся к концу XX века и началу XXI. Лежащим здесь людям повезло — они полагали, что их мир будет существовать всегда.

Он не слишком надеялся найти нужное место, но так получилось, что он наткнулся на него довольно быстро. К удивлению Отвернувшегося, он узнал его по прошествии двух веков, даже не глядя на надпись. Время не оставило следа на надгробии — а может быть, такое впечатление возникало под дождем. Казалось, что слова «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ЯН ДУН» выгравировали не далее как вчера. Могила Е Вэньцзе находилась рядом с могилой ее дочери, и над ней возвышался такой же камень — лишь с другим именем. На памятнике Е Вэньцзе были указаны только имя и даты рождения и смерти, что напомнило Ло Цзи о маленькой табличке на развалинах базы «Красный Берег», мемориале давних событий. Оба надгробия молча стояли под дождем перед Ло Цзи, будто ожидали его прихода.

Усталый, он присел рядом с могилой Е Вэньцзе, но скоро холод и сырость пробрали его до костей. Ухватившись за лопату, он поднялся на ноги и принялся копать себе могилу рядом с захоронениями матери и дочери.

Промокшая почва легко поддавалась; но чуть глубже грунт оказался твердым, перемешанным с гравием. Ло Цзи подумалось, что он вгрызается в гору. Он ощутил силу и бессилие времени: возможно, за два столетия землю покрыл лишь тонкий слой песка, но понадобилась целая геологическая эра, задолго до появления человека, чтобы создать холм, на котором теперь располагалось кладбище. Ло Цзи продолжал копать изо всех сил, часто останавливаясь, чтобы передохнуть, и время летело незаметно.

Дождь кончился вскоре после полуночи, облака рассеялись, и проглянуло звездное небо. Таких ярких звезд Ло Цзи ни разу не видел с тех пор, как проснулся в этой эпохе. Тем вечером 210 лет назад он и Е Вэньцзе стояли и смотрели на эти же звезды.

А теперь он только это и видел: звезды да надгробные камни — два величайших символа вечности.

Наконец Ло Цзи выбился из сил и больше не мог копать. Он осмотрел вырытое углубление: оно было мелковато для могилы, но сойдет и такое. Он всего лишь намеревался подать знак остающимся, что хотел быть похороненным в этом месте. На самом деле его тело, скорее всего,

отвезут в крематорий, сожгут, а пепел попросту выбросят. Но это не имело значения. Весьма вероятно, что вскоре после смерти его останки заполыхают вместе со всем миром в пламени куда более грандиозного пожара и распадутся на атомы.

Прислонившись к надгробию Е Вэньцзе, он забылся сном. Наверное, сказалось переохлаждение, но Ло Цзи опять приснилось заснеженное поле. На нем стояла Чжуан Янь и держала на руках Сяся. Шарф жены алел, будто язык пламени. И она, и дочь беззвучно взывали к нему. Он в отчаянии кричал им, чтобы они бежали прочь — Капля ударит прямо здесь, — но ни единый звук не мог вырваться из его горла. Он ощущал, что весь мир онемел и погрузился в тишину. И все же, по-видимому, Чжуан Янь поняла его и направилась вместе с дочерью прочь, оставляя за собой цепочку следов в снегу, подобных прозрачным мазкам туши на традиционной китайской картине. Снег в этой картине был пустым, чистым листом; лишь малейшие прикосновения кисти выдавали существование земли и мира. Грядущая катастрофа поглотит все; но к Капле эта катастрофа отношения не имеет...

И снова сердце Ло Цзи рвалось от боли, и снова

он пытался уцепиться за воздух, но на белом листе заснеженного поля оставалась лишь далекая, крохотная точка Чжуан Янь. Ло Цзи огляделся, пытаясь найти еще что-то реальное в этом пустом мире — и нашел: два надгробия, застывшие бок о бок посреди снега. Сначала они резко выделялись на белом фоне, а потом стали меняться. Они превратились в такие же зеркала, как Капля, и надписи на них исчезли. Он нагнулся к одному из них, чтобы посмотреть на свое отражение, но понял, что это не зеркало — в отражении снежной равнины не было фигуры Чжуан Янь, лишь едва заметные следы. Он оглянулся и увидел, что поле превратилось в бесконечное море белого — следы исчезли. Ло Цзи снова повернулся к зеркалу; теперь оно отражало белизну и стало практически невидимым. Но его руки по-прежнему касались холодной, гладкой поверхности...

Он проснулся на рассвете. В первых лучах зари надгробные памятники показались лежащему на земле Ло Цзи доисторическим Стоунхенджем. Он пылал в лихорадочном жару и одновременно стучал зубами от озноба. Его тело стало фитилем в выгоревшей досуха лампе — и теперь этот фитиль сжигал сам себя. Он знал, что время пришло.

Ло Цзи попробовал встать, опираясь на над-

гробие Е Вэньцзе, но заметил крохотную движущуюся черную точку. В это время года редко встретишь муравья, но это был он, взбирающийся на камень. Как и его предшественника два века назад, муравья привлекла надпись, и он углубился в изучение таинственных пересекающихся канавок. Пока Отвернувшийся следил за насекомым, душу его терзал последний приступ боли — на этот раз боли за всю жизнь на Земле.

— Если я что-то сделал не так, прошу прощения, — сказал он муравью.

Ло Цзи с усилием поднялся на ноги, трясясь от слабости. Пришлось облокотиться на памятник. Другой рукой он оправил промокшую, заляпанную грязью одежду, пригладил волосы и достал из кармана заряженный пистолет.

А затем повернулся на восток, к полоске зари, и начал последнюю битву между цивилизациями Земли и Трисоляриса.

* * *

— Я обращаюсь к Трисолярису, — негромко проговорил Ло Цзи. Он подумал, не повторить ли свои слова, но знал, что его и так услышали.

Ничего не изменилось. Памятники стояли недвижимо в тишине утра. В лужах, как в бес-

численных зеркальцах, отражалось светлеющее небо. Казалось, что планета Земля — это зеркальная сфера, а почва и весь мир на ней — лишь тонкий слой сверху. Потоки дождя кое-где смыли почву и обнажили зеркальную основу.

Этот мир еще не проснулся; он еще не знал, что был теперь фишкой, выложенной на космический игральный стол.

Ло Цзи поднял левую руку. Его запястье охватывал предмет размером с наручные часы.

— Этот датчик следит за состоянием моего здоровья и передает информацию в систему «колыбель». Вы помните Отвернувшегося Рей Диаса; двести лет назад он использовал подобную систему. Сигнал с моего наручного датчика проходит по каналам связи проекта «Снег» и достигает 3614 бомб, размещенных на орбите вокруг Солнца. Чтобы предотвратить детонацию бомб, датчик посылает один пакет данных в секунду. Если я умру, поток сигналов прекратится и все бомбы взорвутся. На орбите возникнут 3614 облаков «пыли». Они окружат Солнце кольцом. Если смотреть с большого расстояния, видимый свет Солнца и другие участки его спектра излучения начнут мерцать. Положение каждой бомбы на орбите подобрано таким образом, чтобы создать

сигнал, в котором закодированы три простые звездные карты — я посылал подобные в космос два столетия назад. На каждой карте показаны тридцать звезд, одна из них отмечена особо. Все три карты указывают на звезду в трехмерной системе координат. Но, в отличие от предыдущего послания, этой звездой является Трисолярис, окруженный 29 соседями. Наше Солнце станет галактическим маяком, передающим мое заклинание. Разумеется, позиция Солнца и Земли также будет раскрыта. Потребуется больше года, чтобы принять полное сообщение в любой точке Галактики, но наверняка найдется парочка развитых цивилизаций, которые видят Солнце с разных направлений одновременно. Тогда им понадобится всего лишь несколько дней, а может быть, несколько часов, чтобы собрать все части послания.

Небо светлело, а звезды гасли, будто многочисленные глаза, закрывающиеся один за другим. На востоке разгорался другой глаз, единственный, но огромный. Муравей продолжал карабкаться по памятнику и сейчас исследовал лабиринт, которым для него стало вырезанное в камне имя Е Вэньцзе. Муравьи прожили на Земле сто миллионов лет, прежде чем родился игрок, опи-

рающийся сейчас на памятник. Насекомое не интересовалось происходящим, но сделанная ставка затрагивала и его.

Ло Цзи убрал руку с надгробия и подошел к выкопанной для себя яме. Он приставил дуло пистолета к сердцу и произнес:

— А теперь я остановлю свое сердце — и таким образом совершу самое ужасное преступление в истории наших двух миров. Приношу за него свои глубокие извинения обеим цивилизациям, но не сожалею — другого выхода нет. Я знаю, что здесь присутствуют софоны, но вы всегда игнорировали мольбы человечества. Молчание — наивысшая форма презрения, и мы мирились с ним два века. Продолжайте молчать, если хотите. Я даю вам тридцать секунд.

Он отсчитывал время по своему пульсу — два удара в секунду, настолько быстро колотилось его сердце. Волнуясь, он ошибся в подсчете и начал снова. Он не был уверен, сколько прошло времени, прежде чем появились софоны. Скорее всего, на это потребовалось не больше десятка секунд — но в его сознании прошла вечность.

Мир перед Отвернувшимся раскололся на четыре части. Одна из них — окружавшая его реальность, а другие — искаженные отражения в

появившихся над головой трех сферах. Он видел их зеркальную поверхность этой ночью во сне, когда они предстали ему в виде памятников. Ло Цзи не знал, в каком измерении развернулись эти софоны, но сферы закрыли половину неба, затмив собой всходящее на востоке солнце. В отражении западной части неба мерцали несколько оставшихся звезд, а в нижней части софонов карикатурно отражались кладбище и сам Отвернувшийся.

Больше всего Ло Цзи хотел понять, почему софонов три. Сначала он подумал, что они символизируют Трисолярис, словно та скульптура, которую Е Вэньцзе увидела на последнем собрании членов ОЗТ. Но, вглядевшись в отражение — необычно четкую, пусть и искаженную, картину реальности, — он предположил, что это порталы, ведущие в три параллельных мира, а это означало выбор одного из трех вариантов.

Но сами софоны положили конец его рассуждениям: на всех трех сферах высветилось одно и то же слово:

Остановись!

— Вы готовы выслушать условия? — спросил Ло Цзи у трех сфер.

Сначала опусти оружие, а потом мы погово-

рим.

Ответ, написанный ярко-красным, пылающим шрифтом, возник на всех сферах одновременно. Ло Цзи не заметил никаких искажений в строчках текста — они были ровными, и казалось, что надпись существует одновременно и на поверхности сферы, и в ее глубине. Он напомнил себе, что смотрит на трехмерную проекцию пространства высшей размерности.

— Здесь вам не торги. Это ультиматум. Есть условия, на которых я останусь жить. Все, что я хочу знать, — принимаете вы их или нет.

Изложи свои условия.

— Капля, то есть зонд, прекращает передачу радиосигналов на Солнце.

Требование выполнено.

Ответ сфер пришел неожиданно быстро. Ло Цзи не мог удостовериться в его правдивости, но он ощутил слабую перемену, будто исчез какой-то фоновый шум, к которому он уже привык. Конечно, скорее всего, ему это просто показалось, ведь люди не ощущают электромагнитного излучения.

— Девять «капель», направляющихся к Солнечной системе, немедленно меняют курс и летят в сторону от нас.

На этот раз ответ сфер на мгновение задержался.

Требование выполнено.

— Дайте человечеству возможность убедиться в этом.

Девять зондов станут испускать свет. Ваш телескоп Ринье-Фицроя способен его обнаружить.

Ло Цзи не мог убедиться в выполнении и этого требования, но поверил Трисолярису.

— Последнее условие: флот Трисоляриса не войдет в облако Оорта.

Флот снижает скорость, двигатели работают на полную мощность. Ему не удастся достичь нулевой по отношению к Солнцу скорости, прежде чем он войдет в облако Оорта.

— В таком случае сделайте то же, что с группой «капель» — измените их курс в сторону от Солнечной системы.

Смена курса означает смерть. Флот пролетит мимо Солнечной системы и направится в глубокий космос. Ресурса систем жизнеобеспечения не хватит ни на возвращение к Трисолярису, ни на поиск другой подходящей звездной системы.

— Не факт, что они погибнут. Может быть, корабли Земли или Трисоляриса смогут их догнать и спасти.

Потребуется приказ Правителя Трисоляриса.

— Если смена курса займет время, приступайте немедленно. И я, и другие живущие получат шанс на спасение.

Молчание длилось три минуты, а затем пришел ответ:

Через десять земных минут флот приступит к смене курса. Через два года ваши системы слежения за космическим пространством смогут в этом убедиться.

— Хорошо, — сказал Ло Цзи и отвел пистолет от груди. Другой рукой он опирался на надгробие, опасаясь упасть. — Вы знали, что Вселенная — это темный лес?

Да. Мы давно это знали. Нас удивляет, что ты догадался так поздно... Нас беспокоит состояние твоего здоровья. Не сработает ли датчик «колыбели»?

— Нет. Это очень сложное устройство по сравнению с часами Рей Диаса. Сигнал не прекратится, пока я жив.

Тебе следует присесть. Это улучшит твое состояние.

— Спасибо, — ответил Ло Цзи, сев и прислонившись к надгробному камню. — Не волнуйтесь, я не умру.

Мы установили контакт с руководством обоих Конгрессов. Следует ли нам вызвать тебе «скорую помощь»?

Ло Цзи улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Я не Спаситель. Я хочу уйти отсюда как самый обычный человек и отправиться домой. Немного отдохну и пойду.

Две сферы из трех исчезли. Текст на оставшейся уже не пылал, а выглядел бледно и уныло.

Все-таки нас подвела стратегия.

Ло Цзи кивнул:

— Это ведь не мне пришло в голову применить облака пыли для модуляции излучения, чтобы отправить межзвездное послание. Это придумали астрономы XX века. Собственно, у вас было множество шансов догадаться, чем я занимаюсь. Например, работая над проектом «Снег», я всегда беспокоился о точном расположении бомб на орбите.

Ты провел два месяца в зале управления, лично управляя ионными двигателями и выводя бомбы к нужным тебе координатам. Тогда нас это не интересовало — мы полагали, что ты нашел себе бесполезную работу, лишь бы было чем заняться. Нам даже в голову не приходило, что в реальности означают расстояния между бомбами.

— У вас был и другой шанс, когда я советовался с физиками насчет разворачивания софонов в космическом пространстве. Если бы ОЗТ существовала, они бы сразу догадались.

Верно. Мы совершили ошибку, прервав с ними связь.

— Был и еще один шанс — когда я потребовал, чтобы для проекта «Снег» создали такую необычную систему, как «колыбель».

Это напомнило нам о Рей Диасе, но мы не стали над этим задумываться. Двести лет назад Рей Диас не представлял для нас опасности, точно так же, как и двое других Отвернувшихся. Мы перенесли выработанное к ним презрение и на тебя.

— Презирать их несправедливо. Они были отличными стратегами. Они не сомневались, что человечество проиграет битву Судного дня.

Возможно, нам следует приступить к переговорам.

— А это уже не мое дело, — ответил Ло Цзи и глубоко вздохнул. Он ощущал себя отдохнувшим и воспрянувшим духом, будто заново родился.

Это так, ты выполнил свою задачу Отвернувшегося. Но наверняка у тебя есть кое-какие предположения относительно условий.

— Несомненно, переговорщики человечества первым делом предложат, чтобы вы помогли нам построить более надежную систему связи, потому что мы должны иметь возможность в любое время послать заклинание в космос. Капля прекратила «глушить» Солнце, но радиосвязь слишком примитивна.

Мы можем помочь в строительстве нейтринного передатчика.

— Насколько я понимаю, их больше заинтересует связь на основе гравитационных волн. К моменту прибытия софонов земная физика достигла значительных успехов в этом направлении. Разумеется, людям нужна технология, которую они могут понять.

Гравитационные антенны очень большие.

— Вот об этом и поговорите. Странно, я не ощущаю себя представителем человеческой расы. Мне больше всего хочется поскорее покончить со всем этим делом.

Они потребуют прекратить блокировать земную физику софонами и захотят всевозможной научной и технической информации.

— Это важно и для вас самих. Технология на Трисолярисе развивается медленно, с постоянной скоростью. Прошло два столетия, а вы так и не

выслали вслед своему флоту новый, движущийся быстрее. Если вы хотите спасти свой флот, теперь летящий в никуда, вам придется обеспечить будущему человечеству беспрепятственное развитие.

Мне пора. Ты уверен, что доберешься самостоятельно? От твоего выживания зависит будущее двух цивилизаций.

— Я в порядке. Уже чувствую себя лучше. Как только вернусь, передам «колыбель» другим и буду свободен от всего этого. Наконец, я хочу вам сказать «спасибо».

За что?

— За то, что позволили мне жить. Или, если посмотреть на это иначе, вы позволили жить нам обоим.

Сфера исчезла, вернувшись в свое микроскопическое одиннадцатимерное состояние. На востоке показался краешек солнца, заливший золотым светом мир, избежавший уничтожения.

Ло Цзи медленно поднялся на ноги. Окинув напоследок взглядом памятники Е Вэньцзе и Ян Дун, он заковылял по тропинке обратно.

Муравей добрался до вершины надгробия и гордо зашевелил усиками, приветствуя восходящее солнце. Из всех живых существ на Земле он был единственным свидетелем происшедшего.

Пять лет спустя

Ло Цзи и его семья уже увидели антенну гравитационно-волновой связи, но ехать до нее оставалось еще не меньше получаса. Только оказавшись на месте, они осознали, насколько она велика. Горизонтальный цилиндр диаметром пятьдесят метров и длиной полтора километра завис в двух метрах над землей. Гладкая, словно зеркало, поверхность антенны отражала небо сверху и равнину Северного Китая снизу. Антенна кое о чем напоминала людям: о гигантских маятниках мира «Трех тел», о развернутых в нижних измерениях софонах и о Капле. Зеркальный объект воплощал в себе трисолярианскую концепцию, над постижением которой человечество старательно трудилось. Как сказал один мудрец с Трисоляриса, «единственной дорогой в будущее является сокрытие нашего существования путем отражения Вселенной».

Вокруг антенны расстилались широкие зеленые луга — небольшой оазис в пустыне Северного Китая. Луга не засеивали специально. Как только строительство антенны завершилось, антенна стала излучать непрерывные, немодулированные волны, неотличимые от тех, что возникают

в сверхновых и нейтронных звездах или черных дырах. Высокая мощность излучения привела к неожиданному эффекту: над антенной стал скапливаться водяной пар, поэтому здесь часто шли дожди. Иногда дождь выпадал только в радиусе трех-четырех километров, и над антенной висело небольшое круглое облако, похожее на летающую тарелку — а вокруг, за пеленой дождя, расстилалось чистое небо. Поэтому здесь так хорошо росла трава. Но сегодня семье Ло Цзи не довелось полюбоваться этим зрелищем. Над антенной парили лишь легкие белые облачка, которые то и дело сдувало ветром из лепестка излучения. На их месте постоянно возникали новые, будто круглый кусочек неба стал червоточиной в какую-то другую вселенную, где живут облака. Сяся сравнила их с клочковатыми седыми космами старого великана.

Дочь бежала по траве, а Ло Цзи и Чжуан Янь следовали за ней до самой антенны. Первые два гравитационных передатчика построили в Европе и Северной Америке; их антенны при помощи магнитной левитации парили в нескольких сантиметрах от фундамента. Но эту антенну держала в воздухе антигравитация; при желании ее можно было поднять в космос. Все трое стояли

на траве под антенной и глядели вверх на гигантский цилиндр, изгибающийся над головой. Большой радиус зеркала на практике означал, что отражение почти ничего не искажало. Заходящее солнце осветило пространство под антенной, и Ло Цзи увидел в зеркале, как длинные волосы Чжуан Янь и ее белое платье трепещут в золотых лучах. Она была словно ангел, взирающий с неба на землю.

Он поднял дочку поближе к антенне; девочка изо всех сил прижала ладонь к гладкой поверхности.

— Я смогу ее повернуть?

— Если будешь долго стараться, — ответила Чжуан Янь. Затем, улыбнувшись, посмотрела на Ло Цзи: — Верно?

Он кивнул:

— Если очень долго стараться, можно повернуть Землю.

Как бывало много раз раньше, их взгляды пересеклись и сплелись — точно так же, как два столетия назад они смотрели друг на друга перед улыбкой Моны Лизы. Выдуманный Чжуан Янь язык взглядов стал реальностью. А быть может, влюбленным этот язык был ведом во все времена. Ло Цзи и Чжуан Янь смотрели друг на друга,

и из их глаз изливалась река чувств и мыслей, такая же непрерывная, бесконечная, как поток облаков, выплывающих из гравитационного колодца над антенной. Но этот язык не принадлежал сему миру. Он создавал свой собственный; и лишь в этом розовом мире слова языка взглядов обретали свой особый, глубинный смысл и ясную определенность. Любое существо в этом мире становилось божеством; каждый мог сосчитать все песчинки в пустыне и сплести хрустальное ожерелье из звезд, чтобы украсить им шею возлюбленного...

Так выглядит любовь?

Эта строка возникла на неожиданно появившейся рядом с ними зеркальной сфере развернувшегося софона. Казалось, будто где-то наверху цилиндр антенны расплавился и одна из блестящих капель упала вниз. Среди трисоляриан у Ло Цзи было мало знакомых. Он не представлял, кто решил с ним поговорить и где тот находится — на Трисолярисе или на корабле флота, летящего прочь от Солнечной системы.

— Вполне возможно, — улыбнувшись, кивнул Ло Цзи.

Доктор Ло, я хочу выразить протест.

— Что?

Вчера вечером ты выступал с речью. Ты сказал следующее: человечество поздно догадалось о темном лесе Вселенной не потому, что оно находится на начальной стадии культурной эволюции и не в состоянии постичь природу Вселенной, а потому, что у человечества есть любовь.

— А разве это не так?

Это так, пусть даже слово «любовь» не имеет точного научного определения. Ошибка заключалась в твоей следующей фразе. Ты сказал, что люди — единственная раса во Вселенной, способная любить, и что это убеждение поддерживало тебя в самые тяжелые времена.

— Мало ли что я говорил... Это всего лишь официальная речь, пустые слова...

Я знаю, что любовь известна на Трисолярисе. Но как только она зародилась, ее подавили — она не способствовала выживанию нашей цивилизации. Но ростки любви очень живучи, и некоторые из нас хорошо с ней знакомы.

— Позвольте спросить, кто вы?

Мы никогда не встречались. Я Слушатель, передавший предупреждение на Землю два с половиной века назад.

— Боже мой, и вы еще живы? — воскликнула Чжуан Янь.

Мне уже недолго осталось. Меня много лет хранили в дегидрированном состоянии, но даже обезвоженное тело стареет. Тем не менее я счастлив, что собственными глазами увидел то будущее, к которому стремился.

— Примите наше глубочайшее уважение, — ответил Ло Цзи.

Я хотел бы обсудить с тобой одну теорию: не исключено, что семена любви встречаются и в других уголках Вселенной. Нам следовало бы помочь им взойти и вырасти.

— Ради такого стоит рискнуть!

Да, стоит.

— Мне порой снится, что однажды яркий солнечный свет озарит сумрак леса.

Солнце уже почти зашло. Из-за гор на горизонте выглядывал лишь край его диска. Создавалось впечатление, что гору украсили блестящим драгоценным камнем. Резвящаяся на траве девочка купалась в золотистых лучах заката.

Солнце скоро зайдет. Твое дитя не боится?

— Разумеется, она не боится. Она ведь знает, что завтра солнце взойдет снова.